

Министерство культуры Российской Федерации

**Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва**

ЖИВОЕ НАСЛЕДИЕ ПАМЯТИ

Коллективная монография

Москва
2020

УДК 930.85
ББК 63.3(2)
Ж67

Рецензенты:

А. В. Огороков, доктор исторических наук,
заместитель директора по научной работе
Российского научно-исследовательского института культурного
и природного наследия имени Д. С. Лихачёва;
Ю. В. Китов, доктор философских наук, профессор, заведующий
кафедрой культурологии
Московского государственного института культуры.

Научный редактор: Д. Я. Романова
Ответственный редактор: Ю. А. Закунов

Издается по решению ученого совета
Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва

Живое наследие памяти : коллективная монография / науч. ред.
Ж67 Д. Я. Романова, отв. ред. Ю. А. Закунов. — М. : Институт Наследия, 2020. —
698 с. : ил. — DOI 10.34685/НИ.2019.64.16.008.

ISBN 978-5-86443-308-9

В коллективной монографии представлены исследовательские работы участников просветительского проекта «Живое наследие памяти» и Всероссийской научной конференции «Ценности и образы русского купечества и дворянства конца XIX–XX вв. как историко-культурное наследие России: проблемы актуализации», прошедшей в 2018 году в Институте Наследия.

В статьях предпринят анализ и интерпретация недооцененного культурного массива, связанного с ценностями, личными образами и материальными объектами историко-культурного наследия представителей разных сословий дореволюционной России, память о которых хранится потомками замечательных династий и нашими современниками, дорожащими историей своих предков.

Книга адресована специалистам-гуманитариям, широкому кругу читателей, интересующихся проблемами истории России и генеалогии, вопросами семейного и родового наследия, воспитания и образования.

УДК 930.85
ББК 63.3(2)

© Коллектив авторов, 2020
© Российский научно-исследовательский
институт культурного и природного
наследия имени Д. С. Лихачёва, 2020

ISBN 978-5-86443-308-9

Содержание

<i>Введение</i>	6
<i>Абрикосов Д. П.</i> Русское купечество от Николая I до Николая II: эпоха великих свершений, на примере семьи Абрикосовых	9
<i>Давутов Е. В.</i> Духовное наследие российского дворянства и купечества на примере представителей двух родов	32
<i>Доможирова Е. Л.</i> Династия серебряников Чумаковых Сергиева Посада	39
<i>Закунов Ю. А.</i> Рукавишниковы: образы памяти из тени забвения	51
<i>Зимин С. Л.</i> Купеческо-дворянская семья Толоконниковых- Рябушинских в служении Отечеству	75
<i>Игнатова Т. В.</i> Фонд Егора Егоровича Егорова как уникальная коллекция фактов из истории Преображенского богаделенного дома	108
<i>Кириянова О. Г.</i> «Жил честно, целый век трудился»: ржевский род купцов Сафроновых	124
<i>Конев В. Д.</i> От XIV века до наших дней. Страницы из родословной Поливановых-Норовых	133
<i>Кортович А. В.</i> Образ русского помещика на примере елецкой купеческой семьи Петровых	160

<i>Краснободцева О. Л.</i>	
Вклад рода фон Дервиз в культуру и науку Отечества	182
<i>Кузьмина Т. А.</i>	
«Не Проклятый род» (из истории нижегородской купеческой династии Рукавишниковых)	202
<i>Кузьмина Т. А.</i>	
«Бог сохраняет всё». Наследие нижегородских дворян Шереметевых в собрании Нижегородского государственного историко-архитектурного музея-заповедника	280
<i>Фон Мекк Д. А.</i>	
Культурно-историческое наследие династии фон Мекк	320
<i>Миренкова З. Г.</i>	
Род Калединых	332
<i>Муромцева М. А.</i>	
Дворяне Муромцевы в русской истории	373
<i>Понедельникова Н. Г.</i>	
Сельская дворянская усадьба Молоствовых как часть истории и культуры страны	405
<i>Прянишников Н. Е.</i>	
Стратегия рода: Оловянишниковы	417
<i>Путин А. М.</i>	
К пятилетию проекта «Живое наследие памяти». Неизвестное наследие	441
<i>Ревякин В. Н.</i>	
Дворянский род Стромилых — наследие сквозь века	462
<i>Редкий Л. Ю.</i>	
Духовное наследие предпринимателей дореволюционной России — есть ли на него запрос в современном обществе?	478
<i>Романова Д. Я.</i>	
Актуализация ценностей и образов сословий России	482

<i>Сергиевская А. П.</i>	
Мукомолы и благотворители Башкировы	491
<i>Скульская Л. В.</i>	
Историко-культурное наследие рода Скульских	509
<i>Татошкина Т. Ю.</i>	
Залогиньы	526
<i>Тверитинов А. Д.</i>	
Тверитиновы. Традиции самоотверженного служения Отечеству	566
<i>Уборский А. В.</i>	
Живое наследие памяти (по материалам семейного архива)	599
<i>Царева С. М.</i>	
Итальянские скульпторы Кампиони в Москве в конце XVIII и в XIX веке	614
<i>Щербачев О. В.</i>	
Щербачевы	645
<i>Сведения об авторах</i>	695

Предлагаемая коллективная монография — итог работы, имеющей не только научную, но прежде всего образовательно-воспитательную и просветительскую ценность. Образы представителей разных сословий исторической России, являясь нашим общенациональным достоянием, акцентированы в сфере семейно-родового культурного наследия. Авторы статей не сторонние исследователи, но живые носители семейной памяти, потомки тех замечательных родов, которые создавали отечественную культуру, осваивали великие пространства, строили государство. Это и специалисты по культурному наследию, музейные работники, а также люди с активной гражданской позицией, являющие достойный пример защитников исторической памяти нашего Отечества.

В монографии представлены исследования участников просветительского проекта «Живое наследие памяти», пятилетний юбилей которого был отмечен в 2019 году, а также Всероссийской научной конференции «Ценности и образы русского купечества и дворянства конца XIX–XX вв. как историко-культурное наследие России: проблемы актуализации». В настоящее время особенно важен аксиологический подход к семейному наследию, позволяющий видеть на примере конкретных судеб ценностное содержание генеалогии.

Разных по идейным убеждениям и стилю авторов статей объединяет не абстрактная любовь к Родине и не древний родовой инстинкт, а живущая в памяти и традициях, запечатленная в родовых хрониках и материальных свидетельствах, история нашего Отечества. Она олицетворена в запоминающихся образах семейных святынь, обращена в настоящее и будущее как наказ. Это живая память наследников семей и родов, разных по крови, но единых по духу, верных национальным ценностям и идеалам. В таких семьях культивировалось воспитание, при котором хранилось и передавалось самое драгоценное наследие России — духовно-нравственная сила ее граждан, преображающая мир.

Она выражалась в героических подвигах и свершениях, в страданиях и лишениях, вдохновенном творчестве и просветительстве, благотворительности и меценатстве, в осуществлении в меру сил совершенства во всем: верности долгу, уважении к традициям предков, приоритете духовного над материальным, культе долга и чести, непоказном патриотизме, преемственности общественного служения, трудолюбию и нравственной чистоте, рачительности и дисциплине, заботе о ближнем.

Интересно осмысление наследия предков, их ценностного мира, не только специалистами, но непосредственно самими потомками, погруженными в семейную атмосферу, сохранившими письменные и устные свидетельства, фотографии, семейные реликвии, несущие неповторимый отпечаток уникальности времени и личности, всего нашего национального духа. Через образы и судьбы замечательных людей, их жизнь и деятельность выявляются духовные связи поколений, смыслы великих исторических событий, без которых нет будущего.

Обращение к семейно-родовому наследию имеет значение:

- для сохранения конкретных объектов культурного наследия;
- для научного обеспечения и перспектив включения мероприятий и исследований, связанных с сохранением и продвижением ценностей и образов русского предпринимательства и дворянства (XIX – нач. XX в.), в качестве одного из важнейших направлений культурной политики в деле сохранения исторической памяти и наследования традиций российской цивилизации, формирования национальной идентичности, преодоления последствий межклассовых противоречий;
- как презентация социально-ответственного предпринимательства, урок благотворительности и духовно-нравственных приоритетов для нынешних представителей элиты;
- для разрушения бытующего поныне стереотипа восприятия русского предпринимательства и дворянства как паразитических классов;
- для популяризации семейного и родового наследия в деле воспитания молодежи и укрепления социального института семьи и брака;
- для актуализации семейного наследия через просвещение, образование, художественные средства, СМИ, возвращение утраченных топонимов, установление памятных знаков на могилах, многочисленных сохранившихся объектах культурного наследия, храмах, памятниках архитектуры, достоприме-

чательных местах, связанных с именами дворян и купцов, их государственной и благотворительной деятельностью.

Духовные связи, уроки и смыслы истории выявляются в судьбах конкретных людей и поколений, их жизни и творчестве. Представленные личные и семейные образы сословий России наглядно свидетельствуют, что христианские ценности почитания семьи и рода, общественного и государственного служения, благочестия, нестяжания, бескорыстия, трудолюбия, патриотизма, миролюбия, художественного вкуса были для них типичны. Вера в победу идеалов правды, красоты и добра подтверждалась многочисленными конкретными делами и плодами.

В заключение мы считаем своим приятным долгом от души поблагодарить авторов, приславших свои статьи, всех тех, кто оказывал помощь в реализации просветительского проекта «Живое наследие памяти» своими выступлениями, материалами из семейных и музейных архивов, принимал участие во встречах и научных конференциях. Планируется продолжение издания материалов.

*Ю. А. Закунов
Д. Я. Романова*

**Русское купечество от Николая I до Николая II:
эпоха великих свершений,
на примере семьи Абрикосовых**

Именно Императору **Николаю I** удалось впервые осуществить уникальный опыт по освобождению крестьян от крепостной зависимости. По установлению специально созданной государственной Комиссии открылась школа, где обучались и приобретали новые технологические навыки молодые крестьяне, выкупленные из крепости и получившие вольную. Обучившись современным приемам ведения хозяйства, получив в собственность необходимые земельные наделы, отстроенные дома с хозяйскими постройками, инвентарь и скотину, отобранные крестьянские семьи начали самостоятельный труд на земле в качестве «вольных землепашцев». Два образцовых поселка или усадьбы «первопоселенцев» были созданы в Подмосковье, одно на реке Клязьма, второе на месте современных Люберец.

Результатом этого эксперимента стало то, что крестьяне, получившие паспорта и в собственность землю, продали свои земельные участки под строительство дач для московских купцов и чиновников среднего звена. Таким образом, государство в лице его руководителя убедилось в том, что крестьянское сословие не готово самостоятельно и эффективно распоряжаться собственной землей и имуществом, производить сельскохозяйственную продукцию и кормить население России.

Но Государь не остановился на этом, пусть и плачевном, но все-таки опыте. Он приступил к реформированию отношений с самой многочисленной социальной группой населения нашего государства, с крестьянским сословием, сделав упор на тех, кто — даже не выходя из крепости — успешно занимался выращиванием, переработкой и производством продукции, занимался предпринимательством на селе, наводняя своей кустарной продукцией все рынки и торговые площадки Российской Империи.

Купечество, происходящее из крестьянства, становится постепенно главным субъектом интересов государства, той силой, которая

самостоятельно поможет России развиваться и занять подобающее место в мировой экономике и на мировых рынках. Данный ориентир: инвестиции в человеческий капитал и успех личности есть успех всего государства — не потерял своей актуальности.

Первые результаты поддержки, оказываемой государством предпринимчивым крестьянам, не заставили себя долго ждать, и образцы кустарного производства наполнили всё торговое пространство Российской Империи. Продукция производилась частными лицами, которые оказывались в центре проводимых реформ. Создавались условия, при которых крепостной крестьянин, доказав на деле свою состоятельность и добившись успеха в производстве товаров и их коммерческой реализации, сам зарабатывал капиталы, получал вольную, откупаясь от крепостной зависимости. Эволюция подобного рода не приводила к тому, что все становились свободными — и те, кто не мог самостоятельно тянуть лямку коммерческой жизни, и те, кто проявлял возможности к успешной работе в новом формате социальных отношений.

Товару становилось тесно на отечественном рынке, и русские производительные силы требовали открытия внешних рынков для реализации продукции в Европе и Азии. Географическое положение России открывало перед ней невиданные возможности в торговле с Поднебесной империей, не колонизированной европейскими государствами и бывшей огромным рынком для сбыта потребительских товаров первой необходимости — прежде всего хлопчатобумажной промышленности и металлургии.

Возникла потребность продемонстрировать всему миру способности нового сословия крупного государства в деле производства и торговли. По инициативе Императора Николая I началось проведение ежегодных всероссийских художественно-промышленных выставок с 1828 года. Но первой успешной выставкой стала легендарная выставка 1833 года, проведенная в Санкт-Петербурге (рис. 1).

На ней присутствовали торговые представители из многих стран мира, которые с большим интересом всматривались в образцы представленной продукции. Общеполитическая обстановка в мире после победы России над Наполеоном полностью соответствовала требованиям развивающегося производственного и торгового потенциала в России. Европейский рынок, находящийся под контролем «жандарма Европы» — России, рынки Азии и прежде всего Первопрестольной ждали русских товаров. В этот период поднимались целые отрасли промышленности. Текстильная промышленность в России приросла

Рис. 1. Указатель произведений отечественной промышленности, которые были представлены на первой удачной Выставке в Санкт-Петербурге в 1833 году. РГБ

более чем ста предприятиями, способными вырабатывать дешевую хлопчатобумажную ткань. Для этого процесса нужны были сырье, растущее в Южных штатах Америки, оборудование — механические веретена, производимые в Великобритании, и специалисты, которые поехали в Россию для заработка огромных капиталов. Оборудование, вывоз которого подлежал запрету на межгосударственном уровне, стало доступным благодаря частным контактам русских малограмотных купцов с их партнерами, проживавшими на берегах Туманного Альбиона. То, что не могло сделать государство, оно доверило своим подданным, и они справились с поставленной задачей.

На той самой выставке 1833 года была продемонстрирована производственная мощь молодого и способного к лидерству государства. Император увидел именно в московском деловом люде главный потенциал, ту движущую силу, которая может стать примером для всех регионов

страны. Именно на этом этапе сложилось то, что позднее назовут емким понятием «Москва — деловая столица России» или «Москва купеческая».

Именно продукция, произведенная московскими промышленниками, дала право Императору устроить прием в их честь и отметить таким образом московских производителей, наградив участников золотыми перстнями с памятной фразой Императора: «За здоровье трудящихся в пользу Отечества!» (рис. 2).

Рис. 2. Наградной перстень, который был вручен участникам Выставки 1833 года — московским купцам. На дужке перстня награвирован тост Императора Николая I, произнесенный им в честь московского купечества: «ЗА ЗДРАВЬЕ ТРУДЯЩИХСЯ В ПОЛЬЗУ ОТЕЧЕСТВА!» Данный перстень хранит Дмитрий Абрикосов, продолжатель династии кондитеров и купцов, получивших эту награду из рук Императора в 1833 году

13 мая Государь пригласил всех московских экспонентов к обеду в Зимнем дворце. Кроме них на обеде присутствовали министры, некоторые генерал-адъютанты, иностранные консулы, петербургское купечество первых двух гильдий, члены Коммерческого и Мануфактурного советов — итого стол был сервирован на 505 приборов.

«Государь Император был нашим первым гостем», «А что сказали бы вы, любезнейшие друзья, когда узнали, что не только Государь Император был у нас в гостях, но что и мы удостоились неслыханным счастьем быть в гостях у Него, сидеть за Царскою трапезою. Я по торговым делам довольно рыскал по белому свету, но нигде не слышал я о пиршестве, подобном тому, на котором сподобился и я занять место». По мнению автора письма, тень Петра Великого присутствовала на этом обеде, радовалась, и именно она внушила Николаю I мысль возгласить перед завершением обеда тост: «За здоровье трудящихся в пользу Отечества!». Автор письма уверен, что в ответ экспоненты выставки хотели крикнуть «ура», но не посмели.

Участник выставки 1833 года – Иван Степанович Абрикосов

1820–1839 годы. Запись в Книге для записи объявленных капиталов Семеновской слободы по 3-й гильдии в Доме Московского городского общества. Книжеческого отделения. «Семеновская слобода. Иван Степанов Обрекосов наследственного капитала объявил восемь тысяч рублей. Живет в Городской части у Георгия в доме малолетних детей Колесниковых. Торг имеет кондитерской».

Рис. 3. Предполагаемый портрет Ивана Степановича Абрикосова, участника Выставки 1833 года. ГТГ

Участником этого приема был и мой прапрадед, Иван Степанович Абрикосов (рис. 3), удивлявший всех москвичей своим кондитерским товаром и привезший его продемонстрировать на эту выставку

в Санкт-Петербург. Читаем о нем в Книге для записи объявленных капиталов Семеновской слободы по 3-й гильдии в Доме Московского градского общества Купеческого отделения: «Семеновская слобода. Иван Степанов Обрекосов наследственного капитала объявил восемь тысяч рублей. Живет в Городской части у Георгия в доме малолетних детей Колесниковых. Торг имеет кондитерской».

Реформы Императора **Александра II** создали предпосылки для более динамичного развития России, усилили участие наиболее активной части общества в жизни страны. Одним из примеров этой политики может служить история с присоединением территории Туркестана к России, ввиду острой необходимости посевных площадей для выращивания хлопка и продолжения производства тканей из этого сырья для удовлетворения запроса Китайской империи.

После окончания гражданской войны в США между северными и южными штатами российские купцы, поддерживающие своих торговых партнеров, проживавших в южных штатах, потеряли возможность закупать хлопок в северных штатах. Для понимания этой ситуации интересна история еще одного моего предка, Ивана Алексеевича Хлудова, который в восемнадцать лет водил караваны судов через океан, груженных оружием и порохом, для оказания поддержки конфедератов в гражданской войне. Он обменивал свой груз на хлопок в выгодном соотношении и таким образом загружал семейные предприятия в России дешевым сырьем. После того как Америка отказала в закупках сырья, Россия начала военную кампанию по присоединению Туркестана к Российской Империи, и брат Ивана Алексеевича — Михаил Алексеевич Хлудов стал адъютантом легендарного военачальника, генерала Скобелева, командующего этой операцией. По ее успешному завершению Михаил Алексеевич заключил договор с пашой Туркестана о создании совместного предприятия по выращиванию хлопка. Сын проявил ту деловую хватку, которая позволила его отцу, Алексею Ивановичу Хлудову, впервые обойдя запрет на вывоз механических веретен, который существовал в Великобритании для России, привезти крупную партию промышленного оборудования в Россию, переоснастив многие предприятия. В том числе и своих конкурентов.

Знаковым является начало правления Императора **Александра III**. Оно началось с проведения очередной, но ставшей новой и основополагающей Всероссийской художественно-промышленной выставки 1882 года в деловой столице России — Москве. Именно эта выставка стала основой нового художественного стиля во всех сферах

производства и искусства вплоть до трагических событий 1917 года, который мы сегодня называем «неорусский стиль» (рис. 4). Эта выставка выразила главную содержательную идею того времени, заключающуюся в том, что Россия обращалась к национальному, русскому, народному во всех отношениях. При этом великая русская держава начинала ощущать себя лидером всего славянского мира в противостоянии Германии, стоящей особняком в романской Европе, и остаткам Османского могущества на юге континента.

Рис. 4. Внешний вид павильона компании
А. И. Абрикосова Сыновей на легендарной Выставке 1882 года
в Москве

Внутренний конфликт заключался в том, что представители правящего Дома Романовых уже давно по происхождению принадлежали к германским народам, начинающим своим возрастающим могуществом угрожать славянам и Российской Империи.

Выставка 1882 года показала народный русский стиль, применимый ко всем видам человеческой культуры. По этой причине выставка стала называться «художественно-промышленная». Она не просто подняла на всеобщее любование объекты традиционного кустарного производства утвари, одежды и предметов повседневного использования в быту, но и объекты, формирующие городскую среду. Архитектурные элементы павильонов, построенных для выставки, — все были выдержаны в неорусском стиле, и с этой выставки этот стиль стал основой русского модерна. Повсеместно стал слышен лозунг «Все лучшее — русское!».

После этой выставки одни за другими стали создаваться ремесленные школы, училища, творческие мастерские в Абрамцево, кустарные музеи в Москве и Смоленске, Брянске и Нижнем — во многих городах России. Великие русские художники стали «выдавать на-гора» произведения в русском стиле, все построенные дома для общественных учреждений и для частных нужд были выдержаны в народной стилистике. Великие собиратели, такие как княгиня Тенишева и купец Щукин, Фирсанова, Абрикосовы и многие другие, наполняли свои дома произведениями русских ремесленных учреждений, работами великих русских художников (рис. 5).

Максимального эффекта, уже вне страны, достигла русская часть на Всемирной выставке 1900 года, которая проводилась в Париже. Верховный комиссар выставки, князь Тенишев, добился успеха в решении поставленной перед ним задачи: он успешно продемонстрировал «русский стиль» всему миру и повсеместно начались «русские сезоны» и мода на всё русское.

Эпоха правления **Николая II** стала продолжением реформ и оформлением участия третьего сословия России в управлении государством. Мы можем констатировать тот факт, что в то время русские промышленники и предприниматели, вышедшие из крестьянства, стали выразителями новых идей и в управлении государственной машиной великой страны. Именно в их среде стали формироваться принципы социально-ответственного бизнеса, благотворительности, служения народу и государству посредством эффективного предпринимательства.

Рассматривая поставленный конференцией вопрос об актуализации исторического наследия купеческого и дворянского сословий, хочу выразить следующие, крайне важные с моей точки зрения, соображения.

История художественного центра начинается с покупки подмосковного имения Абрамцево в 1870 году промышленником и меценатом Саввой Ивановичем Мамонтовым. Были организованы две мастерские: столярно-резчицкая и керамическая. Руководителем столярной мастерской стала художник-акварелист, вдохновитель народных художественных промыслов в Абрамцево

Елена Дмитриевна Поленова.

Яркое отличие мебели – неповторимая абрамцево-кудринская резьба.

Абрамцевские изделия пользовались спросом в Москве, Петербурге и других городах; получали премии на престижных выставках, в том числе на Всемирной выставке в Париже в 1900 году.

Рис. 5. Произведения в русском стиле наполнили все дома русской элиты после Выставки 1882 года

1. Возрождение национальной символики в производстве товаров и в торговле в России и в мире

В современных реалиях жизни мы должны ясно понять, что наше возрождение полностью зависит от возвращения к нашим национальным истокам в искусстве, в архитектуре, в традициях. Возврат к нашим исконным традициям должен базироваться на том положении, что на первом месте находится национально ориентированный человек, знающий свои корни и способный к возвращению лучших достижений отечественной истории.

В качестве примера можно привести жизнь моего прадеда Ивана Алексеевича Абрикосова (1854–1882) (рис. 6), судьба которого была связана с подъемом национального кондитерского производства, импортозамещением, открытием фабрик в Москве и Симферополе, соз-

Рис. 6. Иван Алексеевич Абрикосов, сын основателя компании и ее Директор-распорядитель с 1873 по 1882 год.

Именно его энергией были построены фабрики компании в Симферополе и в Москве в Сокольниках, открыта сеть фирменных магазинов по всей территории Российской Империи, от Одессы до Владивостока. На Выставке 1882 года он был избран руководителем VIII, кондитерской группы выставки.

Трагически погиб при строительстве павильона в 1882 году. «С его кончиной московский коммерческий мир понес горькую и большую утрату» — как сказано в некрологе

данием сети фирменной торговли. Национальный бренд «Абрикосов» зазвучал по всей России, став основой национальной гордости и объединения населения огромных территорий, в противовес иностранным компаниям Бормана и Сиу, Гейса и Тиде (рис. 7). Как тогда писали: «Можно было не знать Рябушинских и Морозовых, но не знать в России Абрикосовых — было невозможно».

Об Иване Алексеевиче Абрикосове можно судить по некрологу, опубликованному в газете «Московские ведомости», 1882 год (рис. 8).

Рис. 7. Портрет Алексея Ивановича Абрикосова, внука крепостного крестьянина, не имевшего образования, но закончившего свою карьеру в чине Действительного Статского советника

Рис. 8. Некролог об Иване Алексеевиче Абрикосове, опубликованный в газете «Московские ведомости». 1882 г.

«Июля 25 1882 года скончался распорядитель VIII группы Всероссийской Выставки в Москве, Иван Алексеевич Абрикосов, и в лице его московский торговый мир понес несомненно горькую утрату. Это был один из лучших его представителей, еще молодой (ему не было и 30 лет), полный силы и энергии, и можно сказать, что именно его рвение с каким он трудился по устройству вверенного ему отдела Выставки и подорвало его силы. Его же трудолюбию обязаны были своим устройством известные фабрики Абрикосовых в Москве, а равно и фабрика в Крыму, заведенная с целью заменить отечественными произведениями привозные фрукты в сахаре; всех этих фабрик покойный был, по выбору Товарищества, директором — распорядителем. Однако из главных заслуг привлекавших к нему главное сочувствие было вполне человеческое отношение к рабочим, которые при его погребении и назвали его “незабвенным хозяином, радетелем о них и кормильцем”. Погребение его почтили своим присутствием главный комиссар Выставки, тайный советник А. Б. Бэр, его товарищ тайный советник Гивартовский, городской голова и экспоненты той группы Выставки, коей заведывал покойный. Затем, кроме родных, множество друзей, знакомых, служащих и рабочих сопровождали тело в последнее убежище в Алексеевском монастыре, причем несли, для возложения на его могилу, крест и 18 венков из живых цветов, принесенных как экспонентами Выставки, так и служащими и рабочими, видевшими как он трудился наравне с ними постоянно, и конечно, больше их. Покойный имел несчастье потерять жену и оставил пять человек детей».

2. Восстановление уничтоженных захоронений

При «новой власти» большевиков, установившей невиданную доселе диктатуру одного социального слоя — рабочих, в России находившегося в меньшинстве, повсеместно проводилась практика уничтожения объектов исторической памяти других сословий. И в эту практику, начиная с 20-х годов, вошло уничтожение исторических кладбищ и захоронений. Цель — разорвать историческую связь времен, нарушить преемственность поколений, взрастить армию «Иванов, не помнящих родства» и способных на подобное уничтожение культуры и истории в других странах и государствах. Для возрождения связи с нашей историей нам необходимо проведение государственной программы по увековечиванию памяти о всех тех, кто жил и был похоронен на своей малой Родине — во всех исторических городах и поселениях.

3. Возвращение к роднику русского народного искусства

Необходимо повсеместное обращение внимания средств массовой информации к объектам народного творчества в архитектуре и декоративно-прикладном искусстве, в народном костюме и литературе. Необходимо возрождение и создание практики обучения резьбе, росписи, пению и шитью в русских народных традициях, в школах и домах культуры, городах и на селе. Абрамцево, Талашкино — примеры не просто народного искусства, но один из способов объединения финансовой и культурной элиты с народом в деле возрождения и развития народных промыслов и традиций.

4. Возрождение традиций проведения художественно-промышленных выставок

Проведение подобных выставок и форумов будет отражать национальные интересы нашего населения только в том случае, если на данных мероприятиях будут демонстрироваться не только достижения НТР и цифровой экономики, но и развитие национально-культурных и эстетических традиций нашего государства.

Желательно возрождение практики вручения наград для победителей в виде права использования герба страны на упаковке и в рекламе продукции — как национальное достояние в производстве и торговле.

5. Историзм торговых марок на полках наших магазинов

Для розничной торговли как внутри страны, так и за ее пределами, на внешних рынках необходимо наличие исторических брендов в товарах массового потребления (рис. 9). Покупатель будет получать не просто товар высокого качества, но ощущать, что Россия — это государство с богатой уникальной историей, которая хранится в преемственности национальных традиций. В названиях конкретного ассортимента необходимо больше русских слов и понятий, традиционных для русского языка. Например, «Вафли купеческие», «Шоколад крестьянский», «Душечка» и подобные наименования сразу стали

самыми покупаемыми в моей практике работы на розничном рынке кондитерских изделий. Семейные бренды, такие как «Абрикосов», «Смирнов», «Елисейев», при совмещении с датами основания семейных компаний, государственными и историческими гербами, полученными в результате побед на художественно-промышленных выставках, делают нашу продукцию самобытной.

АКТУАЛИЗАЦИЯ НАСЛЕДИЯ

**Возрождение традиций истории и культуры
в упаковке продукции**

Рис. 9. Попытки возрождения семейной компании ведутся с 1993 года и по наши дни. Возрождение впереди!

6. Возвращение представителей династии к активному участию в сохранении их культурного наследия

Необходимо возрождение памяти о представителях исторических предпринимательских династий, пострадавших от советской власти после 1917 года. Это крайне важно при создании класса новых самозанятых предпринимателей и эффективных собственников. Это важно и для того, чтобы дать ориентир новому классу социально ответственных участников производства товаров и услуг (рис. 10). Вовлечение в этот процесс представителей известных родов возможно при создании различных общественных структур в городах и селах.

АКТУАЛИЗАЦИЯ НАСЛЕДИЯ

Историзм торговых марок на полках наших магазинов

Рис. 10–11. Попытки возрождения семейной компании ведутся с 1993 года и по наши дни. Возрождение впереди!

**7. Сохранение наследия
в исторических местах промышленного производства,
в местах жизни и деятельности выдающихся людей
своего времени (рис. 12, 13)**

АКТУАЛИЗАЦИЯ НАСЛЕДИЯ

**Сохранение промышленного наследия
в исторических местах**

Рис. 12. Вид фабрики в Симферополе. 2007 г.
В 2020 году мы будем широко отмечать 140 лет
со дня ее создания в Крыму

В случае сохранения производства на площадках, созданных до 1917 года, необходимо возрождение исторической памяти о том, что производилось в этих промышленных местах. Для такой работы важно создавать мемориальные зоны и музейные залы, в которых будут представлены образцы продукции, составлявшей славу нашего государства, портреты тех, кто своей энергией развивал нашу промышленность. Необходима программа по установке мемориальных досок и электронных стендов с информацией о том, что находилось в этих помещениях.

Рис. 13. Родовой особняк Абрикосовых в Сверчковом переулке –
Дом народного творчества

В исторических зданиях, в которых жили представители купеческих династий России, надо избегать нарушения исторической и архитектурной среды, иначе мы лишаемся важного экономического ресурса — туризма, который приносит крупные доходы городам и государствам в наше время. Необходимо не только сохранение объектов исторической застройки, но и обеспечение доступа к местам жизни выдающихся русских семей — потомков династий, открытие мемориальных зон в исторически значимых зданиях, где проходила жизнь замечательных русских людей, возможность проведения мероприятий и экскурсий «от первого лица» по месту нахождения данных объектов недвижимости. Это позволит сохранить не только объекты архитектуры, но и примеры технологий, материалов, имеющих музейное качество и уникальность производства.

8. Сохранение исторического наследия в сфере благотворительности (рис. 14, 15, 16)

А.П.Абрикосов получил много наград за работу на ниве просвещения

*Рис. 14. Алексей Иванович Абрикосов
был кавалером высших российских наград
за развитие коммерческого образования в России*

Участие купеческого сословия в социально значимых проектах России с середины XIX века приобретает массовый и устойчивый характер. Участвуя в работе огромного числа различных общественных организаций, органах выборной власти, русское купечество начинает играть одну из главных ролей во всех сферах общественной жизни. Открываются разнообразные учебные заведения, школы и ремесленные училища, институты и университеты, медицинские учреждения — поликлиники и больницы, роддома, санатории. Купечество, на собственные средства финансируя все эти образовательные, медицинские учреждения, не забывает и о культуре. Концертные и выставочные

Рис. 15. Памятник матери 22 детей –
Агриппине Александровне Абрикосовой
на территории Роддома ее имени

залы — эти учреждения открываются в частных домах купечества. Новый класс собственников приобретает и дворянские усадьбы, уникальные очаги русской культуры. Они не вырубают «вишневый сад», приходя на смену дворянскому сословию, но эффективно продолжают культурные и общественные традиции, вносят в них предпринимательскую жилку. И сегодня мы должны возрождать и сохранять память о подобных подвижниках, открывая мемориальные зоны и музейные экспозиции в этих местах.

Примером может стать история роддома № 6 в Москве, подаренного нашему городу в память об Агриппине Александровне Абрикосовой, после ее кончины в 1901 году. За 106 лет работы «Роддома имени А. А. Абрикосовой» в нем появилось на свет более 350 000 детей. После его закрытия важно продолжать помнить о матери-героине, подарившей России трех академиков, множество ученых, артистов, философов и писателей.

Рис. 16. Музей Роддома имени А. А. Абrikосовой –
Музей Москвы

Необходима персонификация исторических знаний, установление связи между поколениями, обеспечение непрерывности истории. «Старик Абrikосов» очень любил свою огромную семью, хранил пуповины всех детей в сейфе в кабинете как свое главное богатство — об этом должно знать молодое поколение!

9. Популяризация исторического наследия русского купечества в системе просвещения и образования, СМИ

Такая работа должна проводиться не только на основе научных исторических трудов специалистов, но и на встречах с представителями династий (рис. 17), «из первых рук» знающих историю своих семей и сохраняющих семейные архивы. Необходимы выступления представителей династий с лекциями в общеобразовательных школах,

ПУБЛИЦИСТИКА

Рис. 17. Пропаганда наследия династии Абрикосовых и истории русского купечества в СМИ. Россия, Чехия, Германия. 1994–2019 годы. В газетах и на телевидении

институтах и организациях культуры для пропаганды наследия делового сословия России.

Важен доступ к средствам массовой информации, участие в форумах и выставках, издания в периодике, где освещаются важные исторические события (рис. 18, 19).

Благодаря реформам Николая I, Александра II, Александра III, Николая II крестьяне стали новым успешным сословием России — потомственными почетными гражданами России, стали играть важнейшую роль в развитии нашего Отечества. Они сохраняли традиции, продолжали успешное развитие Отчизны и лопахиными не становились!

Сегодня особенно актуальна поддержка с помощью «мягкой силы» государства исторического наследия предпринимательского сословия, предоставление им достойного места в информационном пространстве, возвращение исторических названий, увековечение памяти

Рис. 18–19. Пропаганда наследия династии Абрикосовых и истории русского купечества в СМИ. Россия, Чехия, Германия. 1994–2019 годы. В газетах и на телевидении

русских предпринимателей, внесших вклад в развитие и становление промышленности и торговли, образования и медицины, искусства и науки, самоуправления России. Необходима поддержка попыток возрождения своего семейного производства представителями прославленных династий, в былые времена лишенных своего дела и имущества, пострадавших в эпоху экономических экспериментов и гонений.

Список источников и литературы

1. ЦИАМ. «Дом московского градского общества. Купеческое отделение. Книга объявленных капиталов по Семеновской слободе». С 1804 по 1832.
 2. Указатель произведений отечественной промышленности, находящихся на выставке 1833 года в С.-Петербурге. — Санкт-Петербург, 1833 г.
 3. Исповедальные ведомости Николаевской церкви села Пушкино // МО 1843–1845 гг.
 4. *Бурьшкин А. П.* Москва купеческая. — М. 1993.
 5. *Шильдер Н. К.* Император Николай I, его жизнь и царствование. — М., 1903.
 6. *Мироненко С. В.* Страницы тайной истории самодержавия. — М., 1990.
 7. Материалы для истории московского купечества. Общественные приказы. — Т. I–IV. — М., 1899.
 8. Основы предпринимательского дела. Благородный бизнес / под ред. Ю. М. Осипова. — М. : Ассоц. «Гуманит. Знание», 2003.
 9. Всероссийская Промышленно-Художественная Выставка 1882 года в Москве. Список экспонентов, удостоенных похвальных наград. — М., 1882.
 10. Некролог на смерть И. А. Абрикосова // Московские ведомости. — Июль 1882 года.
 11. Справочные книги о лицах, получивших купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдиям в Москве. — М., 1872.
- Прочие архивные и библиотечные материалы и источники.

**Духовное наследие
российского дворянства и купечества
на примере представителей двух родов**

*Ее душа стремилась к Богу,
И обрела она Его...*

В 1869 году, 1 (14) апреля, в маленьком грузинском селе Кварели¹, в 150 километрах от Тбилиси, в родовом имении Чавчавадзе у Елизаветы Соломоновны Чавчавадзе и Александра Андреевича Марджанишвили родилась девочка по имени Тамара.

Представители грузинского рода Чавчавадзе, насчитывающего шесть столетий, не раз доказывали свою верность России и любовь ко всему русскому. Одна из них, жена Александра Сергеевича Грибоедова — Нина Александровна Чавчавадзе, после трагической гибели мужа распорядилась написать на надгробии, установленном на его могиле: «Ум и дела твои бессмертны в памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя?» Многие представители рода участвовали в Русско-турецких, Крымской, Кавказских войнах. Князь Александр Гарсеванович сражался в Отечественной войне 1812 года и при взятии Парижа был адъютантом Барклая-де-Толли, а князь Александр Захаревич после революции 1917 года смог до конца сохранять боевой дух и дисциплину во вверенной ему царем Кавказской дивизии. Многие представители рода Чавчавадзе были награждены высшей военной наградой — орденом Св. Георгия.

Но вернемся в Кварели, к Тамаре Александровне Марджанишвили. Девочка в раннем возрасте потеряла родителей. Отец, получивший тяжелое ранение на войне с турками, умер, когда Тамаре было 13 лет. Через 6 лет не стало матери. И в 1889 году, оставшись круглой сиротой

¹ «В Кварели конца XIX в. было, предположительно, четыре храма, один из них построен семьей Марджанишвили (не действующий ныне). Самый большой и красивый дом Кварели: двухэтажный, с террасами, с большими винными погребами — родовое имение» [1].

и наследницей родового имени, но испытывая постоянное желание посвятить свою жизнь Господу, Тамара, по достижении 20 лет, неожиданно покидает светскую жизнь и уходит в Бодбийский монастырь, в котором поныне покоятся мощи святой равноапостольной Нины, просветительницы Грузии. В этом же году монастырь посетил Император Александр III, предложивший открыть здесь женскую обитель. Возглавила ее игумения Ювеналия Ловенецкая, происходившая из русско-польского дворянского рода и внесшая впоследствии большой вклад в духовное развитие новой насельницы, став ее духовной матерью. А через 10 лет Тамара Александровна приняла постриг, так же с именем Ювеналии (младшей). Будучи еще послушницей и сопровождая матушку Ювеналию в одной из поездок, она познакомилась с о. Иоанном Кронштадтским, который образно предсказал ей игуменство в трех обителях.

Наступил 1902 год. Матушка Ювеналия-младшая возведена Экзархом Грузии в игумению Бодбийской обители Святой равноапостольной Нины. Приближается революция 1905 года. В Тбилиси, на площади Руставели, разгоняют мирную демонстрацию, а спустя 2 года, в 1907 году, в результате теракта погибает Илья Чавчавадзе — известный грузинский политический деятель и патриот; литератор, «не коронованный царь Грузии». Через месяц с небольшим, 27 ноября², на окраине Тифлиса совершено покушение и на саму игумению. Матушка осталась жива, но анонимные письма с угрозами не прекращались, и решением Св. Синода она переводится на служение в Москву, где становится игуменией Покровской Общины сестер милосердия.

В жизни матушки было много чудесных проявлений милости Божьей, поддержки от Господа и Матери Божьей. От упомянутого выше покушения очевидным образом Богородица покрыла ее от беды, т. к. это произошло в день иконы Знамения Божьей Матери. А в момент покушения игумению спасла икона преподобного Серафима Саровского, которого она глубоко почитала и обычно брала ее с собой в дорогу: «...поднялась стрельба, матушка вынула находящуюся на ее груди икону преп. Серафима и громко, с дерзновением стала звать: “Преподобне отче Серафиме, спаси нас”. ...пострадали все... кроме сидевших в экипаже, спасшихся необычайным чудом. ...подобрали 67 пуль, а сколько застряло их в убитых лошадях и людях!» [2]. В настоящее время стало известно, что первым на месте покушения оказался

²До 1918 года — старый стиль.

офицер Асламазов (Асламазянц) Григорий Михайлович³ — «поручик 16-го Мингрельского гренадерского полка Кавказской гренадерской дивизии 2-го Кавказского армейского корпуса» [3].

Однажды матушка после молитвы перед чудотворной иконой Знамения Божией Матери услышала голос: «...устраивай сама скит не только себе, но и другим» [4]. Это знамение повторилось трижды. Так открывается новый период в жизни подвижницы. В 1910 году при помощи Великой княгини Елизаветы Федоровны начинается строительство Серафимо-Знаменского скита по общему проекту Л. Г. Стеженского. Автор проекта храма А. В. Щусев. В архитектуру скита заложены сакральные христианские символы: снаружи храм имеет кверху 32 ступа и венчается одной главой, знаменующей Господа Иисуса Христа, а все вместе — 33, число земной жизни Спасителя. Внутри 24 окошка по числу 24 апокалипсических старцев⁴. Длина каждой стороны ограды 33 сажени, что так же символизирует земную жизнь Иисуса Христа, а внутри нее 12 домиков, по числу 12 апостолов. Алексей Викторович Щусев, будучи по происхождению русским дворянином, всегда вкладывал во все свои постройки религиозный смысл, и даже после революции 1917 года было замечено, что окна его мастерских всегда выходили на храм. По уставу в скиту могло трудиться до 33 насельниц. Был свой строгий монашеский устав. Серафимо-Знаменский скит, возможно, последняя монастырская постройка дореволюционной поры.

Замечено, что во второй половине жизни схиигуменнии Фамарь каждые 12 лет происходили знаковые события: в 1912 году освящен митрополитом Владимиром Богоявленским скит, в 1924 году — закрыт, а еще через 12 лет, в 1936 году, матушка уходит из жизни. Здесь можно отметить, что в духовной жизни матушки было много встреч с духоносными людьми, определившими направление жизни во Христе. Именно здесь в скиту в 1916 году она принимает образ великой схимы, полностью вверяя себя в руки Христа, до конца предавая свою жизнь Господу. Это событие стало главной опорой в ее дальнейшей судьбе, которая помогла ей вытерпеть разорение скита, ссылку, потерю верных духовных друзей и близких и, наконец, бремя тяжелой болезни (горловой чахотки), которая сведет ее в могилу.

³ Погиб в с. Дивик Карской области (Западная Армения) в звании штабс-капитана 11-го Кавказского стрелкового полка (21 декабря 1914 года) [5].

⁴ «И вокруг престола двадцать четыре престола; а на престолах видел я сидевших двадцать четыре старца...» (Откровение (4:4)).

В 1931 году схиигумения Фамарь была арестована и отправлена в ссылку в Сибирь, в Иркутскую область, в поселок Усть-Уда. Этому периоду посвящены строчки: «Грустно... скучно... непокойно... Сердце рвется на клочки, что-то видится далеко сквозь духовные очки»⁵. О ее скорейшем освобождении хлопотал знаменитый брат Котэ Марджанишвили, основоположник грузинского национального театра, народный артист Грузинской ССР, не доживший совсем немного до возвращения любимой сестры из ссылки.

Известно так же, что в 1935 году, по возвращении из ссылки, матушка Фамарь смогла побывать в скиту, переночевав в соседнем селе Битягово.

Незадолго до смерти матушки известный ученик художника М. В. Нестерова Павел Дмитриевич Корин пишет ее портрет, который в 1962 году на выставке его этюдов назван «лучшим психологическим портретом» [7].

Одна из келейниц м. Фамарь Дуня, на протяжении долгих лет после закрытия скита, говорила: «Если я услышу, что где-нибудь открылся Серафимо-Знаменский скит, я туда на корточках, на карачках поползу».

1953 год. В семье Ариадны Константиновны Румянцевой и Евгения Ивановича Попова, потомка старинного купеческого рода, родилась девочка по имени Ирина. Предшествовали этому рождению некие промыслительные моменты в жизни ее родителей. Ее мать в 14 лет была угнана в Германию на работы из подмосковной Вереи. В товарном вагоне девочка заболела тифом, и, умирающую, ее оставили в опустевшем польском госпитале на попечение католическим монахиням, даже приходил ксендз, чтобы проводить в последний путь. И в беспамятстве она увидела сон: Спаситель с иконы, строго глядя, сделал ей знак, что она останется в живых, и этой ночью кризис миновал, через какое-то время ее повезли дальше, в Германию, где она работала до конца войны под Мюнхеном, живя в лагере для интернированных. После Победы многие боялись возвращаться в СССР, но Ариадна Константиновна вопреки всему вернулась. Вернулся и отец, Евгений Иванович, после двух пленений, двух побегов и штрафной роты смертников, где шансов выжить почти не было. Остался в живых, дошел до Берлина. По воле Божьей эти двое встретились, чтобы осуществить мечту келейницы Дуни. Их дочь Ирина, впоследствии принявшая постриг в Коломен-

⁵ Стих матушки Фамарь («Мои переживания в Усть-Уде») [6].

ском монастыре с именем Иннокентия, была в 2000 году благословлена митрополитом Ювением Крутицким и Коломенским на восстановление скита из руин.

Из воспоминаний действующей матушки Иннокентии: «Дали мне крестик, благословили и сказали: иди восстанавливай скиточек. К моменту восстановления из 12 домиков было только 4 в удовлетворительном состоянии, 2 — в руинированном. Храм находился в аварийном состоянии. Цоколь разрушен, внутри храма на ведущих арках появлялись зловещие трещины. Нижний этаж весной заливало водой, т. к. система дренажа была нарушена, местами кирпич превратился в прах. В нижнем храме располагалась заброшенная котельная 50-х годов, гора угля. Территория скита принадлежала базе отдыха военного завода «Криптон». Ограды не было, не было электричества и подъездных путей, отапливались дровами и углем. Не хватало людей и средств, но была воля Божия на возрождение скита и книга “Детки мои любимые”, основанная на воспоминаниях епископа Арсения (Жадановского), когда-то бывшего старцем скита. Жили на соседней даче. В самом храме ничего не было. Служили быстро, только по выходным, потому что замерзнуть было очень просто. Восстановление шло очень тяжело из-за плохих условий жизни: скудное питание, постоянный холод; люди стали серьезно болеть. И вот однажды поехали лечиться в Москву, а там, напротив больницы, — музей Павла Корина, в котором портрет матушки Фамарь. Зашли в музей, и я невольно обратилась к матушке: “Матушка, хоть какое-нибудь утешение, сил никаких больше нет!” Это был крик души. На следующий день ездили по хозяйству. Ко мне подошел незнакомый человек, начал что-то спрашивать о святости, об иконах, и я неожиданно для себя задаю вопрос: “Не видели ли Вы где-нибудь, может быть у кого-то в доме, икону Божьей Матери с поднятыми руками?” Он повел нас к себе домой, и там, в самом неожиданном месте на кухне, мы увидели большую икону Божьей Матери “Знамение” Серафимо-Понетаевскую. Лик еле просвечивал, но образ был необычайно благородный. Сразу подумалось о Великой княгине Елизавете Федоровне. Как оказалось, действительно, в 1916 году икона была привезена в скит Великой княгиней. Это было так неожиданно. На 100-летие батюшки Серафима нам эту икону подарили. Вот такой знак, утешение от матушки Фамарь».

В Грузии, где с большим почтением относятся к матушке Фамарь, в 2016 году был поднят вопрос о ее канонизации. 22 декабря того же года Священный синод Грузинского патриархата принял решение

канонизировать преподобноисповедницу Фамарь (Марджанишвили). Официальное известие об этом пришло в Москву, и 28 декабря 2017 года Священный синод Русской Православной Церкви постановил включить имя святой в месяцеслов с определением празднования ее памяти 10/23 июня, как это установлено в Грузинской церкви. А позже игуменья Серафимо-Знаменского скита, матушка Иннокентия (Попова), обратилась с просьбой поднять мощи матушки Фамарь. Митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий ее благословил. И 13 июня 2018 года состоялось обретение мощей преподобноисповедницы Фамарь (Марджановой) на Введенском кладбище. Состоялся молебен, возглавленный епископом Петром, после чего при чтении Псалтири начались работы по обретению мощей. Глинисто-песчаная сырая почва, пронизанная корнями деревьев, стесненность захоронений (хоронили с XVI века), большая глубина существенно затрудняли работы. Когда матушку Фамарь хоронили, владыка Арсений распорядился, чтобы положили ее в дубовый гроб-колоду и в ящик также из дубовых досок. Это и спасло останки от сильного давления сырого грунта. Кроме священных вещей матушки Фамарь, были обнаружены остатки схимнического облачения, целые фрагменты вышитого аналава, тапочки, кусочки материи, пояс кожаный, кусочек игуменского креста и все, что было вложено в ящик сверху гроба: пузырьки со святым миром, фрагменты двух иконок, маленькая расческа. После освидетельствования мощей и положения их в приготовленный временный гробик, при повторном просеивании земли, был обретен ее нательный крестик.

Торжественное прославление в лике преподобномучениц было назначено на день ее кончины 23 июня.

Храмик в скиту очень маленький, поэтому службу вынесли на улицу. Сделали два помоста с навесами, украшенными цветами: один для духовенства, с переносным алтарем, а другой — для хора. Перед алтарным помостом установили мощи и вновь написанную икону матушки Фамарь, которую владыка Ювеналий затем передал в дар представителю Грузинского патриарха — епископу Никорцминдскому Вахтангу. Мощи стояли в красивом ковчеге, а рядом хор коломенских монахинь под управлением игуменнии Ксении Зайцевой. На службе присутствовали все епархиальные епископы и 60 лиц приглашенных священников, настоятелей и настоятельниц всех подмосковных монастырей. Особо следует отметить приезд прихожан московского храма Великомученика Георгия в Грузинах, представителей грузинского духовенства и мужского грузинского хора, который всех привел в восторг

и, безусловно, украсил службу, придав ей неповторимый грузинский колорит. Возглавил службу митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий. Каждому подходившему к святым мощам вручали маленькую памятную, с благословением владыки Ювеналия, иконочку.

Матушка Фамарь не только вошла в «Книгу Жизни», но и на земле оставила след в воспоминаниях людей, запечатлевших ее образ в своих душах: «При ее очень маленьком росте она поражала... какой-то значительностью и духовной силой. <...> У нее были большие, прекрасные, темные глаза. <...> Всё в матушке поражало какой-то красотой, изяществом, ослепительной чистотой» [8].

Список литературы

1. *Игум. Иннокентия (Попова)*. Живите вечно // Мир Божий. — Изд-во «Луг Духовный». — 2017. — № 23. — С. 77.
2. *Схиигумения Фамарь*. «Детки мои любимые...». — М. : Сепфора, 2016. — С. 24.
3. Энциклопедия фонда «Хайазг». — URL: <http://ru.hayazg.info>.
4. *Схиигумения Фамарь*. «Детки мои любимые...». — М. : Сепфора, 2016. — С. 25.
5. URL: <https://gwar.mil.ru>.
6. *Схиигумения Фамарь*. «Детки мои любимые...». — М. : Сепфора, 2016. — С. 136.
7. *Игум. Иннокентия (Попова)*. Живите вечно // Мир Божий. — Изд-во «Луг Духовный». — 2017. — № 23. — С. 80.
8. *Схиигумения Фамарь*. «Детки мои любимые...». — М. : Сепфора, 2016. — С. 159.

Династия серебряников Чумаковых Сергиева Посада

В основе прозвища «чумак», от которого и произошла фамилия Чумаковы, лежит глагол «чумачить» — «ходить в чумаках, заниматься извозом».

Троице-Сергиева лавра была не только духовным центром Руси, но крупным землевладельцем, имела соляные варницы в Усолье Переяславском, у Соли Галицкой, у Новой соли на Холую. В 1538 году было заведено пять варниц в Балахне. Вполне возможно, что первые Чумаковы занимались извозом соли для Лавры.

Лавра вела сознательную образовательную политику. В 1778 году появился указ настоятеля Троице-Сергиевой лавры московского митрополита Платона (Левшина) об обучении детей ремеслам, в том числе «серебрodelию». К настоящему времени серебряная и золотая утварь (в том числе и лаврского производства) уцелела в незначительном количестве. В 1921 году в связи с указом ВЦИК о полной ликвидации церковного и монастырского имущества большинство произведений XIX века было изъято в Гохран, и дальнейшая их судьба неизвестна. Становлению, развитию, художественным особенностям изделий мастерской Троице-Сергиевой лавры, ее служителям посвящены работы Л. А. Шитовой [1, 2]. В данной статье приводятся сведения только о династии серебряников Чумаковых, трудившейся «в пользу Лавры». Часть сведений о жизни Сергиева Посада в начале XX века почерпнуты из книги краеведа Т. Н. Шпаньковой [3].

Можно считать, что династия серебряников Чумаковых сложилась в XIX веке (рис. 1).

Основателем династии является Артемий Чумаков (1774–1835) [4, 5], который был зачислен в штат ризничной мастерской в 1798 году, до этого он по распоряжению митрополита Платона (Левшина) 5 лет учился в Москве «золотому» делу. С 1792 года престарелый иерарх практически постоянно жил в Лавре, доверив управление епархией своему викарию, и с особым пристрастием заботился об украшении храмов и пополнении ризницы.

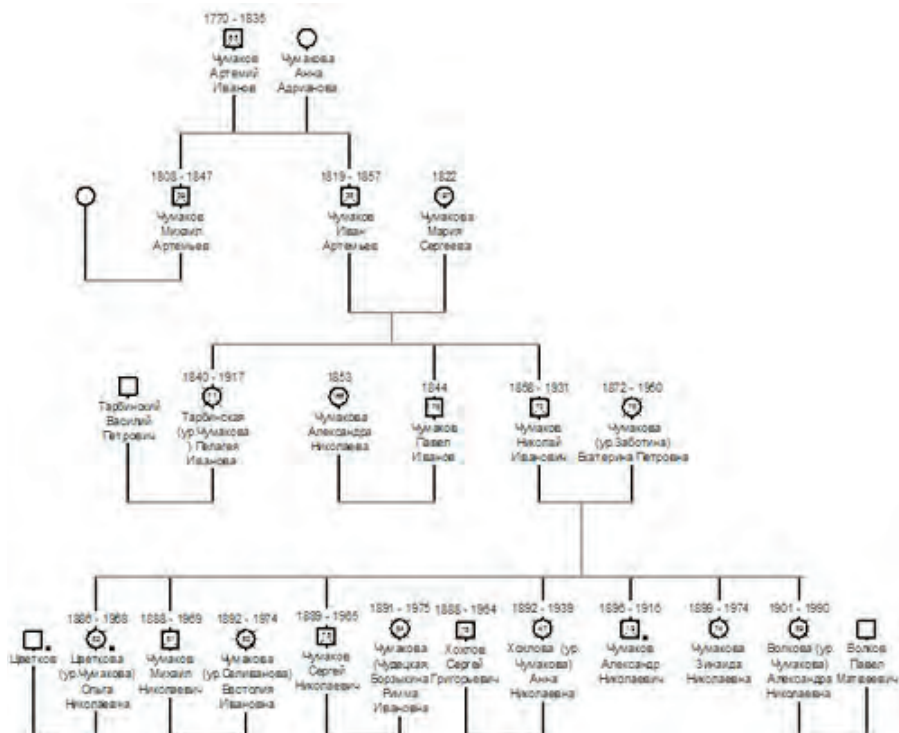

Рис. 1. Родословное древо Чумаковых.
 Из семейного архива

В 1795 году А. И. Чумаковым в лаврской мастерской была изготовлена золотая панагия для митрополита Платона по случаю двадцатипятилетнего пребывания его на московской кафедре (рис. 2). В основу панагии положена византийская яшмовая камя. В настоящее время панагия находится в музее «Ризница Троице-Сергиевой лавры». Артемий Чумаков так и остался единственным золотых дел мастером. Его сыновья обучались на серебряников, поскольку необходимость в золотых изделиях в монастыре была минимальна.

Рис. 2. Панагия.
Сергиево-Посадский
государственный
историко-художественный
музей-заповедник.
Инв. № 1819

Штатные служители Лавры имели домашние мастерские и передавали свое ремесло детям. Сыновья Артемия Чумакова — Михаил (1808–1847) и Иван (1819–1857) — также овладели семейным ремеслом, а Михаил Чумаков в 1819 году был отправлен на обучение чеканному мастерству в Москву. Закончив учебу, он предоставил Учрежденному Собору образец своего мастерства — медную посеребренную ризу на икону. Церковные власти отметили замечательное мастерство молодого чеканщика, поместив ризу в ризнице и выдав деньги для покупки инструментов. Многочисленные предметы церковной утвари, созданные Михаилом Чумаковым: потиры, диски, тарелы, лампы, кресты, кадила, оклады, — не сохранились. Лишь по отдельным замечаниям в документах можно судить, что они были и чеканными с позолотой, и резные, и черневой работы, и из отбеленного серебра. Большую часть вещей он делал из переплавленного ветхого серебра, которого только в 1830-х годах поступило в лом без малого 30 пудов. Всё оно плавильной конторой в Москве было «приведено в пробу». Этим же мастером создавались вещи из меди, например балдахин в Троицкий собор, за который Михаил получил достойную оплату.

Рис. 3. «Явление Богоматери преподобному Сергию».
Сергиево-Посадский государственный историко-художественный
музей-заповедник. Инв. № 2341

Рис. 4. «Успение Богоматери».

Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник. Инв. № 5541

В 1836 году Михаил Чумаков выполнил оклады для двусторонней запрестольной иконы «Явление Богоматери преподобному Сергию» (рис. 3) и «Избранные святые» для Троицкого собора. Декоративное решение второй иконы очень интересно. Чеканный орнамент на ее лицевой стороне (мелкий на раме, более крупный на фоне) разработан в виде лозы с пышными листьями и гроздьями винограда. На оборотной стороне иконы мотив лозы трактован несколько иначе. В его структуру введены вазоны с фруктами, а на боковых сторонах рамы он заметно упрощен. Вариации орнаментальной темы свидетельствуют о творческом подходе художника, о поисках разнообразных композиционных акцентов.

В 1837 году им был заново переделан оклад на древнюю ризничную икону «Успение Богоматери», вклада боярина Богдана Хитрово (рис. 4).

После секуляризации 1764 года монастырские крестьяне перешли в ведение Коллегии Экономии, став называться «экономическими». Каждый из этих крестьян получил право по своему желанию быть причисленным к мещанам. При Лавре было оставлено 100 человек служителей, из которых лишь один был художником. Поскольку серебряники в штат не вошли, с этого времени на целых двадцать лет Троице-Сергиева лавра практиковала с оставшимися в посаде серебряниками и другими мастерами, а также с москвичами договорную систему. Но для мелких починок, оценки поступавших драгоценных вкладов, видимо, использовали знания монашествующих или послушников. О подобной практике повествуют документы более позднего времени.

Младший сын Артемия Чумакова — Иван обучался уже не в Москве, а непосредственно у отца и поступил в штат ризничной серебряной мастерской в 1830-х годах. Мастера работой не всегда загружались, а отпускались «на прокормление» по паспортам, обязуясь отрабатывать в Лавре 5 недель на чистках серебра перед праздниками: Пасхой, Троицыным днем, Рождеством, обретением мощей преподобного Сергия, днем памяти преподобного Сергия.

Дочь Ивана Чумакова — Пелагея (в замужестве Тарбинская, 1840–1917) была прабабушкой Зинаиды Самуиловны Кейвсар (1916–1989) — жены Кирилла Павловича Флоренского, второго сына отца Павла Флоренского.

Младший сын Ивана Чумакова — Николай (1858–1931) числил ся мещанином Сергиева Посада и продолжал дело отца. Он купил дом (рис. 5) на Александровской улице, которая впоследствии называлась Вифанской, а в советское время — Комсомольской (сам город с 1930 по 1991 год назывался Загорском). В настоящее время улице вернули название Вифанская, а городу прежнее имя Сергиев Посад. Рядом с домом находился флигель, в котором была мастерская Николая Ивановича с наемными рабочими. На центральной площади Сергиева Посада — Красногорской — Николай Иванович держал иконную лавку. После 1917 года он работал уже в одиночку, а во флигеле жил его средний сын.

Семья у Николая Ивановича была большая (рис. 6). Трое сыновей: Михаил (1888–1969), Сергей (1889–1965), Александр (1896–1916) — начальное образование получили в четырехклассном городском училище, а дочери: Ольга (1886–1968), Анна (1892–1939), Зинаида (1899–1974), Александра (1901–1990) — в гимназии.

Рис. 5. Дом Чумаковых. Из семейного архива

*Рис. 6. Семья Николая Ивановича Чумакова
Стоят слева направо: Александра, Ольга, Александр, Анна, Зинаида.
Сидят слева направо: Сергей, Екатерина Петровна (ур. Заботина),
Николай Иванович, Михаил. Из семейного архива*

Старшие сыновья по прошению отца, на имя «Директора Строгановского центрального училища технического рисования», были зачислены в это училище. Отец при этом обязался своевременно вносить плату за обучение сыновей. Годы обучения братьев: 1906–1911.

О Михаиле известно, что он был вынужден дополнительно сдавать анатомию, т. к. отвлекался на «частные работы», пропускал уроки и поэтому не мог своевременно представить свои работы [6].

По окончании училища оба брата получили звание «ученого рисовальщика» [7].

Отец финансировал поездки Михаила и Сергея по старым городам России, а сыновья отчитывались перед отцом не только финансово, но и открытками с видами городов.

Младший сын Николая Ивановича — Александр в 20 лет утонул в Оке. По воспоминаниям родственников, пытался спасти какого-то ребенка.

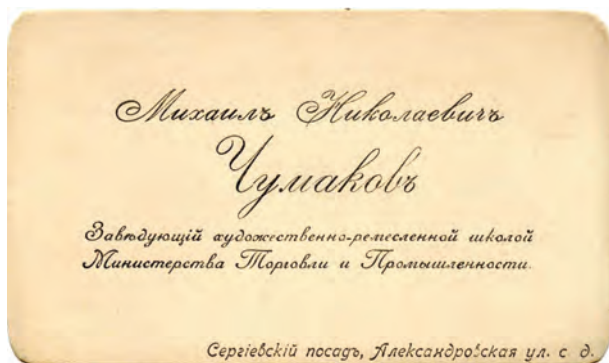

Рис. 7. Чумаков М. Н. Визитная карточка.
Из семейного архива

Михаил, старший сын Николая Ивановича, после окончания Строгановского училища преподавал графические искусства в гимназиях Сергиева Посада и Киржача, был заведующим художественно-ремесленной школой Министерства торговли и промышленности в Сергиевом Посаде (рис. 7). После 1917 года Михаил Николаевич преподавал во многих техникумах и вузах Москвы. Достойный венец его педагогической карьеры изданное в 1953 году учебное пособие «Планы уроков по черчению в VII классе средней школы: Из опыта работы».

Времена большого террора не обошли семью Чумаковых. Михаил Николаевич был арестован в 1937 году, жена осталась с четырьмя детьми. После обращения к Н. К. Крупской сына Николая приняли в интернат на государственное обеспечение. К счастью, по неизвестным причинам арест длился недолго, и семья воссоединилась.

Сергей, как и его старший брат, преподавал в гимназии г. Александра и в школах первой и второй ступени в г. Сергиеве (так назывался Сергиев Посад с 1919 по 1930 год). Давал и частные уроки рисования.

После окончания Строгановки работал как живописец-пейзажист и скульптор, выполнявший барельефы в металле, преподавал акварельную живопись в Строгановском училище [8].

В 1914–1917 годы братья Чумаковы были членами Троице-Сергиевского художественного общества (ТСХО). Михаил был его первым председателем. Оба брата участвовали в выставках картин этого общества. В 1924 году группа художников г. Сергиева на своем собрании постановила принять программу Ассоциации художников революционной России (АХРР) и просить АХРР включить их в свою ассоциацию в виде филиала [9].

Родственники помнят такой стишок, сочиненный учениками одной из школ города в конце 1930-х годов:

Наш учитель Чумаков
Летал выше облаков.
Просил денег у богов
На починку сапогов.

К сожалению, о ком из братьев идет речь, установить уже не представляется возможным.

После смерти Николая Ивановича в 1931 году в доме на Комсомольской улице оставалась его жена Екатерина Петровна (ур. Заботина, 1872–1950) со старшей дочерью Ольгой, а также семья старшего сына Михаила с четырьмя детьми.

Сын Сергей с женой занимали флигель дома, они держали корову, а Ольга — козу. Все семьи разводили огород и цветы. Ольга Николаевна Цветкова (ур. Чумакова) всегда жила в семье родителей. По семейному преданию, после окончания гимназии вышла замуж в семью священника, но не прилась ко двору, прожила там то ли день, то ли месяц и вернулась под родительский кров. К сожалению, записи

в метрических книгах Сергиева Посада о венчании Ольги найти пока не удалось. В советское время Ольга Николаевна работала учительницей во вспомогательной школе, располагавшейся «на Каляевке» — в прежнем Черниговском скиту.

Остальные три дочери Николая Ивановича жили в Москве. Анна Николаевна Хохлова (ур. Чумакова) окончила гимназию, включая дополнительный 8-й класс, дающий право на получение звания домашней учительницы по русскому языку и начальному преподаванию русского языка и арифметики. В 1918 году она вышла замуж за Сергея Григорьевича Хохлова, который работал в Сергиевом Посаде. Самые голодные годы она жила в деревне Малые Ломы Ивановской области в семье родителей мужа. В 1924 году с двумя дочерьми Верой и Людмилой переехала в Москву, где муж работал на военном складе. Когда девочки подросли, работала воспитательницей в детском саду, учительницей начальных классов.

29 ноября 2016 года в музейном комплексе «Конный двор» была открыта уникальная выставка, тесно связанная с историей Сергиева Посада, — «На Главной улице города». На выставке были представлены предметы из домашних коллекций жителей города, в частности полотенца, вышитые Анной Николаевной как приданое, переданные в дар музею ее дочерью Людмилой Сергеевной Кульчицкой.

Зинаида Николаевна Чумакова (1899–1974) окончила городское училище Сергиева Посада и гимназию в г. Александрове. С 1919 года работала в родном городе в начальной школе и в детском доме. С 1924 года была учительницей начальных классов в Москве. Ее сын Лев Чумаков (1933 г. р.) окончил Московский энергетический институт, работал программистом в Институте проблем информатики РАН.

Александра Николаевна Волкова (ур. Чумакова, 1901–1990) окончила гимназию в г. Александрове, никогда не работала и жила с мужем в Москве.

Жены Михаила и Сергея Чумаковых тоже заслуживают внимания.

Михаил познакомился со своей будущей женой Евстолией Ивановной Селивановой (1893–1974) в Киржаче, где он преподавал в учительской семинарии, а она гостила у своей сестры, жены директора этой семинарии. Евстолия Ивановна окончила полный курс гимназии и 8-й педагогический класс в Воронежской гимназии. Летом 1914 года она поступила в Строгановское училище на декоративно-живописное отделение. Окончить училище помешала Первая

мировая война. В семье Михаила было четверо детей — один сын и три дочери. Евстолия Ивановна всегда была активным членом родительских комитетов классов, где учились дети. По воспоминаниям соучеников детей, в доме Чумаковых устраивали рождественские елки даже тогда, когда это было запрещено. В 1960-е годы, когда дети жили своими семьями в Москве, Евстолия Ивановна активно участвовала в общественной жизни Загорска, что подтверждают сохранившиеся в семье почетные грамоты.

Супругой Сергея Николаевича была Римма Ивановна (ур. Чудецкая, 1891–1975). Для нее этот брак был вторым. Первый муж, инженер-путеец, и двое детей умерли во время эпидемии холеры в 1921 году в Узбекистане, куда был командирован отец семейства. Совместных детей у Риммы Ивановны и Сергея Николаевича не было. В Загорске Римму Ивановну вспоминают как преподавателя биологии, на уроках которой стояла абсолютная тишина. После Великой Отечественной войны она работала в Москве, была «Отличником образования».

Следующее поколение жителей дома постепенно перебралось в Москву, дом на Комсомольской улице опустел, а в начале семидесятых сгорел, сгорели и остававшиеся там живописные работы. В настоящее время на этом месте стоит новый дом и идет новая жизнь.

В этом поколении Чумаковых ни художников, ни тем более серебряников, увы, не было. Однако в потомках сохранилась любовь к изобразительному искусству. Сын Михаила Николаевича — Николай Михайлович (1927 г. р.), который является последним представителем рода Чумаковых по мужской линии, доктор геолого-минералогических наук, автор множества статей и книг по своей специальности, любит говорить: «Когда я устаю, запираю свой кабинет в Геологическом институте РАН и иду в Третьяковку, благо это рядом».

Возможно, продолжением художественного дара Чумаковых можно считать перфоменсы Алексея Андреевича Таруца (1984 г. р.), правнука Николая Ивановича, внука его дочери Анны. Алексей Таруц — междисциплинарный художник, чья практика включает в себя перформативные и ситуативные работы наряду с инсталляциями в смешанной технике.

Здравствующие ныне внуки Николая Ивановича Чумакова с теплотой вспоминают свою малую родину, свой милый старый дом и большую семью, жившую в нем.

Список источников и литературы

1. *Шитова Л. А.* Серебряная мастерская Троице-Сергиевой лавры в первой половине XIX в. // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России : материалы II междунар. конф., 4–6 октября 2000 г., Сергиев Посад. — 2002. — С. 396.
2. Там же. — С. 397.
3. *Шпанькова Т. Н.* Прогулки по родному городу. Сергиев Посад. Валовая и Вифанская улицы. — Сергиев Посад, 2018.
4. РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Ед. хр. 3652. Л. 8.
5. ЦИАМ. Ф. 2128. Оп. 1. Ед. хр. 122. Л. 120 об.
6. РГАЛИ. Ф. 677. Оп. 1. Ед. хр. 9880.
7. РГАЛИ. Ф. 677. Оп. 2. Ед. хр. 224. Л. 203. Ед. хр. 154. Л. 83.
8. Сергиево-Посадское отделение Союза художников России. Художники Сергиева Посада : Энциклопедия художественной жизни. — 2007.
9. РГАЛИ. Ф. 677. Оп. 2. Ед. хр. 224. Л. 203. Ед. хр. 154. Л. 83.

**Рукавишниковы:
образы памяти из тени забвения**

В прошлом род Рукавишниковых был одним из символов предпринимательской дореволюционной России, примером отменной организации и энергичности, общественного служения и благотворительности. Как и большинство представителей их сословия до недавнего времени они были в тени забвения, несли отпечаток негативных классовых стереотипов. Однако память о них всё более оживает в сохранившихся объектах наследия, немых свидетелях их добрых свершений, а неутомимый дух русского народа продолжает жить в их трудолюбивых потомках, щедрых на созидание и творчество.

Сначала это родоначальник династии — кузнец и торговец железом, основатель Нижегородского стального завода, потом его сын — потомственный почетный гражданин, купец 1-й гильдии, крупнейший производитель и поставщик стали, далее многочисленные потомки — неутомимые предприниматели и щедрые благотворители, храмоздатели, строители величественных зданий, попечители детских приютов, больниц, гимназий и ремесленных училищ, культурных учреждений, жертвователи на нужды церкви. Они оставили богатейшее культурное материальное и нематериальное наследие, которое является предметом гордости нижегородцев и центром притяжения туристов. Наконец, это представители гуманитарной ветви генеалогического древа — писатель и поэт Серебряного века, а также династия скульпторов с мировой известностью, работы которых есть во многих городах России и за рубежом: Митрофан, ведущий скульптор периода 20-х — нач. 1940-х годов, воспевавший вождя мирового пролетариата, его сын знаменитый скульптор Иулиан, внук — замечательный народный художник России скульптор Александр и правнук Филипп.

Работы, созданные скульпторами Рукавишниковыми, можно встретить во многих городах России и за рубежом: памятник академику И. В. Курчатову и горельеф «Воскресение Христа» в Храме Христа Спасителя в Москве, скульптура «Древо жизни» в Представительстве

России при ООН в Нью-Йорке, памятники Владимиру Высоцкому на Ваганьковском кладбище, Федору Достоевскому, Михаилу Шолохову, Муслиму Магомаеву, Мстиславу Ростроповичу, Константину Рокоссовскому, Юрию Никулину, Льву Яшину и многие, многие другие. Их работы находятся в собраниях Третьяковской галереи, Русском музее и частных коллекциях, выставляются на всероссийских и международных художественных выставках (рис. 1, 2).

*Рис. 1. Рукавишниковы-скульпторы (прадед, дед, отец, сын).
Уникальное фото династии скульпторов Рукавишниковых в XX веке,
на одном фото – от прадеда к внуку:
Митрофан Сергеевич Рукавишников,
Иулиан Митрофанович Рукавишников,
Александр Иулианович Рукавишников,
Филипп Александрович Рукавишников
(Фото предоставлено А. И. Рукавишниковым из личного архива)*

Рис. 2. Рукавишниковы

*Справка*¹ (рис. 2а, 2б) РУКАВИШНИКОВЫ, нижегородская купеческая династия, торговцы железом. Основатель — Григорий Михайлович Рукавишников, кузнец и торговец железом из местности Красная Рамень Семеновского уезда (по другим данным: торговец солью из Балахны). Торговал железом на Нижегородской ярмарке (на 1817 — 3 лавки, 1822 — 6 лавок). Нижегородский 3-й гильдии купец (не позднее 1822). В 1822 основал Нижегородский стальной завод в Канавинской слободе. В 1836 награжден медалью Департамента мануфактур и внутренней торговли.

Его сын, Михаил Григорьевич Рукавишников (1811, Нижний Новгород — 1874, там же), потомственный почетный гражданин, купец 1-й гильдии (1842), мануфактур-советник; увеличил объем годового производства стали на заводе (в 1837 — 43 тыс. пудов, в 1843 —

¹Предоставлена профессором Ф. А. Селезнёвым. Краткая библиография о Рукавишниковых: *Рукавишников И. С.* Проклятый род. — Н. Новгород, 1999; *Шиян Л. И.* Феномен Рукавишниковых // Каждый род знаменит и славен: Из истории нижегородского предпринимательства XVII — нач. XX века. — Н. Новгород, 1999; *Ненюков С. С.* Встречи сквозь века. — Новосибирск, 2005; *Макаров И. А.* Рукавишниковы // Купеческий Нижний / И. А. Макаров. — Н. Новгород, 2006.

Рис. 2а. Памятник Спас в силах.
2007. Бронза, сусальное золото.
г. Маалюля, Сирия (разрушен
в ходе военных действий).
Скульптор А. Рукавишников

Рис. 2б. Памятник В. Н. Татищеву.
1998. Бронза, гранит. Тольятти
(бывший Ставрополь-на-Волге, буквально «город креста»)).
Скульптор А. Рукавишников

50 тыс. пудов) и его прибыль (в 1843 — 90,5 тыс. руб., в 1858 — 140 тыс. руб.). Сталь поставлялась в другие губернии и в Персию. Вел оптовую торговлю железом. Крупнейший партнер уральских горнозаводчиков (Голицыны, Строгановы, Абамелек-Лазаревы). Имел лавку-склад в Нижнем Новгороде. Главный поставщик сырья для кустарей местности Красная Рамень Семеновского уезда, известной как центр кузнечного промысла. Занимался кредитной деятельностью. В Крымскую войну пожертвовал по 20 копеек серебром на каждого ратника Нижегородского ополчения (1855). Член Попечительского совета нижегородской Мариинской женской гимназии, в пользу которой производил пожертвования. Один из основателей православного Братства святых Кирилла и Мефодия, учрежденного для вспомоществования бедным ученикам Нижегородской гимназии. Его наследство (свыше 30 млн руб.) отошло жене, Любови Александровне Р. (1823–1893), и детям (7 сыновей, 2 дочери) — по 3–4 млн каждому.

После смерти Михаила Григорьевича Рукавишникова семейное предприятие именовалось «Наследники М. Г. Рукавишникова». Фирма Р. занималась оптовой торговлей железом и производством стали на собственном заводе (в 1886 году на заводе было 15 рабочих, выпущено изделий на 10 750 руб.; в 1900 — 8 рабочих, выпущено продукции на 8481 руб.; в 1900 — производство стали прекращено). Каждый из сыновей Михаила Григорьевича Р. имел свой личный счет, прибыль делилась поровну. С согласия родственников единоличное руководство фирмой осуществлял Иван Михайлович Р. (1848, Нижний Новгород — 1906), гласный Нижегородской городской думы (1883–1886), почетный мировой судья, действительный член Нижегородского общества поощрения высшего образования, почетный член Совета Нижегородской земледельческой исправительной колонии (где на его средства построена церковь). Завещал на пособие вдовам, живущим в Нижегородском вдовьем доме им. Бугровых и Блиновых, капитал в 32,9 тыс. руб. Его сын, Иван Иванович Р. (род. 1882), окончил Нижегородский дворянский институт (1902) и Петербургский технологический институт, служил в канцелярии Государственного совета.

Варвара Михайловна Рукавишникова, в замужестве Бурмистрова (1851, Нижний Новгород — после 1930), — почетная попечительница Нижегородского городского приюта им. графини О. В. Кутайсовой, член Правления Общества вспоможения бедным Нижнего Новгорода. Собрала коллекцию картин, хранящуюся ныне в Нижегородском художественном музее.

Сергей Михайлович Рукавишников (1852, Нижний Новгород — 1914, там же) в 1877 на свою часть отцовского наследства возвел роскошный дворец на Верхне-Волжской набережной Нижнего Новгорода (архитектор И. С. Бойцов, скульптор М. О. Микешин; с 1918 — Нижегородский художественно-исторический музей). В 1879 приобрел усадьбу Подвьязе в Горбатовском уезде, где устроил конный завод. В 1908–1916 по его инициативе в Нижнем Новгороде построено здание торгово-промышленного комплекса, часть помещений которого арендовало Нижегородское отделение Русского торгово-промышленного банка (архитектор Ф. О. Шехтель, скульптор С. Т. Коненков).

Владимир Михайлович Рукавишников (1853, Нижний Новгород — 1888), на свои средства открыл в Нижнем Новгороде музыкальную школу и капеллу, руководил церковным хором. Член Совета православного Братства святых Кирилла и Мефодия, учрежденного для вспомоществования бедным ученикам Нижегородской гимназии. Почетный член Совета Кулибинского ремесленного училища.

Митрофан Михайлович Рукавишников (1864, Нижний Новгород — 1911, там же) окончил Нижегородское реальное училище. В 1890–1911 председатель Братства святых Кирилла и Мефодия, при его денежной поддержке построены: здание для братства и домовая церковь при нем для общежития бедных гимназистов; больница Российского общества Красного Креста. Купив участок земли в Нижнем Новгороде на Варварской ул., в 1905 совместно с братьями возвел там здание Дома Трудолюбия имени Михаила и Любови Р. (арх. П. А. Домбровский), где бедняки за выполнение неквалифицированной работы (щипка пакли, ческа мочал, производство щеток, мочалок, матрасов, матов) получали небольшую поденную плату, стол и ночлег. Собрал коллекцию картин, в числе которых работы художников В. М. Васнецова, И. Н. Крамского, И. К. Айвазовского, А. И. Куинджи. Пожалован орденами: Св. Станислава 3-й степени — за отличное усердие на пользу Русской Православной Церкви (1888); Св. Анны 3-й степени — за труды и помощь пострадавшим от неурожая (1893) и 2-й степени — за отличное усердие и особые труды по званию председателя Совета Братства святых Кирилла и Мефодия (1899); Св. Владимира 4-й степени — за особые труды по званию члена Комитета для усиления средств Елизаветинской общины сестер милосердия Российского общества Красного Креста (1901) (рис. 3, 4, 5, 6).

Митрофан Сергеевич Рукавишников (1887–1945)

*Рис. 3. Митрофан Сергеевич
Рукавишников*

*Рис. 4. Митрофан Михайлович
Рукавишников*

Рис. 5. Иван Сергеевич
Рукавишников

Рис. 6. Бурмистрова
Варвара Михайловна
(в девичестве
Рукавишникова)

Варвара Мих. Бурмистрова.
Поч членъ В. У. И. М.

Рис. 7. Усадьба Рукавишникова (фасад)

В Нижнем Новгороде сохранились принадлежавшие им такие замечательные здания, как Дом Трудолюбия, торгово-промышленный комплекс и банк работы архитектора Шехтеля и скульптора Коненкова на Нижне-Волжской набережной, великолепный дворец-особняк на Верхне-Волжской, где сейчас располагается государственный историко-архитектурный музей-заповедник, другие дома (рис. 7, 8, 9, 10, 11, 12).

В результате кощунственного уничтожения в 30-х годах XX века Крестовоздвиженского монастыря и Казанского кладбища, которое было местом погребения почетных граждан, героев и ветеранов войн и просто уважаемых нижегородцев: представителей дворянских и купеческих родов, деятелей промышленности, торговли, науки, культуры, — могилы Рукавишниковых были также уничтожены (рис. 13).

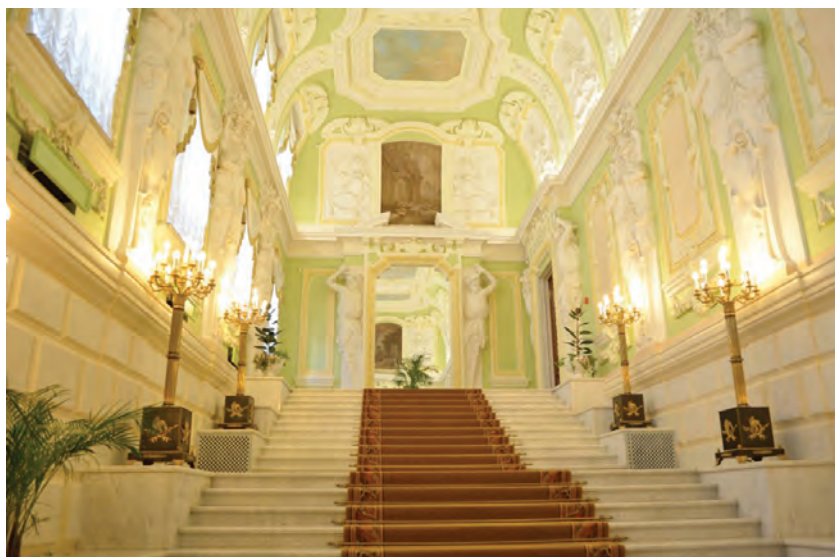

Рис. 8. Усадьба Рукавишников (парадная лестница)

Рис. 9. Усадьба Рукавишников (зал)

Рис. 10. Торговый Дом Рукавишниковых
на набережной Волги

Рис. 11. Дом Трудолюбия

Рис. 12. Здание Банка

*Рис. 13. Монастырская площадь
(дореволюционный вид)*

Скрытый образ наследия, связанный с династией Рукавишниковых, — это Крестовоздвиженская площадь (ныне пл. Лядова) в Нижнем Новгороде, вокруг названия и застройки которой не утихают споры и поныне.

Лядов — партийный псевдоним революционера со стажем Мартина Мандельштама², который стал первым официальным историком Коммунистической партии, однако к городу не имел практически никакого отношения. Более того, история площади находится в полной несовместимости с ее нынешним названием. Центральным объектом всегда были церковь и женский монастырь, рядом с которым располагалось Казанское кладбище. Здесь провожали в последний путь представителей наиболее состоятельной и влиятельной, преимущественно консервативной части местного общества. По исторической и мемориальной значимости для города Крестовоздвиженский равноценен некрополям Александро-Невской лавры, Новодевичьего, Донского и других знаменитых монастырей России. Но в 30-е годы его сровняли с землей, а сейчас на его месте улица, трамвайные линии и жилые здания.

Площадь в ее нынешнем виде возникла при советской власти, но за счет разрушения монастыря и кладбища. Страсти разгорелись вокруг названия. Действующий православный монастырь сегодня отгорожен от площади зданием студенческого общежития, к тому же в архитектурный ансамбль площади сегодня вломился огромный ТРЦ «Небо», никак не сочетающийся ни с монастырем, ни с постройками «сталинского классицизма». Теперь место представляет собой удивительный «микс» буквально во всех смыслах (архитектурном, эстетическом, историческом, идеологическом, культурологическом).

² Вопрос о возвращении исторического названия площади Лядова, которая ранее называлась Монастырской, после революции — Коммунистическая, потом Ромена Роллана, наконец, Лядова, насчитывает не один год. По опросам, большинство «за» изменение названия в честь расположенного здесь древнейшего Кресто-Воздвиженского монастыря. Однако «воз и ныне там». Мартын Лядов в мае 1922 года командирован на партработу в Нижний Новгород (должность третьестепенная). Но пробыл здесь недолго, потому что уже в мае 1923 года назначен в Москве ректором Коммунистического университета имени Я. М. Свердлова. В 1929 году — начальник Главнауки, член коллегии Наркомпроса РСФСР. В 1930 году — заведующий архивом Октябрьской революции. С 1932 года — на пенсии.

Рис. 14. Памятник св. патриарху Макарию и св. царице Елене на пл. Лядова

Само имя Лядов ничего не говорит нижегородцам, употребляется по привычке, неосознанно, что неприемлемо для имени вообще, тем более площади, что сродни номерам зданий или улиц под номерами, как, например, в США. Название площади несовместимо с монастырем, который сейчас возродился, и воздвигнутым недавно на площади памятником, запечатлевшим образы Честного Животворящего Креста, святителя патриарха Макария и святой равноапостольной царицы Елены (рис. 14).

Компромиссной фигурой видится знаменитый купец Н. А. Бугров, который был выдающимся предпринимателем и благотворителем Нижнего Новгорода. Несколько лет назад на площади был открыт бюст Н. А. Бугрова рядом с так называемым вдовьим домом, одним из самых капитальных зданий дореволюционной постройки — нижегородским приютом, растянувшимся почти на целый квартал. Однако взгромоздившийся рядом на площади современный огромный торгово-развлекательный центр, задавивший собой всё вокруг, не имеет с легендарным нижегородским купцом Н. А. Бугровым не то что общей смысловой преемственности, но, скорее,

Рис. 15. Бюст Бугрова А. Н. на пл. Лядова
на фоне его благотворительного дома и ТРЦ «Небо»

Рис. 16. Пл. Лядова (современный вид)

напротив, выглядит его антиподом (рис. 15, 16). Николай Александрович Бугров был старообрядцем, а его семейный девиз гласил: «Поступай так, чтобы тебе было хорошо и никому плохо!» Он был крупнейшим благотворителем и отдавал на общественные нужды 45% прибыли, по сравнению с которыми нынешние «подачки» олигархов выглядят насмешкой.

Последнее слово еще не сказано, и сама ситуация с площадью, ее застройкой и наименованием имеет не только чрезвычайно поучительную историю, но бурное настоящее и, по-видимому, не менее интересное будущее.

За боязнь нынешней власти убрать имя Лядов и дать подобающее площади название угадывается нежелание возбуждать тему богоборческих преступлений большевистской власти. Ведь тогда после революции в стране разворачивалась яростная кампания по борьбе не только с религией, но с историей народа вообще, и в этом смысле вопрос о ликвидации также и кладбищ был одним из самых важных. Можно привести крайне важные для возрождения и сохранения культурного наследия, полезные с воспитательной точки зрения данные, приводимые на сайтах нижегородских краеведов и волонтеров. Эта информация давно ждет целенаправленного включения в образовательный и социокультурный оборот для восстановления исторической справедливости и мемориализации. Вот лишь некоторые из них³.

В Крестовоздвиженском некрополе нашли последний приют представители дворянских родов Анненковых, Бологовских, Грузинских, Зыбиных, Коптевых, Кузьминых-Короваевых, Турчаниновых, Черкасовых, Черкаских. Среди них родственники князя Г. А. Грузинского, вице-губернатор Б. Е. Прутченко, губернские предводители дворянства А. А. Турчанинов, И. С. Зыбин и М. С. фон Брин, директор Дворянского института Н. Н. Костырко-Стоцкий, член Государственного совета А. В. Баулин, действительные статские советники Г. А. Гладков, И. Е. Косткин, А. А. Кузьмин-Короваев.

Нижегородская интеллигенция бала представлена писателем П. И. Мельниковым (Андрей Печерский), поэтом Л. Г. Граве, поэтессой и переводчицей А. Д. Мысовской, писателем и редактором «Ниже-

³Смирнов С. А. Некрополь Крестовоздвиженского монастыря // Нижегородский краевед : сб. науч. ст. — Вып. 1 / отв. ред. Ф. А. Селезнев. — Н. Новгород, 2015. — 200 с.; Некрополь Крестовоздвиженского монастыря. — URL: <http://smiroslav.livejournal.com/6316.html/>.

городских губернских ведомостей» Г. П. Демьяновым, знаменитым фотохудожником А. О. Карелиным, выдающимся инженером-судо-строителем В. И. Калашниковым, историком и членом НГУАК про-тоиереем Петром Альбицким.

Городское общественное самоуправление: городской голова Фе-дор Петрович Переплетчиков (прах перенесен в 1852 году), городской голова Александр Михайлович Меморский, целый ряд гласных Город-ской Думы.

Нижегородская полиция: полицмейстеры А. Е. Махотин, П. Я. Яковлев, И. В. Фриммерман, пристав Макарьевской части А. Н. Воскресенский, брендмейстеры А. Ф. Красавин и С. Т. Чапин.

Судебное ведомство: первый председатель окружного суда А. К. Панов, секретарь окружного суда А. Ф. Карпов, член окружного суда В. И. Кутыев.

Промышленники, судовладельцы, купцы: мануфактур-совет-ник Я. Е. Башкиров, его брат Н. Е. Башкиров, коммерции советники П. И. Лельков и П. М. Морозов, пароходчики М. Ф. Каменский, М. М. Кашин и его жена и приемница М. К. Кашина.

Среди погребенных знаменитый винозаводчик и меценат А. В. Долгов, потомственные почетные граждане Ф. Н. Гуцин, А. И. Ка-менский, С. Ф. Пятов, М. Ф. Сухарев, купец 1-й гильдии Д. М. Бур-мистров, председатель Биржевого комитета В. И. Мензелинцев, глава городского общественного банка Н. А. Смирнов, директор нижегород-ской конторы Государственного банка Н. П. Полянский.

Захоронения выдающихся предпринимателей и меценатов Рукавишниковых, размещенные в семейном склепе из красно-корич-невого гранита, выделялись особо. В нем упокоились потомственные почетные граждане Иван и Сергей Михайловичи Рукавишниковы, их мать, также известная благотворительница Любовь Александровна Рукавишникова.

Список захороненных на этом кладбище Рукавишниковых:

«Рукавишников Алексей Иванович + 26.10.1914

Рукавишников Алексей Семенович + 22.5.1891

Рукавишников Иван Михайлович, потомственный почетный гражданин + 25.1.1906

Рукавишников Николай Михайлович + 4.10.1899

Рукавишников Сергей Михайлович, потомственный почетный гражданин + 26.3.1914

Рукавишникова Любовь Александровна, вдова М. Г. Рукавиш-
никова + 3.12.1893

Рукавишникова Юлия Андреевна + 15.7.1913»⁴.

В монастырской ограде были захоронения купцов Акифьевых, Бибихиных, Весниных, Вяхиревых, Ламоновых, Смирновых, Целованьевых и многих других.

Наконец, некрополь хранил память о земляках — героях военных кампаний, о боевых офицерах и генералах. В их числе павшие в сражениях и ветераны войн за освобождение славянства 1877–1878 годов, Русско-японской, Первой мировой. Десятилетиями здесь хоронили чинов Нижегородского гарнизона или военных из числа местных уроженцев и жителей, чей прах доставляли сюда, чтобы совершить погребение на родине.

Здесь был представлен целый ряд воинских захоронений периода Второй Отечественной войны 1914–1918 годов, где совершались заупокойные литургии и панихиды по павшим на фронтах Великой войны и погребенным на театрах военных действий.

Исторические погосты, помимо мемориального, имели большое художественное значение. Часто надгробные памятники были подлинными шедеврами искусства, их исполнение заказывали выдающимся скульпторам и архитекторам. До настоящего времени в монастырских некрополях имелось множество таких надгробий — с красивыми барельефами, высеченными из камня, или отлитыми в бронзе аллегорическими скульптурами, многофигурными композициями, с ажурными чугунными оградами. Теперь по воле властей всё это подлежало сдаче в металлолом или использованию как строительный материал, например, для мощения улиц. Но чаще надгробия использовались повторно для памятников представителям советского «среднего класса».

Печальная судьба постигла кладбище, где были похоронены Рукавишниковы. В 1931 году журнал «Нижегородское краеведение» сообщил об акте государственного вандализма, совершенном над фамильным захоронением купцов Рукавишниковых. Из красно-коричневого гранита с надгробий власти решили соорудить памятник борцам революции 1905 года. Идея принадлежала Истпарту при крайкоме ВКП(б) и бюро общества старых большевиков и политкаторжан. Вопросом занималась

⁴ Смирнов С. А. Некрополь Крестовоздвиженского монастыря // Нижегородский краевед : сб. науч. ст. — Вып. 1. — 200 с.

комиссия под председательством С. В. Винтера. Проект выполнил архитектор А. А. Яковлев, в представлении которого сооружение из гранитных блоков символизировало баррикаду. Приемка монумента городской комиссией состоялась 24 августа 1931 года. Не здесь ли кроется ответ на вопрос, над которым бьются до сих пор краеведы: почему бесследно исчез семейный архив Рукавишниковых и не приложил ли к этому руку «верховный архивист страны», чьим именем назовут одну из центральных площадей Нижнего Новгорода? Ведь именно в этот момент он фактически был «главным хранителем наследия».

Некрополь Крестовоздвиженского монастыря окончательно исчез в 1950-е годы, когда на его месте устроили автозаправку и спортивную площадку. Были случаи, когда студенты использовали черепа из захоронений для игры в футбол. Отдельные могилы (И. Анненкова, В. Калашникова, А. Карелина, П. Мельникова) перенесли на прочие кладбища, снабдив иными, лишенными христианской символики надгробиями. Другие исчезли навсегда.

Для воспитания действенной исторической памяти, гражданского самосознания и просвещения образ подобного достопримечательного места имеет огромное значение. Локализованный в пространстве и растянутый во времени, данный объект уникален, насыщен событийно и персонально, современен и актуален, здесь сосредоточилось прошлое, настоящее и будущее, отражены судьбы поколений и страны. Здесь пространственно-временные культурные особенности региона и места встречаются с сущностными чертами России в конкретном единичном объекте культурного наследия, образуя индивидуальный образ достопримечательного места, требующего уникального смыслового и эстетического оформления (рациональной интерпретации и художественной репрезентации). Незавершенность вопроса о переименовании площади, отсутствие должной мемориализации и достоверной информации, связанной с уничтоженным кладбищем, где были похоронены известные люди Нижнего Новгорода и страны, в том числе замечательные представители рода Рукавишниковых, — всё это требует более активных действий хранителей наследия и власти, использования этой истории в просветительских целях и учебно-воспитательном процессе по актуализации и объединению социокультурного пространства на почве исторических традиций и духовно-нравственных ценностей.

В течение последнего столетия добрая память о предпринимателях, насколько это возможно, была практически стерта в сознании

нижегородцев. Настало время восстановить историческую справедливость и увековечить их в виде яркого собирательного образа. Ведь они внесли огромный вклад в культурное наследие России и Нижнего Новгорода, создали его неповторимый облик благодаря активной созидательной деятельности в строительстве прекрасных и величественных зданий, городских усадеб, благоустройстве, благотворительности, попечительстве над учебными заведениями, сиротскими приютами, больницами, в деле меценатства и художественного коллекционирования. В подавляющем большинстве они были носителями народных традиций и быта, национального самосознания и нравственности, говоря современным языком, являлись примером социально ответственного бизнеса и государственного мышления. Автор надеется, что публикуемое ниже стихотворение поможет этому благому делу.

История одного места

То не сказка и не быль,
А рассказ про монастырь,
Город, площадь и народ,
Что без памяти живет.
Здесь последних сотню лет
Что-то помнят, что-то нет.
Мудрость предков, Божий глас,
Не случайно учит нас:
Оглянись — окаменеешь,
А забудешь — не прозреешь!
Вышел тут один курьез,
Поразительный до слез.

Но начнем рассказ сначала:
В Нижнем, с роду так бывало,
Где с вершин лесистых гор
Открывается простор,
Возводили чудный храм,
Богу в честь, на страх врагам.
Он окрестность освящал,
Дух бесовский отгонял.
Век за веком рос наш город,
Камнем древен, духом молод.

Рядом с храмом, где пустырь,
Появился монастырь,
И обитель названа
В честь Воздвиженья Креста.
Позже площадь разрослась,
Монастырской нареклась.
Было здесь заведено,
Не скупясь, творить добро:
Престарелых и больных,
Не имеющих родных,
Всех кормить и врачевать,
Словом Божиим утешать.
Благодетелем-купцом
Был построен вдовый дом,
Где сироток обучали
И путевку в жизнь давали.
Раз в году на крестный ход
Собирался здесь народ
В честь Оранской той святыни,
Что хранится и поныне.

Но внезапно, как чума,
Революция пришла.
Храм, святые алтари
Были тут разорены,
Божьим людям смерть и тьма,
Ссылный лагерь и тюрьма.
Тот, кто раньше шел с крестом,
Встал под алым кумачом.
Злобным духом одержим
Хор запел партийный гимн.
Всё, что было на кладбище
И давало сердцу пищу,
По приказу растоптали,
Замостили, укатали.
Что давало утешенье
И надежду воскресенья
Оказалось в запустенье.

Покалечил красный бес
Поколение и исчез.
Месту, будто в наказанье,
Дали новое названье,
И уже который год
Площадь имя то несет:
«Лядов»⁵, он же Мандельштам,
Знаменит ни тут, ни там.
Но значение важно:
«*Черт*» — прочтение его.
Вместо Божьего креста
Массмедийная игла
Рядом с площадью взвилась,
Телебашней назвалась.

Ныне восстановлен крест,
С колокольни благовест
Вновь людей зовет к спасенью,
Покаянью и терпенью.
Но пойдет ли людям впрок
Исторический урок?
Имя надо возвратить
И о смысле не забыть:
Красный бес по кличке «Лядов»
И Мамона — желтый дьявол,
Лицемерный, жадный, сытый,
Деловитостью прикрытый, —
Здесь сошлись с монастырем,
Как зловещий мрак с огнем.
Но креста животворенье
Принесет нам очищенье!

Долг общественности и власти к 800-летию юбилею Нижнего Новгорода, который будет отмечаться в 2021 году, убрать с исторической площади имя М. Лядова. По злой иронии именно его именем

⁵Ляд — одно из древних восточнославянских наименований черта, первоначально, видимо, «полевого» духа. *Употребляется в ругательствах «Пошел к ляду!». Злой дух, бес, демон.*

до сих пор названо место, где была осуществлена варварская зачистка исторической памяти.

В честь представителей дворянских и купеческих родов, деятелей промышленности и торговли, внесших достойный вклад в культурное наследие не только Нижнего Новгорода, а всей страны, надо поставить величественный памятник. Будет справедливо и глубоко символично, если его автором станет скульптор, являющийся потомком знаменитого нижегородского рода — народный художник России, действительный член Российской академии художеств Александр Рукавишников, внесший замечательный вклад в отечественное и мировое культурное наследие. Александр Рукавишников — наследник капитала особого рода: духовного и творческого. В руках мастера металл вместо источника прибыли и «приращения денег» стал материалом для «приращения человека», способом выражения софийности человеческой культуры и смысла истории. Его экспрессивное творчество вобрало лучшее из великого наследия разных культур, воплотив в совершенной художественной форме образы национальных героев, пророков и поэтов, душу народа как в ее кризисе и падении, так и в высочайшем задании и достижениях. Новое творение воплотит идею преемственности традиционных ценностей рода, сословий и поколений, извлечения исторических уроков.

Зимин (Толоконников) Сергей Львович

**Купеческо-дворянская семья
Толоконниковых-Рябушинских
в служении Отечеству¹**

Рис. 1. Зимин (Толоконников) Сергей Львович (1943 г. р.) — дипломат, журналист-международник, кандидат экономических наук, доцент

¹ По книге: *Клопов А. С.* Холодная война военного разведчика из Мологи. Из истории семьи, края, страны / под. ред. С. Л. Зимина. — Рыбинск: Изд. центр Рыбинского музея-заповедника, 2015. — 432 с. : ил.

От старшего сына генерала Толоконникова

*В память о моей семье
и в честь страны и края*

У нашей великой страны нелегкая история, в столетиях которой у очень многих теряются родовые корни, обедняя тем самым Память прожитых страной и всеми нами лет.

Но нужны ли родовые корни потомкам? С ужасом представляю, что по прошествии ряда лет наши дети, не говоря уже о внуках и правнуках, не будут помнить, как звали их дедов и прадедов и тех мест, где они рождались и умирали.

В нашем с братом Николаем случае — прадеда, статского советника, дворянина Николая Фёдоровича Толоконникова, родившегося в Ростове Великом, а жившего в Мологе. Его сына и нашего деда Сергея Николаевича — поручика и георгиевского кавалера. Потомственного дворянина Василия Ивановича Соболева и его дочерей, одна из которых, Ксения Васильевна, стала нашей бабушкой. Ее родного брата Владимира Соболева — еще одного георгиевского кавалера в семье. Нашего отца Льва Сергеевича — заметного организатора советской военной разведки. Анну Платоновну — нашу маму из семьи священнослужителей, чей отец и наш дед Платон Дарьевич Слупский был кандидатом богословия и чиновником.

А будут ли знать о нашем прапрадеде-«миллионщике» Павле Михайловиче Рябушинском, чей сын Владимир Павлович — кавалер солдатского Георгиевского креста и третий герой в семье, а любимая дочь Александра Павловна — наша прабабушка? Или о прапрапрадеде о. Иоанне, Иване Матвеевиче Ястребове — иерее Русской православной старообрядческой церкви и персонаже известного русского писателя П. И. Мельникова-Печерского? Он может быть приравнен к героям Отечественной войны 1812 года за спасение православных святых от захватчиков Наполеона и восстановление церковной жизни в освобожденной Москве.

Не выветрится ли из памяти родство с графом А. И. Мусиным-Пушкиным, первооткрывателем «Слова о Полку Игореве», и великой советской балериной Галиной Улановой? С семьями генералов Зимины Вениамина Ивановича и Червова Николая Фёдоровича, породненными с Толоконниковыми через наших жен — Татьяну Вениаминовну и Наталью Николаевну?

Рис. 2. Павел Михайлович Рябушинский (1820–1899)
Художник П. Дункерс. 1890. *Исторический музей*

И не забудут ли о нас с братом, служением Отечеству подтвердивших заслуги предков и продолживших родословную, корнями уходящую в XVI–XVII века?

Купцы, дворяне, священнослужители, генералы, офицеры, ученые, рабочие, крестьяне. Женщины-труженицы и хранительницы семейных очагов. Каждый прожил свою жизнь, внося лепту в историю страны и семьи, впитывающей с годами всё новых и новых членов. Но главное, чтобы все эти семейные линии не были забыты и чтобы какой-нибудь внук или правнук не сказал потом, что не знает, кто его предки, и ему это безразлично. Вот на таком отпрыске прервется не линия, а семья, общество, история. Прервется Память.

Может быть, семья Толоконниковых и не такая значимая в сравнении с всемирно известными фамилиями. Но ее представите-

ли с честью прошли через все испытания, выпавшие на долю нашей страны. Смута, церковный раскол, Отечественная война 1812 года, революции, Первая мировая, Гражданская и Великая Отечественная войны. Периоды империи, сверхдержавы и холодной войны, с истоков которой генерал Толоконников начал служение Родине в разведке. Распад страны и ее дальнейшее развитие, современниками чего стали его сыновья. Вместе с миллионами сограждан одни пали в боях, а другие были изранены, получив за героизм и служение Отчизне признание в виде сословных привилегий, высоких воинских званий и орденов. Не затерялись в лихолетьях и повседневной суете. Выстояли, как выстаивает и страна.

Семейная нравственность рода Толоконниковых во многом определена девизами Рябушинских: «Всё для дела — ничего для себя» и «Богатство обязывает»! Хотя под «богатством» понимаются отнюдь не деньги. И «Нужно переждать» — перетерпеть невзгоды, выстоять.

Но всё, о чем я и мой покойный брат вспоминаем, прожито и пережито и составляет неотъемлемую часть истории семьи как частицы нашего народа.

Так пусть эти воспоминания будут частью Памяти, которую хотел сохранить наш папа, задумывал собрать воедино мой брат, а выбор пал на меня.

В каждой семье есть чем гордиться, чем поделиться с другими. Люди прожили свои жизни, и мы, их потомки, не вправе допустить, чтобы об этом не осталось следа в Памяти. Семья Толоконниковых-Зиминых выражает Рыбинскому музею-заповеднику и Землячеству мологжан признательность за Память о русском городе Мологе и его жителях, среди которых — мологжанин, военный разведчик, генерал Лев Сергеевич Толоконников и его семья. Отдельная благодарность военным разведчикам и разведчикам-чекистам, рука об руку с которыми прошли Лев Сергеевич и его семья в годы служения Отечеству, и, конечно, ветеранам обеих служб.

Сергей Зимин (Толоконников)

Прапрадед Павел Михайлович Рябушинский

Как-то так получается, что предшественников у нас в целом не чтят, что достаточно цинично отражено в большевистском понимании закона материалистической диалектики «отрицание отрицания», фактически отказавшем всем нам в преемственности поколений.

А между тем из сравнительно недавней истории нашей страны известно, что тысячи, десятки и сотни тысяч, если не миллионы людей старой формации, причем зачастую весьма успешных, совершенно осознанно влились в новую, обеспечив тем самым искомую преемственность поколений. Взять для примера хотя бы наши современные Общества потомков участников Отечественной войны 1812 года и Первой мировой: в их рядах немало уважаемых и успешных современников из не менее уважаемых и успешных старинных российских родов со звучными и поныне фамилиями.

«Мы вот теперь говорим, что страна стоит перед пропастью, — размышлял единокровный брат Александры Павловны Толоконниковой (Рябушинской), бабушки прямого правнука старовера-«миллионщика» Льва Сергеевича Толоконникова, — Павел Павлович Рябушинский о Февральской революции 1917 года. — Но переберите историю: нет такого дня, чтобы эта страна не стояла перед пропастью. И всё стоит». И в том заслуга поколений миллионов российских семей, строящих и защищающих веками наше Отечество, среди которых и успешные семьи Толоконниковых-Рябушинских.

Сегодня многие из сторонников преемственности поколений любят вспоминать фразу Александра Сергеевича Пушкина: *«Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно. Не уважать оной есть постыдное малодушие».*

Не сразу Павел Михайлович Рябушинский нашел свое счастье в наследниках. Пять из шести дочерей от первого брака и столько же от второго при жизни успел вырастить и удачно выдать замуж. И только восьми сыновьям старовер и «миллионщик» передал все капиталы, не преминув упомянуть в завещании и свою любимицу младшенькую по первому браку, уже упоминавшуюся Шурочку — Александру Павловну Толоконникову (Рябушинскую).

Похоронив в 1899 году отца, наследники главы династии к Первой мировой войне и революционным потрясениям сумели покорить своим новаторством промышленную и банковскую Москву. А заодно, подзабыв девиз деда «Всё для дела — ничего для себя», — оглушить мо-

сковского обывателя не свойственными старообрядчеству роскошными особняками, женами-красавицами, разгульной жизнью, но и страстью к наукам, искусствам, а также меценатством и благотворительностью.

Степан Павлович Рябушинский прославился коллекционированием икон и уникальным особняком на М. Никитской (ныне музей А. М. Горького). Михаил — домом на Спиридоновке (ныне дом приемов МИД) и женой — признанной московской красавицей. Николай — художник, эстет, издатель художественного журнала «Золотое руно», владелец экзотической дачи «Черный Лебедь» в Петровском парке. Дмитрий — ученый, основатель Аэродинамического института в Купчине, а в эмиграции — член-корреспондент Французской академии наук. Фёдор — инициатор и организатор первых научных экспедиций на Камчатку и Дальний Восток, разведки и добычи радия и нефти, финансирования В. И. Вернадского. Владимир — герой-фронтовик Первой мировой и крупный политический деятель.

А возглавил клан старший из сыновей усопшего «миллионщика» Павел Павлович Рябушинский — талантливый предприниматель и банкир, вихрем ворвавшийся со старообрядческими и масонскими взглядами в предреволюционную российскую большую политику.

Известно, что род Рябушинских пошел с Дениса Кондратьева, родившегося в 1713 году и впоследствии ставшим стекольщиком (отсюда прозвище-фамилия Стекольщиков) в Свято-Пафнутиевом мужском монастыре в Калужской губернии. А его потомок в третьем колене Михаил Яковлевич не только значился уже купцом третьей гильдии, но и перешел в старoverы под фамилией Рябушинский, заложив основы богатства семьи. Это его девиз: «Всё для дела — ничего для себя».

Кстати, как так получилось, что рожденный в лоне господствующей церкви Михаил Яковлевич решил старообрядчеством бросить открытый вызов власти и церкви? Ответ на этот непростой вопрос, похоже, кроется в известной газете его наследников «Утро России», где под лозунгом «Купец идет» внук Михаила Яковлевича — Павел Павлович поставил монархии ультиматум: допустить предпринимателей к управлению страной.

Работая за границей, Лев Сергеевич в зрелом возрасте и высоких регалиях военного разведчика с горечью наблюдал за закатом знаменитой династии, сожалея, что Рябушинские упустили исторический шанс остаться в народной памяти создателями на пример Морозовых или Демидовых. Хотя династию Рябушинских и поныне сравнивают с американскими Фордами и Рокфеллерами.

Рис. 3. Александра Павловна Толоконникова (Рябушинская)
(1854–1933). Молога. 1896

Рябушинские гордились принадлежностью к русским купцам-староверам и противопоставляли себя иноверцам-ростовщикам. Критиковали русское самодержавие и неоднократно отказывались от предлагавшегося им дворянства, считая это сословие изжившим себя наростом на теле России. В этом они одно время разделяли взгляды большевиков, но впоследствии выступили резко против них, поняв, чем дело для них может кончиться. И кончилось!

За нашумевшее высказывание в предреволюционное время Павла Павловича Рябушинского о том, что *«нужна костлявая рука голода и народной нищеты, чтобы она схватила за горло лжедрузей народа, членов разных Комитетов и Советов, чтобы они опомнились»*, купеческая династия Рябушинских была предана революционной анафеме как злейший враг рабочего класса и советской власти...

Упорствуя в своем антибольшевизме, Рябушинские даже в эмиграции призывали к интервенции в Россию, их фамилия фигурировала на нашумевшем процессе 1930 года в СССР по делу Промпартии.

Но когда «грязнул гром» Великой Отечественной и над Советским Союзом нависла смертельная угроза, Рябушинские, находясь в Париже, наотрез отказались, как истые русские патриоты, от навязываемого им сотрудничества с фашистским режимом, подключившись к движению помощи, как писали они, «русскому народу». Хорошо хоть так. Но вину перед «советским народом» это всё же не загладило.

Ну а Толоконниковы? По свидетельствам Александры Павловны, следы семьи ведут в ополчение Минина и Пожарского. А задокументированный предок, упомянутый в «Переписной книге» за 1646 год — Коземка (т. е. Кузьма по-нынешнему), из восточных славян и посадских Ростова Великого под ставшим фамилией прозвищем Толоконник за производство толокна — овсяной или ячменной муки, замешанной на воде с солью. Со временем «деловых» посадских стали величать купцами, споры между которыми улаживали «целовальщики» (целовали крест), т. е. судейские.

Именно потому судьей и членом Ярославского окружного суда по Мологскому уезду стал потомок Коземки и прадед автора Николай Фёдорович Толоконников, променяв купеческое сословие на статского советника с личным дворянством.

В воспоминаниях семьи не сохранилось, как и где демидовский лицеист из Ярославля Коленька Толоконников познакомился с Шурочкой Рябушинской из Московского девичьего пансиона — любимой дочерью и наследницей «миллионщика» Павла Михайловича Рябушинского.

Но памятно, что венчание их состоялось 18 сентября 1874 года в Москве в Екатерининской церкви на Ордынке по «уговору» отца Коленьки, великоростовского купца 3-й гильдии, со старообрядцем «миллионщиком» и фабрикантом Рябушинским.

— Я с готовностью переехала из московского пансиона, где жила и училась, к Коле в Ярославль, — вспоминала Александра Павловна. — Он много работал и достаточно быстро и успешно продвигался по службе.

В возрасте сорока пяти лет Николай Фёдорович был назначен на ответственнойшую должность члена Ярославского окружного суда по Мологскому уезду и произведен за выслугу лет в статские советники с личным дворянством.

Касаюсь дворянства Толоконниковых, мы хотели особо подчеркнуть, что привилегии этого сословия им были пожалованы исключительно за заслуги в гражданской и ратной службе на благо Отечества. Но, будучи из народа, только трудом и верностью Отечеству сумели

*Рис. 4. Судья и статский советник с личным дворянством
Толоконников Николай Федорович (1846–1908).
Рыбинск. 1900 г.*

достичь довольно высоких позиций в Табели о рангах, в основу которого еще Петром Великим был положен принцип личной выслуги, остающийся в почете и поныне.

В провинциальной Мологе Толоконниковы были заметными людьми. Пользовались соответствующими их статусу привилегиями и жили зажиточно, если не сказать богато: проживали в собственном двухэтажном каменном особняке с мезонином под редкой для тех времен железной крышей, паркетными полами, заморской дорогой мебелью и прислугой — кучером-истопником, поварихой, горничной и нянькой.

Как рассказывала Александра Павловна, Николай Фёдорович очень переживал предреволюционную нестабильность в стране. Ставший свидетелем революции 1905–1907 годов, но не доживший до 1917 года, ко всему этому он относился двояко. С одной стороны, как авторитетный член судебной системы и дворянин, должен был проводить линию власти и соблюдать действовавшие законы. А с другой — как выходец из купеческого сословия и нарождавшейся буржуазии,

Рис. 5. Иерей Иоанн (Иван Матвеевич Ястребов) (1770–1853).
Картина неизвестного автора. Сер. XIX века.
Исторический музей

продолжал считать дворянство паразитирующим классом и явно симпатизировал революционным настроениям.

И здоровье судьи Голоконникова не выдержало. Он умер в возрасте 62 лет, как зафиксировано в формулярном списке, «25 сентября 1908 года, состоя на службе».

А тем временем Шурочка, Александра Павловна, за мOLOGскими лугами и ярославскими лесами с трудом, из-за удаленности, поддерживала связь с отцом и практически не имела контактов со своими единокровными братьями и сестрами, что в конечном счете уберегло ее от лихолетий XX века. Она жила жизнью любви к мужу и материнской радости: в годы замужества родились Николай (1876–1900), Павел (1882–1918), Сергей (1885–1919), дочь Вера (1886–1954) и младший Виктор (1888–1945).

*Рис. 6. Поручик и кавалер Ордена Св. Георгия
Сергей Николаевич Толоконников (1885–1919).
Харьков. 1916 г.*

С давних времен семья Толоконниковых была глубоко православной. Часть из них принадлежала к старообрядцам. По бабушке, Александре Павловне, генерал Толоконников оказался из староверов-раскольников.

Ведь он был внуком в четвертом колене о. Иоанна — Ивана Матвеевича Ястребова! Персонажа «Очерков поповщины» русского писателя Павла Ивановича Мельникова-Печерского. Бесменного настоятеля Покровского кафедрального храма на Рогожском кладбище — духовного центра старообрядческой архиепископии Московской и всея Руси. За спасение православных святынь от наполеоновских захватчиков и восстановление церковной жизни в освобожденной Москве он может быть приравнен к героям Отечественной войны 1812 года.

Известно, что по «уговору» о. Иоанн с богатым купцом из староверческой общины Иваном Петровичем Фоминым поженили своих

детей: дочь первого с сыном второго. А годы спустя отец Иоанн выдал свою внучку Аню, Анну Семеновну Фомину, за Павлушу — сына другого купца-старообрядца Михаила Яковлевича Рябушинского, хранившего для него в семейном тайнике старообрядческие реликвии.

Так вот, родившаяся у них дочь и была той самой Шурочкой — Александрой Павловной, правнучкой о. Иоанна и любимой дочерью «миллионщика» Павла Михайловича Рябушинского, верной женой судьи Толоконникова, мамой отца Льва Сергеевича — георгиевского кавалера Сергея Николаевича и бабушкой генерала Толоконникова.

Вместе и врозь с «Доктором Живаго»

Вспомним очень сентиментальный и лиричный американский фильм 1965 года «Доктор Живаго» с Омаром Шарифом и Джули Кристи в главных ролях, снятый режиссером Дэвидом Лином по одноименному роману русского писателя и одного из крупнейших поэтов XX века Бориса Пастернака. В основе фильма — нежная любовь и трагичная разлука Юрия Живаго с Ларой по вине войн, революций, репрессий, голода, холода и разрухи тех нелегких лет.

Именно потому автор и получил Нобелевскую премию по литературе 1958 года, а фильм — пять кинопремий «Оскар», что та драма жизни и превратностей судьбы была списана с действительности, которая непосредственно затронула миллионы и миллионы граждан нашей страны. Именно эти люди и их судьбы явились в той или иной степени прототипами героев талантливого романа и нашумевшего фильма.

Среди них Толоконниковы Сергей Николаевич и его жена Ксения Васильевна (в девичестве Соболева) — отец и мать Льва Сергеевича, чьи судьбы даже трагичнее, чем у Живаго с Ларой.

В Первую мировую пали смертью храбрых или были изранены сыновья Толоконниковых-Соболевых. Гражданская стубила отца Льва Сергеевича и надолго разлучила маленького Лёву с матерью. Родственные и близкие семьи (*которые мы хорошо знаем и помним, но здесь подробно о них не рассказываем*) Рябушинских, Пушкинских вынуждены были эмигрировать; Слупские, Околовичи, Зимины — пережить хоть и непродолжительные, но аресты, а Просековы — лагеря. И все бедствовали.

Но на этом сходство с фильмом заканчивается.

Потому и не приветствовался роман советской властью, что, в отличие от Живаго, убегавшего от действительности, миллионы семей нашей многострадальной страны с Толоконниковыми в их числе активно и верно служили Отечеству и насмерть стояли на защите своей Родины, упорно преодолевая невзгоды и поколениями внося вклад в ее развитие и безопасность.

Судья с личным дворянством Николай Федорович Толоконников — дед Льва Сергеевича — слыл в Мологе заботливым, но строгим отцом, твердо придерживавшимся для своих детей, особенно сыновей, дворянских традиций. Поэтому старшему сыну Павлу он обеспечил военную карьеру, отдав на учебу в Виленское пехотное юнкерское училище. А сына Серёжу после окончания гимназии направил по своим собственным стопам, отослав учиться судейской профессии, но ближе к старшему — в Киевский университет. По военной линии пустил и младшего Виктора.

— С детьми судьи Толоконникова я познакомилась, когда мой папа, Василий Иванович Соболев, будучи помощником мологского уездного исправника, начал общаться по работе с Николаем Федоровичем, переведенным в те годы на судейскую должность в Мологу, — вспоминала Ксения Васильевна. — Несмотря на свое потомственное дворянство и родство с графом А. И. Мусиным-Пушкиным и семьей мологжан Улановых, из которой вышла балерина Галина Сергеевна Уланова, Василий Иванович всё же сильно уступал в общественной и профессиональной значимости судье. Поэтому когда я впервые побывала у Толоконниковых, то обомлела от роскоши и была до смерти напугана именитой Серёжиной мамой — Александрой Павловной, родной дочерью «миллионщика» Рябушинского.

Летом 1910 года после окончания Серёжей университета и возвращения в Мологу они с Ксенией поженились. И практически сразу выехали в Харьков, где, по ходатайству Александры Павловны, братья Рябушинские предложили Серёже работу по специальности в своем Земельном банке и где 18 сентября 1911 года у Толоконниковых родился сын Лёвушка. Но только стала налаживаться счастливая жизнь молодой семьи, как началась Первая мировая война и прапорщик запаса Сергей Толоконников был призван в действующую армию: с 24 июля 1914 года он становится младшим офицером 274-го пехотного Изюмского полка.

Помните сцену расставания Юрия Живаго с Ларой? Не одна зрительница пролила ручьи слез на этой щемящей душу сцене. Так и молодая красавица Ксюша с младенцем на руках рыдала дни и ночи по ушедшему на войну любимому мужу.

С фронта пришло известие о воинском подвиге двадцатичетырехлетнего поручика-артиллериста Владимира Васильевича Соболева, наполнившее сердечко Ксюши законной гордостью за родного брата: 20–21 октября 1914 года на австрийском фронте близ деревни Бранд-вице, будучи наводчиком и пренебрегая смертельной опасностью, он внес реальный личный вклад в разгром наступавшего противника, за что был награжден золотым Георгиевским оружием.

Не заставило себя долго ждать и другое известие: 10 декабря 1914 года в бою при австрийском селе Заршин ее Серёженька — двадцатидевятилетний Сергей Николаевич Толоконников — отбил во главе с полуротой три атаки австрийцев и лично захватил у врага два пулемета, взяв в плен офицера с 75 нижними чинами, за что был удостоен высшей награды Российской Империи — ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия IV степени с потомственным дворянством.

Муж побывал в Харькове дома у жены с сыном в коротком отпуске и опять на фронт.

Но новое известие с фронта, подтвердившее кровавую изнанку войны, ввергло Ксению Васильевну в глубокий траур: 24 декабря 1914 года брат Владимир Соболев пал смертью храбрых, вызвав в практически безысходной ситуации окружения огонь на себя, за что посмертно был награжден орденом Святого Георгия IV степени с установкой надгробного памятника на Родине Героя.

А там отличился и дядя Володя — Владимир Павлович Рябушинский, единокровный брат мамы Серёжи — Александры Павловны: с начала Первой мировой войны он в зрелом возрасте 41-летнего женатого мужчины и «миллионщика» добровольцем ушел на фронт простым солдатом, организовав на свои личные средства подвижной автоотряд. В июле 1916 года в крупнейшей неудаче русских войск у Барановичей был тяжело ранен, за ратный подвиг был награжден «солдатским» Георгиевским крестом IV степени и произведен в офицеры.

Нечасто в одной семье сразу три Героя в одну войну! Редко и «миллионщик» добровольно пойдет солдатом воевать за Родину и совершит ратный подвиг с ранением и всенародным признанием в виде боевой награды!

Рис. 7. Толоконников Лев Сергеевич (1911–1976), генерал-полковник-инженер, первый заместитель начальника ГРУ ГШ МО СССР, кандидат исторических наук, доцент

«Есть такая профессия — Родину защищать» — памятна фраза из кинофильма «Офицеры» режиссера Владимира Рогового (1971). Символично, что по сценарию ее произносит бывший царский офицер, ставший затем командиром Красной армии.

А война перемалывала и перемалывала всё новые и новые десятки и сотни тысяч своих жертв, набирая в скорбный список миллионы и миллионы людей. Патриотизм и связанный с ним героизм стал в войсках быстро улечувываться. Люди с обеих сторон окоп откровенно теряли интерес к продолжению войны и устали от кровопролитных потерь.

Формирование летом 1917 года под командованием генерала от инфантерии Корнилова ударного полка и «частей смерти» для противодействия разложению большевиками армии, развалу фронта, братанию

и дезертирству явилось подтверждением критического положения в войсках. У Ксении Васильевны это вызвало особое беспокойство, поскольку к тому времени ее муж Сергей Николаевич воевал уже в звании поручика и был командиром роты того самого славного Изюмского полка, на базе которого разворачивал свои карательные части генерал Корнилов. Но Бог миловал! Сергея Николаевича участь карателя миновала. А семью ожидало худшее: «красно-белое цунами» Гражданской войны и «черный потоп» немецкой и польской оккупации.

Денег не стало. Голодали, хоть за учительство брала и керосином, и продуктами. С наступлением темного времени суток сидели с маленьким сыном, запершись. Вздрагивали от каждого шороха. Уехать невозможно. Бежать некуда.

3 марта 1918 года в Брест-Литовске представителями Советской России, с одной стороны, и Центральных держав (Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии), с другой, был подписан сепаратный Брестский мирный договор. Одни до сих пор расценивают его как поражение России в войне, другие — как спасение молодой Советской республики. Но все сходятся в одном — Россия вышла из войны.

Славный 274-й пехотный Изюмский полк, в котором воевал Сергей Николаевич, был возвращен с фронта и расформирован.

Закончилась война и для Сергея Николаевича! Он вернулся героем с войны и попал в... окружение своих бывших врагов: 7 апреля 1918 года Харьков заняли немецкие войска.

Тогда и созрел опасный, но единственно приемлемый в тех условиях вариант со знакомым по довоенной работе в банке Рябушинских землемерством, в конечном итоге и погубившим георгиевского кавалера.

Молодой, в тридцатитрехлетнем возрасте Христа, с офицерскими усами и выправкой, прошедший фронт и видевший смерть, отчаянно смелый, он внушал не только уважение, но и вызывал большие подозрения у жителей, под видом которых нередко скрывались банды и отряды красных, зеленых, белых, других цветов того смутного времени.

Именно в этот кризисный период Рябушинские покидают Москву, бросая фабрики и имущество. Часть капиталов переправляют за границу. А герой войны Владимир Павлович, не дожидаясь капитуляции Германии, устремляется в октябре 1918 года в румынский город Яссы для обсуждений перспектив совместной борьбы Белого движения и Антанты с большевизмом.

Роковым для Рябушинских, да, пожалуй, и всей нашей страны оказался тот шаг: вспыхнувшая Гражданская война вкупе с иностран-

ной интервенцией принесла России неисчислимые людские и материальные жертвы. И в том числе на деньги «злейших врагов советской власти» Рябушинских, эмигрировавших после «крымской катастрофы» 1920 года во Францию.

Летом – осенью 1919 года Добровольческая армия в количестве 40 тысяч бойцов стала главной силой в готовящемся походе Деникина на Москву.

Именно в тот летне-осенний период 1919 года бесследно исчез землемер Толоконников – муж Ксении Васильевны и отец маленького Лёвы. Не вернулся с земельных работ. Ни похоронки, ни тела погибшего, ни могилки. Убит? Ранен? Пленен? И вынуждена была поверить слухам, что ее муж, ее Серёженька – Сергей Николаевич – погиб.

Кстати, в этот же период дядька Сергея Николаевича – небыизвестный «миллионщик» Павел Павлович Рябушинский – стал признанным лидером российской контрреволюционной буржуазии, одним из организаторов и руководителей корниловщины, калединщины и иностранной военной интервенции в Советскую Россию. Вот такая метаморфоза тех времен – не повинен ли косвенно дядька в гибели собственного племянника? Брат на брата? Сын на отца? Это и есть гражданская война.

Во фронтовом Харькове мужчин не осталось, массово гибли женщины и дети, начался голод. Выбраться физически не было возможности. А с ребенком было и не выжить. Не имея связи с родными и близкими, Ксения Васильевна решилась на отчаянный шаг: практически на авось снарядила восьмилетнего Лёву в дальнюю дорогу в родную Мологу, вручив его судьбу демобилизованным простым солдатам, возвращавшимся из Харькова с его относительно мягкой зимой в скованную морозами Центральную Россию.

Дворянин – комсомолец, рабочий – офицер

Имя купеческо-дворянское происхождение, Лёва Толоконников его не прочувствовал за тяжелым бытом ни в Харькове, ни в Мологе. Да о своем происхождении он фактически и не знал, а тем более не задумывался.

– Отца я практически не помнил, – вспоминал генерал Толоконников. – Из детства в памяти сохранились лишь пальба и голод Харькова, теплушки воинских эшелонов, на которых пробирался

в Россию, да нищета житья-бытья с бабушкой и тетями в Мологе. Благополучия деда-судьи я не застал. Фабрик и поместий у нас не было. О Рябушинских в те времена никто и не вспоминал. Тётки Соболевы всегда жили небогато. Мамы не было — долго не могла выбраться с Харьковщины. Только со временем я стал понимать значимость своего происхождения из дворян и гордиться этим не как данностью, а приобретением моих дедов и отцом служением Отечеству. Я всегда хотел написать книгу о своей семье и рассказать, что уважение в обществе достигнуто Толоконниковыми трудом и кровью мужчин и подвижничеством их женщин.

11 сентября 2000 года в журнале «Компания» в статье «Ненавистные миллионеры» было допущено кощунственное утверждение в духе постсоветского антибольшевизма: *«Судьба эмигрировавших из России Рябушинских была гораздо счастливее жизни тех представителей купеческой династии, которые не смогли покинуть Родину».*

Конечно, в то время как Рябушинские-эмигранты отплывали от родных берегов на «теплое» местожительство во Францию, восьмилетний малыш Лёвушка Толоконников — внук Шуручки Рябушинской и правнук старовера-«миллионщика» — пробирался в солдатских теплушках из прифронтового Харькова в голодную и холодную Мологу. Его отец — Сергей Николаевич, родной внук Павла Михайловича — погиб при невыясненных обстоятельствах: возможно, от пули, купленной на деньги единокровного дядьки Владимира Павловича. На то война и Гражданская. Мать не могла долго выбраться из осажденного Харькова.

Как Лёва не оказался среди беспризорников, заполонивших тогдашнюю Россию? У Льва Сергеевича самого не было на то ответа. Мальчик Лёва знал только одно — ему надо было выжить и добраться до родной Мологи, которую он не знал и никогда не видел.

И добрался! Помогли простые русские люди, спасшие мальчугана в нелегком пути.

Уездная Молога в те лихие годы была не слаще Харькова, если не хуже. Тот же голод, разруха да жуткий зимний холод. Только Лёва теперь был дома среди родных, и стрельбы не было.

Поэтому Лёвушка — практически сирота — за дремучими ярославскими лесами под присмотром бабушки Шуры и родных теток сызмальства вынужден был работать пастухом, потом слесарить и по заветам купеческо-дворянской семьи учился — учился — учился. Начальная школа, школа крестьянской молодежи, рабочий факультет. Пионерия, комсомол. Ударная комсомольская стройка знаменитой

Магнитки. Работа на Сталинградском тракторном. А там добровольцем в Красную армию и казармы военной академии механизации и моторизации.

В 1937 году, женившись на замечательной девушке Ане, вошел в ее семью, связав жизнь с подмосковным поселком. Отличный семьянин, муж и отец. С женой воспитали двух сыновей: автора этих строк и его младшего безвременно скончавшегося брата Николая. Оба — продолжатели жизни и дела отца, рода семьи Толоконниковых-Рябушинских, начало которому положили в свое время Коземка Толоконник и Денис Стекольщиков, уважаемые граждане нашей страны, высокообразованные, немало лет представлявшие нашу страну за рубежом. Внуки и внучки — верные продолжатели семейных купеческо-дворянских традиций. Правнуки.

По словам сенатора Совета Федерации и в прошлом губернатора Ярославской области А. И. Лисицына, *«Ярославская земля дала Отечеству плеяду выдающихся и заметных людей. Толоконниковы в их числе»*.

По завершении учебы в академии Льву Толоконникову было вручено назначение с января 1937 года на должность старшего инженера научно-исследовательского полигона Главного бронетанкового управления РККА в Кубинке.

Танки стали главным делом будущего военного инженера Толоконникова, а защита советской Родины — его предназначением!

Всё ему нравилось, всё устраивало. Нравилась и советская власть, открывавшая перед ним жизненные перспективы. Его власть! Которой он верой и правдой готов был служить! И служил! Другой он и не знал.

Личная и профессиональная жизнь мологжанина Толоконникова начала уверенно складываться. Но тут грянула Великая Отечественная война 1941–1945 годов.

С началом войны Лев Сергеевич был направлен в действующую армию, а позже внезапно отозван с фронта в числе десятков и сотен опытных преподавателей согласно приказу НКО от 13 октября 1941 года о переходе академий на штаты военного времени: советское командование уже в те начальные годы войны сумело заглянуть далеко в неминуемую Победу и дать указание готовить танкистов на послевоенную перспективу — не утерять и перенять боевой опыт у ветеранов-фронтовиков.

Боевыми орденами и медалями были награждены десятки и сотни преподавателей академий, в том числе и капитан-инженер Толокон-

ников: орден Красной Звезды и медаль «За боевые заслуги» украсили китель Льва Сергеевича в 1944 году.

Выходец из купеческо-дворянских семей, Лев Сергеевич родился в 1911 году, не застав в живых дедов и прадедов: дворян и купцов-«миллионщиков» — и приобретенного ими трудом и службой Отечеству благополучия. Не знал родных дядьев — офицеров, павших в Первой мировой. Едва помнил отца-героя, погибшего в 1919 году в Гражданскую. Войной был разлучен на годы с матерью. И свое нелегкое детство и юношество провел у обездоленных войнами и революциями бабушки и теток в уездной Мологе Ярославской губернии. Именно с той поры генерал сохранил привычку подбирать со стола хлебные крошки даже в гостях. «Вы не голодали», — сердясь, оправдывался он на справедливые замечания близких.

Лев Сергеевич сызмальства был рад тому, что имел. В этом он полностью разделял жизненное кредо своего знаменитого прародителя «миллионщиков» Рябушинских — Михаила Яковлевича: «Всё для дела — ничего для себя!».

А взращен и воспитан был он пионерией и комсомолом с его всесоюзными ударными стройками, товарищами по работе и партии. И с детства сам зарабатывал себе на жизнь, а основную часть жизни отдал беззаветной армейской службе на благо Отечества, которое самоотверженно защищал в годы Великой Отечественной войны, а потом на невидимом фронте военной разведки.

Но через всю жизнь генерал пронес уважение к тем людским качествам, которые история заложила в основу отмененных революцией дворянства и почетного гражданства его отца и дедов, не потерявшим ценности и при новой власти: преданность и служение Родине, верность долгу и семейным ценностям, трудолюбие, честность, интеллект, неустанное стремление к образованию, культуре.

Начальник стратегической разведки ГРУ Генштаба

В сентябре 1976 года, после напряженной работы в южных широтах, старший сын генерала Толоконникова Сергей Львович с женой Татьяной Вениаминовной и маленькой дочуркой Наташкой собирались в свой первый отпуск домой, в Москву.

Как вдруг вместо подтверждения отпуска громом среди ясного неба пришла телеграмма-молния вылететь к... умирающему отцу.

*Рис. 8. Платон Дарьевич Слупский (1882–1960) с внуком Серрежей.
Москва. 1948 г.*

Отец, Лев Сергеевич Толоконников, генерал-полковник-инженер, еще недавно твердым шагом выходил к ожидавшей его служебной машине.

Водитель услужливо открывал дверь автомашины, и генерал, подчеркивая служебный характер поездки, садился непременно на переднее сиденье рядом с водителем, а не на заднее, как чинуши-баре или ныне «олигархи». Милиция и без неперемных ныне «мигалок» становилась по пути следования во фронт и отдавала честь военачальнику. А менее года спустя Сергея Львовича с семьей будет провожать в заграникомандировку тяжело больной, но не такой уж старый шестидесятипятилетний человек.

В 1967 году Лев Сергеевич был назначен заместителем (с функциями первого заместителя) начальника Главного разведывательного управления Генерального штаба Вооруженных сил Советского Союза и повышен в звании до генерал-полковника-инженера. Очень высокий и ответственный государственный пост!

Старший сын Сергей очень гордился, что отец у него разведчик. А впервые он об этом узнал летом 1957 года. Серёжа проснулся и лежал, не торопясь подниматься. На край кровати присел отец, как всегда рано поднявшийся. Поговорили о том о сем, и вдруг Лев Сергеевич спросил, не задаётся ли сын вопросом, зачем отец ездит в командировки за границу.

Серёжа опешил, не зная, что ответить. Он как-то, действительно, не думал об этом.

И тут отец признался, что он разведчик, и стал рассказывать о сложностях и опасностях своей профессии, но, в то же время, и высоким ее предназначении, заронив в сознание взрослеющего сына мысль о том, что смысл жизни в беззаветном служении Отчизне.

Здесь надо напомнить, что в послевоенное время в рамках небезызвестного «Манхэттенского проекта» с участием ученых из США, Великобритании, Германии и Канады американцы создали атомное оружие и впервые применили его в Японии. Мир столкнулся с ядерной угрозой, и послевоенная расстановка сил среди победителей антигитлеровской коалиции резко изменилась в пользу США.

Поэтому первоочередной задачей для нашего народа, вынесшего на своих плечах основные тяготы войны, стало создание собственной атомной бомбы и установление паритета с США, позволившего бы обеспечить мирное развитие страны и рост благосостояния населения.

4 октября 1957 года в Советском Союзе был запущен первый искусственный спутник Земли. Знаменитый радиосигнал «бип-бип» известил не только об открытии космической эры, но и окончательном крушении гегемонии США в ракетно-ядерной сфере и, естественно, о новом витке холодной войны, перешедшей в ракетно-космическую область.

— В результате ядерная гегемония США была разрушена, и мир вошел в фазу хоть и шаткого, но баланса, обезопасившего наш народ и исключившего на долгий период возможность термоядерной войны, — подводил генерал итоги работы советской разведки тех лет. Обнародованная история создания советской атомной бомбы при непосредственном участии разведки, пожалуй, впервые позволила общественности узнать о созидательном труде бойцов невидимого фронта и его важном оборонном и народно-хозяйственном значении. Не случайно военный разведчик Лев Голоконников не единожды был удостоен ордена Трудового Красного Знамени.

В либеральных кругах разведку порой наделяют имиджем репрессивных органов. А между тем именно для них — непосвященных — следует еще раз подчеркнуть, что вся работа разведчика со шпионажем, слежками, погонями, риском быть арестованным и очутиться во вражеских застенках, а то и лишиться жизни преследует лишь одну цель — защитить свою Родину и народ от происков противника, способствовать ее научно-техническому, экономическому, культурному и социальному процветанию. И потомственный дворянин, потомок семей Толоконниковых-Рябушинских и георгиевских кавалеров, а в советские времена — военный разведчик Лев Толоконников — в первых рядах.

Зачем, рассказывая о купеческо-дворянской семье Толоконниковых-Рябушинских в служении Отечеству, мы всё это вспоминаем? Да потому, что семейное служение Отечеству воспитывается веками, и генералами не рождаются, а проходят с лейтенантов со страной и семьями через общие испытания, радости и заботы и благодаря неустанному труду идут по жизни от свершения к свершению.

Ученица художника Репина

Успешные трудовые семьи, как Толоконниковы-Рябушинские, обычно не обходятся без ярких и запоминающихся, а то и талантливых личностей. Таковой была дочь судьи Толоконникова — Верочка.

Еще в период обучения в Ярославской женской гимназии у Верочки проявились тяга к рисованию и талант художницы, что предопределило ее дальнейшее обучение на педагогических курсах при Императорской академии художеств в Петербурге. В семье сохранились некоторые ее работы: картины, скульптура, карандашные наброски.

Объясняя свою жизненную позицию, Вера Николаевна вспоминала, как она с головой окунулась в действительность творческой интеллигенции предреволюционных времен. Поэтому если в Мологе и позже в Ярославле она лишь слышала о марксистских и прочих вольнодумных кружках, то в академии она с ними соприкоснулась вплотную. И, как ни странно, в первую очередь в лице ректора Академии художеств и руководителя одной из ее мастерских известного русского художника Ильи Ефимовича Репина, чьи курсы и частные уроки ей посчастливилось посещать.

*Рис. 9. Вера Николаевна Толоконникова (1886–1954).
Молога. 1914 г.*

— Я легко и с пониманием восприняла революцию 1905 года, — вспоминала Вера Николаевна. — Мне ведь довелось оказаться в Санкт-Петербурге в центре тех событий. Среда молодых художников бурлила, не оставаясь равнодушной к происходившему.

Первую мировую войну она встретила в составе городского комитета содействия фронтовикам, среди которых были и ее братья и дядя.

— А к революции семнадцатого года я отнеслась как к неизбежному следствию хода русской истории, принимая впоследствии самое активное участие в празднованиях юбилеев советской власти и поддержке фронтовиков Великой Отечественной войны.

Однако основное содержание жизни Верочки составляло творчество, на которое большое влияние оказали не только сам Репин, но и его невенчанная супруга, известная в то время писательница Наталья Борисовна Нордман-Северова. Именно с ее легкой руки Вера Никола-

евна увлеклась фотографией, став одной из первых фотографов-любителей в России.

Сегодня фотоработы Веры Николаевны Толоконниковой вошли в альбом-каталог фотооткрыток «Петербург—Петроград—Ленинград. 1895–1945 гг.», каталог «Фотографы и фотографические ателье Ярославской губернии (вторая половина XIX – начало XX в.)», альбом «Уезды Ярославской губернии на почтовых открытках начала XX века». В ноябре–декабре 2012 года в Санкт-Петербурге состоялась первая выставка членов Клуба любителей истории открыток, на которой почетное место занял стенд фотографа Веры Николаевны Толоконниковой.

Однако жизнь этого неординарного человека сложилась так, что она всецело посвятила себя профессии школьной учительницы рисования.

«Красный» богослов — чиновник

Переломы истории, особенно такие как российские революции 1917 года, не могут не отразиться на судьбах отдельных личностей. Вот и тесть генерала Толоконникова, отец его любимой жены Анны Платоновны, белорус и потомственный почетный гражданин Платон Дарьевич с польской фамилией Слупский после окончания Витебского духовного училища, Санкт-Петербургских духовных семинарии и академии не пошел по линии священнослужительства, а с 1908 года был причислен к Главному управлению неокладных сборов и казенной продажи питей — т. е. налоговому управлению — Императорского министерства финансов. На службе проявил свойственное его натуре рвение, за что был даже удостоен высокой чиновничьей награды — перстня с вензелем Императрицы Александры Фёдоровны.

— Мое образование и начало служебной деятельности в Санкт-Петербурге пришлось на годы революционных настроений и событий, — рассказывал Платон Дарьевич, — которые не могли оставить очень многих из нас равнодушными к происходившему.

— Я бывал на манифестациях, посещал политические кружки, был знаком и дружил с вольнодумствующим студенчеством, интеллигенцией, — вспоминал Платон Дарьевич.

Неудивительно, что будущий богослов Платон Слупский в 1905 году оказался *«одним из организаторов забастовки академии»*

и «предназначен был к увольнению». И лишь постепенное урегулирование ситуации в стране позволило «смутьяну в сутане» продолжить духовное образование.

Большое влияние на мировоззрение молодого богослова и чиновника оказало Санкт-Петербургское (Петроградское) религиозно-философское общество (РФО), объединявшее в том числе и представителей знаменитого Серебряного века. Будучи действительным членом РФО, Платон Слупский был лично знаком с писателем и поэтом Д. С. Мережковским, философом Н. А. Бердяевым, поэтом А. А. Блоком, политическим и государственным деятелем А. Ф. Керенским и многими другими. Однако, разочаровавшись в их идеологии, Платон увлекся марксизмом, что впоследствии предопределило полное принятие им советской власти.

Высокообразованный, с большим опытом работы усердный чиновник старого режима в те послереволюционные дни оказался востребован в только что образованной Военно-полевой инспекции, которая вскоре вошла в Народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции (РКИ) — предтечи Народного контроля СССР, ныне — Счетной палаты Российской Федерации. А 29 ноября 1920 года в составе группы царских спецов-единомышленников из РКИ был брошен во внутреннюю лубянскую тюрьму. Основание — контрреволюционные выступления по печально известной статье 58 УК РСФСР.

Пугающе грозное *«Дело Московской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениям по должности при Московском Совете»* открывается постановлением: арестовать. Потом рапорты о засаде в квартире Слупского и аресте, протоколы допросов, свидетельские показания, рукописные записки на клочках бумаги и, наконец, собственноручное заявление Платона Дарьевича от 11 декабря 1920 года: *«В контрреволюционной деятельности против Советской власти и какой бы то ни было агитации себя виновным не признаю. Мое отношение к Советской власти заключается в том, что я, как активный работник, содействую всеми своими знаниями советскому строительству, о чем свидетельствует моя общественно-политическая и служебная деятельность»*. Завершается пугающее дело заключением следователя по борьбе с контрреволюцией МЧК Янсона от того же дня: *«Из-под стражи тюремного отдела М.Ч.К. освободить»*.

Никаких обвинений и суда: разобрались и отпустили всю арестованную группу!

Вспомним из истории 1920-х. Ожесточенная внутривластная борьба на осколках империи, внутривластные передраки. Задача взять власть сменилась задачей ее удержать. Членов партии большевиков в рядах служащих было немного. А в РКК — и того меньше. Поэтому не случайно, что в те времена полемика на служебных собраниях в РКК привела к протоколу Бюро фракции коммунистов от 6 ноября 1920 года о «неблагонадежности для дальнейшей службы в РКК» с приложением списков сотрудников «из бывших», рекомендованных на увольнение. Тут же и жалоба «доброжелателя» в МЧК.

О тех послереволюционных и предвоенных временах сказано немало, и многое повторяется до сих пор с призывами посыпать головы пеплом и каяться. С позиций сегодняшнего дня напрашивается вопрос, а как обстояли дела в других странах? Может, это было проявлением вселенского процесса? Ведь исторически совпали же по времени угнетение и бесправие крепостничества у нас с жестокостью системы колониализма у них? А эпоха мировых войн? В первую травили друг друга газами. Во вторую гноили в концлагерях и сжигали в печах. Между войнами у них — жестокость и бесправие репрессивных и фашистских режимов. У нас — жестокость и братоубийство Гражданской войны и смертельной борьбы нового режима со старым. Рушилось самодержавие, и на смену чиновникам шли министры-капиталисты из фабрикантов, банкиров и ростовщиков. Их теснил озверевший от гнета простой люд, от имени которого выступили большевики. Цена человеческой жизни не только в России, но и на Западе упала до копейки. И примеров тому не счесть ни в благополучной Америке, ни в старушке Европе, ни в Азии, ни в Африке.

Так ради чего же нам одним посыпать головы пеплом и каяться, давая возможность зарубежным недругам вбивать клинья в наше общество? Чего же плевать себе в кастрюлю, плодя поводы быть оплеванными другими? Но не для всех это было очевидным, как, к несчастью, не очевидно и сейчас.

Так был ли Платон Дарьевич Слупский — член КПСС и без обид на советскую власть — жертвой репрессий? И насколько применима к нему посмертная реабилитация согласно Указу Президента РФ от 25 августа 2004 года № 1113 «*Об утверждении положения о комиссии при Президенте РФ по реабилитации жертв политических репрессий*», если он не был судим и в месячный срок освобожден из-под стражи?

И насколько точны называемые некоторыми публицистами цифры жертв политических репрессий — от 11 до 50 миллионов человек?

Так и должно было случиться, что молодой богослов-чиновник в 1916 году взял в жены поповскую дочь Наташу белоруса благочинного Леонида Петровича с немецкой фамилией Киссель из села Жеребычи под Витебском. А 15 февраля 1918 года у Платона Дарьевича с Натальей Леонидовной родилась дочка, получившая милое имя Аня, или, как ласково ее звала мама, Нюточка (уменьшительное от Анюты), — верная жена и мать сыновей генерала Толоконникова.

Молога... в Рыбинске

По туристическим справочникам Молога известна как древняя княжеская столица и один из старинных русских городов не только Ярославской земли, но и всей Северо-Восточной Руси.

В истстрадавшемся войной и революционным «раздраем» городе революционная смена власти прошла не без некоторого сопротивления, но и без кровопролития.

Самих Толоконниковых и Соболевых революционные потрясения местного уровня почти не затронули. К тому времени главы семейств, некогда входившие в городскую элиту, уже умерли, а большинство их сыновей полегло на фронтах мировой войны. Остались главным образом одни женщины.

Зато затопление Мологи, начатое в 1936 году под Рыбинское водохранилище, стало для очень многих большим горем. Несмотря на то, что годные для переезда избы раскатывали по бревнам и собирали на новых местах, выплачивая и материальную компенсацию, было утеряно то немногое, что оставалось в домах после революционных лихолетий, Гражданской войны, трудностей коллективизации. Родных и близких разметало по городам и весям. Жизнь приходилось строить заново.

В августе 2014 года в дни 865-летия со дня основания города Мологи семья потомков судьбы Толоконникова — Сергей Львович с женой, дочерьми, их мужьями, детьми и внуками — в полном составе высадились на показавшуюся из вод водохранилища отмель Мологи. Под ногами россыпь камней с городской мостовой и битый кирпич от печей, кое-где металлические скобы и навесы с оград. А в середине знак с надписью «Прости, город Молога», установленный скорбящими потомками.

На кладбище города Мологи, что сегодня на дне рукотворного моря, остались могилы Николая Фёдоровича и Александры Павловны

Толоконниковых, их старшего сына Николая, а также Соболевых и многих других мологжан. Оказались утраченными многие замечательные церкви, монастырские ансамбли, дворянские усадьбы.

— Но нельзя забывать вклад Рыбинского гидроузла в развитие волжского судоходства и индустриализацию страны, — говорил по этому поводу генерал Толоконников. — А также в разгром фашистов под Москвой: Рыбинская и Угличская ГЭС сыграли важнейшую роль в бесперебойном обеспечении столицы электроэнергией в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов.

Сегодня память о затопленном городе сохраняется Музеем Мологского края в Рыбинске, а преемственность поколений — общественной организацией «Землячество мологжан».

...Если в Рыбинске с улицы Пестеля заволжского района Слип, где после переселения из Мологи стали жить Вера Николаевна Толоконникова с мужем, выехать на Бурлацкую, то через Волгу можно хорошо рассмотреть городскую набережную и Волжский парк на ней. Вспомним картину «Бурлаки на Волге» русского художника Ильи Репина, учителя Веры Толоконниковой. Здесь бурлаки в угрюмом и сосредоточенном молчании налегли на лямки; вся картина как протяжная русская песня, но песня народа ограбленного и обездоленного.

Вьдь на Волгу; чей стон раздается
Над великою русской рекой?
Этот стон у нас песней зовется —
То бурлаки идут бечевою...

Эпиграфом к картине стали бессмертные строки классика русской литературы и революционера-демократа Николая Алексеевича Некрасова.

Не потому ли Репин симпатизировал начинающей художнице мологжанке и правнучке галеристов Рябушинских Вере Толоконниковой, что верхневолжские берега были истоптаны бурлаками, которых он прославил? А ведь бурлацкая тяга была окончательно запрещена лишь советской властью в 1929 году!

Так вот, напротив Бурлацкой — на высоком берегу с чудесным видом на великую русскую реку Волгу и Спасо-Преображенский собор — возвышается вековое здание бывшей Новой хлебной биржи, где располагается ныне Рыбинский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник.

Ну а через дорогу от музея в глубине квартала в Преображенском переулке — сам... град Молога — Музей Мологского края (отдел Рыбинского музея-заповедника)!

Музейная выставка 2012 года «Род мологжан Толоконниковых» вернула приглашенных на открытие потомков в знакомую и родную им атмосферу семьи мологжан Толоконниковых. А присутствовавшие на открытии выставки члены Землячества мологжан подчеркнули преемственность поколений в таких выставках, приняв решение проводить специальные акции «Семейный съезд» под девизом «Корни семьи — это корни страны».

А 27 сентября 2015 года Российский футбольный союз провел в Рыбинске общегородскую патриотическую молодежную акцию — Фестиваль футбола «памяти военного разведчика из Мологи генерала Л. С. Толоконникова: от героев Отечественной 1812, Первой мировой и Великой Отечественной 1941—1945 войн к нашим современникам».

Список литературы

I. ЛИТЕРАТУРА

1. Антонов-Овсеенко А. В. Лаврентий Берия. — Краснодар, 1993. — 432 с.
2. Болтунов М. Е. «Золотое ухо» военной разведки. — М., 2011. — 364 с.
3. Боченков В. В. Павел Иванович Мельников (Андрей Печерский): мировоззрение, творчество, старообрядчество. — Ржев, 2008. — 348 с.
4. Бронетанковая ордена Ленина Краснознаменная : Исторические очерки. — М. : ВАБТВ, 1975. — 283 с.
5. Военная сила в международных отношениях : учеб. пособие / под общ. ред. В. И. Анненкова. — М., 2011. — 496 с.
6. Георги И. Г. Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопримечательностей в окрестностях оного, с планом 1794–1796. — СПб., 1996. — 528 с.
7. Головищikov К. Д. Город Молога (Ярославской губернии) и его историческое прошлое. — Ярославль, 1889. — 73 с.
8. Голос истории : краевед. альманах. — Вып. 1–14. — Некоуз, 1996–2011.
9. Гровс Л. Теперь об этом можно рассказать. — М., 1964. — 300 с.
10. Дегтярёв К., Колтакиди А. Внешняя разведка СССР. — М., 2009. — 736 с.
11. Ерохин В. И. Города под водой. — Тверь, 2010. — 112 с.

12. *Зимин С. Л.* Генерал Лев Толоконников, мологжанин и военный разведчик // Угличе поле. — 2013. — № 5. — С. 178–185.
13. *Зимин С. Л.* Фанерки // На Рублёвке. — 2014. — № 3. — С. 9.
14. *Злобин Н. В.* Неизвестные американские архивные материалы о выступлении У. Черчилля 5 марта 1946 года // Новая и новейшая история. — 2000. — № 2. — С. 155–169.
15. *Иванов В. П.* Зачем человеку деньги... : Хроника жизни купеческой семьи Рябушинских. — М., 1996. — 447 с.
16. *Иванов Е. М., Соколов Г. Е.* Голый шпион. Русская версия. Воспоминания агента ГРУ. — М., 2009. — 496 с.
17. История Первой мировой войны 1914–1918 гг. : в 2 т. / под ред. И. И. Ростунова. — М., 1975.
18. История СССР : учебник для студентов институтов культуры : в 2 ч. / под ред. Н. Е. Артёмова. — М., 1982.
19. *Капоши Дж., Хасс П.* КГБ в ООН. — М., 2000. — 368 с.
20. *Клопов А. С., Зимин С. Л.* Георгиевский кавалер поручик Соболев // Рыбинская среда. — 2014. — № 4. — С. 26–27.
21. Книга Славы войск радиационной, химической и биологической защиты. — М., 2003. — 399 с.
22. *Колпакиди А. И., Прохоров Д. П.* Дело Ханссена. «Кроты» в США. — М., 2002. — 383 с.
23. *Колпакиди А. И., Прохоров Д. П.* Империя ГРУ : в 2 т. — М., 2000.
24. *Кузнецов Н. Г.* Крутые повороты: из записок адмирала. — М., 1995. — 256 с.
25. *Лавренов С. А., Попов И. М.* Берлинский кризис 1948–1949 гг. // Советский Союз в локальных войнах и конфликтах. — М., 2003. — С. 108–129.
26. *Лавренов С. А., Попов И. М.* «Пражская весна», 1968 год // Советский Союз в локальных войнах и конфликтах. — М., 2003. — С. 289–336.
27. *Лурье В. М., Кочик В. Я.* ГРУ: дела и люди. — М., 2003. — 640 с.
28. *Михутина И. В.* Украинский Брестский мир. — М., 2007. — 288 с.
29. Молога. Земля и море. — Рыбинск, 2007. — 304 с.
30. Молога : лит.-ист. сб. — Вып. 1–4. — Рыбинск, 1995–1999.
31. Мологский край : альманах. — Вып. 1–2. — Рыбинск, 2010–2011.
32. Мологский край: страницы прошлого. — Некоуз, 1997. — 72 с.
33. *Морозова Н. И* память дальнего былого слезой прозрачною жива... // Домовладелец. — 1996. — № 9. — С. 36–37.
34. Зимин Вениамин Иванович. К90-летию со дня рождения. Воспоминания. — М., 2007. — 96 с.
35. *Нестеров Ю. А.* Молога — память и боль. — Ярославль, 1991. — 72 с.

36. *Нефёдов В. В.* Забытые герои Первой мировой // Рыбная слобода. — 2014. — № 1. — С. 14–19.
37. *Никифорова А., Рогаткин В.* Лев-разведчик // Eclectic. — 2013. — № 9. — С. 162–167.
38. *Новиков М. В.* Победа на Халхин-Голе. — М., 1971. — 111 с.
39. История государства и права России / отв. ред. Ю. П. Титов. — М., 1997. — 502 с.
40. Очерки поповщины // П. И. Мельников (Андрей Печерский). Собр. соч.: в 8 т. — М., 1976. — Т. 7. — С. 191–555.
41. *Петров Ю. А.* Династия Рябушинских. — М., 1997. — 199 с.
42. *Петров Ю., Штраух И.* Миллионеры Рябушинские: наука переждать // Профиль. — 1996. — № 4. — С. 41–43.
43. Победители: Парад Победы 24 июня 1945 года. — М.: Церера, 2001. — Т. 2. — 480 с.
44. *Прохоров Д., Лемехов О.* Перебежчики. — М., 2001. — 448 с.
45. *Пэнзжко Н.* Рябушинские // Окно в Москву. — 1999. — № 3. — С. 8–9.
46. *Рудомино А. В.* Легендарная Барвиха. — М., 2009. — 336 с.
47. Сестры Рябушинские // Деловой мир. — 1994. — № 3. — С. 12.
48. *Слободин В. П.* Белое движение в годы Гражданской войны в России (1917–1922 гг.). — М., 1996. — 80 с.
49. *Соколов Г. Е.* Шпион номер раз. — СПб., 2013. — 704 с.
50. Сорок лет общественной организации «Землячество мологжан». — Рыбинск, 2012. — 40 с.
51. *Суворов В. Е.* Аквариум. — М., 2001. — 432 с.
52. *Толоконников Н. Л.* Из рода Рябушинских // Деловой мир. — 1994. — № 8. — С. 25–26.

II. ИСТОЧНИКИ

1. Материалы исповедных росписей и метрических книг церковью Николая Чудотворца «на Всполье», Введения Пресвятой Богородицы, Покрова Пресвятой Богородицы и Святого Архистратига Михаила города Ростова Ярославской губернии (XVIII–XIX вв.) // ГАЯО. Ф. 230. Оп. 1. Д. 364; Оп. 3. Д. 419; Оп. 13. Д. 134, 563, 782, 883, 1002, 1112, 1910, 3582, 5198, 5384, 5575, 5820, 6334, 6971, 7316, 8132, 8850, 8976, 8980; Оп. 14. Д. 144, 538, 1428.
2. Материалы 5-й, 6-й, 7-й, 8-й и 9-й ревизий по городу Ростову Ярославской губернии (конец XVIII — XIX вв.) // ГАЯО. Ф. 100. Оп. 8. Д. 399, 433, 644, 1304, 1893.

3. Дело Департамента полиции (1-е делопроизводство) о назначении усиленной пенсии надворному советнику Василию Ивановичу Соболеву (1899) // ГАРФ. Ф. 102. Д. 1. Оп. 19. Д. 270.
4. Дело в отношении Слупского Платона Дарьевича (1920) // ГАРФ. Д. № П-38488.
5. Формулярный список статского советника Николая Фёдоровича Толоконникова (1908) // РГИАХМЗ. НВФ-4483.
6. Формулярный список учительницы Мологского Александровского женского училища Ксении Васильевны Соболевой (1908) // РБФ ГАЯО. Ф. 207. Оп. 1. Д. 1293. Л. 71–76.
7. Материалы о службе поручика 274-го Изюмского пехотного полка Толоконникова С. Н. (1916) // РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 2326. Л. 17 об. ; РГИА. Ф. 496. Оп. 3. Д. 1125.
8. Материалы о службе поручика 46-й артиллерийской бригады Соболева В. В. // РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 1024. Л. 20 об. ; Ф. 409. Оп. 1. П/с 312–618.
9. Общий список офицерским чинам русской императорской армии. Составлен по 1 января 1909 года. — СПб., 1909. Стб. 215.
10. Памятная книжка Варшавской губернии на 1911 год. — Варшава, 1911. — С. 27.
11. Памятная книжка Варшавской губернии на 1913 год. — Варшава, 1913. — С. 24.
12. Высочайший приказ по военному ведомству от 2 августа 1907 года // Правительственный вестник. — 1907. — № 171.
13. Альбом-каталог фотооткрыток «Петербург—Петроград—Ленинград. 1895–1945 гг.» из собрания ГМЗ «Петергоф» (коллекция Н. П. Шмитта-Фогелевича) государственных и частных собраний и коллекций (т. 4. 1859–1917 годы).
14. *Костюченко К. В., Никонов С. В.* Фотографы и фотографические ателье Ярославской губернии (вторая половина XIX – начало XX в.) : каталог. — Ярославль : изд. бюро «ВНД», 2015.
15. Уезды Ярославской губернии на почтовых открытках начала XX века : альбом / сост. Н. А. Лебедев. — Ярославль, 2016. — 432 с.
16. Отчет о проведенных исследовательских работах по истории фамильного рода Толоконниковых : в 5 т. — М. : Дом семейных традиций «Кристиан», 2017.

Игнатова Татьяна Викторовна

**Фонд Егора Егоровича Егорова
как уникальная коллекция фактов
из истории Преображенского богаделенного дома**

Рис. 1. Фотография Е. Е. Егорова в кресле с раскрытой тетрадью.
Фотография на паспарту. 1880-е гг. (?) ОР РГБ. Ф. 98/II. № 75.

Папка с фотографиями Е. Е. Егорова.

Здесь и далее приводится старый шифр единицы хранения,
т. к. в настоящий момент из архива Е. Е. Егорова
формируется отдельный фонд № 925

Егор Егорович Егоров (1862–15.12.1917) известен каждому исследователю московского старообрядчества. Московский купец 2-й гильдии, признанный начетчик, авторитетнейший деятель Преображенской федосеевской общины, собиратель книг, иконописи, произведений мелкой пластики. Это знают о Егорове все. Но не все знают, что он был еще и коллекционером фактов из истории Преображенского кладбища. Можно сказать, что с 1905 по 1917 год он был летописцем Преображенской федосеевской общины (рис. 1).

Среди федосеевцев Егоров был признанным знатоком церковного искусства. Например, один из адресантов Е. Е. Егорова казанский мещанин, федосеевец Василий Титович Семенов пишет Егорову 9 ноября 1910 года: *«Поехали они с шиком – кто мы – получить из Министерства Внутренних Дел отобранные вещи, а все ничего не понимающие, и понабрали там, и сами не знают, что и их обделали все три партии вер(?) иконами. Ну, чтобы взять с собою тебя бы...»*¹.

Собрание икон и мелкой пластики находилось в домашней моленной Егора Егоровича, в фамильном особняке Егоровых в Салтыковском переулке (ныне Дмитровском). В основу этой коллекции легли иконы, доставшиеся Егору Егоровичу от его деда Константина Егоровича и отца Егора Константиновича (рис. 2 и 3).

Егоров составил каталог своего иконного собрания. Этот каталог включает два раздела:

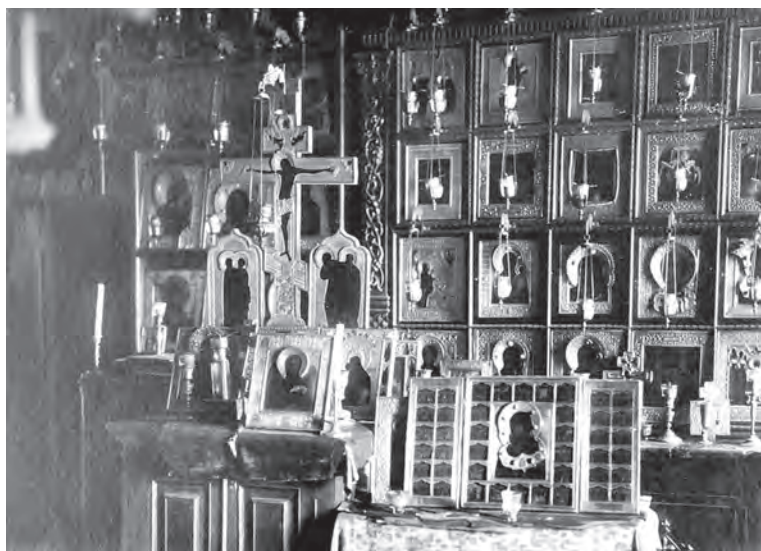
- 1) иконы темперные (в этом разделе 1180 записей);
- 2) иконы резные и медные (в этом разделе 66 записей)².

В каталоге Егоров указывал, кто приобрел икону: его отец или он сам. Если икона фамильная, то есть информация, кого ею благословили. Есть указания, у кого куплена икона, ее размер, у кого и за какую цену заказана риза³.

¹ Книга писем Е. Е. Егорова, его корреспондентов и третьих лиц № 3. 1910–1911 // НИОР РГБ. Ф. 98. Б/ш № 2066 (2076). Л. 128.

² Каталог собрания икон Е. Е. Егорова (1888–1916) // НИОР РГБ. Ф. 98. № 2079.

³ В декабре 2019 года Каталог иконного собрания Е. Е. Егорова был размещен в открытом доступе в Интернете на сайте виртуального музея «Московский Преображенский старообрядческий монастырь». — URL: <https://museum.protopop-avvakum.ru/katalog-ikon-e-e-egorova/>.

*Рис. 2–3. Интерьер домашней моленной Е. Е. Егорова.
Фотографии на паспарту. 1917 г.
ОР РГБ Ф. 98/II. № 82 (старый шифр).
Папка с фотографиями моленной*

Но на самой обложке каталога есть надпись: «На л. 139 об. – Заверительная запись старшего помощника заведующего 3-м Тверским комиссариатом милиции...»

Упоминание милиции здесь возникло не случайно: 15 декабря 1917 года Е. Е. Егоров был убит у себя дома человеком очень хорошо его знавшим — своим же бывшим певчим⁴. Заметим, что и фотографии моленной, хранящиеся ныне в фонде Егорова в отдельной папке, были сделаны милицией именно в связи с этим убийством.

Судьба коллекции не менее трагична, чем судьба самого Егора Егоровича. Егоров вел переговоры с советом Преображенской общины о перевозе коллекций на Преображенское кладбище. Переговоры велись долго, на протяжении 10-х годов XX века. Коллекцию предлагали разместить в здании больницы Преображенского кладбища, но Егорова не устраивали меры безопасности. Окончательное решение должно было быть принято весной 1918 года... Свое собрание рукописных книг и икон Егоров так и не успел передать Преображенской федосеевской общине.

Коллекции Егорова были приняты на хранение в Румянцевский музей. Далее часть памятников попала в Государственный исторический музей, часть – в Третьяковскую галерею⁵. А книги и личные документы составили фонд Егорова № 98 в отделе рукописей Библиотеки имени Ленина, ныне научно-исследовательский отдел рукописей РГБ.

Фонд Е. Е. Егорова в РГБ условно можно разделить на три части:

Часть 1. Дониконовские рукописные книги

Наиболее ранние памятники в собрании Егорова датированы XIV веком. Эту часть собрания прекрасно описал Юрий Дмитриевич

⁴Из письма Луки Арефьевича Гребнева Гавриилу Ефимовичу Фролову, от 17 сентября 1928 года: «*Георгий Егорович Егоров тоже помер насильственной смертью — убит бывшим его же певчим в своем доме*». Оpubл.: Мануйлов Ю. Икона староверов Причудья : Гавриил Ефимович Фролов и его иконописная мастерская (комментарии Е. М. Юхименко). — Эстония, 2013. — С. 453–454.

⁵*Ковтырева Л. В.* Старообрядцы-федосеевцы и их иконы в музейных коллекциях // История собирания, хранения и реставрации памятников древнерусского искусства : сб. ст. по материалам научной конференции (25–28 мая 2010 года). — М., 2012. — С. 133–140.

Рис. 4. Заключение сатаны на 1000 лет в бездну.
Миниатюра из сборника, включающего в свой состав
лицевой Апокалипсис, слова святых отцов и прочие произведения.
Конец XVI – начало XVII века. ОР РГБ. Ф. 98. № 1844. Л. 79 об.

Рыков⁶. И именно эта часть собрания наиболее широко введена в научный оборот, в частности великолепные лицевые Апокалипсисы⁷ (рис. 4).

⁶Рыков Ю. Д. Собрание Егора Егоровича Егорова // Рукописное собрание Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина : указатель. — Т. 1, вып. 2. — М., 1986. — С. 61–84.

⁷Откровение св. Иоанна Богослова в мировой книжной традиции : каталог выставки. — М., 1995.

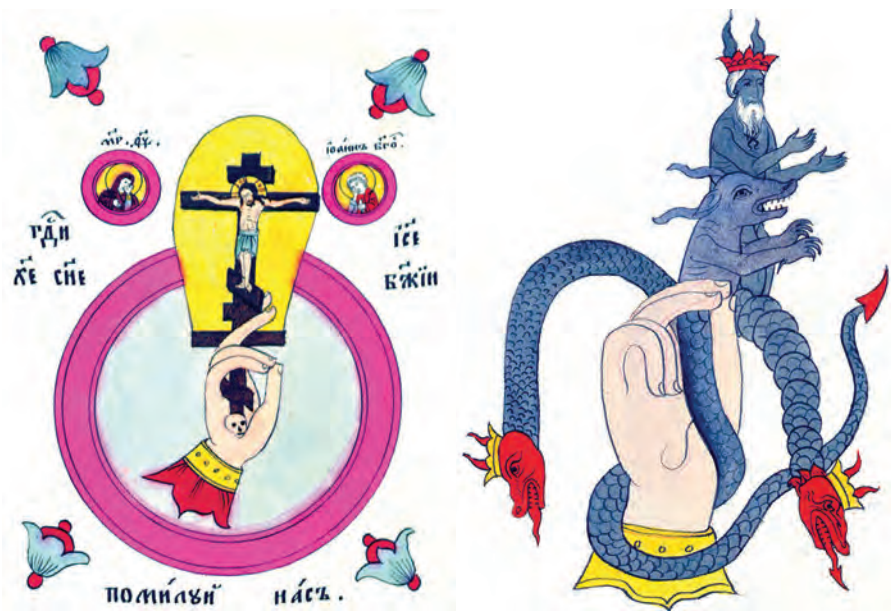

Рис. 5. Две миниатюры, изображающие перстосложение для осенения себя крестным знаменем: двуперстие и троеперстие. Сборник полемический старообрядческий «Сказание от разных божественных писаний». XIX в. Поморский полуустав. На 81 л. ОР РГБ. Ф. 98. № 1670. Л. 48 и 64

Часть 2. Книги, созданные после раскола, старообрядческие рукописные книги

В этой части книжного собрания Е. Е. Егорова надо отметить полемические сборники, подчас украшенные очень интересными характерными миниатюрами (рис. 5).

Сюда же относятся поразительно красивые гусличкие певческие рукописи (рис. 6).

Ко второй части собрания Егорова относятся книги, раскрывающие историю Преображенского кладбища. Это следующие единицы хранения:

№ 832 — Сборник старообрядческий, указы Преображенского кладбища, переписка отцов. Около 1900 года. 479 л.

Рис. 6. Демественник певчий на крюковых нотах с пометами.
XIX в. Беливского письма. На 171 л.
ОР РГБ. Ф. 98. № 1381. Л. 9 об. – 10

№ 1052 — Московские отеческие письма, писанные до нашествия французов; с прибавлением писем Макария Ивановича Стукачева. Конец XIX века. 423 л.

№ 1044 — Московские отеческие письма с Преображенского кладбища. Содержит письма о нашествии французов. Около 1900 года. 479 л.

№ 1488 — Краткий очерк основания и правления старообрядческого Преображенского кладбища в Москве и другие статьи беспопщинского направления. XIX век. 332 л.

Но особое место здесь занимают две рукописные книги:

№ 2009 — Черновые материалы для истории Преображенского кладбища. XIX век.

№ 2011 — История Преображенского кладбища с 1854 по 1862 год. В 38 главах. С добавлением судебного дела о настоятеле Буринской моленной Пафнутии Леонтьевиче. Около 1870 года. 874 л.

«История Преображенского кладбища с 1854 по 1862 год» является списком с книги известного преображенского начетчика Егора Яковлевича Карева «Повесть о злоклучении на Московское Преображенское кладбище и на всё старообрядческое христианство, по Божию попущению чрез враждебных людей произошедшее». Сочинение Е. Я. Карева хранится в Государственном музее. Оно было введено в научный оборот в 2013 году Еленой Михайловной Юхименко⁸. С «Повести о злоклучении...» было сделано несколько списков. Их точное число не известно, но два списка попали в коллекцию Егорова. Это и есть книги, озаглавленные «Черновые материалы для истории Преображенского кладбища» и «История Преображенского кладбища с 1854 по 1862 год».

Рукопись № 2011, или «История Преображенского кладбища с 1854 по 1862 год», абсолютно уникальна по объему собранного в ней фактического материала: здесь рассказано об арестах духовных отцов, о ссылках попечителей Преображенского богаделенного дома, о расхищении иконного собрания федосеевского монастыря. Но кроме этого в книге собрано огромное количество маленьких трагедий простых насельников и насельниц Преображенского богаделенного дома. Очевидно, что судьбы знаковых персон в истории московской федосеевской общины: попечителей, начетчиков, духовных отцов — исследователи могут проследить по ряду источников. Но крайне трудно найти информацию о маленьких рядовых людях и их повседневности, протекавшей за стенами Преображенского богаделенного дома: ограничения призреваемых стариков в еде и перемещении по территории, уплотнение лежачих больных в больничной палате, обыски личных вещей, слом перегородок в комнатах. Вот лишь некоторые из описанных в книге повседневных событий в богадельне.

Безусловно, возникает вопрос о степени истинности и тенденциозности данного произведения. В 2014 году на конференции «Старообрядчество: история, культура, современность» прозвучал доклад «Неизвестная история Преображенского богаделенного дома: новые документы из фондов Российской государственной библиотеки и Центрального государственного архива г. Москвы», где приводились примеры того, как факты, описанные в «Истории Преображенского

⁸ Юхименко Е. М. Неизвестные подробности ссылки, смерти и погребения Ф. А. Гучкова // Российский парламентаризм: истоки, история и современность : материалы науч.-практ. конф. — М., 2013. — С. 111–119.

Рис. 7. История Преображенского кладбища с 1854 по 1862 год.
В 38 главах. С добавлением судебного дела о настоятеле
Буринской моленной Пафнутии Леонтьевиче.
Верхняя крышка переплета книги и титульный лист.
Около 1870 г. 874 листа. ОР РГБ. Ф. 98. № 2011

кладбища», находили подтверждение в документах из фондов ЦГАМ⁹. Таким образом, вопрос об истинности описанного в книге был снят (рис. 7).

Третья часть фонда Е. Е. Егорова — это собственно его архив, куда включили бесценные с исторической точки зрения книги копий документов. К сожалению, именно эти книги копий документов крайне бедно введены в научный оборот. В момент написания данной статьи из архива Е. Е. Егорова формируется отдельный фонд № 925 (рис. 8).

⁹ Доклад Т. В. Игнатовой. Материалы доклада не опубликованы.

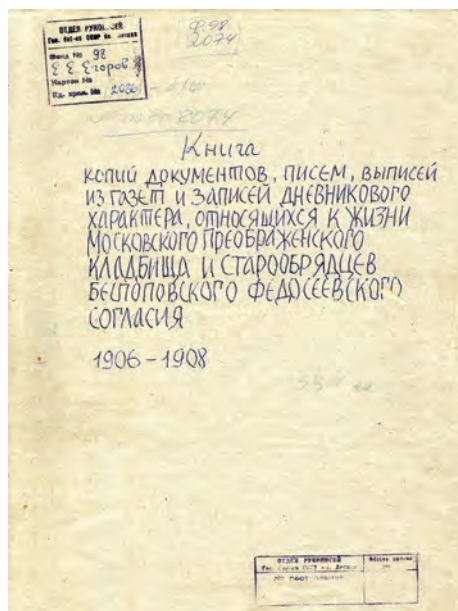

Рис. 8. Книга копий документов, писем, выписей из газет и записей дневникового характера, относящихся к жизни московского Преображенского кладбища и старообрядцев беспоповского федосеевского согласия. 1906–1908 гг. 337 л. ОР РГБ. Ф. 98, б/ш № 2074 (2084, 2086) (старый шифр)

Как же они появились?

После императорского указа об общинах (указ 1906 года) на Преображенском кладбище была зарегистрирована старообрядческая община. Егоров стал ее активным членом: он регулярно посещал собрания на Преображенском, бывал на расширенных заседаниях федосеевских общин в Казани, в Саратовской и Костромской губерниях, принимал активное участие во всероссийских старообрядческих съездах беспоповцев, Егор Егорович вел обширную переписку с федосеевскими общинами по всей России.

Но самое ценное, что сделал Егоров, — он стал вести специальные книги, в которые копировал протоколы собраний Преображенской общины, протоколы съездов, при этом он описывал само проведение съезда, копировал свою личную переписку и переписку третьих лиц с общинами Казани, Костромы, Прибалтики, Пскова, Рыбинска,

Санкт-Петербурга, Саратова и других городов, делал выписки из периодических изданий, если они касались старообрядческой жизни. Скопированные документы иногда чередуются с записями дневникового характера, в которых Егоров иногда пишет о себе в первом лице, а иногда — в третьем¹⁰.

Так постепенно были созданы девять огромных книг, содержащих материалы по истории Преображенской общины с 1905 по 1917 год. Приведем их архивные шифры по старой описи фонда № 98:

- б/ш № 2064 (2074) «Книга писем Е. Е. Егорова, его корреспондентов и третьих лиц. 1907–1909»;
- б/ш № 2065 (2075) «Книга писем Е. Е. Егорова, его корреспондентов и третьих лиц № 2. 1909–1910»;
- б/ш № 2066 (2076) «Книга писем Е. Е. Егорова, его корреспондентов и третьих лиц № 3. 1910–1911»;
- б/ш № 2067 (2077) «Книга писем Е. Е. Егорова, его корреспондентов и третьих лиц № 4. 1911–1913»;
- б/ш № 2068 (2078) «Книга писем Е. Е. Егорова, его корреспондентов и третьих лиц № 5. 1914–1917»;
- б/ш № 2074 (2084, 2086) «Книга копий документов, писем, выписей из газет и записей дневникового характера. 1906–1908»;
- б/ш № 2075 (2085, 2087) «Книга копий документов, писем, выписей из газет и записей дневникового характера. 1907–1916»;
- б/ш № 2076 (2087, 2088) «Книга копий документов, писем, выписей из газет и записей дневникового характера. 1911–1917»;
- б/ш № 2077 (2086, 2085) «Книга копий документов, писем, выписей из газет и записей дневникового характера. 1905–1911».

В одной из книг Егоров пишет:

«В этой книге с 1905 года приведены некоторые происшествия в нашем христианском обществе бывшие, которых свидетелем был и сам писатель сея книги и также все статьи из газет, бывшие в Москве, иногда хотя и не правдоподобные, однако для того чтобы было видно, что наши общественники сообщают, что не делает им чести»¹¹.

¹⁰ Рыков Ю. Д. Указ. соч. — С. 63.

¹¹ НИОР РГБ. Ф. 98, б/ш № 2077 (2086, 2085) Книга копий документов, писем, выписок из газет и записей дневникового характера, относящихся к жизни Московского Преображенского кладбища и старообрядцев беспоповского федосеевского согласия 1905–1911 гг. Л. 336.

Сам Егоров эти книги не озаглавил. Но когда они поступили на хранение в Румянцевский музей, а затем в отдел рукописей ГБЛ, то хранители присвоили книгам несколько тяжеловесные, но полностью соответствующие содержанию названия, например: «Книга копий документов, писем, выписок из газет и записей дневникового характера, относящихся к жизни Московского Преображенского кладбища и старообрядцев беспоповского федосеевского согласия».

Материалы из этих книг охватывают практически все сферы жизни Преображенской общины: выборы духовных отцов и выборы совета общины, финансирование, связи с федосеевскими общинами по всей России, межконфессиональные отношения с новообрядцами, единоверцами, филипповцами, полемика федосеевцев внутри согласия по вопросам брака и организации деятельности общины, описаны некоторые московские домовладения, принадлежащие Богаделенному дому, но находящиеся за его территорией.

Каждая из книг охватывает от 3 до 6 лет. Записи сделаны в хронологическом порядке, идут сплошным текстом, каждая из записей начинается с новой строки с даты. Есть случаи повтора одной и той же записи в нескольких книгах.

Рассмотрим лишь одну страницу книги, где записаны результаты выборов уполномоченных на Всероссийский съезд староверов старопоморского согласия. Выборы прошли на собрании 26 ноября 1906 года. Прочтем верхнюю строку: «...поставил себя на баллотировку, но неохотно. Были выбраны...»

Описывая собрания, Егоров не просто перечисляет участников выборов, а уточняет, с каким настроением некоторые из них баллотировались, было ли душно в помещении, хватило ли всем стульев и прочие мелочи, из которых и состоит реальная жизнь (рис. 9).

Сама работа по сбору и копированию документов была понятна далеко не всем членам общины Преображенского кладбища. Даже не все духовные наставники поддерживали Егорова. Многие опасались, что он собирает компромат. Но те члены общины, кто осознавал важность работы Егорова, приносили ему свои письма для копирования. Поэтому у книг есть одна особенность: письма в них скопированы не по принципу диалога отправителя и получателя.

На этом основании можно высказать предположение, как именно велась работа над этими книгами. Один адресат, например иконописец Афанасий Трифиллович Михайлов, накопил некоторое число писем из федосеевских общин разных городов России и принес их Егорову,

Пристальное внимание в книгах копий документов уделяется полемике федосеевцев относительно введения метрических записей, особенно записей брачных союзов. Эта тема очень важная в истории федосеевского согласия, поскольку в результате этой полемики федосеевцы разделились на московских, принявших метрические книги и брачные записи, и казанских, не принявших брачные записи. Данный аспект истории недостаточно освещен в исследованиях, и поэтому книги Егорова являются бесценным источником по этой теме.

Однако книги копий документов могут быть интересны не только узким специалистам. Они могут привлечь внимание даже историков театра. В них есть подробности постановки в Москве на сцене театра «Аквариум» пьесы «Федосово согласие».

Из записей дневникового характера мы узнаем, что *«в октябре 1906 года представлена на сцене одного из театров в Москве пьеса “Федосово согласие”, где затронуты Илья Алексеевич Ковылин и всё наше согласие. Пьеса довольно грязная. Народу наших много ходило глядеть. Просили у градоначальника (г-на Рейнбота. – Т. И.) снять ее со сцены. Просьбу он уважил, и пьеса снята»*¹³.

Пьеса настолько задела московских федосеевцев, что буквально через несколько дней после ее премьеры — 31 октября, во вторник — на Преображенском кладбище члены общины отслужили панихиду *«по Илии Алексеевиче Ковылине и прочих, якобы за оскорбление их памяти»*¹⁴.

Но в 1907 году произошла смена градоначальника, и пьеса вернулась на сцену. По ходатайству федосеевцев она снова была приостановлена¹⁵.

Закончить свой рассказ я хочу бытовой сценкой про фотосъемку «на могилках». Случай описан в одной из ранних книг копий документов. Эта история произошла осенью 1907 года непосредственно на Преображенском кладбище.

«В четверг 4 сентября опись (икон и книг. – Т. И.) продолжалась в моленных. Егоров приехал посмотреть (от участия в описи от-

¹³НИОР РГБ. Ф. 98, б/ш № 2077 (2086, 2085). Книга копий документов, писем, выписок из газет и записей дневникового характера, относящихся к жизни Московского Преображенского кладбища и старообрядцев беспоповского федосеевского согласия 1905–1911 гг. Л. 11 об.

¹⁴Там же.

¹⁵Там же. Л. 136, 140.

казался за невозможностью своею), в двенадцатом часу дня. Никого не застал. Ив[ан] Кир[илович] Брюшков, участвовавший в описи, пришел за ключом к Ефрему Агеевичу, не застал его в чулане. На вопрос, где он, получил ответ, что ушел сниматься на могилки вместе с прочими певчими.

И. К. Брюшков пригласил Егорова идти вместе на могилы, говорит ему дорогою: “Смотри, чем занимаются”, — и начал говорить Егорову, что непорядки есть, в соборной (моленной. — Т. И.) тоже полный беспорядок.

Егоров, чувствуя себя не вполне здоровым от разных неприятностей, говорит ему: “Мне что за дело”.

Брюшков говорит: “Как, что за дело. Ты хозяин, чего ты смотришь”, — и так далее.

Егоров, чувствуя себя обиженным, говорит: “Ты говоришь сам только, а не хочешь меня выслушать. А нужно и людей выслушать. Мне к чему говорить, только против себя врагов больше приобретать, которых и так много. Ты такой же выборный и прихожанин, как и я, говори сам. Ты первый сам говоришь, и сам не хочешь выслушать меня, а я и так через разные неприятности здоровье расстроил”.

Пришли на кладбище, видят: у часовни на могилках стоят певчие, свечники и в середине отец Ефрем Агеевич. Фотограф с них снимает портрет (вероятно для журнала “Церковь”). Стоят с лестовками.

Егоров не удержался и говорит:

“Как не стыдно заниматься подобным делом? Ты отец, кому желателен с тебя портрет, всякой может у тебя попросить с одного тебя. Но сниматься вместе, это сатанинское тщеславие тебя обуяло. Ты увидел в № 31 журнала ‘Церковь’ портрет Режицкого отца Архипа Семеновича Синельникова, вместе с певчими снятого, и вот тебя взяла зависть и гордость, чтобы тоже сделать. Но за гордость, то есть тщеславие, архангел Сатаниил свержен с неба, и тебе это не годится делать, в особенности на смех и поругание обществу. Могут видеть этот рисунок многие и подымать на смех разговором: Смотрите, вот раскольнические певчие, а вот ихней коновод. К чему всё это делать. Не годится это”»¹⁶.

¹⁶НИОР РГБ. Ф. 98, б/ш № 2077 (2086, 2085). Книга копий документов, писем, выписок из газет и записей дневникового характера, относящихся к жизни Московского Преображенского кладбища и старообрядцев беспоповского федосеевского согласия 1905–1911 гг. — Л. 76–76 об.

Егоров в одной записи беспристрастно фиксирует проявления своего непростого характера, дает прямую ссылку на издание старообрядческой периодики, указывает на сроки проведения описи икон в моленных и вскользь упоминает о состоянии своего здоровья. В небольшой бытовой зарисовке показаны разные грани жизни старообрядческой общины, жизни, которая, как правило, тщательно скрывалась от посторонних глаз, а теперь доступна нам на страницах исторического документа.

**«Жил честно, целый век трудился»:
ржевский род купцов Сафроновых**

Купец был не только в городской думе, он был во всей городской общественности... Небезынтересно провести параллель между общественной деятельностью в России прошлого времени и Западной Европой, в частности с Францией. На Западе — это устройство своих собственных дел, личной своей карьеры; в России — это, прежде всего, служение¹.

Семейное предание гласит, что род Сафроновых известен в Ржеве с XV столетия. Его представители начинали свою предпринимательскую деятельность с торговли пироженками вразнос. Однако постепенно эта фамилия набирает силу и общественный вес. В XVII–XVIII столетиях Сафроновы числятся среди купеческих фамилий Ржева². Ревизская сказка 1816 года фиксирует во Ржеве мещан Сафроновых — семью Ивана Федорова Сафронова, имеющего двоих сыновей — Павла 8 лет и Иоанна 3 лет³. Пятьдесят лет спустя подпись уже купца Ивана Сафронова стоит под решением Ржевского городского общества, принятого в ноябре 1866 года, об увековечивании памяти уроженца города — знаменитого изобретателя Терентия Волоскова, посредством установки его портрета в зале городских общественных собраний⁴. Но именно его старшему брату Павлу суждено было стать одной из замечательных личностей города Ржева.

¹ *Бурьшикин П. А.* Москва купеческая. — М. : Столица, 1990. 352 с. — с. 231.

² Русское купечество XVII–XVIII вв. : Города Верхневолжья / А. В. Демкин ; отв. ред. А. А. Преображенский ; АН СССР, Ин-т истории СССР. — М. : Наука, 1990. — 92 с., табл. 72.

³ ГАТО. Ф. 312. Оп. 6. Д. 411. Л. 202 об.–203.

⁴ «Благодаря неусыпным трудам» : первый глава города Ржева Терентий Иванович Волосков / Л. Сорина // Твер. ведомости. — 2004. — 21–27 мая (№ 22). — С. 6.

Происходя из небогатой семьи, Павел Федорович как и его предки, избрал своим делом торговлю, однако смог поставить дело более широко. Как и многие земляки, несколько лет подряд он ежегодно в одиночку сплавлялся на лодке по Волге вниз до Нижегородской ярмарки, испытывая по пути немало лишений. Приобретая необходимые товары, Сафронов обыкновенно покупал в Нижнем Новгороде лошадь с телегой, на которой проделывал обратный путь до Ржева. Дома привезенный товар, равно как и лошадь с телегой, продавал, за счет чего получал выручку, позволившую постепенно увеличивать скудный начальный капитал. Со временем он занял достойное место среди владельцев лавок Гостиного двора, находящегося на расстоянии более версты от его дома, на другой стороне Волги.

Согласно формулярному списку, в 1833 году по выбору Ржевского мещанского общества Павел Федорович вступил в общественную службу гласным Ржевской городской думы от мещан. По истечении трехлетнего срока службы за проявленное усердие удостоен аттестата от всего городского общества. В 1842 году становится гласным думы уже от купеческого сословия по выбору Ржевского купеческого общества. И вновь три года спустя за усердную службу награждается аттестатом. По выбору ржевских городских избирателей 1-го разряда поступил гласным Ржевской городской думы на 4 года с 1871 года. Наконец, по выбору городского общества был избран на должность городского головы, каковую и исправлял с 1873 года.

В целом, довольно распространенный путь трудов на общественном поприще для состоятельного гражданина русского уездного города XIX века. Как и многие патриотично настроенные представители купеческого сословия, Павел Федорович щедро жертвовал на раненых и увечных воинов в годы Крымской войны, а позже — на оборону в Русско-турецкой войне (1887–1878), за что он был награжден бронзовой медалью на Аннинской ленте в память о Крымской войне и знаком Красного Креста⁵.

В 1836 году на служение в город Ржев был назначен священник Матфей Константиновский. Сегодня это имя известно в основном в связи с творчеством писателя Н. В. Гоголя, часто обращавшегося к отцу Матфею за духовными советами в последние годы своей жизни. Гораздо менее известно, что о. Матфей являлся талантливым проповедником и миссионером, положившим немало трудов на уврачевание церковного раскола.

⁵ГАТО. Ф. 1073. Оп. 2. Д. 37.

Ржев XIX столетия — богатейший город Тверской губернии, три четверти жителей которого были раскольниками, большей частью беглопоповцами⁶. «Все, почти, купечество города за немногими исключениями, было в расколе... Ржевские раскольники фактически господствовали над православным меньшинством... Выйти замуж или жениться на состоятельном лице можно было не иначе, как перейдя в раскол»⁷.

В 1840 году протоиерей Константиновский — клирик Преображенского храма — прикомандирован к Оковецкой церкви Ржева для отправления богослужения и исполнения треб. Здесь он продолжил свое активное миссионерское служение. Отцу Матфею пришлось перенести немало гонений от непримиримых ревнителей раскола: однажды во время литургии его дом подожгли, светским и церковным властям на него постоянно поступали доносы⁸.

Имя священника из Ржева было широко известно не только в Тверской епархии, но и в Москве и Санкт-Петербурге. Паства отца Матфея была весьма обширна. Некоторые помещики Тверской губернии специально переселялись в Ржев, чтобы пользоваться его духовным руководством.

Среди множества заслуг отца Матфея — обращение в православие Павла Федоровича Сафронова. Произошло это в 1844-м. Покинув старообрядческую среду, состоятельный житель Ржева сразу разрывал множество не только родственных, но и деловых связей, терял поддержку городского магистрата, состоявшего в основном из раскольников⁹. Такой шаг требовал немалого мужества.

Как человек начитанный и состоятельный, П. Ф. Сафронов сразу был избран старостой Преображенской церкви Ржева и стал верным помощником о. Матфея на целых двенадцать лет. Живя очень скромно,

⁶ Очерк жизни в Бозе почившего Ржевского протоиерея о. Матфея Александровича Константиновского. Сводная редакция (1860–1890–1915) / [А. И. Расев; вступ. ст. В. Воропаев, вступ. ст. А. Шибанов]. — Тверь, 2017. — С. 280.

⁷ Там же. — С. 361–362.

⁸ Там же. — С. 262.

⁹ *Серебрякова Ю. В.* Дело о ржевских раскольниках в период управления святителем Филаретом (Дроздовым) Тверской епархией. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/delo-o-rzhevskih-raskolnikah-v-period-upravleniya-svyatitelem-filaretom-drozdovym-tverskoy-eparhiei> (дата обращения: 17.01.2018).

он много отдавал приходу сам и побуждал других к пожертвованиям. Таким образом, новый староста украсил и благоустроил Преображенский храм, который, по свидетельству современников, «по своему благолепию, занял первое место между другими городскими храмами»¹⁰. Тогда же купец обратил внимание на приписанное к Преображенскому храму окраинное кладбище. Здесь стояла обветшавшая деревянная часовня, в которой находилась икона Казанской Божией Матери, очень чтимая горожанами — как православными, так и старообрядцами.

Решено было построить на прилегающей к кладбищу территории новый храм в честь Вознесения Господня. Обязанности строителя Ржевской Вознесенской бесприходской кладбищенской церкви добровольно принял на себя П. Ф. Сафронов. «Как лицо уважаемое во всем городе, успел привлечь большое сочувствие к благому делу не только со стороны православных жителей города Ржева, но и со стороны старообрядцев»¹¹. На построение храма потекли обильные пожертвования. Сам Павел Федорович не щадил ни сил, ни здоровья, лично распоряжаясь работами и изыскивая все средства к тому, чтобы успешно довести дело до конца. Проект собора по заказу строителя составил знаменитый архитектор К. А. Тон — автор проекта Храма Христа Спасителя в Москве. Между этими церковными зданиями визуальное много общего, что заметно даже не специалисту.

Строительство продолжалось одиннадцать лет. В 1855 году новое здание освятил архиепископ Тверской Гавриил (Розанов) (рис. 1).

Занимаясь строительством на окраине города, П. Ф. Сафронов одновременно оставался церковным старостой Преображенской церкви. За усердную и полезную службу в должности церковного старосты в 1850 году Павел Федорович получил от Тверской духовной консистории похвальный лист¹². В 1857 году купец оставил ктиторовство в Преображенской церкви, будучи избран церковным старостой нового Вознесенского собора. Год спустя за свои многолетние храмоздательские труды он был отмечен благословением Святейшего Синода, а в 1864 году по ходатайству ржевского общества Высочайше награжден золотой медалью для ношения на шее на Станиславской ленте¹³.

¹⁰Очерк жизни в Бозе почившего Ржевского протоиерея о. Матфея Александровича Константиновского. — С. 327.

¹¹Там же. — С. 327.

¹²Там же.

¹³ГАТО. Ф. 1073. Оп. 2. Д. 37.

Видъ церкви Вознесения Господня на кладбище г. Ржевѣ Казанско-Дмитровской стороны съ окруженіемъ ее предмѣтами, снятъ съ восточной стороны 3-го июля 1872 года.

- 1.) Церковь во имя Вознесения Господня, заложена здѣсь въ 20-й день Іюня 1844 года. Удѣлилъ Архіепископъ Самарскій, Тверскій и Кашинскій въ 2-й день Іюля 1850 г.
- 2.) Часовня во имя Казанской Божіей Матери, заложена въ 2-й день Іюля 1861 года. Освящена въ 15-й день Октября 1863 года.
- 3.) Часовня во имя Казанской Божіей Матери заложена въ 20-й день Іюля 1860 года. Освящена въ-проектированіи Св. Чудотвор. Ик. Каз. Бог. Матери въ 13-й день Іюля 1861 года.

Снимокъ Греческаго Крестнаго Имп. фотографическаго Общества.

Фотопортретъ Крестнаго Общества.

Рис. 1. Комплекс Вознесенского собора, Казанского храма и Казанской часовни. Ржев. 1872 г.

В благодарность Божией Матери Павел Феодорович выстроил на кладбище красивую каменную часовню, в которую была торжественно перенесена чтимая ржевлянами Казанская икона. Устроив и украсив холодный Вознесенский храм, снабдив его богослужебными книгами, утварью и облачениями для духовенства, Павел Феодорович в 1861 году инициировал возведение рядом другого, также каменного храма — для зимнего богослужения, тоже в честь Казанской иконы Божией Матери. Эта новая церковь с отдельно стоящей колокольней также была им снабжена всем необходимым, а всё обширное старинное кладбище обнесено каменной оградой. Из более чем ста тысяч рублей, употребленных на постройку обоих храмов, часовни и ограды, не менее двадцати пяти тысяч было собственными средствами Сафронова. Купец также взял на себя обеспечение причта новых храмов, выделив для этого восемь тысяч из своего капитала¹⁴.

В любую погоду, невзирая на преклонный возраст и немощи, купец спешил в собор, приезжая туда к утрени, начинавшейся в три часа утра, и оставался до конца Литургии, что составляло, в общей

¹⁴Очерк жизни в Бозе почившего Ржевского протоиерея о. Матфея Александровича Константиновского. — С. 327.

*Рис. 2. Панихиду на могиле П. Ф. Сафронова совершает настоятель Вознесенского собора протоиерей Константин Чайкин. 4 ноября 2019 г.
Фото из архива Вознесенского собора*

сложности, более четырех часов. Только после этого приступал к своим торговым делам. По свидетельствам современников, как человек, обладавший немалым состоянием, П. Ф. Сафронов нередко ссужал нуждающихся необходимыми средствами, не требуя возврата от немущих должников.

Павел Федорович Сафронов прожил долгую и достойную жизнь и скончался в 1896 году, 15 января, 92 лет от роду, удостоившись перед тем принятия Святых Христовых Тайн. Его отпевание и погребение происходило при большом стечении народа, при участии Тверского викария, епископа Старицкого Гавриила (Голосова). Похоронен он, как храмоздатель, был у собора Вознесения Господня на участке, который впоследствии сделался семейным некрополем семьи Сафроновых (рис. 2, 3).

*Рис. 3. Столп-часовня на могиле П. Ф. Сафронова.
Фото О. Г. Кирьяновой. Ржев. 2018 г.*

Как свидетельствовали «Тверские епархиальные ведомости», поместившие отчет об этом событии, почтить память новопреставленного пришли многие из горожан, «не смотря на неблагоприятную погоду, бывшую в тот день, и не смотря на разногласия в религиозных убеждениях. Что особенно важно было при сем погребении — это присутствие многих раскольников при православном богослужении и принятии, даже раскольниками, от Православного епископа благословения»¹⁵. Таково было благотворное влияние на земляков П. Ф. Сафронова, опирающееся на его многолетний моральный и нравственный авторитет. Одним из подтверждений того, насколько он был высок, является факт последующего перехода в православие представителей одной из наиболее активных и состоятельных старообрядческих семей Ржева — Бересеневых¹⁶. Один из них — Алексей — к 1915 году уже служил настоятелем Вознесенской церкви в сане протоиерея¹⁷.

¹⁵ «Пути Божии в жизни человека» // Тверские епархиальные ведомости. — 15 мая 1896 года. — № 10, год двадцатый, часть неофициальная. — С. 36.

¹⁶ URL: <https://geno.ru/news/1091/> (дата обращения: 17.01.2018).

¹⁷ Выпись из метрического свидетельства за 1916 год. Личный архив автора.

Рис. 4. Внук П. Ф. Сафронова – купец 1-й гильдии, потомственный почетный гражданин Ржева А. Г. Сафронов. 1899 г. Фото из архива автора

На похоронах Павла Сафронова распоряжался «старший внук покойного Алексей Григорьевич Сафронов, заменяющий городского голову». Именно он принял на себя обязанности ктитора Вознесенского собора, которому семья Сафроновых по-прежнему оказывала всемерную поддержку. Впоследствии внук Павла Федоровича также был избран городским головой, проявив себя на этом поприще в качестве деятельного и энергичного администратора (рис. 4). Алексей Григорьевич, в частности, стал одним из инициаторов и активных участников строительства нового моста через Волгу. Сохранились кадры кинохроники, запечатлевшие открытие и освящение этого моста в 1912 году. На этих кадрах можно видеть и А. Г. Сафронова, который по должности был среди первых лиц губернии, возглавлявших церемонию.

Успешно сочетая общественную деятельность с торговой, он состоял уже в первой гильдии ржевского купечества, обладал миллионным состоянием.

Дети А. Г. Сафронова купеческую династию не продолжили. Три его сына стали офицерами, еще один окончил Катковский лицей. Павел и Сергей Сафроновы служили в Русской Императорской армии, один в кавалерии, другой во флоте, причем самый старший — Павел Алексеевич — успел повоевать на фронтах Первой мировой войны. Самый младший — Алексей Алексеевич — служил уже в советское время, участвовал в Великой Отечественной войне, окончил службу полковником.

О характере воспитания в семье можно судить по тому факту, что сыновья купца-миллионера, будучи уже молодыми людьми и приезжая навещать родителей, вместо того чтобы блистать в обществе, пленя ржевских барышень, принуждены были вместе с отцом вставать за прилавок. Алексей Григорьевич оставался неумолим: дети должны знать, откуда и как берутся деньги, затраченные на их образование.

К сожалению, жизнь этого представителя ржевского купеческого рода оборвалась трагически. В октябре 1917 года, когда по всей стране начались беспорядки, А. Г. Сафронов был убит, когда ехал с женой по улице в пролетке. Камень, брошенный неизвестным лицом, пробил ему голову, смерть наступила мгновенно. Похоронен Алексей Григорьевич рядом с дедом и отцом в семейном некрополе у стен Вознесенского собора.

Один из его сыновей — Григорий — после революции воспринял должность ктитора Казанского храма и впоследствии был репрессирован за это, пробыв 25 лет в ссылке на Магадане. Единственная дочь Алексея Григорьевича — Анна окончила городскую гимназию, в годы Первой мировой войны была сестрой милосердия в военном госпитале во Ржеве.

Примечательно, что, несмотря на тяжелые многомесячные бои в ходе Ржевско-Вяземской операции, во Ржеве сохранилось не более 10% зданий, уцелел и дом Сафроновых, и часовенка на могиле П. Ф. Сафронова у стен Вознесенского собора. Хотя со дня его смерти минуло более века, ржевляне помнят о своем выдающемся земляке, и почти каждый день на его могиле горят свечи и лежат живые цветы.

**От XIV века до наших дней.
Страницы из родословной Поливановых-Норовых**

Более шести веков разветвленный род Поливановых служит Российскому Отечеству.

В старинных документах первые упоминания о роде Поливановых относятся к XIV веку, когда в 1376 году к Великому князю Московскому Дмитрию Ивановичу пришел на службу Кочева Карачаков, от которого и пошел род Поливановых. Он был участником Куликовской битвы 1380 года, крещен под именем Анцифор [1]. В фамильном гербе (рис. 1) отражены верность служения Отечеству, стойкость и благородство. Поливановы породнены с Норовыми, Воронцовыми, Дашковыми, Воротынскими и другими древними родами. Знаменитый герой войны 1812 года — гусар Денис Давыдов — родственник Поливановых.

Рис. 1. Герб рода Поливановых

Вследствие ограниченных возможностей данной статьи обратим внимание на ближайшие (по времени) к нам поколения Поливановых — Норовых.

Полковник русской армии Николай Петрович Поливанов (рис. 2) большую часть своей жизни провел в боях и походах. Служил под началом Суворова (рис. 3), участвовал в делах против турок, при осаде и взятии Бендер, штурме Измаила. Обладал смелостью и военной смекалкой, проявил незаурядные дипломатические способности. Как сказано в его служебном аттестате: «действовал храбро и благоразумно». В 1798 году служил в Конно-егерском, а затем в Сумском (гусарском) полку, с которым в 1799 году участвовал в Швейцарском суворовском походе (рис. 4, 5). В это время получил от Суворова поручение вести переговоры с баварским правительством о проходе русских войск через Баварию. Ему же было поручено произвести расчеты с австрийским правительством, несколько раз Поливанов был назначен парламентарем. В одном из боев под Цюрихом, когда часть русских войск оказалась отрезанной от основных сил, находясь под артиллерийским огнем врага, Николай Петрович пошел на военную хитрость. Он отправился во вражеский лагерь к главнокомандующему генералу Массена и под предлогом переговоров на пять часов остановил огонь неприятельской артиллерии. Цитата из послужного аттестата: «Тогда он, полковник Поливанов, дефилированными сквозь пушечный неугасимый огонь проскакав, собрал оставшиеся команды, показав им путь к соединению с корпусом, сражающимся за городом, а сам поехал с трубачом в лагерь неприятельский...» Благодаря этому войска «соединиться могли без всякой потери с главным корпусом». Когда Массена обнаружил, что его провели, он пришел в ярость и сказал Поливанову: «Вы заплатите за это головой». На что тот спокойно ответил: «Что стоит моя голова, когда спасена армия» [2]. Такой ответ восхитил главнокомандующего, и он отпустил Поливанова с миром.

По производству в полковники Николай Петрович получил золотое оружие за храбрость и орден Святого Владимира.

За заграничный поход Император Павел I именным рескриптом объявил полковнику Поливанову свое благоволение, а от союзников — баварского курфюрста — Николай Петрович принял орден Золотого льва I степени, причем фельдмаршал Суворов лично надел на Поливанова орден. В Отечественную войну 1812 года Николай Петрович Поливанов командовал Покровским ополчением и со своим 4-м полком Владимирского народного ополчения в начале 1813 года был направлен для обороны западных границ России в город Минск.

Рис. 2. Портрет
Н. П. Поливанова
(первого)

Рис. 3. Портрет
А. В. Суворова.
Хранится в монастыре
Св. Иосифа (Швейцария).
Фото В. Конева. 2009 г.

*Рис. 4. Монастырь
Св. Иосифа (Швейцария).
Здесь был штаб Суворова
в 1799 году.
Фото В. Конева. 2009 г.*

*Рис. 5. Вид на «Чертов мост»
через реку Рёйс (Швейцария).
Фото В. Конева. 2009 г.*

*Рис. 6. Портрет И. П. Поливанова.
Литография, печать на бумаге.
Семейный архив*

Брат Николая Петровича, Иван Петрович Поливанов (рис. 6), начинал службу в лейб-гвардии Преображенском полку, в апреле 1790 года участвовал в сражении против шведов. В 1812 году, будучи действительным статским советником и непременным членом Мастерской Оружейной палаты, руководил сбором и отправкой из Кремля сокровищ палаты (особой спецоперацией, или был бы главным героем современного остросюжетного романа, как сказали бы теперь). Ценнейшие предметы истории страны (рис. 7) были уложены в сундуки и ящики, погружены на подводы и с охраной отправлены обозом в Коломну, а оттуда водою на барже до Нижнего Новгорода. Страшно разорили французские солдаты Кремль, сорвали с икон древние оклады, растащили церковную утварь. Не пощадили они и дворцовые покои. Через год после ухода захватчиков сокровища Оружейной палаты были привезены в полной сохранности под надзором

И. П. Поливанова обратно в Москву 16 июня 1813 года. Так было спасено от наполеоновского разграбления национальное достояние страны. Такие действия, учитывая их важность и ответственность, проводятся, как правило, секретно и без привлечения постороннего внимания. И чем аккуратнее это будет проведено, тем меньше остается материалов последующим историкам, изучающим вопрос «как это было». Тем не менее скудность материалов по этому важному эпизоду Отечественной войны 1812 года не умаляют заслуг Ивана Петровича, а факт наличия сейчас сокровищ в Оружейной палате говорит о том, что со своей задачей И. П. Поливанов справился весьма успешно. Наиболее точная оценка важности отправляемого груза звучит в отношении Петра Степановича Валуева командующему войсками в Нижегородской губернии П. А. Толстому об отправке «...сокровищ, знаменующих величие и могущество России» [3].

Иван Петрович Поливанов находился в родстве с известным поэтом — партизаном, героем войны 1812 года Денисом Васильевичем Давыдовым. Иван Петрович и Денис Васильевич были женаты на сестрах Чирковых. А сын Поливанова, Николай Иванович, обучаясь в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров (предшественнице современных суворовских училищ), был особенно дружен с Михаилом Юрьевичем Лермонтовым, который посвятил Поливанову стихи «Послушай! Вспомни обо мне...».

Среди замечательной плеяды родных братьев Поливановых, защитников Отечества, которые могут составить целое фамильное подразделение [4], следует еще отметить:

Александр Петрович, полковник, родился в 1783 году. Служил в лейб-гвардии Измайловском полку. Участвовал в Наполеоновских войнах и был при взятии Парижа. В 1808 году получил золотую шпагу с надписью «За храбрость», при Высочайшей грамоте, где сказано: «в воздаяние отличной храбрости, оказанной в кампании противу французских войск». В 1816 году уволен от службы с мундиром.

Павел Петрович родился в 1769 году, начал службу в Преображенском полку, участвовал в делах против шведов, потом служил в ополчении в 1807 и 1812 годах.

Михаил Петрович, полковник, родился в 1769 году. Начал службу в Преображенском полку, участвовал в войне со шведами. Раненый в ногу был взят в плен. В феврале 1812 года назначен командиром Украинского пехотного полка. В ноябре 1814 года отставлен от службы «за ранами», с мундиром и полным пенсионом.

*Рис. 7. Сокровища Оружейной палаты.
Фото В. Конева. 2012 г.*

Еще о братьях Поливановых, теперь это Константиновичи. Павел Константинович — подпоручик Севского Мушкетерского полка, убит в ноябре 1812 года под Смоленском. Николай Константинович убит при Бородине 26 августа 1812 года. Михаил Константинович начинал службу в гусарском полку, участвовал в войне 1812 года. Александр Константинович начал службу в Кавалергардском полку. Участвовал в сражении при Прейсиш-Эйлау и в других. Состоял в том эскадроне Орденского полка, который взял орла в Прейсиш-Эйлауской битве, первого за время Наполеоновских войн трофея. Кавалер ордена Св. Георгия 4-й степени.

Из знаменитого рода Поливановых — государевых воинов необходимо отметить и Юрия Игнатьевича (1751–1813). Юрий Игнатьевич, генерал-майор, участник похода против турок в составе армии Потемкина, служил под командованием Суворова, отличился в сражениях при Рымнике 11 сентября 1789 года и под Мачином 29 июня 1791 года. При штурме Праги 24 октября 1794 года командовал колонной войск из 12 эскадронов и за отличие в этом походе был произведен в генерал-майоры. В Отечественной войне 1812 года командовал отрядом Калужского ополчения. За участие в боях он получил орден

Св. Владимира 2-й степени. Брат Юрия Игнатьевича — Иван Игнатьевич Поливанов — генерал-поручик. Служил в 1773 году в Киевском кирасирском полку. В 1781 году был Саратовским наместником. По открытии наместничества, за участие при восшествии Императрицы Екатерины II на престол, был произведен 1 августа в поручики лейб-гвардии конного полка [5].

Активными участниками Отечественной войны 1812 года были братья Норовы, представители известного российского рода. Род Норовых (рис. 8) происходит, по преданию, от выехавшего «из немец» в Новгород в середине XV века Василия Норова. Достоверным родоначальником Норовых был новгородский боярин Иродион Васильевич Норов, переведенный в 1485 году Великим князем Иваном III на поместье в Коломну.

Василий Сергеевич Норов (1793–1853) (рис. 9) воспитывался в Пажеском корпусе, службу начал в лейб-гвардии егерском полку, куда прибыл в октябре 1812 года. Норов принимал участие в сражениях под Красным, при Люцене, Бауцене, под Лейпцигом, Теплицем. 18 августа 1813 года в Кульмском бою Василий Сергеевич был тяжело ранен. Для лечения возвратился в Россию. Затем он вступил в резервную армию. Впоследствии Норов написал «Записки о походах 1812 и 1813 годов, от Тарутинского сражения до Кульмского боя» [6]. Василий Сергеевич имел награды: орден Святого Владимира 4-й степени с бантом — за сражение под Люценом; орден Святой Анны 2-й степени — за сражения при Бауцене и Кульме; орден Святой Анны 4-й степени — за отличие в сражении под Красным; Кульмский крест — за сражение при Кульме. Не просто сложилась судьба В. С. Норова после Отечественной войны, в 1818 году он вступил в общество декабристов — «Союз благоденствия», а в 1823 году был принят в Южное общество декабристов. 1 марта 1825 года Василий Сергеевич вышел в отставку и поселился в Москве у своего друга Михаила Фонвизина на Рождественском бульваре, дальнейшего участия в деятельности декабристов не принимал. После поражения восстания Норов был арестован, посажен в Петропавловскую крепость, после семи лет каторги в Свеаборгской и Бобруйской крепостях отправлен рядовым на Кавказ. Находясь в крепости, Василий Норов прочел много книг по военной истории. Плодом этих занятий явились двухтомные «Записки». Норов писал письма домой своим родителям о своей жизни, а в ответ получал письма с теплыми словами поддержки и посылки с одеждой, бельем, книгами. В литературном фонде Государственного музея А. С. Пушкина хранятся книги, принадлежавшие В. С. Норову, с его пометками. Часть этих

Рис. 8. Герб рода Норовых

*Рис. 9. Портрет В. С. Норова.
Музейно-выставочный комплекс Дмитровского Кремля.
Фото В. Конева. 2019 г.*

редких книг были присланы Василию из семьи от заботливой матушки и сестры Евдокии. После перевода Норова из Бобруйской крепости в действующие войска на Кавказ он был зачислен рядовым в шестой линейный Черноморский батальон. Василий Сергеевич, благодаря своим воинским талантам, занимал особое положение среди рядовых батальона. К его знаниям и опыту обращались известные генералы Кавказского корпуса, приглашая его на военные советы и привлекая к разработке отдельных операций. Так, например, Норов организовал сухопутное сообщение в Абхазии, предложил командованию план похода от Сухума в Цебельду, увенчавшийся успехом. Позже он разрабатывал операцию у мыса Адлер.

20 апреля 1837 года Василий Норов был произведен в унтер-офицеры. В январе 1838 года В. С. Норов по болезни был уволен от службы. Ему позволили жить в имении отца — селе Надеждине Дмитровского уезда Московской губернии. В 1839 году он переехал на поселение в Ревель (ныне Таллин) для лечения морскими ваннами, где и скончался.

Авраам Сергеевич Норов (1795–1869) (рис. 10) с первых дней участвовал в Отечественной войне 1812 года в составе 1-й Западной армии. В Бородинском сражении прапорщик 2-й легкой роты гвардии артиллерии Норов, командуя батареей из двух пушек, защищавших Семёновские (Багратионовы) флеши, был тяжело ранен в правую ногу. Ногу пришлось ампутировать по колено. Несмотря на инвалидность, А. С. Норов не оставил военную службу и только в 1823 году, уже в звании полковника, перешел на гражданскую службу. Много сил он отдавал литературе и истории, влечение к которым испытывал с самого детства. Авраам Сергеевич много писал в стихах и прозе; владел английским, французским, немецким, испанским, итальянским языками, последний из которых знал до тонкостей, включая, например, сицилийский диалект, а также некоторыми славянскими (чешским и лужицким), латынью, древнегреческим, арабским и классическими и древнееврейским языками. Авраам Норов был страстный библиофил. Его книжное и рукописное собрание, состоявшее из 16 тысяч томов, являлось одним из лучших в России и вошло в основные фонды Румянцевской (ныне Российской государственной) библиотеки. А. С. Норов был знаком с А. С. Пушкиным, и их общение продолжалось долгие годы, при этом Александр Сергеевич, ценя достоинства библиотеки Норова, пользовался ею для своих исторических изысканий. Пушкин был расположен к Норову, обращаясь в письмах на «ты» и со словами «любезный полковник», «ученейший собеседник», «честный человек, отличающийся благородством и душевной теплотой».

*Рис. 10. Портрет А. С. Норова. РГБ. Отдел рукописей.
Реставрирован в 2019 г. Фото В. Конева. 2019 г.*

А. С. Норов занимал разнообразные должности по различным ведомствам, был министром народного просвещения, председателем Археографической комиссии, избран действительным членом Императорской Санкт-Петербургской академии наук, получил чин действительного статского советника.

Широко известен А. С. Норов как путешественник-исследователь (рис. 11). В 1834 году он отправляется в путешествие на Святую Землю «для поклонения Гробу Господню». Побывал в Палестине, Малой Азии и Иерусалиме. Авраам Сергеевич одним из первых россиян совершил путешествие по Египту и Нубии, на парусном судне он проплыл весь Нил и исследовал Северный Судан. Ученый собрал ценный материал по географии, экономике и культуре народов, населяющих эти страны. Результатом путешествия, длившегося два года, стали книги «Путешествие по Святой Земле в 1835 году» (1838) и «Путешествие по Египту и Нубии в 1834–1835 гг.» (1840). Благодаря А. Норову

*Рис. 11. Подзорная труба А. С. Норова.
Частное собрание. Фото В. Конева. 2009 г.*

коллекция Эрмитажа пополнилась бесценной статуей Мут-Сохмет (XV век до нашей эры). Порфириное изваяние, полузасыпанное песком, Авраам Сергеевич обнаружил в Карнаке среди развалин небольшого храма и выкупил его у местных властей.

Норов был одним из участников создания «Иерусалимского проекта», когда Великий князь Константин Николаевич возглавил основание Русской Палестины и русского дела в Святой Земле, заложив основы современного русского паломничества ко святым местам. Второе путешествие (1861) на Святую Землю он описал в книге «Иерусалим и Синай» [7].

В этом проекте Норова сопровождал его племянник, Николай Петрович Поливанов (1832–1909) (рис. 12), продолжатель военного поприща Норовых-Поливановых, прекрасный художник, руководитель Дальневосточной экспедиции. Николай Петрович, участник Крымской войны 1854–1856 годов в Азиатской Турции, под Карсом, был отважным воином. В бою против турок, когда упал знаменосец, атака приостановилась, и тогда прапорщик Н. П. Поливанов совершил героический поступок — подхватил знамя и бросился с ним в гущу врага. Русские солдаты рванули за знаменем, смяли неприятеля, захватили пленных и трофеи. За этот подвиг Николай Петрович был награжден орденом Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость». За боевое отличие награжден Георгиевским крестом. Обладая талантом художника, Николай Петрович, стремился фиксировать в рисунках те события, в которых сам принимал непосредственное участие. Крымско-кавказским событиям он посвятил целый альбом рисунков, которые запечатлели обстановку тех времен, а сами эти зарисовки стали историческими документами. Эта способность пригодилась Николаю Петровичу во время экспедиции

*Рис. 12. Портрет Н. П. Поливанова (второго).
Фото конца XIX – начала XX века. Семейный архив*

в Святую Землю вместе со своим дядей А. С. Норовым. По результатам путешествия был издан альбом, представлявший собой своеобразный дневник в рисунках. Сейчас этот альбом хранится в Российской государственной библиотеке. Николай Петрович написал и опубликовал очерк «История Палестины». Во времена интенсивного освоения Сибири и Дальнего Востока было организовано переселение казаков из Украины в район Амура. Николай Петрович был переведен (1859) в Амурский казачий батальон в звании хорунжего и был одним из руководителей этой экспедиции, продолжавшейся около двух лет. Поход проходил от Байкала до района Хабаровска. Большое значение этого похода заключается не только в создании казачьего войска на Дальнем Востоке, но и в том, что в местах стоянок экспедиции позднее выросли новые поселки и города, пролегали дороги, в том числе и знаменитый Транссиб. Мотивы, цели, результаты этого проекта позапрошлого века весьма актуальны и сейчас. Зарисовки стоянок и других мест этого похода находятся в одном из альбомов Н. П. Поливанова

*Рис. 13. Портрет М. Н. Поливанова.
Фото конца XIX – начала XX века. Семейный архив*

и ждут своего часа издания. Тем более сейчас, когда страна особенно нуждается в восстановлении своей истории. Некоторое время Н. П. Поливанов был заведующим классами и даже исполнял должность директора Строгановского училища. По завершении государственной службы Николай Петрович уволен со службы «майором с мундиром», т. е. с правом ношения военной формы. Н. П. Поливанов был женат на Софье Викентьевне Яблоковой, проживал в родовом имении Надеждино Дмитровского уезда, построил на собственные средства школу и преподавал в ней. Дважды избирался на пост председателя Дмитровской земской управы.

Матвей Николаевич Поливанов (1876–1942) (рис. 13), выпускник физмата МГУ и Петровской сельскохозяйственной академии, будучи председателем Дмитровской земской управы в 1912 году, явился инициатором создания общества распространения образования (ДОРО) и организации в городе гимназии, которая открылась в 1913 году, сперва во временном помещении, а 3 мая 1915 года в торжественной

*Рис. 14. Портрет Т. Н. Поливановой.
Фото конца XIX – начала XX века. Семейный архив*

обстановке было заложено строительство нового, каменного здания гимназии, и уже в следующем, 1916 году, 4 сентября, это здание приняло первых учащихся. Необходимо отметить, что и сейчас, почти сто лет спустя, в этом здании находится школа, одна из лучших в современном Дмитрове.

Татьяна Николаевна Поливанова (1874–1936) (рис. 14) — член и активный участник первого Общества потомков участников Отечественной войны, созданного в 1913 году к 100-летию знаменитых событий. Татьяна Николаевна и ее брат, Матвей Николаевич, были видными деятелями культурной жизни Дмитровского уезда в предреволюционный и послереволюционный период. Татьяна Николаевна написала интересные воспоминания о встречах с Л. Н. Толстым во время его пребывания в декабре 1885 года у Олсуфьевых в соседнем селе Никольском Дмитровского уезда.

Большую роль Матвей Николаевич и Татьяна Николаевна Поливановы сыграли в создании Музея Дмитровского края.

Татьяна Николаевна передала в музей портреты Норовых из усадьбы Надеждино, книги, документы, письма, предметы обихода (рис. 15–17). Всё это сейчас выставлено и бережно сохраняется в современном музейно-выставочном комплексе г. Дмитрова. Несомненный интерес среди экспонатов из усадьбы Надеждино представляет походная сигнальная пушечка (рис. 18) суворовских времен, с которой много походов прошел сподвижник знаменитого полководца А. В. Суворова — полковник Николай Петрович Поливанов.

Много лет эта пушечка, находясь в селе Надеждино, являлась семейной реликвией и символически охраняла жизнь и покой нескольких поколений обитателей усадьбы. По преданию, прикосновение к стволу этой пушечки придает силу и защищает от невзгод. Многие из рода Поливановых проявили героизм при защите Отечества, а их имена написаны золотом на стенах Храма Христа Спасителя и Георгиевского зала Кремля.

Из рода Поливановых, несомненно, необходимо отметить Льва Ивановича Поливанова (1838–1899) (рис. 19), выдающегося русского педагога, литературоведа, общественного деятеля. Он свыше 30 лет возглавлял гимназию, получившую его имя. Одна из самых известных в Москве частных гимназий открыта Л. И. Поливановым в 1868 году. Поливановская гимназия занимает свое особое место в истории отечественной интеллигенции (рис. 20, 21). Здесь учились сыновья известных медиков Ф. Ф. Эрисмана и В. Ф. Снегирева, зоолога С. А. Усова, гистолога И. Ф. Огнева и многих других профессоров-естественников. Поливановцем был и граф П. С. Шереметев — сын видного сановника и историка, председателя императорской Археографической комиссии С. Д. Шереметева. Здесь учились старший сын Льва Толстого, а также князь Г. Е. Львов — потомок Рюриковичей, видный общественный и государственный деятель России, активный участник земского движения и глава Временного правительства. Из стен гимназии вышли и крупные деятели русской культуры, искусства, театра и литературы. В гимназии получил образование Валерий Брюсов, уже в младших классах он начал сочинять стихи. Когда Брюсов был в выпускном классе, в гимназию поступил его будущий сподвижник Андрей Белый — тогда еще Боря Бугаев. Позднее он отметит: «Скажу с гордостью: я ученик класса словесности Поливанова и как воспитанник “Бугаев”, и как “Андрей Белый”». В Поливановской гимназии учился прекрасный поэт Максимилиан Волошин, шахматист А. А. Алехин, художник А. Головин и многие общественные деятели России.

Рис. 15. Предметы усадебного быта.
Экспозиция Музейно-выставочного комплекса
Дмитровского Кремля. *Фото В. Конева. 2019 г.*

Рис. 16. Село Надеждино. Родовое имение Поливановых-Норовых.
Карандашный рисунок. Экспозиция Музейно-выставочного комплекса
Дмитровского Кремля. *Фото В. Конева. 2019 г.*

*Рис. 17. Усадьба Надеждино.
Фото 1912 г. Семейный архив*

*Рис. 18. Сигнальная пушка из усадьбы Надеждино.
Экспозиция Музейно-выставочного комплекса
Дмитровского Кремля. Фото В. Конева. 2009 г.*

*Рис. 19. Портрет Л. И. Поливанова.
Литография, печать на бумаге. Семейный архив*

*Рис. 20. Гимназия Л. И. Поливанова на ул. Пречистенка. Москва.
Литография, печать на бумаге. Семейный архив*

*Рис. 21. Кабинет Л. И. Поливанова.
Литография, печать на бумаге. Семейный архив. Фото 1900-х гг.*

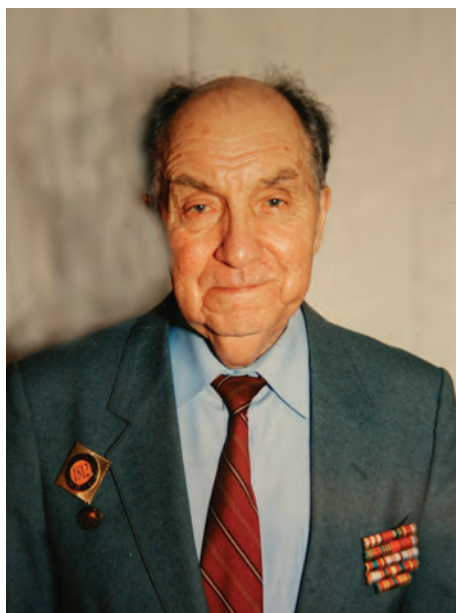
*Рис. 22. Портрет А. А. Поливанова.
Литография, печать на бумаге. Семейный архив*

Среди известных деятелей начала XX века следует отметить военного министра (1916) Алексея Андреевича Поливанова (рис. 22).

Из рода Поливановых известен ученый-электроэнергетик, выпускник МВТУ — Михаил Константинович Поливанов (1875–1927). Михаил Константинович в 1908 году был назначен управляющим московским трамваем, а в 1913 году на М. К. Поливанова было возложено руководство разработкой проектов метрополитена и электростанции, предназначенных для электроснабжения метрополитена и трамвая. Проекты были выполнены и строительство электростанции начато. Окончанию сооружения электростанции помешала Первая мировая война. Михаил Константинович Поливанов занимает видное место среди участников составления плана ГОЭЛРО, он был руководителем бюро по проектированию электрических станций и председателем Московского общества электриков. Проектный отдел Электростроя, руководимый М. К. Поливановым, разработал проекты первоочередных районных электростанций: Кизиловской, Горьковской (Нижегородской), Зуевской, Иваново-Вознесенской. Михаил Константинович был участником создания завода «Электросталь», принимал деятельное участие в работе Госплана.

Из собирателей истории рода Поливановых, несомненно, следует отметить Алексея Матвеевича Поливанова (1922–2004) (рис. 23), активного участника воссоздания в советское время Общества потомков участников Отечественной войны 1812 года, о котором можно сказать: «Это целеустремленный историк-исследователь». На себе испытал тяжесть репрессий и последующих трудных и напряженных лет.

Алексей Матвеевич по образованию инженер-строитель, большую часть жизни отдал военной службе, войну прошел шофером стройбата. Как специалист-строитель, он после падения Берлина побывал и внимательно изучил конструкцию подземного бункера Гитлера. Увиденное поразило воображение молодого А. М. Поливанова, а полученные знания и аккуратный, педантичный немецкий подход к работе он впоследствии использовал в своей практике. Делал свое дело Алексей Матвеевич очень добросовестно и с огромным энтузиазмом, как и всё, с чем он сталкивался в жизни. И сейчас, многие десятилетия спустя, объекты, которые он соорудил как военный строитель, продолжают служить интересам страны. Еще не пришло время рассказать о всех его изобретениях и технических предложениях, которые Поливанов применил при строительстве. Да и сами эти объекты, видимо, еще долгое время будут находиться в тени от общественного внимания. Такова специфика жизни, техника стареет быстро и вроде уже нечего скрывать, а многие сооружения, для которых они возводились, служат, как правило, значительно дольше.

*Рис. 23. Портрет А. М. Поливанова.
Фото В. Конева*

Алексей Матвеевич Поливанов принял деятельное участие в восстановлении памятных мест в городе Малоярославце, связанных с событиями 1812 года и его предками.

Наибольшее количество сил и частичек своей души отдал А. М. Поливанов восстановлению церкви в родном селе Надеждино. Буквально из руин восстановлен храм (рис. 24), оживает и благоустраивается прилегающая территория, возвышается над окрестными полями золоченый крест. Долг перед памятью о своих предках и страницах истории Отечества Алексей Матвеевич выполнил сполна. Супруга А. Поливанова, Анастасия Георгиевна, пережила блокадные годы в Ленинграде. Сын Владимир служил в армии, работал строителем. Дочь Ольга — инженер-электронщик.

Татьяна Матвеевна Поливанова (1911–1994) (рис. 25) — ученый-селекционер, кандидат сельскохозяйственных наук, создатель породы кур московские белые. Татьяна Поливанова являлась участником сельскохозяйственной выставки ВСХВ и Международного конгресса птицеводов в Киеве в 1960 году. Татьяна Матвеевна вошла в состав

*Рис. 24. Храм Покрова Пресвятой Богородицы.
Надеждино. Фото В. Конева. 2005 г.*

*Рис. 25. Портрет Т. М. Поливановой.
Холст, Масло. 1930-е годы. Семейный архив*

*Рис. 26. Скульптура птичницы.
Метро «Площадь революции».
Фото В. Конева, 2019 г.*

*Рис. 27. Портрет Д. А. Конева.
1960-е годы.
Фотоаппарат «Смена».
Фото В. Конева*

первой группы советских ученых в области сельского хозяйства, которые были посланы в США для изучения передового опыта. Это стало возможным после визита Н. С. Хрущева в Америку и налаживания научных связей. Среди фотографий Т. Поливановой, отражающих ее трудовую деятельность, есть кадр, который послужил одним из прототипов скульптуры птичницы на станции «Площадь революции» в московском метро (рис. 26). Начинала свою деятельность среди первых ученых-генетиков. В Великую Отечественную войну была председателем совхоза, награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». Ее небольшой архив (фотографии, книги, письма, документы, личные вещи) позволил существенно пополнить исторические материалы о роде Поливановых, в том числе и при написании этой статьи.

Большую роль в формировании научных взглядов Татьяны Матвеевны играл ее супруг — Дмитрий Александрович Конев (1893–1969) (рис. 27), выпускник Тимирязевской сельскохозяйственной академии, кандидат сельскохозяйственных наук, ученик и сподвижник знаменитых ученых — почвовед Н. Г. Дояренко и генетика Н. И. Вавилова (рис. 28). За приверженность к научным взглядам генетиков на себе испытал условия пребывания в Бутырке. Как ученый, был одним из разработчиков (закрытая в те годы область исследований) специальных продуктов питания для экипажей подводных лодок и космонавтов. Одним из первых начал изучать и применять методы сублимационной сушки продуктов. В непроизводительной деятельности был страстным собирателем книг и ревнителем истории, что передалось и автору этой статьи. Предки Д. А. Конева проживали в Вятских краях, откуда родом знаменитый маршал герой Отечественной войны Иван Степанович Конев. Так что эти данные представляют собой предмет самостоятельных исследований.

В настоящее время современные наследники известных родов так или иначе служили и служат Отечеству. Дети Алексея Матвеевича Поливанова — инженеры: сын Владимир Алексеевич пошел по стопам отца, был офицером Советской армии, в настоящее время инженер-строитель, дочь Ольга Алексеевна инженер-электронщик. Дети Татьяны Матвеевны Поливановой пошли в различные отрасли народного хозяйства и добились значимых успехов в своей деятельности, старший сын Андрей — кандидат технических наук, специалист в области автомобилестроения, разработчик математических моделей колебательных систем, участник разработки автомобиля представительского класса

Рис. 28. ТСХА. Сотрудники академии вместе с Н. Г. Дояренко (3-й справа). Д. А. Конев стоит 4-й справа. Фото. Семейный архив

«Аргус», дочь Галина окончила МГУ, работала в тяжелых географических экспедициях в пустынях Средней Азии, в том числе, и в то время, когда там проводили подземные ядерные испытания (но это стало известно только теперь). В последние годы Галина Дмитриевна работала преподавателем в школе. Младший сын Татьяны Матвеевны — Вадим — инженер-химик-технолог, кандидат технических наук, специалист в области технологии и производства ФД (фольгированных диэлектриков). Более 30 лет проработал в системе НИИ и предприятий по разработке и производству электроизоляционных материалов, применяемых при изготовлении радиоэлектронной аппаратуры, используемой в средствах связи и управления, авиационной и ракетно-космической технике. Награжден серебряной медалью ВДНХ и медалью С. П. Королёва.

В. Д. Конев прошел путь от заведующего лабораторией, заведующего отделом, главного инженера до заместителя генерального директора предприятия. Супруга Вадима Дмитриевича — Галина Николаевна (Вербицкая) — инженер-экономист-математик. Здесь следует отметить интересный факт для историков, изучающих родословные знаменитых фамилий: Галина Николаевна по бабушке — Громыко (известная

в стране фамилия). Отец Галины Николаевны — Вербицкий Николай Сергеевич — участник Великой Отечественной войны, прошел путь от Москвы до Германии, закончил службу военным комендантом города Гера. Дочери Галины Николаевны и Вадима Дмитриевича экономисты, старшая Ирина окончила Московский институт электронного машиностроения, руководитель финансового департамента производственной компании, воспитывает сына Максима. Муж Ирины, Петр, — работник энергетической компании. Младшая дочь Елена окончила институт народного хозяйства имени Г. В. Плеханова, работает руководителем направления в фармацевтической компании, воспитывает дочь Елизавету. Супруг — Антон — работает в автомобильной фирме. При подготовке текста использованы материалы статьи «Поливановы и Норовы. Достойные сыны Российского Отечества», опубликованной в сборнике «Да, были люди в наше время! К столетию Общества потомков участников Отечественной войны 1812 года» (О-во потомков участников Отечественной войны 1812 года; под ред. В. И. Алявдина, А. С. Яновского. М. : Национальный фонд «Возрождение русской усадьбы» : Изд. дом «Лига», 2013. — 368 с.).

Список литературы

1. Род дворян Поливановых. 1376–1902 / сост. А. В. Селиванов. — Владимир, 1902. — С. 1.
2. Там же. — С. 32.
3. *Болотина Н. Ю., Новоселов В. Р.* «Отправлены мною отсюда до Нижнего водою сокровища, знаменующие величие и могущество России» // Исторический архив. — 2012. — № 3. — С. 49–83.
4. Род дворян Поливановых. 1376–1902 / сост. А. В. Селиванов. — Владимир, 1902. — С. 34.
5. Там же. — С. 27.
6. *Норов В. С.* Записки о походах 1812 и 1813 годов, от Тарутинского сражения до Кульмского боя // Российские мемуары эпохи наполеоновских войн. — М. : Русский мир, 2013. — С. 360–483.
7. *Норов А. С.* Иерусалим и Синай. Записки второго путешествия на Восток / под ред. В. Н. Хитрово. — С.-Петербург : Изд. Н. П. Поливанова, А. А. Ильина, 1878. — С. 208.
8. *Поливанов Н. П.* Палестина и Синай : альбом видов рисованных с натуры. — С.-Петербург : Изд. Н. П. Поливанова, А. А. Ильина, 1878. — 16 рисунков.

**Образ русского помещика
на примере елецкой купеческой семьи Петровых**

Вступление

До 1928 года Елец был уездным городом Орловской губернии, знаменитый своим купеческим сословием, активно развивающимся в городе в XVIII, XIX и начале XX века. И. К. Кирилов в книге «Цветущее состояние Всероссийского государства» отмечал, что, по ведомости магистратской 1729 года, в Ельце было 1389 купцов. По данным кратких исторических сведений о Ельце, составленных елецким купцом Иваном Уклеиным, в 1768 году в Ельце было купцов — 2324. В 1795 году купеческих душ было: мужского пола — 2475, женского пола — 2390. К началу XIX века в городе построены заводы: кожевенных — 2, салотопенных — 19, мыловаренных — 5, воскобойных — 3, свечных — 6, клейных — 2, колокольных — 1, красильных — 2, кирпичных — 52, водочных — 1. Это свидетельствует о развитой экономике города того времени. К 1852 году в городе было 217 торговых лавок с различным товаром. Общая численность населения составляла 25 880 человек, из них купцов 3456 человек, из них представителей первой гильдии было 12 человек, второй гильдии — 60 человек, третьей — 3384 человека. К 1862 году отмечалось увеличение численности купечества до 5496 человек, что свидетельствует о благоприятных условиях его развития в те годы. Это подтверждает и Н. А. Ридингер в своей работе «Материалы для истории и статистики города Ельца». В это время промышленность и торговля в Ельце были хорошо развиты, продукция елецких заводов была знаменита по всей России. В Ельце действовали заводы: чугуноплавильный, крупорушный, свечные, восковые, табачные, красильный, салотопенный, пивоваренный, шелковый, мыловаренный, кожевенный, клейный, колокольный. Успешно торговали ельчане и курительными трубками, кузнечными изделиями, картузами, шапками. Развита была бакалейная и мелочная торговля. Уже в те времена славился Елец своими кружевами.

Рис. 1. Панорама Ельца. Фото конца XIX века

В 60-х годах XIX века елецкое купечество принимало участие в строительстве железнодорожной линии. Ельчане хотели иметь свободный сбыт сырья за границу через Рижский порт, поэтому для продолжения Елецко-Грязенской железной дороги они выбрали пункт Мценск, обосновав его преимущество в земстве. Заявление о строительстве подписали купцы I гильдии: Александр Петров, Иван Черников и почетный гражданин Пётр Хренников.

В 1873 году промышленность продолжала успешно развиваться: было открыто еще 7 кожевенных, 16 крупорушных, 5 кирпичных заводов.

В Ельце существовало несколько купеческих фамилий, представители которых на протяжении всего XIX века были главными экономическими, политическими и культурными фигурами в развитии города и эпохи. Это представители родов: Валуйских, Желудковых, Заусайловых, Кожуховых, Петровых, Ростовцевых, Русановых, Черниковых, Шиловых.

Одним из самых старых купеческих родов города Ельца является род Петровых. Они обосновались в Ельце в XVI веке и были в родственных отношениях с известными купеческими фамилиями — Чеботаревыми, Криворотовыми, Ростовцевыми, Пришвиными, Хренниковыми.

*Рис. 2. Елецкое купечество.
С. П. Горбов, И. П. Хренников, Красовский,
А. А. Петров, Дединцев. Фото 1864 г.*

Купцы Петровы внесли значительный вклад в развитие города и строительство одного из самых крупных православных храмов России — Вознесенского собора, который и сегодня является украшением Ельца. Более полувека Петровы трудились над постройкой и украшением Вознесенского собора. Уже в первой половине XIX века имелись планы по постройке нового собора, хотя на тот момент имелся еще соборный храм с приделами во имя Св. Николая Чудотворца и Св. Дмитрия Ростовского, который не мог вмещать всех прихожан. Закладка Вознесенского храма состоялась 22 августа 1845 года в день коронации Государя Императора Николая Павловича.

Рис. 3. Проект Вознесенского собора

Иван Герасимович Петров

Первым строителем собора во имя Вознесения Господня стал купец II гильдии Иван Герасимович Петров. В мае 1842 года он встретился в Москве с архитектором Двора Его Императорского Величества Константином Андреевичем Тоном, автором лучших в то время проектов церквей. Был сделан заказ на составление проекта и сметы на новый собор. Через год проект храма в русско-византийском стиле был уже готов. Святейший Синод утвердил его своим указом от 31 декабря 1843 года. Утверждая представленный проект Вознесенского собора, Император Николай I «повелел объявить архитектуре Константину Тону за красоту сего проекта монаршее благословение». К. А. Тон писал елецким властям: «Строю я вам не на десятки или сотню лет, а на 500 и больше». Елецкое купеческое общество строителем собора избрало купца И. Г. Петрова, а в помощники ему — купца Ивана Ларионовича Попова и купеческого сына Ивана Ивановича Уклеина. Наблюдал за строительством собора старший архитектор академик Иван Осипович Вальпреди¹.

¹Красовитова Н. В. Елец — несгораемый русский Феникс // Православная Русь. — № 14 (1779), 15/28 июля 2005 г.

Рис. 4. Александр Петрович Петров (1811–1870),
отец А. А. Петрова

Александр Петрович Петров

Иван Герасимович Петров специально на нужды строительства собора устроил кирпичный завод сначала в Черной слободе, а потом в другом месте — на городской земле, где материал для производства кирпича был лучшего качества. На строительство собора успешно собирались пожертвования не только в городе, но и за его пределами. Иван Герасимович прикладывал большие усилия для строительства задуманного храма. Умер он 30 декабря 1862 года.

Вторым строителем Вознесенского собора стал племянник Ивана Герасимовича — Александр Петрович Петров (1811–1870) Он был купцом III гильдии и владельцем мыловаренного завода, продукция которого славилась на внутреннем рынке России. Александр Петрович активно занимался общественной работой: был городовой старостой в 1842 году, ратманом городского магистрата в 1845–1848 годах, бургомистром того же магистрата в течение трех лет с 1851 года.

*Рис. 5. Александр Александрович Петров (1834–1894).
Фото 1892 г.*

Александр Александрович Петров

Третьим строителем собора городское общество избрало старшего сына Александра Петровича — Александра Александровича Петрова (1834–1894). При нем завершилось строительство собора. За усердие на этом поприще Елецкая городская дума удостоила Александра Александровича Петрова званием потомственного почетного гражданина города. А. А. Петров был избран народом главой елецкой купеческой I гильдии.

Торжественное освящение храма состоялось 22 августа 1889 года. На торжество было разослано 3000 пригласительных билетов. Проводил праздничное богослужение преосвященный Мисаил, епископ Орловский и Севский, глава Орловской епархии. В 9 часов утра в соборе начался благовест. Собор и вся площадь вокруг него были заполнены народом. Богослужение сопровождалось крестным ходом под стройное пение многочисленного хора певчих и колокольный звон всех елецких церквей. После этого от прихожан, священнослужителей и всех жителей Ельца строителю собора А. А. Петрову была торжественно поднесена икона

*Рис. 6. В Вознесенском соборе накануне его освящения.
А. А. Петров (слева), А. С. Каминский (справа)*

святого мученика Александра в серебро-позлащенной ризе. Подносили икону городской голова Н. Н. Петров, настоятель собора протоиерей Н. Шубин и граждане: И. В. Черников, Д. А. Черников и М. С. Жаворонков. Завершилось освящение праздничной литургией, которую служило всё священство Ельца во главе с епископом Мисаилом.

После освящения собора Александру Александровичу было поручено изготовление памятного альбома с описанием постройки собора, серебряного орнаментированного блюда с эмалевыми вставками и такой же солонки в виде храмовой главки. Отцы города М. Н. Валуйский, А. А. Петров, Н. А. Петров и Хренников отправились в Санкт-Петербург на юбилей Императора Александра III. Альбом и хлеб-соль на серебряном блюде — с приглашением посетить Елец. В Зимнем Дворце Император наградил представителей делегации памятными знаками.

*Рис. 7. Епископ Орловский Мисаил (в центре),
А. А. Петров, М. И. Петрова, Н. А. Петров,
М. А. Петрова. Фото 1889 г.*

Александр Александрович, при котором было завершение строительства и состоялось освящение собора, пережил это радостное событие всего на пять лет и скончался в 1894 году. Отпевали его в Вознесенском соборе, а хоронил его весь город в Троицком мужском монастыре, где находилась семейная усыпальница елецких купцов Петровых. Над их могилами была часовня во имя Казанской Божией Матери.

В процессе строительства собора сменилось много архитекторов. После архитектора Вальпреди был Померанцев, потом Ефимов, Граф, Воронихин, Дмитриев. Заключительный этап строительства курировал архитектор А. С. Каминский. Росписи стен храма и иконы в иконостасах выполнили академики живописи А. И. Корзухин, К. В. Лебедев, Н. П. Шаховской, Новоскольцев, Григорьев. При строительстве Вознесенского собора велись книги, куда записывали имена жертвователей и суммы взносов. За грандиозность и красоту ельчане называли Вознесенский собор «Малым Исаакием», в честь кафедрального храма Санкт-Петербурга.

*Рис. 8. После представления Императору Александру III в Зимнем Дворце.
Сидят: М. Н. Валуйский, А. А. Петров.
Стоят: В. П. Хренников, А. Н. Петров. Фото 1889 г.*

Александр Александрович Петров (младший)

Продолжателем ставшей уже семейной традицией дела благоустройства соборного Вознесенского храма стал старший сын А. А. Петрова — Александр Александрович Петров (1861–1930). На протяжении многих лет он состоял старостой собора. Его постоянными хлопотами удавалось поддерживать внешний вид собора и его внутреннее убранство в надлежащем состоянии. Кроме средств самого старосты и других доброхотных пожертвований, которых порой не хватало на эти цели, в бюджете Ельца предусматривалось ежегодное выделение 3 тыс. руб. на «благолепие собора». Но не все члены городской думы поддерживали такую традицию. Например, в 1910 году Александру Александровичу Петрову приходилось защищать ассигнование средств на собор. Лишь

*Рис. 9. Александр Александрович Петров (младший) (1861–1930).
Фото Н. А. Петрова*

после пламенной речи соборного ктитора, который призывал поддержать выделение средств, «дабы поддержать памятник, созданный нашими предками и являющийся гордостью не только нашего родного города, но и всей России», вопрос был решен положительно. Ради украшения и продолжения строительства собора А. А. Петров был вынужден продать свое загородное имение Салтановка. Его заботами в 1911 году в соборе был создан новый хор из нескольких опытных певцов, который стал вводить триольное пение во время богослужений. Петров исполнял свои обязанности соборного старосты до 1915 года. 12 июля в соборе проходило прощание прихожан с ктитором, который усердно заботился об их храме. Ельчане преподнесли Александру Александровичу икону и адрес. Петров, оставляя свою должность и прощаясь с прихожанами собора, выразил уверенность, что в скором времени «этот памятник красоты украсится колокольней».

В юности своей Александр Александрович начинал учиться в Москве, в училище живописи, ваяния и зодчества, откуда его отец вскоре забрал, справедливо полагая, что не обладающего выдающимся талантом сына московская богема погубит, а на поприще городского служения он может принести пользу. А. А. Петров поддерживал дружбу с художниками И. И. Левитаном, С. П. Кувшинниковой, К. В. Лебедевым, с братьями Чеховыми. Эта компания приезжала гостить к Петровым в Елец. Много шутили, устраивали розыгрыши, рисовали. Близкий друг семьи, знаменитый архитектор русского модерна Ф. О. Шехтель, с которым в молодости учился А. А. Петров, дорабатывал верх крыши усадебного дома Петровых в Ельце русскими современными элементами — кокошником и теремком, сделал проект-чертеж зимнего сада. По его проекту построили парковую беседку на круглом острове и романтическую избушку на курьих ножках. Эти постройки Шехтеля датируются 1880–1885 годами. По его рисункам были сделаны зеркала и орнаменты шелковых обоев гостиной, в которой музицировал С. В. Рахманинов. А. А. Петров и его отец материально помогали Шехтелю в молодости и поддерживали его².

Имение купцов Петровых с большим ухоженным парком располагалось на окраине Ельца, на высоком берегу реки Быстрая Сосна. По красоте Петровскому парку не было равных в Ельце. Был он двухуровневый, с соединяющимися прудами, на одном из которых красовался круглый рукотворный остров. Через пруды были перекинуты романтические мостики. На клумбах высаживались цветы так, чтобы цветение их продолжалось непрерывно с ранней весны и до поздней осени. Территория парка составляла примерно два гектара. В нем росли самые невероятные тропические растения (привезенные даже из Бразилии и с острова Ява), включая экзотические пальмы. Весь парк представлял собой систему великолепных каналов и прудов с изящными мостиками. Парк состоял из двух частей: в первой росли огромные деревья разных пород, а во второй, располагавшейся ближе к реке, — кустарники и цветы. В 1885 году А. А. Петров издал в Москве книгу «Узорчатые цветники», в которой дал описание растений и чертежи клумб и цветников. На территории усадьбы находился конезавод, в котором Петровы разводили знаменитых орловских лошадей. Михаил Пришвин, дальний родственник и земляк Петро-

²Красовитова Н. В. Отцы «елецкого Исаакия» // Газета «Красное знамя». — 31 июля 2004 г.

вых, в свое время написал о А. А. Петрове: «Капитал от отца имел большой. Вначале много убивал его в городские дела, заслужил себе почет, уважение, говорили, что самый умный человек у нас, первый самый. На широкую ногу жил и в саду своем большом прекрасном такую завел чистоту необыкновенную. Боже сохрани папироску бросить, что папироска, плюнуть совестно. Ежедневно, бывало, человек двадцать баб сад метут».

В городском театре ставились спектакли, пели солисты, хор, декламировали чтецы. Часто приглашали артистов. Среди купцов были свои заядлые театралы, хорошо разбирающиеся в этом виде искусства, обсуждали игру артистов. «...Играли хорошо, А. А. Петров — Бориса Годунова, костюмы его были очень хороши и заметно дорогие, Фёдора сына его — Звенигородская, тоже не дурно, дочь Ксению — Буцкая барышня, Григория Добычина племянник врал порядочно, Пимена — М. Г. Колпенский, адвокат, довольно недурно. Бояр играли слабо» — так рассуждал об игре актеров Михаил Ростовцев в письме к своей жене.

А. А. Петров укреплял и расширял семейное хозяйство. На Киевской сельскохозяйственной промышленной выставке 1897 года он получил следующие награды: за мукомольное производство — почетный отзыв, за ведение хозяйства — золотую медаль, за лесоводство — большую серебряную медаль. В альбоме этой выставки опубликовано хозяйство А. А. Петрова. Текст из альбома приводится ниже.

Имена и технические предприятия А. А. Петрова

I. Сельское хозяйство.

1. *Надеждинская экономия* расположена в Девицкой волости Воронежского уезда при селе Еманче на 632 десятины и 770 сажень земли. Местность, занимаемая имением, холмиста и изрезана в разных направлениях большими суходольными оврагами. Почва, за исключением неудобь, состоит из глубокого чернозема (8–12 вершков) с глинисто-мергельной подпочвой.

С 1890 года в экономии начались улучшения и нововведения по всем отраслям хозяйства, и с этого же времени дело начало принимать более рациональное направление. Не взирая на неблагоприятные климатические условия и повсеместные неурожаи, были производимы значительные материальные затраты на общее устройство имения.

Рядом с чисто внешними улучшениями хозяйства, выразившимися возведением новых строений и приобретением рабочего скота и сельскохозяйственных машин и орудий, шло улучшение внутренней организации хозяйства, изучение местных естественных и экономических условий и выработка такой системы хозяйства, которая могла бы обеспечить именно наиболее высокий и наиболее постоянный доход.

При естественном богатстве почвы и возможности получения обильного и дешевого удобрения от собственного скота, устраняющего необходимость в искусственных минеральных удобрениях, оказалось наиболее удобным остановиться на следующем 12-польном севообороте:

1. Пар удобренный (120 воз.).
2. Озимая пшеница.
3. Рапс или горчица.
4. Картофель или яровая пшеница.
5. Овес или просо.
6. Пар удобренный (80 возов).
7. Озимая пшеница.
8. Подсолнечник.
9. Яровая пшеница.
10. Черный пар.
11. Рожь.
12. Горох, чечевица или греча.

Этот севооборот практикуется без существенных изменений и до настоящего времени.

Искусственное лесоразведение в Надеждинской экономии. К облесению неудобных участков земли в Надеждинской экономии было приступлено около 1892 года. Всего для облесения было предназначено 22 ½ десятины, в том числе 18 десятины суходольных оврагов и 4 ½ десятины каменистого места над берегом р. Еманчи.

Главная площадь была отведена под вяз, затем меньшие участки заняли: дуб, американский ясень, береза и сосна. Все породы сажались по одному способу, известному под названием «под лопату в щель».

Первое время саженцы для облесения покупались на стороне, но тогда же были устроены собственные лесные школы, благодаря чему расходы по лесоразведению значительно сократились и облесение одной десятины вместо 23 руб. 15 коп., затрачиваемых раньше, стало обходиться в среднем 12 руб. 11 коп.

2. *Салтановская экономия* А. А. Петрова находится в Елецком уезде Орловской губернии, в Каменской волости, при сельце Тулянах.

Земли 269 десятин 700 квадр. саженой глубокого несколько суглинистого чернозема, с известковато-глинистой подпочвой. Площадь почти ровная, с некоторым уклоном к северо-западу.

Со времени приобретения имени настоящим владельцем, в течение десяти лет, много было потрачено заботы и средств на приведение его в благоустроенный вид.

Уцелевшие остатки старых построек заново отремонтированы. Возведены вновь помещение для администрации, контора, две рабочих избы, амбар для провизии, ледник, бани, каретный сарай, сарай для земледельческих орудий, машин и сбруи, скотный двор с теплыми отделениями для лошадей, коров, свиней и птицы, и молотильный сарай. Все постройки, за исключением двух рабочих изб, покрыты железом, последние же — одна черепицей, другая соломой с глиной.

Количество скота имеется следующее: лошадей 27 штук, из них большая половина киргизской породы. Все лошади рабочего типа, за исключением трех кобыл и одного жеребца киргизов, имеющих специально для пополнения убыли в рабочем скоте. Рогатый скот имеется также только для хозяйственных нужд экономии: коровы помесь русской обыкновенной с симментальской довольно крупные, имеющие от 20 до 25 пудов живого веса. При них бык чистой симментальской породы, приобретенный из экономии Адамова, Ливенского уезда. Свиньи йоркширы из экономии графа Рибоьера.

Пшеница вся идет на свой мукомольный механический завод; картофель в продажу на крахмальный или винокуренный завод, смотря потому, который из них даст выгоднее цену. Один из заводов находится рядом с имением, а другой в 11-ти верстах. Остальные продукты от урожая идут частью на экономические нужды, а частью, высшие сорта, на продажу на семена в частновладельческие имения, а также и в семенные магазины Москвы, Варшавы, Харькова и проч.

Благодаря тщательной очистке хлебов, в сбыте их экономия никогда не затрудняется, и, несмотря на общее понижение цен, даже при средних урожаях, не несет никаких убытков.

Полевые работы выполняются как экономически, так и поденными рабочими. Средняя плата годовому рабочему 60 р., на полном экономическом продовольствии.

II. Технические предприятия.

1. *Мельницы.* У А. А. Петрова имеются в городе Ельце две мельницы. Одна из них существует уже более полувека. Перестроена она

на механический помол с введением самовеек Хагенмаера, буратов и проч. в 1874 году; вслед за тем в первый же год появления вальцов они были немедленно поставлены фирмой Добров и Набгольц, которая и производила всё переустройство мельницы. Впоследствии каждое новое усовершенствование, заслужившее внимание специалистов и одобренное ими, немедленно применялось на мельнице. В настоящее время суточная переработка может достигать до 180 четвертей при пользовании одной водяной силой. Чтобы урегулировать суточное производство при уменьшении водяной силы, в летние и зимние месяцы поставлены два керосино-нефтяных двигателя. Главным мастером на мельнице состоит крупчатник Михаил Павлович Бякин.

Рабочих на заводе до 65 человек, включая в это число и черно-рабочих, сторожей и проч. Каждая смена работает по 8 часов. Прежде рабочих было значительно более, но с устройством автоматических ходов, для вырабатываемых продуктов, число рабочих сокращено.

Кроме упомянутой мельницы, имеется еще вторая с точно таким же устройством с суточной переработкой в 1 вагон, стоящая на той же реке, в 1 ½ верстах ниже. Обе мельницы находятся в 7–10 верстах от Ельца на реке Воргол.

Главным мастером на малой мельнице является крупчатник с большой мельницы; непосредственно же руководит производством его помощник. Рабочих на этой мельнице до 35 человек.

2. *Мыловаренный и салотопенный завод.* Мыловаренный завод А. А. Петрова в г. Ельце открыт с осени 1892 года. В 1895 году завод сгорел и после пожара был перестроен заново.

В нем было установлено два котла большого размера и вместимости, по образцу котлов германских мыловарен; один котел для распуска сала и приготовления холодного мыла второго сорта; один котел для распуска силиката и один для приготовления щелока.

Помещение, где находятся котлы и формовая, вымощено каменными плитами и большей частью цементировано, что дает возможность, во-первых, содержать завод в опрятности и, во-вторых, сберегать для переварки все остатки от материалов, раскупориваемых для мыловарения. Дело ведется под непосредственным руководством владельца А. А. Петрова, заведующим же является мыловар, мастер, получивший образование в среднем химико-техническом училище и работавший на заводе в Магдебурге.

Завод ежегодно вырабатывает до 5000 пудов белого мыла, до 14 000 пудов сине-розового, серо-мраморного и чисто желтого

ядрового мыла, до 6000 пудов вторых сортов и около 500 пудов туалетных мыл.

Сбыт продуктов оптовый и розничный, частью на месте в Ельце, частью в более отдаленные местности, куда товар отправляется по железным дорогам. Завод работает круглый год (исключая праздники), причем длина рабочего дня летом установлена 10 часов, а зимой 8–9 часов. Всех рабочих бывает до 14 человек, преимущественно жителей ближайших к городу деревень.

Из мемуаров В. Г. Кватернюк, внучки приказчика А. А. Петрова — Николая Михайловича Иванова

На дворе стоял 1889 год.

В Засосне Николка устроился работником к хозяину, чьего имени семейное предание не сохранило. Вот только говорили о нем так: «Этот своих рабочих не кормит, пока мясо червями не покроется». Парнишка вкалывал наравне со взрослыми, а потом получал свою скудную долю снеди.

Как-то встретил Колю Иванова на улице знакомый и только руками всплеснул:

— Уходи от этого живоглота немедленно! Ишь, кожа да кости остались! А ступай-ка ты к нашему хозяину. Возьмет тебя Петров — Бога молить за него будешь...

Так Николай и сделал. Пришел к новому хозяину рядиться. Тот согласие дал не сразу (справки наводил, значит), да, на Николкино счастье, недолго раздумывал.

В первый день сел с петровскими работниками обедать. Глядь, а стол белой скатеркой покрыт.

— А что, разве сегодня праздник какой? — смутился Коля.

— Нет, — отвечают товарищи, — это у Петровых так заведено: каждый день работникам на белой скатерти подавать. А вот и сам Александр Александрович идет. Он перед обедом всегда сам пробу снимает.

Чудеса, да и только!

Чем дальше, тем больше Николка убеждался в том, что хозяин ему достался — золото. За работу спросит строго, но служащих своих не забывает. Пасха ли, Рождество, любой другой светлый праздник Христов — скрипят на дворе колеса: каждому служащему на дом привозят мешок белой крупитчатой муки. Николай недолго был мальчиком на побегушках, освоился, разобрался в купеческом деле. Свидетельство от 20 февраля 1917 года за

подписью А. А. Петрова, выданное Н. М. Иванову, гласит: «...с 1889 года по 1897 он служил у меня в должности скупщика хлеба, а с 1897 — в должности заведующего магазином. Был добросовестен и ни в чем предосудительном замечен не был...»

Иванов Николай Михайлович решил жениться на мещанке Марии Андреевне Севостьяновой. Узнав о свадьбе приказчика, Петров вызвал его к себе. «Покупай себе дом, — сказал, — какой понравится, за ценой не стой...» Николай Михайлович выбрал домик постройки 1837 года там же, на Песковатской. Небольшой дом, по своим сбережениям.

Глянул Петров на скромное жилище и расстроился:

— Я же ясно сказал тебе: **ДОМ ПОКУПАЙ, КАКОЙ ТЕБЕ ПОНРАВИТСЯ!** А ты что?!

Купец-то своему работнику собирался подарок сделать — денег на хомы добавить.

В день венчания подкатила за новобрачными лихая хозяйская тройка, на которой те отправились в церковь под взглядами зевак, удивленных таким вниманием купца к своему работнику.

С детства знаю от бабушки, сколь многим наша семья обязана Александру Александровичу Петрову. Когда в революционные годы он был арестован, простые люди отбили его и помогли скрыться. Золотой был человек³.

А. А. Петров был многогранно одаренным человеком — рисовал, писал в елецкой и московской газетах статьи о Вознесенском соборе, о художественных выставках, о способах выращивания зерновых культур, играл в спектаклях, очень любил свой Петровский парк, изучал ландшафтное искусство регулярных парков. В послереволюционный период в Москве продолжал писать статьи об организации сельского хозяйства, служил в учреждении, связанном с разработкой технологий производства зерновых, и даже пел в Большом театре. По характеру А. А. Петров был резким и своенравным человеком. Прогуливаясь по Третьяковской галерее, рядом с которой он жил на Ордынке, он мог, видя недостаточную, по его мнению, компетентность экскурсовода, вмешаться в разговор и повести экскурсию за собою по залам, рассказывая о картинах и их авторах, которых он знал лично. Поговорить он любил, в Ельце в купеческой среде его даже прозвали «аэроплан» — поднимется в разговоре и летает, летает... обо всем⁴.

³ *Боташева Е.* Свадьба приказчика Иванова // Красное знамя. — 21 августа 2004 г.

⁴ *Н. В. Красовитова* // Elets-history.ru. — № 3 (3). — 5 июня 2009 г.

Рис. 10. Николай Александрович Петров (1875–1940)

Николай Александрович Петров

Николай Александрович Петров, младший брат Александра Александровича Петрова (младшего), родился 6 сентября 1875 года в городе Ельце Орловской губернии в семье почетного гражданина А. А. Петрова.

Материально поддерживаемый старшим братом, Николай Александрович поступил в Рижский политехнический институт на сельскохозяйственное отделение и в 1900 году получил специальность агронома. Позже Николай Александрович стажировался в Германии в городе Карлсруэ, где изучал химию, микробиологию и фотографию у профессора Ф. Шмидта. Знание французского, немецкого и английского языков, полученное еще в Ельце при домашнем воспитании, очень ему пригодилось.

Вернувшись из Германии, Николай Александрович женился и в 1903 году переехал в Киев, где в то время работали выдающиеся художники — В. М. Васнецов, М. А. Врубель, М. В. Нестеров, который по матери, урожденной Ростовцевой, был дальним родственником Петровых. В 1905 году Н. А. Петров стал преподавать в Киевском политехническом институте на кафедре ботаники и ввел факультативом курс фотографии. Вскоре в Киеве умерла его жена Анна Владимировна. Второй раз Николай Александрович женился на бывшей воспитательнице племянников Надежде Дмитриевне Козловой, которую знал совсем юной девушкой еще в Ельце. Она любила мужа и жизнь свою посвятила ему. Детей Петрову Бог не дал ни в первом, ни во втором браке.

В Киеве начался расцвет творчества фотохудожника. Дебютировал он второкурсником еще в 1896 году на фотовыставке в Риге, где получил высшую награду — золотой жетон. В Киеве он поступил в фотографическое общество «Дагерр», с 1906 по 1911 год возглавлял его и продолжал публиковать свои статьи по теории фотографии. Затем он работал соредактором в журнале «Вестник фотографии», где с 1912 года заведовал художественным отделом. Тогда же он написал свои программные статьи: «Может ли фотография служить методом искусства?» (ВФ. 1912. № 7) и «Место светописи среди других методов изобразительного искусства, ее преимущества и область ее применения» (ВФ. 1912. № 8). В 1912 году Н. А. Петров выпустил в Германии книгу «Художественная фотография в России», а в Англии в 1913-м — «Пикториальная фотография в России»⁵.

«Каждый снимок, — писал Петров, — каков бы он ни был, в большей или меньшей степени носит следы индивидуальности фотографа, и если снимок лишен художественных достоинств, то причиной этого является не бездушность аппарата, которым он снят, а бездарность фотографа, или его художественное невежество, или, наконец, его недостаточное знакомство с фотографической техникой».

Петров первым в отечественном фотоискусстве начал применять объектив типа монокуляр, т. е. однолинзовую систему, дающую возможность достигать особой живописности изображения благодаря мягкой, немного расплывчатой прорисовке деталей. «Принципы, провозглашенные импрессионистами, легли в основу почти всей тепе-

⁵Красовитова Н. В. *Маэстро русской «светописи» // Красное знамя. — 25 августа 2005 г.*

решней живописи», — отмечает мастер, и это напрямую относится и к пикториализму (от англ. Pictorial — живописный), провозглашенному Н. А. Петровым: «Художественность фотографического снимка, как и всякой картины или рисунка, определяется не тем, ЧТО изображено на нем, а тем, КАК изображено».

Николай Александрович делал профессиональные обзоры международных художественных выставок в Дрездене (1909), Будапеште (1910), Гамбурге (1911), Данциге (1911), киевского Салона 1911 года. В этих экспозициях он достойно формировал русские разделы и сам представлял их. Авторитет его был высок, что позволяло ему собирать на киевские Салоны выдающихся фотомастеров Европы и Америки и, конечно, лучших фотографов России.

Петров был подлинным мастером психологического фотопортрета. Для того чтобы добиться наибольшей выразительности и как можно точнее выразить свою мысль, он делал много вариантов одного сюжета. Известны несколько портретов доктора Н. Валуйского, импрессионистических композиций — «В беседке», «О. А. Красовитова в бальном платье» (1910), «Оля Петрова, сидящая на траве» (1909).

Сюжетных работ Николай Александрович делал мало, но они любопытны. Его занимала тонкая градация темных тонов с неожиданными всплесками светлых пятен. «Светопись настроения» — так потом назовут его произведения.

В 1909 году Н. А. Петров был избран членом-корреспондентом Дрезденского фотографического общества, позже — членом-корреспондентом Гамбургского общества ревнителей фотографии; 30 января 1913 года был избран почетным членом Российского фотографического общества. С 1914 года Н. А. Петров состоял в группе «Молодое искусство».

При новой власти профессор Н. А. Петров был одним из ведущих педагогов фотодела в киевских вузах. Он преподавал в Киевском политехническом институте (1906–1920), потом в Художественно-индустриальной профшколе, Киноинституте и одновременно руководил секцией судебно-фотографических исследований Киевского института научно-судебной экспертизы. С 1916 года Н. А. Петров стал сотрудником кабинета научно-судебной экспертизы при прокуратуре Киевской судебной палаты. Ему принадлежит ряд оригинальных открытий в 1920–1930-е годы в НИИ судебных экспертиз. Им разработан способ восстановления стертых текстов и подписей, что очень важно в проведении экспертиз. Его методом криминалисты пользуются до сих пор.

Несмотря на немалые заслуги и авторитет, в 1930 году в «Киногазете» появилась статья П. Цвилого «Оппортунизм в Киевском киноинституте», где утверждалось, что Н. А. Петров не отвечает требованиям времени.

Умер Н. А. Петров 9 апреля 1940 года в Киеве.

В 1941 году, уже после смерти Николая Александровича, знаток истории фотографии Л. Волков-Ланит писал, что Н. А. Петров — «учитель многих советских фотохудожников». Его учениками были известные впоследствии мастера — И. Бохонов, П. Новицкий⁶.

Заключение

В дореволюционной России купеческое сословие было одной из основных категорий городского населения. Это было стабильное сословие по численности и социально-демографическим характеристикам. Основными характеристиками социально-психологического портрета елецкого купечества являлись: стремление сохранить и приумножить семейное коммерческое предприятие; накопление богатства как способ приносить пользу обществу; глубокая религиозность⁷.

В семье елецких купцов Петровых существовали глубокие традиции. Главным семейным делом, которое передавалось по старшинству из поколения в поколение, было строительство Вознесенского собора. «Благословение на вас и весь ваш род» — произнес А. А. Петрову в день освящения собора епископ Мисаил. Род Петровых рос, у А. А. Петрова (младшего) было восемь человек детей, многие из которых до революции успели породниться с елецкими купеческими и дворянскими фамилиями. После революции Петровы были вынуждены уехать из Ельца, усадебный дом был разграблен и снесен, прекрасный парк пришел в запустение, производства разорены.

Все иллюстрации из домашнего архива Н. В. Красовитовой.

⁶Красовитова Н. В. Русский пикториалист Николай Петров // Наше Наследие. — 2013. — № 105.

⁷Лернер Е. Л. Елецкое купечество в XIX веке: сословное развитие и предпринимательская деятельность : автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Воронеж, 2011. — 23 с.

Список литературы

1. *Боташева Е.* Свадьба приказчика Иванова // Красное знамя. — 21 августа 2004 г.
2. *Горлов В. П., Новосельцев А. В.* Елец веками строился. — [Липецк] : Липец. изд-во, 1993. — 185 с.
3. *Жирова И. А., Федорова О. Н.* Очерки истории предпринимательства в Липецком крае в конце XIX – начале XX века. — Липецк : Центр полиграфии, 2006. — С. 125–132.
4. *Заусайлов В. А.* Купеческий Елец : альбом. — Елец, 2003. — 84 с.
5. *Заусайлов В. А.* Купцы Петровы. Строители Елецкого Вознесенского собора. — Кн. 1. — Елец : [Б. и.], 2005. — 69 с.
6. *Красовитова Н. В.* Маэстро русской «светописи» // Красное знамя. — 25 августа 2005 г.
7. *Красовитова Н. В.* Отцы «елецкогоИсаакия» // Красное знамя. — 31 июля 2004 г.
8. *Красовитова Н. В.* Русский пикториалист Николай Петров // Наше Наследие. — 2013. — № 105.
9. *Красовитова Н. В.* // Elets-history.ru. — № 3 (3). — 5 июня 2009 г.
10. *Красовитова Н. В.* Елец — несгораемый русский Феникс // Православная Русь. — № 14 (1779). — 15/28 июля 2005 г.
11. *Лернер Е. Л.* Елецкое купечество в XIX веке: сословное развитие и предпринимательская деятельность : автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Воронеж, 2011. — 23 с.
12. *Ридингер Н. А.* Материалы для истории и статистики г. Ельца // Очерки истории Елецкого уезда. Выпуск первый. — Елец : Елецкие куранты, 1993. — с. 34.
13. *Уклеин И.* Краткие исторические сведения о городе Ельце // Елецкая быль. — Липецк, 1994. — Вып. 1. — С. 52–96.
14. *Чекомазова В. И.* Из истории Елецкого купечества. — Елец : Елецкие куранты, 2007. — 238 с.
15. *Чекомазова В. И.* Из истории кожевенного дела в Ельце // История и культура Ельца и Елецкого уезда : материалы краевед. конф. — Вып. II / ЕГПИ; ред. кол. Ю. А. Демина Г. П. Климова, В. И. Черкомазова, Е. Г. Шманов. — Елец : ЕГПИ, 1994. — 174 с.

**Вклад рода фон Дервиз
в культуру и науку Отечества**

Наверное, у каждого рода найдутся представители, чья деятельность в той или иной степени повлияла на жизнь Отечества. Не исключение и русский род немецкого происхождения фон дер Визе, затем именуемый фон Дервиз.

Общий предок всех ветвей этого рода, Иван Иванович, он же Иоган Георг фон Дервиз, трижды приходивший в Россию на службу, пройдя непростой жизненный путь, вплоть до тяжелых обвинений и судебных разбирательств, в конце концов осел в Ростовском уезде на дарованных от Императора Александра I землях, 1500 десятин. Там, в браке с русской женщиной, родились его сыновья Григорий и Константин. Старший его сын от первого брака, Семен, жил отдельно в Костромской губернии. Что касается Константина, то следы его теряются в Сибири во второй половине XIX века, от него были рождены две дочери, и его потомков можно найти разве только чудом¹.

Потомки же старшего моего предка Семена Ивановича прожили обычную жизнь, вполне достойную, но без заметных всплесков. Только один представитель положил наибольшие усилия к реализации своей мечты — это брат моего прадеда Николай Васильевич фон Дервиз (рис. 1). Его поприщем, как и поприщем его отца, брата и племянников было лесное дело. Он родился 25.08.1859 в Рыльске Курской губернии. Окончил Лисинское лесное училище под Санкт-Петербургом. А в 1886 году Петровскую земледельческую и Лесную академию в Москве². Служил помощником лесничего в Смоленско-Витебско-Могилевском управлении госимуществ, а в 1889 году переехал в Сухуми. С 1890 по 1913 год вся его деятельность связана с Грузией. Там его

¹ РГВИА 801-95-1, стол-1, отд.-12-1860. Об уничтожении штрафов, понесенных прапорщиками Фадеевым и фон Дервизом.

² ЦГА Москвы. Ф. 228. Оп. 3. Д. 1652. Л. 2: Документы студента ф. Дервиз Николая.

*Рис. 1. Фото Николая Васильевича фон Дервиз. 1913 год.
Владелец Юрий Васильевич Ермолко, с. Лаишево, Татарстан*

профессиональная деятельность началась с исполнения обязанностей Очемчирского лесничего 1-го разряда, затем он принял саму должность³. Наиболее заметная и важная его деятельность с 1904 по 1906 год — это старший производитель работ по поземельному устройству государственных крестьян. Фон Дервиз участвовал в создании четырех русских поселков. Эти переселенцы внесли заметный вклад в экономику Грузии. Кроме того, Николай Васильевич занимался акклиматизацией новых пород деревьев. В 1906 году в «Известиях Императорского Географического Общества» изданы его «Заметки бывшего лесничего», затем «Пособие к определению древесного прироста и запаса в лесах» (Тифлис, 1906) и др. Эти публикации известны профессионалам. 03.03.1912 статский советник фон Дервиз был награжден орденом Св. Станислава 2-й степени, а через год вынужден был из-за болезни покинуть Кавказ с его неподходящим климатом и перевелся в Черкасское лесничество лесничим, где с 01.07.1913 заведовал низшей школой Черкасского лесничества, которую сам и создал. Его вклад в подготовку кадров для лесного дела имел большое значе-

³РГИА 387-4-28667. О лесном кондукторе Николае фон Дервиз. 25.08.1881–11.03.1916.

ние в реформировании этой сферы. Николай Васильевич фон Дервиз умер 16.01.1916 в Киеве.

Наиболее заметный след в культуре и истории страны оставили потомки сына Иогана Георга фон Дервиза от второго брака — Григория Ивановича. Сам он был простым чиновником. Однако его сыновья были людьми публичными и заметными. О них в основном и будет говорить. Первый, это старший, Павел Григорьевич (рис. 2), обладавший самым ярким коммерческим талантом в роду. Он родился 13.01.1826 в Лебедяни Тамбовской губернии. В 1847 году окончил Училище правоведов в Санкт-Петербурге с золотой медалью. Служил в Правительствующем Сенате. Около 1857 года председатель Общества Московско-Саратовской железной дороги Н. Н. Анненков пригласил его в качестве секретаря этого общества. Впоследствии Павел Григорьевич был членом правления общества. Под покровительством Чевкина, главноуправляющего путями сообщения и публичными зданиями, Дервиз и инженер К. Ф. фон Мекк получили концессию на постройку Рязанско-Козловской железной дороги. С 1859 по 1863 год Павел Григорьевич был секретарем Общества Московско-Саратовской железной дороги, в 1863–1869 годы — председателем Правления Общества Московско-Рязанской железной дороги, в 1865–1868 годы — председателем Правления Общества Рязанско-Козловской железной дороги. Строительство дороги было закончено 05.09.1866. За что 30.09.1866 фон Дервиз пожалован в действительные статские советники. В той же компании им была построена Курско-Киевская железная дорога. Это было первое использование частной инициативы в строительстве железных дорог, и оно очень обогатило Дервиза. В 1860 году он выступал как публицист в «Московских новостях». Переехав за границу, Павел Григорьевич жил на вилле «Вальроз» в Ницце и «Тревано» в Лугано, занимаясь концертами своего оркестра и благотворительностью. Писал музыку для романсов («Вечерний звон» на слова Ивана Козлова и «В минуту жизни трудную» на стихи М. Ю. Лермонтова). После смерти П. Г. Дервиза семья в Тревано не жила.

В 1869 году фон Дервиз пожертвовал значительную сумму при основании лицея в память цесаревича Николая. Лицей был основан на личные средства публициста Михаила Никифоровича Каткова и его ближайшего друга и помощника профессора Павла Михайловича Леонтьева (по 10 тыс. руб.), которые решили создать образцовое классическое учебное заведение. Лицей был открыт 13.01.1868 г. и назван в честь умершего старшего сына Александра II.

*Рис. 2. Павел Григорьевич фон Дервиз
(Степанида Руднева. Воспоминания
счастливого человека — М., 2007)*

В 1872 году в Москве фон Дервиз написал прошение Московскому генерал-губернатору о разрешении построить детскую клиническую больницу в память умерших старших детей. Эта больница была первой в Москве детского профиля. До того момента специализированных детских больниц в Москве не было. Существует и сейчас как детское лечебное заведение.

Даже после отхода от дел Павла Григорьевича продолжала волновать судьба его детища, железной дороги. Он имел об этом переписку с членом государственного совета и почетным членом Императорской Академии наук М. Т. Лорис-Меликовым и др.⁴ В конце жизни фон Дервиз жил отдельно от своей жены и детей. Умер он, встречая в Москве на вокзале поезд из Германии с гробом умершей дочери Варвары. Похоронен там же, где и дети, в семейном склепе храма на территории детской больницы св. Владимира в Москве, которая была учреждена и названа в память сына фон Дервиза, Владимира, умершего в 1855 году. Захоронение не сохранилось. Среди его владений усадьба Кирицы, Соха (рис. 3).

*Рис. 3. Здание в усадьбе Соха.
Фото сделано в 2011 году О. Л. Краснослободцевой*

Супруга его, Вера Николаевна, урожденная Тиц, внесла свой вклад в благотворительность, свидетельства которой можно увидеть и сейчас. Родилась в 1832 году в Гатчине. Ее отец — отставной ротмистр, эконо́м Гатчинского сиротского института Николай Николаевич Тиц. Вера Николаевна организовывала детские приюты, один из которых, Московский, был назван именем ее рано умершей дочери, Варвары Павловны фон Дервиз. Приют стал женской гимназией с пансионом, в которой учились многие известные деятели искусств, в частности поэтесса Марина Цветаева и актриса Рина Зеленая. Там и сейчас находится школа (рис. 4). Вера Николаевна создавала дома для вдов и одиноких матерей, дачи для беднейших учениц гимназии, больницы, библиотеки, дешевые столовые. Дом на Английской набережной в Санкт-Петербурге, где ныне расположен известный Дворец бракосочетания, изначально был в 1889 году куплен ею и подарен сыну Павлу. Умерла 25.02.1903 в Ницце, а похоронена в Москве 06.03.1903, куда тело было доставлено из Ниццы.

⁴ГАРФ (Лорис-Меликов)-1-172. Письма фон Дервиза Павла Григорьевича.

*Рис. 4. Здание гимназии
имени В. П. фон Дервиз.
Фото сделано в 2011 году
О. Л. Краснослободцевой*

*Рис. 5. Дмитрий Григорьевич
фон Дервиз // Воспоминания
счастливого человека /
Степанида Руднева. —
М., 2007*

Брат Павла Григорьевича фон Дервиз, Дмитрий Григорьевич (рис. 5), родился 08.12.1829 в Костроме. Он окончил Училище правоведов в Санкт-Петербурге в 1850 году, учился вместе с Кони и Стасовым. 22.05.1850 начал свою деятельность в Департаменте Министерства юстиции и дослужился до должности помощника юрист-консульта консультации при этом министерстве в 1855 году. Занимался общей редакцией замечаний по гражданскому судопроизводству, составлявшихся Министерством юстиции Государственному Совету к проекту судебной реформы в 1864 году, и рассмотрением проекта положения об устройстве нотариальной части. 08.03.1860 назначен обер-секретарем Правительствующего Сената. В 1865–1866 годах член от Министерства юстиции во Временном комитете при Синоде для рассмотрения записки об изменении подсудности некоторых дел в связи с судебной реформой 1864 года. Благодаря его позиции проект, предусматривавший лишение гражданских прав в случае отлучения от церкви, остался нереализованным. В 1866–1870 годах первый обер-прокурор созданного Гражданского кассационного департамента Сената. С 1881 года сенатор, член Государственного Совета. Являлся в 1896–1904/05 годах членом комиссий по пересмотру устава Опекунского совета и положения о Собственной ЕИВ канцелярии, по рассмотрению проекта нового уголовного уложения, для предварительного обсуждения проектов учреждения вотчинных установлений и вотчинного устава. В 1905–1906 годах член Особого совещания для пересмотра действующего учреждения Правительствующего Сената и выработки законоположений о местных административных судах и др. Увлекался живописью, в своем особняке собрал коллекцию работ русских и итальянских мастеров. Скончался 28.03.1916 в Санкт-Петербурге.

Следующий их брат фон Дервиз Николай Григорьевич (12.04.1837, СПб. — 17.10.1880, СПб.). Известный в свое время оперный певец (тенор) и композитор (рис. 6). Он окончил Михайловское артиллерийское училище и служил в гвардии, а затем перешел на гражданскую службу в госконтроль. Однако никакая деятельность его не привлекала так, как сцена. С детских лет Николай обучался игре на различных музыкальных инструментах. Музыкальное образование получил у К. Альбрехта, затем у Ф. Ронкони в Санкт-Петербурге, позднее в Милане, у брата последнего, Д. Ронкони. В 1871 году он дебютировал как певец в Киевском оперном театре, затем выступал в частных труппах Бергера и Сетова и принял сценический псевдоним Энде (Н. Д.). С 1876 года фон Дервиз — солист Мариинского театра

Рис. 6. Николай Григорьевич фон Дервиз // Воспоминания счастливого человека / Степанида Руднева. — М., 2007

в Санкт-Петербурге, где исполнял партии Финна в опере «Руслан и Людмила», Собинина («Жизнь за царя»), Фауста в одноименной опере. Пел теноровые сольные партии в операх «Кузнец Вакула», «Роберт», «Пророк», «Рогнеда», «Вражья сила», «Лючия», «Русалка», «Жидовка» и др. Особый успех имел в комических ролях и как исполнитель романсов. Автор нескольких музыкальных произведений, в том числе романсов «Может быть», «Все грустней мне становится», «Люби меня», цыганской песни «Грусть тоска меня томила», переложения на два голоса романса «Ночи безумные», похоронного марша и др. Похоронен на Новодевичьем кладбище в Санкт-Петербурге.

Теперь настал момент вспомнить следующее поколение. Больше других известны сыновья Павла Григорьевича фон Дервиз — Сергей и Павел (рис. 7). Их имущество по смерти родителей было передано под опеку дяде, Дмитрию Григорьевичу; он смог сохранить его и приумножить.

*Рис. 7. Сергей Павлович и Павел Павлович фон Дервиз //
Воспоминания счастливого человека /
Степанида Руднева. — М., 2007*

К моменту перехода этих молодых людей во взрослую жизнь они имели неплохой стартовый капитал, заработанный отцом. Наиболее удачно средствами распорядился старший, Сергей Павлович, унаследовавший от отца коммерческую хватку. Родился 27.05.1863. Он окончил Ларинскую гимназию в Санкт-Петербурге. С 1887 года был директором общества Рязанско-Козловской железной дороги; 12.03.1887 утвержден почетным попечителем Рязанской мужской гимназии. 20.08.1887 награжден орденом Св. Анны 3-й степени и избран неперменным членом Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. В 1889 году Сергей Павлович выступил одним из учредителей русского торгово-промышленного банка. С 05.03.1889 член Рязанской ученой архивной комиссии (РУАК). 30.01.1890 получил знак отличия Французской Республики «Officer d'Academie». Был почетным мировым судьей Спасского уезда, по-

четным блюстителем Рязанской Мариинской женской гимназии, почетным членом Тамбовского губернского попечительства о детских приютах, почетным попечителем Рязанской мужской гимназии, почетным смотрителем Спасского городского 3-классного училища. 01.01.1894 г. награжден орденом Св. Станислава 2-й степени. Состоял в должности чиновника особых поручений при Министерстве юстиции. 14.05.1896 награжден орденом Св. Анны 2-й степени. 05.10.1897 получил серебряную медаль в память царствования Александра III. 26.04.1900 назначен действительным членом попечительского совета приюта принца Петра Георгиевича Ольденбургского. 27.08.1900 награжден орденом Св. Владимира 4-й степени. С 1901 по 1907 год избирался Спасским уездным предводителем дворянства. Музыкант, член Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Занимался благотворительностью, среди прочего купил и подарил Московской консерватории орган, выполненный в мастерской Аристида Кавалье-Колля и удостоенный на Парижской выставке Гран-при и золотой медали. Орган был установлен в 1901 году в новом здании консерватории с дарственной надписью. Сергей Павлович выступил создателем усадебного комплекса в селе Кирицы Спасского уезда Рязанской губернии (арх. Ф. О. Шехтель) — этого сказочного замка на Рязанской земле. Здание и сейчас существует, в нем расположен санаторий для лечения детей, больных костным туберкулезом. Кроме того, владел именьями: Старожилово Пронского уезда, Карловка Сапожковского уезда. За ним состояли земли в Киевской губернии, в Верхне-Уральском уезде Оренбургской губернии, два каменных дома в Санкт-Петербурге, один в Москве на Садово-Черногрязской и дача в Швейцарии на Луганском озере. С 1898 года фон Дервиз с семьей почти постоянно жил во Франции. В 1908 году он продал свои владения и отказался от российского подданства. До конца жизни прожил на вилле «Медитерране» в Канне. Пребывая за границей, Сергей Павлович в 1917 году состоял особоуполномоченным Красного Креста во Франции⁵. Умер 07.11.1943. Похоронен в семейном склепе в Канне, Франция, как и члены его семьи.

Брат Сергея фон Дервиз — Павел Павлович 1-й, Луговой (04.04.1870–29.01.1943, д. Максатиха Тверской области). До 1912 года был православного исповедания. 03.06.1912 перешел в евангелическо-реформаторское вероисповедание на основании Высочайшего указа от

⁵Каталог ГАРФ.

17 апреля 1905 года⁶. Имение его от матери состояло в Пронском уезде Рязанской губернии при селе Старожилово. Учился в 3-й и 2-й Петроградской гимназиях, окончил Николаевский кадетский корпус (1886) и зачислен по конкурсу в Михайловское артиллерийское училище, затем переведен в Николаевское кавалерийское училище. В 1889 году являлся одним из учредителей Русского торгово-промышленного банка. По окончании полного курса училища произведен 01.08.1890 в корнеты Лейб-гвардии Гусарского, ЕИВ полка. 13.10.1890 зачислен в запас Гвардейской кавалерии. Тогда же назначен офицером для поручений сверх штата при Военном министре и на должность помощника попечителя Охтенского ремесленного училища. С 29.09.1891 член-соревнователь Русского Императорского географического общества. Военным министром 08.11.1891 командирован в распоряжение начальника офицерской кавалерийской школы. 14.06.1892 переведен в Лейб-гвардии Гродненский гусарский полк с отчислением от должности офицера для поручений при Военном министре и оставлен в прикомандировании к офицерской кавалерийской школе. Почетный член Тамбовского губернского попечительства детских приютов. В 1893 году в имении Старожилово Рязанской губернии организовал один из крупнейших в России конный завод (более 2,5 тыс. лошадей). Комплекс, построенный в 1890–1896 годах по проекту Ф. О. Шехтеля, включал в себя конюшни с манежем, жилые дома, молокозавод, летний театр и пр. В имении были созданы системы отопления и канализации. Этот конезавод функционирует и сейчас. 30.08.1894 награжден орденом Св. Станислава 3-й степени. Получил 26.02.1896 серебряные медали в Память Царствования Александра III на ленте ордена Св. Александра Невского и 14.05.1896 в Память Коронавания Николая II на Андреевской ленте. 23.10.1898 пожалован орденом Св. Анны 3-й степени. 18.04.1899 произведен в штабс-ротмистры, это был его последний офицерский чин. 20.01.1902 Павел Павлович был уволен по домашним обстоятельствам от военной службы в отставку с мундиром и исключен из списков полка. В том же году обанкротился. В 1900 году — администратор электрической станции в СПб. «Гелиос». Генералом инспектором кавалерии 21.08.1900 командирован для исследования в конском отношении Пензенского ремонтного района.

⁶ЦИАМ 459-17-96. Формулярный список о службе почетного попечителя и председателя педагогического совета женской гимназии имени В. Н. Державина Павла Павловича фон Державина. За 1915 г.

01.01.1901 награжден орденом Св. Станислава 2-й степени. Неоднократно избирался Пронским уездным предводителем дворянства и Пронским уездным почетным мировым судьей. У этого блестящего гусара, авантюриста, любителя лошадей, человека разносторонних интересов и кипучей натуры в течение жизни сформировалось одно предпочтении — педагогика. Он основал в 1904 году в г. Пронске Рязанской губернии женскую начальную школу, преобразованную в гимназию в память своей матери Веры Николаевны фон Дервиз. В 1905 году пожалован орденом Св. Владимира 4-й степени. В марте 1906 года назначен чиновником для поручений при г. министре народного просвещения сверх штата и откомандирован в Пронскую женскую гимназию имени Веры Николаевны фон Дервиз для несения обязанностей председателя педагогического совета с переименованием в статский чин надворного советника. В сентябре 1910 года ему поручено преподавание математики в старших классах Пронской женской гимназии. Павла Павловича еще привлекала прочая деятельность, с 1909 по 1917 год он состоял пайщиком Московского автомобильного завода, но в январе 1912 года получил звание домашнего учителя математики по экзамену при испытательном комитете Московского учебного округа. После этого вся его жизнь связана в основном с педагогической деятельностью. В июле 1914 г. он назначен почетным попечителем Пронской женской гимназии имени В. Н. Дервиз с оставлением в должности председателя педагогического совета и преподавателя математики названной гимназии. Ему принадлежал особняк в Санкт-Петербурге на Английской набережной, д. 5 (ныне Дворец бракосочетаний за № 1). С приходом большевиков добровольно отдал свое Старожиловское имение с оформлением дарственной. Однако в 1918 году был приговорен большевиками к расстрелу, бежал, при помощи жителей Пронска, в Петроград. Преподавал английский язык, подвергался арестам. В 1919 году, по возвращении в Старожилово, преподавал математику в школе и на курсах командиров РККА, слушателем которых был и будущий маршал Г. К. Жуков. В 20-е годы XX века работал учителем в школах сел Урусово Раненбургского уезда Рязанской губернии и Максатиха Бежецкого уезда Тверской губернии. В Максатихе он и похоронен вместе с последней женой. Память, сохранившаяся о нем, — это память о педагоге.

Следующие представители рода в этом поколении не имели выраженного коммерческого таланта, но зато искусство и наука стали их поприщем. Один из детей Дмитрия Григорьевича фон Дервиз —

Рис. 8. Владимир Дмитриевич фон Дервиз // Воспоминания счастливого человека / Степанида Руднева. — М., 2007

Владимир Дмитриевич (09.05.1859–13.04.1937, Москва). Окончил училище правопедения в Санкт-Петербурге (рис. 8). Занимался акварельной живописью под руководством А. И. Морозова и А. О. Премацци. В 1880–1885 годах учился в Санкт-Петербургской академии художеств у П. П. Чистякова.

Человек ближайшего круга В. А. Серова, один из самых близких его друзей, родственник, художник-пейзажист и земский деятель, хозяин имения Домотканово, значимого для Серова-художника, музейный работник, стоявший у истоков Сергиево-Посадского государственного историко-художественного музея-заповедника. Дервиз был проникнут идеями государственных преобразований 1860–1870-х годов и стремился к общественно полезной деятельности. Поэтому имение для покупки он подыскивает в Тверской губернии, земство которой было известно как передовое и прогрессивное. Немаловажными для Владимира Дмитриевича были и художественные достоинства места

и окружающих пейзажей. Девиз деятелен и энергичен, увлеченно занимается работой в земстве: он член училищного совета, избирается председателем Тверской уездной земской управы, а в 1900 и 1903 годах — председателем губернской земской управы. Обустраивает и модернизирует хозяйство своего имения: организует молочное производство, маслоделние, внедряет систему посевов кормовых трав и корнеплодов, занимается селекционной работой. Приобщает к передовым хозяйственным начинаниям окрестных крестьян. И продолжает писать акварелью. В начале 1918 года, оставив пост председателя Тверского комитета общеземского союза по снабжению армии, уехал в Москву и поступил в Главный комитет по делам кожевенной промышленности. Выбирать не приходилось, это была хоть какая-то работа. В том же 1918 году Девиз был откомандирован в Орловскую губернию, жил в Орле. В Домотканово он уже не вернется. В следующем году Владимир Дмитриевич возвращается в Москву на должность помощника юрисконсульта при Главкоже. Осенью 1918 года всех обитателей имения выселяют.

После издания в апреле 1920 года декрета Совета народных комиссаров «Об обращении в музей историко-художественных ценностей Троице-Сергиевой лавры» сергиевские власти стали настаивать на скорейшем его открытии. Отдел по делам музеев Наркомпроса обновляет состав Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры, в нее принимают новых членов. Возможность войти в комиссию появляется и у Владимира Дмитриевича Девиза. В это время он состоял в редакции сборников «Красная Армия и гражданская война в России». Владимир Дмитриевич незамедлительно отозвался на возможность сменить сферу деятельности и обратился к руководителю комиссии от отдела по делам музеев Н. М. Щёкотову с заявлением о приеме на работу. В ноябре 1920 года он был зачислен научным сотрудником в Комиссию по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры. Семь с половиной лет проработал В. Д. Девиз в музее Троице-Сергиевой лавры. Имея большой хозяйственный опыт, он, оказавшись во главе музея, в полной мере проявил свое организаторское дарование и посвятил себя обустройству музея, обеспечению и совершенствованию его деятельности. Первое время Владимир Дмитриевич совмещал музейную работу с преподаванием рисования в Сергиевском педагогическом техникуме, но вскоре оставил это занятие и целиком сосредоточился на музее. Главным делом Девиза и результатом его работы в Троице-Сергиевой лавре

стало сохранение ризницы монастыря и всего «музейного запаса». В воспоминаниях он пишет о единственном случае удавшейся кражи музейных предметов — серебряных и бронзовых кадил из Успенского собора, подаренных царевной Софьей, Иваном и Петром Алексеевичами. Описывает Дервиз и другие попытки ограбления, но все они были предотвращены. Вместе с Ю. А. Олсуфьевым Владимиру Дмитриевичу удалось отстоять и сохранить художественные и исторические ценности ризницы при передаче в 1922 году церковных предметов в Гохран. В Сергиеве В. Д. Дервиз возвращается к занятиям изобразительным искусством. Сохранились его этюды и законченные акварели с видами Троице-Сергиевой лавры, ее соборов и окрестностей. Владимир Дмитриевич и в области искусства выступает как организатор: занимается созданием объединения сергиевских художников — филиала АХРР (Ассоциации художников революционной России). Музейная работа оставляла мало времени для занятий живописью. Больше возможностей для этого было в отпускное время, летом, когда Дервиз старался уехать в Крым. Его тянуло в Южный Крым, в одно и то же место — урочище Батилиман, где он, став членом дачного кооператива писателей, художников и артистов, в 1913–1914 годах провел немало времени, занимаясь обустройством территории будущего поселка. Палитра цветов его крымских акварелей насыщена, работы тонкие и лиричные по живописному решению, наполнены солнцем и светом. Владимир Дмитриевич продолжал приезжать сюда, в Байдарскую долину, почти до конца своей жизни — последние крымские его работы датированы 1934 годом.

Процессом над священнослужителями, мелкими частными предпринимателями (людьми, занятыми торговлей и кустарным ремеслом) и «бывшими» в лице интеллигенции (учителями, юристами) станет «сергиево-посадское дело», коснувшееся в первую очередь учреждений культпросвета и, в частности, Сергиевского историко-художественного музея. Первые обличительные упоминания сотрудников музея появляются в периодической печати весной 1928 года, с выходом мартовского номера журнала МК ВКП(б) «Безбожник у станка», в котором граф Олсуфьев и барон фон Дервиз объявляются причастными к церковным организациям. В «Рабочей газете» (ежедневная газета ЦК ВКП(б)) заводится рубрика «Гнездо черносотенцев под Москвой», посвященная г. Сергиеву и историко-художественному музею, со статьями антирелигиозного и обвинительного характера. В материалах этой рубрики от 11 мая перечисляются сотрудники му-

зея, преподаватели педагогического техникума чуждого социального происхождения. Упомянуты среди них и граф Олсуфьев с бароном фон Дервизом. Эти социально вредные элементы ведут религиозную пропаганду, отчего в праздничные дни церкви заполняются народом. Заканчиваются публикации обращением и призывом: «Такое положение дальше терпимо быть не может. Гнездо черносотенцев должно быть разрушено. Соответствующие органы должны обратить на Сергиево особое внимание». Музейный отдел Главнауки старается защищать и отстаивать сотрудников Сергиевского музея. В. Д. Дервиз и Ю. А. Олсуфьев, постоянные персонажи обвинительных публикаций, арестованы не были. Возможно, в какой-то мере этому способствовала их защита и активная поддержка со стороны музейного отдела⁷.

Фон Дервиз Вера Михайловна (25.03.1878, Санкт-Петербург — 1951, Ленинградская область). Первая русская женщина-геолог, чей ранг соответствовал рангу профессора. Окончила училище Св. Екатерины в Санкт-Петербурге, в 1896 году поступила на физико-математическое отделение Бестужевских курсов в Санкт-Петербурге и окончила их в 1901 году. Уехала в Швецию на физический факультет Женевского университета в 1910 году. Доктор философии Женевского университета. Семьи не имела. Работала в Геологическом комитете в Петрограде. Первой из женщин-геологов дала геологическое описание Сахалина. В 1919 году сотрудник Министерства торговли и промышленности горного департамента в Омске. С 1931 по 1934 год работала в филиале ЦНИГРИ в Свердловске, затем снова в Ленинграде, где пережила блокаду. Арестована 20.10.1945. В январе 1946 года приговорена, обв.: 58-10. Приговор: десять лет ИТЛ и пять лет поражения в правах. Умерла в 1951 году в лагере в Ленинградской области. 25.05.1989 по-смертно реабилитирована.

Из ярких представителей в следующем поколении надо упомянуть Степаниду Дмитриевну Рудневу (1890–1989, Москва), внучку Дмитрия Григорьевича фон Дервиз (рис. 9). Хотя она не принадлежала к роду фон Дервиз, но к роду своего отца, однако была с Дервизами связана семейно-родственными и душевными узами, т. к. после ранней смерти отца самое горячее участие в ее жизни и воспитании принимал

⁷ *Дервиз П. В. Д. Дервиз — один из создателей музея Троице-Сергиевской лавры и его первый заведующий // Материалы научной конференции. — М., 2016. — С. 287–310. — (Государственная Третьяковская галерея. Научные конференции, круглые столы, симпозиумы).*

Рис. 9. Фото Степаниды Дмитриевны Рудневой
(Степанида Руднева. Воспоминания счастливого человека. — М., 2007)

дед Дмитрий Григорьевич фон Дервиз. В 1908 году она окончила женскую гимназию в Санкт-Петербурге, а в мае 1915 года историко-филологическое отделение Бестужевских курсов в Санкт-Петербурге. В 1917-м получила диплом по специальности «История и археология античного искусства» при Петроградском университете. Работала внештатным, а затем штатным сотрудником Археологической комиссии, именуемой впоследствии Академией истории материальной культуры. Проживала в Москве. Старейший музыкальный педагог в области танцевальной работы с детьми, методист по художественному воспитанию детей Москвы и Московской области. Основатель и художественный руководитель студии музыкального движения «Гептахор» в Петрограде (1914–1934)⁸.

Дервиз Анна Николаевна, ур. Чехова (03.01.1894, Ялта — 1985, Москва, Новодевичье кладбище), — супруга Дмитрия Владимировича фон Дервиз (23.07.1893. ус. Домотканово — 18.12.1919), который скончался рано, не успев проявить себя. Внесла существенный вклад в развитие медицины, а именно психиатрии. Она окончила частную

⁸ *Степанида Руднева. Воспоминания счастливого человека. — М., 2007.*

Рис. 10. Фото Георгия Валериановича Дервиз.
ЦИАМ. Ф. 49 (Канцелярия Московской дворянской
уездной опеки)-3-118: дело по опекунству над малолетними детьми
фон Дервиз Валериана Дмитриевича. 30 ноября 1917 – 25 мая 1918

женскую гимназию Стоюниной в Петрограде в 1911 году и медицинское отделение Высших женских курсов (после революции – 2-й МГУ) в 1923 году. В 1915 году была сестрой милосердия от Никольской общины в госпитале для душевнобольных в Москве. Начинала как педиатр, была ученицей психолога Л. С. Выготского. Долгое время работала в Клинике неврозов имени З. П. Соловьева. Была главным детским психиатром Москвы. Автор ряда научных статей и монографий.

Фон Дервиз Георгий Валерианович (06.02.1897, с. Домотканово Тверской губернии – 30.07.1980) окончил Коммерческое училище имени цесаревича Алексея (23.05.1916) и медицинский факультет Московского университета (1921) и оставлен при кафедре (рис. 10). Был арестован 27.03.1921. До 1928 года работал в МГУ. Организатор (1928) и заведующий кафедрой биохимии в Минском медицинском институте (1928–1931). В 1931–1938 годах работал в институте по изучению профессиональных болезней имени В. А. Обуха в Москве; 1938–1974 – в Центральном институте гематологии и переливания крови, руководитель (1938–1968) и научный консультант биохимической

лаборатории (1968–1974). В 1936–1948 годах являлся консультантом терапевтической клиники 1-го Московского медицинского института. Занимался проблемами биохимических изменений крови при некоторых профессиональных заболеваниях, газами крови, газообменом организма и дыхательной функции крови во время острой кровопотери и при травматическом шоке, биохимией консервирования крови и др. Автор ряда широко применяемых лабораторных методик. Член редколлегии журналов «Клиническая медицина» и «Лабораторное дело», автор многочисленных статей и монографий.

Дервиз Олег Валерианович (1933–27.02.2018). Окончил Юридический институт в 1958 году, стажировался в Балтийской коллегии адвокатов имени А. Собчака. Организовал адвокатское бюро «Дервиз и партнеры». В 1996 году награжден золотой медалью имени Ф. Н. Плевако за крупный вклад в защиту прав граждан. Его книга «Мое дело защищать» издана в редакции журнала «Звезда» в 2013 году.

Дервиз Григорий Георгиевич (06.03.1930, Москва — 23.09.2019, Москва). Заслуженный художник России. Окончил ВХПУ (бывшее Строгановское училище). Учился у С. В. Герасимова и В. А. Фаворского (1952–1957). Художник-монументалист. Член Союза художников России. Участник международных выставок и симпозиумов. Работал в разных местах страны. Создатель офортов, гравюр, акварелей. Как монументалист, оформлял многие значимые объекты в Софии, Ташкенте, Москве (в частности участвовал в оформлении станции метро «Кузьминки», им выполнены литые барельефы с изображениями лесных животных) и Московской области.

Дервиз-Соколова Татьяна Георгиевна (17.12.1928, Москва — 24.05.1992, Москва) — доктор биологических наук (1982), профессор ботаники (1985), морфологии и анатомии высших растений. Окончила биологический факультет МГУ (1948–1953), специализировалась по кафедре ботаники у профессора П. А. Смирнова. Работала в Московском государственном педагогическом институте имени В. И. Ленина. С 1956 по 1959 год аспирант на кафедре ботаники, ученица профессора геоботаники А. А. Уранова. В 1963 году защитила кандидатскую диссертацию: «Флора и растительность крайнего северо-востока Чукотского полуострова». С сентября 1970 года доцент кафедры ботаники. С 1980 года читала курс лекций «Лекарственные растения» на курсах повышения квалификации преподавателей биологических вузов. В 1982 году защитила докторскую диссертацию «Морфология и северо-востока СССР в связи с проблемами жизненной формы покрыто-

семянных растений». Заместитель декана МГПИ в 1983–1988 годах, ответственная за факультет повышения квалификации, с 1988 года заместитель декана по науке биолого-химического факультета МГПИ. Утверждена в должности профессора кафедры ботаники МГПИ в 1988 году. Читала курсы по систематике и экологии высших растений, ботанической географии. Автор 110 научных публикаций и 17 научно-методических работ. С 1982 года член методического совета Всероссийского общества охраны природы по работе с молодежью Московской области, секретарь ботанической секции Московского общества испытателей природы. Семьи не имела. Похоронена на Введенском кладбище в Москве.

Дервиз Петр Григорьевич (03.08.1957, Москва). Окончил МГУ. По специальности археолог. Среди прочих работ, участвовал в реставрации возка Кутузова из собрания Музея-заповедника Бородино. Живет в Москве. Сейчас работает реставратором в Государственном научно-исследовательском институте реставрации.

Вот то небольшое, что можно рассказать о представителях рода. Остались за повествованием честные труженики, участники войн, рано ушедшие и талантливые молодые люди. Те, чей потенциал не был реализован в силу обстоятельств и в буре сложных времен.

**«Не Проклятый род»
(из истории нижегородской купеческой династии
Рукавишниковых)**

Семья купцов Рукавишниковых, сыгравших значительную роль в истории нижегородского предпринимательства, всегда пользовалась повышенным интересом у исследователей-краеведов. Парадоксально, но со временем, даже по сравнению с другими известными нижегородскими купеческими династиями, сложился весьма негативный образ Рукавишниковых — как алчных стяжателей и нравственно опустившихся дельцов. Причина кроется в недостатке и фрагментарности документальных материалов. До начала 90-х годов прошлого столетия сведения о жизни и деятельности этого семейства питались слухами и воспоминаниями нижегородцев-старожилов¹. Многое из того, что было написано о Рукавишниковых, пестрит баснословными фактами, преувеличениями, не имеющими серьезных оснований домыслами². Немало способствовал такой репутации один из младших представителей династии — писатель И. С. Рукавишников, в романе

¹ Одним из первых к истории купеческого рода Рукавишниковых обратился известный горьковский писатель и краевед Д. Н. Смирнов (1891–1980), автор «Очерков жизни и быта нижегородцев» разных эпох. В окружении его отца, купца I гильдии, потомственного почетного гражданина, управляющего Нижегородским Николаевским городским общественным банком Николая Александровича Смирнова, имелись самые разнообразные сведения об истории рукавишниковских миллионов (*Смирнов Д. Н. «Железный старик» // Курс. — 1993. — № 16. — С. 14).*

² Именно «купцами-живоглотами», «выжигами», «прохиндеями», безнравственными и неразборчивыми в средствах хапугами, часто нечистоплотными в семье и быту представлены Рукавишниковы (и многие другие нижегородские купеческие династии) в работах нижегородского краеведа И. А. Макарова. См.: *Макаров И. А. Купеческий Нижний. — Н. Новгород, 2006; Жизнь купецкая: Забытые страницы истории российского предпринимательства XIX – начала XX вв. — Н. Новгород, 2008.*

«Проклятый род», если признавать за ним реальную биографическую подоплеку, в веках заклеивший свое семейство. Потому в наши дни исследовательский дискурс о Рукавишниковых, в известной степени, строится на преодолении сложившихся стереотипов, развенчании мифов и переосмыслении некоторых фактов³. Нужно признать, что до сегодняшнего дня тема истории этой купеческой династии не нашла серьезного исследователя.

В 1918 году в городской усадьбе, построенной С. М. Рукавишниковым на Верхне-Волжской набережной в конце 1870-х годов, разместился городской музей. В 1920–1930-е годы он функционировал как областной краеведческий музей, а с 1958 года в числе других филиалов вошел в состав Горьковского (с 1990 года Нижегородского) историко-архитектурного музея-заповедника (НГИАМЗ). Во второй половине 1990–2000-х годов в связи с аварийным состоянием музей был закрыт. В 2010 году после целого комплекса реставрационных работ он распахнул свои двери с названием «Усадьба Рукавишниковых». Ученый совет НГИАМЗ принял решение, что восстановленные художественные интерьеры с типологической реконструкцией обстановки дома должны стать неотъемлемой частью постоянной экспозиции. Появилась насущная потребность собирания и изучения материалов по истории семьи Рукавишниковых. Собираемые по крупицам документальные и изобразительные материалы, предлагая новые данные для осмысления и ставя новые вопросы, постепенно воссоздают картину жизни семьи Рукавишниковых. В данной публикации мы попытаемся осветить биографии тех представителей рода, о которых в настоящее время имеются наиболее достоверные и полные сведения, привлекая иллюстративный материал (документальный, фотографический, предметный) из фондов НГИАМЗ. На протяжении целого века история музея тесно сплелась с историей усадьбы и семьи Рукавишниковых. Работая в их доме, мы в какой-то мере продолжаем жить историей этой семьи (рис. 0(1), 0).

³Одной из лучших попыток этого рода можно назвать статью ведущего библиографа отдела краеведческой литературы Нижегородской государственной областной универсальной научной библиотеки имени В. И. Ленина — Л. И. Шиян: *Шиян Л. И. Феномен Рукавишниковых // Каждый род знаменит и славен. Из истории нижегородского предпринимательства XVII – начала XX вв. — Н. Новгород, 1999. — С. 164–178.*

Рис. 0(1). Родословное древо Рукавишниковых, составленное Иваном Сергеевичем Рукавишниковым (РГАЛИ. Ф. 1147. Оп. 2. Д. 7. Л. 1–2)

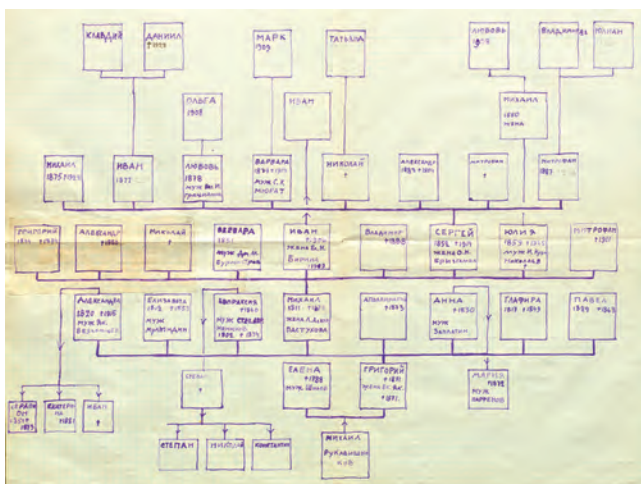

Рис. 0. Родословное древо Рукавишниковых – часть оформления выставки «Вы с Музами в родстве... (Потомки С. М. Рукавишникова)» в главном здании НГИАМЗ «Усадьба Рукавишниковых»

*Рис. 1. Купола церкви Успения Пресвятой Богородицы
в Нижнем Новгороде.*

Фотография М. П. Дмитриева. Нач. XX в.

Большинство исследователей считают нижегородских Рукавишниковых выходцами из уездного города Нижегородской губернии Балахны, крупнейшего центра солеварения. В делах Балахнинского магистрата XVIII века зафиксирована активная деятельность более десятка Рукавишниковых, числившихся в списках «знатных купцов Балахны», получавших подряды на поставку соли в разные города России⁴. В начале XIX века в связи с разрешением правительства ввоза иностранной соли были подорваны торговля и промысел этого важного продукта. Видимо, с этим связана одна из причин переезда родоначальника нижегородской ветви Рукавишниковых **Григория Михайловича (1788–1874)** с семьей из Балахны в Нижний Новгород. Самый ранний документ в фондах Центрального архива Нижегородской области (ЦАНО), под которым «купеской сын григорей михайлов

⁴Короленко В. Г., Садовский А. Я. и др. Описание делам Балахнинского городского магистрата // Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии : сборник статей, сообщений, описей и документов. — Т. 3. 1898 (Отдел II-й, с. 1–41); Т. 4. 1900 (Отдел II-й, с. 42–82); Т. 6. 1905 (Отдел II-й, с. 44–103); Т. 7. 1908 (Отдел II-й, с. 317).

рукавишников руку приложил», относится к покупке двора (строения с землею и садом) на Ильинской улице в приходе Успенской церкви в 1812 году⁵ (рис. 1). В 1816 году в исповедной росписи этой церкви зарегистрирована его семья из четырех человек, в 1824 году перечислены его жена Екатерина Яковлевна, дети — Аполлинарий, Михаил, Елизавета, Глафира, Евпраксия, Александра⁶.

В 1817 году после перевода знаменитой Макарьевской ярмарки из-под стен Макарьевского Желтоводского монастыря в губернский Нижний Новгород Рукавишников приобрел три лавки в Железном ряду, через 5 лет, в 1822 году, за ним значилось уже шесть лавок (рис. 2, 3). В 1822 году купец третьей гильдии Григорий Рукавишников купил в Кунавинской слободе участок земли «для постройки на оном стального завода». В конце 1820-х годов Григорий Михайлович приобрел для разросшейся семьи обширное домовладение на Рождественской улице, по соседству с домом другого крупного нижегородского фабриканта И. С. Пятова, с которым на протяжении трех лет судился из-за границ земельных участков⁷. Известно, что в 1836 году купец Рукавишников был награжден медалью от Департамента мануфактур и внутренней торговли⁸.

Талантливым и энергичным предпринимателем, при котором дело Рукавишниковых достигло расцвета, стал сын Григория — **Михаил (1811–1874)**, которого отец в 19-летнем возрасте приставил к управлению заводом. Более 40 лет он занимался производством высококачественной стали и изделий из нее. Рукавишниковы торговали ею в Нижнем Новгороде на ярмарке (лучшей в Нижегородской губернии считалась сталь томлянка с завода М. Г. Рукавишникова), Санкт-Петербурге, Ярославле, Москве, Закавказье и даже поставляли в Персию. Согласно «Ведомостям о состоянии фабрик и заводов по Нижегородской губернии», в 1837 году на заводе производилось 43 тыс. пудов стали, в 1843 году — 50 тыс. пудов. Соответственно росла и прибыль, составившая в 1843 году 90,5 тыс. руб., в 1858 году — 140 тыс. руб.⁹

⁵ЦАНО. Ф. 116. Оп. 34. Д. 3640. Л. 1, 1 об.

⁶Шиян Л. И. Указ. соч. — С. 165.

⁷ЦАНО. Ф. 116. Оп. 34. Д. 4231.

⁸ЦАНО. Ф. 2. Оп. 4. Д. 694. Л. 254, 270.

⁹Радьшева Т. М. Сталелитейное дело Рукавишниковых // Нижегородский рабочий. — 1992. 7 июля.

Рис. 2. План Ярмарочного гостиного двора в Нижнем Новгороде.
1833 г. НГИАМЗ

Рис. 3. Вид на Нижний Новгород и Песчаный остров.
Художник В. Аммон. 1840-е гг. НГХМ

Известный исследователь нижегородской старины середины XIX века Н. И. Храмцовский в «Кратком очерке истории и описания Нижнего Новгорода» приводит следующие сведения: 15 августа 1849 года на ярмарке была открыта выставка «для поощрения и усовершенствования сельского хозяйства и разных его отраслей, а также крестьянских ремесел в губерниях Нижегородской... На нее представили более 300 производителей до 2000 произведений... Десять производителей получили почетные отзывы, в том числе нижегородский купец мануфактур-советник М. Г. Рукавишников за сталь...»¹⁰

Немалые капиталы давала Михаилу Григорьевичу торговля железом на Нижегородской ярмарке. С казенных и частных (Строгановых, Демидовых, Яковлевых, Лазаревых) заводов Урала ежегодно на ярмарку привозились огромные партии листового железа. Согласно издаваемым сначала Нижегородской ярмарочной конторой, затем ярмарочным комитетом отчетам, Рукавишниковы на протяжении десятилетий значились одними из главных оптовых покупателей уральского железа. Оно потом перепродавалось лавочным торговцам, мелким и средним производителям слесарных изделий, частью за наличные, частью в кредит, что приносило явную и большую прибыль. Есть данные об особо тесных деловых связях М. Г. Рукавишникова с Уральско-Невьянским заводом Демидовых.

Михаил Григорьевич, которого в Нижнем прозвали «железный старик» за основное дело и суровый нрав, стал известным и почитаемым лицом в городе. С 1842 года он — купец первой гильдии, член Нижегородского мануфактурного комитета, мануфактур-советник, потомственный почетный гражданин. Была широко известна его благотворительная деятельность. Для постройки в Нижнем Новгороде «казной всероссийского купечества Александро-Невского собора» в 1862 году был создан особый комитет из 32 человек, куда вошли наиболее состоятельные купцы-нижегородцы, в том числе М. Г. Рукавишников. При открытии Нижегородского Николаевского общественного банка в 1864 году он внес в банк на три года без процентов 25 тыс. руб., «дабы дать более средств небогатому классу людей к поддержанию их небольших коммерческих оборотов»¹¹. В том же

¹⁰Храмцовский Н. И. Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода. — Н. Новгород, 1857. — Ч. 1. — С. 119–120.

¹¹Памятная книжка Нижнего Новгорода на 1865 год. — Н. Новгород, 1865. — С. 17–18.

году пожертвовал 3 тыс. руб. женскому училищу, впоследствии Мариинской женской гимназии. Состоял в списке членов губернского попечительского о тюрьмах комитета. После смерти «железный старик» оставил огромное состояние семье: жене, семи сыновьям и двум дочерям¹².

Старший из сыновей Михаила Григорьевича — потомственный почетный гражданин **Иван Рукавишников (1848–1906)** — возглавил фирму, которая после смерти отца стала именоваться «Наследники М. Г. Рукавишникова» (включавшая стальной завод, торговлю, доходные дома). По общепринятой оценке, при нем рукавишниковское дело перестало расти, но и не пришло в упадок. Правда, производство на сталелитейном заводе год от года сокращалось, в 1901 году предприятие прекратило свое существование, проработав 78 лет (рис. 4). Но позиции Рукавишниковых в торговле железом на ярмарке были по-прежнему устойчивы. В 1896 году XVI Всероссийскую художественную и промышленную выставку в Нижнем Новгороде посетил Император Николай II. Побывали высокие гости на Гребневских пещках, где находились ярмарочные склады железа. Как сообщает Нижегородский иллюстрированный путеводитель В. И. Виноградова, «...при встрече Абамелек-Лазарев, Поклевский-Козелл и Рукавишников поднесли государю хлеб-соль на роскошном серебряном блюде с рельефным изображением Железного ряда на Нижегородской ярмарке»¹³ (рис. 5, 6, 7).

¹² Вот как поэтично описал в романе «Проклятый род» И. С. Рукавишников его заветы: «Породил железный старик семерых сыновей себе на утешение, делу великому на подпору. Мыслил, встанут в ряд семеро, отцовы заветы впитав, встанут в ряд, жизнь грудью встречать... Вот умру, дело железное лучше меня на путь их направит... Коли я на прахе воздвиг не малое, как сынам воздвигнутого не уберечь?» Цит. по: *Рукавишников И. С. Проклятый род*: роман. — Н. Новгород, 1999. — С. 87–88.

¹³ Посещение Нижнего Новгорода, ярмарки и Всероссийской выставки Их Императорскими Величествами Государем Императором Николаем Александровичем и Государыней Императрицей Александрой Федоровной в июле месяце 1896 года // Второе приложение к Нижегородскому иллюстрированному календарю В. И. Виноградова на 1897 г. — Н. Новгород, 1897. — С. 11.

Рис. 4. План города Нижнего Новгорода и ярмарки. Санкт-Петербург. 1896 г. НГИАМЗ (в Кунавинской слободе отмечен Сталелитейный завод М. Г. Рукавишникова)

Рис. 5. План Нижегородской ярмарки. Москва. 1895 г. НГИАМЗ

*Рис. 6. Гребневские пески во время Нижегородской ярмарки.
25 августа 1888 г.*

Фотография А. О. Карелина. НГИАМЗ

Рис. 7. Вид на Ярмарочный гостиный двор и Гребневские пески.

Фотография М. П. Дмитриева. Кон. XIX в. НГИАМЗ

Рис. 8. Фотография. Попечители Нижегородского Кулибинского ремесленного училища (в правом верхнем углу – И. М. Рукавишников). 1897 г. АрхАДНО

Адрес-календари и памятные книжки Нижегородской губернии второй половины XIX века характеризуют Ивана Михайловича как одного из наиболее известных общественных деятелей Нижнего Новгорода, широко занимавшегося благотворительной деятельностью. С 1882 года он на несколько 4-годичных сроков избирался гласным городской думы, почетным мировым судьей, действительным членом Нижегородского общества поощрения высшего образования и Нижегородского общества любителей художеств, почетным старшиной детских приютов. Постоянно входил в попечительский совет Кулибинского ремесленного училища, состоял в Нижегородском губернском попечительном о тюрьмах комитете и помогал малолетним преступникам, освобожденным из тюрем. Ежегодно Иван Михайлович ассигновал по тысяче рублей в пользу бедных нижегородских невест (рис. 8).

В 1887 году на заседании городской думы прозвучал призыв «открыть в Нижнем Дом трудолюбия для занятия трудом бесприютных бедных и нищих». Идею строительства удалось воплотить в жизнь только благодаря бескорыстной помощи Рукавишниковых. Братья Иван, Сергей, Николай, Митрофан Михайловичи Рукавишниковы и их родные сестры Варвара Михайловна (в замужестве Бурмистрова) и Юлия Михайловна (в замужестве Николаева) на свои средства оборудовали три каменных двухэтажных здания, трехэтажный каменный флигель, службы и большой участок земли бывшей Хвориновской фабрики на углу улиц Варварской и Мистровской. В 1894 году Император Александр III подписал указ о присвоении нижегородскому Дому трудолюбия имен Михаила и Любви Рукавишниковых, родителей жертвователей. В здании размещалось 500–550 нищих: они щипали паклю и чесали мочало, за что получали небольшую поденную плату, ночлег и дважды в день еду. Рукавишниковы регулярно передавали значительные денежные средства на содержание Дома трудолюбия, принимали участие в улучшении производственной деятельности и в устройстве библиотеки. На проходившей в 1896 году в Нижнем Новгороде XVI Всероссийской промышленной и художественной выставке изделия Дома трудолюбия были отмечены дипломами. Свидетельством признания заслуг нового учреждения стало его посещение Императором Николаем II и Императрицей Александрой Федоровной во время выставки. После высочайшего визита, за которым последовала целая серия визитов высокопоставленных лиц, благотворительные пожертвования поступали в весьма значительных размерах. На эти средства при участии Рукавишниковых в 1905 году по проекту архитектора А. И. Шмакова было построено новое трехэтажное каменное здание Дома трудолюбия на ул. Варварской (сейчас здание «Нижполиграфа»), увеличено количество призываемых (в 1903 году Дом трудолюбия призрел более 60 тыс. человек) и расширено производство (маты, швабры, пакля, спасательные круги).

Иван Михайлович являлся постоянным членом попечительского совета Нижегородской земледельческой исправительной колонии малолетних, расположенной в с. Гнилицы, недалеко от Нижнего Новгорода. В 1885 году на его средства в колонии была построена Княже-Михайловская церковь.

В 1895 году Иван Рукавишников приобрел 50 десятин земли для строительства психиатрической больницы Нижегородского губернского земства в д. Ляхово, недалеко от города. Строительство на-

чалось в 1899 году. Корпус больницы для мужчин был назван в честь И. М. Рукавишника¹⁴.

В 1906 году нижегородскому Вдовьему дому (благотворительному учреждению для малоимущих вдов с детьми) по духовному завещанию Ивана Рукавишника поступил капитал в 100 тыс. руб. Из них 75 тыс. руб. предназначались на содержание заведения и 25 тыс. руб. на строительство школы для детей вдов. В 1907 году рядом с Вдовьим домом было построено трехэтажное кирпичное учебное здание школы (сейчас лицей № 28), где дети не только получали начальное образование, но и обучались ремеслам — сапожному и портновскому. В 1909 году из наследства И. М. Рукавишника Вдовьему дому было передано еще 32,9 тыс. руб. На проценты с этой суммы четыре раза в год жильцам выдавали пособия — на Пасху, в Рождество, в день рождения и день смерти благотворителя.

Про единственного сына Ивана Михайловича **Ивана** (1882–?) известно только, что в 1902 году он окончил Нижегородский дворянский институт Императора Александра II. Затем продолжил образование в Санкт-Петербургском технологическом институте, служил в Государственном Совете. После Октябрьской революции эмигрировал в Париж. Его судьба после начала Второй мировой войны не прослеживается.

Следующая по старшинству из детей Михаила Григорьевича **Варвара Михайловна Рукавишника (в замужестве Бурмистрова) (1851–1930)** (рис. 9). С ее именем связан замечательный особняк, сохранившийся до настоящих дней, фасадами обращенный на улицы Минина (до революции Жуковскую) и Провиантскую. Сейчас в нем расположен Литературный музей — филиал Государственного ордена Почета музея А. М. Горького. К 150-летию юбилею нашего земляка выдающегося русского писателя Максима Горького была проведена комплексная реставрация дома, коллективом авторов, нижегородских историков архитектуры и краеведов в издательстве «Кварц» была выпущена прекрасная книга «Вокруг купеческого особняка. Здание Литературного музея А. М. Горького» (рис. 10). Иллюстрированная богатым материалом из фондов музея А. М. Горького книга с новыми

¹⁴Давыдова А. А. История формирования и развития архитектурного комплекса колонии для душевнобольных при селе Ляхово (Нижегородская областная психоневрологическая больница № 1). — URL: http://www.opentextnn.ru/space/nn/dom/index.html?id=1708#_ftn17.

Варвара Мих. Бурмистрова.
Поч членъ В. У. И. М.

Рис. 9. Варвара Михайловна Бурмистрова – почетный член Ведомства учреждений Императрицы Марии. Фотография опубликована в книге «Благотворительные учреждения России», изданной в Санкт-Петербурге в 1912 г.

Рис. 10. Презентация книги «Вокруг купеческого особняка. Здание Литературного музея А. М. Горького», вышедшей в издательстве «Кварц» в 2017 г.

подробностями освещает историю строительства усадьбы (особняка и надворных построек) и оформления интерьеров господского дома, приводятся уточненные данные к биографиям Рукавишниковых-Бурмистровых, а также любопытные воспоминания нижегородцев о Варваре Михайловне и ее супруге Дмитрие Михайловиче, рассказывается о судьбе дома после революции: от передачи его Литературному музею Горького до наших дней.

Домовладение на пересечении улиц Жуковской и Провиантской было куплено Варварой Михайловной в 1879 году. По-видимому, к 1885 году было завершено строительство и отделка деревянного, оштукатуренного цементом на каменном полуэтаже главного усадебного дома, выстроенного в стиле академической эклектики с использованием мотивов русского барокко и классицизма, с применением в декоративно-художественном оформлении интерьеров резного дерева, искусственного мрамора, росписи и драпировки цветными тканями. К этому времени были выстроены и кирпичные надворные постройки, в том числе два двухэтажных корпуса служб. При доме была устроена каменная оранжерея и огромный сад, выходивший на Верхне-Волжскую набережную, как достопримечательность запечатленный известным нижегородским фотографом М. П. Дмитриевым в художественном альбоме «Пейзажи Нижегородского Поволжья» (1894).

Благотворительность была смыслом жизни бездетной Варвары Михайловны. Неудивительно, что единственное дошедшее до нас изображение этой женщины опубликовано в книге «Благотворительные учреждения России», изданной в 1912 году. Вместе с супругом она являлась почетным членом Ведомства учреждений императрицы Марии, занимавшегося учебными и благотворительными заведениями. Варвара Бурмистрова состояла членом Общества вспоможения бедным Нижнего Новгорода, попечителем городского приюта имени графини О. В. Кутайсовой, членом попечительского совета Мариинского института благородных девиц, обучая за свой счет и заботясь о будущем некоторых его воспитанниц.

В 1916 году Варвара Михайловна внесла 50 тыс. руб. на обустройство переведенного в Нижний Новгород Варшавского политехнического института, после революции преобразованного в Нижегородский народный университет. Вместе с известным нижегородским купцом-мукомолом Н. А. Бугровым принимала участие в обустройстве нового городского кладбища, получившего название

«бугровское», пожертвовав 225 тыс. руб. на строительство храма Успения Пресвятой Богородицы и каменную ограду из красного кирпича.

В 1918 году дом В. М. Бурмистровой был реквизирован. В нем размещался исторический отдел Нижегородского городского художественного и исторического музея, постоянным членом комитета которого Варвара Бурмистрова состояла с 1898 года, реорганизованный в Нижегородский исторический музей. Бывшей хозяйке дома была выделена одна комната. В собрание этого музея из личных вещей Варвары Михайловны поступили произведения живописи и графики (сейчас в коллекции Нижегородского государственного художественного музея), декоративно-прикладного искусства, мебель, изделия из бронзы, серебра, фарфора. В 1924 году, в связи с новой реорганизацией городского музея в историко-художественный, исторический музей вместе со своей коллекцией переехал из особняка Бурмистровой в особняк Рукавишниковых на Верхне-Волжской набережной. В настоящее время выявленная мебель российского производства (42 предмета), украшавшая особняк В. М. Бурмистровой, находится в собрании НГИАМЗ. Фотограф и дизайнер музея-заповедника С. Н. Дремин и хранитель фонда мебели Е. Ю. Тарасенко пытались визуализировать обстановку особняка Бурмистровой, представить, в каком интерьере располагались эти предметы мебели (рис. 11–17). Особый интерес имеет ширма, расписанная фигурами резвящихся путти, имеющая подпись одного из самых известных художников-декораторов Москвы А. А. Томашки, работавшего вместе с архитектором П. С. Бойцовым, одним из создателей особняка С. М. Рукавишникова, о котором речь дальше (рис. 18–19).

Средний сын «железного старика» **Сергей Михайлович Рукавишников (1852–1914)** вошел в историю как неутомимый строитель и организатор образцового сельскохозяйственного комплекса, прославившийся созданием усадебного комплекса с домом-дворцом на Верхне-Волжской набережной Нижнего Новгорода и загородной усадьбой Подвязье.

*Рис. 11–12. Мебель из коллекции В. М. Бурмистровой
в собрании НГИАМЗ и интерьеры в особняке Бурмистровой
(в настоящее время – Литературный музей А. М. Горького).*

Фотографии В. Быховского и С. Дремина. 2017 г.

*Рис. 13–14. Мебель из коллекции В. М. Бурмистровой
в собрании НГИАМЗ и интерьеры в особняке Бурмистровой
(в настоящее время – Литературный музей А. М. Горького).
Фотографии В. Быховского и С. Дремина. 2017 г.*

Рис. 15–17. Мебель из коллекции В. М. Бурмистровой в собрании НГИАМЗ и интерьеры в особняке Бурмистровой (в настоящее время – Литературный музей А. М. Горького). Фотографии В. Быховского и С. Дремина. 2017 г.

*Рис. 18–19. Мебель из коллекции
В. М. Бурмистровой в собрании
НГИАМЗ и интерьеры
в особняке Бурмистровой
(в настоящее время –
Литературный музей А. М. Горького).
Фотографии В. Быховского
и С. Дремина. 2017 г.*

*Рис. 20. Усадьба С. М. Рукавишникова.
Фотография сделана с дрона в 2010 г.*

Комплексные реставрационные работы 2000-х годов в усадьбе Рукавишниковых, а также архивные изыскания нижегородских исследователей позволили по-новому взглянуть на историю строительства этого памятника архитектуры¹⁵ (рис. 20).

Среди частных «недурных домов», находящихся в середине XIX века на еще только формирующейся Верхне-Волжской набережной, был отмечен двухэтажный с мезонином дом нижегородского купца 3-й гильдии Серапиона Везломцева, построенный по «образцовому» проекту в стиле позднего классицизма губернским архитектором Г. И. Кизеветтером. В октябре 1868 года этот дом был описан за долги его сына Якова Серапионовича Везломцева и в декабре куплен с публичного торга М. Г. Рукавишниковым. В 1874 году Михаил Григорьевич умер. Как известно, его жена и дети не стали дробить полученное наследство. Однако в марте 1876 года, как свидетельствует дело

¹⁵ *Виноградова Т. П.* Дворец Рукавишников — дом в доме. Из истории строительства // Новый роман старого дома / Нижегородский государственный историко-архитектурный музей-заповедник. — Н. Новгород, 2010. — С. 28–48; *Давыдов А. И., Краснов В. В.* Дворец Рукавишниковых на Верхневолжской набережной в Нижнем Новгороде. — URL: <http://www.opentextnn.ru/space/nn/dom/index.html?id=3533>.

Нижегородского окружного суда по гражданскому отделению «Об утверждении проекта раздела господ Рукавишниковых», сонаследники предоставили «означенный выше дом со строением и землю в полную и единственную собственность Сергею Михайловичу Рукавишникову, с тем, разумеется, что он, Сергей Рукавишников, не отстраняется оным от участия в прочем имуществе и капиталах, оставшихся после М. Г. Рукавишникова»¹⁶. Проектных чертежей на ныне существующее здание, возведенное С. М. Рукавишниковым, а также какой-либо другой документации, связанной с его возведением, в архивах не обнаружено. Зато известны другие проекты, связанные с попытками перестроить старый особняк Везломцевых, подписанные нижегородским губернским архитектором Р. Я. Килевейном. Справедливо замечание исследователей, что после смерти М. Г. Рукавишникова родительский дом молодым наследникам стал казаться малым и скромным. Сергей Михайлович решил полностью перестроить усадьбу, превратив ее во дворец, отделанный со столичным качеством. Вот как поэтизировано описал намерения молодого наследника И. С. Рукавишников в романе «Проклятый род»: «Будущий дом велик и прекрасен. Тысяча каменщиков будут строить. Чертежи-планы из Москвы и из Петербурга. И будет дом-дворец. И во дворце сто комнат. И зал в два света. И лестница — мрамор, какого нет нигде. И будет дворец тот стоять ровно миллион... Пусть весь город ахнет. Пусть со всей Волги полюбоваться съезжаются... Так строили, чтобы не только в день, когда леса падут, но и на много-много лет в городе не было дома, тому дому равного. Ни у кого ни дерзости, ни капитала не хватит»¹⁷. Есть все основания полагать, что осуществить эту амбициозную мечту смог начинающий московский архитектор П. С. Бойцов, выпускник Строгановского училища технического рисования в Москве (в составленном зодчим для утверждения в звании академика Академии художеств перечне лиц, для которых он производил работы, первым числится С. М. Рукавишников)¹⁸. Поскольку Бойцов не имел права на производство самих строительных работ, архитектурный надзор за возведением особняка взял на себя инженер-архитектор Роберт Яковлевич Килевейн. В сбор-

¹⁶ЦАНО. Ф. 178. Оп. 95. Д. 174.

¹⁷*Рукавишников И. С.* Проклятый род. — С. 44, 97.

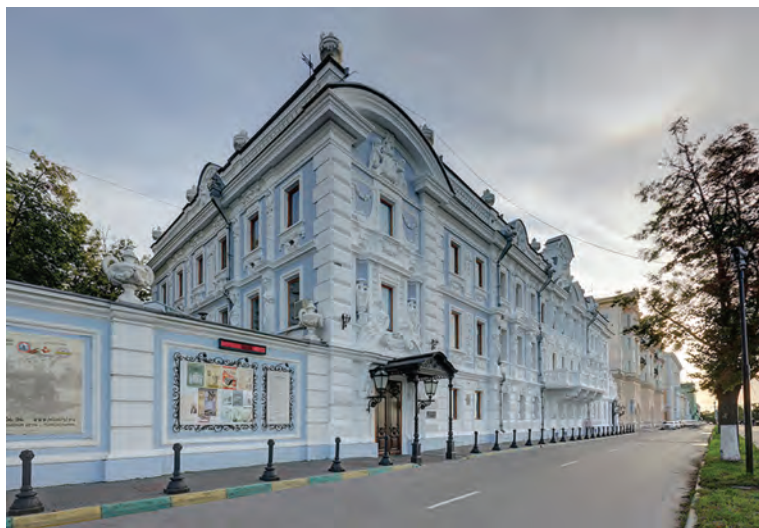
¹⁸*Нащокина М. В.* Бойцов (Серия «Великие архитекторы». Т. 54). — М.: Директ-Медиа, 2016. — С. 22–28; *Она же.* Архитектурное наследие России. Петр Бойцов. — М.: Издательский дом Руденцовых, 2019.

нике, посвященном выпускникам Института гражданских инженеров, именно он указан как автор особняка С. М. Рукавишника¹⁹. Строительство дома началось в 1875 году и закончилось в 1877 году (год указан над главным входом в здание). Помимо главного господского дома были сооружены двухэтажный флигель, конюшня, каретный сарай, высокая каменная ограда с чугунными воротами парадного въезда. Внутренняя отделка помещений особняка завершилась только в начале 1880 года, что вполне согласуется с биографией Бойцова, который в этот период работал помощником Килевейна на постройке собора Александра Невского на Нижегородской ярмарке. Скорее всего, он и привлек молодого талантливый художника-декоратора к отделке рукавишниковского дома.

Следует обратить внимание и на то, что возведение особняка являлось не просто новым строительством, по сути своей это была реконструкция прежней усадьбы. Анализ поэтажных планов ныне существующего здания и его предшественника, а также проведенные в процессе реставрации исследования показали, что в объем возведенного дворца было включено старое здание, доставшееся М. Г. Рукавишникову от С. Везломцева, занимающее его западную часть.

Здание обильно украшено лепниной, которая занимает не только главный, но и боковой и задний фасады и устои ворот. Балкон второго этажа поддерживают выразительные горельефные атланты, в оконных простенках — превосходно отделанные фигуры кариатид. Обилие качественной и очень выразительной лепнины особняка выделяется даже на фоне современного ему архитектурного ряда эклектических построек. Ряд исследователей считают, что превосходный лепной декор дома был выполнен по эскизам Бойцова лепщиками и резчиками московской мебельной фабрики А. Шмита, с которой с самого начала творческой деятельности сотрудничал зодчий, или какой-либо другой московской скульптурной мастерской. В конце 1870-х годов молодой Бойцов только начинал архитектурную карьеру и, по-видимому, в своем первом крупном частном заказе хотел с пылом и энергией молодости показать все свои художественные возможности. Этим и объясняется избыточность лепного декора особняка, которая, похоже, пришлось по душе мечтавшему о столичном дворце хозяину (рис. 21–32).

¹⁹Юбилейный сборник сведений о деятельности бывших воспитанников Института гражданских инженеров (Строительного училища). 1842–1892 / сост. Г. В. Барановский. — СПб., 1893. — С. 147–148.

*Рис. 21–22. Фасады главного дома Усадьбы С. М. Рукавишникова.
Фотографии М. П. Фединой, 2017 г.*

*Рис. 23–24. Фасады главного дома Усадьбы С. М. Рукавишникова.
Фотографии М. П. Фединой. 2017 г.*

*Рис. 25–26. Фасады главного дома Усадьбы С. М. Рукавишникова.
Фотографии М. П. Фединой. 2017 г.*

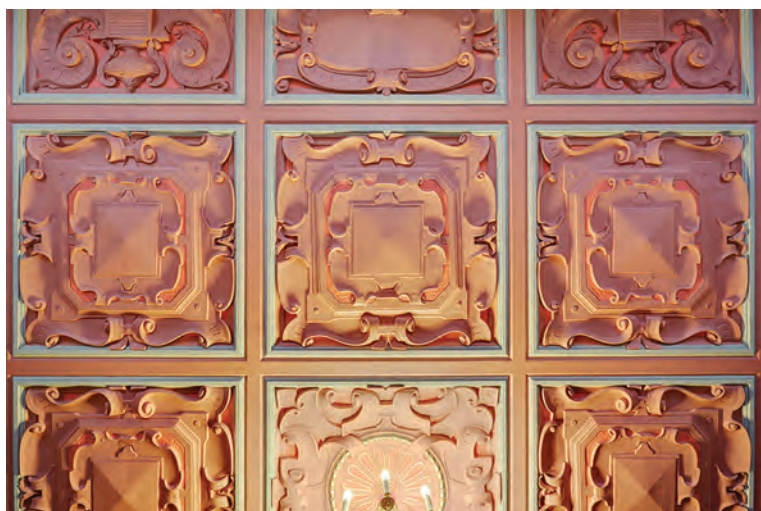
*Рис. 27–28. Фасады главного дома Усадьбы С. М. Рукавишникова.
Фотографии М. П. Фединой. 2017 г.*

*Рис. 29–30. Фасады главного дома Усадьбы С. М. Рукавишникова.
Фотографии М. П. Фединой. 2017 г.*

*Рис. 31–32. Фасады главного дома Усадьбы С. М. Рукавишникова.
Фотографии М. П. Фединой. 2017 г.*

*Рис. 33–34. Интерьер и экспозиция Кабинета
в главном здании НГИАМЗ «Усадьба Рукавишниковых».
Фотографии М. П. Фединой. 2017 г.*

*Рис. 35. Интерьер и экспозиция Кабинета
в главном здании НГИАМЗ «Усадьба Рукавишниковых».
Фотографии М. П. Фединой. 2017 г.*

Это касается и роскошной внутренней отделки особняка. Все помещения первого и второго этажей, расположенные анфиладой вдоль главного волжского фасада, отличались пышностью и стилистическим разнообразием отделки стен, а также дорогим орнаментальным художественным паркетом. Воистину, все это роднило их с дворцовыми залами.

На первом этаже справа от парадной лестницы был устроен кабинет хозяина, «львиная комната», многократно упомянутая в романе И. С. Рукавишникова. Ее декорация, включавшая довольно крупные львиные маски, выступающие на поверхности стен, была необычна, ведь использование львиных маскаронов характерно для фасадных отделок, в интерьерном декоре очень редки, а в несколько наивной редакции особняка Рукавишникова — единственны в своем роде (рис. 33–35).

*Рис. 36. Интерьер Парадной лестницы в особняке С. М. Рукавишникова.
Фотографии М. П. Фединой. 2017 г.*

Вход в особняк открывается большой парадной лестницей (рис. 36–39). Она выполнена из мрамора итальянских месторождений. На уровне первого этажа ее стены рустованы, выше они испещрены масштабным декором (архитектурной лепниной): сдвоенные фигуры атлантов, держащие корзины с фруктами, между ними архитектурно оформленные зеркала искусственного мрамора, выше — гротескный орнамент. Под стать итальянским палаццо лестницу украшают зеркала, восстановленные в ходе реставрации: «громadne зеркала глядят друг на друга, одно с высоты площадки за верхней ступенью, другое со стены». Зеркальные проемы и вход в бальный зал поддерживают мощные фигуры атлантов. Сложный декор лестницы переходит в роспись плафона — аллегорическую композицию «Утро или Начало». Этот холст (как свидетельствует авторская подпись в нижнем правом углу) так же, как вся плафонная живопись особняка, принадлежит кисти Ф. Г. Торопова (1821–1898), московского живописца, академика Академии художеств, работавшего в жанре натюрморта и портрета.

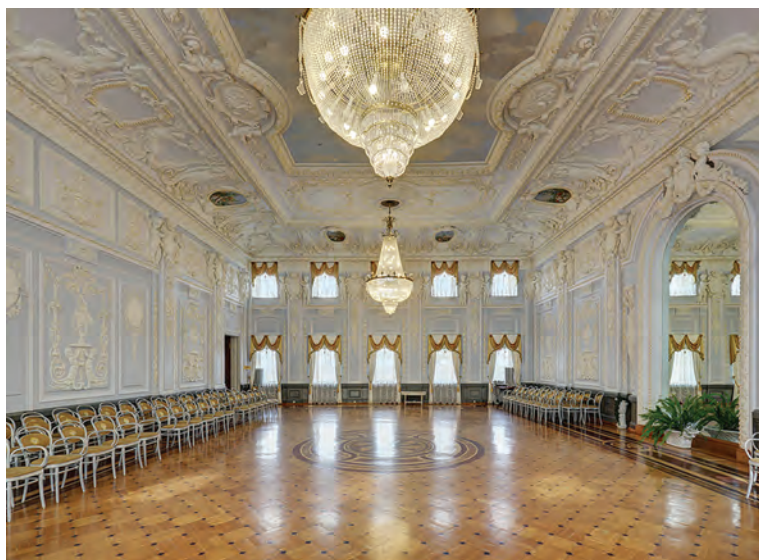

*Рис. 37–38. Интерьер Парадной лестницы
в особняке С. М. Рукавишникова.
Фотографии М. П. Фединой. 2017 г.*

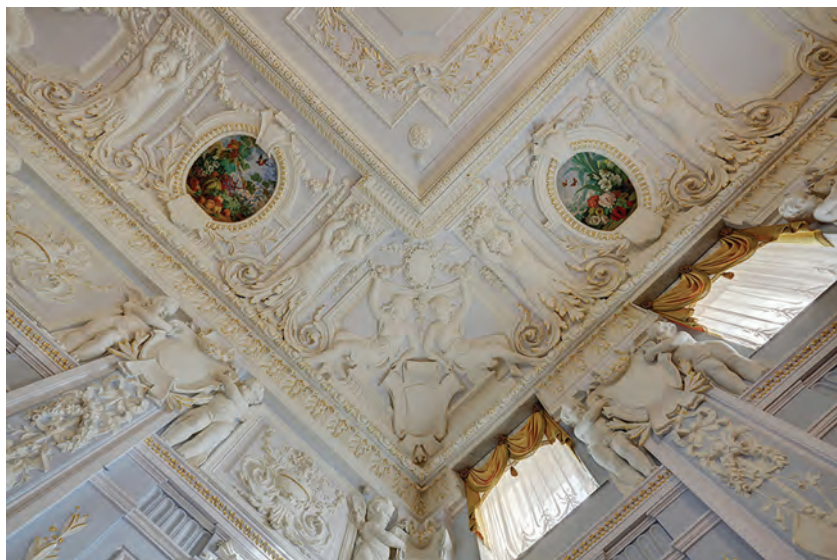

*Рис. 39. Интерьер Парадной лестницы
в особняке С. М. Рукавишникова.
Фотографии М. П. Фединой. 2017 г.*

Лестница ведет на второй парадный этаж, где расположен большой двухсветный бальный зал. Его интерьер является квинтэссенцией всего лепного убранства парадной анфилады дома (рис. 40–48). Сложные композиции с танцующими ангелочками-путти первого яруса, между ними на пилонах ренессансный орнаментальный мотив — музыкальные инструменты, во втором ярусе — отделяющиеся от стен скульптуры путти, держащие «зеркала» в лепном обрамлении. На падухах потолка — выполненные в низком рельефе фигуры античных муз, сказочные существа гротескного ренессансного и барочного орнамента — «прорастающие фигуры» с корзинами фруктов и сложный цветочный и растительный орнамент. Между ними восемь холстов кисти Торопова с изображением натюрмортов. Пол — высокохудожественный наборный паркет, воссозданный в ходе реставрационных работ. Несомненно, росписи и декоративное оформление зала являлись выражением апофеоза, радости жизни.

*Рис. 40–41 Интерьер Бального двухсветного зала
в особняке С. М. Рукавишников.
Фотографии М. П. Фединой. 2017 г.*

*Рис. 42–43. Интерьер Балльного двухцветного зала
в особняке С. М. Рукавишникова.
Фотографии М. П. Фединой. 2017 г.*

*Рис. 44–46. Интерьер Балльного двухцветного зала
в особняке С. М. Рукавишникова.
Фотографии М. П. Фединой. 2017 г.*

*Рис. 47–48. Интерьер
Бального двухсветного зала
в особняке С. М. Рукавишникова.
Фотографии М. П. Фединой. 2017 г.*

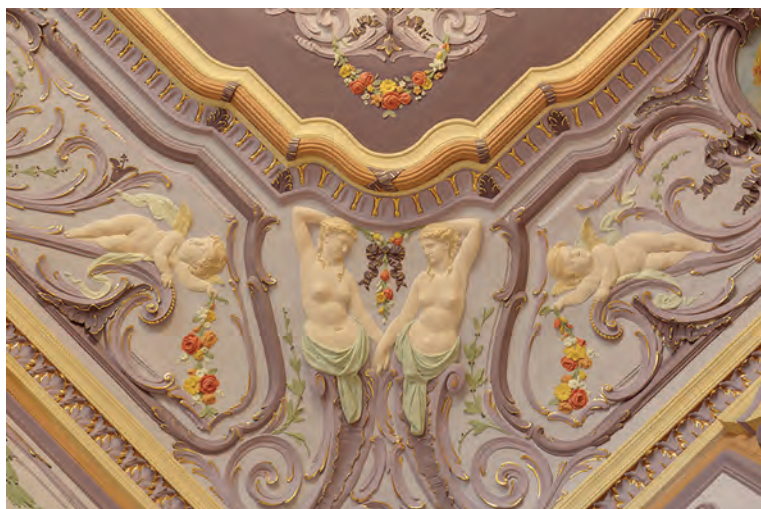
*Рис. 49. Интерьер Большой (Сиреновой) гостиной
в особняке С. М. Рукавишникова.
Фотографии М. П. Фединой. 2017 г.*

Далее анфиладой следуют гостевые комнаты, имеющие богатое колористическое решение, что было выяснено в ходе научных натурных исследований²⁰. В оформлении стен используется эффектная техника венецианской штукатурки или искусственного мрамора, лепные детали интерьера украшены позолотой. Большая сиреневая гостиная (аванзал) вся наполнена лепным декором, пустых гладей стен и потолка фактически нет (рис. 49–53). На выразительном цоколе — «искусственный мрамор» охристого цвета с красноватыми прожилками. На падугах потолка «зеркала»-«люкарны» с живописными путти кисти Торопова. Все стены и потолок сплошь заполнены окрашенным в разные цвета лепным декором. На стенах в архитектурно обрамленных «зеркала» — музы в технике горельефного изображения, опирающиеся на картуши с букетами и гирляндами из цветов.

²⁰ *Лазарева Л. В.* Путешествие в тайны «дома на Откосе» // Новый роман старого дома. Нижегородский государственный историко-архитектурный музей-заповедник / сост. Л. Н. Варэс. — Н. Новгород, 2010. — С. 185.

*Рис. 50–51. Интерьер Большой (Сиреновой) гостиной
в особняке С. М. Рукавишникова.
Фотографии М. П. Фединой. 2017 г.*

*Рис. 52–53. Интерьер Большой (Сиреневой) гостиной
в особняке С. М. Рукавишникова.
Фотографии М. П. Фединой. 2017 г.*

*Рис. 54–55. Интерьер
и фрагмент экспозиции
гостиной-прихожей
в особняке С. М. Рукавишникова.
Фотографии М. П. Фединой. 2017 г.*

По центру анфилады расположена гостиная-прихожая, венецианская штукатурка стен которой окрашена в бирюзовые тона (рис. 54–56). Крупный лепной декор на падугах потолка представляет композиции с пышнотельными путти.

Рис. 56. Интерьер и фрагмент экспозиции гостиной-прихожей в особняке С. М. Рукавишников. Фотографии М. П. Фединой. 2017 г.

Далее следует малая или голубая гостиная (выходящая в столовую), где на потолке, как писал И. С. Рукавишников, «крылатые мальчики в медальонах беззвучную музыку вели нескончаемую и на лютнях, и на арфах, и на флейтах»²¹ (рис. 57–59).

Столовая в русском стиле завершает парадную анфиладу. В основе ее художественного решения лежит имитация дерева гипсовой лепниной с ее последующей раскраской (рис. 60–62). Комната, в цветовом исполнении которой доминирует песочно-охристая и землисто-зеленая гамма, насыщена разнообразными декоративными элементами. В верхнем ярусе стен проходит лепной ряд резных оконных наличников. Между верхним и нижним ярусами — широкая лента фриза, напоминающая вышивку концов полотенец с древнерусским орнаментом «елочка». Стены разделены полуколоннами-пилястрами, похожими на точеные опоры русских деревянных сооружений, с завершением в виде «бочек» и орнаментами «елочка» и «плетенка». «Дощатый» потолок песочного цвета имитирует обшивку дубовыми панелями, в углах которых заключен плетеный орнамент.

²¹ Рукавишников И. С. Указ. соч. — С. 430.

*Рис. 57–58. Интерьер и фрагмент экспозиции
малой (голубой) гостиной в особняке С. М. Рукавишникова.
Фотографии М. П. Фединой. 2017 г.*

Рис. 59. Интерьер и фрагмент экспозиции малой (голубой) гостиной в особняке С. М. Рукавишникова. Фотографии М. П. Фединой. 2017 г.

Рис. 60. Интерьер и фрагмент экспозиции парадной столовой в особняке С. М. Рукавишникова. Фотографии М. П. Фединой. 2017 г.

Рис. 61–62. Интерьер и фрагмент экспозиции парадной столовой в особняке С. М. Рукавишникова. Фотографии М. П. Фединой. 2017 г.

Рис. 63–64. Интерьер и фрагмент экспозиции женской спальни в особняке С. М. Рукавишникова. Фотографии М. П. Фединой. 2017 г.

Рис. 65. Интерьер и фрагмент экспозиции женской спальни в особняке С. М. Рукавишникова. Фотографии М. П. Фединой. 2017 г.

Единственным жилым помещением второго этажа, отделенным от парадной анфилады и выходящим окнами во внутренний двор усадьбы, является спальня жены С. М. Рукавишникова. Ее фриз и потолок украшены легкими, изящными орнаментальными росписями (рис. 63–65).

Подчеркнутая репрезентативность, «дворцовость» особняка С. М. Рукавишникова была очевидна современникам, дом сразу стал достопримечательностью Нижнего и неоднократно запечатлевался нижегородскими фотографами. Неудивительно, что городские власти, озабоченные приемом иностранных делегаций во время проведения в городе XVI Всероссийской художественной и промышленной выставки, решили, что дворец на Верхне-Волжской набережной — наиболее подходящее место для размещения самого высокопоставленного гостя выставки — китайского канцлера и вице-короля Ли Хунчжана²².

²²Фролова А. А. Визит в Россию китайского министра иностранных дел Ли Хунчжана (1896 год) // Бюллетень научных студенческих обществ ННГУ им. Н. И. Лобачевского : электронное периодическое издание. — 2013. — № 3. Гуманитарные и социальные науки. — С. 35–38; Кузьмина Т. А. Китайский канцлер и вице-король Ли Хунчжан — гость нижегородской усадьбы С. М. Рукавишникова // Русская усадьба : сборник Общества изучения русской усадьбы. — СПб. : Коло, 2017. — Вып. 22 (38). — С. 413–428.

Рис. 66. Главный дом Усадьбы С. М. Рукавишникова на Верхне-Волжской набережной. Фотография А. О. Карелина. 1880–1890-е гг. НГИИМЗ

Рис. 67. Дом С. М. Рукавишникова на Верхне-Волжской набережной. Фототипия, опубликованная в «Нижегородском иллюстрированном календаре В. И. Виноградова на 1897 г.»

*Рис. 68–69. Внутренний двор и флигели Усадьбы С. М. Рукавишникова.
Фотографии Микешина. 1936 г.*

Как было упомянуто выше, в 1918 году Усадьба С. М. Рукавишникова была национализирована, в ней разместился Народный художественный музей, с 1924 года — Нижегородский историко-художественный музей, в советское время — краеведческий музей, что повлекло многие переделки и перестройки. В фондах НГИАМЗ сохранились фотографии 1920–1930-х годов, демонстрирующие, как разместился музей в залах бывшего особняка С. М. Рукавишникова и как сохранялись его художественные интерьеры (рис. 66–81).

*Рис. 70–71. Внутренний двор и флигели
Усадьбы С. М. Рукавишникова.
Фотографии Микешина. 1936 г.*

*Рис. 72. Внутренний двор и флигели
Усадьбы С. М. Рукавишникова.
Фотографии Микешина. 1936 г.*

*Рис. 73. 100 000-й посетитель Горьковского областного музея
(курсанты 5-й спецшколы ВВС Ю. В. Виноградов и А. П. Семченко
и кассир музея З. С. Царева на Парадной лестнице
бывшего особняка С. М. Рукавишникова).
27 декабря 1949 г. Фотография И. А. Саичева*

Рис. 74. Фрагмент выставки, посвященной А. М. Горькому, в Нижегородском государственном историко-художественном музее (в бывшем кабинете С. М. Рукавишникова). Фотография 1928 г.

Рис. 75. Фрагмент экспозиции Историко-бытового отдела Нижегородского государственного историко-художественного музея (в бальном зале бывшего особняка С. М. Рукавишникова). Фотография 1926–1927 гг.

Рис. 76. Фрагмент экспозиции, посвященной 15-летней годовщине Революции 1917 г. Горьковского краевого музея (в бальном зале бывшего особняка С. М. Рукавишника). Фотография 1932 г.

Рис. 77. Фрагмент экспозиции «Мебель XVIII в.» Историко-бытового отдела Нижегородского государственного историко-художественного музея (в большой гостиной бывшего особняка С. М. Рукавишника). Фотография 1926 г.

*Рис. 78–79. Фрагмент экспозиции «Комната капиталиста»
в Горьковском краевом музее (в малой гостиной
бывшего особняка С. М. Рукавишникова).*

Фотография Дроздова. 1932 г.

Рис. 80–81. Фрагмент экспозиции «Фарфор и фаянс»
Историко-бытового отдела Нижегородского государственного
историко-художественного музея (в парадной столовой
бывшего особняка С. М. Рукавишникова). Фотография 1926 г.

Главный дом Усадьбы С. М. Рукавишникова был взят на государственную охрану решением Горьковского облисполкома № 559 от 3 ноября 1983 года как памятник архитектуры областного (по ныне действующему законодательству — регионального) значения. Закончившаяся в 2010 году реставрация вернула к жизни одно из самых замечательных архитектурных сооружений Нижнего Новгорода и один из его наиболее известных музеев.

В 1879 году Рукавишников приобрел имение дворян Приклонских Подвьязе в Горбатовском уезде. Почти за 40 лет владения Сергей Михайлович дополнил усадьбу двадцатью семью новыми зданиями и сооружениями и преобразовал усадьбу в образцово-хозяйственный комплекс, оснащенный по последнему слову технического прогресса, применяя лучшие мировые технологии в сельском хозяйстве, цветоводстве, животноводстве, молочном производстве, рыбном промысле, строительстве²³. В конюшнях содержалось, по разным источникам, от 70 до 150 рысистых лошадей орловской породы, а с 1889 года стали разводить коров эльтгаузской породы, «выписанных» из Германии; дойное стадо составляло 50 голов. Агрономы, земские и правительственные специалисты животноводства, приезжавшие в Нижний из других губерний, считали честью для себя посетить ферму Рукавишникова, поскольку здесь был лучший молочный скот. Рукавишников первым в губернии начал производить из пастеризованного молока несоленое сливочное масло и стал единственным его поставщиком в Нижнем Новгороде. На территории усадьбы располагались четыре оранжереи, в которых выращивались диковинные растения: деревья французских желтых слив, зеленый виноград, персиковые и абрикосовые деревья, кизил, лавровые деревья, экзотические фрукты, включая ананасы. В Советское время в усадьбе располагались досуговые учреждения, а после 1991 года была создана свиноводческая ферма. В 1990–2000-е годы усадьба пришла в запустение. К сожалению, в наши дни единственный в Нижегородской губернии усадебный памятник истории и культуры федерального значения находится в плачевном состоянии (рис. 82).

²³ *Шумилкин С. М.* Усадьба Приклонских-Рукавишниковых в селе Подвьязе // Записки краеведов. — Н. Новгород, 2004; Возникшая из небытия Усадьба Приклонских-Рукавишниковых // Презент. — Осень-2007. — С. 4–12.

*Рис. 82. Главный господский дом
в бывшей усадьбе С. М. Рукавишникова.
Подвьязье Богородского района Горьковской области.
Фотография конца 1940-х гг.*

С именем Сергея Михайловича Рукавишникова связано строительство еще одного замечательного архитектурного ансамбля, сохранившегося до наших дней. В 1908 году вместе с братом Митрофаном он начал строительство дома на месте сгоревшего отцовского дома на ул. Рождественской. По проекту знаменитого архитектора Ф. О. Шехтеля было выстроено здание из двух корпусов: доходного дома в стиле рационального модерна, украшенного скульптурами С. Т. Коненкова, выходящего на ул. Рождественскую (1908–1910), и «неоготического» промышленного корпуса, выходящего на Нижне-Волжскую набережную (1911–1914)²⁴ (рис. 83–85). Оба здания соединены между собой. Не случайно, что работал Шехтель в нашем городе исключительно с Рукавишниковыми. Все известные на сегодняшний день его нижегородские проекты связаны именно с этой купеческой семьей (помимо доходного дома, ему был заказан проект несохранившейся родовой

²⁴ Орельская О. В., Петряев С. В. Улица Рождественская — энциклопедия архитектурных стилей. — Н. Новгород : Бегемот, 2014.

*Рис. 83–84. Доходный дом С. М. и М. М. Рукавишниковых
на Рождественской улице и Нижне-Волжской набережной.
Фотографии наших дней*

*Рис. 85. Доходный дом С. М. и М. М. Рукавишниковых
на Рождественской улице и Нижне-Волжской набережной.
Фотографии наших дней*

усыпальницы Рукавишниковых на кладбище Крестовоздвиженского монастыря; в фондах Нижегородского художественного музея хранятся авторские чертежи Шехтеля здания музея Нижегородского губернского земства, возведение которого не было осуществлено, но косвенно также связано с семьей Рукавишниковых)²⁵. Семья архитектора Шехтеля занималась крупными торгово-промышленными операциями по всей России, в том числе на Нижегородской ярмарке, где и могли быть завязаны деловые связи с богатым кланом Рукавишниковых.

Если далее исследовать родословное древо Рукавишниковых, нужно охарактеризовать следующего по старшинству из детей Михаила Григорьевича — **Владимира Михайловича Рукавишника (1853–1888)**. Как считается, был он человеком глубоко религиозным, большим любителем церковного пения. В 1875 году открыл и содержал за свой счет школу на 40 мальчиков и хоровую капеллу, расходуя до 40 тыс. руб. в год. В школу набирали способных ребят со всей страны и ставили их на полное обеспечение: одевали, кормили, давали образование (общее и

²⁵ Сайгина Л. В. Архитектор Федор Шехтель. Энциклопедия творчества. — М. : Красивые дома пресс, 2014. — Т. 1. — С. 572–589.

музыкальное). После школы мальчишки становились певчими хора Троицкой Верхнепосадской церкви. Из этого хора вышло немало оперных певцов в столичные театры, в частности в Большом театре пел Павел Кошиц. В церковном хоре Рукавишников служил двоюродный брат Алексея Максимовича Горького — Александр Каширин. Кроме того, Владимир Михайлович был членом совета Братства Св. Кирилла и Мефодия, а также почетным членом совета Кулибинского ремесленного училища. Умер бездетным.

Откровенно скандальной известностью в Нижнем пользовался самый младший сын «железного старика» — **Митрофан Михайлович Рукавишников (1864–1911)**, инвалид-горбун (рис. 86). Однако «жертвовал и попечительствовал» больше других Рукавишниковых. Предметом особой заботливости и христианского попечения его были нижегородские храмы и монастыри: Благовещенский монастырь, Троицкая Верхнепосадская церковь, Спасо-Преображенский кафедральный собор. Между улицами Алексеевской и Ошарской на его средства было выстроено здание Братства Св. Кирилла и Мефодия с домовою церковью для общежития бедных гимназистов. Братство, членом и председателем которого Митрофан Михайлович являлся многие годы, было создано для содействия религиозно-нравственному воспитанию и образованию беднейших учеников Нижегородской губернской гимназии: оно предоставляло ученикам жилье в своем общежитии и в подысканных квартирах, платило за обучение, бесплатно предоставляло учебные пособия, одежду и обувь, выплачивало медицинские пособия.

В 1901 году М. М. Рукавишников утвержден в звании пожизненного члена Елизаветинской общины сестер милосердия Российского общества Красного Креста. В 1908 году он даровал обществу усадебный земельный участок на Верхне-Волжской набережной и выделил средства для строительства хирургической больницы, пожертвовав на это 200 тыс. руб.

За благотворительную деятельность награжден чином статского советника, орденами Св. Владимира 4-й степени, Св. Анны 2-й и 3-й степеней и Св. Станислава 3-й степени.

В течение жизни Рукавишников собирал произведения искусства и предметы старины. Свою коллекцию картин, среди которых «Ковер-самолет» В. М. Васнецова, «Дама под зонтиком» И. Н. Крамского, картины И. К. Айвазовского, К. Е. Маковского, которые теперь украшают стены Нижегородского художественного музея, он завещал общественным учреждениям.

*Рис. 86. Митрофан Михайлович
Рукавишников.
Фотография М. П. Дмитриева.
Нач. XX в. АрхАДНО*

В 2017 году в собрание музея-заповедника поступил совершенно уникальный и особо ценный для нас предмет — альбом фотографий Митрофана Михайловича Рукавишникова. Оформленный несколько «наивным» способом, он, вероятно, был подарен ему по какому-либо поводу родственниками (на серебряной пластинке-накладке на обложке альбома выгравирована надпись с именем и отчеством одаряемого и фамилией фотографа). Альбом необычен тем, что, помимо фотопортретов самого Митрофана (до настоящего дня был известен единственный снимок, сделанный, вероятно, фотографом М. П. Дмитриевым), содержит фотографии его городской усадьбы и ее окрестностей на Большой Печерской (литера 24, сейчас дом находится в частном владении, не имеет охранных обязательств), где он проживал с 1896 года, интерьеров главного дома, прислуги, домашнего скота (лошадей, коров), семейных застолий (рис. 87–93). В частности, на одной из фотографий мы видим зятя Митрофана Михайловича — мужа его сестры Варвары Дмитрия Михайловича Бурмистрова. В старой Книге поступлений музея значатся несколько гобеленов из дома М. М. Рукавишникова, благодаря фото интерьера удалось соотнести один из них: XVIII век, работа знаменитой французской мануфактуры г. Обюссон с изображением нимфы у источника.

*Рис. 87–88. Альбом фотографий М. М. Рукавишникова.
Нач. XX в. НГИАМЗ*

*Рис. 89–90. Альбом фотографий М. М. Рукавишника.
Нач. XX в. НГИАМЗ*

*Рис. 91–92. Альбом фотографий М. М. Рукавишника.
Нач. XX в. НГИАМЗ*

Рис. 93. Альбом фотографий М. М. Рукавишникова.
Нач. XX в. НГИИМЗ

Четвертое поколение Рукавишниковых воспитывалось в преддверии и принадлежало новому, XX веку. Нет достаточных сведений, чтобы рассказать обо всех потомках купеческого рода. Из детей Михаила Григорьевича только у строителя особняка на Волжском откосе Сергея Михайловича было многочисленное потомство — семеро детей (пять сыновей, один умер во младенчестве, и две дочери). Не обо всех имеются достаточные сведения. Заметный след в истории оставили поэт Иван Сергеевич и скульптор Митрофан Сергеевич Рукавишниковы.

Иван Сергеевич Рукавишников (1877–1930) — известный в начале XX века поэт, прозаик, переводчик украинской поэзии. Он родился в тот год, когда его отец снял леса с только что построенного дворца, он жил и воспитывался в этом доме, что позволило нижегородской поэтессе М. В. Ногтевой назвать его «поэтом из яшмовых комнат». Учился Иван Сергеевич в Нижегородском дворянском институте Императора Александра II, однако из-за болезни оставил его и продолжил учебу во Владимирском реальном училище. С большим увлечением Иван занимался в художественной школе известного

нижегородского художника, фотографа, собирателя предметов старины Андрея Осиповича Карелина (рис. 94). Вспоминал, что всю жизнь мечтал видеть себя художником, живописцем, однако тяга к литературному творчеству взяла верх. В своей первой автобиографии Иван Рукавишников писал: «Ни в корнях, ни в стволе родословного дерева моего нельзя найти не только писательского дара, не только литературного вкуса, но и желания считаться в какой-то степени с литературой... В саду моей юности росли золотые яблоки. И когда я понял, что мне их не угрызть, я ушел в свои леса и перелески искать ягод в живой траве»²⁶. Свои первые стихи он опубликовал в 1896 году в газете «Нижегородский листок». В эту пору начинающий писатель посещал так называемые субботы — литературные вечера в доме поэтессы Анны Дмитриевны Мысовской, где собирался цвет нижегородской интеллигенции. Тогда же он познакомился с уже известным писателем Максимом Горьким. Вот как Иван Рукавишников вспоминал об этом: «Интересно, что Алексей Максимович не коснулся в беседе моей домашней обстановки. То есть не говорил об этом словами. Но эта тема чувствовалась в воздухе. Оба мы на это остороженько намекали. Я был белым вороном, вернее вороненком. Таким же белым вороном, только из другой стаи, был Горький. Общество не ожидало писателей из той среды, куда забросила меня судьба, и из той среды, куда забросила Горького, и много еще лет потом доводилось мне слышать за спиной: — Это тот, отец которого... Это тот, дед которого... Это тот, дом которого...»²⁷ Горький поддержал молодого автора, он написал редактору «Журнала для всех» В. С. Миролубову в апреле 1898 года: «Имею в виду одного мальчика, который тоже хочет быть литератором и имеет для этого данные. Первый рассказ его — задушевная штука! Пошлю Вам. Денег автору не требуется, ибо у него папашка — миллионщик»²⁸.

²⁶ Рукавишников И. С. Автобиография // Первые литературные шаги : Автобиографии современных русских писателей / автор идеи и сост. Ф. Ф. Фидлер. — М. : Типография товарищества И. Д. Сытина, 1911. — С. 88.

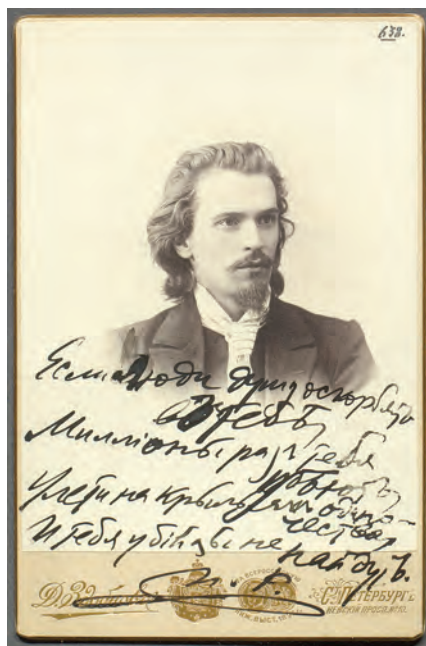
²⁷ Рукавишников И. С. Мои встречи с М. Горьким // О Горьком — современники : сборник воспоминаний и статей. — М. : Московское товарищество писателей, 1928. — С. 34–35.

²⁸ Летопись жизни и творчества А. М. Горького. — М. : Изд-во АН СССР, 1958. — Вып. 1. 1868–1907 гг. — С. 233.

Рис. 94. Школа живописи А. О. Карелина в Нижнем Новгороде
(крайний справа – И. С. Рукавишников).
Художник А. Иконников. Кон. XIX в. НГИАМЗ

Рис. 95. Иван Сергеевич
Рукавишников.
Фотоателье Д. Здобнова
в Санкт-Петербурге.
Нач. XX в.
(с автографом писателя).
РГАЛИ. Ф. 14. Оп. 1.
Д. 57. Л. 001

В 1900–1901 годах Иван Сергеевич Рукавишников учился в Петербургском археологическом институте, готовившем специалистов в области архивного дела, занимался литературной деятельностью (рис. 95). Живя в Петербурге, сблизился с литературной группой писателей товарищества «Знание», объединившихся вокруг М. Горького. Печатался в журналах демократической и символистской ориентации («Весы», «Золотое руно», «Образование», «Нива» и др.) (рис. 96–99).

В начале 1910-х годов Рукавишников жил в отцовском имении Лазарево Горбатовского уезда, в Крыму, приезжая ненадолго в Петербург и Москву.

С 1901 по 1925 год вышло 20 томов сочинений Ивана Рукавишникова. Современные исследователи его поэзии называют Рукавишникова одним из самых последовательных поэтов-символистов²⁹. Однако главным его произведением считается всё же произведение прозаическое — роман «Проклятый род» (1911–1912), «в котором, подобно “Будденброкам” Т. Манна или “Сеге о Форсайтах” Д. Голсуорси, с эпической широтой была показана история взлета и падения рода русских капиталистов» (рис. 100). В центре повествования историко-мистическое осмысление судьбы трех поколений купеческой семьи. Большая часть героев имели реальные прототипы. Во многом автобиографичен образ родового отщепенца — художника-декадента Виктора. Сначала Рукавишников не отрицал биографического подтекста своего произведения: «Если вам что-либо говорит заглавие и вы знаете мою биографию... в этом романе будет много места отведено личному, много строк из моей жизни». Однако впоследствии в открытом письме в редакцию «Нижегородского листка» он выступил против подобной трактовки своего произведения: «Я роман мой “Проклятый род” автобиографическим не назову. Никого портретно изобразить не намеревался, имея же цели исключительно художественные». Критики высоко оценили роман как новое слово в развитии жанра. В. Кранихфельд писал, что, «несмотря на все недочеты, это — художественное произведение значительной ценности, произведение, которое по силе изобразительности и широте захвата могло бы в нашей художественной литературе последних лет занять одно из первых мест»³⁰.

²⁹ *Лалетина О. С.* Поэзия И. С. Рукавишникова в контексте русского символизма. — СПб.: Нестор-история, 2011.

³⁰ Все цитаты по статье: *Грачева А. М.* Рукавишников Иван Сергеевич // Русские писатели. 1800–1917: биографический словарь. — Т. 5. — М., 2007. — С. 235–237.

Рис. 96–97. Иван Сергеевич Рукавишников.
Фотографии 1910-х гг.

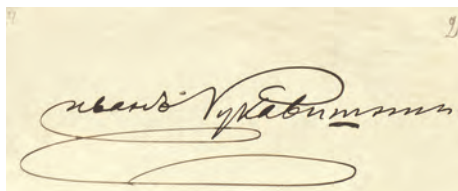

Рис. 98. Автограф И. С. Рукавишникова.
РГАЛИ. Ф. 1147. Оп. 2. Д. 6. Л. 002

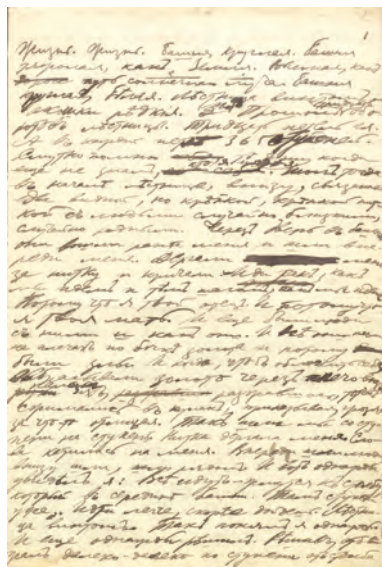

Рис. 99. Страница автобиографии
И. С. Рукавишникова. 1907 г.
РГАЛИ. Ф. 1147. Оп. 2. Д. 1. Л. 2

Рис. 100. Страница первого издания романа И. С. Рукавишников «Проклятый род», напечатанного в журнале «Современный мир» в 1911 г.

Рис. 101. Слайд презентации, подготовленной к 120-летию НГИАМЗ. «И. С. и М. С. Рукавишниковы – организаторы Народного художественного музея в бывшем особняке их отца в 1918 г.». 2016 г.

После революции 1917 года отдельную страницу биографии Ивана Сергеевича составила работа по организации в их бывшем доме Народного художественного музея. Согласно отношению исполкома Нижегородского совета рабочих, солдатских, крестьянских депутатов от 13 (26) февраля 1918 года № 1174 и 1175, городской музей было решено перевести в особняк Рукавишниковых на Верхне-Волжской набережной, причем, как указано в протоколе заседания, «свои услуги предложили братья Иван и Митрофан Рукавишниковы»³¹ (рис. 101). Сначала предполагалось не дробить коллекцию городского музея, состоящую из двух отделов — художественного и исторического. Однако потом было решено создать два музея: Исторический, который разместился в особняке В. М. Бурмистровой, и Народный художественный — в особняке С. М. Рукавишникова. 4 марта 1918 года состоялось совещание комитета Нижегородского музея в связи с переводом его в новое здание, была создана художественная комиссия, в состав которой вошли братья Рукавишниковы. Сохранилась также докладная записка, написанная Иваном Сергеевичем на имя губернского комиссара по народному образованию, где он, обеспокоенный сохранением произведений искусства, просил поручить художественной комиссии заняться отбором ценных произведений по губернии. Некоторое время братья Рукавишниковы входили в секцию по делам музеев и охраны памятников старины подотдела искусств губернского отдела народного образования. 2 мая 1918 года комиссия по переводу художественного музея в дом Рукавишниковых документально передала все картины бывшего городского музея братьям Рукавишниковым. 21 июля 1918 года Народный художественный музей был открыт для публики. Сохранились протоколы заседаний комитета музея 1918 года, где Иван Сергеевич неоднократно выступал за передачу музею коллекции предметов старины, собранной знаменитым нижегородским фотографом и художником А. О. Карелиным (это было сделано лишь в 1929 году), и создание при музее художественной школы³². Высшие государственные художественные свободные мастерские откроются в бывшем особняке Рукавишниковых только в 1919 году³³.

³¹ЦАНО. Ф. Р-56. Оп. 1. Д. 9. Л. 8 об.

³²ЦАНО. Ф. Р-1684. Оп. 1. Д. 3. Отчеты о состоянии Нижегородского историко-художественного музея за 1918–1926 гг. 208 л.

³³*Розенталь Л. В.* К истории Нижегородского художественного музея; *Иконников А. И.* Примечания и дополнения кopusу Л. В. Розенталя «К истории

В 1919 году братья Рукавишниковы переехали в Москву. Иван Сергеевич возглавил только что созданный в столице «Дворец искусств», привлекая к участию в творческих вечерах Андрея Белого, Сергея Есенина, Владислава Ходасевича и многих других литераторов той поры. В 1921–1923 годах, после закрытия «Дворца искусств», Иван Рукавишников был преподавателем, заведующим учебной частью и заведующим библиотекой Высшего литературно-художественного института имени В. Я. Брюсова, затем преподавателем Высших государственных литературных курсов. В 1920-е годы много сил отдавал стиховедческим исследованиям. Был автором ряда статей в «Словаре литературных терминов». Разрабатывал фольклорные поэтические формы, в том числе так называемый напевный стих. 22 ноября 1926 года в Малом театре торжественно отмечалось 30-летие литературной и общественной деятельности Рукавишникова (рис. 102).

После смерти поэта его имя фактически изъято из литературы, как чуждое, непонятное и ненужное советскому человеку. Лишь в последнее время наметился заметный интерес к самобытному творчеству Ивана Сергеевича Рукавишникова, в частности в исследованиях петербургского филолога О. С. Лалетиной.

Первая полная биография младшего брата Ивана Сергеевича — **Митрофана Рукавишникова (1887–1946)**, основателя знаменитой династии московских скульпторов, была опубликована сравнительно недавно. Сотрудница Государственной Третьяковской галереи И. Н. Седова по крупицам, используя архивные (в том числе семейные) и документальные свидетельства, газетные и журнальные публикации, восстановила факты биографии скульптора, хронологию творчества, составила полный список его работ³⁴. Митрофан Сергеевич окончил Нижегородский дворянский институт Императора Александра II, поступил на юридический факультет Московского университета, но учебу оставил. Осенью 1909 года он начал обучение у знаменитого российского скульптора С. Т. Коненкова. В конце 1911 года предпринял первую поездку в Европу с целью изучения ее музеев, в первую очередь Италии (рис. 103). Вернувшись в Нижний Новгород весной

Нижегородского художественного музея». Опубликовано в статье: *Галай Ю. Г.* Первые шаги Нижегородского художественного музея // Нижегородский музей. — 2008. — № 15. — С. 6–11.

³⁴Митрофан Рукавишников : альбом-каталог / авт.-сост. И. Н. Седова. — М. : БуксМАрт, 2017.

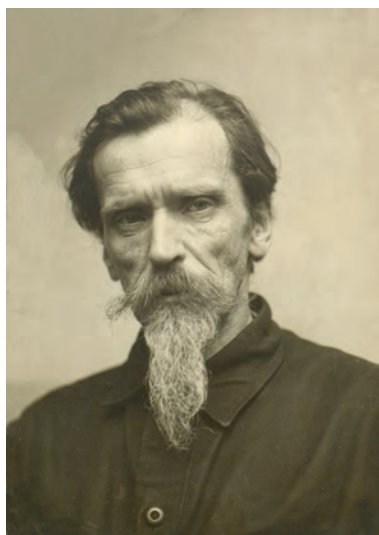

Рис. 102. И. С. Рукавишников в последние годы жизни.
РГАЛИ. Ф. 2442. Оп. 1. Д. 57. Л. 001

Рис. 103. Митрофан Сергеевич Рукавишников.
Фото сделано в Риме, предположительно, в 1911 г.
Из личного архива М. П. Бурькиной

1912 года, вдохновившись монументальными образами итальянского искусства, Митрофан создал принесшую ему известность серию «Волжские грузчики». В 1913 году он снова отправился в Италию, где стал вольнослушателем Римского университета. Вернувшись весной 1916 года на родину, был призван в действующую армию и попал на юго-западный фронт, где, по собственным воспоминаниям, испытал «все виды окопной и полевой войны». В 1919 году вместе с братом Иваном участвовал в создании Народного художественного музея в родном Нижнем, принял участие в «Первой выставке картин профессиональных художников-живописцев в Нижнем Новгороде». В начале 1920-х годов после окончательного переезда в Москву, занимаясь агиткультурной работой в политуправлении Реввоенсовета и Губполитпросвете, Митрофан Сергеевич увлекся театральными постановками, создавал декорации и сценические костюмы. Затем долгое время работал сотрудником Института Маркса и Энгельса, выполнил серию бюстов российских и западных революционеров. Митрофан Рукавишников много экспериментировал в области синтеза искусств, создавая проекты монументальных архитектурно-скульптурных композиций. Из осуществленных проектов можно назвать 12 барельефов, оформлявших фасад Московского клуба летчиков (не сохранился). Композиция «Муза с бубном», созданная им в 1945 году взамен погибшей во время бомбежки 1941 года скульптуры, 65 лет украшала фасад Большого театра в Москве.

Меньше известно о дочерях Сергея Михайловича — Любви и Варваре. Первая, в замужестве Грацианова, стала женой лесничего. Ее имя также упоминается среди технических сотрудников сначала Художественного, потом Исторического музеев в 1918–1919 годах. Варвара, во втором браке за французским подданным Сергеем Казимировичем Мюрат, уехала во Францию. Недавно в фонде документальных и фотографических памятников НГИАМЗ была выявлена фотография, где, судя по подписи на обороте, изображены дети Любви и Варвары — Оля и Марк (рис. 104). Не располагаем мы достаточными данными о Михаиле и Николае Сергеевичах Рукавишниковых.

В феврале 2017 года в «Усадьбе Рукавишниковых» состоялось открытие выставки «Вы с музами в родстве (потомки С. М. Рукавишникова)», посвященной братьям Ивану и Митрофану Рукавишниковым. А весной того года скульптор, народный художник РФ Александр Иулианович Рукавишников, внук Митрофана Сергеевича Рукавишникова

Рис. 104. Марк Мюрат
и Оля Грацианова –
дети Варвары Сергеевны
и Любови Сергеевны,
урожденных Рукавишниковых.
Фотография 1910-х гг.
НГИАМЗ

Рис. 105. Александр
Иулианович Рукавишников
на выставке «Вы с Музами
в родстве... (Потомки
С. М. Рукавишникова)»
в главном здании НГИАМЗ
«Усадьба Рукавишниковых».
Фотография С. Дремина.
Апрель 2017 г.

и потомок знаменитой купеческой династии, привез в дом своих предков выставку «Рукавишниковы в доме на Верхне-Волжской набережной», где демонстрировалась станковая скульптура четырех поколений скульпторов Рукавишниковых (рис. 105, 106). Супруга большого, к сожалению, ныне покойного друга нашего музея, члена ученого совета, известного нижегородского краеведа Юрия Григорьевича Галая — Нина Николаевна — нашла в архиве мужа фотографию 1985 года, где на Верхне-Волжской набережной запечатлены Иулиан и Александр Рукавишниковы на представлении проекта памятника нижегородскому летчику П. Н. Нестерову, авторами которого они являлись (рис. 107).

Итак, погрузившись в толщу времени, мы проследили почти полуторавековую историю рода Рукавишниковых. Неординарные люди, не сходявшие с уст нижегородцев, купцы, предприниматели, торговцы, банкиры, организаторы промышленного и сельского производства, грандиозные строители (с Рукавишниковыми связано несколько десятков домов в Нижнем Новгороде), крупнейшие благодетели, собственно деятели искусства. В каждом поколении Рукавишниковых проявлялись родовые черты, востребованные временем, чем, по-видимому, и объясняется удивительная жизнеспособность этой семьи. Рукавишниковы — один из немногих в истории нижегородского купечества род, не пресекшийся после жизни второго-третьего поколения.

Нужно признать, что в последнее время нижегородскими исследователями очень активно ведется деятельность по разработке отдельных вопросов истории нижегородского купечества, в том числе семьи Рукавишниковых: выявляются и публикуются новые материалы — документы, фотографии, воспоминания современников. Что, на наш взгляд, позволит написать правдивую историю этого, совсем не «проклятого рода», внесшего большой вклад в историю и культуру нашего Отечества.

Рис. 106. Открытие выставки «Рукавишниковы в доме на Верхне-Волжской набережной. Скульптура. Графика» в главном здании НГИАМЗ «Усадьба Рукавишниковых». Фотография С. Дремина. Апрель 2017 г.

Рис. 107. Представление проекта памятника П. Н. Нестерову на Верхне-Волжской набережной. Авторы: И. М. и А. И. Рукавишниковы (слева направо: А. И. Рукавишников, Ю. Г. Галай, В. В. Воронков, Ю. Воскресенский, А. В. Кессель, И. М. Рукавишников, В. Дроздов, В. Ивлиев). Горький. 1985 г. Фотография из личного архива Ю. Г. Галай

«Бог сохраняет всё».

**Наследие нижегородских дворян Шереметевых
в собрании Нижегородского государственного
историко-архитектурного музея-заповедника**

«Бог сохраняет всё» (по-латыни «Deus conservat omnia») — девиз, запечатленный на гербе известного русского дворянского рода Шереметевых. Он весьма символично отразил в себе судьбу одной из крупнейших частных дворянских коллекций произведений искусства Нижегородской губернии, часть которой в настоящее время хранится в собрании Нижегородского государственного историко-архитектурного музея-заповедника. Эта коллекция поступила в музей в 1923 году из нижегородского имения Шереметевых Юрино (бывший Васильский уезд Нижегородской губернии, ныне районный центр Республики Марий Эл) и, сохраненная усилиями музейных сотрудников в огне революций и войн XX столетия, дошла до наших дней¹. В 2018 году в главном здании НГИАМЗ «Усадьба Рукавишниковых» открылась выставка «Наследие Шереметевых», где показана большая часть коллекции Шереметевых, в том числе предметы декоративно-прикладного искусства, имеющие мировую историческую и художественную ценность. О некоторых представителях нижегородской ветви этого старинного российского рода, семейных традициях и ценностях, а также актуализации их наследия в музейном пространстве и пойдет речь ниже.

Шереметевы считались одним из старейших и знатнейших служилых родов как Московской Руси, так и Российской Империи. Их родоначальником, так же как и родоначальником Романовых, был московский боярин XIV века Андрей Иванович по прозвищу Кобыла. В XVI–XVII веках Шереметевы имели боярский чин и заседали в Боярской думе, служили полковыми и городовыми воеводами, некоторые из них прославились как военачальники во время многочисленных войн

¹ *Варэс Л. Н.* Судьба собрания Шереметевых // Музейное строительство на рубеже XIX–XX вв. : материалы науч. конф. 1996 г. — Н. Новгород, 2000. — С. 20–36; *Галай Ю. Г.* Музей в Шереметевском замке и судьба его коллекции // Нижегородский музей. — 2007. — № 13. — С. 58–63.

*Рис. 1. Резное навершие стула
в виде герба дворянского рода Шереметевых из собрания НГИАМЗ.
Италия (?). XIX в. Дуб, бархат; токарная и столярная работы, резьба*

*Рис. 2. Пластина-накладка (с дверцы кареты)
с гербом дворянского рода Шереметевых из собрания НГИАМЗ.
Россия. XIX в. Бронза, штамповка*

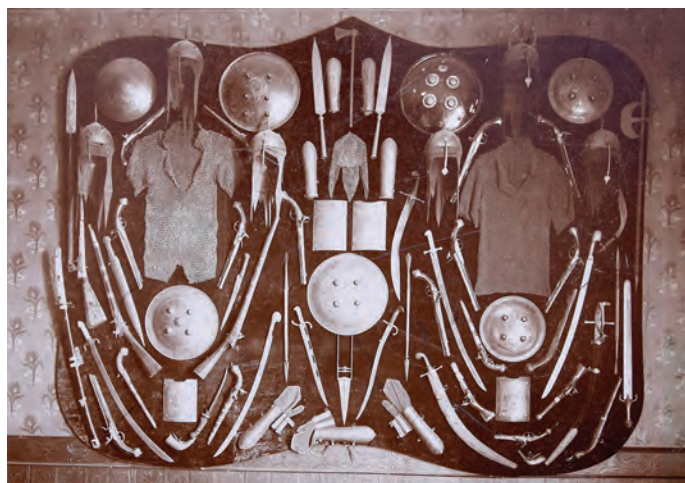
с татарами, шведами, поляками². В конце XVII – начале XVIII века на государственной службе состояли более десяти Шереметевых. Самым известным из них стал сподвижник Петра I – Борис Петрович Шереметев (1652–1719), награжденный чином фельдмаршала и первым в России получивший графский титул (рис. 1, 2). От его младшего брата Василия (1659–1733) пошла нижегородская ветвь дворян Шереметевых. Можно считать, что именно Василий Петрович стоял у истоков семейных традиций, верность которым прослеживается в нескольких поколениях Шереметевых, – военное служение Отечеству и интерес к западноевропейскому искусству, послуживший началом формирования будущих «юринских» коллекций.

Иллюстрацией первого факта являются мемориальные предметы оружия. Вообще, коллекция оружия Шереметевых очень богата и разнообразна, включает защитное, холодное и огнестрельное оружие различных стран Европы, Азии и Африки XVII–XIX веков (рис. 3–6): персидские доспехи, кавказские кинжалы, турецкие сабли, украшенные кавказские и балканские пистолеты и ружья. Самой ранней отечественной вещью является палаш драгунский офицерский, который датируется 1710-ми годами³ (рис. 7–9). На лицевой стороне клинка – гравированное изображение российского герба, на оборотной – надпись: «VIVAT ZAAR PETER ALEXCITS» («Да здравствует Царь Петр Алексеевич!»). В карточке научного описания данного предмета, выделявшегося в фонде оружия музея-заповедника, в оценке музейной значимости еще в 1970-е годы записано: «Очень редкая вещь!» Хотя до недавнего времени предполагаемый владелец предмета определен не был. Поскольку данный палаш поступил в музей из собрания Шереметевых, а палаши данного образца состояли на вооружении драгунских полков в царствование Петра I, он вполне мог принадлежать Василию Петровичу Шереметеву, с 1713 по 1726 год командиру Ингерманландского драгунского полка, участвовавшего в Северной войне 1700–1721 годов⁴.

² Барсуков А. П. Род Шереметевых. – Санкт-Петербург, 1881. – Кн. 1.

³ Нижегородский государственный историко-архитектурный музей-заповедник. Инв. № ГОМ 8293.

⁴ Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск, составленное по Высочайшему повелению. – Санкт-Петербург, 1842. – Ч. 2 (1700–1740). – С. 46. Рис. 189; Бегунова А. И. Сабли остры, кони быстры... Из истории русской кавалерии. – М., 1992. – С. 30.

*Рис. 3. Оружие в замке Шереметевых в Юрино.
Фото 1914–1916 гг. из собрания НГИАМЗ*

*Рис. 4. Опекун имения П. В. Шереметева Г. Р. Килевейн (справа)
в замке Шереметевых в Юрино.*

*Фото 1890-х гг. из Государственного архива
аудиовизуальной документации Нижегородской области*

Рис. 5–6. Фрагменты выставки «Deus conservat omnia – Бог сохраняет все (Наследие Шереметевых)» в главном здании НГИАМЗ «Усадьба Рукавишниковых». 2018 г.

Рис. 7–9. Палаш драгунский офицерский из собрания НГИАМЗ.
Россия. 1710-е гг. *Сталь, латунь, дерево, кожа; ковка, литье, гравировка.*
Принадлежал В. П. Шереметеву (1659–1733)

Среди «нижегородских» Шереметевых наиболее известен был внук Василия Петровича — Василий Сергеевич Шереметев (1752–1831)⁵. Как и большинство молодых дворян, он получил домашнее образование, затем поступил на службу в полк Конной гвардии. В 1772 году корнет Шереметев получил отпуск на два года и сопровождал своих сверстников — троюродного брата графа Николая Петровича Шереметева и князя Александра Борисовича Куракина — в поездке по Европе для завершения образования.

⁵ *Шереметев П. С.* Василий Сергеевич Шереметев (1752–1831). — Санкт-Петербург, 1910; *Варэс Л. Н.* Дух семьи, продолжающий жить... : (Странички из жизни В. С. Шереметева) // III музейные научные чтения «Мир русской усадьбы» : сборник материалов. — Н. Новгород, 2007. — С. 138–152.

Рис. 10–12. Рама для картины (или шпалеры) с портретным изображением короля Франции Людовика XIII (1601–1643) и французским гербом. Собрание НГИАМЗ. Франция. XVII в. Орех, кость, перламутр; фанеровка, инкрустация, гравирование

Отметим мимоходом, что в особенности повлияло на формирование эстетических вкусов Василия Сергеевича пребывание в Париже. Город был средоточием европейского художественного рынка, аукционы щедро предлагали знатокам целые коллекции произведений искусства. Так, среди предметов декоративно-прикладного искусства из дерева в коллекции Шереметевых привлекает внимание рама больших размеров (для картины или гобелена; в книге поступлений музея записана как рама для зеркала) из ореха, инкрустированная костью и перламутром, датированная XVII веком⁶ (рис. 10). На правой и левой сторонах рамы инкрустациями из кости представлен герб королевства Франции в обрамлении Ордена Святого Духа (с цепью), в верхней части — мужской портрет (рис. 11, 12). Наличие геральдических элементов на предмете само по себе предполагает его высокую социальную принадлежность. В мужском портрете, на наш взгляд, просматривается сходство с изображениями короля Людовика XIII (1601–1643) (рис. 13). Есть основания считать этот предмет приобретением именно Василия Сергеевича Шереметева.

На военной службе Василий Сергеевич отличился в Русско-турецкой войне 1787–1791 годов, в частности при осаде крепости Очаков в декабре 1788 года, был произведен в генерал-майоры. В последние годы царствования Императрицы Екатерины II он выполнял обязанности правителя Изяславской губернии, затем Волынского наместничества. С воцарением Павла I был отставлен от службы и переехал в свою «нижегородскую деревню» — так он называл свою усадьбу в с. Богородском Нижегородской губернии (с. Богородское, современный город Богородск Нижегородской области, с деревнями принесла в род Шереметевых супруга Василия Петровича, урожденная княжна Черкасская, в качестве приданого в 1714 году) (рис. 14). Счастливо женившись в 1792 году на «полтавской дворяночке» Татьяне Ивановне Марченко, Василий Сергеевич стал отцом четырех сыновей (Сергея, Василия, Петра и Николая) и двух дочерей (Наталии и Юлии) (рис. 15). Как свидетельствовали современники, «...генерал Шереметев чрезвычайно богат». Во владении В. С. Шереметева и его потомков, не считая земель в разных губерниях, были села, деревни, угодья в Ардатовском, Балахнинском, Горбатовском, Княгининском, Нижегородском, Васильском уездах Нижегородской губернии. В их состав входило и имение в с. Юрино, купленное в 1812 году у жены камергера О. А. Жеребцовой.

⁶Нижегородский государственный историко-архитектурный музей-заповедник. Инв. № ГОМ-4392. ДМ-4.

Рис. 13. Ф. де Шампень. Портрет Людовика XIII. 1655 г.

Василий Сергеевич Шереметев,
из мушкетёр 1-го. Копия по гравюре.

Съ портрета масл. краск., приналд. П. В. Шереметеву,
въ Вршавѣ.

Василий Сергеевичъ и Татьяна Ивановна Шереметевы
съ дѣтьми Сергѣемъ, Василиемъ и Наталіей; на лѣво
сестра Татьяна Ивановна и неизвѣстная.

Съ картины, сдѣланной во время польскаго губернаторства
и принадлежащей Ю. С. Шереметевой.

Рис. 14–15. Иллюстрации из книги графа Павла Сергеевича Шереметева
«Василий Сергеевич Шереметев (1752–1831)»,
изданной в 1910 г.

Рис. 16. О. А. Кипренский.
Портрет Василия Сергеевича Шереметева (1752–1831).
1825 г.

Василий Сергеевич поддерживал тесные связи со своими титулованными родственниками. По просьбе своего троюродного брата графа Николая Петровича Шереметева он стал первым попечителем Странноприимного дома в Москве. Василий Сергеевич добросовестно исполнял обязанности попечителя в трудный период становления этого крупнейшего частного благотворительного учреждения до начала 1824 года, когда сын учредителя, молодой граф Шереметев, достиг совершеннолетия и принял на себя эти обязанности. В 1824 году художник О. А. Кипренский был приглашен для создания парадного портрета молодого графа Дмитрия Николаевича Шереметева. Одновременно художник написал портрет Василия Сергеевича Шереметева, что, возможно, послужило знаком благодарности племянника своему дяде (рис. 16).

Василий Сергеевич считал достойной для своих сыновей только военную службу, воспитывал их в традициях верности воинскому долгу, безупречном служении Царю и Отечеству⁷. Его старший сын, Сергей

⁷ *Шавенков П. В.* Братья Шереметевы — участники Бородинской битвы и их портреты в нижегородских музеях // Отечественная война 1812 года :

Васильевич Шереметев (1792–1861), в рядах Кавалергардского полка участвовал в Отечественной войне 1812 года и Заграничном походе 1813–1814 годов⁸. Он принимал участие в Бородинском сражении в знаменитой контратаке Кавалергардского и Лейб-гвардии Конного на батарею Раевского в конце битвы и был ранен саблей в лицо и правую руку и пулей в ногу. Адьютант главнокомандующего 1-й Западной армии М. Б. Барклая-де-Толи, возглавившего эту контратаку, В. И. фон Левенштерн вспоминал: «...Я видел молодого Шереметева, получившего большую рану саблей по лицу: подобная рана всегда делает честь кавалерийскому офицеру». Из собрания Шереметевых в музей поступил палаш кирасирский офицерский — прекрасный образец работы мастеров Златоустовской оружейной фабрики, выполненный в технике золочения и травления⁹ (рис. 17, 18). На клинке выгравирована дата — 1820 год и сцена кавалерийской схватки. Однако эфес палаша образца 1826 года, имеющий три дужки, а не две, как на более ранних образцах¹⁰. Некоторые специалисты считают автором данного палаша И. Н. Бушуева, основоположника златоустовской школы художественного оружия, и полагают, что это самая ранняя из известных работ прославленного мастера¹¹. Вполне вероятным выглядит предположение, что палаш был заказан именно Сергеем Васильевичем Шереметевым, служившим в Кавалергардском полку, поскольку такое оружие являлось основным строевым оружием русских кирасирских полков — тяжелой кавалерии вплоть до 1881 года. Впоследствии он мог быть переделан под принятый на вооружение образец и передаваться от одного члена семьи к другому, в частности брату Сергея Васильевича — Петру Васильевичу (1799–1837), который служил в Кавалергардском полку с 1818 по 1823 год и с 1828 по 1832 год, и его племяннику Василию Петровичу (в рядах Кавалергардского полка в 1854–1858 годах).

Источники. Памятники. Проблемы : материалы XIII Всерос. науч. конф. (Бородино, 5–7 сентября 2005 г.). — М., 2006. — С. 129–135.

⁸ Сборник биографий кавалергардов. 1801–1826. — СПб., 1906. — С. 219–221.

⁹ Нижегородский государственный историко-архитектурный музей-заповедник. Инв. № ГОМ-7149. ОР-153.

¹⁰ Кулинский А. Н. Русское холодное оружие XVIII–XX вв. : определитель. — СПб., 2001. — Т. 1. — С. 90–92.

¹¹ Нижегородский государственный историко-архитектурный музей-заповедник. Особая кладовая : альбом. — Н. Новгород, 2014. — Кат. № 39. — С. 105.

*Рис. 17–18. Палаш кирасирский офицерский.
Златоустовская оружейная фабрика, Уфимская губерния. 1820-е гг.
Сталь, медный сплав, кожа; ковка, золочение, травление*

В отличие от ряда своих сослуживцев, Сергей Васильевич Шереметев не вступал в тайные общества, поскольку его политические убеждения были прямо противоположны декабристским. Неудивительно, что во время восстания на Сенатской площади С. В. Шереметев активно действовал против восставших, а на следующий день, 15 декабря 1825 года, был пожалован Николаем I во флигель-адъютанты. Уже в чине генерал-майора (с декабря 1827 года) принял участие в войне 1828–1829 годов с Турцией на Дунае. Как brave офицера, Сергея Васильевича характеризует тот факт, что с началом Русско-турецкой войны, видимо по собственному ходатайству, он был прикомандирован к легкой кавалерии, поскольку Кавалергардский полк в военных действиях не участвовал.

В 1835 году Сергей Васильевич вышел в отставку, дабы заняться делами доставшихся ему после смерти отца имений. Своеобразной столицей его владений являлось с. Богородское, где, вместе с окрестными деревнями, числилось почти 5000 душ мужского пола, которые,

Рис. 19. Неизвестный художник.
Портрет С. В. Шереметева в парадном генеральском мундире
образца 1855 г. из собрания НГИАМЗ (Инв. № ГОМ 15137).
1850-е гг. Холст; масло

благодаря занятию кожевенным промыслом, платили своему владельцу значительный оброк (до 1500 руб. с души). В 1837 году был избран нижегородским губернским предводителем дворянства и занимал этот пост 9 лет (рис. 19).

По натуре генерал Шереметев был человеком прямым, резким до бесцеремонности. Современники называли его «замечательной личностью по неумолимой деятельности и по непреклонной силе воли», но, в то же время, «человеком тяжелого и неудобного характера», сохранившим «военную закваску времен Александра I». Процесс подготовки отмены крепостного права вызвал конфликт С. В. Шереметева сначала с крестьянами, а затем с губернатором, участником Отечественной войны и бывшим членом тайных обществ А. Н. Муравьевым — горячим приверженцем реформы. В 1859 году имения Шереметева были взяты под опеку, а сам он был вынужден уехать из России. Последние годы жизни он провел в Женеве.

По-другому сложилась судьба младшего брата Сергея — Василия Васильевича (1794–1817)¹². Как и брат, в рядах Кавалергардского полка участвовал в Отечественной войне 1812 года и Заграничном походе русской армии 1813–1814 годов. Завершение Наполеоновских войн возвратило кавалергардов в Петербург, где Василий стал вести обычный для состоятельного гвардейского офицера образ жизни. Жизнь Шереметева оборвалась в 1817 году в результате дуэли с камер-юнкером графом А. П. Завадовским. К поединку привела ссора из-за известной балерины А. И. Истоминой, бывшей пассией Шереметева, порвавшей с ним, поскольку «обмелел его карман». Большую роль в возникновении дуэли и ее трагическом исходе сыграли знакомые дуэлянтов — А. С. Грибоедов и А. И. Якубович. Согласно свидетельству современников, В. С. Шереметев, не раз в личных письмах высказывавший недовольство образом жизни сына, обратился к Императору Александру I с просьбой не наказывать вынужденного убийцу Василия Васильевича¹³. Непреклонность характера и образа мыслей Шереметева-старшего отчетливо характеризует его реакция на известие об участии среднего сына Николая Васильевича (1804–1849) в тайных обществах. Как известно, Николай являлся членом Северного общества, однако активного участия в его деятельности и в восстании 14 декабря 1825 года на Сенатской площади не принимал. Тем не менее был арестован. Василий Сергеевич так отвечал Великому князю Михаилу Павловичу, члену Следственной комиссии по делу декабристов: «Если мой сын в этом заговоре, я не хочу более его видеть и даже первый Вас прошу его не шадить. Я бы и сам пошел смотреть, как его будут наказывать. С тех пор, что существую, я был верным подданным моему Государю и всему его семейству; никогда ни в какой истории не участвовал против Государя и законов». Возвращаясь к Василию Васильевичу Шереметеву, можно добавить, что в Центральном архиве Нижегородской области (ЦАНО) в семейном фонде Шереметевых сохранился патент В. В. Шереметева на чин гвардии штабс-ротмистра за подписью начальника Главного штаба

¹²Сборник биографий кавалергардов... — С. 241–243; *Шавенков П. В.* Атрибуция портрета: (Портрет В. В. Шереметева в собрании Нижегородского государственного художественного музея) // Нижегородский музей. — 2007. — № 13. — С. 64–66.

¹³*Шереметев П. С.* Василий Сергеевич Шереметев (1752–1831)... — С. 215–217.

Рис. 20. Патент В. В. Шереметева на чин гвардии штабс-ротмистра. 11 апреля 1818 г. (из Центрального архива Нижегородской области)

князя П. М. Волконского¹⁴ (рис. 20). Интересно, что дан он был 11 апреля 1818 года, через 5 месяцев после гибели Василия Шереметева. По-видимому, документ был оформлен и передан его родителям в качестве своеобразного знака памяти о погибшем.

Хотелось бы отметить, что вояка старой закалки, «времен очаковских и покоренья Крыма», Василий Сергеевич Шереметев, считавший, что честь дворянина — в военной службе, дал своим сыновьям весьма разностороннее образование. В НГХМ, в том числе, хранятся ученические рисунки Сергея и Николая Васильевичей, выполненные карандашом и сангиной в академическом стиле (рис. 21–25). Некоторые исследователи полагают, что они занимались в знаменитой художественной школе академика А. В. Ступина в Арзамасе¹⁵.

¹⁴ЦАНО. Ф. 933. Оп. 1963. Д. 278. Л. 1.

¹⁵Филатов Н. Ф. Арзамасская школа живописи академика А. В. Ступина. — Арзамас, 2002.

*Рис. 21–23. Рисунки братьев С. и Н. В. Шереметевых из собрания Нижегородского государственного художественного музея. 1800–1810-е гг. (Инв. № Гл-1422, 1455, Нв-165, 233).
Бумага; карандаш*

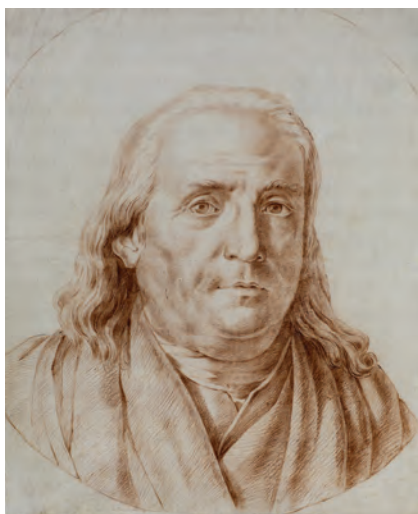

Рис. 24. Рисунки братьев С. и Н. В. Шереметевых из собрания Нижегородского государственного художественного музея. 1800–1810-е гг. (Инв. № Гл-1422, 1455, Нв-165, 233).

Бумага; карандаш

Рис. 25. С. В. Шереметев. Автопортрет. 1861 г.

Холст; масло

О военной славе Шереметевых ярко свидетельствуют еще два предмета из Юринской коллекции, связанные с именем знаменитого русского военачальника, генерала от инфантерии Михаила Дмитриевича Скобелева (1843–1882), героя среднеазиатских походов русской армии, покорения Хивинского и Кокандского ханств, Русско-турецкой войны 1877–1878 годов¹⁶. Михаил Дмитриевич породнился с Шереметевыми через свою родную сестру Ольгу, вышедшую замуж за строителя Юринского замка Василия Петровича Шереметева. Во время своих отпусков М. Д. Скобелев несколько раз приезжал к своей сестре Ольге Дмитриевне Шереметевой в Юрино. Убедительным подтверждением «отпускных» визитов генерала в Юринскую усадьбу является бывшее убранство его личного кабинета в Главном доме — «Скобелевский зал» (рис. 26, 27). В зале хранилась великолепная, многообразная по историческим эпохам коллекция холодного и огнестрельного оружия, украшало его и личное оружие Скобелевых. После смерти генерала в 1882 году зал по сути стал мемориальной комнатой.

Первый предмет — сабля с ножнами в оригинальном футляре — подарок сослуживцев Скобелева по походу против Кокандского ханства в 1875–1876 годах¹⁷ (рис. 28). При покорении Кокандского ханства в составе Туркестанского военного округа в 1875 году был создан Наманганский отряд, командиром которого являлся Михаил Дмитриевич. Клинок, украшенный золотой насечкой и рубинами, очевидно, трофей из ханских арсеналов более раннего происхождения, чем его оправа (XVII в.?). Эфес, декорированный выемчатой эмалью, ножны и футляр, в котором сабля была поднесена Скобелеву, изготовлены известной петербургской оружейной фирмой «Шаф Сыновья» в 1876 году. На клинке с одной стороны дарственная надпись: «Офицеры Наманганского отряда своему доблестному командиру, 1875–1876 гг.» (рис. 29). Другая сторона украшена надписью на греческом языке: «Господь, накажи тех, кто несправедлив ко мне, накажи» (рис. 30).

Еще один предмет — шашка офицерская образца 1881 года в ножнах — наградное оружие «За храбрость» со знаком ордена Св. Анны

¹⁶Немирович-Данченко В. И. Скобелев. — М., 1993; Шолохов А. Б. Генерал от инфантерии М. Д. Скобелев: «Силы не может быть вне народа» // Военно-исторический журнал. — 2018. — № 9. — С. 74–78.

¹⁷Нижегородский государственный историко-архитектурный музей-заповедник. Инв. № ГОМ-88; Нижегородский государственный историко-архитектурный музей-заповедник. Особая кладовая. — Кат. № 40. — С. 106–109.

*Рис. 26–27. Интерьеры одной из комнат
замка Шереметевых в Юрино.
Фото нач. XX в. из собрания НГИАМЗ*

Рис. 28–30. Сабля с ножнами в футляре из собрания НГИАМЗ.
 Клинок: Средняя Азия (?). кон. XVII – нач. XVIII в.
 Сталь, золотая насечка. Эфес, ножны и футляр:
 Санкт-Петербург, фирма «Шаф Сыновья». 1876 г.
 Золото, дерево, кожа; эмаль выемчатая.
 Принадлежала М. Д. Скобелеву

4-й степени¹⁸ (рис. 31). Также наиболее вероятно ее принадлежность генералу М. Д. Скобелеву. В период после 1881 года никто из нижегородских Шереметевых на военной службе не состоял и золотым оружием «За храбрость» не награждался. Михаил Дмитриевич Скобелев был награжден орденом Св. Анны 4-й степени в 1864 году за участие в подавлении польского восстания 1863–1864 годов (знак ордена находится на эфесе данной шашки), а в 1875 году за отличие в боях с Кокандским ханством — золотым оружием «За храбрость».

Если в XVIII – первой половине XIX века русское дворянство выбирало военную службу, получая за нее заслуженные награды и гарантированную прибыль от своих имений, то во второй половине XIX века, после отмены крепостного права, отношение дворянства к службе изменилось. В это время в авангарде экономической и общественно-политической жизни выступили купцы и предприниматели, носители новых ценностей. Некоторые представители отечественного дворянства в какой-то степени стали замыкаться в мире своей сословной культуры. Так, коллекционирование предметов старины и искусства поистине стало делом жизни Василия Петровича Шереметева (1836–1893)¹⁹. Его отец Петр Васильевич умер незадолго после его рождения. Мать Елизавета Соломоновна, урожденная Мартынова, после смерти мужа уехала с детьми в Италию, жила во Флоренции и Риме. Он получил домашнее образование в Италии (отсюда, вероятно, проистекает любовь к итальянской культуре и искусству, отразившаяся в составе дошедших до нас предметов из коллекции Шереметевых), в 1854 году вернулся в Россию и поступил на военную службу в Кавалергардский полк юнкером (рис. 32). В 1858 году Василий Петрович был уволен в отставку в чине поручика. После смерти своего дяди Сергея Васильевича в 1866 году, являясь его единственным законным наследником (законное потомство было только у одного из четырех братьев Шереметевых, сыновей Василия Сергеевича — Петра Васильевича), Василий Петрович объединил в своих руках все владения ниже-

¹⁸Нижегородский государственный историко-архитектурный музей-заповедник. Инв. № ГОМ-7130. ОР-160; Нижегородский государственный историко-архитектурный музей-заповедник. Особая кладовая. — Кат. № 41. — С. 110–111.

¹⁹*Муравьев А., Матвеев В.* Род Шереметевых: графская и дворянская линии // Отчина : историко-краеведческий журнал. URL: <http://otchina12.narod.ru/statya5.html>.

Рис. 31. Шашка офицерская образца 1881 г. в ножнах – наградное оружие «За храбрость» со знаком ордена Св. Анны 4-й степени и темляком из Георгиевской ленты. Собрание НГИАМЗ. *Сталь, медный сплав, дерево, кожа, шелк; ковка, золочение.* Принадлежала М. Д. Скобелеву

городской ветви Шереметевых. В 1859 году в имении Юрино Васильского уезда Нижегородской губернии (на тот момент находившемся еще во владении его дяди) Шереметев начал обустройство усадьбы и парка²⁰. Работы по строительству усадебного комплекса растянулись до 1915 года и завершились при его сыне Петре Васильевиче. Главный дом усадьбы Василий Петрович решил возвести в виде средневекового замка. Масштабный проект, который соединил в себе черты эклектики с влиянием готического, восточного, романского и древнерусского стилей, грандиозный и диковинный в художественном отношении, был выполнен известным архитектором Альфредом Парландом. Работы продолжались в 1874–1879 годах, в них также приняли участие архитекторы Р. Мюллер, А. Штерн, А. Корш. Для устройства мозаичных полов был приглашен итальянец Е. Кристополи (рис. 33–37).

²⁰Иудин А. И., Иудина С. А. Замок Шереметевых. — Н. Новгород, 2007.

Рис. 32. Неизвестный художник.
Портрет В. П. Шереметева из собрания Нижегородского
государственного художественного музея.
(Инв. № Га-318). 1850-е гг. *Акварель*

Рис. 33. Виды замка Шереметевых в Юрино.
2010-е гг. *Фотограф С. Н. Дремин*

*Рис. 34–35. Виды замка Шереметевых в Юрино.
2010-е гг. Фотограф С. Н. Дремин*

*Рис. 36–37. Виды замка Шереметевых в Юрино.
2010-е гг. Фотограф С. Н. Дремин*

Построенный из красного и черного кирпича замок был украшен белокаменными деталями. В здании насчитывалось более чем сто комнат, соединенных между собой множеством переходов и галерей. Это «Картинная галерея», «Восточный кабинет», «Дубовая комната», уже упомянутый «Скобелевский зал». Дом походил скорее не на комфортабельное жилье, а на музей — в нем размещалась богатейшая коллекция произведений искусства, собранных Шереметевыми со всего света. Справедливо нижегородский писатель К. А. Кислов, уроженец Юрина и исследователь рода Шереметевых, называл замок «Вторым Эрмитажем России» на Волге (рис. 38–40).

Несмотря на то, что Василий Петрович пытался рационально организовать хозяйство в Юрино, все же более его влекло к прекрасному. Практически всё свое состояние он потратил на обустройство усадебного комплекса и приобретение предметов искусства. Меньше всего, в отличие от его дяди Сергея Васильевича, Василия Петровича Шереметева интересовали вопросы прибыли и производства. Вот как их сравнивал граф Павел Сергеевич Шереметев, автор очерка «Поездка в Юрино» 18–25 апреля 1906 года: «Какая разница между Сергеем Васильевичем и Василием Петровичем? Всё, что Сергей Васильевич ни предпринимал для имения, было разумно... Василий же Петрович, вдруг, вздумал выстроить у себя в парке огромную мельницу кирпичную пятиэтажную. Она и сейчас стоит без всякого дела. Юринский дом стоил ему миллион, а когда он умер в Юрине, не было и ста рублей, чтобы его похоронить, и пришлось занять у исправника. Дела были в большом запущении»²¹. Современники отмечали, что одной из характерных черт личности этого русского аристократа было его неумное стремление к новому, необычному и пренебрежение к старине; из-за его странных поступков окружающие считали его не вполне нормальным человеком.

Верной спутницей Василия Петровича и помощницей во всех начинаниях стала его супруга Ольга Дмитриевна, урожденная Скобелева (1847–1898) (рис. 41, 42). Эта талантливая, умная и деловая женщина всю свою энергию и любовь отдавала семье, занималась воспитанием детей, принимала самое активное участие в обустройстве Юринского усадебного комплекса. Вместе с мужем наполнила грандиозный замок тысячами предметов старины и искусства, заложила необыкновенный

²¹Шереметев П. С. Поездка 18–25 апреля 1906 г. в Юрино : очерк. — Йошкар-Ола, 2012. — С. 24.

*Рис. 38–40. Интерьеры замка Шереметевых в Юрино.
Фото начала XX в. из собрания НГИАМЗ и Государственного архива
аудиовизуальной документации Нижегородской области*

Рис. 41. Фрагмент выставки «Deus conservat Omnia – Бог сохраняет все (Наследие Шереметевых)» в главном здании НГИАМЗ «Усадьба Рукавишниковых» в 2018 г. Справа – скульптурный портрет Ольги Дмитриевны Шереметевой из собрания НГИАМЗ. 1860–1870-е гг. Мрамор; резьба

Рис. 42. О. Д. Шереметева. Фотограф А. Пасетти. Санкт-Петербург. 1896 г. Собрание НГИАМЗ

для русских усадеб зимний сад, для которого были привезены 7000 редкостных тропических растений и многометровых пальм, собрала уникальную библиотеку из 16 000 томов. При участии Ольги Дмитриевны в Юринский замок из разных имений Шереметевых в разных губерниях были доставлены семейные коллекции и архивы.

В браке Василия Петровича и Ольги Дмитриевны родилось семеро детей, к сожалению, трое из них умерло в младенчестве. Последним владельцем Юринского замка и мужским представителем семьи стал их сын Петр Васильевич (1882–1916). Он получил высшее юридическое образование в Москве, но на государственной службе не состоял (рис. 43). Всё свое время он посвящал управлению принадлежащими ему обширными имениями (около 40 тыс. десятин земли в разных уездах Нижегородской, Тамбовской, Воронежской губерний, дома в Москве, Астрахани), приносящими до 100 тыс. руб. годового дохода. Петр Васильевич умер накануне революции 1917 года еще не старым человеком, не оставив потомства.

В 1916 году в Юрине состоялось общее собрание поверенных представителей наследников Петра Васильевича Шереметева, его сестер Ольги (1874–1967), Елизаветы (1885–1955) и Марины (1890–1926). Оно постановило продать шереметевские имения, но в отношении Юринской усадьбы решение было отложено на год. Революция 1917 года нарушила планы наследников. В Юринский замок из Нижнего Новгорода был переведен Нижегородский графа Аракчеева кадетский корпус, переименованный в школу-коммуну. В 1918 году усадьба в Юрино и все находящиеся в ней ценности одними из первых были поставлены на учет Нижегородским губземотделом²². После выхода декрета Совета народных комиссаров «О регистрации, приеме на учет и охране памятников искусства и старины» от 5 октября 1918 года Юринский замок был объявлен государственным музеем. Только за 6 месяцев 1921 года его посетило более 4 тысяч человек. 19 апреля 1921 года Всероссийская коллегия по делам музеев и охране памятников искусства и старины выдала Юринскому музею охранную грамоту. В то же время был поставлен вопрос о перемещении шереметевских коллекций в губернский центр. Этот процесс был ускорен тем, что летом 1922 года было принято решение о переводе школы-коммуны из Юрина в Нижний Новгород.

²² *Галай Ю. Г.* Хранить истории следы. Охрана памятников истории и культуры на Нижегородской земле. 1917–1941. — Горький, 1989. — С. 47–48.

Рис. 43. П. В. Шереметев.
Фотограф Д. С. Асикритов.
Москва. 1896 г.
Собрание НГИАМЗ

24 января 1923 года Нижегородский губернский отдел народного образования обратился в отдел по делам музеев Наркомата просвещения с ходатайством о разрешении эвакуации юринских коллекций в Нижний Новгород. В письме губоно указывалось, что Юринский музей с богатыми и разнообразными коллекциями отдален от губернской столицы, управлять и содержать его затруднительно, сохранность предметов внушает опасение, а ценности шереметевского замка многократно увеличат собрания нижегородских музеев. Разрешение на перемещение юринских коллекций было получено, для этой цели была сформирована специальная комиссия из числа сотрудников отдела по делам музеев при Нижегородском губоно и членов нижегородского музейного сообщества. Поскольку ассигновать деньги из столицы для покрытия расходов по упаковке, перевозке и разбору коллекций Юринского музея возможности не было, было принято решение продать с аукциона предметы из фондов нижегородских музеев — Исторического и Художественного, «не имеющие музейного и художественно-исторического значения», а также предметы, относящиеся к хозяйственному имуществу Юринской усадьбы.

За период навигации 1923 года Нижгубтрансом было перевезено 571 транспортное место общим весом 3040 пудов (50 тонн). Предметы размещались в здании городского музея — бывшей усадьбе Рукавишниковых на Верхне-Волжской набережной.

В то же время не все ценности из Юрина попали в нижегородские музеи: часть мебели, драпировки, одежда были переданы нижегородскому театру, архив рода Шереметевых — губернскому архиву (ныне Центральный архив Нижегородской области), а библиотека замка пополнила в начале 1930-х годов фонды городской библиотеки (сейчас Нижегородская государственная областная универсальная научная библиотека имени В. И. Ленина). Часть вещей была безвозвратно утрачена²³.

Что же касается предметов, поступивших в музей, то начиная с 1924 года они стали активно включаться в постоянную экспозицию и различные выставки (рис. 44–46).

В 1934 году произошло окончательное разделение Горьковского краевого музея на два самостоятельных музея. Поделено было и юринское собрание: большая часть картин, скульптуры, графики, часть мебели оказалась в собрании Художественного музея (ныне — Нижегородский государственный художественный музей), а остальные предметы — в собрании Краеведческого музея (ныне — НГИИМЗ).

Посетителям действующей в настоящее время выставки представляется поистине уникальная возможность увидеть западноевропейскую и российскую мебель от Ренессанса до начала XX века. Особый интерес вызывают изготовленные итальянскими мастерами XVI–XVII веков массивный дубовый шкаф, украшенный резными изображениями библейских персонажей (рис. 47), изысканный, инкрустированный костью гарнитур (рис. 48–51), а также неоготические кресла и стулья, украшенные родовым гербом Шереметевых (рис. 52). Среди керамических изделий выделяются итальянская и голландская майолика ведущих центров этого производства XVI–XVII веков (Кастель Дуранте, Урбино, Генуя, Делфт) (рис. 53–55), великолепные китайские, японские фарфоровые вазы и эмали XVIII–XIX веков, расписанные жанровыми сценами (рис. 56). Настоящим произведением искусства являются украшавшие шереметевский замок драгоценные ткани — французские парча, шелк и бархат, русские вышивки XVIII века в стиле рококо, занавеси и портьеры, турецкие коврики (рис. 57–58).

²³ Варс Л. Н. Судьба собрания Шереметевых... — С. 28–34.

Рис. 44–46. Фрагменты экспозиций историко-бытового отдела Нижегородского государственного музея в бывшем особняке С. М. Рукавишникова на Верхне-Волжской набережной. Фото 1920-х гг. Собрание НГИАМЗ

*Рис. 47–49, 52–58. Фрагменты выставки
«Deus conservat omnia – Бог сохраняет все (Наследие Шереметевых)»
в главном здании НГИАМЗ «Усадьба Рукавишниковых». 2018 г.*

*Все предметы с 1923 г. по настоящее время
хранятся в собрании НГИАМЗ:*

*Рис. 47. Шкаф. Италия (?).
Собран в XIX в., с включением фрагментов XVII в.
Дуб; резьба, фанеровка, морение, воцение*

Рис. 48–49. Комплект мебели, инкрустированный слоновой костью: скамья-кассоне, стол, стулья, кабинет. Италия. XVI–XVII вв. Орех, кость; столярная работа, инкрустация

*Рис. 50–51. Интерьеры дома Шереметевых в Риме.
Фото 1880–1890-х гг.*

*Рис. 52. Стулья в готическом стиле с гербом рода Шереметевых.
Италия (?). XIX в.
Дуб, кожа; токарная и столярная работы, резьба*

Рис. 53. Блюдо «Осада города».
Г. Кастелли. Италия. XVII в. *Майолика; роспись*

Рис. 54. Тарелка декоративная «Сотворение Евы».
Г. Урбино (?). Италия. XVI в.
Майолика; полихромная роспись

Рис. 55–56

Рис. 57. Вазы декоративные с изображением мира живой природы, галантной сценой и пейзажем. Севрская фарфоровая мануфактура. Франция. Кон. XVIII – XIX в. Фарфор, бронза; надглазурная роспись, цировка, рельеф, золочение

Рис. 58. Панно декоративное с изображением католического епископского герба. Западная Европа. Первая пол. XVIII в.

Таким образом, представители одного из знаменитейших российских родов Шереметевых более двух столетий жили на нижегородской земле, принимая участие в важнейших военных и общественно-политических событиях российской истории, обустроивая свои владения. В их «семейном музее» были собраны удивительные предметы, некогда украшавшие родовую усадьбу — известный на всю Россию Юринский замок. Древнегреческий философ Платон в своих «Диалогах», размышляя о природе времени, писал: «Время уносит всё; длинный ряд годов умеет менять и имя, и наружность, и характер, и судьбу». Не так с коллекцией Шереметевых. Ее предметы, которые экспонируются музеем на протяжении нескольких десятилетий, даже подаваемые, в зависимости от времени, в свете той или иной идеологической парадигмы, актуализируют такие общечеловеческие ценности, как верность традициям воинского долга и чести, патриотизм, любовь к прекрасному, сохранение и популяризация ценностей мировой художественной культуры.

Культурно-историческое наследие династии фон Мекк

В рамках просветительского проекта «Живое наследие памяти» — открытие сезона 2019–2020 годов — мне выпала честь выступить первым. Не могу не отметить прекрасную организацию мероприятия куратора Д. Я. Романовой.

Мотивом выступления стало представление малоизученных фактов по широкой общественной, меценатской и благотворительной деятельности детей известной меценатки и покровителя П. И. Чайковского — Надежды Филаретовны фон Мекк, чьи многолетние отношения были скрыты от современников, зато теперь известны всему миру, и их переписка переведена на несколько языков. Нет ни одной книги про Петра Ильича, в которой отсутствовали бы цитаты из их переписки, являющейся самой объемной во всем эпистолярном наследии российской истории.

Муж Надежды Филаретовны, Карл Федорович, первостроитель частных железных дорог в России, прозванный «железнодорожным королем», был большой любитель музыки, и, опираясь на архивные документы, можно утверждать¹, что стал членом Московского отделения Императорского русского музыкального общества ранее супруги. В их 50-комнатном доме на Мясницкой (известен как дом трех композиторов, в котором побывали Лист, Чайковский и Дебюсси) часто проходили музыкальные вечера, играло много как молодых музыкантов, так и состоявшихся и известных, что отмечается в нескольких мемуарах, например К. С. Станиславского: «Из дневника 1881 года. 17 января. Суббота. ...Вечером папаша с сестрами поехал в дом Мекка слушать концерт, где играл Володя»².

¹Ежегодные отчеты Московского отделения Императорского русского музыкального общества.

²*Станиславский Константин Сергеевич*. Статьи. Речи. Заметки. Дневники. Воспоминания (1877–1917). Володя — брат Константина Сергеевича.

Рис. 1. Трио мадам фон Мекк: П. А. Данильченко, В. А. Пахульский и К. Дебюсси. Италия, 1880 г., из домашнего архива

Помимо музыкальных обществ, Карл Федорович был в числе «главнейших жертвователей»³ Попечительства о бедных Ведомства Императрицы Марии и многих других благотворительных организаций⁴. Надежда Филаретовна помогала не только Чайковскому, но и Н. Рубинштейну, К. Дебюсси, Г. и В. Пахульским, И. Котеку, Г. Венявскому, П. Данильченко, студентам Московской консерватории и многим другим.

Обратим внимание на менее известные факты. Сын Надежды Филаретовны и Карла Федоровича, основной продолжатель династии строителей железных дорог — Николай Карлович фон Мекк, был рас-

³Первое двадцатипятилетие состоящего под непосредственным их императорских величеств покровительством в ведомстве учреждений императрицы Марии попечительства о бедных в Москве (1844–1869). — М. : печ. Яковлева, 1869. — С. 56–57.

⁴См. список на www.von-meck.info/societies.

стрелян в 1929 году и причислен к «врагам народа», история семьи была вычеркнута из научного оборота, в том числе в доме-музее Чайковского в Клину было устное распоряжение на вопрос: «Остались ли потомки Надежды Филаретовны?» — отвечать «нет», а с афиш Малого театра, где ее внук Владимир Владимирович фон Мекк после революции был художником-оформителем, фамилию убрали, да и в некоторых библиотеках встречались книги авторства Николая Карловича с закрашенной чернилами фамилией автора. Слава Богу, нам сейчас это трудно понять.

Нельзя не отметить заслуги другого их сына Александра Карловича фон Мекка, который создал и / или был активным членом 39 обществ, причем 8 из них он возглавлял. Его широчайший круг интересов читается в далеко не полном списке их названий и его должностей: председатель Московского попечительского о бедных комитета Императорского человеколюбивого общества (1910), сотрудник попечителя женской гимназии при Доме воспитания сирот убитых воинов, член Императорского русского общества акклиматизации животных и растений, член Пречистенского попечительства о бедных, жертвовател на Православную церковь в Буэнос-Айресе при Императорской российской миссии в Южной Америке, член Общества поощрения трудолюбия, неперменный член Московского столичного и Губернского статистического комитета, попечитель Дома воспитания сирот убитых воинов, член Общества распространения полезных книг, секретарь благотворительного общества «Московский муравейник», почетный член Совета Императорского человеколюбивого общества, помощник (заместитель) председательницы Братолюбивого общества снабжения неимущих квартирами княгини Н. Б. Трубецкой, председатель попечительства над бедными детьми, к празднику св. Пасхи 1907 года, жертвовател ежегодной именной стипендии Усачевско-Чернявского женского училища, жертвовател в пользу Александро-Мариинского приюта для беззащитных детей, председатель Комитета Общества для доставления средств высшим женским курсам в Москве, почетный член Московского отделения Российского общества туристов, попечитель Московского общества бесплатных народных библиотек, соучредитель и председатель Московского общества любителей книжных знаков, член ревизионной комиссии Московского отделения Императорского русского музыкального общества, член ревизионной комиссии Высочайше утвержденного комитета для содействия устройству студенческих общежитий при Императорском Московском университете и Попечительного совета студенческих общежитий име-

ни Николая II, уполномоченный Московского городского кредитного общества (1901–1904), член-делопроизводитель, а позже председатель Императорского общества содействия русскому торговому мореходству, соучредитель Общества вспомоществования недостаточным слушателям Московского археологического университета, крупный жертвователь библиотеки Императорского Санкт-Петербургского университета, председатель Московского общества содействия физическому развитию, пожизненный член Императорского вольного экономического общества с 1892 года, член Русского библиологического общества, создатель и председатель Русского горного общества, член ревизионной комиссии Московского клуба автомобилистов и т. д.⁵ На его могилу (утрачена) в Новодевичий монастырь пришло попрощаться огромное количество людей, в том числе никому не известных: он очень много благотворил и частным образом помогал, в том числе, малознакомым людям.

Софья Карловна фон Мекк (в замужестве Римская-Корсакова, потом княгиня Голицына) владела и руководила бывшей известнейшей частной женской гимназией-пансионом Мага и Бесс, создала и руководила Высшими женскими сельскохозяйственными курсами на таком уровне, что их диплом об окончании трехлетней программы был приравнен к университетскому диплому окончивших пять курсов.

Николай Карлович, яркий представитель крупнейшего бизнеса, с 1891 до национализации в 1918 году руководил частной железной дорогой, которая в его руках стала самой эффективной и развивающейся, был членом Совета крупнейшего в стране Русско-Азиатского банка, членом правления страховых компаний, металлургических заводов, кризисным управляющим чужих вагоностроительных производств. Вел масштабную благотворительную деятельность, а также меценатскую, общественную, просветительскую, образовательную. Из списка его «общественной работы» можно привести: член финансовой комиссии Московского губернского земского собрания (1913–1915), **член Губернского экономического совета**, гласный Московского земского собрания от Подольского уезда, член Совета Российского общества морского, речного и сухопутного транспортирования и страхования кладей и товарных складов с выдачей ссуд, почетный мировой судья Киевского судебно-мирового округа, член Общества охотников конского бега, казначей Совета Московского художественного общества,

⁵ Из ежегодных отчетов вышеперечисленных обществ.

*Рис. 2. Фон Мекки:
Николай Карлович,
его племянник
Владимир Владимирович,
Александр Карлович
и Максимилиан Карлович,
около 1902–1904 годов.
Из семейного архива*

*Рис. 3. Софья Карловна
фон Мекк
(в замужестве
Римская-Корсакова,
кн. Голицына),
примерно 1900-е годы.
Из семейного архива*

действительный член Общества в память дня Св. Татианы для вспомоществования нуждающимся учащимся в низших учебных заведениях г. Симбирска, вице-президент (1903–1906) Киевского общества охотников конского бега, сотрудник попечителя Троицкой больницы для неизлечимо больных женщин Общества поощрения трудолюбия в Москве, казначей склада кустарных изделий, состоявшего под Августейшим покровительством Ее Императорского Высочества Великой Княгини Елизаветы Федоровны, член наблюдательного совета Управления московского Синодального училища церковного пения и Синодального хора (при Московской синодальной конторе в Кремле, постоянный член московского отделения Императорского русского технического общества, казначей Совета Московского художественного общества, почетный попечитель, почетный член Фоминской вольной пожарной дружины, член Русско-Американской торговой палаты, действительный член Санкт-Петербургского общества поощрения рысистого коннозаводства, действительный член Московского общества поощрения рысистого коннозаводства, директор уездного отделения попечительного о тюрьмах Общества (Подольский уезд Московской губернии), почетный член, вице-президент (1910–1913, 1916–1919) Юго-западного общества поощрения рысистого коннозаводства (основано в 1903 году), член Императорского человеколюбивого общества — крупнейшей благотворительной организации Российской Империи, член Историко-родословного общества в Москве, член Высочайше утвержденного комитета для содействия устройству студенческих общежитий при Императорском Московском университете и Попечительного совета студенческих общежитий имени Николая II, действительный член Московского отделения Императорского русского музыкального общества, глава отдела отправки благотворительных грузов Российского общества Красного Креста на Дальний Восток при Комитете ЕИВВК Елизаветы Федоровны по сбору средств в помощь армии, член Комитета ЕИВВК Елизаветы Федоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну (в доме генерал-губернатора), член Попечительного комитета Сергиево-Елизаветинского трудового убежища для увечных воинов Русско-японской войны, действительный член Общества распространения полезных книг, член правления Общества попечения о бедных и бесприютных детях Москвы и ее окрестностей (а в 1885–1887 избран казначеем), попечитель Копыловской церковно-приходской школы Киевского уезда, член Комитета Императорского русского

автомобильного общества, председатель, и. д. секретаря, член технической и экзаменационной комиссий, член правления, почетный член Московского клуба автомобилистов, член организационного комитета 2-го Всероссийского воздухоплавательного съезда 1912 года, товарищ председателя Московского общества воздухоплавания (П. А. фон Плеве, 1910), член Московского организационного комитета по сбору пожертвований на воздушный флот, жертвователю средств на строительство одного аэроплана (1913) и многих других⁶. Построил несколько школ, училищ, библиотек.

Во время Великой войны был особоуполномоченным Министерства земледелия по снабжению фронта провиантом, комиссаром по холодным складам и бойням, построил целую систему складов-холодильников, тысячи вагонов-рефрижераторов⁷.

Супругой Николая Карловича была любимая племянница Петра Ильича Чайковского — Анна Львовна Давыдова (ее мать Александра Ильинична Чайковская-Давыдова), семьи породнились. Музыка была важной частью жизни его семьи, дважды в месяц собирались Фонмекковские среды, на которых выступали известнейшие современники, например С. И. Танеев⁸. Николай Карлович работал над созданием своего театрального общества; возможно, для открытия нового театра за месяц до Февральской революции он приобрел сад «Эрмитаж» в центре Москвы.

Его крупнейший в истории России частный образовательный проект — строительство агрономического поезда с специально сконструированными и прекрасно оборудованными вагонами-музеями, вагонами-лекториями, преподаванием дисциплин скотоводства и молочного хозяйства, обучением птицеводству, пчеловодству, садоводству и огородничеству и практикой работы с машинами и оборудованием, — обучивший более 50 000 человек в семи губерниях: Московской, Рязанской, Владимирской, Нижегородской, Пензенской, Тамбовской и Казанской. И не только сельхознаукам, но и основам организации хозяйства и кооперации, взаимодействию с властями. Распространено несколько тысяч книг и учебников. В годовом отчете Министерства земледелия за 1914 год так оценили его деятельность: «В заключение

⁶ URL: <http://www.von-meck.info/societies>.

⁷ Материалы, доклады и журналы России. Особое совещание от 3 февраля для обсуждения и объединения мер по продовольственному делу. — М., 1916.

⁸ *Галина фон Мекк*. Как я их помню. — М. : Икар, 2019.

Рис. 60. Поѐздъ на одной изъ станцій.

Рис. 4. Очередь на лекции в агрономический поезд, спроектированный и построенный Николаем Карловичем фон Мекком. *Журнал «Искры», 1915*

нельзя не прийти к выводу, что в отношении количества слушателей, на которых поезд может воздействовать, вряд ли он имеет конкурентов, и необходимо признать, что в настоящий момент агрономический поезд является одним из могущественнейших средств в деле распространения сельскохозяйственных знаний».

В строительстве Николай Карлович поражал масштабностью мышления. Вот несколько его реализованных или нереализованных из-за войны и революции проектов. Самый крупный в России вокзал — Казанский, который в годы строительства был и одним из самых больших зданий Москвы, интересен не только с инженерной точки зрения, но и архитектурной (приглашен академик Щусев), с аллегорической — как точка стыка Востока и Запада, Европы и Азии, что было отражено в художественной — приглашены художники: Билибин, Серебрякова, Е. Лансере, Кустодиев, Рерих, Щербатов, А. Бенуа, Кузнецов, Добужинский, Коненков, Головин... Размеры полотен и панно планировались до 80 метров.

Рис. 5. План города-сада Московско-Казанской железной дороги (ныне город Жуковский, Московской области), 1912 г.
Из семейного архива

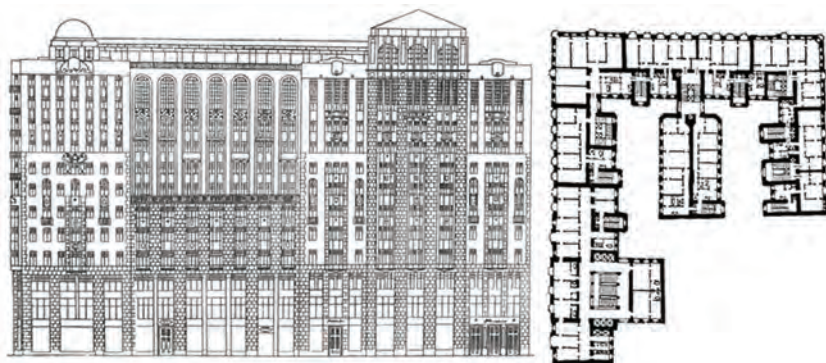

Рис. 6. Проект многофункционального «тучереза» фон Мекк на Тверской улице, 1912 года.
Архитектор Машков. Из семейного архива

Одновременно началось строительство частного города-сада для семей сотрудников возглавляемой им Московско-Казанской железной дороги, полная инфраструктура: транспорт, электричество, водоснабжение, школы, больницы, театр, санаторий и т. д. С более чем тысячей жилых зданий на 10 000 человек. Очень серьезная работа по социальной заботе о более чем 30 000-м коллективе предприятия.

В те же годы Николай Карлович создает группу инженеров по проектированию московского метро, причем не только пассажирского, но и грузового⁹. Тогда же, в 1910-е годы, проектируется самое высокое здание Москвы — многофункциональный небоскреб, а тогда называемое «тучерез», высота которого достигала невиданные 13 этажей, под него был выкуплен огромный квартал между Скобелевской площадью, Тверской улицей, Глинищевским переулком и Большой Дмитровской улицей. Трехлетнее согласование этого невиданного строения с властями города привело к появлению с помощью Николая Карловича новых типов пожарных машин в городском гарнизоне для спасения людей на сверхвысотах, первых в городе ассенизаторских автомобилей, новаторских инженерных решений, но началась война...

Внук Надежды Филаретовны, Владимир Владимирович фон Мекк, также имел неординарную судьбу. Воспитывался в семье Николая Карловича после смерти отца, окончив Катковское училище, строительство которого частично финансировал его дед Карл Федорович, получил юридическое образование, как и многие в семьях фон Мекк и Чайковских. Будучи наследником двух богатейших семей Москвы, он, получив средства, в течение нескольких лет полностью потратил их на художников, их выставки, работы, каталоги, помощь их семьям. Во время Русско-Японской войны на свои деньги оборудовал санитарный поезд для вывоза пленных и раненых солдат и офицеров, был особоуполномоченным Московского Красного Креста под покровительством Ее Императорского Высочества Великой Княгини Елизаветы Федоровны, чьим личным секретарем он был с 1904 года до Февральской революции. Руководил от имени Великой княгини строительством храма в Марфо-Мариинской обители, состоял на должностях в нескольких ее благотворительных организациях.

⁹ *Галина фон Мекк. Как я их помню.*

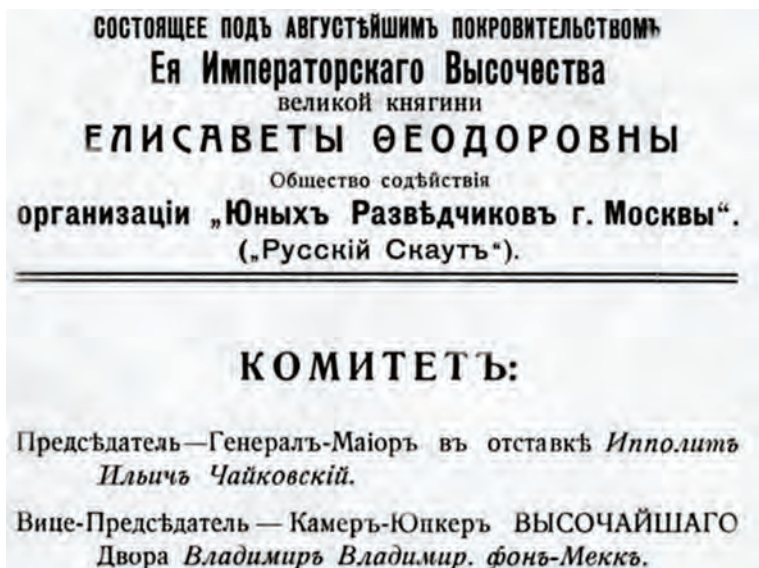

Рис. 7. Комитет Организации «Юных разведчиков г. Москвы», 1914. Из семейных архивов

Привез из Англии знания по скаутизму и под покровительством Великой княгини создает организацию «Юные разведчики г. Москвы (Русский скаут)», председателем которого им рекомендуется отставной генерал Ипполит Чайковский — брат композитора, т. к. в годы Первой мировой войны Владимир Владимирович поступает в распоряжение Императрицы Александры Федоровны и принимает на себя командование всеми ее складами, санитарными поездами и летучими отрядами. Многократно благодарственно упоминается в переписке Императора и Императрицы.

После революции Владимир Владимирович, Николай Карлович и их семьи остаются на Родине. «Как же я уеду, мне еще столько надо построить?!» — говорил Николай Карлович. Но после 17 обысков и арестов Николая Карловича расстреливают по решению «тройки». За две недели до расстрела Николай Карлович говорит своей дочери Галине на свидании на Лубянке: «Доченька, только не надо за это всё ненавидеть свою страну». Семья распределяется по тюрьмам и ссылкам. Галина Николаевна после почти десяти лет ГУЛАГа покидает СССР, пользуясь ссылкой и военной неразберихой на оккупирован-

ной территории, и начинается ее почти 10-летний путь в Англию к своей дочери, которую вывезли туда в начале 1920-х и которую она не видела почти 20 лет.

Интереснейшая судьба известной на всю страну семьи фон Мекк талантливо освещена Галиной Николаевной в книге «Как я их помню», вышедшей в Лондоне, а потом переизданной и в России. Книга открывает также малоизвестные факты из жизни Петра Ильича Чайковского, которому она приходилась внучатой племянницей.

В память о деятельных предках создан Фонд фон Мекк для продолжения их меценатских традиций и популяризации жизни и творчества Чайковского.

Род Калединых

Совсем недавно, в эпоху «развитого социализма», стремление узнать своих предков не приветствовалось. Поэтому у нас в семье эта тема никогда не поднималась. Отец, проживший эти нелегкие 89 лет своей жизни, добропорядочный, уважаемый своим близким окружением людей, ни разу не обмолвился о прежней жизни: семье, детстве, родственниках, да и дальнейшая жизнь была у него нелегкая, а родился он в 1901 году в станице Федосеевской в семье донских казаков. Мама родилась в 1910 году в семье священника, в станице Васюринской на Кубани, в 30 км от Краснодара (рис. 1). И тоже не рассказывала нам о своих родственниках и предках, разве что в последнее время и то немного. Ее отец Тихон Гаврилович Алексеев служил протоиереем в станичном храме, ее мать в девичестве Мария Ильинична Браткова (рис. 2). У них были дети: трое сыновей — Георгий, Лев и Павел, пятеро дочерей — Елена, Галина, Антонина, Анна и Мария (моя мама). Их отец, Тихон Гаврилович, построил кирпичный дом в 1912 году для своего большого семейства, который и сейчас служит станичникам — уже почти 100 лет в нем находится почта станичная, а станице Васюринской уже более 200 лет (рис. 3).

На этом доме есть мемориальная доска, повествующая, что в этом доме останавливались известные генералы царской армии — М. В. Алексеев, Л. Г. Корнилов, А. И. Деникин. Еще три года в этом месте шли тяжелые бои. И когда здесь устанавливалась советская власть, то трижды арестовывали нашего деда Тихона Гавриловича — священника, но, поскольку он пользовался у станичников уважением и авторитетом, они его спасали от расстрела. Много невзгод и перипетий пережила эта семья во время революции и Гражданской войны, голодомор 1932–1933 годов, репрессии... Погибли сыновья — Георгий, Лев, а младший Павел вынужден был уехать на чужбину в г. Харбин и умер в 28-летнем возрасте в Шанхае (рис. 4).

*Рис. 1. Фотография моего деда Алексева Тихона Гавриловича.
Из домашнего архива. Публикуется впервые*

*Рис. 2. Фотография моей бабушки Братковой Марии Ильиничны.
Из домашнего архива. Публикуется впервые*

Рис. 3. Фотография дома моего деда в станции Васюринской, в которой более 100 лет находится станичная почта.

Из домашнего архива

Рис. 4. Фотография их младшего сына Алексева Павла Тихоновича.

Из домашнего архива. Публикуется впервые

Тяжела судьба, но глубокие душевные силы и православная вера помогли им все преодолеть и оставить после себя достойное потомство, которое трудилось и трудится. Среди них были: педагоги и врачи, музыканты и юристы, инженеры и дипломаты.

И только с наступлением «перестройки и гласности», с появлением печатных изданий дореволюционного периода и первых лет становления новой власти перед нами стала вырисовываться наша история более правдивой. И поскольку наши предки были очень достойными людьми, мы узнали много о них именно из этих книг и архивов. И наш долг узнать о них как можно больше, гордиться ими и передать эту память грядущим поколениям. Отец родился в семье известного казачьего рода: его отец Петр Никитович Шарапов, 1863 г. р., мать Анна Максимовна, «в девичестве Каледина», 1872 г. р. У них были дети: четверо сыновей — Александр, Константин, Георгий и Клавдий, две дочери — Лариса и Фаина.

Род Калединых берет свое начало от Дмитрия Каледина, прапрадеда Алексея Максимовича Каледина, в Войске Донском известном издревле, равно как и родовой Калединский хутор с одноименным названием в Усть-Хоперской станице. И правильное произношение этой фамилии на слог последний. И фамилию героя Первой мировой войны и первого в XX веке избранного Донского атамана Алексея Максимовича Каледина исказили не случайно. Так же как и фамилию другого казачьего генерала Константина Константиновича Мамантова, во всех советских словарях прописанного как Мамонтов, и многих-многих других.

История казачества, в том числе донского, мало изучена, к тому же донской архив, владевший ценными материалами по данному вопросу, сгорел в Черкасске в 1744 году, а как раз в этот период и вторую половину XVII века на юге России проходит присоединение Новороссии и Крыма к Российской Империи после успешных русско-турецких войн (1768–1774 и 1787–1792), и не последнюю роль играли донские казаки, служившие с честью около четырех веков Московскому государству, своей доблестью и рыцарской храбростью известные всему миру.

Происхождение фамилии Каледин имеет несколько версий: некоторые утверждают, что фамилия Каледин происходит от украинского слова «каледа», но другие казаки стараются доказать, что фамилия Каледин происходит от турецкого слова «кале», т. е. «крепость».

В войне против Наполеона в 1812 году наш предок Каледин не участвовал, а вот его сын Максим с сыновьями и внуками были участниками в этой войне, в Донской армии атамана М. И. Платова. Сам Максим Каледин и два его внука погибли в этой войне. А в 1815 году четыре сына Максима Каледина: Василий М. сотник, Макар М., Семен М. и Прохор М. — поселились на дедовском зимовнике и были первыми поселенцами на хуторе, и поэтому хутор был назван Каледин. Дома свои первые поселенцы Каледины построили из дубовых пластин. Простояли эти дома долго.

Усадьба Калединых, где и появился на свет будущий атаман Войска Донского, находилась в самом конце хутора. В XX веке дом был снесен, и на этом месте установлен крест и камень с надписью об Алексее Максимовиче Каледине. Хутор Каледин был переименован в хутор Блинов в 1933 году по имени малоизвестного красноармейца, жившего в этом хуторе, вскоре убитого. А как бы хотелось приехать на хутор Каледин и поклониться этому святому месту и дому, которые взрастили и воспитали столько славных патриотов — героев своего Отечества! Вот их послужные списки... Участие в Отечественной войне 1812–1814 годов; в Крымской войне 1853–1856 годов; в Русско-турецкой войне 1877–1878 годов; во Второй Отечественной войне 1914–1918 годов; в Венгерской кампании 1849 года, в Польской кампании 1863–1864 годов, участвовавшие в боях и сражениях по защите границ от нападавших соседей, претендовавших на русские земли и Державный престол.

В послужном списке о службе и достоинстве Донского казачьего Андрианова полка 3-го значится [1]: «со 2 июля 1813 года «урядник» Василий Прохорович Каледин 1786 г. р., крестьян не имеет, служил с 1806 года 20 декабря в полку Андрианова в течение 1806 и 1807 гг. по внутренности Войска Донского для разных порученностей. 1808 г. февраля с 16 по 17 февраля 1809 года Саратовской губернии о содержании на счет заразительной болезни кордонов по 20 ноября 1810 года, с того числа по 17 июня 1811 года — препровождение рекрутов из города Воронежа в вновь Миргородское записное рекрутское 1811 года июня с 17 по 6 сентября кордонов по границе Войска Донского с 20 по 29 февраля 1812 года, а с 16 сентября 1812 года в Всеобщем Войска Донского ополчении к городу Туле, а потом через Калугу Смоленской губернии к городу Ельне, где встретил неприятеля. По пути отторгнуты объезды внутрь Калужской губернии, был в длительных сражениях 14 окт. при городе Ельне, 18 окт. у села

Коноплянки и 20 октября при Михайловском дворе, а затем в преследовании и истреблении онаго до самой российской границы и дальше по Варшавскому герцогству с 24 июля по 26 июля 1813 г. при блокаде крепости Модлины, далее город Бреславль, через Шлезию, Дрезну 24–28 сентября сражение с неприятелем 6 октября, у города Лейпцига очень ранимо сражение и разбитие неприятельской армии и 7 и 27 приближение крепости Магдебург». За время военных действий заслужил запись: «К повышению по службе. Достоин. Науки: российской грамоте читает, пишет, знает науки. Женат на казачьей дочери Елене Егоровой. Дети Михаил 19 лет, Емельян 18 лет, Федор 15 лет, Евграф 10 лет, Максим 3 года (наш прадед. — З. М.), Евдокия 16 лет, Анна 10 лет, Ольга 6 лет, Стефанида 5 лет. За отличие в делах награжден чином хорунжего 25 января 1914 года и Анна — 4 степени, сотником с 13 июня 1824 года».

Вот как описывает это сражение на страницах журнала «Русская старина», № 10 за 1813 год, ее непосредственный участник — «из воспоминаний Емельяна Антоновича Конькова, донского казака станицы Вешенской»; 20 января 1811 года он был переведен в лейб-гвардию казачий полк, в офицерском чине корнета. «В кампанию 1813 года полк находился в конвое императора и особо отличился в Битве народов под Лейпцигом. 4 октября 1813 года наша армия уже заняла позиции в 4-й линии под Лейпцигом. На правом фланге на холме стоял наш император Александр I, а с ним еще два союзных императора — австрийский Франц I и прусский король Фридрих Вильгельм III.

Наполеон рассчитывал под Лейпцигом исправить свое постыдное бегство и дать понять своей армии, что она все-таки непобедима, хотя мы ее защипали при отступлении из России. Наполеон густыми колоннами пустил свою кавалерию на наши линии. Понятовский командовал передовыми частями. Впереди всех скакали латники кирасиры. Эта атака настолько была стремительна, что наши три линии были сломаны, а затем оставалась еще одна линия, и затем беззащитный император. Сбоку и немного сзади стоял наш лейб-казачий дивизион пятисотного состава, который был и в конвое императора. Командовал этим дивизионом полковник Ефремов. У нас трепетали сердца, когда мы следили за этой бешеной атакой. То мы жалели своих солдат, а в особенности боялись за нашего императора, который стоял бледный, следя в подзорную трубу за боем. Вдруг он повернулся в пол-оборота к графу Орлову-Денисову и, указывая рукой по направлению боя, громко произнес: «Казачи, остановите». Граф Орлов-Денисов немедленно

подскакал к нам и буквально передал царские слова. Полковник Ефремов выскочил перед дивизионом, перекрестился большим крестом и, обращаясь к казакам, крикнул: “Братцы, умремте, а дальше не допустим!” Дивизион за ним двинулся рысью, размыкаясь в лаву, и на ходу брали наперевес пики. И не только вахмистры взяли пики, но и мы, офицеры, взяли пики. Вот как веровали в пику. Перед нами был топкий ручей, а за ним возвышенность, которая скрывала наши движения от глаз неприятеля. Перестраиваясь в лаву, мы перешли ручей рысью и, выбежавши на возвышенность, очутились против самого уже атакующего.

Неожиданным нашим появлением на фланге неприятель настолько был озадачен, что как будто остановился. А мы со страшным диким гиком уже неслись на него.

В этот момент на нашем левом фланге открыла огонь наша артиллерия, поражая неприятеля в правый его фланг, он не выдержал, дрогнул и повернул назад. Вот тут-то намгодились наши родимые пики, которые не раз нас выручали в боях. Когда французы дрогнули, смешались и повернули назад, то мы их так кололи, что за одним другой подыхал. Французы обратно поскакали к Лейпцигу, а мы их преследовали и на их плечах ворвались в Лейпциг. Когда кончился этот кровопролитный бой, к нам подскакал от государя орденарец-офицер и потребовал весь дивизион к государю. Мы возвращались растерзанные: кто без кивера, кто в разорванном мундире, и окровавленные лица и руки, но на лице каждого можно было прочесть, что честно исполнил свой долг присяги. Император громко произнес: “Ефремов, ко мне”. Подъехавшему Ефремову государь своеручно надел на него Св. Георгия 3-й степени и поцеловал».

Василий Прохорович Каледин (мой прапрадед) в полку М. И. Платова дошел до Парижа, но в последнем сражении потерял ногу. За героизм, проявленный в Отечественной войне, и полученные увечья был удостоен дворянского звания, которое в дальнейшем передал своим детям, внукам и правнукам [2].

В сборнике ГА РО говорится об участии донского казачества в Отечественной войне 1812 года, и по численному составу это была треть русской конницы.

В Бородинском сражении донские казаки также участвовали в количестве 19 урядников и 167 казаков (убитых было 9 человек). Участвовал также представитель рода Калединых — казак Ананей Каледин [3].

После победы донских казаков под Чернишной французы стали покидать Москву, а казаки все время их сопровождали, то в авангарде шли, а другие шли в аррьергарде, нападая на них, уводили в плен, так же активно участвуя в решающих сражениях; 15 Платовских полков участвовали в сражениях под Малоярославцем, где город 5 раз переходил из рук в руки, а под Боровском Наполеон чуть не был пленен казаками, когда он утром поехал без охраны проверить свои полки, а у казаков не было бинокля, и они его не узнали, т. к. он был без своей треуголки. По Европе вместе с русской армией шли 65 казачьих полков. Такова была значительная роль участия Донского казачества в Отечественной войне с французами.

Один из сыновей Василия Прохоровича Каледина — Максим Васильевич (мой прадед) — продолжил эту славную традицию. Он родился 13 августа 1823 года на хуторе Каледин Усть-Хоперской станицы, православного вероисповедания, воспитывался при доме родителей (как говорится в послужном списке). В службу вступил казаком 1 января 1842 года. Зачислен в полк № 32 с 5 июля 1844 года по 30 января 1850 года, получив чин урядника 30 августа 1845 года [4].

Был участником венгерской компании 1849 года в действительных сражениях, за отличия против венгерских мятежников произведен в хорунжие 17 декабря 1849 года. Затем был переведен в полк № 31 с 20 мая 1851 года и был участником сражений с горцами при рекогносцировке Маяконского ущелья в отряде генерал-адъютанта Евдокимова, где за «отличный подвиг и примерное мужество» произведен в сотники и прослужил до 26 января 1853 года. За отличия против горцев награжден орденом Св. Станислава 3-й степени. Максим Васильевич Каледин участвовал также в Крымской войне, в обороне Севастополя. В дальнейшем был направлен в Грузию для укрепления Сулакской линии, где находился до 24 сентября 1856 года. Принимал участие в присоединении Чечни и Дагестана к России. За ведение успешных военных действий произведен в есаулы 30 июня 1859 года. При зачислении в полк № 33 12 февраля 1861 года и за отличие против польских мятежников Высочайше произведен в войсковые старшины 10 апреля 1865 года [5].

За такую героическую службу имел награды: кроме Св. Станислава 3-й степени, серебряная медаль СМ-849 за Венгрию, СМ-4 Д за покорение Чечни и Дагестана, бронзовая медаль БМ-853 за Восточную войну 1853–1856 годов и крестом за службу на Кавказе (рис. 5).

Рис. 5. Фотография моего прадеда, слева направо: Мелентий, Анна – наша бабушка, прадед Максим Васильевич, Алексей Каледин, наша прабабушка Евпраксия Васильевна Мишарева (в девичестве). Публикуется впервые. ГА РФ. Фонд Р-6944. Оп. 1. Д. 126

Рис. 6. Мария Петровна Каледина с мужем и его двумя братьями. Журнал «Донская Волна». № 31 (59) от 15 сент. 1919 г., стр. 9

П. Каледина среди братьев Калединых. Сидит недавно скончавшийся В. М. Каледин, стоит в центре бывший военный атаман А. Каледин, справа также скончавшийся Н. М. Каледин.

Имея двухмесячные отпуска между военными действиями, Максим Васильевич приезжал на Дон, где благополучно решал устройство личной жизни. Женат на дочери сотника Мишарева — Евпраксии Васильевой, у них дети: четверо сыновей — Василий (5 октября 1859 г. р.), Алексей (12 октября 1861 г. р.), Николай (1870 г. р.), Мелентий (1 февраля 1874 г. р.); три дочери — Елена (1853 г. р.), Александра (1856 г. р.) и Анна (1872 г. р.) — моя бабушка (рис. 6).

Старший брат Василий Максимович Каледин окончил Владимирскую Киевскую военную гимназию и второе военное Константиновское училище по 1-му разряду, ОАШ; юнкер с 1 сентября 1876 года, портупей-юнкер с 12 сентября 1877 года, участник Русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Произведен в хорунжие 16 апреля 1878 года. В батарее № 8 с 16 апреля 1878 года по 6 апреля 1879 года. В батарее № 2 с 23 сентября 1879 года. Сотник с 6 мая 1882 года. В батарее № 14 с 19 ноября 1883 года. Награжден в 1886 году. В батарее № 21 с 11 июля по 1 ноября 1886 года.

Василий Максимович был участником царского смотра, находился в составе сводной батареи для встречи Их Императорских Величеств Государя Александра III и Государыни Императрицы при приезде на Дон в Новочеркасск с 20 апреля по 9 мая 1887 года. Далее Василий Максимович назначен на должность помощника адъютанта топо-управления Войска Донского и командирован в Санкт-Петербург на празднование 500-летнего юбилея артиллерии в ноябре 1889 года. За отличие по службе произведен в подьесаулы и зачислен ст. адъютантом Управления Донской артиллерии в 1894 году. Награжден орденом Св. Анны 3-й степени в 1895 году и пожалован медалью в память царствования Императора Александра III в 1896 году. Состоя на военной службе, Василий Максимович постоянно стремился повысить свои знания: всё время в учебе — в апреле 1889 года он зачислен в состав офицерской артиллерийской школы, успешно окончил курс школы и отправился к месту службы. Высочайшим приказом назначен командующим 14-й Донской казачьей батареей, награжден орденом Св. Анны 2-й степени и за отличия по службе произведен в полковники 6 мая 1908 года, награжден орденом Св. Владимира 4-й степени [6].

Далее он назначен командиром 2-го Донского казачьего артиллерийского дивизиона — 18 июля 1910 года, командиром полка № 12 с 30 мая 1911 года, награжден орденом Св. Владимира 3-й степени 10 мая 1912 года, произведен в генерал-майоры 14 ноября 1914 года —

во время военных действий Первой мировой войны. За отличия в делах награжден медалью к Св. Владимиру 3-й степени с мечами (15 февраля 1915 года) и Св. Станиславу с мечами (3 марта 1915 года). Генерал-майор, командир 2-й бригады 3-й Донской казачьей дивизии, назначен командиром 4-й Донской казачьей дивизии 3 июня 1916 года, отправлен в распоряжение войскового начальства 10 июля 1917 года (Высочайшие приказы). Генерал-лейтенант, бывший управляющий отделом внутренних дел Войска Донского. Такого головокружительного взлета добился В. М. Каледин только благодаря своему высокому профессиональному образованию, патриотизму и беспримерной храбрости, которую отмечали его сослуживцы. В своем письме его жена (дочь потомственного почетного гражданина Саратовской губернии Мордовцева Мелетина Ивановна) пишет: «Сегодня у него, у Васи, прострелен непромокаемый плащ. В бумажнике у него два осколка шрапнели, которая разорвалась около него. Затем, когда Вася наблюдал на высокой горе, забравшись на стог, в него умудрились стрелять шрапнелями, снаряд разорвался впереди, другой ближе, увидал, что дело плохо, и спрятался за стог. Пришлось бежать зигзагами». Это был один из ярких представителей рода Калединых.

Василий Максимович умер от рака желудка 3 июня 1919 года в Новочеркасске и погребен 4 июня на старом городском кладбище [7].

Младший брат Николай Максимович [8] (один из трех на семейной фотографии братьев) также получил военное образование, офицером поступил на службу. Двое его сыновей — Гавриил и Игнатий — посвятили себя военной службе и были участниками Первой мировой войны.

Самый младший сын Максима Васильевича — Мелетий Максимович (родился 1 февраля 1874 года) — окончил ДИАЗКК (Донской Императора Александра III кадетский корпус) и Николаевское кавалерийское училище и в службу вступил из кадет по окончании полного курса ДКК, прикомандированный к Николаевскому кавалерийскому училищу 30 августа 1893 года, произведен в унтер-офицерское звание 10 августа 1894 года. Произведен в портупей-юнкера 11 мая 1895 года, в соответствии с алфавитным списком обер-офицеров Донской артиллерии [9]. Мелетий Максимович служил три года действительной службы, в дальнейшем служба проходит в Харбине при штабе 2-й бригады Заамурского округа пограничной службы, инспекторское отделение. В рапорте послужного списка М. М. Каледина от 12 августа 1903 года значится: «Младший офицер 4 батареи штабс-ротмистр Каледин

Мелетий 11 августа в 5 ч. 30 мин. скончался в центральной больнице Китайской Вост. железной дороги от брюшного тифа. Служил 10 лет 26 дней. Документ № 39, дело № 60 от 1903 г.».

Его жена — Каледина Евгения Петровна, сын Михаил родился 14 февраля 1901 года.

Архивные документы говорят о том, что в течение 10 с лишним лет службы Мелетий Каледин проявил себя не только хорошим исполнителем, даже аттестован «выдающимся офицером»: с лошади он действительно упал (да и кто не падал во время учений и сражений, когда в грохоте орудий несется обезумевший конь...) и получил серьезные увечья — травму головы, ушиб правого бока, чем значительно был ослаблен его организм, что привело к смерти при тифе.

Такое подробное описание службы и смерти М. М. Каледина вызвано тем, что во многих изданиях, вышедших в последнее время о семье известного славного рода Калединых, информация дается со значительным искажением, а именно: якобы смерть Мелетия Максимовича наступила в более раннем возрасте после производства в офицеры, и как-то непонятно — то ли с лошади упал, то ли застрелился. Этим как бы частично оправдывается очень неожиданное самоубийство Алексея Максимовича Каледина как для его современников, так и для последующих поколений. При этом приводится главный аргумент тот, что Каледин это сделал под впечатлением неожиданного для него ухода Добровольческой армии на Кубань. Но мы вспомним великие победы А. М. Каледина в Первой мировой войне, где он в тяжелейших сражениях проявил не только свой полководческий талант, но и великое самообладание, находчивость, решительность и храбрость перед лицом смерти, необычайный героизм, когда только 8-я армия под его командованием, одна из четырех армий Юго-Западного фронта, выдвинулась на 70 км вглубь вражеских позиций при выполнении Луцкого прорыва, практически уничтожив австро-венгерскую армию. И говорить о его малодушии у себя на Дону — это по меньшей мере детская наивность...

Хочется также сказать и об участии в Первой мировой войне следующего поколения рода Калединых — племянниках Алексея Максимовича.

Участвовали в войне также сыновья Николая Максимовича Каледина — Гавриил и Игнатий. Гавриил Николаевич Каледин родился в 1890 году, окончил реальное училище, Новочеркасское казачье училище, был слушателем Московского археологического института, был произведен в хорунжие 6 августа 1911 года с зачислением в полк № 1,

сотником с 5 октября 1914 года, за отличие в делах награжден: А — 4 ст. (29 окт. 1914 г.), Влад. — 4 МБ (17 июля 1915 г.), С — 3 МБ и А — 3 МБ (5 февр. 1916 г.), подьесаул с 3 апреля 1916 года со старш. с 25 сентября 1915 года; за отличие награжден: С — 2 М (21 окт. 1916 г.), А — 2 М (26 февр. 1917 г.). Подьесаул полка № 1, затем производится в есаулы (Высочайшие приказы). Гавриил Николаевич Каледин — войсковой старшина, 30 лет [10].

Игнатий Николаевич Каледин из юнкеров НКУ произведен в прапорщики 1 февраля 1915 года с зачислением в комплект ДКП. Прапорщик полка № 24, хорунжий с 13 февраля 1916 года; за отличие награжден: С — 3 МБ (28 апр. 1916 г.); сотник с 24 августа 1916 года со старш. с 1 июля 1916 года, за отличия награжден А — 4 (25 янв. 1917 г.) (Высочайшие приказы). Игнатий Николаевич — есаул, наблюдатель; командир 3-й нестроевой сотни в Донском авиационном парке [11].

Принимали участие в войне сыновья Анны Максимовны Шараповой — Александр Петрович Шарапов и Константин Петрович Шарапов.

Их мать — Анна Максимовна Каледина — вышла замуж за казака торгового общества мануфактуриста Петра Никитина Шарапова; у них дети: сын Александр (1895 г. р.), сын Константин (1898 г. р.), сын Георгий (1901 г. р.) — наш отец, сын Клавдий (1912 г. р.), дочери — Лариса (1896 г. р.) и Фаина (1906 г. р.). Жили они в станице Федосеевской Усть-Медведицкого округа на Верхнем Дону. Старший сын Александр окончил в Саратове школу прапорщиков, участвовал в Первой мировой войне — служил в 1-м Донском саперном батальоне, 31 октября 1917 года в чине хорунжего, в 1920 году состоял в офицерском резерве на Дону. Был награжден орденом Св. Анны 4-й степени «За храбрость» [12].

Его брат Константин (мой дядя) ушел на фронт добровольцем, воевал на фронте генерала А. М. Каледина, был тяжело ранен, находился в госпитале. А. М. Каледин в письме с фронта от 16 декабря 1915 года [13] пишет жене: «Сегодня получил телеграмму: “Прошу сыну помочь немедленно согласно письма моего Шарапова”. Что это обозначает, ничего не понимаю, т. к. никакого письма не получал. Припоминаю, что, еще будучи в Сатиеве, я посетил госпиталь и дал Георг. крест одному раненому добровольцу Донской обл. по фамилии Шарапов; тогда я совершенно не обратил внимания на фамилию». Таким образом, А. М. Каледин — командующий корпусом — при посещении госпиталя наградил своего племянника (сына своей сестры Анны), не догадываясь о родственных отношениях.

В дальнейшем, с началом Гражданской войны, когда началось поголовное истребление казачества, в соответствии с постулавшими директивами, казаки стали спешно покидать свои родные места: Александр Петрович Шарапов в 1920 году покинул свое Отечество и обосновался в близкой нам славянской стране — Болгарии, где прожил 50 лет, трудясь на благо этой страны, но сохраняя советское гражданство. Константин Петрович Шарапов уехал с Дона и обосновался в Ленинграде. У него было трое детей, но в блокаду вся семья умерла в 1941–1942 годах. Узнали мы об этом только в 2017 году, считали его погибшим в Гражданской войне. Невероятно тяжело сейчас об этом говорить. А как был бы рад наш отец Георгий Петрович этой встрече с братом! Но... в то время такие «поиски» могли кончиться очень плачевно.

Самым известным и значимым среди потомков Калединых — участников Первой мировой войны, вошедшим не только в русскую, но и в зарубежную военную историю, был Алексей Максимович Каледин, герой Луцкого прорыва, первый выборный Донской атаман в XX веке, мужественный патриот своего Отечества, перенесший все тяготы военной службы и вышедший большей частью победителем из серьезных сражений, окружений, испытаний, не запятнавший своего чистого имени (рис. 7).

Биография А. М. Каледина хорошо освещена в литературе как доблестного мужественного генерала, участника Первой мировой войны. Алексей Максимович — потомственный казак, начал образование в первом классе Усть-Медведицкой казачьей гимназии, получил классическое образование в элитной Воронежской военной гимназии, где однокашникам запомнился как хорошо успевающий ученик и надежный товарищ; играл в гимназическом оркестре на флейте. Отличался от сверстников взвешенностью и продуманностью высказываемых суждений и совершаемых поступков. То есть был в юности не по годам серьезным гимназистом и юнкером. Образование продолжил в Константиновском и Михайловском артиллерийских училищах, служил в казачьих частях. Закончив Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду, назначен в Генеральный штаб Варшавского военного округа в апреле 1889 года, через два года произведен в капитаны и служит обер-офицером для особых поручений при штабе 5-го армейского корпуса; занимался вопросами строительства укрепленных районов на случай ожидавшейся войны с Германией. Здесь он знакомится с швейцаркой французского кантона Марией-Луизой Олендорф и вскоре женится (рис. 8).

Рис. 7. Фотография
Каледина Алексея
Максимовича.
ГА РФ. Фонд Р-6944.
Оп. 1. Д. 131

Рис. 8. А. М. Каледин с женой
М. П. Калединой.
ГА РФ. Фонд Р-6944.
Оп. 1. Д. 128

В 1895 году возвращается на родной Дон, став старшим адъютантом войскового штаба. Каледины жили по-офицерски скромно, только на жалованье главы семьи. В главе «Состояние» послужного списка А. М. Каледина на 1 января 1895 года была следующая запись: «За ним, за родителями, женою недвижимого имущества, родового или благоприобретенного — не имеется». За отличия по службе произведен в полковники 6 декабря 1899 года; далее, с 5 апреля 1900 года, служит штаб-офицером при управлении 64-й пехотной резервной бригады. Проявляя себя на всех постах службы инициативным, глубокомысленным отношением, он уже в мирное время имел высокие награды: С-3, А-3, С-2 [14].

С 25 июня 1903 года он назначается начальником Новочеркасского казачьего юнкерского училища, в котором лично много сделал для организации учебного процесса. Тактические занятия с офицерами бригады, проверка боеготовности частей и подразделений, общелагерные сборы, рекогносцировка местности — всё это давало богатый опыт как штабной работы, так и работы по воспитанию и обучению подчиненных.

Алексей Максимович Каледин продолжил реорганизацию юнкерского училища. В августе 1903 года содержание юнкеров в училище берет на свой счет Войсковое правительство, что значительно укрепило позиции училища и увеличило поток желающих в нем учиться. Особое внимание обращается на подбор преподавателей: из 12 преподавателей училища в 1903 году окончили военные академии — 5 человек, университеты — 5 человек, духовные академии — 2 человека, имели ученые степени — 5 человек. 25 июня 1905 года в Новочеркасском казачьем юнкерском училище проходило торжество «прибивки и освящения» знамени, пожалованного училищу Императором Николаем II еще 28 января 1903 года. После освящения и окропления святой водой училищного знамени весь личный состав принял присягу на верность службе перед своим знаменем. Когда через месяц в училище вспыхнула сапная эпизоотия на строевых лошадях, а в марте следующего года было обнаружено заражение сапом одного из юнкеров, который вскоре умер от этой болезни, вся тяжесть этого периода в жизни училища легла на плечи полковника Каледина, который как в учебно-воспитательной деятельности, так и в хозяйственной и санитарной части строго и неуклонно проводил в училище принципы безукоризненной до педантизма исполнительности всех требований закона, различных инструкций и указаний. «Ветеринарно-санитарный надзор за лошадьми, — говорилось в заключении

комиссии по расследованию, — был более строгим, чем полагается это официальными требованиями». Вместе с тем с большим вниманием и заботой относился Алексей Максимович к юнкерам и сослуживцам. Нетерпим был только к аморальным поступкам. Он считал, что имеет право воспитывать других только человек высококонкретный, сам являющийся примером безупречного личного поведения. В 1906 году училище посетил Великий князь Константин Константинович, тогдашний начальник военно-учебных заведений, давший впоследствии очень высокую оценку училищу и его начальнику. В том же году последовал Высочайший приказ о назначении полковника Каледина помощником начальника Штаба Войска Донского. В 1910 году генерал-майор Каледин принимает командование 2-й бригадой 11-й кавалерийской дивизии. В русской армии это был редчайший случай, когда человек, ни дня не командовавший полком, становится во главе бригады. Однако высшее начальство в данном случае сделало исключение и не ошиблось в выборе. На всех этих постах Алексей Максимович показывал себя с самой лучшей стороны как офицер-оперативник, как командир-единоначальник, как воспитатель подчиненных ему людей — во всех отношениях он смотрелся перспективным военным служащим. Приступая к характеристике А. М. Каледина как генерала из дневников, воспоминаний и записей его боевых соратников, а также отзывов военных историков и писателей, мы видим тяжелые страницы истории той войны и его участие: победы и поражения, взлеты и падения, его взаимоотношения с окружающими [15].

Первую мировую войну — войну Великую, Отечественную (так ее называли в российской прессе) — генерал-майор Каледин встретил командующим 12-й кавалерийской дивизией Брусиловской 8-й армии Юго-Западного фронта. Генерал Каледин, как кавалерийский начальник, выдвинулся, и о нем заговорила не только армия, но и вся Россия, когда он командовал 12-й кавалерийской дивизией. Подвиги этой дивизии, совершенные под блестящим руководством генерала Каледина, описаны его соратниками: начальником штаба дивизии, полковником Генерального штаба Э. Г. фон Вале, генералом Н. В. Шинкаренко и ординарцем ротмистром Вл. К. Скачковым. В их рассказе подчеркивается, что еще в мирное время начальник дивизии пользовался в офицерской среде исключительным уважением, солдаты же и казаки инстинктивно чувствовали силу личности Каледина, верили ему и любили его, несмотря на его суровый вид и строгость. Дивизия любила его за храбрость, за постоянные удачи, за его заботы

о всех и обо всем и прониклась безграничным доверием после своего боевого крещения 9 августа 1914 года под Тарнополем, где Каледин, как пишет офицер-ординарец, «показал себя образцовым начальником и бесконечно храбрым человеком». Эту храбрость, «удивительное спокойствие» и «мудрое управление» ординарец подчеркивает, описывая бой 17 августа 1914 года под Рудой, когда 12-я дивизия под водительством Каледина блестяще сдала крайне трудный экзамен, в течение дня сдерживая яростный натиск больших масс венгерской пехоты, а на Гнилой Липе, в пешем строю отбивая атаки и удачно маневрируя, на участке 12-го корпуса удержала положение всей 8-й армии, бывшей тогда под командованием Брусилова. За этот подвиг генерал Каледин был награжден орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени. Здесь, в самую критическую минуту боя, когда страшная угроза нависла над всей армией, начальник дивизии сказал своим ближайшим помощникам: «Умрем здесь все, но ни шагу назад!» И все от полковника до рядового знали, что это не поза, не слова — ни позы, ни громких слов, предназначенных для истории, генерал не любил, — все знали, что Каледин, если надо, действительно умрет вместе с ними.

Особенно блестящей была конная атака против пехоты 29 августа под Демней, и за нее генерал Каледин был награжден Георгиевским оружием. В новой для кавалерии обстановке горной войны им были применены новые «калединские» тактические приемы, описанные его соратниками; здесь, под Головецко-Ломна, при выполнении «безумного», по выражению полковника фон Валя — «равносильного посылке дивизии на убой», приказа командира 24-го корпуса генерала Цурикова, им грозила несомненная гибель, но Каледин вывел дивизию из узкого горного дефиле. А «ночью австрийцы снимаются с высоты и уходят одновременно с отходом всего фронта их армии. Отважному судьба улыбается. То было незабываемое 28 октября 1914 г.», — пишет начальник штаба фон Валь. Целый ряд подобных случаев говорит о необыкновенном самообладании вождя. В своих воспоминаниях Н. В. Шинкаренко пишет: «Каледин — человек храбрый, т. е. умеющий, когда надо, не бояться. Под Рудой, надо сказать, и самому Каледину по биноклю, что он держал в руках, пулей проехало. От себя скажу, что видел его своими глазами под Демней, перед атакой нашей конной; и видел весной 1915 г., когда его раненого на руках принесли. Как перевязывали — тоже видел. И по тому, что видел, скажу, что он был человеком большой храбрости, который себя ни от какой опасности не прятал, а наоборот — шел ей навстречу».

Прекрасный организатор генерал Каледин на большую высоту поставил в дивизии разведку. Требуя от полков присылки самых лучших офицеров-разведчиков, Алексей Максимович с каждым из них лично беседовал и сам диктовал задачу — всегда определенную, ясную, и офицер точно знал, что он должен сообщить начальнику. Ближайшие его боевые соратники отмечают гениальное «чутье» Каледина. Благодаря этому начальник дивизии был ориентирован в том, что происходило у противника. Распоряжения его по своей обдуманности и ясности были понятны каждому исполнителю. Каждый чин дивизии убеждался, что начальник всё предвидел, всё принял в расчет и всякое его распоряжение оправдывалось обстановкой. «Военное чутье, — говорит профессор Академии Генерального штаба генерал Н. Н. Головин, — это дар Божий. Оно дает возможность во время войны провидеть события и угадывать исход боя по ничтожным признакам — часто чисто духовного свойства». Чины дивизии в разговорах между собой выражали удивление дальновидности вождя [16].

Каледин никогда — ни в качестве начальника дивизии, ни командира полка, ни командующего армией — не управлял боем «из халупы», не посылал войска, а сам водил их в бой.

Н. В. Шинкаренко записывает: «Австрийское наступление в своем кульминационном пункте... И уже перед нами, всё верхом, Каледин на верхушке ската с Ахтырским командиром Трингамом... Приказание Каледина — по коням, в атаку на пехоту! Весь Ахтырский гусарский полк и мы — 4-й эскадрон Белгородцев... Своя цепь... Чужие... Я не сразу даже сообразил, где австрийцы... И потом эти австрийцы, перед тем наступавшие и как будто побеждавшие, бегут во всю прыть, от лошадей и от наших пик спасаючись...» Каледин имел дар увлекать войска, а кроме этого, еще и способность разглядеть в условиях современной войны то, чего не видят другие, — и «по дарованию и по инстинкту природному».

Влияние Каледина достигалось не красноречием — наоборот, как говорит А. И. Деникин, «Каледин не любил и не умел говорить красивых возбуждающих слов, но когда он раза два приехал к моим полкам и посидел на утесе, обстреливаемом жестоким огнем, спокойно расспрашивая стрелков о ходе боя и интересуясь их действиями, этого было достаточно, чтобы завоевать их доверие и уважение» [17].

В мае 1916 года Каледин в роли командующего 8-й армии, приехав на позиции стрелковой дивизии генерала Деникина, тщательно осмотрел боевую линию, не похвалил и не побранил, а, уезжая, сказал:

«Верю, что стрелки прорвут линию». В его устах эта простая фраза имела большой вес и значение для дивизии.

Было и такое... Когда в критический момент очень тяжелого боя 3-й Оренбургский казачий полк 12-й дивизии не выдержал и стал в беспорядке отходить, достаточно было прискакавшему Каледину прикрикнуть и приказать вернуться, чтобы полк немедленно исполнил приказ и занял покинутую было позицию. Поэтому неудивительно, что через три месяца после начала войны Алексей Максимович Каледин производится в генерал-лейтенанты и всего в течение одной недели получил две высших награды: Св. Георгия 4-й степени и Георгиевское оружие «За храбрость» — за августовскую Галич-Львовскую операцию — составную часть Галицийской битвы 1914 года, одного из крупнейших сражений Великой войны. В те дни командующий 8-й армии генерал Брусилов отдал калединцам приказ стоять насмерть: «12-й кавалерийской дивизии — УМЕРЕТЬ. УМИРАТЬ НЕ СРАЗУ, А ДО ВЕЧЕРА!» В августе 1914 года кавалеристы А. М. Каледина своим самопожертвованием выручили остальные армейские войска. Они сумели в нужном месте в нужное время стать заслоном перед атакующим врагом. Награда «шла долго», лишь в октябре 1914 года получил Алексей Максимович своего «Георгия».

Декабрьский налет к Балигороду. От Каледина пошла только бригада, и сам он не пошел. Сперва успех, а затем бригада, вследствие легкого маневра австрийцев, отскакивает сразу на полперехода. Настроение подавленное, впечатление отрезанности... И вот приезжает Каледин, сосредоточенный, не улыбающийся. Не известно, было ли в этот день солнце, но для всех, и для улан, и для гусар, солнце выглянуло с приездом не улыбчивого Каледина... И снова победа! Инициатива и самостоятельность Каледина при принятии им решений подчеркивается и генералом Деникиным, который пишет: «Помню встречу под Самбором, в предгорьях Карпат, в начале октября 1914 г. Моя 4-я Стрелковая бригада вела тяжелый бой с австрийцами, которые обтекали наш фронт и прорывались уже долиной Кобло в обход Самбора, неожиданно на походе встречаю Каледина с 12-й кавалерийской дивизией, получившей от штаба армии приказание СПЕШНО идти на восток к Дрогобычу. Каледин, узнав о положении, не задумываясь ни минуты перед неисполнением приказа крутого Брусилова, остановил дивизию до другого дня и бросил в бой часть своих сил. По той быстроте, с которой двинулись эскадроны и батареи, видно было, как твердо держал их в руках начальник». Попытка

прорыва фронта была Калединым ликвидирована — австрийцы вынуждены были отступить.

Соратники отмечают бережное отношение Каледина к жизни человека. Когда несколько совершенно безнадежных атак на одном из участков были отражены противником и войска понесли огромные потери, а Брусилов требовал все новых и новых атак, Каледин, получив повторный приказ, приводя его в исполнение, дополнил своими «разъяснениями», которые фактически свели операцию к исправлению линии фронта, тем самым прекратив бессмысленное пролитие крови. У Брусилова была своя система, получившая наименование «Стоход» — полевым способом рвать фортификационную систему врага; система бесчеловечная, крайне кровопролитная и бессмысленная. По выражению генерала А. М. Драгомирова, «войска вели не в бой, а на убой». Профессор Месснер заявляет, что командовавший 8-й армией Каледин настойчиво протестовал против бесчеловечной системы и, ввиду неуспеха своих возражений, намеревался даже уйти со своего поста.

...Не проходит и полгода, как он получает императорский Военный орден более высокой, 3-й степени за прорыв неприятельского фронта. В наградном приказе говорилось следующее: «За то, что состоя начальником 12 кавалерийской дивизии, в середине февраля 1915 г., будучи направлен во фланг противнику, теснившему наши войска от города Станиславова к Галичу и угрожавшему последнему, лично командуя дивизией и находясь под действительным огнем противника, причём 16-го февраля был ранен, энергичными действиями сломил сопротивление бывшего против него противника в районе села Бендаров. Вследствие этого, главная группа противника, наступавшая к городу Галичу, угрожавшая с фланга и тыла, начала отходить к городу Станиславову...» Ранение осколком в бедро, полученное тогда, когда генерал-лейтенант лично вел в атаку по заснеженному полю своих спешенных драгун. Ранение пришлось лечить в Кауфмановском госпитале во Львове. Не долечившись до конца, Алексей Максимович возвращается в армию. В марте он формирует кавалерийский корпус, который спасает положение русской 9-й армии ударом во фланг наступающим австро-венгерским войскам. Затем становится командующим 12-го армейского корпуса, а в марте 1916 года сменяет генерала Брусилова на посту прославленной своими боевыми делами 8-й армии.

Рыцарски относился он и к противнику, особенно к поверженному. Так, после боя у д. Новоселки в ночной тишине стали доноситься

с поля сражения стоны и крики о помощи тех раненых, которых австрийцы бросили на произвол судьбы, генерал Каледин приказал санитарным командам оказать им помощь.

Главные же подвиги, создавшие ему мировую славу как первоклассного тактика и стратега, вписали имя Каледина на страницы не только русской, но и иностранной военной истории.

Советский военный историк полковник Рождественский отмечает: «Весь 1916 г. на всех многочисленных фронтах мировой войны в той или иной форме проходил под главным образом, наступления 8-й армии генерала Каледина, прорвавшей австро-венгерский фронт в направлении на г. Луцк. Луцкий прорыв стал самой крупной по масштабам и участвовавшим войскам наступательной операцией Первой мировой войны, имевшей стратегический характер. 8-я армия генерала А. М. Каледина в том деле оказалась на первых ролях. Ее командующий принял решение главные атакующие усилия возложить на 8-й армейский корпус генерала В. М. Драгомирова, которому предстояло наступать на г. Луцк, важный железнодорожный узел. Оборонительные полосы, на которые неприятель затратил столь много времени, сил и средств, оказались прорванными. 25 мая части русской 4-й стрелковой дивизии вступили в Луцк, а 14-я стрелковая дивизия генерала В. И. Соколова успешно форсировала реку Стырь».

10 июня 1916 года Алексею Максимовичу Каледину присваивается чин генерала от кавалерии. Неприятель смог остановить фронтовое наступление лишь после того, как на помощь австро-венграм пришли крупные силы германской армии, в том числе переброшенные с Французского фронта. Но оправиться после такого мощного удара в Галиции Австро-Венгерской империи не удалось до самого окончания Первой мировой войны. Немалая доля в этом успехе русского оружия пришлось на 8-ю армию. В своем письме к жене от 2 июня 1916 года Алексей Максимович пишет: «Вчера получил письмо от 26 мая. Меня удивляет, что ничего не пишешь о начавшемся с 22–23-го мая сражении почти на всем Юго-Западном фронте. Неужели газеты еще тогда не писали? Ты уже, конечно, получила мои два коротенькие письма, писанные в разгар операций. Ставке, дающей сведения для газет, по видимому, не известна моя скромная фамилия, ибо она упоминает в своих бюллетенях о генер. Лечицком, Щербачеве, а меня игнорирует. Говоря честно, мне это безразлично; но для удовлетворения тебя скажу, что роль моей армии в начале операции была наиболее важная. Также победа моей армии имела наиболее грандиозные последствия.

Из общего числа пленных, взятых всеми армиями Брусилова в первую неделю (с 22 по 28 мая), — что-то около 106 тысяч (в газетах объявлялось), — на долю одной моей приходится 1178 офиц., 64 859 н. ч., 83 оруд., 226 пулем., не считая всего прочего по части военной добычи, которая колоссальна. Стоявшая против меня австр. армия Эрц-Герцога Иосифа Фердинанда совершенно разгромлена, так же как и часть армии Бем-Эрмоли. Луцк, Дубно, Рожище были взяты также 8-й армией... За эту операцию, с 22 по 28 мая, являющуюся законченным эпизодом, я могу, что бы ни случилось, гордиться, как блестящей, очень крупной победой. Мы к ней готовились 2 месяца, но результаты превзошли ожидания. В армии, благодаря победе, страшный подъем духа. Да и на всей России это отразилось. Таким образом, ты можешь быть спокойна за своего мужа: слава Богу, я исполнил свой долг перед Родиной и взамен моего назначения, вызвавшего так много толков и зависти, дал Отечеству победу. Перед началом операции ко мне в Армию приехал помощник Итальянского военного агента; он в полном восторге от всего виденного и называет операцию классической. Не думай, что всё кончено. Это только блестящая интродукция к огромной пьесе, развитие и конец которой от нас скрыты. Темп войны, несомненно, будет возрастать после зимней спячки, стряхнутой нашим громовым ударом. Мы будем свидетелями грандиозных боев, где разразится вся энергия, накопленная долгим стоянием на месте. Будем надеяться, что Бог даст нам победу».

Несколько ранее в письме от 27 января 1916 года Каледин, в тяжелых раздумьях о будущем России, так характеризует сложившуюся общественно-политическую обстановку в стране: «То, что рассказывала Анна Павловна о Петроградских нравах, я уже слышал и из других источников; в Киеве, Москве и других больших городах делается то же. К стыду нашему, в обществе господствует чрезвычайное легкомыслие в отношении переживаемого периода. Это общая погоня за наживой, не стесняясь средствами, распушенность нравов, оргии и наряды — скверные признаки, и знаменуют ничтожество и отсутствие глубокого патриотизма в обществе, в так называемой интеллигенции. Подлое время. Общество не хочет знать, что оно танцует, быть может, на краю пропасти».

Его больно ранил тот факт, что пресса очень мало пишет о реальных успехах его 8-й армии и расписывает действия менее успешных соединений, т. е. тех армий, которым отводилась второстепенная роль. В письме от 12 июня 1916 года Алексей Максимович тяжело пережи-

вает за большие потери и тяжелораненых офицеров — Чекатовского и других. Он пишет: «Недавно у меня была леди Педжет, из английской аристократии, приехавшая с доктором и несколькими автомобилями для перевозки раненых. В восторге от всего виденного и говорит, что мы имеем успех на всю Европу. Сегодня получил письмо от сестры м-ме Брусиловой; я был тронут ее деликатным вниманием: она была огорчена, что обо мне и 8-й армии, сделавших больше других, ничего не упоминается в газетах и бюллетенях; она негодует на это и высылает обо мне маленькую газетную заметочку». В письме от 16 июня мы читаем: «В эти недели непрерывных боев я очень изнервничался; пришлось очень много пережить. В период перелома, т. е. после 1 июня, начались к тому же постоянные недоразумения с Брусиловым и Штабом. Меня изводили мелочные и совершенно неправильные замечания по поводу действий Армии, на которые я ответил самым энергичным образом... У меня глубокое равнодушие к моей личной судьбе и моей карьере; я об этом совершенно не забочусь. Мне только дорога моя честь и ответственность перед Родиной. Мои отношения с верхами восстановятся только новой победой, если таковую суждено мне еще видеть. При сколько-нибудь крупной неудаче я сейчас же подам в отставку. Будь об этом пред-уведомлена и не строй воздушных замков для будущего. Я совершенно спокоен и хладнокровно смотрю на возможность ухода со службы».

Письмо 9 июня 1916 года: «...Тяжеловато моральное состояние. Я не могу много писать, когда чем-нибудь очень занят. Теперь в официальных бюллетенях пишут так много (и напрасно, по-моему), что об общих делах ты из них больше узнаешь, чем я считаю возможным сказать. Газетные корреспонденты тоже изошряются и разводят ужасные стратегические вензеля, причем весьма часто тычут пальцем в небо. Что касается до батальных картин, то в большинстве это отчаянная брехня, над которой вы, бедные жены, льете слезы умиления. Пожалуйста, только не разглашай этого, ибо фантазии газетные все-таки имеют значение для общего настроения. У меня теперь корреспондент “Таймса”, американец, приехавший с фотографом и переводчиком. Он ни слова по-русски; манеры американские, т. е. держится вроде развязного мастерового в праздничный отдых. Был Вел. Кн. Сергей Михайлович, осматривал взятые нами позиции; довольно долго просидел у меня с разговором об общем положении моей армии... Очень был тронут телеграммой Жеребкова».

Кроме Жеребкова, А. М. Каледин получал много восторженных писем, телеграмм от знакомых и незнакомых, сослуживцев и просто

патриотов России. Но при этом остается негативное отношение со стороны руководства Юго-Западного фронта и Ставки. В письме от 26 июня 1916 года он пишет: «Меня умышленно замалчивают в бюллетенях, подаваемых Ставкой для печати; даже стараются не называть армии, а перечисляют части и пункты так, что можно для неосведомленного читателя понять их отношение к другим армиям. Я никак не могу объяснить себе причину этого, ибо <...> ничего другого не хочу, кроме честно выполнить свой долг перед Родиной. За последние действия войска моей армии получили благодарность Государя... Сегодня приезжал от Скобелевского комитета офицер с кинематогр. аппаратом и по поручению комитета снял меня отдельно, потом в группе с Сухомлиным и Стоговым, а потом в среде всего штаба. Перед сеансом я бранился, но это до известной степени обязательно, т. к. снимается для истории войны. Получил еще сегодня письмо Конст. Осип. Замчалова с выражением его восхищения перед подвигами моей армии. От Матковского тоже получил письмо с поздравлениями. Я был очень тронут этим вниманием». В письме от 14 июля 1916 года читаем: «Получил поздравление из Новочеркасска от Кумсковых, передай мой поклон им и сердечную признательность за внимание. Получил интересное поздравление: от двух казаков Забайкальской батареи, где я служил по выпуске в офицеры, до академии (прошло уже 30 лет, как я оттуда уехал): эти казаки были у меня во взводе. Послал им ответ. Вчера у меня была японская миссия из нескольких офицеров, были на позициях в одном из корпусов. Вчера ночью приехал сюда В. Кн. Борис Владим., мне передали, что он сегодня будет у меня». В письме от 19 июля 1916 года говорится: «За эти дни у меня был, из крупных посетителей, Родзянко (Председ. Государ. Думы). Долго просидели, разговаривали о наших военных делах». А в письме от 17 августа 1916 года читаем: «На днях ко мне явилась с пропуском от Дежурн. Генерала Ставраки и с рекомендательной карточкой от Брусилова некая Г-жа Третьякова, вдова владельца известной Московской картинной галереи. Она собирает матерьялы для зарисовывания эпизодов войны. Рисунки поступят в особый музей, который составляет личную собственность Государя и для которого строится особое здание в Царском Селе. Это небольшого роста старушка, очень подвижная и страшная болтуня. Она тут уже живет несколько дней и посещает разные места моего фронта. Брусилов обещал дать ей все матерьялы для увековечивания Луцкого прорыва». Елена Андреевна Третьякова занималась организацией музея Первой мировой войны, для которого она подарила свою

коллекцию, включавшую и произведения изобразительного искусства. Ратная палата была заложена по высочайшему повелению 3 мая 1913 года, задуманная как пантеон воинской славы Отечества — музей для хранения военных трофеев и исторических документов. Особую часть коллекции составляли вещи, подобранные на полях сражений. В настоящее время предполагается воссоздание этого музея для увековечивания памяти жертв той войны [18].

Но эта громкая победа не была использована — стратегического результата операция не дала и вывести из войны Австро-Венгрию не получилось. За три дня напряженных боев 8-я армия продвинулась на 60 км: сильно выдвинулась вперед своим центром, фланги же остались на местах, и фронт армии представлял собой сильно выпуклую дугу. Поэтому генерал Каледин, не имея необходимых резервов для дальнейшего развития достигнутого им успеха, предпочел выравнять фронт, наступая обоими флангами. При этом в течение семи дней, с 26 мая по 1 июня, командующий 8-й армией получил три приказа об остановке и два о продолжении наступления от главкоюза генерала Брусилова для перегруппировки войск во время такого грандиозного наступления (?!). Запланированный фронт 8-й армии имел протяженность 22 версты, в дальнейшем с приданием 8-й армии 4-го конного корпуса и одной дивизии с прирезкою участка длиной 65 верст (!!) командующий армией говорил, что такое удлинение фронта сведется к ослаблению армии и создаст крайнее затруднение для прорыва, т. к. фактически роль конного корпуса сведется только к наблюдению за своим участком. Главнокомандующий Брусилов согласился с этими доводами, а когда началась операция, то первоначальное предположение об удлинении фронта было все-таки осуществлено. Но, когда прорыв последовал, часть конницы 8-й армии была переброшена на север, что ослабило 8-ю армию. В стенограмме военно-исторической комиссии [19] говорится, что Юго-Западный фронт должен был стремиться к самостоятельной операции уничтожения австро-германской живой силы к югу от Полесья, но главкоюз противился обращению этого театра войны из второстепенного в главный. Идея согласования наступления Юго-Западного и Западного фронтов явилась могилой нашей полной победы. Главная идея командования Юго-Западного фронта — не быть главным фронтом — упорно проводилась, несмотря на колоссальный успех наступления. Если бы Юго-Западный фронт, после своих успехов, сказал бы: «Я главный фронт, давайте мне всё, что у вас есть», — то поступил бы правильно. Роль других фронтов, после

удачи Юго-Западного, сводилась к второстепенному значению, и победитель имел право ничем более не интересоваться, кроме как достижением развязки у себя... И поэтому с 1 по 7 июня 8-я армия, продолжая некоторое выдвижение в центре, в основном ведет борьбу на флангах, закрепляя тем положение армии. 8 июня главнокомандующий генерал Брусилов, у которого и на всем Юго-Западном фронте не оказалось достаточных для развития успеха 8-й армии оперативных резервов, отдал приказ временно приостановить наступление и затем перейти в наступление в направлении на Ковель. Наступательная роль 8-й армии закончилась. Это — непоправимая ошибка генерала Брусилова, который не дал в нужный момент резервов 8-й армии, чем очень «помог» командованию Австро-Венгерской армии. Руководство германского фронта очень обрадовалось этой отсрочке и спешно подтянуло свои войска из Франции, а австрийцы — с итальянского фронта и мощно укрепили свои позиции тяжелой артиллерией с активным участием авиации. Благодаря этой победе русской армии были спасены французские и итальянские армии. (Дискуссия «Луцкий прорыв» в Публичном заседании Военно-исторической комиссии 27 августа 1920 года под редакцией Черкасова, изд. М., 1924.)

Две недели спустя директива Брусилова о возобновлении наступления не дала желаемых результатов. Атаки русских цепей катились одна за другой; тысячи людей погибали под пулеметным огнем, разорванные осколками снарядов. Бессмысленность этих лобовых атак становилась очевидной не только офицерам, но и рядовым солдатам, угнетала роль жертвенных животных, приносимых честолюбию Брусилова. И тогда Каледин обратился ко всем корпусным командирам: «Я не могу вам не приказывать исполнять приказ командующего фронтом. Но прошу. Пусть командиры ваших дивизий и полков выполняют его не по служебному долгу, а по СОВЕСТИ И РАЗУМУ». Генерал рисковал всем: карьерой, должностью, чином — и без ущерба для дела спас тысячи жизней солдат. И всё, что может сделать генерал Каледин в этих условиях, — это вывести свой командный пункт на линию передовых окопов пехоты, дабы быть вместе со своими солдатами в огне. И несмотря на такие сложнейшие взаимоотношения с Брусиловым, Ставка правильно оценила результаты действий армии Каледина. 27 июня 1916 года в газете «Русский инвалид» отмечалось: «В общем можно сказать, что вторая задача генерала Каледина, сводившаяся после прорыва германских подразделений к удержанию бешеных контратак подоспевших германских подкреплений, выполнена не менее

блестяще, чем первая. Результаты последних боев на фронте генерала Каледина, помимо колоссального количества взятых перед этим пленных и трофеев, сводятся к захвату еще более 20 тысяч австро-венгерских солдат, при большом количестве орудий, пулеметов и прочих материальных трофеев».

Однако Брусиловым за столь блистательные победы к награде Каледин представлен не был. Но одну награду донской генерал все же получил — он заслужил огромную популярность в донских станицах. И донские станицы способны рождать великих полководцев-стратегов. «Победы мая–июня были утоплены в крови июля–октября. А. А. Брусилов фактически перестал адекватно оценивать обстановку на своем фронте. Ковель уже превратился для Брусилова в самоцель, и ничем иным, кроме как упрямством главкома фронта и его желанием «утереть нос Ставке», точнее Императору и М. В. Алексею, продолжение Ковельского сражения не объяснить... кровавая Ковельская бойня продолжалась еще два месяца. Таким образом, стремительное движение армии Каледина было остановлено. Вместо развития победного наступления 8-й армии главкоюз генерал Брусилов приказал перевести направление главного удара на Ковель через болотистую пойму реки Стоход на хорошо укрепленные позиции австро-германцев на крутом ее берегу... Для выполнения этого безумного плана были подтянуты части Русской Гвардии. Бессмысленные атаки со сотысячными жертвами продолжались до октября 1916 г., когда уже сам Государь наконец-то своим приказом отменил продолжение этой мясорубки. Как это ни странно, Брусилов, обязанный всей своей славой 8-й армии, почти два года пробывший во главе ее, испытывал какую-то, быть может, безотчетную ревность к своему заместителю, которая проглядывала во всех их взаимоотношениях и в дни побед, и еще больше в дни неудач». 22 мая 1917 года генерал Брусилов был назначен Временным правительством на пост Верховного главнокомандующего. (После провала июньского наступления Брусилова сняли с поста Верховного главнокомандующего и заменили генералом Корниловым.)

Революцию и последовавшую за ней «демократизацию» армии генерал Каледин принять не мог. В дневнике его адъютанта ротмистра В. К. Скачкова приводится эпизод революционных дней: «В первых числах апреля 1917 г. под влиянием агитаторов толпа солдат собралась около комендатуры с целью ареста коменданта. Опасаясь расправы, офицеры и военные чиновники попрятались. Вдруг появился Каледин. Его спокойная фигура проталкивается между солдатами. Вокруг кри-

ки, шум, бурные речи... Генерал Каледин поднимается на грузовик. Всё смолкло. Не спеша, ясно и громко Каледин заявил: “Пока я жив, вы коменданта не увидите...” Затем, переждав рев разъяренной толпы, продолжал: “Стыдись, русский солдат, ныне свободный, по воле агитаторов связавший душу армии и честь России. Офицеров, которые, как и вы, не знали отдыха и умирали на полях сражений, вы изгоняете и убиваете. Подумайте, что вы будете делать без них? Идите же по казармам и еще раз хорошо обо всем подумайте!” Закончив речь, Алексей Максимович спустился с грузовика и медленно пошел в штаб через солдатскую толпу, которая перед ним молча расступалась. После его ухода все стали без шума спокойно расходиться». Если бы были у него последователи, то можно было бы сохранить армию в боеспособном состоянии для окончания войны (предпосылки для этого были: заработала промышленность, снабжающая фронт боевым снаряжением и техникой) — и другим мог быть ход истории. Но остальные затаились и выжидали, куда же повернет флюгер политики, некоторые сразу перешли к красным (как Брусилов, Клембовский и др.), и в этом ожидании высший командный состав Юго-Западного фронта оказался арестованным солдатскими комитетами и посаженным в Быховскую тюрьму, а армия — обезглавлена...

Вражда Каледина с солдатскими комитетами вызвала недовольство принявшего революцию Брусилова. Вскоре Алексей Максимович был отставлен от должности командующего 8-й армии. Вспоминает генерал Деникин: «Брусилов уволил ком-го 8-й армии генерала Каледина за то, что тот “потерял сердце” и не пошел навстречу “демократии”. И сделал это в отношении имевшего большие боевые заслуги генерала в грубой и обидной форме, сначала предложив ему другую армию, потом возбудил вопрос об удалении. “Вся моя служба, — писал мне тогда Каледин, — дает мне право, чтобы со мной не обращались, как с затычкой различных дыр и положений, не осведомляясь о моем взгляде”» [17].

В своих мемуарах начальник штаба Донских армий генерал-майор И. А. Поляков дает оценку появлению на Дону командующего прославленной делами 8-й армии: «...Генерал Каледин оставил армию, и не столько по болезни, сколько под влиянием иных причин, разочарованный и непонятый даже своими близкими помощниками и сотрудниками. Покидая армию, он был полон любви и веры в Дон, он верил в крепость старых традиций казачества и считал, что только там, на Дону, еще можно работать» [20].

Рис. 9. Избрание А. М. Каледина первым выборным Донским атаманом. Июнь 1917 г. ГА РФ. Р-6944. Оп. 1. Д. 135

Интересную запись, говорящую о высоком авторитете А. М. Каледина в Высшем командовании, приводит А. В. Шишов: «...В марте 1915 г. (после тяжелого ранения и пребывания в Кауфмановском госпитале. — *З. М.*) дважды Георгиевский кавалер формирует кавалерийский корпус, который спасает положение русской 9-й армии ударом во фланг наступающим австро-венгерским войскам. Корпус состоял из двух дивизий: его 12-й кавалерийской дивизии во главе с ген.-лейт. бар. Карлом Маннергеймом и кавказской Туземной (Дикой) конной во главе с великим князем Михаилом Александровичем Романовым» [21].

В сложившейся ситуации А. М. Каледин уезжает в Новочеркасск, где в это время работал Донской войсковой круг. Боевой генерал был горячо встречен его участниками, и в июне 1917 года Алексея Максимовича избрали войсковым атаманом Донского казачьего войска (рис. 9).

В Петрограде это решение пришлось утвердить. Покидая армию, он был полон любви и веры в Дон. В грамоте круга Войска Донского по поводу избрания генерала от кавалерии и георгиевского кавалера, фронтовика со славой А. М. Каледина говорилось следующее: «По праву древней обыкновенности избрания войсковых атаманов, нару-

шенной волей царя Петра I в лето 1709-е и ныне восстановленному, избрали мы тебя нашим Войсковым атаманом». В середине августа 1917 года А. М. Каледин по приглашению Временного правительства принял участие в работе Государственного совещания, проходившего в Москве, где зачитал «Декларацию казачьих войск», составленную казачьими представителями всех 12 казачьих войск [22].

Все они были готовы постоять за державность России, победное завершение Великой войны, что было их делом чести. И стояли за оздоровление русской армии, самой страны, установление твердой в ней власти. Такая позиция была проста и ясна и тогда, и сегодня. Казачество всегда было сословием государственных служилых людей, стоящих на страже интересов России. Позиция Алексея Максимовича Каледина какой-то особенной для истории 1917 года не смотрится. Выступление было программным для тех здоровых сил, которые были озабочены спасением государства в ходе мировой войны. Спасением России, в которой возможно было установление республиканского строя правления через полномочное учредительное собрание.

Хотя Донской атаман открыто не поддержал выступление Верховного главнокомандующего России генерала от инфантерии Л. Г. Корнилова, родом из простых сибирских казаков, он все же заявил у себя на Дону: «Временное правительство... происходит плоть от плоти и кровь от крови Совета рабочих и солдатских депутатов...» [22]. Вместе с тем казачество отмечает, что это обвинение в контрреволюционности было брошено после того, как казачьи полки, спасая революционное правительство по призыву министров-социалистов, 3 июля вышли решительно, как всегда, с оружием в руках для защиты государства от анархии и предательства. После совещания Керенский, поняв, какие силы может объединить Каледин для защиты Отечества, объявил его «изменником Родины», послав от имени Каледина из Новочеркасска телеграмму о том, что Донское казачество присоединяется к генералу Корнилову. Современники не без основания считали, что это было провокацией со стороны Керенского, поскольку авторитетный Каледин был ему опасен. Керенский в ответ смещает «несогласного» войскового атамана «с преданием суду за мятеж», т. е. речь шла об его аресте. Одновременно военный министр Временного правительства А. А. Верховский (служивший затем в Красной армии и расстрелянный в 1939 году) отправил Каледину телеграмму угрожающего содержания: «...Если это означает объявление казачеством войны России, то я должен предупредить, что братоубийственная борьба,

которую начал Корнилов, встретила единодушное сопротивление всей армии и всей России, и появление в пределах Московского округа казачьих частей без моего разрешения я буду рассматривать как восстание против Временного правительства. Немедленно пришлю приказ о полном уничтожении всех идущих на вооруженное восстание». Однако Донское правительство и Донской круг не признали такого решения Временного правительства, и Керенскому пришлось отменить свой приказ, а Верховский был вынужден сослаться на ложность поступивших к нему сведений о «движении казачьих эшелонов». «Тот факт, что атаман Войска Донского не поддержал открыто выступление Верховного главнокомандующего Корнилова, долгое время игнорировался в публикациях, как исторических, так и художественных. Каледина долгое время рисовали как отпетого корниловца» [21].

После этих событий Донской атаман остался «глух» к Временному правительству, которое все больше и больше показывало свою несостоятельность для воюющей России с ее бурлящей армией и особенно флотом. После утверждения власти большевиков Каледин сразу объявил военное положение в Донской области и начал разгром Советов. Он разрешил сбор контрреволюционного офицерства в Новочеркасске, и в том, что Донская земля стала колыбелью Белого дела, — велика его заслуга. Но общая ситуация была не в пользу калединцев ввиду начавшейся неприкрытой жестокой борьбы в руководстве Белой армии между генералом Алексеевым и генералом Корниловым. Руководство Добрармии требовало также решительных действий и от атамана Каледина, но Алексей Максимович по-прежнему не верил в способность казачества противостоять большевизму как политическому феномену. Широко известны его слова: «Положение наше безнадежно. Население нас не только не поддерживает, но настроено нам враждебно... Я не хочу лишних жертв, лишнего кровопролития».

Однако атаману пришлось вплотную заниматься и проблемами, обусловленными происходившими тогда в стране бурными и крайне сложными, весьма неоднозначными политическими процессами. А. М. Каледин вскоре заявляет о себе не только как об областном политическом лидере, но и как об одном из известных и авторитетных деятелей регионального, а чуть позже и всероссийского уровня.

Выступивший атаман Каледин предложил безотлагательно осуществить суровые и радикальные мероприятия. Декларация, прочитанная А. М. Калединым от имени всего казачества, произвела очень сильное впечатление, генерал Каледин покидает трибуну при неслы-

ханном волнении в зале. Возвращаясь с Государственного совещания, А. М. Каледин, мрачно и пессимистически оценивая внутривнутриполитическое положение в стране и перспективы его развития, высказал мысль о том, что «Россию можно будет восстанавливать частями по кускам, постепенно оздоравливая отдельными оазисами». Одним из таких оплотов мог бы стать Юго-Восток Европейской России. В Сибири, на Урале, на Украине также могут создаваться такие же крупные «здоровые от надвигающегося революционного развала образования». А после того, как они добьются «оздоровления» у себя на местах, объединенными усилиями «помогут затем подняться всей России».

В это же время было сфабриковано Керенским «дело о Калединском мятеже, присоединившемуся якобы к Корнилову» для устранения Донского атамана с политической арены. Полную невиновность А. М. Каледина подтвердила и специально посланная на Дон Чрезвычайная следственная комиссия, возглавляемая главным военно-морским прокурором Шабловским.

11 сентября находившийся в ставке Керенский в своей телеграмме в адрес правительства заявил о необходимости «ликвидировать дело смелым жестом, признав объяснения Каледина удовлетворительными». Спустя месяц он характеризовал это «калединское дело» как печальное недоразумение. 25 октября атаман А. М. Каледин получил телеграмму министра юстиции П. Н. Малянтовича с сообщением, что в столице большевики пытаются захватить власть. Через несколько часов, уже поздно вечером того же дня, на имя Каледина приходит еще одна телеграмма, подписанная министром внутренних дел А. М. Никитиным, в которой говорилось о низложении Временного правительства. Сразу после этого Каледин отправляет телеграммы Временному правительству, в штаб Верховного главнокомандующего, Совету Союза казачьих войск, атаманам всех казачьих войск страны, в которых было заявлено, что Донское Войсковое правительство считает захват власти большевиками преступным и совершенно недопустимым и окажет полную поддержку Временному правительству.

Решительное заявление донских казачьих властей явилось одним из самых первых громких призывов к решительной борьбе с большевиками. С этого времени начинается уже военно-политическая деятельность атамана А. М. Каледина. 2 ноября его приказом Ростовский, Черкасский и Таганрогский округа были объявлены на военном положении. Наиболее упорная борьба развернулась за Ростов, власть в котором находилась в руках местного революционного комитета ВРК.

Но казаки отказались участвовать в этом. И только имея в своем распоряжении небольшой отряд из мальчиков — кадетов и гимназистов, юнкеров и офицеров, был взят Ростов после артиллерийской подготовки ловким стратегическим маневром, неожиданным для большевиков, при небольших потерях. Но для активной вооруженной борьбы с советскими силами Каледину удалось привлечь весьма ограниченное число казаков.

В период своего атаманского служения на Дону Алексей Максимович старался все вопросы решать путем мирных переговоров, не прибегая к военной силе, и ему это удавалось в течение 8 месяцев. Начавшийся разлад, а точнее сказать борьба за руководство Добровольческой армией между генералом М. В. Алексеевым и генералом Л. Г. Корниловым и уход ее на Кубань сыграли отрицательную роль для дальнейшего развития событий в Донской области. Распропагандированное на фронте казачество, уставшее от войны, не хотело участвовать в защите Донской области от захвата ее большевиками, поверив обещаниям Ленина, за что жестоко расплатились в дальнейшем. И Каледин, заботясь о мирном населении, распускает вооруженные силы: «Я открываю фронт, — пишет он в последнем приказе, — с единственной целью: не подвергать город всем ужасам гражданской войны». Одновременно было дано указание полковнику Попову об уходе казаков из Новочеркасска в Калмыцкие степи с целью сбора казачьего ополчения для защиты Донской области от большевиков. Из воспоминаний Елизаветы Дмитриевны Богаевской (жены Митрофана Петровича Богаевского, помощника Каледина): «А дальше страшное развернулось быстро и неожиданно. Прошло собрание Правительства, на котором Алексей Максимович торопил всех подавать в отставку. Должна была произойти передача власти городу, Члены Правительства стали расходиться. Митрофан Петрович заглянул домой, попросил чистый носовой платок и не успел даже ничего сказать, как послышался крик Г. П. Янова у двери: “Митрофан Петрович, Алексей Максимович застрелился!” Мы бросились вверх, вбежали в кабинет в комнату, в которой жил брат Алексея Максимовича. На кровати лежал Алексей Максимович, уже мертвый. Голова немного свесилась на правую сторону, слегка приоткрытый рот. Левая рука на груди, правая вытянулась, уронив револьвер. Митрофан Петрович сложил руки на груди, поправил голову на подушке, обратился ко мне: “Сложи платок и подвяжи подбородок...” Я машинально повиновалась. Он осмотрел ранку в сердце, осмотрел матрац... Пробит

насквозь... Полез под кровать, нашел пулю... и... положил себе в карман, сразу исчез, в похоронах не участвовал (это самый близкий его помощник и соратник)». Сразу была принята версия самоубийства, которая была выгодна новой власти, и муссируется все эти годы. Однако похоронен он на территории городского кладбища, рядом с Дмитриевской церковью. Отпевание проходило в Большом Войсковом соборе в столице Донского казачества — в Новочеркасске. В очерке С. Рытченкова «Памяти Атамана Каледина» [23] говорится: «Протяжно, по-постовому гудел соборный колокол, созывая горожан помолиться о душе Атамана-мученика. Бесконечные вереницы народа тянулись к собору. Траурные одежды, расстроенные лица ясно показывали, что то, что совершилось, — было ужасно. Что за неожиданной смертью Атамана должно последовать что-то еще более ужасное для Дона. В лице погибшего Атамана волнующийся от большевизма Дон терял всё. Собор был переполнен молящимися... Такое количество народу можно было видеть только под Св. Пасху. Сверкали электрические паникадила, люстры... Масса духовенства, с двумя архиереями в золотых облачениях, с полным хором войсковых певчих в голубых кунтушах, служили панихиду. Торжественно, особенно молитвенно шла служба. Серебристые отголоски войскового хора терялись где-то высоко, в мрачной пустоте громадного купола. Горячо молились присутствовавшие, не одно заглушенное рыдание слышалось отовсюду; как от дуновения ветра всколыхнулась толпа и опустилась на колени при пении “Вечная память”... Бесконечные венки, цветы окружали металлический гроб Атамана. По обе стороны гроба стояли почетными часовыми два офицера с обнаженными шашками, остриями опущенными вниз. После панихиды огромные толпы народа покинули собор.

Я был назначен в почетные часовые к гробу Атамана от трех до пяти часов ночи. Я стоял у гроба Атамана и, глядя на его удивительно спокойное восковое лицо, думал о многом. Я вспомнил, какими овацями Войскового Круга и публики было встречено согласие генерала Каледина принять пост Атамана. Я вспомнил его великолепную декларацию от имени всех казачьих Войск на Московском Государственном Совещании. Его доклад Войсковому Кругу о “Калединском мятеже”. Его высокую, немного сгорбленную фигуру с непокрытой головой, с грустным задумчивым лицом, следовавшую за гробом умершего от ран или убитого партизана. Шел такой же одинокий, как и жил, — для счастья Дона... Монахиня читала псалтырь и по изнеможенному лицу ее катились слезы...

Наступило бледное сырое утро 2 февраля. К девяти часам утра собор был снова переполнен молящимися. Шла торжественная заупокойная обедня, а затем отпевание. Бесконечная вереница людей тянулась к гробу Атамана, воздать ему “последнее целование”. Вынос тела... Печально торжественные звуки “Коль славен” и затем похоронного марша Шопена. Траурная колесница... и, мягко покачиваясь на рессорах, тело усопшего Атамана медленно двигалось к месту вечного упокоения, куда при жизни своей он провожал десятки убитых партизан. Так закончил свою жизнь боевой генерал, первый выборный Атаман Донского Войска — Алексей Максимович Каледин». Только что-то мало верится, чтобы так могли хоронить самоубийц в православии, или не было самоубийства?.. Это тоже вызывает вопросы...

А вот еще один штрих к образу Алексея Максимовича оставил Я. М. Лисовой: «За двадцать минут до смерти покойный атаман звонил в политический отдел Добровольческой армии, вызывая меня к телефону. К несчастью, меня не оказалось. На предложение моего помощника известить меня и направить во дворец, атаман ответил: “Ну, что ж, нет, не надо, не беспокойтесь”. ЧТО хотел сказать мне Алексей Максимович? Долго меня мучила эта мысль и до сих пор не оставляет, но могила нема, молчит и жилец ея... Ни время, ни место не позволяют всего сказать и написать все об атамане; одно для меня ясно — пройдет немного времени и одна из площадей Новочеркаска украсится памятником своему первому выборному атаману и его товарищу — борцам за спасение России, а в казачьих сказаниях и песнях появятся новые казаки-богатыри».

Виктор Севский по случаю полугодовщины смерти Алексея Максимовича Каледина писал: «Из Каледина многие делали генерала на белом коне, но вот теперь, когда его нет, когда есть свидетельские показания, записки современников и исторические документы, повернется ли у кого язык бросить упрек мертвому, но живущему в умах и сердцах честных людей Каледину? Не белый генерал, а гражданин в белой тоге независимости мысли. Гражданин, каких мало. Россия гибнет потому, что нет Калединых» [24].

Но имея таких героев, патриотов своего Отечества, полных высоких устремлений, благородства, отдавших свои жизни на благо Отечества, новая нарождающаяся власть постаралась не только забыть своих верных сынов, но и выкорчевать их из памяти народной — описывая их славные победы, не называя их имена или компрометируя всевозможными наветами, причисляя их к изменникам Родины, жестоко

расправляясь с непокорными, предлагая новым поколениям жить по другим законам. Не лишним будет сказать, что в столице казачества, Новочеркасске, в настоящее время, где он жил, служил, трудился и похоронен на городском кладбище в безымянной могиле, рядом с Дмитриевской церковью, установлена мемориальная плита, посвященная Алексею Максимовичу Каледину.

Но казачество, рассеявшееся по всему миру, не забыло своего героя-атамана. Пятнадцатилетие со дня его гибели отмечалось его сослуживцами в Праге в 1933 году [25]. Имя атамана генерала А. М. Каледина неразрывно связано с «Белым Делом» и выразительницей его на юге России — Добровольческой армией... Уже и теперь имеется достаточно документальных свидетельств о том значении, какое имело место в проявлении Белого движения и его дальнейшего развития имя атамана генерала Каледина. Лучшим свидетельством этого значения служит заявление самого творца этой идеи и основоположника ее генерала М. В. Алексеева, возлагавшего последние свои надежды на Дон с атаманом Калединым, где он мечтал сложить свои старые кости в борьбе за Россию, объявленную атаманом Калединым после захвата власти большевиками. Одного возникновения «Белой идеи» было недостаточно для того, чтобы сделать ее практически жизненной, и нужно было наличие многих условий, чтобы идею претворить в дело. Вот эти-то условия, в пределах возможного для человека, в то жуткое время общего развала и падения веры и духа и дал генерал Каледина.

Пусть об этом свидетельствует бывший начальник его походного штаба полковник Я. М. Лисовой, писавший в 1919 году: «Где же, как не на Дону у Атамана Каледина, могла быть осуществлена эта великая государственная идея защиты терзаемой Родины, куда еще до появления генерала Алексеева уже стали стекаться со всех сторон России все, кто чувствовал себя русским и кто предвидел грядущие ее бедствия». «Спасибо генералу Каледину, есть по крайней мере уголок земли, где можно будет умереть за Россию», — так определил один полковник, георгиевский кавалер в Радзавилове, свое душевное состояние после переворота в Петербурге и выступление атамана Каледина в ответ на большевистский захват власти. И сколько этих никому не известных офицеров Русской армии после этого потянулись на Дон к Каледину, чтобы умереть за Россию.

Они, эти русские люди: офицеры, студенты, юноши и дети средних учебных заведений, — с риском для жизни, среди потоков уже лившейся повсюду крови, пробирались сквозь озверелые революцион-

ные массы разнузданной солдатчины, бережно неся свою кристально чистую мысль: всего только — умереть за Родину.

И сколько было произнесено молитвенно облегченных вздохов с именем Каледина, когда, наконец, они переступали границы этой обетованной земли. «Так вот он — знаменитый Каледин, угроза русской революции, палач рабочих и диктатор Дона! Неужели это так?»

Измученное, страдальческое лицо с нервными складками, добрые глаза, мягкий задушевный голос говорили совершенно другое: «Взгляни хорошенько, ведь это страдалец за Родину, страдалец, добровольно взявший на себя крест...» Такими словами выразил полковник Лисовой свою первую встречу с генералом Калединым, добравшись на Дон.

Не простая ведь случайность, что на Дон к Каледину явились русские люди такого необычайно широкого политического диапазона, как террорист Борис Савинков и признанный до предела крайним правым Митрофан Пуришкевич. Все они несли свою любовь к Родине, и все, пусть по-своему, думали спасти ее. Увы, не все только понимали атамана Каледина в его крестном, высоком звании выборного Донского атамана.

Пятидесятилетие со дня смерти ознаменовалось изданием о А. М. Каледине книги «А. М. Каледин — герой Луцкого прорыва и Донской Атаман», вышедшей в Мадриде в 1968 году. Автор книги Н. М. Мельников, бывший помощник атамана Каледина в 1917–1918 годах. На проходившем в Париже в 1966 году собрании донских казаков было принято решение об издании книги для увековечивания памяти высокочтимого вождя казачества. Для осуществления этого проекта нужны были средства и немалые, и собраны были эти средства казаками станиц, объединений и казачьих общин со всех континентов мира.

Столетие со дня гибели А. М. Каледина ознаменовалось выходом книги В. Г. Родионова, кандидата исторических наук, члена Союза писателей, — «Убийство Донского Атамана Каледина» — в скромном кругу потомков А. М. Каледина, атамана А. Е. Волошинова и др.

Ежегодно 29 января казаки всех континентов отмечают этот скорбный день гибели генерала от кавалерии, Донского атамана Алексея Максимовича Каледина.

Не пора ли и нам, русским людям, изучая, пересматривая нашу противоречивую историю, присоединиться к голосу мировой ответственности русского зарубежья и возродить из небытия наших многочисленных забытых героев. Они этого заслужили своими подвигами и могут быть для нас примером служения своему Отечеству!

ПАМЯТИ АТАМАНА КАЛЕДИНА
(ИЗ ЦИКЛА «БОГАТЫРИ И ВИТЯЗИ ЗЕМЛИ РУССКОЙ»)

Когда над Родиной сплетались
Измена, трусость и обман —
Твои слова в Москве раздались,
Родной наш Белый Атаман.

Чтоб уберечь Русь от паденья,
Не допустить ее развал —
Живые силы к единенью
На подвиг жертвенный Ты звал.

Ты смертью разбудил Дон Вольный,
«Исполнив долг свой до конца».
Твой выстрел был не самовольный,
А по велению Творца.

Ты был одним из самых славных
Сынов России скорбных лет.
По благородству нет вам равных,
По доблести вам равных нет .

Порыв ваш долга, крепче стали,
Был изумительный пример!
За вами шли и умирали
И гимназист, и офицер.

Ты был из самых честных, смелых,
Прославивших наш темный век.
В скрижалях правды к слову: Белый —
Припишется: Сверхчеловек.

Вячеслав Б.

На берегах Дона и Кубани
Слетались все мы как один,
Святой могиле поклонялись,
Где вечным сном спит Каледин.
Твои заветы верно помня,
Твоя дивизья здесь, с тобой,
Твое мы имя гордо носим
С высоко поднятой главой.
Полков родных былую славу
С тобой на Дон мы принесли
И в их страницы боевые
Венки терновые вплели.

*Генерал-майор
Игнатий Чекатовский*

Список источников и литературы

1. РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 3247. П. с. за 1813 г.; ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 309, п. с. за 1825 г.
2. Архивная справка от 27.02.2018 № 23-3521 255. Ф. 304. Оп. 1. Д. 3831. Л. 65.
3. Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах 1813–1814 гг. : сборник документов. — С. 196. № 278.
4. РГВИА. Ф. 330. Оп. 55. Д. 1661, п. с. за 1870 г.
5. РГВИА. Ф. 330. Оп. 56. Д. 462, док. 1877 г.
6. РГВИА. Ф. 330. Оп. 58. Д. 641, п. с. за 1908 г.
7. Донские ведомости. — № 127, 4 июля 1919 г. — С. 1–4.
8. Генеалогия и семейная история Донского казачества / С. В. Корягин. — Вып. 44. — С. 10.
9. РГВИА. Ф. 330. Оп. 58. Д. 95 за 1905 г.
10. РГВА. Ф. 39456. Оп. 1. Д. 144. Л. 27.
11. РГВА. Ф. 39457. Оп. 1. Д. 408. Л. 4–5. Список гг. офицеров, врачей и чиновников, состоящих на службе в Донской авиации.
12. РГВА. Ф. 39456. Оп. 1. Д. 88. 280 с.
13. Генерал А. М. Каледин : Фронтовые письма, 1915–1917 гг. / сост. С. П. Чибисова.

14. РГВИА. Ф. 330. Оп. 58. Д. 635, л. с. за 1907 г. Ф. 409. Оп. 1. Д. 249–509, л. с. за 1915 г.
15. *Мельников Н. М.* А. М. Каледин — герой Луцкого прорыва и Донской Атаман. — Мадрид, 1968.
16. *Головин Н. Н.* Галицийская битва. — Париж, 1930.
17. *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. — М., 2003.
18. *Введенский Г. Э.* Собрание в Ратной палате // Художественный вестник. — 2008. — № 3.
19. Дискуссия «Луцкий прорыв» в Публичном заседании Военно-Исторической Комиссии 27 августа 1920 г. / под ред. Черкасова. — М., 1924.
20. *Поляков И. А.* Борьба Донского казачества с большевиками. — М., 2008.
21. *Шишов А. В.* Казачьи атаманы. — М., 2008.
22. Декларация казачьих войск на августовском совещании в Москве.
23. *Рытченков С.* Памяти Атамана Каледина // Родимый край. — 1961. — № 32.
24. *Севский В.* Журнал «Донская Волна». — 01.07.1918. — № 4. — С. 7.
25. ГА РФ. Ф. 6944. Оп. 1. Д. 97.

Дворяне Муромцевы в русской истории

Судьба рода Муромцевых всегда была тесно связана с историей России, с жизнью страны на разных ее этапах. Судьбы столбовых дворян Муромцевых наглядно представляют судьбы России на протяжении шести с лишним столетий — и в годы успехов, и в годы трагедий и неудач. Род Муромцевых ярко иллюстрирует такое понятие, как столбовое дворянство, то дворянство, которое являлось опорой государства и державы Российской.

Наиболее ранние упоминания

Корни старинного столбового рода уходят во времена домонгольской, Киевской Руси. Основателями рода являлись князья или бояре Муромские, славные своими делами и мужеством, служившие воеводами князьям Киевским, Черниговским, Владимирским, Суздальским, Рязанским.

Первое упоминание в московских летописных сводах о Муромцевых относится к 1382 году.

С 60-х годов XIV века в древних московских жалованных грамотах Муромцевы упоминаются среди знатных людей, получивших земли от Великого князя Московского и состоящих у него на службе. Они получили земли в местности, известной под названием «Пушкинский край», владении московских князей. Уже в конце XIV века это была местность боярского и монастырского землевладения, а часть земель принадлежала самим московским князьям.

Ранние документы о землевладениях представителей рода, в том числе о пожаловании в 1393-м села (получившего название Муромцево; Московской губернии, Дмитровского уезда Морозовской волости) на земле Великого князя Московского, на его землях в Пушкинском крае, указывают на то, что судьба рода Муромцевых в

истории неразрывно связана со служением Великим князьям Московским.

Документы также дают возможность проследить, как формировался род, за счет чего создавалось его имущественное и материальное благосостояние, его разветвленность.

С конца XIV века великокняжеские земли стали раздаваться знатым людям, состоящим на службе у Великих князей Московских. Среди первых землевладельцев Пушкинского края были Муромцевы, Сафарины, Борковы, Рахмановы, Пушкины, Раковы, Ельдигины, Левковы, Царевы.

В XV веке Муромцевы продолжали получать земли в местности Пушкинский край, который как владение Великого князя Московского впервые упоминается в духовных грамотах Ивана Калиты.

В документах имеется несколько записей около 1440-х годов о вкладах (дарениях) Муромцевых в Троице-Сергиев монастырь. В 1446–1447 годах Григорий Федорович Муромцев принес в дар монастырю свою вотчину — село Никольское на реке Воре, в Дмитровском уделе, позже в волости Воре и Корзеневе Московского уезда. Также в дар монастырю было принесено село Конотеребово, данное Марией Муромцевой. Село располагалось на реке Воре (в дальнейшем называлось Муромцево) на границе Радонежа и Московского уезда.

Мария Муромцева и ее семья относятся к наиболее ранним семьям, известным в роду. У нее был сын — Микула (Николай), погибший, но успевший оставить потомство. Жена Микулы — Елена (Олена), у супругов было два сына — Игнатий и Василий Микуличи (Николаевичи) Муромцевы. Овдовев, Елена вышла замуж за боярина Григория Федоровича Колычева, призревшего обоих детей¹.

У супругов Колычевых был сын Александр — боярин князя Михаила Верейского.

Традиция дарений («вкладов») Троице-Сергиеву монастырю была принята в роду Муромцевых в XV веке.

В актах светских землевладений Рязанского края XIV–XVII веков упоминаются Муромцевы: 1491 год, декабрь — жалованная данная (поместная) и несудимая грамота Великого князя Ивана Васильевича (Иван III) Константину Дмитриевичу Муромцеву, принадлежавшего

¹Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. — Т. I. — М., 1952. — № 182, 205, 282.

к «детям боярским», на деревни Славцово, Глубокое, Ляхи, Ескино, Мартево в Унженском стане Муромского уезда².

Коломна

В XV столетии Муромцевы появляются на Коломенской земле. Учитывая историю рода на всем ее протяжении, когда Муромцевы неукоснительно были верны московским властям и поддерживали их, можно предположить, что первые пожалования на Коломенской земле были сделаны Муромцевым Василием Темным. Во второй половине XVI века представители рода владели земельными наделами в Коломне и Муроме. В Муромской Десятне за 1587 год значатся «Муромцев Борис Астафьева сын, Муромцев Иван Богданова сын, Муромцев Федор Григорьева сын».

В дальнейшем именно землевладения и служба коломенских Муромцевых стали основой формирования наиболее старинных ветвей рода: калужской (самой многочисленной, с двумя ответвлениями — смоленским и белёвским (тульским), коломенско-калужской (угасшей), рязанской, владимирской и тверской).

Тесное родственное соседство имений Муромцевых, родственное совладение землями подтверждают единство корней всего рода.

Родоначальниками этих старинных ветвей стали Муромцевы, получившие земельные пожалования от государей на Коломенской земле. Именно в столбцах Коломны, в сведениях о земельных пожалованиях перечислены Муромцевы — представители всех пяти старинных ветвей.

В столбцах Коломны (РГАДА. Ф. 1209) записаны многие представители рода Муромцевых (рис. 1). Так, Андрей Иванович, Кузьма Андреевич, Федор Семенович, Никита Семенович, Иван Семенович, Семен Семенович, Семен Афанасьевич, Григорий Семенович сформировали первые колена будущей калужской ветви рода.

Тимофей Васильевич, Василий Васильевич, Клементий Иванович — Муромцевы коломенско-калужской ветви.

²Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. — Т. 3. — М.: Древлехранилище, 2002.

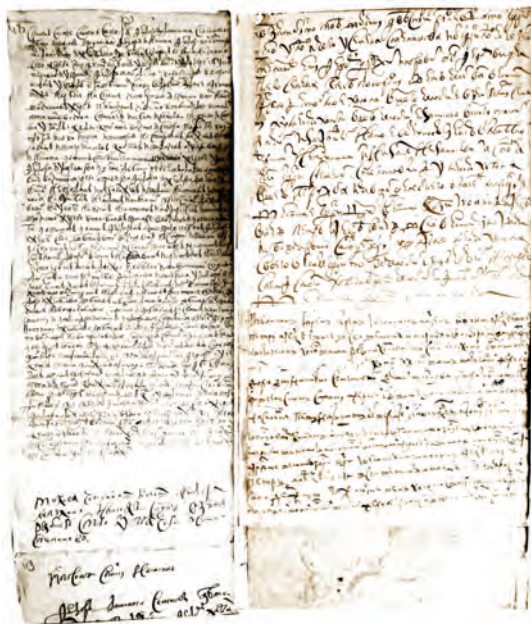

Рис. 1. Столбцы. РГАДА. Ф. 1209

Рис. 2. Коломна. Старинная гравюра

В Десятне по Мурому 1597 года приведены Муромцевы:

1. Борис Астафьев сын Муромцев, порука по нем в службе и в деньгах Иван Богданов сын Муромцев. Это представитель второго колена будущей владимирской ветви, порукой которому выступил будущий рязанский Муромцев.

2. Федор Григорьев сын Муромцев, порука по нем в службе и в деньгах Сума Васильев сын Кровков³. Это представитель будущей калужской ветви.

В книге Коломенского уезда письма и меры Данилы Житова и Федора Комынина 1578 года приводятся сведения о вотчинниках, получивших земли в Большом Микулином стане, «а в нем села, и деревни, и починки, и пустоши, и селища за князьями и за детьми боярскими в поместьях. Волость Раменская». Это земли вокруг Коломны, где обживались Муромцевы (рис. 2).

Пожалования Коломенских земель и служба представителей рода в высших административных чинах самой Коломны подчеркивает, что в XVI веке Муромцевы были среди активно служившего родине русского дворянства. Пожалования вотчин вокруг Коломны предусматривали в случае военной опасности обязательное участие коломенских дворян в защите города, который на протяжении нескольких столетий был важнейшей и крупнейшей пограничной крепостью Московского княжества, а потом Московского царства. Коломна долго оставалась одним из главных городов Великого княжества Московского, затем Царства Московского.

В «Синодике по убиенных во брани» (рукопись середины XVII века) упоминаются Муромцевы: Павел Михайлович Муромцев, погибший в 1552 году при взятии Казани, и его брат Григорий Михайлович, убитый при осаде поляками Великих Лук в 1581 году и владевший поместьями в Коломенском уезде.

Святые Корнилий и старец Вассиан Муромцев

Вассиан Муромцев принял монашество в Псково-Печерском монастыре и был учеником, верным другом и сподвижником преподобного Корнилия, а также архимандритом Псково-Печерского монастыря.

³РГАДА. Ф. 388. Оп. 845.

«Имя преподобного Корнилия, — говорит житие, — рачительного хозяина, строгого подвижника и просвещенного человека, было известно в то время на Руси».

Преподобномученик Корнилий Псково-Печерский родился в 1501 году во Пскове в семье бояр (родители Стефан и Мария). Образование получил в Псковском Мирожском монастыре, основанном в XII веке. Иноческий постриг принял в Псково-Печерской обители. В 1529 году, в возрасте 28 лет, он был возведен во игумена и избран настоятелем монастыря. Своей личной строгой жизнью и мудрым управлением преподобный Корнилий возвел монастырь на высокую духовную ступень и собрал более ста человек братии. Блаженный Корнилий насаждал благочестие не только в своей обители, но и во всей окрестности. Он окружил монастырь каменными стенами и сделал неприступной крепостью, выдержавшей осаду Стефана Батория в 1581 году.

Друг князя Андрея Курбского, Муромцев, принял от Корнилия постриг с именем Вассиан. Когда Курбский изменил царю и перешел на сторону Литвы, преподобный Корнилий и келарь Вассиан прекратили с ним переписку.

О житии монаха Вассиана Муромцева известно немногое. Некоторые исследователи относят его к боярскому роду, и не безосновательно. Человек очень образованный, Вассиан Муромцев, судя по письмам к нему князя Андрея Курбского, имел высокое происхождение, был столь же родовит, как и сам Курбский. Князь был известен горделивостью в отношении своего рода и знатности. Письма его Вассиану свидетельствуют, что Курбский считал его равным себе, достойным уважения и своей дружбы.

Просвещенные россияне своего времени высоко чтили преподобного Корнилия, любили собираться у него для бесед. Это были наиболее образованные из современников: известный своей книжностью старец Артемий, князь Курбский, который проживал по временам в обители для общения с Корнилием. Старец Вассиан Муромцев был одним из наиболее просвещенных людей своего времени.

Летописи и повести сохранили несколько подробностей из подвижнической жизни во Христе преподобного старца Вассиана. В миру его звали Третьяк Муромцев (родовые земли имел по реке Связи, притоку Волги). Третьяк, скорее всего, не крестильное имя, а прозвище. Третьяками обычно называли третьего сына в семье.

Вассиан известен как ревностный помощник и доверенное лицо преподобного Корнилия, особенно в создании и написании Псковской

летописи, так называемой Корнилиевой летописи. Известно, что оригинал летописного свода игумена Корнилия написан рукой самого старца Вассиана и имеет в себе исправления, правки и дополнения, сделанные Корнилием (так называемый Строевский или Погодинский список).

Преподобный Вассиан также вел переписку с духовными чадами игумена Корнилия. Из Погодинского летописного свода известно, что старцы Корнилий и Вассиан резко осуждали измену и бегство в Литву близкого им князя А. М. Курбского.

В посланиях к Вассиану Муромцеву князь критически высказывался о московской церкви. Опубликованы почти все наиболее значительные послания Андрея Курбского Печерскому монаху Вассиану Муромцеву. «Да будет тебе известно, любезный друг мой», — таково обращение в этих посланиях⁴.

Курбский отзывался о Вассиане: «муж был ученый и искусный и во Священных Писаниях последователь».

20 февраля 1570 года старцы Корнилий и Вассиан были казнены по приказу царя Ивана Грозного. Они указаны в списке лиц, особенно известных в истории Псково-Печерского монастыря по своим иноческим подвигам и высокому служению Церкви и Отечеству. Под 20-м номером значится Вассиан Муромцев, о котором сообщается, что он «известный по истории Российского государства Карамзина⁵, как смиренный ученик Преподобного Корнилия, по приказанию Иоанна Грозного будто бы раздавленный вместе с Преподобным в один день каким-то мучительным орудием» (предположительно мельничным жерновом).

Преподобномученики Корнилий и Вассиан были канонизированы. Память по преподобному Вассиану установлена 20 февраля, в Неделю третью по Пятидесятнице — в Соборе Псковских святых, в Неделю четвертую по Пятидесятнице — в Соборе преподобных отцов Псково-Печерских.

Инок Муромцев погребен в Псково-Печерском монастыре (лавре), в монастырских пещерах. На надгробии надпись: Вассиан Муромцев, инок, ученик Преподобного Корнилия, игумена Псково-Печерского монастыря, убит вместе с ним Иоанном Грозным 20 февраля 1570⁶.

⁴ *Кунцевич Г. З.* Сочинения Князя Курбского. — Т. I. Сочинения оригинальные. РИБ. Т. XXXI. — СПб., 1914.

⁵ История княжества Псковского. — Т. 9. — Киев, 1831.

⁶ *Толстой гр. М. В.* Святые и Древности Пскова. — М., 1861.

В 1643 году начато празднование Собора преподобных отцов Киево-Печерских. В том же году установлен Собор преподобных отцов Киево-Печерских и всех святых, в Малой России просиявших (в неделю 2-ю Великого поста). Соборное празднование подтверждено указом Святейшего Синода в 1843 году. Преподобномученик святой Вассиан Муромцев изображен на иконе Собора Псково-Печерских святых⁷.

Так звучит молитва Псково-Печерским святым:

«О преподобные и богоблаженные отцы наши Никандре, Иоакиме, Онуфрии, Корнилие, Савво, Евфросиние, Серапионе, Илларионе, Марко, Ионо, **Вассиане**, Дорофее, Мартирии, Василие, Иоасафе, Досифее, Харитоне, Игнатие, Харалампии, Памфиле, Ниле, Феофиле, Иакове, Авраамии, Корнилие, Иоанне, преподобная мати наша Вассо и прочие чудотворцы Псковские! Примите ныне нас, к вам усердно молящихся и припадающих ко святым иконам вашим, духом же на небесах предстоящий Святей Троице со Ангелы и преподобных отец лики, молитесь о нас, чадах ваших (имена), отцы, да избавимся всяких скорбей, болезней, бед и обстояний и благочестие поживем в настоящем житии, ходяще в заповедях и оправданиях Господних беспорочно. Испросите нам грехов прощение, телесам здравие и вечное спасение, яко да вашим предстательством спасаеми, славу возсылаем Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков. Аминь».

Истоки рода

В XVI веке род сохраняет и упрочивает позиции. Великие князья, а с XVI века Московские цари доверяли Муромцевым и жаловали их. При царе Василии Шуйском, в период Смутного времени, Семен Афанасьевич Муромцев принимал участие в обороне Москвы от войск Лжедмитрия II (так называемого Тушинского вора). Его сыну, тоже носившему имя Семен, в 1669 году были пожалованы за верную службу села Бурково, Козино, Корчагино, Муратово, Слухово и др. В царских жалованных грамотах (Михаила Федоровича Романова (первого царя из династии Романовых) и Алексея Михайловича) Семену Афанасьевичу и Семену Семеновичу Муромцевым указано:

⁷Игумен Андроник Трубачев. Канонизация святых в Русской Православной Церкви // Православная энциклопедия. — Т. : РПЦ, 2007.

«по царскому милосердию пожаловали <...> за московское осадное сидение при Царе и Великом князе Василии Ивановиче (Шуйском)». Пожалования первого Романова также было подтверждено жалованной грамотой следующего царя Алексея Михайловича Романова. В обеих жалованных грамотах подчеркнуто, что вотчина пожалована «за Царя Московское осадное сидение, за многие службы за Царя и Пресвятую Богородицу и московским чудотворцам. Будучи в Московском государстве в нудное и прискорбное время за веру христианскую и за всех православных христиан против врагов польских и литовских людей и русских воров, которые Московское государство хотели разорить и веру христианскую попортить. Будучи на Москве в осаде против тех злодеев наших, стоял крепко и мужественно, и Царю Василию, и Московскому государству многую службу и дородство показал, и голод и оскудение и всякую нужду терпел многое время, а на воровскую прелесть и смуту не покривился, стоял в твердости разума своего, крепко и непоколебимо, без всякой шатости, и от тех их великие службы, и крепкого осадного сидения, польские и литовские люди и русские вору от Москвы отошли»⁸.

В XVII веке сложились основные векторы деятельности рода Муромцевых. Это военная и дипломатическая служба, юридическая деятельность. Так, в 1669 году Муромцев и Федотов возглавляли Московское посольство в Хиву. История сношений Хивинского ханства с Россией восходит, вероятно, к 1603 году, когда, по свидетельству историка Абул-гази-хана, яицкие казаки, в числе около 1000 человек, совершили набег на Ургенч. В том же столетии московским правительством был отправлен в Хиву ряд посольств, а именно: в 1620 году через Хиву ездил в Бухару дворянин Иван Хохлов, в 1669-м — астраханский дворянин Иван Федотов и посадский Матвей Муромцев. В списке стряпчих (т. е. судейских, юристов) конца XVII – начала XVIII века числятся Муромцевы — Иван Семенович, Игнатий Тимофеевич, Карп Антонович.

В XVII веке род начинает разветвляться.

На сегодняшний день, согласно исследованным архивным документам, выявлено 8 ветвей рода. Особый интерес представляют наиболее старинные ветви, указанные выше. Кроме них, выявлены: костромская, пензенская, симбирская ветви. В дальнейшем потомки и представители этих ветвей стали получать вотчины преимущественно в тех наместничествах и губерниях, которые легли в названия ветвей.

⁸ГАКО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 880.

Архивные документы показывают тесные родственные связи основателей ветвей, что подтверждается сведениями о земельных владениях и, главным образом, о совладении ими.

Документы подтверждают также близкие родственные связи Муромцевых с представителями других известных родов, о совладении с ними землями. Совладение одним именем, как правило, осуществлялось между родственниками. В случае с Муромцевыми, родственные связи совладельцев соответствуют, помимо прямого родства, родству дядя — племянник, кузены, а также по женской линии.

Примеров тому немало: «За князем Иваном Семеновым сыном Щетинина, что было за Захаром Муромцевым треть сельца Маслова на речке Инатынке, а две трети того сельца за Андреем Муромцевым. Двор помещиков. Деревня Хорловская на речке Становке. За ним же, что было за Леонтием, да за Федором Матвеевыми детьми Муромцева пустошь Кузнецовская, Топорково тож»⁹.

В этом небольшом отрывке перечислены представители рязанской (Захар Муромцев), калужской (Андрей Муромцев) и владимирской (Леонтий и Федор Матвеевичи) ветвей в совладении, что практически свидетельствует об их тесном родстве в степени — двоюродные братья или дядя — племянник.

Представители старинных ветвей вместе несли военную службу в Крымских походах против Крымского ханства (1687 и 1689 годы, рязанский и калужский Муромцевы), в Чигиринских походах 1677–1678 годов (походы русских войск и украинских казаков, кульминационный период Русско-турецкой войны 1676–1681 годов), в 1683 году сопровождали юных царей Иоанна и Петра в их поездке во время бывших в Москве смут из Москвы в Троице-Сергиеву лавру (Троицкий поход), совместно служили в стольниках.

В Боярской книге 1691 года присутствуют представители четырех старинных ветвей рода — вместе¹⁰.

Древние документы объективно представляют картину того, как складывались родовые наследственные земли русского столбового дворянства и аристократии, каковы были имущественные, семейные отношения. Документы выявляют фактологию того, что легло в основу благосостояния русского дворянства в целом. А именно его служба Отечеству.

⁹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 202. Л. 926–931.

¹⁰ РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 1. Боярские книги. Д. 12.

Земельные владения

История рода Муромцевых в XVII веке показывает, что главным и определяющим его судьбу в этом столетии было: последовательная приверженность и верность московской власти, вне зависимости от того, кто занимал царский престол; расширение вотчинных наследственных владений. Муромцевы в XVII веке правильно почувствовали и поняли, что их благополучие и благоденствие, как и у их предков, неразрывно связано с судьбами русского государства. Они не ошиблись в своем выборе. Именно верность в сохранении и отстаивании интересов и возрождения русского государства стали прочной основой крепости рода Муромцевых.

Муромцевы, как и многие другие представители высшей знати удельных русских княжеств, переезжают из своих земель на службу Великим князьям Московским. Можно предположить, что Муромцевы начали службу Московским Великим князьям при Иване Калите или Дмитрии Донском. Владения Муромцевыми вотчинными землями подтверждено уже во второй половине XIV – начале XV века.

С 1460-х годов в древних московских жалованных грамотах Муромцевы упоминаются среди знатных людей, получивших земли от Великого князя Московского и состоящих у него на службе — в местности Пушкинский край (см. выше), владении московских князей.

Расположение земельных владений Муромцевых в ранний период точно соответствует укреплению власти и расширению земельных владений Великих князей Московских. Все первые владения Муромцевых были пожалованы им сначала на землях Московского княжества, в дальнейшем расширялись за счет новых владений Московских Великих князей, а затем русских царей. О достатке Муромцевых свидетельствуют их значительные земельные пожалования Троице-Сергиеву монастырю в XV столетии. В Дмитровском уезде в начале XV века находилась крупная вотчина Муромцевых.

В XV столетии появление Муромцевых на Коломенской земле, скорее всего, связано со смутой и междоусобицей в семье Великого князя 1430–1460-х годов. В дальнейшем именно землевладения и служба коломенских Муромцевых стали основой формирования пяти самых старинных ветвей рода, а тесное соседство имений, родственное совладение землями на Коломенской земле подтверждают единство корней всего рода. Муромцевы записаны в столбцы Коломны и Поместного приказа Калуги.

Муромцевы на раннем этапе формирования рода собирали в единое целое разрозненные земли, не упуская даже небольшие земельные долевые наделы. Наиболее известным «собирателем» был Семен Семенович Муромцев (калужская ветвь). Эти сведения не только интересны относительно рода Муромцевых, но и показательны в целом для русского дворянства, иллюстрируя, как шаг за шагом собирались большие вотчины, ставшие наследственными землевладениями. Значительное число родственников на раннем этапе способствовало не дроблению имущества, а его укрупнению и собиранию. Это видно особенно вышукло, если рассматривать ранний этап истории рода.

По древним архивам выявлены земли, где получали земельные владения Муромцевы (помимо Коломны): Тула, Калуга, Рязань, Орел, Владимир, Тверь, Смоленск, Симбирск, Таврия, Белоруссия. Позже к ним присоединились губернии: Белгородская, Курская, Воронежская, Тамбовская, Саратовская, Нижегородская, Херсонская, Ярославская.

Усадьбы

Можно перечислить наиболее известные усадьбы, оставшиеся в русской истории.

Плюсково (Калужская губерния), на сегодняшний день имеется генеральный план усадьбы и реконструкция. Строительство усадьбы началось в XVII веке. В начале XIX века был перестроен в камне главный усадебный дом, окруженный великолепным листовым парком, имелось несколько плодовых садов. Дом отапливался несколькими большими кафельными печами, обломки изразцов которых до сих пор находят в Плюсково.

Сохранилась церковь Рождества Богородицы (год постройки 1820-й), построенная в стиле классицизма (рис. 3). Авторство проекта церкви предположительно относят к И. Д. Ясныгину (1745–1824), архитектору Калужского наместничества, калужскому городскому архитектору, автору градостроительного плана застройки Калуги. Имеется также здание барской конюшни, руины «молочного дома», здание церковно-приходской школы. Усадьба входит в Угорский ландшафтно-архитектурный заповедник.

Муромцево (Калужская губерния), усадьба Муромцевых-Ермоловых названа по фамилиям первых и последних владельцев. Первые хозяева усадьбы — представители старинной угасшей коломенско-калуж-

*Рис. 3. Плюсково. Церковь Рождества Богородицы.
Из личного архива автора*

ской ветви, состоявшие в тесной родственной связи с самыми многочисленными калужскими Муромцевыми. Ныне это поселение Муромцево Перемышльского уезда (ныне Бабынинского района) Калужской губернии (ныне области). Городовой приказчик (глава канцелярии при воеводе), Иван Михайлович Муромцев, получил эту землю в вотчину. Село перешло к его сыну Василию Ивановичу, затем далее — воеводе Тимофею Васильевичу. Владелицей после своего мужа Михаила Павловича села Муромцево (Еремеевское, Варнавино) стала Катерина Кузьминична Муромцева, одна из богатейших калужских помещиц. После ее смерти Муромцево перешло к князьям Яшвилям, затем к Ермоловым.

Предтечево (Орловская губерния, ныне Липецкая область), большое волостное село, состоявшее из нескольких деревень (слобод), где располагались пять помещичьих усадеб. Первый господский дом появился здесь в 1761 году. На сегодняшний день сохранились руины каменной Предтеченской церкви 1809 года постройки и вход в подвал одного из помещичьих домов. В Предтечево была построена больница и школа для крестьян, работали две мельницы, маслобойня и хлопчатобумажная фабрика.

Рис. 4. Баловнево. Из личного архива автора

Рис. 5. Владимирская церковь

Рис. 6. Гурьево

Баловнево (Рязанская губерния, ныне Липецкая область). Усадьба построена в конце XVIII века. Представляла собой грандиозный дворец в 150 комнат в готическом стиле, сходный с летними царскими резиденциями (рис. 4).

Есть весьма обоснованная версия, что усадьбу посещала Екатерина II. Историки высказывают предположение, что проект не обошелся без «вмешательства» великого В. И. Баженова. При усадьбе имелось большое число служебных построек, производств, велось сельское хозяйство, дававшее немалый доход. Ныне отреставрирована грандиозная Владимирская церковь (рис. 5), сохранились въездные ворота, водонапорная башня, жилой флигель для прислуги. Сведения о Баловнево имеются в книге «Сто лучших усадеб России».

Гурьево (Тульская губерния, Веневский уезд, ныне Тульская область). Одна из лучших загородных усадеб Веневского уезда, расположенная в очень красивой местности. Главное здание усадьбы с колоннадами и галереями было выстроено накануне войны 1812 года. Дворец с полукругом колоннад был на уровне лучших творений классицизма. Комнаты нижнего этажа были расписными. По сохранившимся кафельным вогнутым печам, по колоннам, разделяющим на части некоторые комнаты, предполагают, что интерьеры были богато украшенными. В конце XIX века владельцы застеклили одну из колоннад, соединяющих с главным корпусом флигель, в котором находилась

Рис. 7. Пречистое

кухня и другие службы. Усадьба Гурьево относилась к памятникам зодчества Александровских времен (рис. 6).

В усадьбе имелся прекрасный парк. Одна его часть распланирована в виде правильного четырехугольника, с классической ротондой в центре его, с перпендикулярными друг к другу дорожками. Другая, с извилистыми дорожками и очень удачной посадкой деревьев, оставившей открытыми наиболее красивые виды на окрестности, напоминала «английские» сады Александровского времени.

В усадьбе имелось большое здание конного завода (недостроенное) с обширным манежем в середине, более поздней постройки, а также винокуренный завод, просторный плодовый сад. Окончательно разрушена усадьба была в 1920-е годы¹¹.

Пречистое (Смоленская губерния, ныне Смоленская область, Гагаринский район) построено князьями Голицыными. Усадьба Голицыных-Муромцевых. В 1885 году усадьбу приобрел владимирский помещик В. П. Муромцев. Усадьба стала образцовым сельхозпредприятием, преимущественно молочного направления. Здесь занимались сыроварением, была создана Пречистенская сельскохозяйственная школа, где проходили стажировку студенты Петровской сельхозакадемии (рис. 7).

¹¹Беннингсен Э. Усадьба Гурьево : интернет-версия.

Муромцевы в русской истории: исторически активный род

В царских грамотах и императорских указах, связанных с представителями Муромцевых, постоянно указывается, что они награждаются и жалуются за «оказанную к службе нашей ревности и прилежности», за личную храбрость. В рескрипте Александра I о награждении Алексея Никитича Муромцева золотой медалью для ношения в петлице на ленте ордена Св. Владимира отмечалось: «за личную храбрость, пожертвование своего имущества и другие общественно полезные деяния — признательное потомство благословит сподвижников и слава их пребудет незабвенна»¹².

За «службу и прилежность» Муромцевы получали не только земли, чины и денежные пожалования, но и с XVIII века — высшие награды Российской Империи.

При изучении судьбы дворян Муромцевых на протяжении нескольких столетий выявляются общие для всего рода особенности. Муромцевы в разные времена, эпохи, столетия находились на острие тех новых тенденций, вызовов и преобразований русской государственной и общественной жизни, которые зачастую на длительный период определяли судьбы страны.

Муромцевы — участники всех войн тех эпох, в которые они жили. Убитые, раненые, искалеченные, не известные и известные как герои, дворяне Муромцевы служили России верой и правдой в разных чинах — от генералов, в том числе морских, до прапорщиков. Достоянием рода стали многочисленные георгиевские кавалеры. На государственной службе Муромцевы были боярами, стольниками, воеводами, стряпчими, дьяками, подьячими. Служба их в дальнейшем отмечена чинами — от коллежских регистраторов до тайных и действительных статских советников. Среди Муромцевых — губернаторы, вице-губернаторы, градоначальники, губернские и уездные предводители дворянства, очень многие служили в сфере юриспруденции.

В смутное время начала XVII века они выступили сторонниками сохранения, возрождения и развития русской государственности. В XVIII веке Муромцевы — активные участники всех важнейших событий, превращения Московского Царства в Империю, расширения пределов и границ России, радетельные строители имперской государственности.

¹²ГАКО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 880.

В XVIII веке Муромцевы служат, получают обширные земельные пожалования, чины, награды, входят в ближний круг российских императоров и императриц, женятся на фрейлинах императриц, успешно продвигаются по службе, занимая высокие посты.

Многие Муромцевы прошли через крупнейшие военные кампании XVIII века: были участниками сражений в Семилетней войне против Фридриха Великого (Прусского), сражались с турками, обустроивали юг России.

Представители рода — многочисленные и активные участники Русско-турецких войн екатерининской эпохи, присоединения Крыма и южных территорий к Российской Империи, доверенные лица Екатерины и князя Потемкина в строительстве Черноморского флота, городов и портов, в обустройстве вновь присоединенных южных губерний империи.

Генерал Александр Петрович Муромцев (ок. 1735–1788), георгиевский кавалер, по именному приказу Императрицы Екатерины II был назначен капитаном над Херсонским портом, где строились верфи для создания Черноморского военного флота России, его базы. Екатерина уделяла строительству Херсона особое внимание, что неоднократно подчеркивается в ее переписке с князем Потемкиным. Когда во время своего знаменитого путешествия на юг России императрица прибыла в Херсон, то «после почти безлюдного степного пространства всех приятно поразил вид недавно заложенного Херсона (рис. 8). Екатерина II увидела уже почти законченную крепость, казармы на 80 000 человек, адмиралтейство, арсенал с шестью сотнями орудий, два военных корабля и фрегат, снаряженный к спуску, целый торговый город с 2000 домами и лавками, полный греческих, турецких, французских товаров, гавань с 200 судов и 18 000 рабочих»¹³.

Имя Александра Петровича, участника 18 военных кампаний, устроителя Херсона, вошло в круг российских деятелей, оставивших значимый след в славных делах устройства юга России и создания Черноморского флота. Этот выдающийся человек состоял в переписке с командующим Азовской флотилией Ф. А. Клокачёвым, А. А. Прозоровским и А. В. Суворовым, Ф. Ф. Ушаковым, которому Муромцев объявил нижайшую благодарность за противодействие эпидемии чумы.

¹³Цветков С. Э. Александр Суворов. 1730–1800. — М. : ЗАО «Центр-полиграф», 2005. — (Исторические портреты).

Рис. 8. Херсон. Старинная гравюра

Матвей Васильевич Муромцев (1737–1799), близкий друг князя Г. А. Потемкина, с которым находился в дружеской переписке, генерал-поручик, георгиевский кавалер. Он входил в узкую группу лиц, составлявших текст Кучук-Кайнарджийского мира, принятого 10 июля 1774 года по результатам первой екатерининской Русско-турецкой войны (1768–1774). Этим мирным договором ознаменовался важнейший момент, с которого начинается ослабление Османской империи и возрастание влияния России на Балканском полуострове. Именно этот договор начал процесс присоединения к Российской Империи Северного Причерноморья, Кубани и причерноморских областей Грузии, завершившийся в 1810-х годах с присоединением Бессарабии и завоеванием западной Грузии. М. В. Муромцев был первым губернатором Тулы.

Николай Селиверстович Муромцев (1761–1834), генерал-лейтенант, георгиевский кавалер, участник почти всех Русско-турецких войн конца XVIII века, был неоднократно ранен, в том числе тяжело, и по ранениям вышел в отставку. Когда в 1812 году на Россию надвинулась военная опасность, он вернулся на службу и принял личное участие в формировании 6 народных ополчений губерний — Нижегородской, Казанской, Саратовской, Вятской, Пензенской, Рязанской.

Во главе Нижегородского ополчения участвовал в зарубежных походах русской армии. Был тяжело ранен, возглавляя Нижегородское

ополчение, атакованное под Гамбургом одним из лучших маршалов Наполеона Даву с превосходящими силами французов. Неприятель, несмотря на численное превосходство, после жестокого штыкового боя был отброшен русскими ополченцами. Военный поход он закончил с русской армией в Париже в 1814 году. И только после этого окончательно вышел в отставку в 1815 году. Вся его карьера была честным и нелегким ратным трудом, когда он неоднократно проливал свою кровь. Н. С. Муромцев по праву входит в плеяду героев 1812 года.

Муромцевы вносили внушительные суммы на строительство, обустройство и ремонт церквей и храмов. Строили их на собственные деньги, участвовали в реконструкции. Особо известен Покровский мужской монастырь в Симбирске, построенный целиком на средства Петра Ивановича Муромцева и содержавшийся им.

Муромцевы — крупные землевладельцы в Тульской, Рязанской, Калужской, Смоленской, Владимирской, Тверской губерниях. Они укрепили свое положение, породнившись через браки с древними богатыми известными аристократическими родами князей Долгоруких (Рюриковичи), Вадбольских (Рюриковичи, младшая ветвь потомков Владимира Мономаха и Всеволода Большое Гнездо), Всевожских (Рюриковичи), Щетининых (Рюриковичи), Голицыных (Гедиминовичи), Урусовых, Черкасских, Шаховских.

Среди многих Муромцевых, активных участников Отечественной войны 1812 года и победоносного зарубежного похода русской армии 1813 и 1814 годов, можно назвать следующие наиболее яркие фигуры.

Упомянутый генерал-лейтенант Николай Селиверстович.

Адъютант А. П. Ермолова генерал-майор Матвей Матвеевич (1791–1875), «стрела-адъютант», как его называл сам Алексей Петрович, герой 1812 года, один из лучших и блестящих русских полководцев, человек высокого мужества и отчаянной храбрости. Служить под командованием такого военачальника было не только почетно, но очень нелегко. Минимум, что требовалось, — такая же беззаветная храбрость и готовность к самопожертвованию ради Родины. Этими качествами обладал М. М. Муромцев. В зарубежном походе русской армии 1813 года он принимал участие в ряде крупнейших сражений с французской армией — под Бауценом, Кульмом, Лейпцигом.

Впоследствии сделал не только военную, но блестящую государственную карьеру: действительный статский советник, Таврический губернатор, владимирский вице-губернатор.

Адъютант М. Б. Баркляя де Толли полковник Александр Матвеевич (1786–1838). Окончив Пажеский корпус, он начал военную службу офицером в армии. В дальнейшем был переведен в Гвардии гусарский полк. Сражаться с Наполеоном начал в составе русских войск с 1807 года, с австрийского похода — с Аустерлица. В 1813–1814 годах был адъютантом командующего Первой русской армией Баркляя де Толли, который в сражении при Бородино командовал правым флангом русских войск. А. М. Муромцев был ранен при Бородино, затем снова вернулся в строй.

Подполковник Алексей Никитич (1769–1838), участник тульского народного ополчения в 1812 году. В составе ополчения сражался с войсками Наполеона, будучи человеком по меркам того времени не молодым. На надгробии его, чудом сохранившимся до наших дней, высечена надпись: «Блаженни чисты сердцем, ибо ти Бога узрят».

В этом ряду можно перечислить многих представителей различных ветвей рода — калужских, рязанских, тверских, владимирских, смоленских и тульских (белёвских) как ответвлений калужских...

Наполеон на поле Бородина спросил: «Сколько взято русских пленных?» — и получил неутешительный ответ: «Русские в плен не сдаются, ваше величество».

Близким родством Муромцевы были связаны с самыми известными дворянскими родами — Апраксиных, Арсеньевых, Бекетовых, Благово, Бибиковых, Борщевых, Булгаковых, Буниных, Воейковых, Волковых, Глебовых, Гедеоновых, Головиных, Дерюжинских, Жилинских, Засецких, Замятиных, Ильиных, Кантемиров, Капнистов, Квашниных-Самариных, Кобелевых, Костомаровых, Кропотовых, Левашовых, Лодыгиных, Мансуровых, Михалковых, Муравьевых, Новосильцевых, Овцыных, Осоргиных, Пассеков, Перфильевых, Писаревых, Раевских, Рахмановых, Свечиных, Собакиных, Спечинских, Сухониных, Сухотиных, Тимиревых, Толстых, Тургеневых, Хлоповых, Хрущовых, Чебышевых, Челищевых, Чириковых, Шеншинных, Щербачевых, Языковых, Яновых и т. д.

Муромцевы обладали широчайшими родственными связями как в среде столичной аристократии, так и в среде наиболее богатого и влиятельного губернского родовитого дворянства, продолжали занимать высокие государственные посты.

Первая половина XIX века в истории Муромцевых завершила многовековой этап, когда основной деятельностью мужской части рода была военная и государственная служба. Они стали все активнее

интересоваться не только традиционными для рода видами деятельности, но и тем, что было связано с развитием общественной мысли, культуры и искусства в России, все шире занимались меценатством, благотворительностью, коллекционированием.

Изменение положения русского дворянства дало возможность для развития и ускорения гуманитарной просветительской гуманистической мысли в России. Именно возможность иметь время для образования, раздумий, чтения, литературной деятельности, дискуссий позволила лучшей части русского дворянства взглянуть на русскую жизнь и задуматься о ней, задуматься об устройстве русской державы, его правильности, осознать свою ответственность перед народом и Отечеством.

Род Муромцевых дал двух известных художников: Александр Николаевич Волков-Муромцев (1844–1928), псевдоним Руссов, и Алексей Муромцев, художник середины XIX века. Известной также была пианистка Надежда Александровна Муромцева, любимая ученица Н. Г. Рубинштейна. Мария Николаевна Муромцева стала первой исполнительницей (1879) партии Татьяны в опере П. И. Чайковского «Евгений Онегин». Великий композитор сам благословил юную певицу на исполнение этой роли. М. Н. Муромцева близко знала (и бывала в парижском доме) И. С. Тургенева и Полину Виардо, о чем оставила воспоминания. Мария Аркадьевна Муромцева была замужем за известным оперным певцом И. В. Матчинским (бас), заслуженным артистом Императорских театров. Муромцевы занимаются меценатством, благотворительностью, коллекционированием.

В войне против турок 1877–1878 годов русская армия совершила героический поход для защиты жизни, спасения от физического уничтожения и освобождения от турецкого ига братских славянских народов Балкан. Наилучшим образом военный долг перед Родиной был проявлен представителями Муромцевых при кровопролитном, трудном штурме одной из важнейших для турецкой армии и сильнейших со стратегической точки зрения крепости Плевна. Под Плевной, в ходе ее осады и штурма, русские в жесточайших штыковых атаках сходились в рукопашную с турками. Накал противостояния был столь высок, что в рукопашной участвовали не только солдаты, но офицеры и даже генералы.

Участник русско-турецкой кампании полковник Николай Николаевич Муромцев (1831–1881) прошел все тяготы Балканской войны. Сын Натальи Степановны Муромцевой (по мужу Свечиной, 1772–

1844), генерал-лейтенант, георгиевский кавалер, командир 9-го армейского корпуса — герой Русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Столь же мужественно себя проявил Иван Николаевич Муромцев (1854 г. р.), сражавшийся в Стародубовском драгунском полку Рущукского отряда, постоянно находившегося в авангардных и разведывательных операциях и делах против турецких войск. Он получил ранение и после излечения вернулся в состав действующей армии.

Командиром Летучего парка был генерал Владимир Семенович Муромцев (1843 – после 1918), кавалер орденов Св. Владимира 4-й и 3-й степени, Св. Анны 3-й и 2-й степени, Св. Станислава 2-й степени.

В XIX веке Муромцевы не только активно поддержали реформы Александра II, но и были последовательными сторонниками в реформировании русской государственности.

Во второй половине столетия представители рода почувствовали надвигающиеся тектонические изменения, связанные с развитием капитализма. Одними из первых они становятся крупными предпринимателями в сфере нефтедобычи и нефтепереработки, организуют передовые сельские хозяйства.

В списке членов Лебедянского общества сельского хозяйства (1847–1860) среди действительных членов названы в том числе: Муромцев Леонид Матвеевич, 1852–1860, Данков; Муромцев Николай Петрович, 1857–1860, Данков; Муромцев Матвей Матвеевич, 1847–1860, Данков, Епифань; Муромцев Петр Матвеевич, 1847–1860, Данков; Муромцев Петр Петрович, 1850–1857, Моршанск¹⁴.

Петр Петрович (1821–1906), совместно со своим тестем А. И. фон Бенкендорфом, стал одним из первых нефтедобытчиков в России, вложив огромные денежные средства. Муромцев привлек к этому делу великого Д. И. Менделеева, разработавшего крекинг нефти (12). Он же, Петр Петрович, активно изучал флору Кавказского хребта, организовал несколько подъемов на его вершины, включая Казбек, и оставил интереснейшие записки о них, прочитав в виде доклада на заседании Императорского общества испытателей природы.

Во второй половине XIX – начале XX века среди Муромцевых появилась плеяда известных общественных и политических деятелей, крупных правоведов, занимавшихся как теорией юриспруденции, так и ее практикой.

¹⁴Клоков А. Ю. Лебедянское общество сельского хозяйства и реформа 1861 года. — Липецк, 2005.

Рис. 9. Муромцев Аркадий Алексеевич

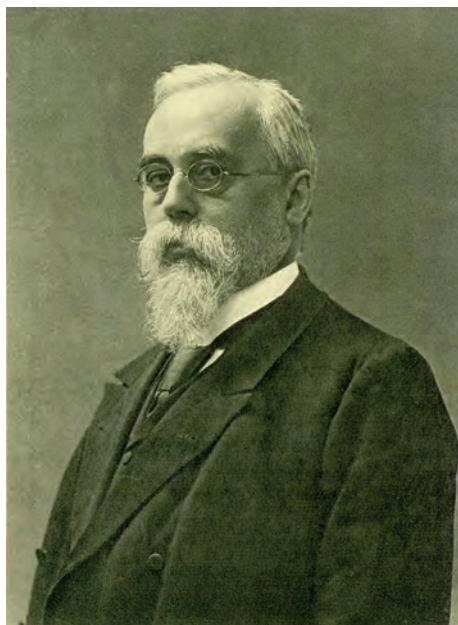

Рис. 10. Муромцев Сергей Андреевич

Сергей Андреевич Муромцев (1850–1910) был блестящим теоретиком и практиком русской классической либеральной мысли, основателем социологического правоведения, одним из организаторов Конституционно-демократической партии, которая категорически отвергала революцию и стояла за эволюционный, национальный путь развития страны. Сергей Андреевич внес значимый вклад в формирование российского парламентаризма. Он относился к плеяде практиков, которые во многом и осуществляли реформы Александра II, создавали и обустроивали земства (рис. 10).

Многие из декабристов, отпущенные в царствование Александра II, стали активными участниками и опорой его реформ по освобождению крестьян и переустройству России. Вполне закономерно, что среди родственников будущего председателя первой Государственной думы С. А. Муромцева были люди, связанные с декабристами и вошедшие вместе с ними в комитеты по крестьянской реформе, в том числе Аркадий Алексеевич Муромцев, видный деятель Калужского земства (дядя С. А. Муромцева). Аркадий Алексеевич (1825–1904) оставил замечательные по тонкости наблюдений и оценок воспоминания об этом периоде. Достигший высокого чина на поприще юриспруденции (действительный статский советник), А. А. Муромцев сотрудничал с «Экономическим журналом» (1880-е гг.), освещая вопросы экономики сельского хозяйства в России и необходимых мер для его стимулирования (рис. 9).

Символична дата рождения С. А. Муромцева — 1850 год. Действительно, в фигуре этого выдающегося человека органично соединились лучшие черты русской аристократии и дворянства и классические либеральные идеи дворянской интеллигенции, направленные на совершенствование русской жизни. Дата рождения этого государственного деятеля как бы разделила судьбу русского дворянства надвое: за спиной оставалось крепостничество, впереди обозначились реформы, без которых судьба России как великого государства была немислима.

Император Александр II высоко ценил поддержку той части дворянства, которая выступала на его стороне в процессе проведения реформ. Он стал крестным отцом сестры (Марии) и брата (Алексея) Сергея Андреевича Муромцева.

«Особняком стоит имя звезды первой величины российского политического небосклона Сергея Андреевича Муромцева — крупнейшего российского юриста, педагога, лидера партии кадетов, Председателя Первой Государственной думы», — написал доктор исторических наук Д. В. Аронов (Орел).

Особенно мощно ощущение грядущих изменений выразилось у Муромцевых, связанных с наукой, культурой и искусством. Первые исследования в электронике, изучение явлений электричества, достижения в химии, микробиологии, океанологии, философии, музейного дела, искусствознания во многом предвосхитили базовые векторы развития культуры XX века. Кузины Вера Муромцева (1881–1961) и Наталья Вокач (1882–1963) стали женами великих представителей русской мысли — писателя Ивана Алексеевича Бунина и философа Ивана Александровича Ильина. Обе женщины сами занимались литературной деятельностью, исследованиями в области истории философии, стали авторами книг, известных всей читающей публике.

Муромцевы дали целую плеяду блестящих правоведов, общественных земских деятелей, известных государственных деятелей, финансистов. Муромцевы — крупные предприниматели, принимавшие активное участие в становлении Бакинских нефтяных промыслов и в целом научного изучения и нефтепереработки в России (Петр Петрович Муромцев), ученые-профессора ведущих российских университетов, блестящие представители культуры и искусства.

Профессор С. А. Муромцев — при жизни признанный международным сообществом юристов крупный специалист по римскому праву. Профессор Илья Эммануилович Муромцев (1876–1954) — яркая фигура в области радиоэлектроники, учитель знаменитого В. К. Зворыкина, «отца» телевидения. В 1916 году он осуществил первую беспроводную связь с Парижем, за что был награжден орденом Почетного легиона. К сожалению, и учитель, и ученик полностью реализовать свои возможности смогли в Соединенных Штатах, будучи вынужденными эмигрировать из России после 1917 года.

Заметной фигурой в политической и общественной жизни России начала XX века был Николай Аркадьевич Муромцев (1860–1936/37). Известный юрист — специалист по финансовому праву, он активно работал среди финансистов и юристов, привлеченных министром юстиции С. Ю. Витте при проведении банковской реформы в 1895–1897 годах. Н. А. Муромцев в 1904–1906 годах издавал в Киеве — южной столице империи — социал-демократические газеты, содержащие острую критику власти. В 1906 году, с наступлением волны реакции после событий 1905 года, все издания были закрыты.

В 1914–1916 годах Николай Аркадьевич Муромцев получил широкую известность в первую очередь среди предпринимательских, деловых и финансовых кругов России изданием еженедельника «Деловая

Россия». Издание стало главным аналитическим и информационным печатным органом деловых кругов России. Газета позиционировала себя как «орган защиты отечественной промышленности и торговли, народного труда и хозяйства». К работе в еженедельнике были привлечены ведущие специалисты, крупнейшие русские предприниматели своего времени — Рябушинский, М. А. Коншин, петербургская и московская университетская профессура, известные представители научно-технической интеллигенции. Издание пользовалось широкой популярностью, о чем свидетельствуют открытые в течение года его региональные отделения в Москве, Орле, Киеве, Гельсингфорсе, Оренбурге, Ейске и др.

Издание отличалось аналитической глубиной и практической информированностью, ставило задачи осмысления перспектив развития отечественной экономики в период войны и после нее, активно освещало проблематику каждодневной предпринимательской практики в жизни России.

В отличие от ходульных мифологем отечественной истории, связанных с этим периодом, материалы «Деловой России» дают наглядный и убедительный пример мощи потенциала страны, в том числе интеллектуального. Из материалов еженедельника зримо, объемно, весомо выступают контуры и каркас той могучей России, которой она могла бы стать, несмотря на лихолетья войны. Изучая публикации «Деловой России», видишь и понимаешь, **что** было разрушено в октябре 1917 года, **что** потеряла страна и русский народ.

Анна Ивановна Муромцева (1850–1923) стала единственной женщиной в России, удостоенной золотой медали И. А. Стебута за труды в области сельского хозяйства. Достигла огромных успехов в российском сыроварении, получив прекрасное образование, в том числе за рубежом. Издала большое число книг по сельскому хозяйству: о приготовлении сыра и масла, скотоводстве, ведении фермерского хозяйства, занималась преподавательской деятельностью в Петровской сельскохозяйственной академии, читала доклады в Московском обществе сельского хозяйства (рис. 11).

Вместе с супругом В. П. Муромцевым (1853–1918) организовала в своем имении Пречистое на Смоленщине сельскохозяйственную молочную школу. А. И. Муромцева — ученица одного из основателей русской агрономии Н. В. Верещагина. Муромцевы в начале своей деятельности сотрудничали с В. И. Бландовым, купцом-миллионщиком из семьи известных российских молочных предпринимателей (рис. 12). Он основал фирму «Торгово-промышленное товарищество “Братья В. и Н. Бландовы”» (почти 60 собственных магазинов только в Москве).

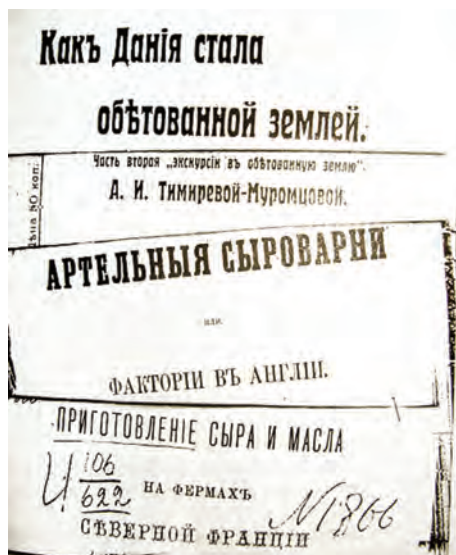

Рис. 11. Книги А. И. Муромцевой

Рис. 12. Торговый дом Бландовы

Муромцевы создали образцовое хозяйство: коровы шведской породы, английские свиньи, овцы, куры, утки. Построили винокуренный завод.

Имена Муромцевых, расположенные по современному территориальному делению на Орловщине, в Липецкой, Смоленской, Калужской, Тульской, Костромской областях, были теми родовыми гнездами, где сохранялся дух подлинно высокой дворянской культуры в сочетании с общечеловеческими ценностями. Для таких людей, как Сергей Андреевич Муромцев, понятия дворянской чести и любви к Родине были не разновидностью личного пиара — они определяли выбор его политических решений.

Муромцевы получали блестящее образование — в Пажеском корпусе, Московском и Петербургском университетах, Училище правоведения, военных академиях, Училище живописи, ваяния и зодчества, становились профессорами.

Муромцевы приведены в Списке высших чинов губерний Российской Империи в 1708–1917 годах. Первый вариант списка был подготовлен департаментом общих дел Министерства внутренних дел к столетию министерства в 1902 году. Представители рода занимали высшие чины в губерниях: губернаторы, вице-губернаторы, военные губернаторы, наместники, правители наместничества, генерал-губернаторы, губернские предводители дворянства, областные начальники, градоначальства и др.

Войны Русско-японская, Первая мировая, Великая Отечественная стали полями сражений для представителей рода. Многие Муромцевы отдали жизнь, служа в армии и на флоте.

Род был записан в дворянские родословные книги Владимирской, Воронежской, Калужской, Киевской, Костромской, Минской, Московской, Орловской, Пензенской, Рязанской, Саратовской, Симбирской, Смоленской, Тверской, Тульской, Таврической губерний.

Всё изложенное позволяет говорить о Муромцевых в начале XX века не только как об одном из старинных русских аристократических родов, но как об интеллектуальной, творческой и научной элите России, той части российского общества, которая внесла заметный вклад в отечественную и общеевропейскую цивилизацию.

Борис Алексеевич Муромцев (1898–1956), доктор химических наук, профессор, кавалер ордена Ленина (одна из высших наград в СССР), внес весомую лепту в развитие органической химии. Екатерина Константиновна Муромцева (1887–1964) — профессор, кавалер

ордена Ленина, заведующая кафедрой архитектурной скульптуры в Московском архитектурном институте, известный деятель художественного образования, скульптор (рис. 13).

Алексей Михайлович Муромцев (1921–1987) — доктор географических наук, профессор, лауреат Государственной премии СССР, выдающийся океанолог, имя которого внесено во все крупнейшие энциклопедии нашей страны и мира. Организатор и участник шести океанских экспедиций на научно-исследовательских судах в Тихий и Индийский океаны. Дважды судно вошло в эпицентр тайфуна, и ученые собрали уникальный, ценнейший материал. Сделал два географических открытия.

Профессор А. М. Муромцев был активным участником международных организаций, где отстаивал интересы своего государства: ООН, ЮНЕСКО, Межправительственная океанографическая комиссия (МОК), Международная программа по совместному изучению Курошио (течение в Тихом океане, где зарождаются тайфуны; СИК, CSK) (рис. 14).

Основоположник космической океанологии — исследования Мирового океана с пилотируемых космических аппаратов. Алексеем Михайловичем была разработана уникальная методика подготовки космонавтов для осуществления работы по обнаружению рыбопродуктивных зон Мирового океана. Экономический эффект от внедрения метода составил в СССР 2 миллиона рублей.

Юрий Владимирович Муромцев (1908–1975) — профессор, ректор Училища имени Гнесиных, заслуженный деятель искусств СССР.

Недавно история рода обрела свою летопись, самую исчерпывающую на сегодняшний день. Это книга «Муромцевы и Дерюжинские» (М.: Москвоведение, 2016), куда вошли в том числе материалы 26 архивов, центральных, областных и ведомственных.

Одним из ярких примеров жизни старинного дворянского рода в новых условиях стал род Муромцевых. Многие его представители принимают активное участие в общественной жизни страны. Муромцевы сыграли заметную роль в формировании русского гражданского общества, русского классического либерализма. Их служение на общественной ниве было столь же беззаветным, как и на государственной. Именно развитие русского общества, формирование его самосознания способствовали тому, что многие представители Муромцевых до настоящего времени остались в русской истории и вошли в отечественные энциклопедии как деятели интеллектуальных и творческих профессий.

Рис. 13. Муромцева
Екатерина Константиновна

Рис. 14. Муромцев
Алексей Михайлович

Муромцевы в новом, советском государстве смогли сохранить через своих уцелевших представителей историческую и культурную преемственность, служа не власти, не толпе, а Родине.

Судьба рода Муромцевых неординарна. Они были не только активными участниками русской истории, но им было дано историческое предвидение и приверженность тому новому, что требовала от своих сынов Россия.

Иллюстрации к статье – из книги «Муромцевы и Дерюжинские. Моя семья. Повествование в документах, письмах, воспоминаниях, свидетельствах очевидцев». М.: НО «Издательский центр «Москвоведение», 2016. 1543 с.

**Сельская дворянская усадьба Молоствовых
как часть истории и культуры страны**

Среди богатого исторического наследия Тетюшского района: разноплановых памятников археологии, палеонтологии, природы, истории и архитектуры, — пожалуй, самым притягательным и самым величественным является единственная сохранившаяся в Татарстане сельская дворянская усадьба Молостровых в деревне Долгая Поляна — одно из родовых гнезд этой фамилии, принадлежавшей по имущественному положению и общественному статусу к элите не только казанского, но и российского общества XVII — начала XX века. Возможно, мало кто из вас слышал о ней, но тот, кто хоть раз побывал в этом удивительном месте, испытывает очень сильное эмоциональное воздействие и пытается непременно вернуться туда, рассказать об увиденном своим родственникам и друзьям.

После 1917 года с приходом советской власти начался процесс национализации усадеб, которые затем либо использовались в качестве музеев, библиотек, санаториев, домов отдыха, пансионатов и т. п., либо разрушались. Такая участь постигла и усадьбу в Долгой Поляне. В советское время там располагался пионерский лагерь; в главном доме, на первом этаже, находилась кухня и столовая, что не лучшим образом сказалось на сохранности здания. О самой усадьбе и ее владельцах говорить было не принято. Жаль, что поздно спохватились, так бездумно и бездушно утратив многое, и лишь спустя время бросились по крупицам собирать утраченное.

В 90-е годы вопрос о необходимости сохранения культурного наследия встал в стране особенно остро. Статья «Самая заброшенная и почитаемая», написанная сотрудниками музея в районную газету в конце 1990-х годов, пробудила интерес к Долго-Полянкой дворянской усадьбе у местных краеведов, исследователей, да и у самих тетюшан. Именно тогда музейными сотрудниками были проведены подворные обходы сел и деревень, принадлежавших когда-то Молостровым. Музейщики, буквально потрясенные самыми добрыми и

трепетными воспоминаниями старожилов о последних владельцах усадьбы, невольно задались вопросом: «Как же надо было прожить жизнь, чтобы оставить столько света и тепла в душах малознакомых людей?» Кое-какой материал о владельцах усадьбы тогда всё же удалось собрать.

Встреча с историком Светланой Фроловой помогла в большей мере пролить свет на эту романтическую, но, к сожалению, не без трагизма историю. История усадьбы и ее владельцев — это пример созидательного труда человека и природы, мудрости и стойкости. Возможности оставаться человеком в самом высоком смысле на изломе исторических событий, политических перипетий, не изменив вкусам, взглядам, идеалам, ценностям, а главное — самому себе, продолжая свои труды, несмотря на то, что новому времени ты уже не нужен.

Земля, на которой впоследствии возникла деревня Долгая Поляна, была пожалована Ивану Ивановичу Молоствову в середине XVII века.

По данным древнерусских летописей, начало рода восходит к князьям Италийским, к Великому Новгороду, где уже во второй половине XV века представители Молостовых владели землями [1]. Молостовы были знакомы с видными представителями интеллектуальной элиты России: Жуковским, Далем, Пушкиным, Толстым, Баратынским, Великопольскими, Депрейс, Энгельгардами, Еремеевыми, Булыгиными, Колбецкими, Суворовыми, а также с Горьким, Лениным, Луначарским, Калининым [2].

Первые усадебные постройки появились здесь в 1870-е годы, но расцвет Долгой Поляны приходится на 1903 год, когда в наследство вступил Владимир Молостов. Сюда, в небольшое имение, он привез молодую жену Елизавету (в девичестве Бер, из Нижнего Новгорода).

Чрезвычайно широк был круг увлечений Елизаветы Владимировны, владевшей в совершенстве четырьмя иностранными языками. Она была географом и историком, состояла в Русском географическом обществе, была почетным членом Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, сотрудницей местной метеорологической станции, вела опытные, так называемые географические посевы, под руководством академика Вавилова, выполняла поручения Казанского университета по исследованию флоры Татарстана, создала в деревне краеведческую секцию. Ее труды по огородничеству до сих пор хранятся в архиве Казанского университета.

Рис. 1. Елизавета Владимировна Молостцова – дворянка, последняя хозяйка усадьбы «Долгая Поляна» (Тетюши)

В 1914–1916 годах по предложению Российской академии наук Молостцова собирала в Казанской губернии письма участников Первой мировой войны и вела записи. На основе этих материалов в 1917 году она издала книгу «Солдатские письма» [4]. Весь доход с издания книги отдала в пользу воинов, потерявших на Первой мировой зрение.

Елизавета создала собственную восьмистычную библиотеку с личными подписями отечественных и зарубежных классиков. До самого последнего момента своей жизни хозяйка усадьбы бережно хранила авторский вариант романа «Воскресенье» с дарственной надписью «Е. В. от Л. Н. Толстого». Сохранилось 16 ее писем к писателю, с которым она вела активную переписку и часто бывала в гостях. Елизавета Владимировна редактировала и составляла комментарий к 49-му тому юбилейного издания собрания сочинений Толстого. Совместно с Львом Николаевичем она занималась вопросом о духоборах и исследованием поволжского сектантства. Уже в предвоенные годы (1939–1940), когда в усадьбе располагается Дом творчества и отдыха писателей России, сюда приезжал правнук Льва Толстого – Алексей и проводил литературные вечера.

Лиза была романтической натурой, любовь к поэзии она сохранила на всю свою жизнь. Ее самым большим другом в жизни был любимый муж Владимир Германович. На протяжении двенадцати лет (1905–1917) Владимир Молоствов [3] был предводителем уездного дворянства. При нем в Тетюшском уезде открывались школы, читальные избы, фельдшерские пункты, строились церкви и мечети, открывались и действовали дома для детей-сирот. В таких домах давали не только приют и пищу, но и учили детей грамоте, обучали ремеслу.

По его ходатайству в уездном городе Тетюши были построены и открыты мужская и женская гимназии, ремесленное училище для крестьян в селе Монастырское. Проводились работы по отводу грунтовых вод, мостились камнем дороги, укреплялись овраги, им было разработано первое нефтяное месторождение в Татарстане. Методики Владимира Германовича по предотвращению заовраживания использовались в народном хозяйстве Татарстана вплоть до 50-х годов XX века. В усадьбу из Германии была привезена динамо-машина, и первый электрический свет в Заволжье появился в Долгой Поляне.

Именно супруги Владимир Германович и Елизавета Владимировна сыграли огромную роль в прогрессивном развитии не только Долгой Поляны, но и Тетюшского уезда. До сегодняшних дней сохранились березовая, кленовая, липовая, лиственничная аллеи, посаженные ими. Особого внимания заслуживает аллея из четырехсот шестидесяти восьми саженцев сибирской лиственницы, которую Владимир посадил в честь венчания и первого приезда в усадьбу жены. Для переработки плодов фруктовых деревьев, высаженных целыми террасами от главного дома имения до самой Волги, был построен винокуренный завод. Также хозяином усадьбы были обустроены три каскадных пруда, где разводили форель. Рачительный хозяин наладил в своем имении работу завода по добыче серы. Радовали глаз гостей имения оранжереи, зимний сад, яркие клумбы с диковинными растениями.

Октябрь 1917 года Молостковы встретили в Долгой Поляне. Понимая, что при новой власти их ждут большие потрясения, супруги Молостковы не покинули свое родословное гнездо, сочувствовали начавшимся преобразованиям, пытались найти в них свое место.

23 января 1918 года Владимир Германович, как бывший управляющий уезда, был приглашен на собрание революционной молодежи в Тетюшах, возвращаясь с которого при загадочных обстоятельствах погибает. Так оборвалась жизнь одного из замечательных людей, отдавшего много сил, энергии, знаний на благо своего уезда, своего народа.

Рис. 2. Аллея усадьбы «Долгая поляна»

Похоронили Владимира на берегу пруда, где он любил отдыхать. Тяжелые испытания выпали на долю Елизаветы Владимировны. Поддержать сестру приехал брат Елизаветы Владимировны — поэт-символист Борис Бер (1871–1921). За одну ночь Борис Владимирович написал большое стихотворение «Элегия», в котором описал время и человека — Владимира Молостова.

Повсюду крестьяне расправлялись с бывшими помещиками, жгли усадьбы, начиналась гражданская война. Перед Елизаветой Владимировной стоял выбор: остаться в милой сердцу Долгой Поляне или ехать за границу. Она осталась и сохранила от разорения усадьбу.

Местные жители относились к Елизавете Владимировне доброжелательно — крестьяне приняли ее в свое сельское общество и выделили надел. В 1920 году ее назначили заведующей совхозом в Долгой Поляне. В 1925 году выходит Декрет о лишении бывших помещиков права на землепользование и проживание в принадлежащих им до революции хозяйствах. Для Елизаветы Владимировны начались новые испытания. Местные власти стремились выселить ее из усадьбы. Молостова обращается к председателю Совнаркома и во ВЦИК. Постановление о ее выселении отменяют. Но эти испытания были не последними. В 1929 году в доме Молостовых разместилась школа коммунистической молодежи. Елизавете Владимировне отвели деревянный флигель напротив, отдав лишь одну комнату для научных занятий. С 1931 года в усадьбе по инициативе Молостовой разместился Дом творчества и отдыха писателей [5].

Рис. 3. Усадьба «Долгая поляна» (после реставрации)

Рис. 4. Вид усадьбы

Елизавета умерла от неизлечимой болезни 1 августа 1936 года и была похоронена рядом с мужем, на могильной плите которого она поместила изображение редкостного растения — венериного башмачка. Свой архив вместе с документами брата Бориса Елизавета Владимировна передала еще в 1925 году в научные учреждения: Пушкинский дом, Толстовский музей, Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Библиотеку (более 8 тысяч томов) она завещала музею Льва Николаевича Толстого.

В 30-е годы, в связи с наличием сероводородного источника, профессором медицины Якобсоном была разработана концепция здравницы на территории усадьбы. Этому способствовала и легенда о загадочных энергетических полях, которые быстро залечивали раны и восполняли энергетические силы. До сих пор усадьба привлекает в том числе и необъяснимыми метафизическими процессами, загадочными явлениями и аномальными зонами.

Музейными сотрудниками прикладываются все усилия, чтобы привлечь внимание общественности на возрождение усадьбы. Первой победой стало строительство в деревне дорожного полотна, затем дороги из Тетюш до деревни Долгая Поляна. Руководство района, осознавая значимость и ценность места, в 2011 году передает усадьбу в оперативное управление Музею истории Тетюшского края. За семь лет маленькому коллективу провинциального музея всё же удалось вдохнуть новую жизнь, привлечь внимание и добиться признания достопримечательного места Татарстана, а самое главное — ощутить стремление простых, незнакомых людей оказать какое-либо содействие в восстановлении усадьбы, а это значит, что история Молоствовых не оставляет равнодушными никого.

Сегодня это центральный объект туристического показа. Несмотря на то, что главный дом требует серьезной реставрации, а территория — воссоздания и благоустройства, усадьба притягивает словно магнит. В одной из комнат дома на средства гранта Правительства Республики Татарстан музейщиками создана выставка «Наследник крепкий доблестного рода...», при помощи Казанского университета восстановлен балкон.

Здесь, как и при жизни хозяев, гости вновь пьют чай на душистых травах, из самовара, растопленного на шишках, слушают в музыкальной гостиной звуки рояля и романсы на стихи Елизаветы, умываются студеной водой на роднике «Елизавета», обнимаются с деревом-патриархом — горно-алтайской елью, думают о вечном, сидя на «Скамье

Рис. 5. Смотровая площадка

раздумий», любуясь открывающейся панорамой Древнего Булгара и наслаждаясь душой Долгой Поляны. Именно сюда стремятся новобрачные, чтобы скрепить свою любовь старинным обрядом. Здесь на театрализованно-интерактивных программах дети познают мудрость предков, обучаются работе на ткацком стане или печати медового пряника, знакомясь с тем, что заставляет мыслить, любить и ценить.

Усадьба Молоствовых — это «памятник человеческих отношений», она не только потрясает красотой природы, архитектуры и является мощным плацдармом для воспитания духовности и нравственности, но и вселяет веру в возрождение силы и мощи России.

Благодаря научно-исследовательской работе сотрудников музея, разработанным образовательным программам с помощью интерактивно-театрализованных экскурсий усадебный комплекс постепенно приобретает статус культурно-образовательного центра.

Дальнейшее восстановление и сохранение исторического комплекса является важным элементом реализации его историко-культурного потенциала.

Принято считать, что жизнь бурлит и фонтанирует в столицах. Однако следует помнить, что именно в провинции для этого собираются и накапливаются животворящие родники таланта, ума и духа. Так было всегда...

Список литературы

1. *Фролова С. А.* Казанская ветвь дворянского рода Молоствовых. — Казань, 1998. — С. 10.
2. Там же. — С. 12.
3. *Лодыженский И. Н.* Родословная Молоствовых. — СПб., 1900. Национальная библиотека РТ.
4. *Молоствова Е. В.* Солдатские письма. — Казань, 1917. (Предисловие).
5. *Фролова С. А.* «Здесь жизнь из тайников глубин восходит из вершин»: поэтика Долгополянской усадьбы // Эхо веков. — 2009. — № 2.
6. Статья «Самая заброшенная и почитаемая», написанная сотрудниками музея в районную газету «Авангард» в конце 1990-х годов.

Библиография по усадьбе и роду Молостровых

1. *Брокгауз Ф. А. и Ефрон И. А.* Энциклопедический словарь. — С.-Петербургъ, 1890–1907.
«Молоствовы — дворянский род, происходящий из Новгорода, откуда предки его в конце XV в. переведены на поместья во внутренние области России. Дмитрий Иванович М. был стольником (1684) и воеводою в Уфе (1697). Владимир Порфирьевич М. был попечителем Казанского учебного округа (при Императоре Николае I), затем сенатором. Один из его сыновей, Владимир Владимирович, был военным агентом в Вене; старший сын его, от брака с княжной Л. А. Суворовой, наследовал майоратные имения князей, Итальянских графов Суворовых-Рымникских. Род Молостровых внесен в VI ч. Родословной книги Казанской губернии».
2. *Молостлов-Астафьев С. В.* (1907–1990) и *Булыгин А. Д.* (1901–198?). «Семейная хроника» и «Родословная фамилии Молостровых».
3. Воспоминания генерала-лейтенанта А. А. Игнатьева «Пятьдесят лет в строю» (о Льве Валериановиче Молостове).
4. *Лодыженский И. Н.* Родословная Молостровых. — СПб., 1900. Национальная библиотека РТ.
5. *Волков С. В.* Белое движение : Энциклопедия гражданской войны. — М. : Олма-Пресс, 2003. — 672 с.
6. *Могильникова Г. А.* След серебряных коней // Казань. — 2000. — № 1.
7. *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. : в 90 т. — М. ; Л., 1928–1958. — Т. 59. — С. 46, 79–80.
8. *Толстая С. А.* Дневники : в 2 т. — Т. 2. — М., 1901–1910. — С. 307.

9. Есть на Волге городок... / науч. ред. А. М. Залялов. — Казань : По городам и весям, 2004.
10. *Иванычева О.* Долгая Поляна: красивая история любви // Иванычева О. Казанские ведомости. — 2019. — Вып. 16.
11. *Вафина Т.* Долгая Поляна: времена года и временные дыры. — Татарстан, 2018.
12. *Команда Кочующие.* Долгая Поляна — усадьба Молоствовых. — 2008.
13. *Юлия Волшебная.* Долгая Поляна. Место силы. Татарстан, Тетюшский район, 2018 // Блог Julia Magic.
14. *Карташова Л.* Хранительница дома Молоствовых. Республика Татарстан, 2013. — № 174.
15. *Федорова Н.* История одной усадьбы: имение дворянского рода Молоствовых в Тетюшах // Реальное время. — 2017.
16. *Калашикова Е.* Загадочный мир Долгой Поляны // Новая деревня. Малоэтажное строительство. — 2018. — № 4 (52).
17. Люди и судьбы. — Казань : ТИТУЛ, 2003. — С. 304.
18. *Арсентьева С.* Тетюшское привидение // Отражение. — 2000. — № 6 (102).
19. *Кувшинникова Е.* Как странно уходить от этих ярких зорь... // Авангард. — 2002. — № 57.
20. *Толстая С.* Любовь и бунт : дневник 1910 г. — С. 289–291.
21. *Кожевникова Н.* Очарование и таинство Долгой Поляны. Республика Татарстан, 1999.
22. *Мельгунов В. В. и Мельгунова (Молоствова) О. М.* Родословная роспись Молоствовых.
23. Письма А. М. Горького Б. В. Беру и Е. В. Молостковой // Волга. — 1966. — № 1.
24. *Митрахович С.* Долгая Поляна «Дворянского гнезда». — URL: <https://posmotrim.by/article/usadba-molostvovyh-tetyushi.html>.
25. *Карташова Л.* Храм на трех озерах. Республика Татарстан, 2003.
26. *Марянин Н.* Сквозь пелену истории // Новая жизнь. — 19.11.2002.
27. *Марянин Н.* Три озера в огне // Новая жизнь. — № 127–128.
28. *Марянин Н.* Три озера // Новая жизнь. — 11.08.1999.
29. *Керцелли Л.* Но те, которым в дружной встрече я строфы первые читал... // Огонек. — 1987. — № 1. — С. 10.
30. *Левитан А.* Без вина был пьян любовью // Казанские истории. — 2003. — № 5–6.
31. *Булыгин А. Д.* Родословная фамилии Молоствовых. — 2002.
32. *Карташова Л. Б.* Долгая Поляна — родовое поместье Молоствовых. — Казань : Идел-Пресс, 2007. — С. 182–187.

33. *Бурдин Е.* Христофоровская ветвь дворян Молоствовых. М. Молоствов. Моя родословная // Казань. — 2007. — № 7. — С. 24–31.
34. Дворянское гнездо рода Молоствовых. — Казань, 2003. — С. 58–91.
35. *Фролова С. А.* Молоствовы из Долгой Поляны : брошюра.
36. Новых зорь тебе при новом пробуждении... // Авангард. — 2004. — № 64.
37. *Фролова С. А.* «Здесь жизнь из тайников глубин восходит из вершин» : поэтика Долгополянской усадьбы // Эхо веков. — 2009. — № 2.
38. *Фролова С. А.* Казанская ветвь дворянского рода Молоствовых (вторая половина XVIII в. — 1861 г.). — Казань, 1998.
39. Свод памятников истории и культуры Республики Татарстан. Усадьба Г. В. Молостова. — Казань, 1999.

Интернет-ресурсы

- URL: <https://realnoevremya.ru/articles/58696-istoriya-odnoy-usadby-imenie-dvoryanskogo-roda-molostvovyh-vtetyushah>.
- URL: <http://komanda-k.ru/Татарстан/долгая-поляна-усадьба-молоствовых>.
- URL: <https://posmotrim.by/article/usadba-molostvovyh-tetyushi.html>.
- URL: <https://www.kazan.kp.ru/daily/26314/3193263/>
- URL: <http://www.geo.ru/node/42172>.
- URL: <https://www.proza.ru/2014/02/22/979>.
- URL: <http://shemiacino.org.ru/longglade/molostvov.html>.
- URL: <http://kazan-avto.blogspot.com/2013/04/blog-post.html>.
- URL: http://samlib.ru/k/komanda_k/00000000000176.shtml.
- URL: <https://inde.io/article/1951-radius-500-km-zachem-chat-v-tetyushi-i-chtotam-smotret>.
- URL: <https://22oa.ru/usadba-molostvovykh/>.
- URL: <http://tatkazan.ru/samaya-krasivaya-el-tatarstana-dolgozhitelnitsa-v-pomestemolostvovykh/>.
- URL: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg%3A%2Fnumbers%2F2009_2%2F09%2F01%2F.
- URL: <https://www.sovsekretno.ru/articles/id/5530/>.
- URL: <http://kazan.rusplt.ru/index/pochti-sto-let-proshlo-budut-li-nas-tak-vspominat-18604.html>.
- URL: <http://lgz.ru/article/2008-god/Dvoryanskoe-gnezdo6892/>.
- URL: <http://www.shemiacino.narod.ru/molostvovs/index.html>.
- URL: http://www.kznportal.ru/space_search/zone/id140/.
- URL: <http://cheloveknauka.com/kazanskaya-vetv-dvoryanskogo-roda-molostvovyh-vtoraya-polovina-xviii-v-1861-g>.

URL: <http://triozera16-56.ucoz.ru/publ/1-1-0-11>.
URL: <http://rt-online.ru/p-rubr-obsh-10107953/>.
URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/328431>.
URL: <https://kazned.ru/article/7122>.
URL: <http://www.evening-kazan.ru/articles/blagoslovennye-tetyushi-otdyh-eko-nom-klassa-dlya-lyubiteley-stariny.html>.
URL: <http://media73.ru/2014/43455-spaskij-sled-lenina>.
URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Тетюши>.
URL: http://tnv.ru/main/katalog/poznavatelnye/rekvizity_byloj_suet/.

Стратегия рода: Оловянишниковы

I. История

Род Оловянишниковых, российских предпринимателей, благотворителей, интересен нам по нескольким причинам. Во-первых, устойчивостью и последовательностью в упрочнении своего процветания, стабильного движения в повышении качества своей продукции. Во-вторых, крепкими нравственно-этическими принципами, касающимися как семейной жизни, так и деловых отношений.

Рассмотрим историю рода

Родоначальник — монастырский крестьянин села Савинское Ярославского уезда (входило в вотчину Спасо-Преображенского монастыря) Осип Ермолаев (1656 – не ранее 1717), купил дом в Ярославле, был оловяничником (занимался изготовлением оловянной церковной утвари и посуды). Его сыновья Иван Осипович (1695–?) и Фёдор Осипович [1703–28.5 (8.6). 1778] основали медное производство уже в самом Ярославле. Их брат Григорий Осипович [1697–17(28).10.1773] занимался торговлей, избирался ярославским купечеством ларёчным и таможенным выборным (1751); а его сын Климент Григорьевич (1758–1786) в 1770–1780-е годы владел крупным производством сурика и белил, был членом городского магистрата Ярославля (1784–1785), причем по многим делам высказывал свою, оригинальную точку зрения.

Сын Ф. О. Оловянишникова — Григорий Фёдорович [1732–11(23).5.1811] в 1766 отлил у себя в мастерской для ростовского Спасо-Яковлевского монастыря колокол весом 2,67 т, кроме того, он занимался подрядами — в частности, восстанавливал обветшавшую от времени стену Кирилло-Белозерского монастыря. В 1777 году он передал свою мастерскую своему сыну Порфирию Григорьевичу

[28.10(8.11).1755–31.10(12.11).1830], ярославскому купцу 2-й гильдии (1780-е гг.), который расширил спектр деятельности семьи, приобретая после войны с французами свинцово-белильное производство (1814). Он профинансировал строительство первого в Ярославле моста через р. Которосль (открыт в 1821 году), в 1823-м купил у московских купцов Колосовых ярославскую шелкоткацкую фабрику (основана в 1723 году М. Затрапезновым). При этой фабрике и существовало древнейшее в Ярославле колоколотейное производство. В 1818 году он построил и оборудовал больницу для бедных в Ярославле, был старостой Ярославского Успенского собора (с 1823 года). Кроме того, он отлил и поднял на колокольню Казанского монастыря в Ярославле колокол весом 5,3 т (1827). Его сын Иван Порфирьевич [25.3(5.4).1783–1(13).12.1859], купец 2-й, 1-й гильдии (с 1831 года), мануфактур-советник (1830-е гг.), городской голова Ярославля (1818–1820, 1833–1835), был членом совета и экономом Дома призрения ближнего в Ярославле (1824–1831). Он в числе первых получил потомственное почетное гражданство (1832), сохранявшееся за семьей до самой революции. Основные доходы Иван Порфирьевич получал от торговли хлебом, закупаая его в Поволжье и продавая на Санкт-Петербургской бирже. Он внимательно относился к усовершенствованию своего главного промышленного предприятия — превратил шелкоткацкую фабрику в одно из лучших предприятий Ярославля, неоднократно принимал на ней и у себя дома особ императорской фамилии, встречался с министром государственных имуществ графом П. Д. Киселёвым, которому аргументированно высказал свое предпочтение работать с свободными горожанами, а не крепостными, посессионными крестьянами (рис. 1).

Сыновья И. П. Оловянишникова: Арсений Иванович [1807–6(18).1.1875], ярославский купец, в 1861 году бесплатно выделил сукно и одежду для воспитанников Дома призрения ближнего, на свои средства устроил Знаменскую часовню, примыкающую к старинной Власьевской башне в Ярославле; Порфирий Иванович [10(22).8.1822–15(27).6.1881], ярославский 2-й гильдии и московской 1-й гильдии (не ранее 1868 года) купец, мануфактур-советник (1877), принес семье Оловянишниковых всероссийскую известность, в 1860 году отлил на заводе Семёна Чарышникова для Власьевской церкви в Ярославле один из крупнейших колоколов в стране — 1008-пудовый (16,5 т), с надписью «В память родителей Иоанна и Ольги Оловянишниковых». Кроме того, важно, что он полностью переоборудовал колоколотейную мануфактуру Оловянишниковых в современное литейное

*Рис. 1. И. П. Оловянишников.
Сер. 19 в. Картина
современного художника.
Фото из архива
Н. Е. Прянишникова*

предприятие с широким использованием станков и машин. Им же был сделан кардинальный шаг: вместе с семьей он переехал в Москву и открыл в Верхних торговых рядах магазин москательных товаров и колоколов (1868). Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 годов им были отлиты одиннадцать колоколов для Болгарии (два были заказаны Императором Александром II, два отлиты на деньги, собранные по подписке, семь пожертвовал лично Порфирий Иванович). Более того, он сам доставил их в распоряжение Руцукского отряда, где был представлен Императору Александру II. Начал экспорт колоколов (в Черногорию, Грецию, Австро-Венгрию, Османскую империю, особенно много колоколов, дополнительно к первым, было отлито для Болгарии). С 1878 года имел звание поставщика российского императорского двора. П. И. Оловянишникову наследовали его сыновья: Иван Порфирьевич [14(26).11.1844–18(30).12.1898], ярославский 1-й гильдии и московской 2-й гильдии купец, и Сергей Порфирьевич [15(27).4.1856–9(21).10.1890]. Для владения ярославским колокололитейным заводом они основали торговый дом «П. И. Оловянишникова сыновья» (1882), позднее в его состав вошли открытые братьями фабрика церковной утвари в Москве (1889), свинцово-белильный завод в Ярославле и свинцово-белильный завод и фабрика красок в деревне Волкуши под Ярославлем (1890).

После смерти И. П. Оловянишникова в 1898 году семейное дело до 1915 года возглавляла его вдова — Евпраксия Георгиевна [15(27).6.1851–1925], дочь именитого ярославского купца Г. С. Горошкова, почетная гражданка Ярославля (1908) (не путать с потомственным почетным гражданством) (рис. 2–4).

Она расширила Волкушинскую фабрику (ныне Ярославская лакокрасочная компания), арендовала, затем полностью выкупила у наследников С. П. Оловянишникова колокольный завод, преобразовала семейное дело в торгово-промышленное товарищество, сохранив его название «П. И. Оловянишникова сыновья» (1901, начало действовать в 1902-м; правление — в Москве, конторы — в С.-Петербурге, Туле и Ярославле). В 1907 году пожертвовала Ярославскому общественному городскому управлению участок земли со строениями для первой в городе детской инфекционной больницы. В Москве построила доходный дом церкви Св. Троицы на Грязех (1908–1909; арх. Л. В. Кравецкий; декоративное оформление фасадов и интерьеров выполнил С. И. Вашков, ученик В. М. Васнецова и художественный руководитель фабрики церковной утвари Оловянишниковых), а также 6-этажный доходный дом на углу Покровского бульвара и Хохловского переулка (1913, арх. С. Ф. Воскресенский).

В Первую мировую войну организовала в своем доме в Москве приют и школу для детей беженцев из Литвы, госпиталь для раненых воинов. После Октябрьской революции 1917 года жила в ссылке в Нерехте; похоронена на Новодевичьем кладбище в Москве. Дети И. П. и Е. Г. Оловянишниковых: Порфирий Иванович (1870–1909) — казначей Ярославской губернской ученой архивной комиссии; Иван Иванович (1871–1918) — выборный Московского биржевого общества (1906–1918), член Московского биржевого комитета (с 1912 года), учетно-ссудного комитета Московской конторы Государственного банка, с 1915 года председатель правления товарищества «П. И. Оловянишникова сыновья»; Виктор Иванович (1874–28.9.1932) — тоже член правления товарищества «П. И. Оловянишникова сыновья», гласный Московской городской думы (1913–1917), издатель (и редактор первых номеров) журнала «Светильник» о религиозном искусстве (1913–1915), с началом НЭПа (1921) пытался возродить фабрику церковной утвари в Москве, но был сослан с женой в Нерехту (рис. 5–14).

*Рис. 2. Е. Г. Оловянишникова.
Фото нач. 20 в.
Архив Н. Е. Прянишникова*

*Рис. 3. Семья Оловянишниковых.
Архив Н. Е. Прянишникова*

*Рис. 4. Магазин Оловянишниковых
на Никольской улице в Москве.
Фотография из архива Н. Е. Прянишникова*

*Рис. 5. Дача Морозовых в Мамонтовке,
которую арендовали Оловянишниковы, лето 1916 года.
Фотография из архива Н. Е. Прянишникова*

Рис. 6. Виктор Иванович Оловянишников с женой Екатериной Николаевной (ур. Зыбиной) в ссылке в Нерехте (середина 20-х годов). Фотография из архива Н. Е. Прянишникова (получено от Клавдии Протопоповой, Аргентина)

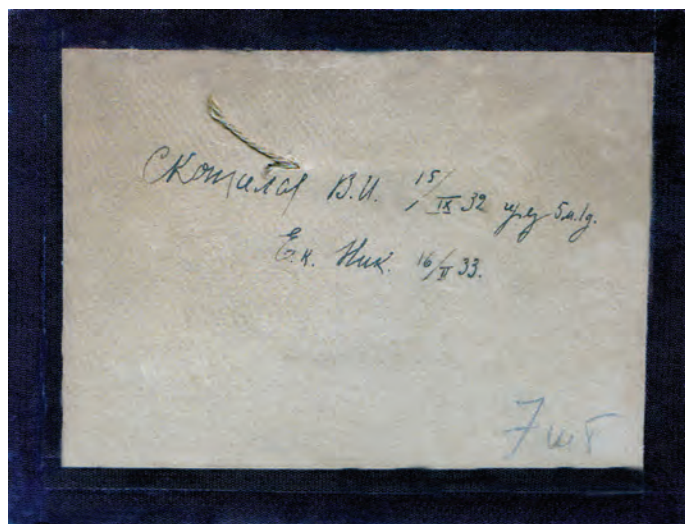

Рис. 7. Оборот фотографии с надписью Татьяны Ивановны Протопоповой (ур. Оловянишниковой): «Скончался В. И. 15/IX 32, через 5 м. 1 д. Ек. Ник. 16 /II 33»

*Рис. 8. Выставка колоколов фирмы П. И. Оловянишникова сыновей на Казанском бульваре в Ярославле.
Из архива Н. Е. Прянишникова*

Рис. 9. Виктор Иванович Оловянишников с сестрой Татьяной и матерью Евпраксией Георгиевной Оловянишниковой на пляже в Мариенбаде. Из архива Н. Е. Прянишникова

*Рис. 10. Виктор Иванович Оловянишников у себя в кабинете.
Из архива Н. Е. Прянишникова*

*Рис. 11. Виктор Иванович Оловянишников в молодости.
Из архива Прянишникова*

Рис. 12. Оборот фотографии, подпись: «Раб Божий Виктор, от роду 19 лет» и размашистая подпись

Рис. 13. Гостиная в доме Евпраксии Георгиевны в Москве (Покровка, 10). Из архива Н. Е. Прянишникова

Рис. 14. Ирина Николаевна и Николай Николаевич Оловянишниковы в детстве. Из архива Прянишникова

Николай Иванович [12(24).10.1875 – не ранее 1918] окончил Императорское московское техническое училище (1899), инженер-технолог, директор ярославского отделения товарищества, член Ярославской губернской ученой архивной комиссии (1911), гласный городской думы (1917), автор книги «История колоколов и колоколотейное дело на заводе товарищества П. И. Оловянишникова сыновья» (1906; 5-е изд., 2010, под назв.: «История колоколов и колоколотейное искусство»); Мария Ивановна [20.3(1.4).1877–1948] в 1899 году вышла замуж за поэта-символиста Юргиса Казимировича Балтрушайтиса; Владимир Иванович (1880 – не ранее 1918) работал в ярославской конторе семейной фирмы, расстрелян большевиками в Ялте; Георгий Иванович (1881 – не ранее 1936) окончил Императорское московское техническое училище (1907), инженер-механик; Татьяна Ивановна (1891–1973) была замужем за московским купцом 1-й гильдии Б. Н. Протопоповым, правда, брак не был долгим – эмигрировала сначала в Бельгию и Париж, а затем в Аргентину.

Оловянишниковы изготавливали иконы, хоругви, дарохрани- тельницы и прочие предметы церковной утвари, знамена, облачения для священников и высшего духовенства. По инициативе С. И. Ваш- кова Оловянишниковы стали отдавать предпочтение «неорусскому» стилю, в том числе в колокольных барельефах. Фирма вела торговлю по всей России, на Макарьевской, а затем Нижегородской ярмарке, товарищество «П. И. Оловянишникова сыновья» имело отделения в нескольких городах. В 1913 году оно выполнило заказ на изготовле- ние богато украшенных колоколов (каждый был отлит с портретным барельефом одного из представителей династии Романовых), а также утвари для храма-памятника в честь Фёдоровской иконы Божией Матери в ознаменование 300-летия Дома Романовых в С.-Петербурге (арх. С. С. Кричинский, 1911–1913).

За высокое качество художественного литья фирма Оловя- нишниковых получила награды на всемирных выставках в Париже (1889, золотая медаль) и Чикаго (1893, золотая медаль); на Все- российский промышленной и художественной выставках в Москве (1882) и Нижнем Новгороде (1896) удостоена права изображать Государственный герб Российской Империи на своей продукции, вывесках, бланках и т. д.

После Октябрьской революции 1917 года Московская фабрика церковной утвари была закрыта, колоколотейный завод разрушен в результате Ярославского восстания 1918 года. Предметы церковной утвари, произведенные на фабрике Оловянишниковых, хранятся в Историческом музее в Москве, Государственном музее истории религии в С.-Петербурге и в Ярославском историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике.

* * *

С 1992 года в Ярославле проводятся научные Оловянишни- ковские чтения, посвященные истории купечества (в том числе роду Оловянишниковых), обсуждаются проблемы церковной утвари и ко- локольного дела. Мы дали довольно общий очерк истории одного рода. Но, чтобы оценить вклад рода в общественную жизнь Ярославля и страны, более подробно рассмотрим благотворительную деятельность Оловянишниковых во втором разделе.

Список литературы к разделу I

1. *Лебедев А.* Храмы Власьевского прихода в Ярославле. — Ярославль, 1877.
2. *Вашков С.* Религиозное искусство : сб. работ церковной и гражданской утвари, исполненной Т-вом П. И. Оловянишникова сыновья. — 2-е изд. — М., 1914.
3. *Виденеева А. Е.* Колокольные наборы ростовских монастырей во второй половине XVIII – начале XIX в. // Колокола и колокольни Ростова Великого. — Ярославль, 1995.
4. *Прянишников Н. Е.* Металл благозвонный // Металлы Евразии. — 1997. — № 3.
5. *Прянишников Н. Е.* Евпраксия : каталог выставки. — Ярославль, 2006.
6. *Прянишников Н. Е.* Оловянишниковы // Большая Российская энциклопедия. — URL: http://bigenc.ru/domestic_history/text/2685504/

II. Благотворительность

Одним из первых следов благотворительных акций семьи, обнаруженных нами в архивах, был документ, описывающий пожертвования на ополчение, созданное для борьбы с Наполеоном. Макарьевская ярмарка проводилась ежегодно, не была она отменена и в тот зловещий год по случаю войны. Порфирий Григорьевич торговал на ней вместе с братом Григорием Григорьевичем. Сбор средств, по-видимому, был приурочен к окончанию торгов, и 8 сентября 1812 года им было пожертвовано на создание ополчения 500 рублей, а Григорий Григорьевич, будучи старостой медного и котельного ряда, собрал с торгующих сходную сумму в 587 рублей, куда наверняка входило и его пожертвование [3, л. 4]. Число таких пожертвований (индивидуальных и коллективных) достигло 60, а общая сумма превысила 73 тысячи рублей [3, л. 6].

Второй крупной благотворительной инициативой Порфирия Григорьевича была деятельность по финансированию проекта и строительства одной из первых больниц города Ярославля. В архивном фонде «Канцелярия Ярославского губернатора» сохранились документы, относящиеся к началу 1818 года. Порфирий Григорьевич Оловянишников обратился личным письмом к ярославскому губернатору Гавриилу Герасимовичу Политковскому. Письмо содержит:

- просьбу о разрешении «...построить от достояния своего больницу для неизлечимых находящихся при благотворительных заведениях Ярославского приказа общественного призрения...» [4, л. 1];
- мотивировку этого человеколюбивого поступка: «а я желаю лишь того, чтоб сие заведение в минуты истинных наслаждений жизни напоминало мне и детям моим о ближнем, лишенном в то же самое время сих удовольствий и страждующем неисцельным недугом» [4, л. 1 об.].

Чрезвычайно важно упоминание, что благотворительная акция осуществляется не лично благотворителем, а всей семьей и что в ней участвуют дети. Кроме того, в письме задаются высокие образцы нравственного поведения, непосредственно опирающиеся на историю Ярославля: Порфирий Григорьевич апеллирует к временам Великой Екатерины, сравнивая Политковского с первым губернатором Ярославского наместничества — Алексеем Петровичем Мельгуновым, основавшим Дом призрения ближнего. Сам же Порфирий Григорьевич

взял за образец купца Ивана Кучумова, выделившего на Дом призрения ближнего крупную сумму денег. Сопоставление письма с другими сохранившимися документами доказывает нам, что благотворительные проекты в александровскую эпоху осуществлялись весьма оперативно. Так, уже 15 июля того же года в Петербург в хозяйственный департамент была отправлена информация следующего содержания:

«Ярославский второй гильдии купец Порфирий Григорьевич ОЛОВЯНИШНИКОВ собственным своим иждивением построил при здешних заведениях Приказа общественного призрения особую больницу для богадельных и для неизлечимых. Оная больница сего июля 14 дня по совершении в церкви помянутых заведений Божественной литургии, в присутствии губернского начальства и многих чиновников и граждан освящена, и несколько из болезнующих меньшей братии Христовой введены в сию обитель милосердия. По предварительному донесению Гражданского Губернатора высшему правительству Комитет Г. Г. Министров за сей человеколюбивый подвиг купца Оловянишникова положил объявить ему от начальства благодарность, что ему в полном собрании и объявлено. После того, П. Г. Оловянишников, угостив присутствовавших при сем завтраком, и снабдив от себя больницу оловянною посудю, возвратился в дом свой с сердечным удовольствием славя Бога, что имел случай уделить часть достояния своего на пользу ближнего: “Блажен разумеваая на нища и убога!”» [4, л. 9–9 об.].

В Ярославле Оловянишниковы жили в разных местах, однако с конца XVIII века они надолго поселились в квартале между Стрелецкой и Срубной улицами и стали прихожанами Власьевской церкви. Забота о благолепии храма и благополучии прихода стала семейной традицией, но особо большие пожертвования делались в память умерших родителей, что соответствовало почтительному отношению к родовой памяти. В 1830 году умирает от холеры Порфирий Григорьевич, и на средства его сына Ивана Порфирьевича Оловянишникова, бывшего в то время экономом (управляющим) Дома призрения ближнего, осуществляется перестройка храма. В свою очередь после его смерти в 1859 году его сыновья передали в ризницу храма серебряно-позолоченную ризу иконы Господа Вседержителя, украшенную драгоценными камнями. Вес изделия составил 49 фунтов (что-то около 20 кг). Об этом распорядился покойный родитель в своем завещании, а наследники свято выполнили волю покойного [1, с. 39].

В 1866 году на средства сына Ивана Порфирьевича Оловянишников — Порфирия Ивановича в ансамбле Власьевской церкви была построена новая колокольня в форме звонницы, воспроизводившей традицию древней архитектуры для размещения колоколов. Для звонницы был отлит новый набор колоколов, главный из которых весил 1008 пудов (около 16 28 кг), ставший самым крупным и тяжелым колоколом Ярославля, а значит, украшением города и гордостью горожан.

В 1880-м году (за год до своей кончины) Порфирий Иванович принял деятельное участие в организации в приходе особого попечительства о бедных. На приходском совете при участии настоятеля Власьевской церкви Константина Крылова в результате долгих обсуждений были выработаны правила попечения и собрана значительная по тем временам сумма в 2600 рублей серебром. «Мануфактур советник Порфирий Иванович Оловянишников и церковный староста, почетный гражданин Иван Николаевич Соболев пожертвовали по 500 р. каждый» [5, с. 78–79].

Благотворительность Оловянишниковых не замыкалась границами своего прихода. Так, Оловянишниковы сотрудничали с Серафимо-Понетаевским женским монастырем в Нижегородской губернии, в который в 1878 году Оловянишниковы пожертвовали множество различных вещей церковного убранства. Был пожертвован бронзовый иконостас в часовню Коробовской придворной церкви в Петербурге, вклады продолжались и в дальнейшем [6, с. 31].

Благотворительность семьи имела не только религиозную, но и социальную направленность — опекали сирот, больных, стариков и инвалидов. С 1786 года в Ярославле функционировал Дом призрения ближнего, где на полном обеспечении содержались дети-сироты. В отличие от существующих социальных объектов, Дом призрения ближнего существовал только на частные пожертвования. Жертвовал туда Иван Порфирьевич и Порфирий Иванович. В 1861 году Арсений Иванович Оловянишников бесплатно выделил сукно и одежду для его воспитанников [7, с. 34].

Арсением Ивановичем также на свои средства была устроена Знаменская часовня, составляющая одно целое со старинной Власьевской башней, одной из двух сохранившихся от старинных укреплений [8]. Символично, что именно там были проведены первые Оловянишниковские чтения. В 1860 году Арсением Оловянишниковым было принесено в дар Императорской публичной библиотеке собрание

рукописей ярославского купца Трехлетова, выкупленных после смерти собирателя. В состав коллекции входило 357 рукописей, в том числе «Лествица преподобного Иоанна Лествичника», написанная полууставом XV века [9, с. 8]. Надо сказать, что выкуп и дарение целой коллекции А. И. Оловянишниковым следует рассматривать как большую удачу для отечественной культуры. Чуть позже И. А. Вахромееву так и не удалось выкупить архив и библиотеку Л. Н. Трефолева, за которую наследники запросили 10 тысяч рублей [10, с. 102].

Оловянишниковы были отзывчивы на политические процессы, происходившие в тогдашней России. В период Русско-турецкой войны 1877–1878 годов П. И. Оловянишников на собственные средства содержал в Ярославле офицерский лазарет на две кровати. А в апреле 1878 года им был совершен щедрый дар вновь образованному славянскому государству: в Болгарию он сам доставил шесть колоколов, отлитых на принадлежащем ему колоколотейном заводе. Эти колокола были пожертвованы для восстанавливаемых православных церквей на Шипке, в Систове и других городах Болгарии [12, 13].

Оловянишниковы старались проявлять заботу о своих рабочих, которые подвергались вредным воздействиям свинца при производстве белил, что вызывало тяжелые отравления. Поскольку менее вредные технологии в то время отсутствовали, они старались уменьшить вред химического производства, ограничивая время пребывания на фабрике. В 1889 году Оловянишниковы открывают при заводе небольшую больницу на 3 кровати [14, л. 12].

Для помощи обездоленным людям преклонного возраста в 1901 году Оловянишниковыми была создана Власьевская богадельня при одноименной церкви на 40 женщин, причем семьей полностью обеспечивалось их содержание [15]. При поступлении преимущество в приеме отдавалось прихожанкам Власьевской церкви. Богадельня была посвящена памяти потомственных почетных граждан Порфирия Ивановича, его жены Татьяны Ивановны и их сына Ивана Порфирьевича Оловянишниковых, на пожертвованные ими средства [15]. Здесь мы также должны отметить, что пожертвование состоялось после смерти Ивана Порфирьевича-второго в 1898 году. Основание и содержание подобной организации было делом хлопотным и к тому же требовало немалых средств, а потому подобных богаделен в Ярославле было совсем немного. Кроме Оловянишниковской, функционировали еще Пастуховская (с 1851 года, на 50 человек), Вахромеевская (А. И. Вахромеева, на 60 человек), Закоторосная Вахромеевская (Н. А. Вахромеева) [2].

В 1906 году в Ярославскую городскую думу пришло заявление купеческой вдовы Евпраксии Георгиевны Оловянишниковой о том, что она жертвует в собственность города принадлежащий ей каменный дом на Пошехонской улице со всем надворным строением и землею для устройства городом в этом доме детской больницы. Следует отметить, что Евпраксия в переводе с греческого языка означает «делающая благо», что создавало особые предпосылки для благотворительной деятельности. В ответ на дар Ярославская городская дума отмечала, что такое само по себе весьма щедрое пожертвование «получает еще большую ценность, потому что благодаря ему является возможность решить, наконец, давно назревший вопрос о детской больнице, в услугах которой нуждается беднейший слой населения города» [16, 2]. До этого времени в губернской земской больнице не было специального детского отделения, а больных детей, в том числе с инфекционными заболеваниями, вопреки элементарным санитарно-гигиеническим требованиям, помещали в больничных палатах вместе с взрослыми. Ярославская городская дума постановила повесить портреты Евпраксии Георгиевны в помещениях управы и детской больницы, т. к. событие было сочтено знаменательным для истории города.

В ноябре 1906 года в конторе ярославского нотариуса И. Ф. Лернера сын Е. Г. Оловянишниковой — Н. И. Оловянишников, в присутствии уполномоченного от Ярославской городской думы — купца Я. И. Канюкова и двух свидетелей, юридически оформил переход в собственность города комплекса зданий по Пошехонской улице, стоимостью в 12 000 рублей. Даримое городу каменное здание своей фасадной частью выходило на Пошехонскую улицу, заканчиваясь около Городского вала. 14 декабря 1906 года весь комплекс осмотрела строительная комиссия, в которую входили два городских врача. По разработанной ими программе, в каменном доме была размещена детская больница: в двух комнатах расположили палаты для детей, а одну комнату назначили для сомнительных случаев (инфекционных больных), остальные были предназначены для ванной, бельевой, фельдшерской, кухни и тому подобных больничных функций. Врачами рекомендовалось также проведение электрического освещения и установка в палатах электрических вентиляторов для создания эффективного воздухообмена. Деревянный дом предназначался под амбулаторию, а в доме на дворе предполагалось размещение обслуживающего персонала [2, с. 54].

5 октября 1907 года комплекс бесплатной детской больницы был освящен и торжественно открыт. Уже два первых месяца работы

больницы показали, что количество больных значительно превосходит планировавшееся число кроватей, увеличившееся к марту 1908 года почти вдвое. В сентябре 1908 года Ярославская городская дума обсудила опыт эксплуатации больницы и констатировала, что за год своего существования больница заслужила полное доверие общества. Тогда же было возбуждено ходатайство о присвоении Е. Г. Оловянишниковой звания почетной гражданки города Ярославля, которое она вскоре (12 января 1909 года) и получила, о чем ее лично уведомил тогдашний ярославский губернатор А. А. Римский-Корсаков.

Инициатива Евпраксии Георгиевны была подхвачена женой Ярославского губернатора — А. П. Римской-Корсаковой. На земле, пожертвованной городу Е. Г. Оловянишниковой вместе с домом, в 1907–1908 годах на собранные по инициативе жены губернатора средства была выстроена Алексеевская детская инфекционная больница [16].

Кроме финансирования социальной сферы, Оловянишниковы радели еще и о городском благоустройстве. Так, еще Порфирий Григорьевич Оловянишников профинансировал строительство моста и дамбы через реку Которосль, которая в весеннее половодье разливалась и затрудняла связь центра города с московской трассой.

Из разысканий М. В. Савина [2, 56] стало известно, что в 1874 году в Ярославле было открыто Ярославское окружное правление Общества «подания помощи при кораблекрушениях», которое занималось круглогодичным спасением людей, лошадей и животных от утопления. Так, зимой 1879 года служащими спасательной станции в Ярославле были вытащены провалившиеся под лед или попавшие в полынью лошади ярославских купцов: Коренева, Крохоняткина, Оловянишникова и Ерыпанова, а также 8 крестьянских лошадей [12, с. 3]. Пожертвования Оловянишниковых обычно составляли 100 рублей в год и служили не только человеколюбивым целям, но и для уменьшения торговых рисков.

В 1895 году в Ярославле был создан один из первых ярославских музеев исторического направления — «Древлехранилище», коллекция которого к 1900 году достигла тысячи экспонатов. Но развитие этого музея не состоялось бы без значительной финансовой поддержки П. И. Оловянишникова и А. А. Полякова и других ярославских предпринимателей. Эти средства позволили провести капитальный ремонт здания музея. Современниками отмечалось, что «...помещение Древлехранилища приведено в образцовый вид. Просторные и светлые залы, обильно освещаемые электричеством, расписанные и убранные

соответствующей мебелью, как нельзя более подходят к сохраняемым в них сокровищам, в то же время делают Древлехранилище одним из лучших музеев...» [15, с. 71].

В Ярославской женской гимназии Николаем Ивановичем Оловянишниковым была учреждена стипендия, имени Шуры Оловянишниковой, что свидетельствует о большом внимании к стимулированию старательных учеников и развитию женского образования в России [18, с. 9]. Интересно, что именная стипендия в честь любимой жены Александры Ивановны, размером в 1700 рублей, была на 200 рублей выше, чем именная стипендия царствующей фамилии («Имени вдовствующей Государыни Императрицы Марии Федоровны и наследника Цесаревича Николая Александровича, ныне благополучно царствующего Государя Императора»). Награждение девочек стипендиями производилось за отличие в учебе и примерное поведение, а по праздникам дополнялось подарками от Александры Ивановны. В этой деятельности Николай Иванович следовал традиции своих предков. Из «Епархиальных ведомостей» [19, с. 261] нам известно, что на устройство училищного храма (храма Ярославского епархиального училища. — *Н. П.*) были пожертвованы предметы церковной утвари: «...Сверх того от торгового дома П. И. Оловянишникова сыновья пожертвованы для училищной церкви следующие вещи: 4 подсвечника золоченых к местным иконам и паникадило двух ярусное в 24 свечи, золоченое всего на 668 рублей». Это пожертвование не осталось не замечено руководством Ярославской епархии: «...всем означенным жертвователям Его Высокопреосвященство благоволил выразить свою архипастырскую благодарность с призыванием на них благословения Божия» [19, с. 61].

Кроме конкретной адресной помощи в решении просветительских задач, Оловянишниковы старались оказать помощь в просвещении целых народов. С этой целью они активно участвовали в деятельности миссионерского общества. Так в «Ярославских епархиальных ведомостях» за февраль 1887 года [20] можно обнаружить список действительных членов ярославского комитета православного миссионерского общества за седьмой год существования комитета с 19 февраля 1886 по 19 февраля 1887 года, в котором в особую группу «А» выделены члены, обеспечивающие ежегодные взносы единовременными вечными вкладами, где под номером 11 обозначен «Оловянишников Порфирий Иванович, потомственный почетный гражданин (покойный). 5% билет сто рублей... 100». Таких членов, заранее оплативших

свое участие в деятельности общества, было немного — 28 человек, зато более многочисленная группа «Б», включавшая действительных членов с обязательными ежегодными взносами, достигала 429 человек, что свидетельствует о распространенности идеи миссионерства в местном обществе. Поэтому неудивительно, что Оловянишниковы, изготавливавшие на своем предприятии буддистские статуи, профинансировали перевод Библии на бурятский язык.

Еще в начале века предпринимались попытки обратиться к истории страны, исследовать историю церковных тканей, облачений, утвари. Однако только в 1913 году эта попытка превратилась в систематическое издание журнала «Светильник». Есть основания считать этот почин уникальным меценатским проектом. Действительно, с января 1913 года, с выходом первого номера журнала «Светильник», в культурной жизни России появилось издание для обсуждения вопросов развития религиозного искусства, соотношения в нем традиционного и новаторского. Его издателем был Виктор Иванович Оловянишников, а редактировал вплоть до своей скорострительной смерти в 1914 году Сергей Иванович Вашков. Журнал был первым и единственным (до сих пор) в России журналом специально посвященным религиозному, христианскому искусству и некоторыми авторами считался «церковным», но сразу задал «высочайшую» планку публикации качественных материалов и иллюстраций. Издательская деятельность Оловянишниковых по размаху, четкости и последовательности программ, широте привлеченных к изданию журнала иерархов церкви, ученых, художников и архитекторов остается уникальным по своей значимости явлением в области религиозного искусства [2].

С. И. Вашков сумел привлечь к участию в журнале профессоров: Н. В. Покровского, А. В. Прахова, Е. В. Барсова; епископа Дмитровского Трифона; художников: В. М. Васнецова и М. В. Нестерова; историков искусства: профессора А. А. Бобринского и князя М. С. Путятина, а также многих других подвижников русской церковной культуры [13].

Журнал полностью печатался на средства Оловянишниковых, с привлечением небольших сумм от рекламы. Для того чтобы это издание выглядело изящным и добротным, вкладывались громадные суммы, и, по мнению Ф. И. Шмидта, изложенного им в письме редактору «Византийского вестника» Ф. И. Успенскому, «Оловянишников дает сколько угодно прекрасных таблиц», так что «Византийский вестник», имевший «ничтожные средства» не мог с ним конкурировать [22, с. 59]. Шмидт гордится своей публикацией в ближайшем номере жур-

нала: «На днях должен выйти номер “Светильника” с моим изданием абсидальных мозаик равенской церкви S. Michele in Affricisco — семь прекрасных больших таблиц!», хотя и высказывает сожаления об узости круга читателей журнала, «обслуживающих духовные круги и вне духовных кругов мало распространенном» [22, с. 55].

Для журнала были специально разработаны особые шрифты, номера печатались на дорогой бумаге, каждый номер был богато украшен фотоснимками с подлинных шедевров церковного искусства. Широкий круг авторов, а следовательно, разнообразие тематики статей, публикуемых на страницах журнала, позволял удовлетворять всем требованиям художественной жизни [2]. Журнал перестал выпускаться в 1915 году из-за трудностей военного времени. До сих пор номера этого журнала являются библиографической редкостью.

Кроме того, перед революцией Николай Иванович Оловянишников делал пожертвования на коммерческое образование в Ярославле, входя в Попечительский совет Коммерческого училища [23]. А одной из последних благотворительных акций семьи и фирмы было отчисление крупной суммы на учреждение в Ярославле университета. Так, в отчете за 1917 год записано, что «из прибыли поступает на:

- а) устройство учебно-просветительного учреждения им. Ивана Порфирьевича Оловянишникова на заводах товарищества;
- б) на учреждение университета в Ярославле;
- в) для устройства больницы для рабочих заводов товарищества» [24].

Оловянишниковы как предпринимательский род и управленцы складывались постепенно, начиная с XVIII века, при этом благотворительная деятельность развивалась также постепенно от практики дарения в память умерших колоколов и церковной утвари к созданию богоугодных заведений (больниц, приютов), от стимулирования образования к меценатству в сфере культуры. При этом человеколюбивые действия семьи всегда отличало разумное человеколюбие, основанное на рациональности, соотносящееся с главной миссией рода, благоустройством окружающего мира в гармонии с прекрасным, природой, Богом.

Список источников и литературы к разделу II

1. Могучие символы // Русский торгово-промышленный мир. — М., 1993. — С. 35–38.
2. *Савин М. Л.* Оловянишниковы и Ярославский край в XVII – начале XX в. : диплом / Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, кафедра музеологии и краеведения. — Ярославль, 2002.
3. ГАНО. Ф. 489. Оп. 286. Д. 216. 39 л.
4. ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Т. 3. Д. 6260. Л. 1., 1об.
5. *Крылов К.* Приходское попечительство о бедных при Ярославской градской Власиевской церкви // ЯЕВ. — Февраль 27-го 1880 г. — С. 78–79; Часть неоф.; ГАЯО. Ф. 1118. Оп. 3. Д. 106.
6. *Скурлов В. В.* Оловянишниковы — поставщики высочайшего двора // III Оловянишниковские чтения. — Ярославль, 1998. — С. 31.
7. Исторический очерк столетнего существования дома призрения ближнего в Ярославле. 1786–1886. — Ярославль, 1886. — С. 34.
8. *Новиков С.* Башня // Мир путешествий. — 1993. — № 6. — С. 13.
9. Описание рукописей Императорской публичной библиотеки, доставленных на выставку при VII Археологическом съезде в Ярославле. — Ярославль : Типография Губернского Правления, 1887. — С. 8.
10. *Тихомиров И. А.* Граждане Ярославля : Из записок ярославского старожила. — Ярославль : Александр Рутман, 1998. — С. 102.
11. Отчет Ярославского Дамского комитета Общества попечения о раненых и больных войнах с 15 июня 1877 года по 1 января 1878 года // ЯГВ. — 1878. — № 4. — Ч. неоф.
12. *Петрович В.* Призыв колоколов : (Исторический упрек Болгарии) // Историческая летопись. — 1915. — № 12. — С. 1447–1452.
13. ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 1122. Л. 1–1об.
14. ГАЯО. Ф. 642. Оп. 1. Д. 23394. Л. 12.
15. *Потехин Ф.* Весь Ярославль. — Ярославль, 1903. — 85 с.
16. Цит. по: *Рутковская О. М., Рутковский М. А.* Были ли у нас в Ярославле и почетные гражданки // Городские новости. — 1998, 22–28 апреля.
17. 5-й годовой отчет ярославского окружного правления Общества подаяния помощи при кораблекрушениях. — Ярославль, 1879. — С. 3.
18. Празднование 50-летия Ярославской Мариинской женской гимназии 31 августа 1911 года. — Ярославль : Типография губернского правления, 1911. — С. 9, 15.
19. Ярославские епархиальные ведомости. — 1887. — № 33. — С. 261.

20. Ярославские епархиальные ведомости. — 1887. — № 5, 20 февраля.
21. *Стрижев А. Н.* Подвижник церковного искусства — С. И. Вашков // III Оловянишниковские чтения. — Ярославль, 1998. — С. 25.
22. *Шмидт Ф. И.* Письмо Ф. И. Успенскому от 29 мая 1915 // Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге / под ред. И. П. Медведева. — СПб. : Дмитрий Буланов, 1995. — С. 59.
23. *Подшивалов Ю. Е., Подшивалов А. Ю.* Во имя правды, благочестия и верности. XIX–XXI, Ярославль — Москва. — М. : Изд-во «Нефть и газ» РГУ нефти и газа им. Губкина, 2003. — 336 с.
24. ЦГИА. Ф. 23 (Министерство торговли и промышленности). Оп. 25. Д. 250.

**К пятилетию проекта «Живое наследие памяти».
Неизвестное наследие**

1. Причины исследования рода Путиных

1.1. Уход из жизни отца

Существует общественное понятие – безотцовщина. Его часто применяли к детям, в 1940–50-е годы, чьи отцы погибли в Отечественную войну.

Самым трагическим событием моего детства стал преждевременный уход из жизни отца в 1966 году. Молодой мужчина 38 лет в расцвете деловой активности умер по болезни. Во время коллективизации 1920-х годов его беременная мать (рис. 1) под давлением обобществления личного имущества испытывала постоянные нервные напряжения и не доедала. Внешние обстоятельства плохо влияли на здоровье ожидаемого и рожденного ребенка. Так без войны я оказался безотцовщиной. Беззаботный период счастливого детства закончился.

Мне было 12 лет. В этом возрасте из мальчиков формируются юноши. Потребность в авторитетном влиянии отца особенно обострена. Если оно отсутствует, то ищутся замены.

Отец успел вложить в мое сознание равную любовь к гуманитарным и точным дисциплинам, уважение к знаниям в целом. Он привил системность работы с информацией. В домашней библиотеке была энциклопедия в 10 томах¹. Отец поставил крупноформатные и тяжелые тома на книжные полки так, чтобы мне было удобно пользоваться в любое время. Он научил широте знаний через филателию, глубине – через непрерывность, логичность, самостоятельность.

¹Малая Советская энциклопедия / гл. ред. Б. А. Введенский : в 10 т. – Изд. 3-е. – М. : Большая Советская энциклопедия, 1958–1960.

*Рис. 1. Архивная справка
Путину А. М.
Государственного архива
Тверской области № 09-01/751а
от 24.12.98, выданная на основании
Ф. 160, оп. 15, д. 474, л. 386 об. 387,
о рождении матери отца.
Предназначена для родословной
ростиси*

*Рис. 2. Фотография
квалифицированного
повара Путина Спиридона
(22 года, дедущка Президента
В. В. Путина в юности)
и получившего профессиональный
аттестат мастера дамского портного
ремесла Путина Александра
(16 лет, дедущка по отцу в юности
автора А. М. Путина).
Архив автора.
Неизвестное фотоателье.
Санкт-Петербург, 1900 г.*

Он был человеком широкого культурного кругозора. Первый концерт П. И. Чайковского мы слушали дома вместе, большую пластинку с 9-й симфонией Людвиг ван Бетховена я купил сам.

Он показывал картины и иконы в домах жителей деревни, а серию альбомов «Русские живописцы», альбомы по иконописи М. В. Алпатова я купил самостоятельно.

Отец доверил мне в первые школьные каникулы свой фотоаппарат ФЭД для съемки друзей. На первую зарплату я купил зеркальный фотоаппарат «Зенит» с объективом «Гелиос» за 100 рублей.

Он показал в Ленинграде Казанский собор, а альбомы о Корбюзье, Мисе ван дер Роэ, Алваре Аалто я купил после. Я нашел на чердаке дома деда листы конкурсных архитектурных проектов дворца в Ливадии, зданий архитектора А. И. Владовского и других, построенные дома в фотографиях С. М. Прокудина-Горского. Кто привез их в деревню в 50 км от губернского города? Дед в молодости — мастер дамского портного ремесла... Следовательно, широта кругозора и общая культура свойственны не только отцу лично, но и деду, следовательно, всему роду в поколениях (рис. 2).

Отец дал мне такой мощный заряд интеллектуальной деятельности, которым я живу до настоящего времени. Он записал меня в библиотеку и в детскую техническую станцию². Он поставил меня на лыжи и коньки, водил на бокс и футбол.

Отец научил уважению к людям независимо от общественного положения. Он находил понятные слова равно с теми, кого возят на персональных машинах, и с теми, кто не совсем уверенно прямо стоит в подворотне. Отца вспоминают с уважением до сих пор. Его уход из жизни толкнул меня в неизвестность. Память о нем всегда будет жить в моем сознании, он был для меня образцом.

1.2. Замужество матери

Последующее замужество матери привело к тому, что я оказался в новой семье единственным носителем родовой фамилии.

² Детская техническая станция «Волна» Рязанского приборного завода, размещалась на Первомайском проспекте, во дворе домов 33 и 35, в здании бывшей котельной. Кружки: авиамодельный, радиокружок «охоты на лис», коротковолновой связи, фотоклуб «Волна» и киноклуб. Состав кружков соответствовал профилю предприятия.

Осознание своего одиночества, поиск замены отца пододвинули меня к людям рода. Я стремился быть ближе к ним, хотел узнать подробности истории их жизней. Я хотел понять родственные связи и свое место в них. К счастью, все родственники поняли мои юношеские интересы. Они встречали меня в своих домах и квартирах, отвечали на все вопросы. В результате к окончанию школы я смог составить схему родовых отношений фамилии в пяти поколениях. В поисках мужского авторитета установились особо доверительные отношения между мной и дедом по отцу.

Базовые понятия рода в его сознании присутствовали естественно, всегда передаваемые от отцов к сыновьям. Поколение — это период времени от рождения человека до рождения у него ребенка. О хромосомах, гаплогруппах он понятия не имел. Но имел уверенность в том, что родословие любого рода, формирующего народ, развивается через отцов, это биологический факт. Такой же абсолютной истиной считалась родственность до шестого поколения включительно. Говорил: «А седьмое поколение — седьмая вода на киселе, однофамильцы». Он очень просто ответил на вопрос об источнике знаний о роде: «Отец рассказывал. Все отцы рассказывали своим детям».

1.3. Атомизация народов

В настоящее время заметно утеряны базовые родовые знания. В учебники не включены, от родителей передаются в минимальной степени. В поисках значений слов родственных отношений: деверь (брат мужа), шурин (брат жены), золовка (сестра мужа) и подобных — я еще в школьные годы обратился к энциклопедии³. И не нашел значений этих слов, которыми предшествующие поколения владели свободно. В главном государственном справочнике отсутствовали термины родственных связей. Культура родовых отношений народа, родственности вычищена, изъята из официального оборота без остатка. Продавливалась атомизация народов, рвались личные родовые связи, образующие народы советского общества, разрушалась семья. Показательно, что декреты «О расторжении брака» и «О гражданском браке» подписаны в качестве первоочередных 16 и 18 декабря 1917 года, до декретов о национализации, отделении церкви, коллективизации.

³Малая Советская энциклопедия / гл. ред. Б. А. Введенский.

Рис. 3. Фотография аттестованного ремесленника Чурсанова Константина (16 лет, дедушка по матери в юности автора А. М. Путина, будущий глава семьи – отец 7 детей). *Фотография И. Брезанова.* Санкт-Петербург. 1900-е годы

1.4. Сокращение состава семей

В 1920-е годы было много семейных трагедий, вследствие тяжелых беременностей и родов у молодых и здоровых женщин, любимых своими мужьями. Эти несчастья увязываются с решениями, последующими за событиями 1917 года: запрещение частного предпринимательства (спекуляция), административные обобществления личного хозяйственного имущества и скотины, коллективизация. Названные управленческие решения противоречили тысячелетнему опыту человечества и автоматически вели к трагедиям людей. Вследствие этого реальные факты таковы, что в одной семье (рис. 3) из семи рожденных умерли шесть, выжила девочка, в другой – из двенадцати рожденных детей умерли десять, выжили мальчик и девочка (рис. 4). Женщины предпочитали не говорить об этом.

Рис. 4. Фотография Путиной Марии Тимофеевны, матери 12 детей. Неизвестный фотограф. Тверская область. 1930-е годы

Рис. 5. Бригада строительных подрядчиков. Справа Чурсанов – брат Ольги Чурсановой (в замужестве – Путиной, жены Спиридона Путина – дедушки В. В. Путина). Санкт-Петербург. 1900-е годы

Массовые факты сокращения состава семей, вынужденные переселения жителей, жилищный кризис стали причинами сокращения численности. Нанесен сокрушительный удар по родословной культуре народов. Научный прогноз Д. И. Менделеева о численности России 450 млн чел. в 1950 году остался фантазией до наших дней.

2. Причины исследования предпринимательства

Несколько событий детства, юности и начала творческой жизни стали мощными факторами моего интереса к предпринимательству.

2.1. История жизни предков

В деревне в дождливую погоду я спросил разрешения подняться на чердак. В сундуке я нашел старинный альбом с фотографиями и принес его в комнату. С фотографий смотрели в хороших одежде и обуви уверенные мужчины, спокойные женщины, улыбающиеся дети. «Кто это?» — спрашивал я. Бабушка отвечала: «Это мой муж, твой дед, который погиб на войне (см. рис. 3); это деверь (рис. 5); это сосед (рис. 6); это первый муж второй жены твоего деда по отцу (рис. 7); это его друзья — местные (рис. 8), калужские (рис. 9), московские (рис. 10), выборгский (рис. 11)».

Я слушал и осознал, сколько мне надо знать, чтобы начать понимать жизнь своих предков всего два поколения назад — до 1917 года. Впоследствии этот альбом перешел ко мне. Фотографии из него сформировали выставочные экспозиции на разные темы. Эти фотографии освобождают от идеологической заданности по отношению к жителям периода Российской Империи.

2.2. Идеология в культуре

После Победы в Отечественной войне вдовам погибших отказано в заготовке дров на отопление. Это в одном из самых лесных районов Тверской области. Жители поставлены перед необходимостью выезда из просторных домов своих предков в перенаселенные комнаты детей в города.

*Рис. 6. Семья лучшего столяра волости И. Генералова с семьей у дома.
Фотограф О. Штыркин. Тверская губерния. 1900-е годы*

*Рис. 7. Рядовой 104 пехотного
Устюжского полка Петр Потёмкин.
Почетная полковая фотография
боевого героя. Г. Августов, Польша.
Фотография В. Ионес. 1916 г.*

*Рис. 8. Подписание договора на иконе:
хозяин леса, староста села, четыре бригадира лесорубочных бригад.
Фотограф О. Штыркин. Тверская область. 1907 г.*

*Рис. 9. Предприниматели из г. Жиздра, Калужской губернии
(Вознесенская ул.) Неизвестный фотограф. Период НЭПа*

*Рис. 10. Московские предприниматели оптовой торговли из Твери.
Фотография: ул. М. Каретная, д. 12. 1900-е годы*

*Рис. 11. Предприниматель из Выборга И. Секретарёв.
Петербургская губерния.
Неизвестный фотограф. Период НЭПа*

В очередной приезд бабушки в город на зиму мы всей семьей пошли в краеведческий музей. Экскурсовод вел группу по залам. В одном из них была сооружена в натуральную величину странная изба: земляной пол, потолка нет, открытый огонь, семья, корова с теленком в одном углу, петух с курами на нашесте в другом. Девушка-экскурсовод рассказывала, что так жили в России до революции. Бабушка не смирилась с клеветой и по-деревенски мягко, но прямо сказала: «Дочка, чего же ты врешь-то? В деревне так не жили. Скотина с курами — во дворе, потолок — с лампой, пол — деревянный с половиками, огонь — в печи» (рис. 12–16). Отец, член партии, взяв бабушку под локоть, повел ее в соседний зал, в котором виднелись чучела лесных животных.

Фотографии домов рода Путиных. Автор: А. М. Путин. Начало 2000-х годов. Период строительства: вторая половина XIX – начало XX века. Тверская губерния.

Рис. 12. Дом деда Петра

Рис. 13. Дом Андрея

Рис. 14. Дом Николая

Рис. 15. Дом Ивана

Рис. 16. Дом Спиридона (ремонт)

2.3. Скрываемые мысли

Как-то дедушка возвратился из магазина в райцентре расстроенным. Я играл с собакой на крыльце. Все двери были открыты. Дедушка в тот период был народным заседателем районного суда. Он регулярно писал письма в разные инстанции по обращениям к нему. Дедушка был точным в словах и немногословным. У него, как говорили, каждое слово имело вес. Он не предполагал в тот момент, что я слышу его слова. Мне было лет 10, и я тогда не понял смысла слов, но запомнил их: «Что за жизнь нам навязали, за что наказали? Чернил в магазине не купить. Что полезного не спросишь, ничего нет». Понимание пришло позже.

2.4. Воспоминания дедов о юности

Дедушка часто брал меня с собой, когда ходил к разным людям. Регулярной темой разговоров взрослых были воспоминания о юности. Все рассказы легко запоминались. У детей память цепкая. Они рассказывали о событиях, которых я в том возрасте не понимал. Объяснения пришли позже.

Оказывается, 11% жителей Петербурга в 1900 году являлись выходцами из Тверской губернии. Районы заселения: улицы Гороховая (рис. 17); Малая Морская (рис. 18); проспекты Большой, Невский и другие (рис. 19), включая Лиговку. Больше половины мужчин деревни рода Путиных работали в отходе в Петербурге. Денежные поступления в семье от отходных работ позволяли многим удобно обустроить быт. Отходники стали проводниками более обеспеченной материальной культуры. Они привозили настенные часы с боем, большие зеркала в изящных рамах, швейные машины «Зингер», эффектные ткани, забавные игрушки и другое. Обновки показывали соседям. Те привозили для своих семей похожие в следующий приезд. Зависти не было, радовались приобретениям соседей, заповеди соблюдали.

Выработанный практикой отбор сотрудников выдвигал лучших крестьян. Открывались школы, рос образовательный уровень, осваивались, помимо ремесленнических, высококвалифицированные работы. В 1910-е годы зачислен в штат волостного отделения банка 12-летний Митя Путин после того, как показал комиссии умение устно перемножать двузначные числа.

Рис. 17. Петербургские предприниматели Гороховой улицы из Тверской губернии. Разные фотографии 1900-х годов:
 – фотография-миниатюра М. Стрешинского, Гороховая, 31;
 – фотография «Эльвира», Гороховая, 60;
 – фотография К. Шапиро, Гороховая, 36;
 – фотография С. Львова, Гороховая, 48

Рис. 18. Столичный фотограф Осип Штыркин. Фотография Рессерт и Флиге. С.-Петербург, ул. М. Морская, 15

Рис. 19. Российско-германское совместное предприятие.
Санкт-Петербург. 1900-е годы

Документ и фотографии хранятся в личном собрании исследователя-автора А. М. Путина.

Самым влиятельным в столице считалось Костромское землячество с 13% костромичей, вторым — Тверское с 11% тверичей. Всего две центральные губернии обеспечили четверть жителей столицы⁴.

2.5. Уровень управленческой культуры

В середине 1960-х годов популярность приобрела брошюра бывшего сотрудника консультационной фирмы в США выходца из России В. И. Терещенко «Организация и управление»⁵. Его рекомендовали научным сотрудником в Академию наук Украины. Актуальность качества управления стала следствием развития и укрупнения предприятий в результате усложнения решаемых задач, в первую очередь, в космонавтике, авиации, атомной промышленности и подобных.

⁴Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. — С.-Петербург, 1890–1904.

⁵Терещенко В. И. Организация и управление: опыт США. — М. : Экономика, 1965. — С. 26.

Многие управленцы среднего уровня считали приведенные примеры показательными и достойными применения. Содержание брошюры обсуждалось во всех структурах управления, а также не оставили без внимания это событие и в доме бабушки. Он в одно из таких неформальных обсуждений выразил сомнение в ее полезности, сказав: «В ней нет нового и полезного. То, что описано, мы применяли еще до 1917 года». Имелась достаточная культура управления, соответствующая местам применения в разнообразных климатических, почвенных и других условиях России.

2.6. Опытно-конструкторские работы

По первой специальности я стал одним из разработчиков современной радиоэлектронной техники. Общее наименование сферы деятельности — научно-техническое творчество молодежи (НТТМ). Группа молодых инженеров разрабатывала систему радиоуправления игрушками, сейчас это называют дронами. Разработка представлена к участию в Первой оптовой ярмарке 1977 года⁶. Комплект технической документации на разработку был поставлен в шкаф. Это же происходило с разработками на других предприятиях. Мы представляли источник проблем организационно-технического характера в экономике. В годы, называемые «разрядкой», в Москве прошла выставка «Разработки в США». Мы шли в одной направлении, но разными путями.

⁶В 1977 году на ВДНХ состоялась Первая Всесоюзная оптовая ярмарка товаров культурно-бытового назначения. Между предприятиями военно-промышленного комплекса (ВПК) и зональными базами «Роскультторг» подписывались договоры поставки-приема партий товаров для народа. Задача ликвидации товарного дефицита в магазинах в 1970-е годы решалась следующим образом. В радиоэлектронной промышленности в составе имеющихся центров научной организации труда и управления (ЦНОТиУ) сформированы центральные коммерческо-рекламные организации (ЦКРО): в министерстве радиопромышленности — ЦКРО «Радиотехника», в министерстве промышленности средств связи — ЦКРО «Орбита», в министерстве электронной промышленности — ЦКРО «Электроника», с организацией сети фирменных магазинов соответствующих названий. Предприятиям ВПК установлены: обязательный показатель — объем производства товаров культурно-бытового назначения (ТКБН), приходящийся на 1 руб. фонда оплаты труда (ФОТ); цель — объем производства ТКБН, равный величине ФОТ предприятия.

2.7. Экономические новации

В 1980 годы общее замедление темпов роста экономики привело к экспериментам в промышленности по особым разрешениям органов управления. Получено разрешение на эксперимент по внедрению программно-целевого метода планирования и организации творческих бригад. Они организовывались по технологическим цепочкам: разработчик — конструктор — технолог — специалисты по необходимости. Предусмотрено финансирование через перераспределение фонда материального поощрения. Формировался матричный метод управления (административный — по вертикали, творческий — по горизонтали) с двойным финансированием. Открылся мощный экономический стимул, сотрудники искали возможность участия в творческих бригадах, опытно-конструкторские разработки приобретали новое качество. Готовились дальнейшие управленческие новации в авиационном приборостроении, которые были бы экономически эффективными на мировом уровне.

Появились знаковые материалы, которые можно отнести к редкому жанру экономической фантастики. Прогнозировалось развитие мировой экономики, исходя из того, что управленцы Союза, отказавшись от идеологических догм, вывели свои товары и услуги по внутренним ценам на внешние рынки («СССР инкорпорейтед»). Непредвиденные события прекратили эксперимент⁷. Локомотив экономики пущен под откос...

Смысловое содержание, выплаченная зарплата должна покрываться произведенным товаром для народа. Санкции и стимулы: не будет покрытия — не считается ФОТ; будет покрытие — сформируете инвестиционный фонд развития. За пятилетку 1981–1985 годов предприятие, в котором работал автор, увеличило объем производства ТКБН с 9 коп/1 руб. ФОТ до 49 коп/1 руб. ФОТ. Через одну-две пятилетки (максимум 10 лет) такого режима работы предприятий дефицит был бы преодолен. Имелись лидеры: Бердский радио-завод начал продавать продукцию в фирменном магазине в Лондоне. Мы уверенно смотрели в будущее.

⁷ Эксперименты прекращены после ареста сотрудника НИИ радиостроения (ОАО «Фазотрон») А. Г. Толкачёва, агента «Сфера», работавшего в головном институте-разработчике.

2.8. *Какая экономическая свобода?*

С переходом в легкую промышленность⁸ я оказался в водовороте событий 90-х годов. Примерами было поколение дедушек в молодости: «мастер дамского портного ремесла», его брат, закупавший льняные ткани в г. Кашин Тверской губернии, двоюродный брат — повар наивысшей квалификации, троюродный брат — столяр по красному дереву. Мы производили уникальные новые товары: мебель, обувь, одежду; торговали в «Петровском пассаже», на рынках; сотрудничали с ЦАГИ⁹, с БТМК¹⁰, с «Ленвестом»; исполняли эксклюзивные доработки в автомашинах; организовали совместное предприятие по производству мебельных, одежных и автомобильных натуральных кож и другие. Наша стратегия в России — развитие внутреннего рынка, организация рабочих мест. Велись работы по вхождению в мировой рынок через фирму MNI¹¹. Через свое первое юридическое лицо ТОО «Гильдия» я стал одним из семи учредителей ВАПЧП (Всероссийская ассоциация приватизируемых и частных предприятий)¹².

Представлялось, что мы поднимем дела наших дедов и внесем новое развитие в экономическую жизнь России. Однако приняты другие приоритеты. Административный состав ассоциации и регио-

⁸ «Рязанское производственное кожевенное объединение». В составе союзной программы реконструкции легкой промышленности 1980-х годов спроектировано и построено под ключ новое предприятие фирмой «Коголо» (Италия). Предприятие являлось одним из пяти крупнейших профильных предприятий мира с наивысшим техническим уровнем установленного оборудования и примененных технологий. Предполагалось вхождение в мировой кожевенный рынок.

⁹ Центральный авиагидродинамический институт, г. Жуковский Московской области. Содействовали первому «Мосаэрошоу» 1992 года, известный авиасалон «Макс» сформировался позже.

¹⁰ Березниковский титано-магниевого комбинат (БТМК) «Ависма» — крупнейший в мире производитель титана.

¹¹ Manufacturing Networks Incorporated. Группа формирует доход из сезонного перераспределения кожевенного сырья в мире. Учредители — граждане мира.

¹² Всероссийская ассоциация приватизируемых и частных предприятий, президент Г. А. Томчин, председатель Комитета по экономической реформе и предпринимательству ГД РФ 1990-х годов.

нальные руководители предпринимательства по-разному понимали экономическую свободу. Внутренний рынок свернут, собственные производства обнулены или перекуплены. Федеральные управленцы открыли доступ на внутренний рынок без равнозначного доступа на мировой рынок. В понимании большинства предпринимателей лозунг «Экономическая свобода!» 1991 года лопнул, как лозунг «Земля — крестьянам!» 1917 года. Предприниматели не видели роли ассоциации в решении их проблем, ассоциация теряла авторитет и игнорировалась, развитие предпринимательства забалтывалось.

В период систематических приездов в Академию народного хозяйства при Правительстве РФ¹³ выяснил у известных ученых о том, что отсутствуют комплексные аналитические материалы об общем развитии предпринимательства и экономики России за 400–500 лет. За период предшествующих трех поколений предпринимательский опыт замалчивался. Взялись за реформацию, не имея аналитических данных для сравнения. Неотъемлемая часть любого управленческого действия, аналитическая, утеряна...

С детства и на каждом этапе деловой жизни я сталкивался с проблемами хозяйственной, экономической, управленческой деятельности. Не идеализируя условия предпринимательства и жизни в целом до событий 1917 года и в другие периоды, полагаю, что нам есть чему поучиться у Великого поколения¹⁴ конца XIX – начала XX века.

Заключение

Показателен эпизод 1998 года. Бабушке исполнилось 100 лет. Городская администрация устроила на центральной площади чествование юбиляров. Из их общего числа смогли участвовать пять человек. Из пяти присутствующих только бабушка смогла высказать пожелание тысячам людей, собравшихся на площади. Не стесняясь сцены, множества жителей, телекамер, микрофонов, она говорила минут 7–10. Приведу одну ее фразу: «Придет человек, который выведет нас на пря-

¹³Ныне – Российская академия народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) при Президенте РФ, ректор В. А. Мау. В АНХ: ректор А. Г. Аганбегян, проректор П. П. Бунич, авторитетные ученые-экономисты.

¹⁴Теория поколений Штрауса – Хоува, основная работа «Generation», 1991 г. Великое поколение: рождения конца XIX – начала XX в.

мую дорогу...» До вступления В. В. Путина в должность Президента оставалось два года. Фамилии бабушек — моей (Мария Чурсанова) и Владимира Владимировича (Ольга Чурсанова) — одинаковые, они жили по соседству. В тот тяжелый период жизни многие удивились ее словам. Понимание наступило в 2000 году. Что-то необъяснимое проявлялось в цепочке событий. В 1998 году мне прислали первую справку Государственного архива к составлению родословной росписи Путиных. В 2000 году прислали архивную часть родословной на 12 поколений. В основном родословная роспись Путиных составлена. Весной Президентом России избран В. В. Путин.

Одной из своих задач вижу ознакомление людей с реальными научными результатами исследования, свободными от идеологии, фантазий дилетантов и заказных измышлений. Проект «Живое наследие памяти», в котором я принял участие, эффективно способствовал выполнению этой задачи. Бывая на различных мероприятиях высокого уровня, считаю, что проект превзошел исходный масштаб. Дополненный необходимыми составляющими, проект «Живое наследие памяти» должен стать перспективной программой федерального уровня. Мы живем настоящим для будущего и чтим прошлое.

Поздравляю автора и куратора проекта кандидата культурологии Дарью Яковлевну Романову с первым юбилеем!

**Дворянский род Стромилых —
наследие сквозь века**

1 апреля 1842 года родился Николай Семенович Стромил, член многих ученых обществ, писатель, специализирующийся в области истории, археологии, библиографии и генеалогии.

Вот что повествует о своем роде сам писатель: «Род Стромилых происходит из Литвы, где именовался Струмило¹.

Александр-Станислав Петрашкевич (т. е. Петрович, внук Стромил (по литовским источникам) или Стромил (Карамзин, Ист. Госуд. Рос., т. VI. С. 255), наместник Лидский, староста Смоленский, маршалок (гофмаршал) великого князя Литовского Александра, был послом к великому князю Ивану III в 1490, 1495 и 1499 годах; встречал в 1495 году великую княгиню Елену Иоанновну, невесту великого князя Александра Литовского, в местечке Маркове² и усвоил себе русское прозвище Стромил, или так названо было его потомство. Но кто этот был родоначальник Стромилых на древней Руси, при каком ее князе, когда и чем вызвано его переселение — при всех тщательных исследованиях, за неимением историко-генеалогических данных и семейных записей, остается неизвестным. Догадки, хотя бы даже и не в отношении филологии, заставляют предполагать, что родоначальник сочетал в себе стройный стан с миловидностью лица и тем обратил на себя внимание местного князя или современного ему общества, в среде которого не без достоинства вращался, и назван был ими — Стромил. Въезд же его на древнюю Русь, принимая во внимание сохранившееся предание (о родственной связи с одним из Жирославов) и свидетель-

¹Strom, stromek по-польски — поток, ручеек (о произносится как u), struma по-литовски — луч. В Галиции, в Золочевском уезде, в жолковском униатском деканате находится местечко Каменец-Стромилова, упоминаемое впервые в 1411 году («Волынские епархиальные ведомости». 1866. № 17).

²*Стромил Н. С.* Род Стромилых, XIV–XIX вв. / сост. В. Н. Ревякин. — Александров, 2015.

ство русских летописей (о дьяках Алексее и Федоре Стромиловых), последовал не ранее XII и не позднее XIV в.»³

«Стромиловы, выехав в государство Московское, водворившись в уезде Юрьева-Польском (где и до сего времени владеют своими древними и обширными вотчинами), быть может и не случайно поместились возле своего земляка, природного князя-родича Свидригайлы...

В XVI веке Стромиловы по численности лиц значатся преимущественно городовыми дворянами в десятнях Юрьева-Польского, с значительными по тому времени окладами четвертной земли. Были: дворцовые — ключник и дьяк, и дети боярские, из них убитые на поле ратном в знаменитое Грозным царем Иваном завоевание царства Казанского (рис. 1).

Рис. 1. Герб рода Стромиловых.

Из архива Александровского художественного музея

³ *Стромилов Н. С. Род Стромиловых, XIV–XIX вв. / сост. В. Н. Ревякин. — Александров, 2015.*

В следующем столетии Стромилы, кроме того, что значатся, большинством своим городскими дворянами, по выбору, в начальных людях и в жильцах по Юрьеву-Польскому, Володимеру, Новгороду Великому и Москве, служили: *рейтарами и копийщиками, писцем и дозорщиком, стряпчими, губным старостой, головами: объезжим и письменным, и стольником, а также сидел во Владимирском судном приказе, и выборным участвовал в земских соборах*. Часто упоминаются в «дворцовых разрядах» Стромилы *воеводами*, преимущественно в ратное время, а также *ведаят и города*»⁴.

Первым из Стромилых в Александрове обосновался приехавший из Юрьев-Польского уезда Петр Гаврилович (1767–1819), дед Николая Семеновича. У него был собственный дом напротив Преображенской церкви в Садовне. В материалах ГАВО находим, что в 1797 году Петр Гаврилович выступил подрядчиком «на построение каменного корпуса присутственных мест и покоев для жительства городничему с надворным каменным же строением в ново-открытом г. Александрове на 22 180 руб. 35 коп.». В 1816 году приписные к Александровскому конному заводу крестьяне из Новинки Абрамовых, Кобылина, Мошнина, Красной Рожи, Машкова, Недюревки выплатили «за выстройку мостов в оных селениях бывшему правящему должность Александровского земского исправника Стромилу 1534 рубля»⁵.

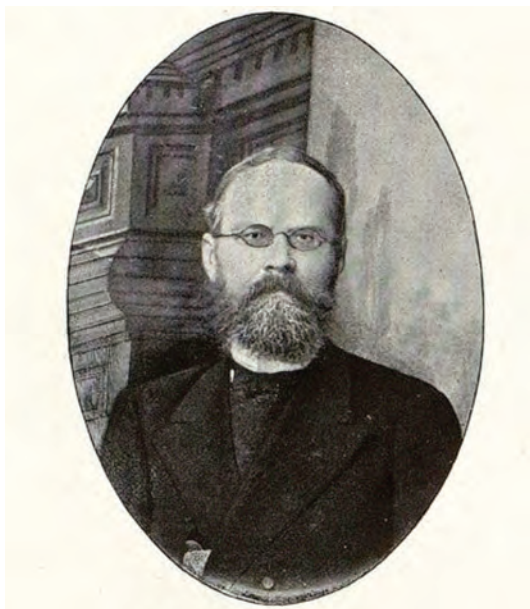
Петр Гаврилович женился на Дарье Семеновне Черевиной, дочери помещика сельца Большого Копцева, которое перешло в род Стромилых как приданое. У Черевиных были также поместья в Калязинском и Кашинском уездах Тверской губернии. Может быть, вследствие этого сыновья Петра Гавриловича и Дарьи Семеновны — Николай и Семен — выбрали себе супруг из родов Плохово и Юрьевых Калязинского уезда.

Семен Петрович Стромил (1813–1859), согласно «Формулярного списка»⁶, «в службу вступил для обучения порядку военной службы в Дворянский полк в 1832 г. В 1834 г. по случаю назначения к выпуску в офицеры командирован в образцовый Кавалерийский полк. В 1834 г. произведен в корнеты, с переводом в 1835 г. в гусарский его императорского высочества великого князя Михаила Павловича полк. В 1837 г. награжден поручиком. В 1839 г. по высочайшему, его импера-

⁴ Стромилы Н. С. Род Стромилых, XIV–XIX вв. / сост. В. Н. Ревякин. — Александров, 2015.

⁵РГАДА. Ф. 1239. Дворцовый отдел. Оп. 3. Ч. 77. Д. 34718. Л. 162.

⁶ОПИ ГИМ. Ф. 195. Оп. 212. Л. 1 об.

*Рис. 2. Николай Семенович Стромиллов (1842–1895).
Из архива Александровского краеведческого клуба «Отечество»*

торского величества приказу, по домашним обстоятельствам, уволен от службы с награждением чина штабс-ротмистра. В 1845 г. по выбору благородного дворянства поступил в Александровский земский суд исправником на шесть лет».

После получения образования в Константиновском межевом институте Николай Семенович Стромиллов состоял землемером при Александровском мировом съезде и в 1861–1862 годах занимался межевыми работами по крестьянским делам. Долго перечислять должности, которые он занимал в тогдашних уездных органах правления. В 1878 году Н. С. Стромиллов выбран членом Владимирской губернской земской управы, с 1880-х годов — являлся неперенным членом Владимирского губернского по крестьянским делам присутствия. С мая 1889 года до конца жизни, закончившейся 11 октября 1895 года, Н. С. Стромиллов являлся Александровским предводителем дворянства. В 1891 году произведен в чин коллежского советника. Кроме этого, с 1879 года Николай Семенович состоял два трехлетних срока почетным мировым судьей Калязинского округа Тверской губернии (рис. 2).

1860-е годы — время реформ. Николай Семенович активно включается в работу Владимирского земства. Собирает статистические данные, пишет программы сбора данных о крестьянских хозяйствах Александровского уезда. В это время образуется много научных обществ. В 1864 году возникает Московское археологическое общество. В 1886 году — Русское историческое общество. Повсеместно появляются ученые архивные комиссии, сельскохозяйственные и научно-технические общества. Николай Семенович был действительным членом Московского, Юрьевского, Кавказского, Тверского (с января 1869 года), Рязанского сельскохозяйственных обществ, Русского общества акклиматизации животных, Нижегородской ученой архивной комиссии, Владимирского православного братства Александра Невского, членом-корреспондентом Петербургского собрания земельных хозяйств, Вольного экономического общества (с января 1870 года).

Он участвовал в работе второго (1871), седьмого (1887), восьмого (1890) и девятого (1893) археологических съездов.

В середине 70-х годов XIX века Николай Семенович публикует свои изыскания по истории старинной Александровой слободы, местных церквей и монастырей, сел и приходов.

Кроме отдельных изданий в виде брошюр, Н. С. Стромиллов активно печатается во «Владимирских губернских ведомостях» и «Владимирских епархиальных ведомостях». Впоследствии он издает брошюру «Володимерщина. Роспись печатанного и изданного»⁷, где можно проследить, среди прочих, почти всю его издательскую деятельность.

Немало места займет лишь перечисление его трудов по истории земли Александровской. Начиная с сельскохозяйственной темы до истории сел, монастырей, а также Александровской слободы простирался интерес Николая Семеновича. К концу жизни он начал собирать материалы по пребыванию Ивана Грозного в Александровской слободе.

Благодаря Н. С. Стромиллову сохранились многочисленные письменные источники по истории земли Александровской. Большую часть своих трудов он успел опубликовать, но болезнь и ранняя смерть не позволили осуществить всё задуманное. Он даже не успел оставить завещание, лишь на листочке бумаги из ученической тетради он набросал духовное завещание (вероятно, предчувствуя скорую кончину). Читаем: «Всё окажущееся в моей квартире во Владимире движимое

⁷Г. Владимир на Клязьме : Типолитография губернской земской управы, 1884.

имущество и деньги, ценные документы принадлежат брату Сергею. О месте погребения — в Волохове, в ногах у отца. В Калязинском уезде брату Мише земель в количестве 952 десятин, в Дмитровском — 100 десятин брату Сереже. Собрания сочинений, печатных книг, статей, рукописей, папки рисунков, литографий, гравюр, фотографий передать в императорский Исторический музей в Москве, ходатайствуя о помещении в моем шкафу в зале, именуемый “Владимир, Суздаль, Муром, Переславль-Залесский” (первоначально было начертано “...передать во Владимирский земский музей”, затем зачеркнуто. — *В. Р.*). Иконы в Копцеве и флигеле принадлежат Сергею. Малые образа — разделить Сергею и Михаилу по-братски. Вареньке нашей написать, чтобы она продала землю брату Сереже⁸. И это — всё.

Брат Сергей направил письмо, датированное 1 июня 1896 года, на имя И. Е. Забелина: «Глубокоуважаемый Иван Егорович! Благоволите по получении настоящего письма направить уполномоченного от музея лица для принятия из имения покойного моего брата библиотеки. Книг, полагаю, будет воза 2 или 3, а может быть, и больше. Довезти книги на станцию на своих лошадях не могу, так как лошади из имения выведены. В настоящее время я нахожусь в г. Александрове Владимирской губернии». Забелин своей рукой на письме сделал приписку: «Что сделать по этому странному письму, не могу и вообразить»⁹ (рис. 3).

Всё же вскоре в г. Александров командирруется библиотекарь Исторического музея А. И. Станкевич, который оставил по этому поводу воспоминания: «Приехав в Александров, я явился к С. С., в высшей степени любезно принявшему меня, и на другой день мы отправились вместе в их имение. До сей поры помню я то скорбное, щемящее сердце чувство, которое охватило меня, когда мы подъехали к усадьбе. Громадный барский дом, обшитый тесом, почерневший от дождей, стоял одиноко среди большого, неогороженного и совершенно заросшего травой двора. Окружавшие когда-то его службы были снесены, от них остались лишь небольшие кучки обломанных кирпичей; сад, тоже большой, был вырублен, и всюду торчали голые пни; часть окон была забита досками, в других же стекла были выбиты, и птицы, дождь и снег свободно проникали внутрь дома.

Комнаты были все очень большие и высокие, но совершенно без мебели, кроме двух или трех каморок, где жил Н. С. Стромилев.

⁸ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 91. Л. 049 (об).

⁹Там же. Л. 047 (об).

*Рис. 3. Сергей Семенович Стромиллов (1853–1911).
Из архива Александровского краеведческого клуба «Отечество»*

Несколько комнат были завалены книгами, рукописями, планами, столбцами, и всё это было покрыто густым слоем птичьего помета и пыли, а с потолков и в углах висели громадные, запыленные паутины, точно клочья какой-то темно-серой материи. Воздух был какой-то спертый, кислый, стоял отвратительный запах, и трудно, и противно было дышать, а сквозь запыленные уцелевшие стекла проходил слабый свет. А между тем, размеры комнат, следы роскошной отделки потолков, красивый паркет свидетельствовали о том, что дом предназначался для жизни на широкую ногу.

Меня поразило то большое количество икон, образков, портретов духовных лиц, изображений святых и брошюр о жизни и чудесах их, которое находилось в комнатах, где жил Н. С. Стромиллов. Оказалось, что последние годы жизни он проводил чуть не по-отшельнически, был настроен очень религиозно, дружил с монахами, священниками, настоятелями монастырей и т. п. Разбирать всё находящееся в доме не представлялось возможным, и я решил поэтому перевезти в музей всё, что можно было забрать, а многое решил оставить, потому что оно до того попрекло от сырости, что рассыпалось на мелкие куски при малейшем

прикосновении, и я привез бы в музей лишь никуда не годную труху. За ящиками пришлось послать на фабрику Барановых, находящуюся вблизи, так как в Александрове их не нашлось.

Когда всё было привезено в музей, то оказалось, что главную ценность в собрании представляли столбцы и другие документы из монастырей, присланные Стромилову для составления их описаний. По-видимому, о них забыли, не потребовали обратно, и, таким образом, они и поныне находятся в Историческом музее».

Таким образом библиотека Стромилова влилась в библиотеку Исторического музея. Из рассказа Станкевича становится понятно, что коллекция была взята не полностью и что в глазах «первого библиотекаря» она не обладала особой ценностью. Часть библиотеки была продана в 1896 году Историческому музею, часть — подарена в 1898 году. После этого, при описании библиотеки, отношение заметно меняется: «Уместно отметить, что среди обширного собрания книг у Н. С. Стромилова был особый отдел, где было собрано, описано и разложено по уездам всё печатное о Владимирской губернии; это собрание можно назвать единственным, так как о полноте его достаточно свидетельствуют все оттиски статей, обыкновенно редко находимых и едва ли кем особо сберегаемых».

Все, что попало в Исторический музей, впоследствии было разделено на несколько частей. Печатные книги были переданы Государственной публичной исторической библиотеке, где существует фонд Н. С. Стромилова, в котором, по отчетам ее сотрудников, «...всё печатное о Владимирской губернии занимает несколько полок в книгохранении; большая часть места ушла под отчеты и доклады местных земских органов, которые давно лишились оригинальных переплетов. Попадают папки (тоже библиотечные), набитые тоненькими брошюрами, в расположении которых прослеживается даже некая структура: жития святых, описания монастырей и церквей и т. п. Основные работы самого Стромилова тоже нашли пристанище на этих полках — они идут друг за другом и образуют как бы отдельный блок». На авторских изданиях Н. С. Стромилова попадают рабочие пометки автора, его автограф. Отдельный блок — подаренные ему книги с автографами дарителей — знакомых Стромилова по уезду или губернии.

Также сохранилась «Миния общая», на которой, кроме надписи «Из книг Петра Гавриловича Стромилова» — пометки рукой, по слову на отдельных страницах, внизу читается надпись: «Сия книга принадлежит дому помещика подпорутчика Петра Гавриловича Строми-

лова, сельца Большаго Копцова, куплена в Москве 1814-го года марта 14-го дня».

В книжном собрании можно отметить «Новый завет», 1866 года издания, принадлежащий Сергею Семеновичу Стромилову. На форзаце — владельческие надписи и тисненый штемпель владельца.

Но и это далеко не всё. «Обширная библиотека Стромилова, заключающая в себе весьма редкие издания, к сожалению, не была приведена в порядок и находилась в разных местах (во Владимире и в имении); в ней, между прочим, было почти полное собрание акафистов, которыми покойный в последнее время интересовался. К этой же библиотеке должна быть причислена и обширная переписка покойного со многими выдающимися деятелями на поприще науки, а также собрание портретов местных деятелей»¹⁰.

Из работ Николая Семеновича, находящихся в ГПИБ, наиболее ценные — с пометками автора или с авторскими автографами. С 1870 года Стромилов начал публикации на сельскохозяйственную тему (имеется 5 работ), приведем для примера первую из них: «Из Юрьева-Польского (Владимирской губернии)»: [Сообщение о заседании 28 дек. 1870 г.]» (СПб.: Тип. Н. Соковнина, 1870. — 6 с.).

1874 год — начало изданий на историческую тему. Одна из них: «Цесаревна Елисавета Петровна в Александровой слободе и Успенский девич монастырь в то же время (М.: Общество любителей истории и древностей российских при Московском университете, 1874. — 51 с.).

Следует еще раз отметить, что часть работ Н. С. Стромилова публиковалась в изданиях «Владимирские губернские ведомости» и «Владимирские епархиальные ведомости», поэтому не смогла попасть в ГПИБ. По свидетельству его современников, у Стромилова было желание издать свои работы единым сборником. Но скоротечность болезни и ранняя смерть не позволили это сделать.

Вторая часть книжного наследия Н. С. Стромилова — издания по Владимирской губернии (и не только), многие из них с дарственными автографами. Вот некоторые из них:

1. Лихачёв Н. П. Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве. СПб., 1891. (С подписью: «*Глубокоуважаемому Николаю Семеновичу Стромилову от автора.*».)

¹⁰ Смирнов А. В. Уроженцы и деятели Владимирской губернии, получившие известность на разных поприщах общественной пользы: (Материалы для биобиблиографического словаря). — Вып. 5. — Владимир, 1917. — С. 118–135.

2. История Владимирского епархиального Успенского собора. Владимир, 1877.

3. Годичное празднество Богоявленского православного братства в слободе Мстере. 24 октября 1865 г.

4. Бесплатная столовая для бедных прихожан села Палеха Вязниковского уезда. Владимир, 1893.

5. Владимирское земское ремесленное училище действительного тайного советника И. С. Мальцева. Владимир-на-Клязьме, 1890.

6. О разведении вишневых садов. Составлено по многолетней практике вязниковских садоводов. Священника К. Веселовского. СПб., 1871.

Что касается личных бумаг Н. С. Строилова, они хранятся в отделе письменных источников Государственного исторического музея (фонд 195) и включают в себя переписку с родственниками, деловые и дневниковые записи и те исторические документы, которые он приобрел для своих исследований.

Казалось, не было вопроса из жизни родного уезда, который бы не интересовал Николая Семеновича. Мы читаем черновые наброски мелким почерком статьи «Домашний быт (жизнь и нравы) крестьян Александровского уезда», здесь же перечисляются местные промыслы¹¹.

Среди личных бумаг — Свидетельство от 1 мая 1883 года, выданное гласному Владимирского губернского земства коллежскому секретарю Николаю Семеновичу Строилову, для участия в торжествах по случаю торжественного коронавания «их императорских величеств»¹².

Свидетельство, выданное 24 октября 1894 года, гласит: «Предъявитель сего есть действительно заступающий место председателя Владимирской губернской земской управы, член оной коллежский советник Николай Семенович Строилов, отправляющийся в составе депутации от Владимирского земства для возложения венка на гроб в бозе почившего императора Александра III, на прибытие каковой депутации в Санкт-Петербург получено надлежащее разрешение. Владимирский губернатор. Подпись»¹³.

Очень ценен подробный Поземельный список, где перечислены владельцы земельных участков по волостям в Александровском уезде,

¹¹ОПИ ГИМ. Ф. 195. Ед. хр. 25.

¹²ОПИ ГИМ. Ф. 195. Ед. хр. 82. Л. 6.

¹³ОПИ ГИМ. Ф. 195. Ед. хр. 82. Л. 6.

где встречаются интересные фамилии. Например, граф Платон Зубов владел 1880 десятинами. Встречается фамилия и Саввы Мамонтова¹⁴.

Здесь есть письма александровских фабрикантов Зубовых. Павел Зубов пишет: «Многоуважаемый Николай Семенович! Папаша покорнейше просит Вас не обойти вниманием прошение, поданное в губернскую земскую управу, касаемо нашей фабрики, и похлопотать, чтобы уважили нашу просьбу. Он надеется, что Вы не откажетесь, когда нужно, замолвить словечко, и благодарит Вас за готовность, которую Вы высказывали на земском собрании содействовать нашему делу»¹⁵. Письмо датировано 1887 годом.

Имеются также собственноручные письма Азария Егоровича Обрезкова, купца, городского головы в то время, датированные 1887 и 1891 годами¹⁶.

Интересного содержания одно из писем купца Алексея Михайловича Первушина: «Милостивый государь Николай Семенович! Осмелюсь обратиться к Вам с покорнейшей просьбой. От 14 марта 1887 года из канцелярии Владимирского губернатора мне прислан диплом, что я — его величеством Персидским шахом награжден орденом 4-й степени Льва и Солнца, а начальник Владимирской губернии получил в Санкт-Петербурге, который шел через Министерство иностранных дел. Но я теперь не знаю, был ли означенный диплом на высочайшее государя императора утверждение на принятие и ношение мне упомянутого ордена. Покорнейше Вас прошу: справьтесь в канцелярии губернатора, было ли высочайшее разрешение или нет. Если нет, то нужно будет хлопотать, а то я теперь не знаю, могу я носить этот орден или нет...»

Здесь мы встречаем письма от С. М. Прокудина-Горского¹⁷ и Саввы Мамонтова¹⁸.

В фонде И. Е. Забелина мы находим письмо Н. С. Стромиллова¹⁹: «Ради Бога, умоляю Вас, друг-наставник, многоуважаемый Иван Егорович! Вышлите мне поскорее по указанному адресу: 1. Ваш портрет. 2. Биографический очерк, краткий, но обстоятельный. 3. Список всех

¹⁴ОПИ ГИМ. Ф. 195. Ед. хр. 102.

¹⁵ОПИ ГИМ. Ф. 195. Ед. хр. 173. Л. 5.

¹⁶ОПИ ГИМ. Ф. 195. Ед. хр. 180. Л. 1, 3.

¹⁷ОПИ ГИМ. Ф. 195. Ед. хр. 182. Л. 34.

¹⁸ОПИ ГИМ. Ф. 195. Ед. хр. 178.

¹⁹ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 91. Л. 032–033 об.

Ваших сочинений и наград ученых: медалей, членство в обществах и прочее, одним словом, награды и присуждение премий и прочего...

Я пишу для “Всемирной иллюстрации” статью — к юбилею и также прошу Вашего разрешения поместить Ваш портрет и статью об Вас, где будут помещены портреты и Уварова, и великого князя Константина Николаевича. Я обещал редакции, что Вы пришлете, убедительно прошу, не замедлите, по получении сего, выслать просимое по следующему адресу: в Петербург, Большая Садовая, д. Коровина № 16, для передачи Николаю Семеновичу Стромилу от И. Е. Забелина.

Пробуду в Питере до 15 числа, но Вы пришлите раньше, и потом, проездом через Москву, буду у Вас и поздравлю с Почетным Докторством. Сто лет жизни Вам, дорогой друг-наставник, думаю, что Вы не забыли, я тот, кто посетил Вас 22 октября сего года. Николай Стромил. 7 декабря 1871 г. С.П.Б. Жду с нетерпением».

Неизвестно, удовлетворил ли просьбу Николая Семеновича Иван Егорович, в перечне изданий и публикаций упомянутую статью мы не находим. А знакомы они могли быть со времени учебы Н. С. Стромилу в межевом институте, где И. Е. Забелин читал курс русской истории.

Привлекает внимание внушительное рукописное Соборное уложение, Указы Петра I, Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны о землевладении²⁰.

Более двухсот листов содержит папка об истории рода Стромилуных. Здесь — многочисленная переписка с носителями этой фамилии, которые проживали по всей России, с перечислением их предков, владений и потомков²¹.

Аккуратно исполненная папка с церковно-приходскими летописями Александровского уезда ждет своих исследователей²².

Из документов личного характера — формулярные списки о службе разных периодов, подлинные свидетельства об избрании: членом Императорского общества сельского хозяйства; в члены Императорского вольного экономического общества (1870); членом-корреспондентом Петербургского собрания сельских хозяев (1872); членом Владимирского православного братства святого благоверного князя Александра Невского (1885). Здесь же — рескрипты о пожаловании

²⁰ОПИ ГИМ. Ф. 195. Ед. хр. 340.

²¹ОПИ ГИМ. Ф. 195. Ед. хр. 56.

²²ОПИ ГИМ. Ф. 195. Ед. хр. 687

Н. С. Стромилова орденом Святой Анны 2-й степени и орденом Святого князя Владимира 4-й степени²³.

Среди личных документов — письмо от управляющего конторою его императорского величества государя Великого князя Владимира Александровича от 28 сентября 1885 года № 760: «Милостивый государь Николай Семенович. Государь Великий князь Владимир Александрович, соблаговолив изволил пожаловать Вам, милостивый государь, перстень с вензелевым изображением имени его императорского высочества за поднесенные вами труды под заглавием “Володимерщина” и “Александровская слобода”.

Исполняя сим волю государя великого князя, имею честь препроводить при сем помянутый перстень, покорнейше прося о получении его не оставить уведомлением. Подпись²⁴».

Интерес представляют фрагменты плана г. Александрова, выполненные рукой Николая Семеновича, напоминающие натурную инструментальную съемку. На них показаны места некогда существовавших слободок. На одном из чертежей указано место некогда существовавшего дворца цесаревны Елизаветы Петровны — напротив главного входа в Христорождественский собор. Там в настоящее время стоит двухэтажный жилой дом, да и весь склон застроен тоже.

Еще один документ — черновик письма: «Во Владимирскую духовную консисторию коллежского советника Николая Семеновича Стромилова прошение. Приобретенное мной недвижимое имение при деревне Бортниковой Владимирского уезда в количестве десяти десятин у крестьянина Владимирского уезда, села Ставрова, Якова Иванова Басурина, я жертвую в пользу Владимирского (зачеркнуто первоначальное «Александровского». — *В. Р.*) Успенского женского монастыря, представляя при сем план на означенную землю и купчую.... Мая 24 дня 1893 г.»²⁵

Отдельно — переписка с игуменами монастырей, в которых он интересовался историей обитателей, а они делились с ним информацией.

Многочисленные документы на владение землями, поместьями рода Стромиловых, их родственников помогают проследить документальную историю развития Александровского, Юрьев-Польского уездов с XVII по XIX век. Но немало материалов и по Калязинскому

²³ОПИ ГИМ. Ф. 195. Ед. хр. 1.

²⁴ОПИ ГИМ. Ф. 195. Ед. хр. 1.

²⁵ОПИ ГИМ. Ф. 195. Ед. хр. 22. Л. 14.

и Кашинскому уездам Тверской губернии, где Стромилковы владели поместьями, занимали различные земские должности, были предводителями дворянства.

До наших дней сохранилось родовое захоронение Стромилковых в селе Волохове Александровского района, где похоронен Николай Семенович, а также его отец и дед. Разрушенное в начале 1980-х годов, в 2002–2004 годах оно было восстановлено членами Александровского историко-краеведческого клуба «Отечество» (рис. 4, 5).

Рис. 4. Захоронение Стромилковых после разрушения.

Фото 1980-х годов.

Из архива Александровского краеведческого клуба «Отечество»

*Рис. 5. Родовое захоронение Стромилых в с. Волохове Александровского р-на Владимирской обл. после восстановления.
Фото В. Ревякина, 2004 г.*

Храм преподобных Бориса и Глеба, возле которого находится захоронение, восстанавливается, на отремонтированных куполе и колокольне воздвигнуты кресты, колокольный звон разносит по окрестностям весть, что храм жив.

При жизни Николай Семенович не успел издать свои многочисленные труды единым сборником, хотя это, по свидетельству его современников, было одним из его сильных желаний. Ранняя смерть не позволила осуществить задуманное. В 2004, 2005 годах удалось переиздать большую часть его работ, а в 2012 году вышло в свет более солидное дополненное издание под названием «Летопись земли Александровской» объемом более 600 страниц (составитель В. Н. Ревякин), в которую вошли его труды по описанию истории сел, монастырей, Александровской слободы, начиная с догрозненской эпохи до конца XIX века (рис. 6). Но тираж его — всего 100 экземпляров. Эти книги были розданы по библиотекам города и района, но в школы подарить это издание не представлялось возможности. Но оцифрованный вариант трудов Н. С. Стромилова есть в Александровской библиотеке, а также на сайте Президентской библиотеки имени Ельцина.

*Рис. 6. Сборник трудов Н. С. Стромиллова (обложка).
Фото В. Ревякина, 2016 г.*

Работу по изучению наследия рода Стромилловых мы намерены продолжать и впредь.

**Духовное наследие
предпринимателей дореволюционной России —
есть ли на него запрос в современном обществе?
(тезисы доклада)**

В свое время мне посчастливилось встретиться с темой лучших традиций дореволюционных купцов и предпринимателей, а именно: в течение нескольких лет проводить передвижную фотовыставку «Семейные ценности в среде предпринимателей и благотворителей России XIX–XX веков». В экспозиции были представлены фотопланшеты с уникальными материалами из семейных архивов потомков российских купцов и предпринимателей конца XIX – начала XX века: Сорокоумовских, Фирсановых, Коншиных, Солдатёновых, Ляминых, Павловых, Алихановых, Прохоровых, «русских французов» Армантовых, Катуаров, Демонси и других представителей семей торгово-промышленного мира дореволюционной России.

Выставка побывала во многих городах России, выставлялась в Администрации Президента Российской Федерации, в Торгово-промышленной палате, вузах и на выставочных площадках Москвы.

Для меня и посетителей выставки открывался большой мир русской благотворительности дореволюционной России с огромным перечнем построенных храмов, больниц, домов для сирот и пожилых людей, школ, университетов, фабрик и заводов с развитой социальной инфраструктурой, бесплатным медицинским обслуживанием и обучением работников и членов их семей.

Часть материалов позже вошла в фильм о купечестве «Русское купечество. Служение России», снятый Элиной Малютиной и получивший особый приз на недавнем кинофестивале «Радонеж».

Я не буду останавливаться на многочисленных примерах бескорыстного служения Отечеству и Богу дореволюционных русских предпринимателей и благотворителей. Однако не могу не напомнить завет своим сыновьям главы династии основателей Трехгорной мануфактуры Василия Ивановича Прохорова: «Живите не для богатства, а для Бога, не в пышности, а в смирении и более всего брат брата любите...»

Если кратко отметить общие характерные черты, которые были присущи дореволюционным благотворителям и предпринимателям, то можно сказать, что они были:

1. Выходцами из крепостных либо семей, недавно освободившихся, и привычными к постоянному труду.
2. Отцами либо членами многодетных семей.
3. Людьми чести, нерушимого слова и дела.
4. Людьми, глубоко верующими в Бога.

А что же делать нам, живущим в нынешнее время? Просто застыть и с восхищением любоваться прошлыми заслугами России?

Еще во время проведения выставок на площадках в разных городах мы встречали полное понимание и поддержку вопроса возрождения меценатства, благотворительности, чести, достоинства, воссоздания исторической правды и нравственных ценностей.

И сейчас в частных беседах мы находим еще больший интерес к данной теме. Да и трудно, наверное, найти человека, который бы не хотел, чтобы его окружали люди честные, умеющие держать слово, ответственные, умелые работники и которые были бы счастливы в семейной жизни.

Оглядываясь на опыт российских предпринимателей, мы понимаем, что Россия когда-то была сильна традициями соборности, идущими от семейного уклада и жизни Русской Православной Церкви, которые формировали идентичность русского человека, его душевное устройство и понимание приоритетов.

У православных христиан есть понимание того, что необходимо прежде всего начинать с устройства семьи как Малой церкви, далее направить усилия на укрепление общины церковной, территориальной и профессиональной, создание крепкого взаимодействия их с государством как охранительным инструментом, создающим условия для спасения душ сограждан. Такое понимание всегда отличало русского человека от представителя других цивилизаций.

Давно пришло время восстанавливать традиционный русский уклад жизни, иначе наша страна через пару десятков лет станет страной совершенно другой культуры и национальности.

Прежде всего, надо восстановить условия для развития:

- 1) многодетных семей (это и общественное мнение и заметная финансовая поддержка);
- 2) соборности в решениях на уровне церковных приходов и местах проживания, делегирования их функций выбранным представителям;

- 3) живой связи с государственными структурами в области социальной политики;
- 4) помощи государству в формировании политики, в основе которой будет лежать ответственность перед Богом, людьми и потомками, закреплении нравственных норм в законодательстве;
- 5) общественной среды, иницирующей и поддерживающей благие начинания.

Помимо вышеупомянутого фильма о купечестве, прошел уже посвященный предпринимателям и меценатам дореволюционной России кинофестиваль неигрового кино и телевидения «Созвездие созидателей», председателем которого выступил режиссер Владимир Хотиненко. Дом русского зарубежья проводит цикл кинопоказов, посвященный вкладу русских в мировую культуру и науку. Есть и другие проекты.

Сегодня общество демонстрирует свою явную заинтересованность в вопросе возрождения лучших традиций конца XIX– начала XX века.

Уже существует всероссийский конкурс «Доброволец»; в вузах созданы волонтерские студенческие центры; в регионах начала работы лига «Территориальное общественное самоуправление» (ТОС); в Русской Православной Церкви работают социальные отделы, служба помощи пожилым и больным людям «Милосердие», движение против абортов «За жизнь», различного рода антиалкогольные и спортивные движения молодежи и много других организаций по разным направлениям.

Наша задача как общественников, в том числе и представителей научных и образовательных организаций и объединений, в первую очередь быть личным примером формирования активного субъекта общества, от лица которого государство будет получать социальный запрос.

Разрушительной повседневной деятельности мы должны противопоставить системную и плановую работу общественников с выходом на государственный уровень с привлечением необходимого финансирования со стороны государства и предпринимательских кругов при тесном сотрудничестве с Русской Православной Церковью.

Запрос на воспитание в лучших традициях дореволюционного российского предпринимательства стоит остро, т. к. сейчас это вопрос жизни или смерти нашего общества, нас самих и страны в целом.

Для нас не может быть иного ответа на вопрос: «Есть ли будущее у лучших традиций?» Не будет самого будущего, если мы не станем работать в этом направлении.

Русский человек при первой же возможности начинает тянуться, как цветок к солнцу, к традиционному для России укладу жизни. И сегодня есть уже множество примеров, что вселяет надежду.

**Актуализация ценностей
и образов сословий России**

Рассмотрение семейных традиций как нематериального культурного наследия представляется необходимым для сохранения особого цивилизационного кода России и национальной идентичности, неразрывно связанных с родовой и семейной памятью, что является важнейшим фактором определения духовной зрелости общества. В связи с этим важен аксиологический подход к семейному наследию. В настоящее время продолжается работа по определению критериев оценки этого вида наследия на предмет возможной актуализации и переосмысления. Именно «аристократия духа», нравственная элита общества способна транслировать подлинные ценности сословий.

Д. С. Лихачёв писал о значимости воспитания в «моральном климате памяти: памяти семейной, памяти народной, памяти культурной», об уважении «к труду наших предков, к их трудовым традициям, к их орудиям труда, к их обычаям... Человеческая культура в целом не только обладает памятью, но это память по преимуществу. Культура человечества — это активная память человечества, активно же введенная в современность»¹. В этой связи ярким примером является деятельность представителей профессиональных династий, чьи семейные ценности предстают перед нами в качестве объекта наследования.

Рассматривая эту часть нематериального наследия человечества, важно дать определение этого понятия. Семейное наследие представляет собой сложившуюся в определенный период времени и в конкретном месте устойчивую культурную традицию, включающую в себя преемственность государственного и общественного служения, систему родственных связей, а также индивидуальность конкретной семейной истории и трансляцию сложившихся моделей поведения.

¹ *Лихачёв Д. С.* Письма о добром и прекрасном. — URL: <https://www.culture.ru/materials/51666/pisma-o-dobrom-i-prekrasnom> (дата обращения: 14.01.2020).

Этот вид наследия автор предлагает рассматривать как фундаментальный фактор общественной жизни и в качестве одного из приоритетов современной государственной культурной политики России. Данное понятие с учетом дальнейших разработок и конкретизации предлагается ввести в качестве отдельного направления учебной программы дисциплин «Сохранение природного и культурного наследия России» и «Нематериального культурного наследия России».

Здесь уместно привести пример собственного опыта реализации данного направления в Институте славянской культуры РГУ имени А. Н. Косыгина. Наряду с комплексными знаниями, которые получают студенты в процессе обучения согласно учебной программе «Сохранение природного и культурного наследия России», с ними проводится работа, связанная с культурно-историческим наследием семей и родов. Это касается их участия в мероприятиях в рамках просветительского проекта «Живое наследие памяти» (проект, посвященный наследию всех сословий дореволюционной России, реализуется автором с 2014 года) и в конференции «Культурно-историческое наследие личности и рода: к 350-летию со дня рождения Царицы Евдокии Федоровны Лопухиной», состоявшейся в Институте Наследия в 2019 году. Конференция была посвящена одной из знаковых фигур XVII–XVIII веков, до сих пор овеянной мифами. Участники конференции рассмотрели вопросы, освещающие трагическую жизнь первой жены Царя Петра I, представительницы древнего дворянского рода Лопухиных, берущего начало в XI веке. Участники обратились к теме интерпретации наследия, связанного с переломными событиями в жизни рода. Государственное и общественное служение представителей рода Лопухиных в мирное и военное время было многообразным, они внесли весомый вклад в различные сферы жизни российского общества.

Также в учебном процессе речь идет о знакомстве с материалами, посвященными данной тематике и о выполнении творческого задания по теме «Культурное наследие моей семьи», что способствует формированию у студентов чувства принадлежности к родной культурной среде, побуждает к поиску информации о своих родственниках и продолжению семейных традиций, определенного вектора семейно-родового развития.

В настоящее время ведется разработка методических рекомендаций по включению данной темы в образовательный процесс высших учебных заведений страны. Это направление может быть востребовано в процессе актуализации введения в социокультурный оборот объектов культурного наследия, связанного с известными отечественными

династиями, наряду с развитием семейного туризма и участия в вышеупомянутых встречах.

При обращении к семейным традициям весьма актуальным является применение междисциплинарного подхода, позволяющего рассматривать тему семьи и рода в контексте цивилизационной парадигмы. Понимание взаимосвязи семейного, национального и всемирного культурного наследия — одна из важных задач преподавания данной дисциплины. Изучение ценностного мира представителей всех сословий и выявление объектов их культурно-исторического наследия важно для сохранения и актуализации социально значимых ценностей в образовательном и воспитательном процессе. В этой связи целесообразно проведение тематических мероприятий, посвященных традициям семейного служения, на примере которых особенно прослеживаются межпоколенческие связи. Этим традициям и посвящена коллективная монография «Живое наследие памяти».

В 2019 году проект с одноименным названием отметил свое пятилетие. Мероприятия в рамках проекта проходили в Центральном музее древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублёва, при поддержке Фонда имени преподобного Андрея Рублёва, Международном фонде славянской письменности и культуры, а в настоящее время — в Российском научно-исследовательском институте культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва. За это время участники познакомились с потомками семей и родов разных сословий. Их ценностная картина обладает духовно-нравственным потенциалом. На примере многих судеб прослеживается путь от формирования фамилий до фамильных черт, характеризующих конкретную династию. На торжественном заседании говорилось об актуальности проекта и необходимости его расширения до всероссийского масштаба.

С приветственным словом к собравшимся обратился советник директора Института Наследия С. Ю. Житенёв. Он передал приветствие директора В. В. Аристархова, а также отметил, что это серьезный культурологический проект, связанный с историей нашей страны. «Поскольку сейчас особенно важна поддержка нематериального наследия, дальнейшее развитие проекта, связанное с семейными традициями, является актуальным», — подчеркнул он.

Выступление руководителя отдела наследования культуры Института Наследия Ю. А. Закунова было посвящено значимости проекта для государственной культурной политики. В обсуждении таких тем, как семейные ценности, традиции, духовность, важна конкретика, связанная

с судьбами людей, вплетенными в историю страны, сказал он. «Это направление обогатило работу отдела. Наследие не должно быть политизировано. Важны примеры, благодаря которым мы можем извлекать духовно-нравственные уроки, воспитывать подрастающее поколение», — заявил Ю. А. Закунов. Он напомнил в связи с этим о встречах, посвященных роду Рукавишниковых, промышленников и скульпторов, а также потомственным мастерам хохломской росписи Н. Гушину и Н. Лушиной, продолжающих свой род не только в потомках, но в передаче творческих традиций, национальных художественных образах — символах России.

Директор Канцелярии Главы Российского Императорского Дома Ее Императорского Высочества Великой княгини Марии Владимировны А. Н. Закатов отметил, что, когда проект только начинался, Великая княгиня отнеслась к нему с большим вниманием. На открытии проекта, состоявшемся в 2014 году, говорилось о первой семье, которая и остается такой в историческом смысле. Также он рассказал об участии Императорского Дома в жизни современной России, в частности в благотворительной деятельности и в социокультурных проектах. Были затронуты такие темы, как культурно-историческая преемственность, ценностные основы государства-семьи, судьба исторического наследия после революции. По указу Главы Российского Императорского Дома Е. И. В. Великой княгини Марии Владимировны автор была награждена бронзовой медалью в память 400-летия Дома Романовых. Награду вручил А. Н. Закатов.

Известный врач, представитель дворянского и княжеского рода Лопухиных В. О. Лопухин рассказал о начальном пути проекта, подчеркнул необходимость его дальнейшего развития в провинции, а также предостерег от постановки акцентов на сословной принадлежности предков: «Мы все уже являемся наследием. Важно приобщение молодого поколения начиная с раннего возраста».

Предводитель Российского Дворянского Собрания О. В. Щербачев подчеркнул, что для Дворянского Собрания и Историко-Родословного Общества этот проект является родным. Также он рассказал о деятельности РДС, связанной с родовой памятью.

Исследователь крестьянского рода Путиных из Тверской губернии, автор книги «Род Президента В. В. Путина. Материалы исследования 1986–2002 годов» А. М. Путин назвал свой доклад «Неизвестное наследие», в котором раскрыл причины исследования рода Путиных, а также предпринимательства. Он продемонстрировал уникальные слайды из семейного архива.

Публицист, представитель династии знаменитых купцов Абрикосовых — Д. П. Абрикосов рассказал о культурно-историческом наследии своего рода. Выступление сопровождалось показом яркого иллюстративного материала, убеждающего на примере своих выдающихся предков в огромном вкладе предпринимательского сословия в экономическое развитие и культурный подъем дореволюционной России.

Представитель рода Поливановых, Норовых, Коневых — В. Д. Конев поделился новыми архивными находками за последнее время (рис. 1–9).

Рис. 1. Встреча, посвященная пятилетию просветительского проекта «Живое наследие памяти»

Рис. 2. Выступление С. Ю. Житенева

Рис. 3. Выступление
Ю. А. Закунова

Рис. 4. Выступление
В. О. Лопухина

Рис. 5. Выступление
О.В. Щербачева

Рис. 6. Выступление
А. М. Путина

Рис. 7. Выступление
Д. П. Абрикосова

Рис. 8. Выступление
В. Д. Конева

Рис. 9. Награждение

Среди участников, выступавших в рамках проекта в разное время, были: В. И. Алявдин, председатель Общества потомков участников Отечественной войны 1812 года и Общества потомков участников Первой мировой войны; А. М. Олферьев, заместитель председателя Обществ; Г. И. Алявдин, специалист по генеалогии церковно- и священнослужителей; М. В. Зубова, хранитель семейных традиций Полежаевых-Зубовых; князь Г. Г. Гагарин; С. В. Думин, председатель Историко-Родословного общества в Москве; иеромонах Никон (Левачев-Белавенец); Б. Н. Морозов, историк; А. Ю. Королев-Перелешин, вице-предводитель РДС; А. Н. Шеффер, директор департамента культуры РДС; А. В. Матисон, специалист по генеалогии православного духовенства; В. В. Бибиков, президент Союза возрождения родословных традиций; С. А. Леонтьев, хранитель фамильной усадьбы; А. Е. Лукьянова, исследователь генеалогии свт. Феофана Затворника, а также другие участники, чьи материалы будут опубликованы в следующем издании.

Интересно подчеркнуть связь личности, рода и места на примере здания, в котором располагается Институт Наследия. Речь идет о встрече с историком Б. Н. Морозовым, родственники которого жили в палатах Аверкия Кириллова в 30–60-е годы XX века. Интересно, что и научная деятельность Б. Н. Морозова имеет непосредственную связь

с палатами на Берсеневке — в процессе работы над диссертацией он занимался реконструкцией частного архива думного дьяка Аверкия Кириллова и его потомков.

Одной из ключевых задач формирования целостной личности является пробуждение интереса к наследственным чертам, нравственно-этическим принципам рода. Выявление традиций разных поколений позволяет создать собирательный образ и семейный кодекс чести, основанный на лучших образцах, которые можно встретить среди представителей известных и малоизвестных фамилий. Автор уже писала о значимости создания «ценностного древа» на примере рода Лопухиных, которое может быть существенным ориентиром в осмыслении семейного наследия:

1. Реализация своих способностей и талантов через служение Отечеству, независимо от поприща. Примером является то, что только единицы из мужских представителей рода не служили, а большинство из служивших добивались существенных успехов в избранном деле.

2. Забота о сохранении положительной репутации рода. Мы практически не знаем лиц, совершивших «поруку чести рода». Лопухины не участвовали ни в одном заговоре и государственном перевороте, не изменяли присяге и даже временно не переходили в стан врага. В худшем случае проявляли свое несогласие уходом в отставку, даже с очень высоких постов.

3. Храмосодательством, строительством и благотворительностью занимались скромно и не нарочито, заботясь, в первую очередь, о спасении души.

4. Помня о сложных, иногда трагических, судьбах некоторых своих сородичей, были заботливы и благорассудны по отношению к своим крестьянам и нижним чинам по службе. Мы не знаем о бунтах или больших конфликтах в их обширных владениях или в руководимых ими войсках и учреждениях.

Эти высокие образцы семейного культурного наследия необходимо не только изучать, но и внедрять в повседневную жизнь российского общества. Таким образом, семейное наследие является частью нематериального культурного наследия России, прочным фундаментом современной семьи, важной ячейки общества.

Мукомолы и благотворители Башкировы

Фамилия моих предков мукомолов, благотворителей и меценатов Башкир^овых (с таким ударением она произносится в Нижнем Новгороде) не очень известна в Москве, хотя в Поволжье она широко известна. Вообще, следует отметить, что в Нижнем Новгороде очень трепетно относятся к своему историческому наследию: над историей знаменитых семей работают краеведы, историки, архивисты. Издаются книги и статьи, устраиваются встречи и презентации, местное телевидение показывает сюжеты, посвященные истории этих семей.

Причина этой недостаточно широкой известности Башкировых в Москве заключается в том, что становление мукомольного дела семьи начиналось в Нижнем Новгороде, «кармане России», его торговой столице, а по мере укрупнения и развития торговли хлебопродуктами основной базой стал Санкт-Петербург, куда хлеб водным путем доставлялся через Рыбинск по Мариинской системе, Москва же оставалась в стороне от основных водных путей, и развитие деятельности торгового дома Башкировых в Москве пришлось уже на 10-е годы XX века и в связи с известными событиями продолжалось недолго.

Башкировы являются типичными представителями выходцев из крепостных крестьян, обладавших недюжинной жадной деятельностью, способностями и смекалкой. Эти люди, которые сделали себя сами, и составили стеновой хребет нарождавшейся России, которой Д. И. Менделеев предсказал блестящее будущее к середине XX века.

Глава рода, основатель торгового дома «Емельян Башкиров и сыновья», мой прапрапрадед, родился в 1807 году и был крепостным из села Копнино Балахнинского уезда Нижегородской губернии. В имении он был портным, но решил поменять род деятельности, попросившись на оброк вместе с тремя сыновьями, был отпущен и начал свою карьеру с бурлачества. Копил деньги и открыл в Нижнем Новгороде сенную лавку. Затем, поняв, что операции с зерном сулят гораздо больше выгод, стал закупать зерно на Нижней Волге и тянуть баржи вместе

с сыновьями вверх, чтобы сэкономить на транспортировке. Но переработанным зерном было торговать выгоднее, поэтому он построил первую свою водяную мельницу на реке Линде, начал торговать мукой и вскоре выкупил себя и трех сыновей из крепостных и записался в мещанское сословие.

Он вовремя выбрал нужное направление. В России шла промышленная революция, появились первые паровые двигатели, а значит, и пароходы, не нужно было тянуть баржи вверх по Волге, началось строительство паровых мельниц. Исчезла необходимость продавать зерно иностранцам, которые мололи его на своих мельницах и потом втридорога продавали муку обратно в Россию. Большие объемы зерна пошли вверх по Волге, и мукомолы мололи его на своих паровых мельницах. Уже к концу XIX века в Нижнем Новгороде образовалась мощная группа предпринимателей, занимавшихся приобретением и переработкой зерна и реализацией муки в России и за рубежом. В Поволжье в это время уже производилось более 40% всей российской муки.

«Торговый дом Емельяна Башкирова с сыновьями» был открыт в 1871 году. К этому времени он уже был купцом первой гильдии (хотя был неграмотен, и учредительные документы за него подписывал его грамотный приятель). Сыновья запомнили это на всю жизнь и не только сами получили приличное по тому времени образование, но и впоследствии никогда не жалели денег на помощь образовательным учреждениям Нижнего Новгорода, Самары и других городов Поволжья, повышение квалификации рабочих, образование своих детей и внуков.

Начальный капитал торгового дома составлял 60 тыс. рублей, а к 1900 году он уже достиг 12 миллионов. Паровые мельницы стояли в Нижнем Новгороде, Самаре, Сызрани. Появился свой грузовой флот — паровые буксиры, хлебные и нефтеналивные баржи, плавучие доки. Лавки Башкировых стояли по всей Волге, в Москве, в Петербурге, а с середины 80-х годов торговый дом вышел на европейский хлебный рынок. Завязались связи с германскими хлеботорговыми фирмами, были открыты склады в Гельсингфорсе, Гамбурге, Любеке и Берлине. Торговый дом удостоился права стать поставщиком Двора Его Величества, поставлял муку главному московскому булочнику Филиппову.

К 1887 году Е. Башкиров отошел от дел и скончался. В 1890 году торговому дому принадлежало уже 34 хлебных баржи, три парохода и паровой баркас. Капиталы перешли к трем сыновьям — Николаю, Якову и Матвею. Сначала всем имуществом владели совместно, но

к 1891 году решили разделиться, т. к. старший Николай предпочитал ориентироваться на западные рынки, а Яков и Матвей — на российский. Дележ был неравномерным. Старшему досталась большая часть, а младшему — самая меньшая. Николай создал свою торгово-промышленную фирму в Самаре, а Яков и Матвей — в Нижнем Новгороде.

Тем не менее во время значимых событий братья действовали совместно. Так, во время Всероссийской художественно-промышленной выставки был построен совместный павильон, демонстрировавший многочисленные образцы производимой ими муки, манной крупы, макарон и хлебобулочных изделий. Продукция Башкировых получила золотую медаль и высочайшую награду: отныне они имели право ставить на вывесках и мешках с мукой и вывесках лавок личный гербовый знак качества и печать (рис. 1). Мука была в основном крупчатка из высококачественного зерна, выращенного на пойменных землях Поволжья и Прикамья. Зерно покупалось у проверенных поставщиков и не смешивалось, чтобы не снизить сорт. Выработывалось более 10 сортов муки.

*Рис. 1. Гербовая печать Торгового дома Башкировых.
Фото из личного архива*

Башкировская крупчатка быстро завоевала передовые позиции не только в России, но и на зарубежных рынках, получала высшие награды на выставках в Вене, Париже, Лондоне. Благодаря созданному Башкировыми и Бугровыми (еще одно семейство крупнейших нижегородских предпринимателей) совету Всероссийского съезда мукомо-

лов при поддержке правительства были снижены железнодорожные тарифы для экспортеров муки, и российская мукомольная продукция потеснила на рынках Англии и Швеции американскую муку, изготовлявшуюся из скоропортящихся сортов пшеницы. В 1892 году в Санкт-Петербурге были созданы Калашниковская биржа и хлебная пристань. Она обслуживала весь Прибалтийский край вместе с С.-Петербургом и Финляндией. Продавали до 10 млн пудов крупчатки в год, это в наших условиях рискованного земледелия, при транспортировке по рекам, покрытым льдом по полгода, и не вниз, как в Америке по Миссисипи, а вверх. Братья Башкировы возглавляли список 10 крупнейших торговцев хлебов этой биржи.

Как уже говорилось, старший из трех братьев, Николай Емельянович Башкиров, был сторонником активного освоения внешнего хлебного рынка. У него были крупнейшие мельницы в Самаре и самая большая на Волге хлебная пристань. Именно он был удостоен чести понести хоругвь от Нижнего Новгорода в Москве во время освящения Храма Христа Спасителя. От него пошла ветвь «Петербургских Башкировых». Скончался он в 1901 году, трое сыновей от второго брака (у него было многочисленное потомство) продолжили его дело, создав в С.-Петербурге акционерное общество «Н. Е. Башкиров и наследники». В Петербурге они владели несколькими домами. Один из братьев — Николай Николаевич, купец 1-й гильдии, потомственный почетный гражданин, — был большим любителем конного спорта, имел конюшни, участвовал в соревнованиях (это помогло ему выжить в эмиграции, где он работал конюхом на одной из ферм во Франции). Вместе с братом Александром он построил в С.-Петербурге на Каменноостровском проспекте уникальное спортивное сооружение «Спортинг Палас и Скетинг-Ринг». Как многие энергичные русские люди, он заинтересовался новым спортом — катанием на роликовых коньках в помещении и затратил огромные средства на сооружение здания, которое украсило столицу и дало Петербургу зал, превышающий своими размерами залы Дворянского собрания и Консерватории. Зал был целиком железобетонный, построен берлинской фирмой «Гайс и Фрейтаг» (архитекторы Белогруд и Гингер). Окружающие зал галереи грациозны и воздушны, окружены колоннами с арками в стиле итальянского двора времен Микеланджело, потолок с красивыми стеклянными переплетами. Трек для катания, сделанный из натурального канадского клена, выложенный английскими специалистами, считался первым из 25 европейских и американских скетингов. Фасад выходил торцом на проспект, имел

портик со скульптурами лошадей; помимо скетинг-ринга, в здании был синематограф, шикарный ресторан, большой театрально-концертный зал (в нем выступал французский актер Макс Линдер во время гастролей). Всего здание вмещало до 8 тыс. человек.

В 1931 году здание было превращено в неоконструктивистский дворец культуры, который сначала назывался Дворец культуры Промкооперации, а затем Дворец культуры Ленсовета. Был убран неоклассический портик, вдоль проспекта построен корпус, включающий спортивную и клубную зоны. В железобетонную коробку скетинг-ринга встроили зрительный зал на 2200 мест с кольцевым фойе. Сейчас он используется как театрально-концертный зал, но прошла информация, что дочерняя структура «Газпрома» — «Сланцевая негосударственная экспертиза» разработала план по воссозданию утраченного Спортинг-паласа.

Сохранился особняк Н. Н. Башкирова на Кирилловской улице. Его шикарные интерьеры остались нетронутыми, сейчас в нем детский сад. Как и остальные Башкировы, Николай Николаевич активно занимался благотворительностью: был почетным попечителем 7-й Петербургской гимназии, членом совета Благотворительного общества Борисоглебской церкви.

Третий из братьев этой ветви, кроме основного занятия в области хлебной торговли, занимался общественно-политической деятельностью. В 1917 году во время политических катаклизмов был одним из руководителей Всероссийского союза торговли и промышленности, а позже, в составе Временного правительства, был товарищем министра продовольствия. Эмигрировал сначала во Францию, затем в США, был успешен в бизнесе, помогал Толстовскому фонду, собрал значительную коллекцию живописи и антиквариата, был членом совета директоров Ассоциации Св. Георгия.

У них был еще четвертый брат Борис, известный не как предприниматель, а как поэт и меценат. Имеющиеся капиталы позволили ему содержать собственный литературный салон в доме на Синопской набережной. Писал декадентские стихи (правда, особого успеха не имел) и покровительствовал поэтам Серебряного века. Был в тесной дружбе с И. Северяниным (помогал в организации его выступлений), К. Бальмонтом, Н. Гумилевым и композитором С. Прокофьевым, всячески оказывал поддержку молодому дарованию и даже учился у него музыке, оплачивая урок суммой в разы большей, чем тот стоил. Прокофьев посвятил ему ряд музыкальных произведений. Носил литера-

турный псевдоним Верин (в честь отвергнувшей его девушки). Игорь Северянин называл его «принц сирени» и посвятил ему сборник своих стихов «Соловей». Все четыре брата эмигрировали, сестры остались в России, подверглись репрессиям.

Второй сын Емельяна Григорьевича — Яков, как и его младший брат Матвей, считал, что дело надо вести в России. Братья не помышляли о выезде за рубеж и выводе капиталов. Жизнь их сложилась по-разному. Яков Емельянович получил вторую по величине долю наследства, продолжил семейную традицию, став директором-распорядителем собственного мукомольного товарищества. Мельница Я. Е. Башкирова, позже называвшаяся «Хлебозавод № 1», до последнего времени продолжала работать.

Понимая, что деньги дают большую отдачу в сочетании с политической властью, проявлял большую активность в деятельности местного самоуправления. Являясь бессменным гласным городской думы с 1883 года, он с 1890 года стал ее председателем. В 1896 году был делегирован на коронацию Николая II и в этом же году вместе с братьями принимал молодую императорскую чету, прибывшую на открытие всероссийской выставки.

Здесь следует сказать несколько слов о благотворительности в русском обществе в XIX – начале XX века. К концу XIX века наступил «купеческий период» в развитии благотворительности, который характеризуется всё большим расширением как частной, так и общественной инициативы. В прошлом каждый уезд, каждый город знал своего благодетеля по построенным на его средства храмам, школам, больницам, приютам и богадельням. Далее шли театры, галереи, библиотеки и музеи. Меценатская деятельность была очень распространена среди купцов. Трудно представить, каким бы захудалым городом выглядел Нижний Новгород, если бы в его становлении не участвовали купцы.

Яков Емельянович Башкиров, как и его младший брат Матвей, принимал активнейшее участие в благотворительности и меценатстве. Он был членом многочисленных комиссий, председателем опекунских и попечительских советов училищ и больниц.

За благотворительную деятельность, которая началась одновременно с общественной, Яков Емельянович получил звание «мануфактур-советника», несколько золотых медалей «За усердие», а в 1897 году получил звание потомственного почетного гражданина. Им было пожертвовано 40 тыс. рублей на строительство водопровода

в заречной части города. Понимая, что очень немногим из детей бедняков суждено стать врачами, учителями или адвокатами, Я. Башкиров считал, что им надо давать практическое образование, учить ремеслам. В 1902 году выстроено и принесено в дар городу каменное здание для мужского и женского начальных училищ. Он щедро помогал реальному училищу, построил так называемое Башкировское училище для обеспечения мукомольного производства будущими специалистами, квалифицированными мастерами.

Яков Емельянович перестроил Кулибинское ремесленное училище, затратив 50 тыс. рублей и сделав его образцово-показательным. Постоянно жертвовал средства, устраивал елки с подарками. Училище в конце XIX века было объединено с речным и создало основу теперешнего Нижегородского речного училища, филиала Волжского университета водного транспорта. В 1896 году Я. Башкиров уже был председателем попечительского совета училища и в этом качестве при­ветствовал царскую чету (рис. 2).

*Рис. 2. Попечительский совет
Кулибинского ремесленного училища.
Председатель Совета Я. Е. Башкиров в центре.
Фото предоставлено нижегородским музеем
«Дом Рукавишников»*

Он постоянно поддерживал городской театр и принимал участие в сооружении памятника Александру II. Яков Емельянович Башкиров много заботился о духовной жизни своих сограждан, стал одним из соучредителей Нижегородского общества хоругвеносцев, храмоздателем церкви Спаса на Острожной улице в Нижнем Новгороде и церкви в селе Крутец, где его крестили. В 1908 году он получил высокий чин статского советника, а четыре года спустя почетное потомственное дворянство «во внимание к выдающейся благотворительной и общественной деятельности». Был удостоен четырех золотых шейных медалей «За усердие» и нескольких орденов. Скончался в 1913 году, не оставив наследников мужского пола. Его единственный сын и наследник Александр Яковлевич, управляющий Нижегородской Канавинской мельницей, умер в 1908 году, детей у него не было. Дочери Я. Е. Башкирова, выданные замуж за именитых купцов и других известных граждан Нижнего Новгорода, частью эмигрировали, частью повторили печальную судьбу многих представителей своего сословия.

Судьба третьего младшего брата — Матвея Емельяновича, моего родного прапрадеда, и его потомков тоже сложилась не очень благополучно, хотя в России осталось достаточно представителей этой ветви в Москве, С.-Петербурге и Новосибирске (рис. 3).

При разделе имущества ему досталась меньшая доля, мельниц не досталось совсем, но, будучи очень энергичным и более изобретательным и предприимчивым человеком, он немедленно приступил к строительству собственного мукомольного комплекса, и менее чем через 10 лет его собственность ненамного уступала состояниям Николая и Якова. Вместе с братьями он принял участие во всероссийской выставке, где почетный гость — Бухарский эмир — удостоил его павильон своим посещением, ночевал у него в доме на Гребешке и прислал ему из Бухары Золотую звезду (рис. 4).

Золотых именных наград удостоились его сыновья Николай и Виктор. Для гарантий сохранения капитала Матвей Емельянович вкладывал деньги в различные предприятия, создавались товарищества (совместно с братьями и магнатом Бугровым), приобретались обширные земельные участки, строились дома в Нижнем Новгороде, Москве и Петербурге (рис. 5).

*Рис. 3. Семья М. Е. Башкирова.
Фото свадьбы его младшей дочери Лидии
и сына управляющего Нижегородским отделением Госбанка
Н. П. Полянского — Ивана. Из семейного архива*

*Рис. 4. Дом М. Е. Башкирова на Гребешке.
Современный вид. Фото из личного архива*

*Рис. 5. Дома Башкировых на Малой Покровке.
Фото из семейного архива*

Было приобретено имение «Зименки» на высоком берегу Волги, которое раньше принадлежало князьям Дадияни, а потом графам Шереметевым. И в Нижнем Новгороде, и в имении Матвей Емельянович построил дома для своих многочисленных детей. Естественно, в силу своего высокого положения и богатства он не мог не заниматься благотворительной деятельностью. Был попечителем общественной богадельни, попечителем реального училища, став в 1883 году гласным городской думы, участвовал в ее нескольких созывах. Уже в 1885 году за благотворительную деятельность получил свою первую золотую медаль «За усердие». Понимая огромную роль народного образования, он на протяжении всей жизни продолжал жертвовать на это благородное дело большие деньги. Велика роль Матвея Емельяновича в создании базы для основания Нижегородского университета. Идея создания в городе высшего учебного заведения поднималась еще в 1896 году, но реально воплотить эту мечту стало возможно только после начала Первой мировой войны, когда из Варшавы нужно было эвакуировать Политехнический институт имени Николая II. За право принять институт был объявлен конкурс среди городов России: Тифлис, Саратов, Оренбург, Омск,

Екатеринослав, Одесса и Нижний Новгород. Необходимо было собрать 2 миллиона от города. Ни в одном из городов не удавалось договориться о сборе необходимой суммы. Матвей Емельянович Башкиров внес 500 тыс. руб., 100 тысяч пожертвовал городской голова Сироткин, затем пошли вклады от земства, дворянства и ряда частных лиц. Так, в Нижнем Новгороде было создано первое высшее учебное заведение, затем оно вошло в состав Нижегородского университета. Сейчас это технический университет имени Р. Е. Алексеева. Один из корпусов располагается в здании Мариинского института благородных девиц.

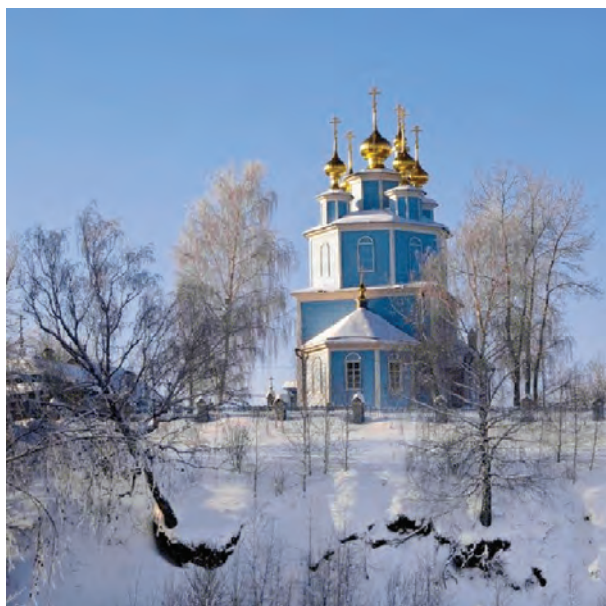
Башкировские мельницы были крупными современными предприятиями: Макарьевская Я. Е. Башкирова (480 рабочих) размалывала до 4,5 млн пудов пшеницы, Слободская М. Е. Башкирова (640 рабочих) имела оборот в 4 млн царских рублей. Мельничный комплекс М. Е. Башкирова занимал целый квартал.

Помимо производственных помещений, в него входили жилые здания для рабочих и служащих, помещения в которых предоставлялись бесплатно. На мукомольных предприятиях был установлен 8-часовой рабочий день, была организована первая больничная касса, из которой выдавались пособия на роды, лечение, похороны. Во время эпидемии холеры рабочие получали бесплатное питание. В 1891 году М. Е. Башкиров возглавил комиссию по ликвидации голода в Лукояновском уезде.

В окрестностях своего имени «Зименки» Матвей Емельянович также прославился благотворительной деятельностью. На его средства был построен выложенный булыжником спуск к реке с высокого берега Волги, сооружена водонапорная башня с использованием новейшего для того времени оборудования (раньше приходилось таскать на себе воду вверх по горе). В местном земском начальном училище он ежегодно устраивал елку для детей с обязательными подарками в виде отрезов полотна на одежду для мальчиков и девочек. По случаю великих церковных праздников, свадеб и похорон крестьянским семьям жертвовалось по мешку муки и пшена. Крестьяне относились к нему с большим уважением, называли не иначе как «благотворитель». В лихие времена 1917–1918 годов они помогали чем могли, укрывали у родственников в дальних деревнях (рис. 6).

*Рис. 6. Высокий берег Волги.
За деревьями – остатки имения М. Е. Башкирова «Зименки».
Фото из семейного архива*

*Рис. 7. Храм Казанской иконы Божией Матери
в селе Великий Враг. Нижегородская область. Кстовский р-н.
Современный вид. Фото из личного архива*

М. Е. Башкиров был основным жертвователем и попечителем храма Казанской иконы Божией Матери в селе Великий Враг, к приходу которого относилось его имение, а также окрестные деревни (рис. 7).

Деревянный храм XVIII века требовал постоянного ремонта. Матвей Емельянович делал в него большие вложения: был заменен фундамент, произведена обшивка стен, поставлена кованая чугунная ограда взамен деревянной, а к свадьбе младшей дочери (которую он выдал за сына директора Нижегородского отделения Государственного банка Н. П. Полянского) произвел новый капитальный ремонт, поставил новые колокола, кресты, были написаны новые иконы, пожертвованы позолоченные венцы и богослужебные книги в богатых окладах. Доподлинно известно, что почитаемый всей Россией святой праведный Иоанн Кронштадский по крайней мере один раз служил в нем Литургию. В лихие годы борьбы с религией храм уцелел, имена М. Е. Башкирова и всех его потомков навечно занесены в его поминальные книги. Само имение практически не сохранилось. В советские годы в нем был санаторий, но затем прекратил свое существование. Сейчас на части его территории летняя резиденция митрополита Нижегородского. Возведен храм-часовня Георгия Победоносца.

А во времена Башкировых это было очень известное место. Его посещали многие знаменитые горожане и гости. В имении был домашний театр, навещались туда Ф. И. Шаляпин и Л. В. Собинов. Алексей Максимович Горький также бывал там. Некоторые его ранние рассказы были впервые напечатаны в газете «Волгарь», принадлежавшей зятю Матвея Емельяновича — С. И. Жукову. Горький тогда бедствовал, и С. И. Жуков был единственным, кто согласился напечатать его рассказ «Дед Архип и Ленька» (рис. 8).

В 1901 году М. Е. Башкиров возглавил комитет по строительству училища имени Александра II и вошел в комитет по возведению памятника Царю-Освободителю, а также в комитет по строительству нового здания Нижегородского отделения Государственного банка. Но, будучи очень скромным человеком, обладая огромным богатством и значительной финансовой властью, М. Е. Башкиров всегда предпочитал оставаться в тени, хотя труды его были отмечены пятью шейными золотыми медалями «За усердие», орденами Св. Станислава и Св. Анны, а также уже упоминавшейся Золотой звездой.

Во время Первой мировой войны М. Е. Башкиров и другие члены семейства приняли активное участие в помощи армии. Матвей Емельянович сдал в фонд Победы свои золотые медали, были пожерт-

*Рис. 8. Чаепитие в имении «Зименки».
Фото из личного архива*

*Рис. 9. Лазарет в имении Башкировых.
Слева (сидит) патронесса лазарета Людмила Матвеевна Башкирова.
Фото из личного архива*

вованы средства на формирование санитарного поезда. Было решено организовать на территории имения лазарет для поступавших в город раненых. Старшая дочь Матвея Емельяновича – Людмила Матвеевна стала его патронессой. Был освобожден большой жилой корпус, закуплено оборудование и материалы. Медперсоналом служили башкировские внуки, прошедшие специальную подготовку на медицинских курсах. К сожалению, лазарет просуществовал недолго, наступали иные времена (рис. 9, 10).

*Рис. 10. Медперсонал лазарета
(внуки М. Е. Башкирова) за работой.
Фото из личного архива*

Сыновья Матвея Емельяновича – Николай и Виктор, получив коммерческое образование, были главными помощниками отца. Старший сын Николай Матвеевич был председателем Нижегородского биржевого общества, а его брат Виктор – директором «Товарищества торговли и пароходства М. Е. Башкирова». Проявили себя с лучшей стороны как предприниматели и общественные деятели, неоднократно избирались гласными городской думы, широко занимались благотворительностью (рис. 11).

Рис. 11. М. Е. Башкиров с сыновьями Николаем и Виктором и сотрудниками Торгового дома. Фото из личного архива

Рис. 12. Крестовоздвиженский монастырь. Современный вид. Фото из личного архива

*Рис. 13. Внук М. Е. Башкирова профессор МГУ Б. С. Жуков.
Фото из личного архива*

*Рис. 14. Внук М. Е. Башкирова профессор МГУ П. Н. Башкиров.
Фото из личного архива*

А для внуков, как и во многих купеческих семьях, Матвей Емельянович, помня историю своего отца, прочил университетскую карьеру. В Москве на Старой Басманной, 31 был построен дом с надписью на мраморной доске «На благо просвещения внукам» (дом сохранился в надстроенном виде, так же как и доходный дом № 33).

Наступил 1917 год, положивший конец развитию мукомольного дела Башкировых. Матвей Емельянович Башкиров лишился всего своего состояния и скончался в 1924 году. Но в городе его не забыли: во время его похорон вся Большая Покровская улица в Нижнем Новгороде была полна народу, который провожал благодетеля на Крестовоздвиженское кладбище (рис. 12).

Внукам недолго пришлось пользоваться подаренным домом. Жизнь их сложилась по-разному, но практически все они получили университетское образование. Мой родной дед, профессор МГУ Б. С. Жуков, был крупным ученым-палеоантропологом. У него были блестящие перспективы, однако в 1929 году он был репрессирован и погиб в лагере. Его двоюродные братья избежали этой участи. Петр Николаевич Башкиров, тоже профессор МГУ, всю жизнь проработал на кафедре антропологии (рис. 13, 14); его младший брат Андрей Николаевич, член-корреспондент АН СССР, был известным ученым-химиком, работал в области нефтехимического синтеза. Еще один двоюродный брат Матвей Викторович Башкиров — конструктор, работал в текстильной промышленности, лауреат Сталинской премии за изобретение узловязателя для ткацких станков, имевшее всесоюзное значение.

Можно еще долго рассказывать о других представителях семьи Башкировых и их связях с другими знаменитыми нижегородскими родами, но это заслуживает целой книги.

Статья подготовлена по материалам А. П. Сергиевской, изложенным в сборниках, изданных в Нижнем Новгороде в издательстве «Вертикаль. XXI век»:

1. *Сергиевская А. П.* Мукомолы и благотворители Башкировы // Революция и Нижегородская губерния. — Н. Новгород : Вертикаль. XXI век, 2017. — С. 147–162.

2. *Сергиевская А. П.* Мой дед Борис Жуков — родной, но незнакомый // Гражданская война и Нижегородский край. — Н. Новгород : Вертикаль. XXI век, 2018. — С. 265–276.

**Историко-культурное наследие
рода Скульских**

Род Скульских появился в России при Иоанне Грозном, о чем свидетельствуют данные в Государственном архиве Ярославской области, материалы для генеалогии ярославского дворянства, составленные и опубликованные Иваном Николаевичем Ельчаниновым в 1915 году, а также находка кандидата исторических наук Бориса Николаевича Морозова в 2017 году в Российской государственной библиотеке «Учительное Евангелие» от 1595 года, изданное в Вильно, где он обнаружил запись Станислава Скульского от 1598 года. Как указывает Б. Н. Морозов, Станислав Скульский подарил «Учительное Евангелие» одному из православных храмов. Начинается запись так: «Сию книгу положил иноземец из Литвы поляк Станислав Скульский... владелец села Киево...», а село Киево и Станислав Скульский фигурируют в родословной И. Н. Ельчанинова (рис. 1, 2).

Нашу родословную возобновил мой отец — Скульский Владимир Дмитриевич (1908–1993) — под руководством троюродного брата своей жены (моей матери) Юрия Борисовича Шмарова (1898–1989), известного генеалoga и историка дворянских родов, в гостях у которого бывал знаменитый писатель Александр Исаевич Солженицын, князь Дмитрий Михайлович Шаховской (Франция) и многие представители дворянства, как называл их Юрий Борисович — «недорезанные». Он являлся членом Общества потомков участников Отечественной войны 1812 года, руководителем кружка, собиравшегося в библиотеке на Остоженке и занимавшегося историей и паспортизацией особняков, ряд которых в 60–80 годах XX века удалось отстоять от сноса и перестройки. Фонд Ю. Б. Шмарова находится в Государственном музее А. С. Пушкина.

Мои родители, Владимир Дмитриевич Скульский и Вера Васильевна, урожденная Румянцева (1916–2005), волею судьбы оказались в гуще событий в самом начале пути поиска, разведки, открытий и освоения алмазов и алмазных месторождений как на Урале, так и в Якутии (рис. 3).

Рис. 1. Учительное Евангелие, изданное в 1595 г. и подаренное Станиславом Скульским православному храму в 1598 г. (электронный ресурс: <https://olden.rsl.ru/ru/s7/s409/2017/didacticgospels>)

Рис. 2. Б. Н. Морозов, Е. Е. Румянцева, Л. В. Скульская, О. В. Щербачев у входа в Российскую государственную библиотеку, 2017 г. (*семейный архив*)

Рис. 3. В. Д. Скульский, Н. А. Махов, Мила Скульская,
Т. Д. Махова, ур. Скульская, В. В. Скульская, ур. Румянцева.
1951 г. (семейный архив)

В 1957 году вышла фундаментальная работа «Алмазы Сибири» (Министерство геологии и охраны недр СССР, Государственное научно-техническое издательство литературы по геологии и охране недр, 1957. 158 с.), написанная коллективом сотрудников Амакинской экспедиции Главуралсибгеологии Министерства геологии и охраны недр СССР в составе: А. П. Бобриевич, М. Н. Бондаренко, М. А. Гневушев, Н. В. Кинд, Б. Я. Корешков, Н. Я. Курылева, З. Д. Нефедова, Л. А. Попугаева, Е. Э. Попова, В. Д. Скульский, Г. И. Смирнов, Р. К. Юркевич, Г. Х. Файнштейн и В. Н. Щукин. Научные редакторы : А. П. Буров и В. С. Соболев. Это фундаментальная работа, определенный итог многолетних поисков алмазов и геологических исследований в регионе. И хотя в работе не указывается, кто писал тот или иной раздел, но, как пишет в своей книге В. Л. Масайтис «Где там алмазы?»¹, «намерение оставить в тени конкретный характер и объем работы, выполненной отдельными авторами, читателю легко преодолеть, если он знает характер деятельности, профессиональные и научные интересы, а также возможности каждого из них». Он пишет: «...геология Далдынского района, возможно, является результатом коллективного труда

¹Масайтис В. Л. Где там алмазы? — СПб. : Изд-во «Всегеи», 2004. — С. 213.

В. Н. Щукина, В. Д. Скульского, возможно, еще кого-то. ...Россыпные месторождения алмазов описаны, по-видимому, В. Д. Скульским и Г. Х. Файнштейном, возможно при участии З. Д. Нефедовой»².

Таким образом, хотя о В. Д. Скульском современные исследователи истории открытия алмазов забыли и не упоминают, однако свой, задокументированный след в алмазной эпопее он оставил. Следует отметить, что практически во всех книгах, написанных первопроходцами уральских и якутских алмазов, фамилии Скульского В. Д. и Румянцевой В. В. упоминаются:

книга «Алмазные месторождения Якутии» (Министерство геологии и охраны недр СССР, Государственное научно-техническое издательство литературы по геологии и охране недр. М., 1959. 525 с.), соавторы: А. П. Бобриевич, М. Н. Бондаренко, М. А. Гневушев, Л. М. Красов, Г. И. Смирнов, Р. К. Юркевич, научный редактор академик В. С. Соболев, подписана Р. К. Юркевичем и Г. И. Смирновым: «В. Д. Скульскому в память о совместной работе в Якутии и как старейшему алмазнику, материалы которого использованы в данной книге, от благодарного автора. 05.11.1959 г.»;

книга «Якутские алмазы» М. А. Гневушева (Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР. М., 1963) с надписью «Дорогому Владимиру Дмитриевичу Скульскому на память о годах совместной работы в Якутии. 29.05.1964»;

книга лауреата Ленинской премии Г. Х. Файнштейна «За нами встают города» (Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1988. 252 с.) с надписью «Владимиру Скульскому — первооткрывателю Мархинского алмазного района на память об авторе от автора. Файнштейн. 08.09.89».

В 1999 году вышел сборник статей «Страницы алмазной эпопеи», с указанием на титульном листе «50 лет находки первых якутских алмазов. 1949–1999» (Мирный, 1999. 152 с.), в котором была опубликована статья В. В. Румянцевой (Скульской) «От Вилюя до Дьяхи» (с. 12–24). В послесловии журналистов Мэри Софианиди и Евгения Бориса (с. 150) сказано: «Книга, которую вы держите в руке, уникальна. Чем же она не похожа на другие издания? В ней собраны воспоминания роман-

² *Масайтис В. Л.* Где там алмазы? — СПб.: Изд-во «Всегеи», 2004. — С. 165.

тиков-первопроходцев, которые 50 лет назад или чуть позже ступили на якутскую землю, чтобы искать “минерал номер один”. Таких книг, скажете вы, немало. Но в этой книге большая часть авторов впервые взяли в руки перо, чтобы поведать нам о минувших событиях, многие из которых широкому кругу читателей были неизвестны.

Вся тяжесть изнурительного труда первопроходцев легла на плечи и тех, кто представлен в этой книге. Но их беззаветное служение любимому делу было столь велико, что они не замечали ни ужасающей бедности, ни тяжелых условий быта, ни сверхсложных условий работы. Порой они были лишены самого необходимого, но движимые светлыми помыслами, не замечали этого.

Мы постарались сделать все возможное, чтобы донести до читателя те страницы былого, которые были раньше достоянием немногих и вспоминались только “у костра”, — по соображениям секретности об этом нельзя было писать. Но это наша история, и ее должны знать все — и события, и людей, творящих ее...

Не только мужество, не только высокий профессионализм... высокий уровень духовности как бы нисходит на нас, когда мы вчитываемся в строки, написанные теми, первыми... Почему их имена мало знакомы читателю? Это наша вина, геологов, журналистов и писателей, это мы проявили близорукость, заиклившись на двух-трех именах и не желающих видеть тех, кто предпочитает по соображениям этики держаться в тени. И мы рады поэтому представить Веру Румянцеву — Скульскую...

Она была обогатителем, отвечала за эффективную работу всех обогатительных установок экспедиции. От ее организаторских способностей, смекалки, квалификации и добросовестности в немалой степени зависело количество извлекаемых алмазов. Ей, молодой женщине, приходилось преодолевать десятки километров — пешком, на лошадах, вброд через речки, по льдинам и лишь изредка на машине и самолете, — чтоб посещать участки. Сквозь скупые, лаконичные строчки проглядывает ее портрет — скромной, милой, обаятельной женщины. Его в галерее женщин-первопроходцев можно поставить рядом с портретами знаменитых геологинь» (рис. 4).

В. Л. Масайтис в своей книге «Где там алмазы?» неоднократно упоминает фамилию В. Д. Скульского, в частности на с. 67: «...на одной из кос у устья Верхнего Вилюкана, когда неожиданно выдались теплые дни, удалось отобрать мелкообъемную пробу галечников. Метод опробования малыми объемами для поиска россыпных алмазов едва начал

*Рис. 4. В. В. Скульская, ур. Румянцева (1916–2005)
(семейный архив)*

*Рис. 5. В. Д. Скульскому вручают орден «Знак Почета»,
1957 г. (семейный архив)*

распространяться с легкой руки геолога В. Д. Скульского, хотя не был официально признан. Он был так и назван — “метод Скульского”, хотя сам автор называл его “методом нахала”. В. Д. Скульский на протяжении ряда лет занимался поисками алмазов на Урале, приехал в Сибирь в прошлом году и был старшим геологом комплексной партии Амакинской экспедиции, которая под руководством В. Б. Белова начала поиски и исследования в среднем течении реки Мархи. <...> Странное название “метод нахала” никоим образом не отождествлялось с личными качествами В. Д. Скульского, который был мягким и деликатным человеком. Оно просто отражало нарушавший установленные инструкции подход, когда геологи, нахально отвергнув какие-то пункты этих инструкций, отбирали для опробования не десятки и сотни кубических метров рыхлых песков и галечников, а, надеясь на счастливый случай или на “фарт”, всего 2–3 кубических метра или менее, которые можно обогатить вручную за короткое время. Открытие мархинских россыпей было сделано, таким образом, в течение одного дня, с минимальными затратами и, что, пожалуй, любопытнее всего, без различных согласований, утверждения планов, составления смет и пр., просто следуя разумной геологической инициативе В. Д. Скульского, Г. Х. Файнштейна и В. А. Буханевича» (рис. 5).

Следует отметить, что все написанные и опубликованные книги и статьи отражают личную точку зрения на то или иное событие того или иного автора. При этом суждения бывают не только субъективными, но и не всегда точными даже в воспоминаниях очевидцев событий. В исторических эссе, составленных на основе опубликованных и неопубликованных воспоминаний, документов и домыслов, отличий от реальных событий становится еще больше. Потому публикация воспоминаний, написанных когда-то «в стол», становится заметным явлением для заполнения исторических пробелов и придания большей объективности алмазной эпопее.

Благодаря члену Российского Дворянского Собрания Вадиму Васильевичу Пассеку в издаваемом им журнале «На службе Отечеству. Общественное движение “Созидатели: сквозь дебри и рифы созидания”» (сост. В. В. Пассек. Вып. 2. М. : Экон-информ, 2013. 90 с.) мне удалось опубликовать воспоминания отца «Поиски алмазов на Среднем Урале и в Якутии» (с. 36–89).

В своих воспоминаниях В. Д. Скульский описывает героический труд людей, которых давно нет в живых, о многих из них ни-

когда и нигде не писали, но труд которых, а это более 300 фамилий, позволил наладить производство алмазов прежде в СССР, а теперь в Российской Федерации. Практически в его воспоминаниях нет места быту, жутким условиям, в которых жили первопроходцы: отсутствие жилья, тепла, еды, одежды, лекарств, врачей. А ведь они были молоды, у них рождались дети, которые делили все невзгоды со своими родителями. Конечно, особенно трудно приходилось специалистам женщинам-матерям. Нужно было не только успешно работать, разъезжать по бескрайним просторам Урала и Якутии, оставляя даже больных детей на посторонних людей, (никаких педиатров, яслей и детских садов не было), но и поддерживать семейный огонь, создавать уют и проявлять заботу (рис. 6, 7).

Интерес к истории открытия алмазов начался в 80–90-х годах XX века. Родители посылали свои очерки и воспоминания по просьбе работников музея г. Мирного. В 2000 году из Крестях приехала руководитель вновь созданного музея М. Х. Конобулова, и ей (а также через постпредство Якутии-Саха — заместителя министра культуры в те годы) я передала копии более 30 фотографий в формате А-3, а также более 10 кг писем, рукописей, личных вещей отца для музея в пос. Крестях, недалеко от которого на косе Соколиной были найдены первые алмазы и куда наша семья с Урала была направлена в 1950 году.

До выхода журнала «На службе Отечеству», изданного под руководством В. В. Пассека, вышла книга «Да, были люди в наше время» к столетию организации «Общество потомков участников Отечественной войны 1812 года» по издательской программе Правительства Москвы при финансовой поддержке Департамента средств массовой информации и рекламы г. Москвы, под редакцией В. И. Алявдина и А. С. Яновского (М. : Национальный фонд «Возрождение русской усадьбы» : Издательский дом «Лига», 2013. 368 с.).

В ней удалось опубликовать отрывок из тогдашней рукописи В. Д. Скульского «Поиски алмазов на Среднем Урале и в Якутии», который появился благодаря настойчивости Андрея Сергеевича Яновского, с его комментариями: «В те годы, чтобы помочь десяткам обессиленных “врагов народа”, нужно было иметь большое мужество, а Владимир Дмитриевич к тому же и сам числился сыном “врага народа”» (Дмитрий Аркадьевич был реабилитирован только в 1989 году) (рис. 8, 9).

Рис. 6. Л. В. Скульская в Доме Ученых РАН представляет воспоминания В. Д. Скульского. 2014 (семейный архив)

Рис. 7. У Дома Ученых после презентации воспоминаний В. Д. Скульского. Крайний слева В. В. Пассек (семейный архив)

КОРДОН Медведка 8 марта 1944 г.

Рис. 8. Рисунок В. Д. Скульского (семейный архив)

Медведкинская россыпь. Промывка алмазоносных "песков" вручную - на ваяхгерде. Берег р. Кайгы, июнь 1944 г.

Рис. 9. Рисунок В. Д. Скульского (семейный архив)

«Наступил ноябрь с морозами и снегом (год или 1947 или 1948. — *Прим. авт.*), и как-то утром мы услышали собачий лай и увидели спускающуюся с Медведкинской горы людскую ленту, медленно ползущую по лесной дороге в направлении поселка. Впереди шли автоматчики с овчарками, а за ними будущие строители Медведкинского прииска со своими котомками. Колонну замыкали овчарки и автоматчики. Шествие проследовало в сторону Тюшевского, а через час пришел А. Г. Пахматов и спросил: “Что будем делать? ведь они оставили на дороге тех, кто обессилел и упал...” Времени для рассуждений и раздумий не оставалось. Сняли мы всех лошадей с вывозки песков, “палубы” — ящики, в которых вывозят породу, — заменили коробами — большими плетеными полукорзинами, набили их сеном, собрали, что было теплого, и послали этот обоз собирать оставших. По счастью, никто не замерз и все подобранные были доставлены в пос. Тюшевской в целостности и сохранности. Вскоре между Медведкой и Тюшевским вырос лагерь, огороженный сплошным забором с колючей проволокой и вышками по углам».

Бесстрашие, волю, честность и сострадание к ближнему отец унаследовал от своего отца. Дмитрий Аркадьевич Скульский (1875–1943) окончил Санкт-Петербургский университет как юрист и работал судебным следователем в Москве, Твери, Рыбинске. В связи с тем, что Д. А. Скульский открыто участвовал в организации Рыбинского отдела конституционно-демократической партии, министром юстиции был издан приказ о его переводе в г. Конотоп Черниговской губернии. Он подвергся преследованиям со стороны губернской администрации. В личной беседе с министром ему было сказано, что как о следователе о нем имеются «самые лучшие отзывы» и перевод в Конотоп связан лишь с его политической деятельностью. Выборы в Первую Госдуму проходили в тяжелых условиях. «Из Тамбова и Ярославля, Одессы и Умани, Уфы, Симферополя и Минска и множества других городов доходили сведения, что собрания членов конституционно-демократической партии не разрешаются, распространение ее программ и афиш не допускается», — писали в газетах того времени (рис. 10, 11).

Д. А. Скульский стал членом Государственной Думы Первого созыва 1906 года. Дума просуществовала всего 72 дня, часть депутатов собралась в Гельсингфорсе (Хельсинки), составили «Выборгское воззвание», которое подписали 180 депутатов.

*Рис. 10. Дмитрий Аркадьевич Скульский (1875–1943)
(семейный архив)*

*Рис. 11. Супруга Д. А. Скульского Мария Петровна,
ур. Куломзина (1877–1935), с детьми – Володией и Таней.
1911 г. (семейный архив)*

В воззвании говорилось: «Граждане всей России! Вы поручили нам добиваться земли и воли. Исполняя ваше поручение и наш долг, мы составляли законы для обеспечения народу свободы, мы требовали удаления безответственных министров, которые, безнаказанно нарушая законы, подавляли свободу, но прежде всего мы желали издать закон о наделении землею трудящегося крестьянства путем обращения на этот предмет земель казенных, удельных, кабинетских, монастырских и т. д.

Правительство признало такой закон недопустимым, был объявлен роспуск народных представителей. Вместо нынешней Думы Правительство обещает создать другую через семь месяцев. Целых семь месяцев Россия должна оставаться без народных представителей в такое время, когда народ находится на краю разорения, промышленность и торговля подорваны. Когда вся страна охвачена волнением и когда министерство окончательно доказало свою неспособность удовлетворить нужды народа. Целых семь месяцев Правительство будет действовать по своему произволу и будет бороться с народным движением, чтобы получить послушную, угодливую Думу, а если ему удастся совсем задавить народное движение, оно не соберет никакой Думы.

Граждане! Стойте крепко за поправленные права народного представительства, стойте за Государственную Думу. Ни одного дня Россия не должна оставаться без народного представительства. У вас есть способ добиться этого: Правительство не имеет права без согласия народного представительства ни собирать налоги с народа, ни призывать народ на военную службу. А потому теперь, когда Правительство распустило Государственную Думу, вы вправе не давать ему ни солдат, ни денег. Если же Правительство, чтобы добыть средства, станет делать займы, заключенные без согласия народного представительства, отныне недействительны, и русский народ никогда их не признает и платить по ним не будет. Итак, до созыва народного представительства не давайте ни копейки в казну, ни одного солдата в армию.

Будьте тверды в своем отказе, стойте за свое право все, как один человек. Перед единой, непреклонной волей народа никакая сила устоять не может.

Граждане! В этой вынужденной, но неизбежной борьбе ваши выборные люди будут с вами. 9-го июля 1906 г.»

Судили 167 депутатов. В числе обвиняемых были князя Оболенский, Урусов, Дм. Шаховской, граф П. П. Толстой, барон Штейнгель, а среди потомственных дворян Д. А. Скульский. Подписанты

«Выборгского воззвания» были лишены избирательных прав, им было запрещено занимать государственные должности, и на 3 месяца их заключили в тюрьму.

В любимской тюрьме Д. А. Скульский написал воспоминания «Девять лет в судебном ведомстве», переданные им в Тверской архив через знакомого — Андреевского. На эту рукопись ссылаются ряд историков в статьях, диссертациях, книгах, однако до сих пор рукопись не издана. Наши попытки издать ее по гранту в 2015 году не увенчались успехом.

В советское время Д. А. Скульский несколько раз был арестован, лишен работы, а в 1929 году ОГПУ сфабриковало дело по антисоветской деятельности и организации контрреволюционной церковно-монархической группы «ИПЦ», куда входило 117 человек, из них 6 руководителей, а первым руководителем назван Д. А. Скульский, бывший член Государственной Думы. В вину ему ставилось и то, что он был юрисконсульт митрополита Агафангела (в миру Преображенского Александра Лаврентьевича), причисленного к лику святых в 2000 году. Был арестован и сослан в Соловецкий лагерь — СЛОН (рис. 12).

Судьба практически всех членов Первой Государственной Думы была трагической. Летом 1926 года в газетах было опубликовано сообщение ГПУ о расстреле двадцати человек. Первым в списке был князь Павел Дмитриевич Долгоруков. Дмитрий Иванович Шаховской был арестован в 1939 году при Берии в возрасте 78 лет и погиб.

Отец Дмитрия Аркадьевича — Аркадий Васильевич Скульский — сын любимского (уездного) предводителя дворянства Василия Николаевича — участника Заграничных походов 1813–1814 годов, пример служения Отечеству и народу (рис. 13, 14).

Он был участником Крымской войны (1853–1855), Альминского сражения (8.09.1854), ротным командиром Владимирского полка. Его имя было выбито как погибшего на памятнике Владимирскому полку, а также на одной из плит в храме Святителя Николая на Братском кладбище Севастополя. Но по воле Божией Аркадий Васильевич тяжело раненным был подобран противником и увезен из России. После возвращения из плена через год вышел в отставку и стал земским деятелем — мировой посредник первого призыва, председатель Любимской, а затем Ярославской земской управы. Практически все свои земли на льготных условиях передал своим крестьянам, оставив за собой только пустоши, необходимые для имущественного ценза на выборных должностях. Он много сделал для укрепления экономики

*Рис. 12. Д. А. Скульский после
Соловецкого лагеря, 1942 г.
(семейный архив)*

*Рис. 13. А. В. Скульский (1832–1887)
(семейный архив)*

*Рис. 14. Супруга А. В. Скульского
Анна Николаевна,
ур. Черевина (1847–1918)
(семейный архив)*

Ярославского края, издавал «Вестник Ярославского земства», и его заместителем по редакторской деятельности был известный ярославский поэт Леонид Трефолев. В 1876 году в Ярославле вышло поэтическое переложение А. В. Скульского «Слово о полку Игореве». В предисловии к изданию его перевода он пишет: «Слово о полку Игореве» составляет единственное, завещанное нам XII веком, наследство по народной поэзии, наследство тем более драгоценное, что и века позднейшие не представили нам ничего подобного». К тому времени уже было много переводов «Слова...», и среди них работы известных поэтов: Василия Жуковского, Аполлона Майкова, Льва Мея. В энциклопедии «Слова о полку Игореве» обращается внимание на оригинальность переложения древнерусского текста А. В. Скульского.

Кроме переложения «Слова...» им написан очерк «Две женские лжи» о Марии Нагой и Марине Мнишек, а также «Ярославль в 1608 и 1609 годах» и ряд работ, посвященных Ярославскому краю, имеющих актуальность и поныне. Современные историки обращаются к его трудам.

Более полная информация об Аркадии Васильевиче Скульском опубликована в статье Л. В. Скульской и Е. Е. Румянцевой «Значение генеалогического фактора для формирования позитивных основ развития общества (на примере исследований дворянского рода Скульских)» (Научный журнал КубГАУ. 2015. № 105 (электронная версия)), в сборнике, изданном Российским Дворянским Собранием «Крымская война 1853–1856 гг. в воспоминаниях потомков ее участников» (М., 2016. 118 с.), в газете «Дворянский вестник» за март 2005 года, а также в сборнике документов и материалов П. М. Ляшука и С. Ф. Сундукова «Сражение на берегах Альмы» (Симферополь : Антика, 2007. 159 с.).

В 2015 году делегация РДС — потомков участников Крымской войны — посетила Севастополь и места сражений. Л. В. Скульская как представитель рода П. А. и М. А. Перелешиных (троюродные братья А. В. Скульского) и А. В. Скульского выступала на митинге на Братском кладбище, посвященном 160-летию обороны Севастополя, в Севастопольской панораме, в училище имени Нахимова.

К сожалению, обращение в мэрию г. Ярославля с просьбой о памятной доске А. В. Скульскому на здании земской управы, где он прослужил 16 лет до своей кончины и многое сделал для города, не увенчалось успехом, так же как и установление памятной доски на доме, ранее принадлежавшем Скульским — с 1913 по 1917 год (здесь жил депутат Первой Госдумы Д. А. Скульский). Нет уважения у земляков к памяти

георгиевских кавалеров П. А. и М. А. Перелешиных в г. Буе Костромской области, куда обращались с просьбой увековечить память воинов, отстоявших Крымскую землю в 1854 году.

В Интернете меня нашла жительница г. Ярославля — педагог Наталья Пашутина, т. к. она решила воплотить в жизнь идею: создать музей, посвященный знаменитому любимскому земляку — Скульскому Аркадию Васильевичу. В интервью ярославскому телевидению она сказала: «Я родилась в пос. Соколином. В нашем Доме культуры сделан шикарный ремонт и вывеска на дороге “Туристический объект “Дворянская усадьба”. Когда я увидела такую красоту — заинтересовалась: “Дворянская усадьба — Дворянкино”; нашла фамилию владельцев “Дворянкино” Скульских».

Институт Наследия в 2016 году выпустил книгу: «Ярославские усадьбы», авторы В. В. Стерлина, Е. А. Графова, А. Б. Чижков, Ю. В. Стародубов (М., 2016. 193 с.), в которой на с. 54 указано: «Дворянкино, 8 км от г. Любима... В первой половине XIX в. по родству владел секунд-майор Н. Я. Скульский (р. 1768) с женой Н. В. Скульской, после их сын штабс-капитан В. Н. Скульский (р. 1796), женатый первым браком на В. Н. Зубовой, вторым — на К. П. Нелидовой (мать А. В. Скульского. — *Прим. авт.*).

Сохранились фрагменты бывшей подъездной дороги, обсаженной липами; аллеи лип и тополей. Отцу К. П. Скульской И. П. Нелидову принадлежала ныне утраченная усадьба Колышево».

Барский дом, по свидетельству местных жителей, разобрали в советское время для местных нужд, и дома нет, поэтому задумка сделать барскую усадьбу из Дома культуры, построенного в 1930 году, имеет право на существование, но нужна не только материальная, но и методологическая поддержка. Представляется целесообразным Институту Наследия обратить внимание на потребности общества, связанные с исторической ностальгией, победами и достижениями великороссов, стремлением прикоснуться в сельской глубинке к далекой и туманно красивой романтической жизни XVIII–XIX веков. Считаю, что необходимо издать методические указания: с чего начать и куда обращаться за помощью и что делать для использования клубов в сельской местности под музеи, привлечения энтузиастов по созданию таких музеев, а также привлечения туристов. Раз на местах появилась такая потребность, хорошо, если бы она была поддержана сверху учреждениями Министерства культуры.

Залогины

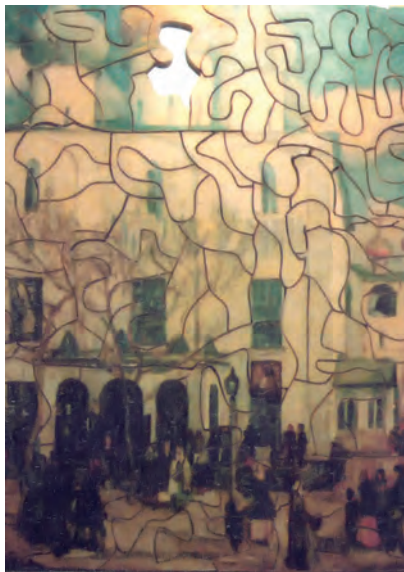
Моя мама родилась и жила до замужества в Таганке, в деревянном двухэтажном доме с тринадцатью окошками № 19 по Воронцовской улице в Москве (рис. 1).

Рис. 1. Воронцовская ул., д. 19,
принадлежавший Фряновской Мануфактуре «Дом Залогиных»

Помню, как в детстве нас с сестрой на Пасху от Красных ворот на такси за 1 рубль привозят в гости в этот дом. Мы входим в подъезд, который удивительно приятно пахнет, поднимаемся на второй этаж, попадаем в коридор с множеством дверей и открываем одну из них под мелодичный звон колокольчика, висящего над дверью. Нас встречают дедушка, дядя и тетя — мамы брат и сестра. К сожалению, бабушка умерла, когда сестра еще не родилась, и едва порадовалась моему рождению (мне был один год). Но я ее помню... После пасхальных угощений мы идем в соседнюю смежную комнату, где стоит огромный шкаф с зеркальной дверцей. И начинается сказка...

Открывается дверь шкафа, а там чего только нет: деревянные и стеклянные яички от крохотного до огромного, полого внутри с бубенчиками в круглых отверстиях в «скорлупе». Мы катаем яички с устроенной тут же горки... В старинных коробочках лежат картинки, наклеенные на фанеру и распиленные на кусочки, которые надо собрать (нынешние пазлы). Это стало моим любимым занятием, когда я немного подросла. Мы знаем, что эти картинки выпиливали раненые солдаты в лазаретах, думаю, еще в Первую мировую войну (рис. 2).

*Рис. 2. «Из кусочков выпиленных складываю...»
Фото Т. Ю. Татошкиной*

А еще бочонок с мелкими деревянными игрушечками и крюочек — бирюльки. Насыпаешь горкой бублики, самоварчик, чашечки и тому подобное и крюочком по одной вытаскиваешь, чтобы остальные не шелохнулись. А вот большая коробка с деревянными кирпичиками, из которых можно ставить длинную цепочку «солдати́ков».

Толкнешь крайнего, и все падают, задевая друг друга. А еще «стройка» — набор опять же деревянных кубиков, колонн, башенок, кирпичиков (доставшийся потом по наследству моим внукам) (рис. 3, 4). Еще разные головоломки и, конечно, мягкие игрушки, в которые играли моя мама (рис. 5), ее сестры и брат.

№ 8.

М

Рис. 3. Стройка

Рис. 4. Татьяна Юрьевна Татошкина (Железникова)

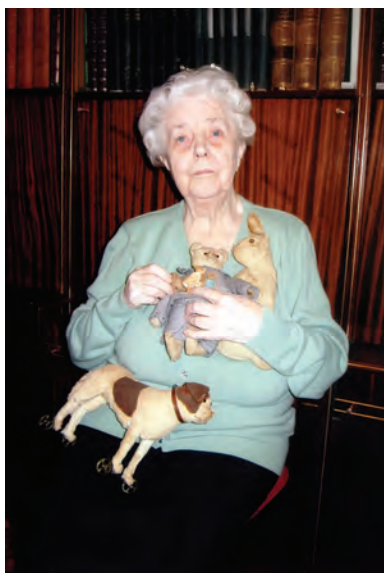

Рис. 5. Елена Михайловна Железникова

А в ящиках старинного стола множество книг: «Собачка бум», «Черничный дедка», «Апрелечка» и другие. Вероятно, благодаря этим детским впечатлениям меня всегда охватывает трепет перед стариной.

Мое детство пахнет ладаном
От старинных дедушкиных книг.
Шкаф зеркальный как окно в неведомое.
Глубина седых веков — и миг!

Из кусочков выпиленных складываю
Двор церковный, три ступеньки, вход.
На душе необъяснимо радостно.
Пасха! В Храм стекается народ...

Ах, как много было в жизни праздного!
Если б раньше знать, что близок он —
Двор церковный, вход, яичко красное.
Пасха! В Храм стекается народ!

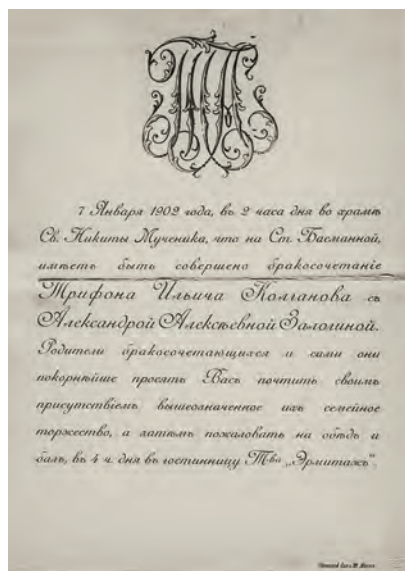

Рис. 6. Приглашение на бракосочетание

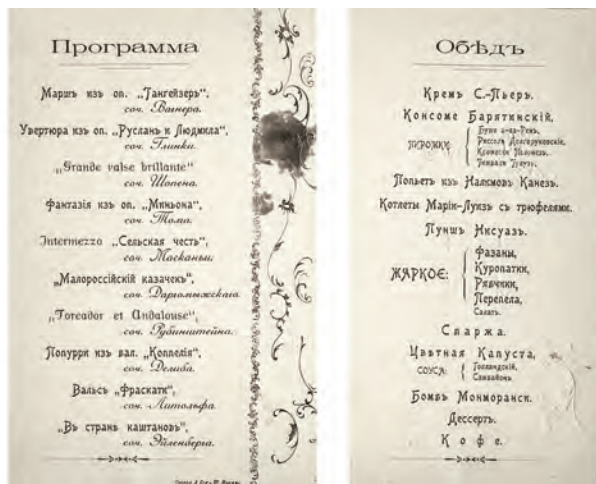

Рис. 7. Приглашение на бракосочетание

Кроме детских игрушек, у маминых родителей бережно хранилось множество старинных фотографий (к сожалению, далеко не все были подписаны), открыток с поздравлениями, писем, дневников, приглашений на свадьбы и т. п. (рис. 6, 7).

Первой занялась систематизацией всего этого богатства наша тетя, Екатерина Михайловна Конокотина, а затем наша мама, Елена Михайловна Железникова. Они начали составлять древо семьи, но оставалось много пробелов и вопросов. Когда тети уже не было в живых, мы обнаружили в семейном архиве два еженедельника. Один за 1837 год, где прадед маминого отца, житель Вязьмы, записывал разные события, происходящие в семье и городе. Одно из них он отметил как особо важное, указав не только в каком году и какого числа, но и во сколько часов начал учить сына Николая грамоте.

Второй еженедельник «Памятник веры» за 1845 год (рис. 8), который когда-то из-за ветхости папа отдал в переплет. В этом сборнике, где печатались даты церковных праздников, соответствующие им иконы, жития святых, стихи и рассказы, были предусмотрены чистые листы для записей. Мамины предки Залогины (почерки трех или четырех человек) также отмечали важные для себя даты, начиная с 1846 по 1906 год. К сожалению, когда книгу переплетали, многие даты (годы) попали под нож.

Увидев эти дневниковые записи, мой духовник посоветовал выписать все имена наших предков и помянуть их, помолиться о них. «А они будут молиться о вас», — сказал он. Я выписала 250 имен! Батюшка взял у меня этот список и трижды сам всех помянул.

Прошло совсем немного времени, и мы удивительным образом начали обретать давно утерянные связи с нашими близкими... Но об этом чуть позже.

Продолжив составление древа семьи, я поняла, что мне мешает множество одинаковых имен. И тогда муж сестры Ольги — Александр Викторович Боловинов сделал уменьшенные фотографии (которые хранились в семейном архиве) всех родственников. Мама их подписала — и древо сразу ожило! (рис. 9)

Еще одним источником, которым я пользовалась, стали исследования богородского краеведа Г. В. Равенского, взятые из Интернета. Хотя далеко не всё совпадало с записями в «Памятнике веры», данные Г. В. Равенского дополнили наш архив.

К сожалению, до настоящего исследования с изучением материалов, хранящихся в государственных архивах, я так и не дошла.

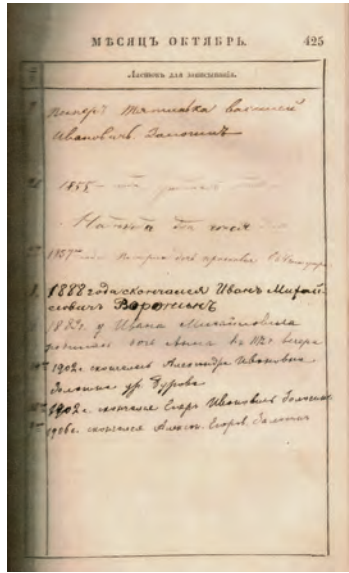

Рис. 8. Памятник веры

Рис. 9. Часть древа династии Залогиных

Рис. 10. Ирина Ивановна Залогина

Поэтому ниже буду ссылаться в основном на те данные, которые приводят в своих публикациях краеведы. В частности, А. Ю. Послыхалин в содружестве с историко-краеведческим музеем г. п. Фряново в 2015 году собрал сборник «Фряново: страницы истории» (в который вошли и материалы из наших архивов), посвященный 90-летию образования рабочего поселка Фряново. Там подробно описана производственная деятельность купцов Залогиных, наших предков.

Родоначальник будущей купеческой династии крепостной Иван Залогин (1754 – п. 1818) – выходец из села Следово Богородского уезда Московской губернии на реке Шерне. В 1818 году он с сыновьями был «отпущен на волю из дворовых людей» помещика Николая Ивановича Иохемсина (1789–1816), владельца сел Следово, Ямкино и деревень Соколово и Починки.

В нашем семейном архиве фотографии Ивана нет, зато хранится фотография его жены Ирины Ивановны (рис. 10).

Также есть краткие сведения об их детях: сыновья Егор, Василий, Алексей, Фёдор, Иван (и, вероятно, Афанасий) – будущие купцы и дочь Варвара (в замужестве Минаева).

Рис. 11. Василий Иванович

Рис. 12. Прасковья Филипповна

Больше всего известно о нашем непосредственном предке Василии Ивановиче (1784 – конец 40-х годов) (рис. 11, 12).

«Заведя собственную шелкоткацкую фабрику в селе Следово в 1834 году Василий Иванович вступил в первую купеческую гильдию. К 1843 году успешный фабрикант управлял крупным производством, насчитывающим 300 жаккардовых станов, на которых 395 рабочих производили платки, бархат, узорчатые материи и блестящий, похожий на атлас “сатен тюрк” на 253 640 рублей серебром в год.

Успешное развитие крупного по тем временам предприятия и внушительные благотворительные пожертвования позволили Василию Ивановичу вступить в почетное гражданство, распространявшееся на его потомков. По некоторым сведениям, при фабрике в Следове В. И. Залогин построил храм» (из альманаха «Фряново: страницы истории»).

Сохранилась копия Указа Николая I о присвоении Залогиным звания потомственных почетных граждан (рис. 13).

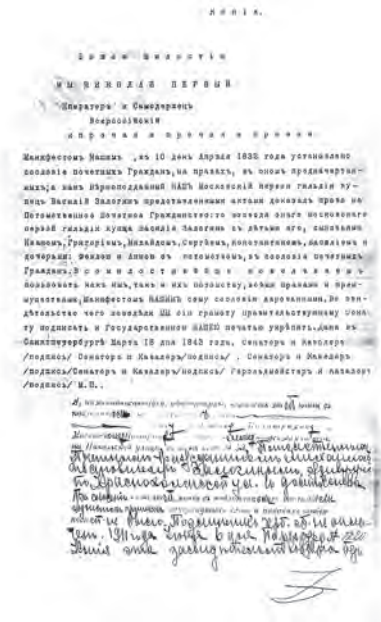

Рис. 13. Копия Указа Николая I

К 1847 году среди фабрикантов значатся уже и сыновья Василия Ивановича, и племянники.

В сведениях о московских шелкоткацких фабриках за 1847 год упоминаются фабрики Андрея Афанасьевича Залогина (племянника Василия Ивановича) (№ 135) в Басманной части, две фабрики умершего купца Ивана Егоровича (еще одного племянника Василия Ивановича), фабрика почетного гражданина Григория Васильевича Залогина с братьями (№ 164) в Рогожской части и почетного гражданина Ивана Васильевича Залогина (№ 156) в Лефортовской части.

Иван Васильевич (1817–1899) — это старший сын Василия Ивановича, а Григорий Васильевич (1820–?) с братьями Михаилом (1822–1876), Константином (1830–1879), Василием (1831–1882) и Сергеем (1825–1843) — также сыновья Василия Ивановича.

В 1849 году в словарной статье «Город Богородск» фабрика Залогиных в Следове была указана среди «важнейших шелковых фабрик края». По данным историка-краеведа Моисея Федоровича Федорова

(1905–1985), в 1857 году братья Михаил, Константин и Василий Залогиньы купили во Фрянове у купцов Ефимовых старую шелкоткацкую фабрику вместе с усадьбой, парком и 24 десятинами земли за 40 000 рублей (из этой суммы земля обошлась новым собственникам в 252 рубля).

Далее привожу выдержки из альманаха «Фряново: страницы истории»¹ везде, где речь идет о промышленной деятельности Залогиньых. «Изначально братья хотели перевести предприятие на работу с шерстью. Страна нуждалась в качественной и притом дешевой шерстяной пряже. Пока шла модернизация производства, братья присоединились к идее старшего брата Ивана, купца I гильдии, учредившего одно из первых в России акционерных обществ под названием “Компания Российской Шелкопрядильной мануфактуры”, решившего производить плотную и достаточно дорогую шелковую ткань под названием “бур-де-суа”, требовавшую самого дешевого и низкокачественного сырья.

2 мая 1858 года император Александр II лично утвердил устав Компании. Складной капитал определялся в 250 тысяч рублей серебром. Кроме братьев Залогиньых в товарищество вошли Н. И. Каулин, Федор Евграфович Латышев, братья Павел и Сергей Третьяковы и другие. Идея, поначалу казавшаяся “золотым дном”, не была реализована.

Но Компания не распалась, а 4 сентября 1859 года император Александр II утвердил Устав Товарищества Фряновской шерстопрядильной мануфактуры. Складной капитал определился в 300 тысяч рублей, разделенных на 60 паев по 5 тысяч рублей каждый. Учредителями значились Первой гильдии купцы Иван Васильевич Залогин (10 паев), Николай Иванович Каулин (10 паев), Второй гильдии купцы Михаил, Константин и Василий Васильевичи Залогиньы (каждому по 8 паев), ярославский купец Иван Михайлович Воронин (муж сестры Залогиньых Анны) (6 паев) и московский Второй гильдии купец (из села Ямнино) Федор Никитич Самойлов (10 паев). С первых же дней своего существования Товарищество столкнулось с большими трудностями в поставках шерсти. Поэтому в течение еще пяти лет на Фряновской фабрике сохранялось шелкоткачество.

¹Фряново: страницы истории : альманах интернет-журнала «Подмосковный краевед» (№ 1) / А. Ю. Послыхалин. — М., 2015. — 200 с.

Рис. 14. Александра Васильевна
Залогина

Рис. 15. Василий Васильевич
Залогин

К 1860 году Иван Васильевич со своим компаньоном Н. И. Калиным открыл в двух километрах от Твери бумаготкацкую фабрику. Младшие братья Ивана Васильевича также обратились к хлопчато-бумажному производству. В 1864 году шелковое дело на фабрике было окончательно упразднено. Переустройство предприятия не позволило участвовать в ближайшие годы в выставках русских мануфактурных произведений. Но производство не останавливалось, и к 1871 году, благодаря энергичной деятельности Василия Васильевича Залогина (рис. 14, 15), во Фряново начались новые крупные преобразования.

Предприятие остро нуждалось в новых инвестициях, и в 1871 году капитал Товарищества Фряновской шерстопрядильной мануфактуры, первоначально определенный в 300 000 рублей, возрос до 600 000 рублей и был разделен на 120 паев по 5000 рублей каждый. Желая вывести производство за пределы центральной части поселка, загроможденного внушительными каменными корпусами старой помещичьей фабрики, со всех сторон окруженной Фряновской мещан-

ской слободой, В. В. Залогин в том же 1871 году, заключив договор с обществом мещан Фряновской слободы об аренде земли, начинает строительство новых фабричных корпусов для выработки английской пряжи на правом берегу реки Киленки.

Мещане, бывшие посессионные рабочие, не так давно отказавшиеся от освобождения в вольное состояние, видимо желая повернуть время вспять и вновь устроить так, чтобы их нельзя было уволить с фабрики, в качестве одного из условий аренды земли выдвинули требование “всех устроить на работу”. Думается, фабрикант был несколько удивлен таким оборотом дела и, сбив стоимость аренды, согласился с этим пунктом, тем более что законодательной поддержки это требование все равно не могло найти. По воспоминаниям фряновского старожила П. И. Рогожина, “Залогин — простак, и с большой хитрецей оказался”.

Тогда же Фряновская мануфактура была оснащена паровой машиной в 80 лошадиных сил и водяной турбиной в 12 л. с., установленной на плотине, построенной у Новой фабрики. На фабрике работало 8000 прядильных и 1000 крутильных веретен. Новая фабрика была сравнительно небольшой и к 1883 году занимала всего пять десятин, тогда как старая фабрика с усадьбой и парком занимала “на горе” семь десятин. Одновременно неподалеку были построены дома для фабричных служащих.

Будучи гласным Богородского Земства, В. В. Залогин на свои средства в 1879 году открыл на фабрике Земскую школу для детей рабочих на 35 мест, содержание которой обходилось фабриканту около 400 рублей в год. В одном из флигелей старой фряновской усадьбы он открыл амбулаторию.

С 1880 года на Новой фабрике было запущено производство камвольной пряжи. Мануфактура окончательно перешла на шерстопрядение. В 1882 году продукция Товарищества Фряновской шерстопрядильной мануфактуры впервые была представлена на Всероссийской художественно-промышленной выставке в Москве. Эксперты признали, что пряжа выпускалась “хорошего качества”. Предприятие получило награду III-й категории.

Около этого времени фряновская фабричная школа была преобразована в училище при фабрике. В 1882 году училище содержалось на средства попечителя Сергея Васильевича Залогина (1866–1943). Обучение было трехгодичным. По окончании курса мальчикам выдавалось свидетельство по третьему разряду воинской повинности (льгота на два года).

**Алексей Михайлович
Залогин с семьёй**

Рис. 16. Алексей Михайлович Залогин с семьёй

В 1885 году попечительство над учебным заведением перешло к Алексею Михайловичу Залогину (1846–1895) (рис. 16) — старшему сыну Михаила Васильевича, расходовавшему на школу до 130 рублей в год, а после его смерти снова вернулось к С. В. Залогину. В 1890 году инспекция отметила, что училище было лучшим во всем Богородском уезде.

19 февраля 1892 года (или 1891 года) на Новой фабрике случился пожар, уничтоживший главное производственное здание. Но это печальное событие, как ни странно, имело благоприятные последствия для дальнейшего развития предприятия. На полученную страховку Залогин на правом берегу реки Киленки отстроили новое главное трехэтажное краснокирпичное здание фабрики. Для обеспечения строительства при фабрике был построен собственный кирпичный завод, действовавший продолжительное время. Тогда же фабрика была оснащена новой паровой машиной и электрическим освещением» (рис. 17).

*Рис. 17. Фабрика Товарищества
Фрянновской Шерстопрядильной Мануфактуры*

о. Николай Красновский

Рис. 18. Николай Красновский

Рис. 19. Историческое описание церкви

Оставляю на время производственные дела династии Залогиных и обращаюсь к еще одной реликвии из нашего семейного архива. У нас сохранилась книга, составленная настоятелем храма Воскресения Словущего в Таганке (ныне не существующего) священником Николаем Красновским с историческим описанием церкви с ее причтом и приходом (рис. 18, 19).

Василий Васильевич Залогин с июля 1880 года до весны 1882 года был старостой этого храма. Вот что пишет о Залогиных отец Николай: «Уже фамилия этого старосты достаточно говорит о том, каков он был. Залогины — старинные жители нашего прихода. Их фамилия всегда была украшением и надеждою нашего прихода. Благочестие в жизни и усердие к храму Божию всегда были отличительными свойствами членов фамилии Залогиных. Эти же свойства имел и Василий Васильевич. Как человек искренно благочестивый, Василий Васильевич был первым и всегдашним посетителем нашего храма. Он был образцом для прихожан и глубоко уважаем ими. Естественно, что все прихожане с радостью приветствовали нового старосту, когда Василий Васильевич изъявил согласие принять на себя эти труды, и с гордостью произносили имя почтенного старосты. Но и ему не суждено было оставаться старостою: в начале 1882 года Василий Васильевич неожиданно умер. Оплакавши любимого старосту, прихожане

Иван Михайлович Залогин с семьёй

Рис. 20. Иван Михайлович Залогин с семьёй

просили, чтобы племянники покойного приняли на себя труд своего дяди. К сожалению, последние не могли исполнить настоятельной просьбы прихожан, так как вследствие неожиданности смерти Василия Васильевича, ведшего все дела, сами они очутились в затруднительных обстоятельствах и должны были поставить в порядок собственные дела». Однако после смерти Василия Васильевича и до избрания нового старосты в июне 1882 года должность старосты исправлял племянник Василия Васильевича Иван Михайлович Залогин — младший сын Михаила Васильевича (рис. 20).

А теперь настал черед рассказать о наших чудесных обретениях родственных связей, казалось бы навсегда утерянных.

Товарищество Фряновской мануфактуры имело свое представительство во Франции, которым заведовал Сергей Васильевич Залогин. После революции он уехал за границу и до 1937 года регулярно высылал родным деньги, на которые можно было купить продукты в Торгсине. О дальнейшей его судьбе нам ничего не было известно. Но вот моя сестра Ольга Юрьевна с мужем Александром Викторовичем нашли в Париже на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа могилу Сергея и его жены Софьи и познакомились с ее родными, от которых узнали о жизни за границей и смерти Сергея Васильевича (рис. 21–23).

Рис. 21. Могила Сергея Васильевича Залогина и его супруги

Рис. 22. Сергей Васильевич Залогин

Рис. 23. Софья Ильинична Залогина

О Георгии Васильевиче и его потомках нам тоже было мало что известно, кроме фотографий во Фрянове. Следы Григория Васильевича и вовсе затерялись. Наиболее полно мы знали о семействах Василия Васильевича и Михаила Васильевича, но и то не до конца.

У Василия Васильевича и Александры Васильевны было восемь детей (рис. 24–31).

Рис. 24. Анна

Рис. 25. Екатерина

Рис. 26. Юлия

Рис. 27. Александра

Рис. 28. Лидия

Рис. 29. Надежда

Рис. 30. Георгий

Рис. 31. Сергей

А у Михаила Васильевича (рис. 32) и Александры Ивановны (рис. 33) 14 детей, из которых шестеро умерли в младенчестве. В живых остались Алексей, Вера (рис. 34), Анастасия, Александра (рис. 35), Надежда, Василий, Анна (рис. 36), Иван.

Рис. 32. Михаил Васильевич
Залогин

Рис. 33. Александра Ивановна
Залогина

Рис. 34. Вера

Рис. 35. Александра

Рис. 36. Анна

Мамин дедушка Николай Герасимович Никольский был женат на Екатерине Васильевне Залогой (рис. 37–39). Он являлся одним из директоров правления Товарищества Фряновской шерстопрядильной мануфактуры (рис. 40).

Рис. 37. Николай Герасимович
Никольский

Рис. 38. Екатерина Васильевна
Залогина

Рис. 39. Николай Герасимович
с женой и детьми

Рис. 40. Николай
Герасимович

Будучи душеприказчиком одного из главных вкладчиков предприятия Федора Никитича Самойлова (1817–1893), он получил по завещанию последнего внушительный капитал размером в 98 555 рублей (который мануфактура была должна Самойлову), в пользу Товарищества, с условием выплаты 5% ежегодно в Московскую купеческую управу на богоугодные или благотворительные дела. В 1895 году Иван Васильевич Залогин и Николай Герасимович внесли в Николаевскую Берлюковскую пустынь Богородского уезда Московской губернии 20 тысяч рублей на постройку колокольни.

«Крупную сумму пожертвовал на это строительство и Андрей Иванович Лапин, женатый на Александре Васильевне Залогиней, сестре Екатерины.

В наши дни колокольня Николо-Берлюковского монастыря является второй по высоте в Подмоскowie, уступая 2 м 66 см колокольне Николо-Угрешского монастыря в городе Дзержинске и 8-е место по России» (из альманаха «Фряново: страницы истории»).

Николай Герасимович скончался в 1902 году. У нас сохранился некролог, напечатанный в газете (рис. 41).

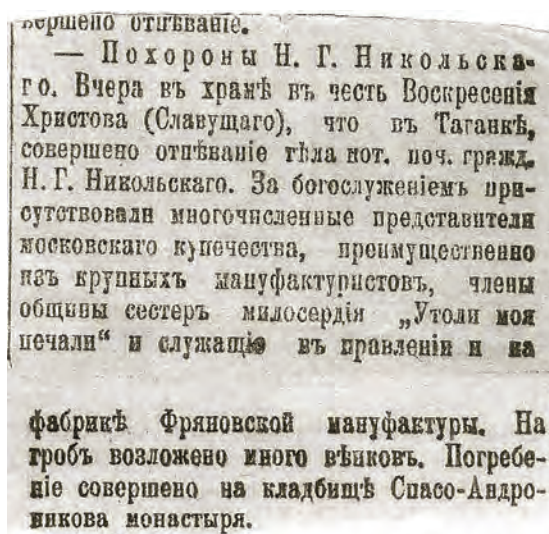

Рис. 41. Некролог Николая Герасимовича Никольского

В той же могиле в 1907 году была похоронена и его супруга, умершая от туберкулеза в Швейцарии в Давосе, где находилась на лечении (рис. 42).

Рис. 42. Екатерина Васильевна Залогина с дочерьми Анастасией (нашей бабушкой) и Марией

Рис. 43. В. Ф. Хандриков

Рис. 44. Анна Васильевна Хандрикова (Залогина) с сыном Васей

К сожалению, некрополь Спасо-Андрониковского монастыря в советское время был уничтожен, и у нас не осталось сведений о точном месте захоронения наших родных.

Старшая сестра Екатерины — Анна была замужем за Василием Федоровичем Хандриковым (врач Яузской больницы для малоимущих) (рис. 43, 44).

На Юлии женился Иван Николаевич Александров (доктор медицинских наук, врач-акушер) (рис. 45, 46).

*Иван Николаевич
Александров*

*Рис. 45. Иван Николаевич
Александров*

*Юлия Васильевна
Александрова (Залогина)*

*Рис. 46. Юлия Васильевна
Александрова (Залогина)*

Сергей Иванович Ставровский, вступивший в должность директора фабрики в 1912 году, был женат на Лидии Васильевне (рис. 47, 48).

Надежда Васильевна стала Стрелковой (рис. 49, 50).

Рис. 47. С. И. Ставровский

*Рис. 48. Лидия Васильевна
Ставровская (Залогина)*

***Василий Иванович
Стрелков***

Рис. 49. В. И. Стрелков

***Надежда Васильевна
Стрелкова (Залогина)***

*Рис. 50. Надежда Васильевна
Стрелкова (Залогина)*

*Рис. 51. Александра Васильевна
Лапина (Залогина)*

**Александра Васильевна
Лапина (Залогина)**

Еще одна сестра Александра Васильевна вышла замуж за Андрея Ивановича Лапина (рис. 51).

В первые годы XX века на передовые места в руководстве фабрикой во Фрянове выходят сыновья Василия Васильевича — Георгий Васильевич (1864–1932) и Сергей Васильевич (1866–1943).

Кроме того, в состав правления Товарищества вошли внуки Михаила Васильевича Залогина, сыновья его дочери Анны Михайловны Капцовой, — Николай (1883–1966), Сергей (1885–1932) и Михаил (1888–1931) Александровичи Капцовы (рис. 52) Два младших брата Михаил и Сергей были репрессированы в тридцатые годы. А старший Николай стал выдающимся ученым, профессором физического факультета МГУ, основателем школы советской электроники.

«В 1900 году вдова Александра Сергеевича Капцова Анна Михайловна купила шелкоткацкую фабрику Кондрашевых в деревне Фрязино (ныне город Фрязино Щёлковского района), где к 1903 году на ее средства был возведен поныне сохранившийся внушительный каменный трехэтажный фабричный корпус. В 1905 году руководство фирмой перешло к старшему сыну Николаю. В 1916 году на шелкоткацкой фабрике Торгового дома “Н. А. Капцов и Ко” работало 460 человек» (из альманаха «Фряново: страницы истории»).

*Анна Михайловна Капцова с сыновьями
Николаем, Сергеем и Михаилом*

Рис. 52. Анна Михайловна Капцова с сыновьями

Рис. 53. Матушка Флавиана

В грамоте о присвоении Василию Васильевичу с семейством звания почетного потомственного гражданина, кроме сыновей, указаны две дочери: Фекла, в монашестве Флавиана (рис. 53) и Анна.

Младшая же дочь Мария родилась в том же 1843 году, но, вероятно, уже позже вышедшего указа, поэтому там нет ее имени. Вот об этих двух младших дочерях нам ничего не было известно. Как вдруг в **2011 году** через общество краеведов при библиотеке имени Ключевского мы познакомились с Марией Васильевной Зубовой, оказавшейся нашей близкой родственницей по материнской линии. М. В. Зубова — художник, кандидат искусствоведения, член Московского союза художников и Московского союза архитекторов, профессор Московского архитектурного института (государственной академии), действительный член Академии архитектурного наследия. Автор учебника по истории средневековой архитектуры. Иконописец — написанные ею иконы в основном находятся в храме Преображения Покровского православного монастыря в Бюсси (Франция). Мария Васильевна хранит, изучает и печатает труды своего отца — философа и историка науки Василия Павловича Зубова.

Друг нашей семьи Николай Константинович Соболев принес на одно из заседаний общества взятые у нашей мамы свадебные приглашения конца XIX века. И Мария Васильевна сказала: «А у меня тоже есть эти приглашения». А когда она пришла к маме в гости и увидела альбом с фотографиями Залоговых, то была поражена, что точь-в-точь такие же фотографии хранились и у ее мамы (рис. 54, 55).

Оказалось, что прабабушкой Марии Васильевны была та самая Мария, младшая дочь Василия Васильевича. А Анна тоже нашлась в ее альбоме и оказалась женой Ивана Михайловича Воронина, компаньона Залоговых по Товариществу Фряновской шерстопрядильной мануфактуры. На этой знаменательной встрече присутствовала еще одна продолжательница рода Залоговых, но по линии Михаила Васильевича — Елена Александровна Залогина, которая дружила с мамой и когда-то жила в том самом доме на Воронцовской улице, до революции принадлежавшем Фряновской мануфактуре. У Елены Александровны есть старинный альбом с множеством фотографий с видами Фряновской усадьбы и ее домочадцев. И мы, наконец-то, собрались поехать во Фряново и посмотреть, что там осталось с тех давних времен.

*Рис. 54–55. Ольга Юрьевна Боловинова,
Мария Васильевна Зубова,
Елена Михайловна Железникова,
Елена Александровна Залогина*

Рис. 56. Георгий Васильевич Залогин

Во Фрянове нас ждало много приятных открытий и встреч. Усадьба дожила до наших дней практически нетронутой. В ней размещается музей, в котором один из залов посвящен Залогиным. Рядом с усадьбой храм, парк сохранился лишь частично. Нас приняли как дорогих гостей. Оказалось, что первыми родовое гнездо посетили потомки последнего хозяина Фряновской усадьбы Георгия Васильевича Залогина (рис. 56).

На встречу с нами они тоже приехали. В альбоме с видами Фряновской усадьбы была единственная сохранившаяся фотография с видом внутреннего убранства Фряновской церкви (рис. 57, 58).

Рис. 57. Фряновская церковь

Рис. 58. Фряновская церковь

Рис. 59. Фряновская усадьба

Мы внесли также уточнения по Залогинскому древу, как для себя, так и для составленного потомками Георгия Васильевича: его внучкой Еленой Георгиевной, дочерью Георгия Георгиевича, ее сыном Андреем Залогиним и потомком второго сына Георгия Васильевича Николаем Николаевичем (радиофизик, кандидат технических наук, лауреат государственных премий).

Мы узнали много подробностей о жизни в усадьбе (рис. 59).

«Семейства Залогиных, Ставровских, Александровых и Хандриковых проживали в главном доме фряновской усадьбы. На летний период из душной Москвы сюда привозили детей. Губернером Залогиных был Иван Александрович Витвер (1891–1966), впоследствии ставший известным советским ученым-географом. По семейным воспоминаниям Залогиных, он замечательно играл на рояле, знал несколько языков. В усадьбе устраивались музыкальные и театральные вечера и даже балы с многочисленными гостями. Помимо культурного развития, большое внимание в семье Залогиных уделялось спорту. Играли в городки, крокет, теннис, ездили на велосипедах, занимались легкой атлетикой, верховой ездой» (из альманаха «Фряново: страницы истории») (рис. 60–62).

Рис. 60. Жизнь в усадьбе

Рис. 61. Жизнь в усадьбе

Рис. 62. Пасха во Фряново

Рис. 63. Усадебный парк

Георгий Васильевич Залогин, художник-оформитель, увлекался благоустройством усадебного парка, высаживал редкие лекарственные растения и цветы (рис. 63).

«На рубеже веков Богородское уездное земство проложило новую дорогу, названную Ново-Хомутовским трактом, которая связала Фряново с селом Гребнево. Около этого времени Товарищество приобрело автомобиль французской марки “Берлие” (Berliet). Автомобиль на местных дорогах был большой редкостью. В 1914 году во всем Богородском уезде числилось 16 автомашин» (из альманаха «Фряново: страницы истории») (рис. 64).

«К началу XX века фабрика Залогиных стала одним из крупнейших шерстопрядильных производств в России. Высокие доходы предприятия и его солидное положение на рынке потребовали от фабрикантов более внимательно прислушиваться к велениям времени. Первое, на что обратили внимание Залогинины, — это недостаточное развитие инфраструктуры предприятия и Фряновской мещанской слободы. Для разработки архитектурных проектов и руководства новым строительством во Фрянове был приглашен незаурядный тридцатилетней архитектор Траугот Яковлевич Бардт (1873–1942), только что

Рис. 64. Автомобиль Verliet во Фряново

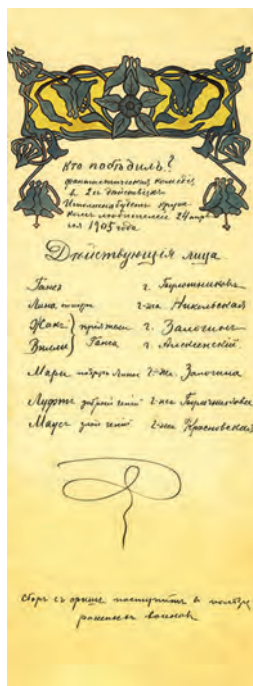

Рис. 65. Благотворительная афиша

окончивший Императорскую Академию художеств. В 1903 году по его проекту во Фрянове было возведено краснокирпичное здание общежития для рабочих. В 1904 году начались работы по постройке нового двухэтажного кирпичного здания двухклассного училища на 150 учеников, завершённые в 1907 году. 11 октября 1907 года Богородское уездное земское собрание постановило выразить благодарность С. В. Залогину «...за его труды и заботы по постройке нового здания для Фряновского училища».

В том же 1904 году при старой школе была открыта библиотека, обслуживавшая фряновцев и жителей окрестных сел и деревень. С 1902 года при фабрике действовал драматический кружок, руководителем которого был управляющий предприятием С. И. Ставровский» (из альманаха «Фряново: страницы истории»).

Благотворительные концерты и спектакли ставили и в Москве. Так, сбор от афиш, вручную написанных и разрисованных участниками любительского кружка в 1905 году, «поступил в пользу раненых воинов» (рис. 65).

«В том же 1904 году на должность главного врача фабричной больницы Залогина пригласили Сергея Осиповича Палька (1873–1941). По воспоминаниям следующего главного врача, Николая Николаевича Скворцова (1899–1974), Сергей Осипович поставил перед фабрикантами условие о постройке нового здания больницы и приобретении современного больничного оборудования. Проектирование здания также осуществлял Траугот Яковлевич Бардт. По словам Н. Н. Скворцова, «...новая больница строилась быстро и в 1906 году была открыта на 15 коек. В кирпичном корпусе размещалось общее отделение из двух палат по 5 коек и родильное отделение на 5 коек. В общем отделении находилась операционная и перевязочная. В проектировании больницы непосредственно участвовал Сергей Осипович Пальк. Здание было электрифицировано, имело центрально-водяное отопление, водопровод и канализацию, а также приточно-вытяжную вентиляцию. Стационар был хорошо оборудован и снабжен соответствующим инвентарем. Помимо хирургического инструментария, были приобретены микроскоп, термостат, автоклав, электромагнит Гиршберга, интубационный набор, аппарат Пакалена и большое количество инструментов по родовспоможению.

Одновременно поблизости от кирпичного здания больницы было построено деревянное здание амбулатории с кабинетом врача, перевязочной и аптекой, здание инфекционного отделения, здания

кухни, прачечной и два небольших дома для медицинского персонала. Был увеличен и штат работников...» (из альманаха «Фряново: страницы истории»).

В октябре 2014 года на 10-летие Фряновского музея в его стенах была организована встреча потомков купеческих родов. И там мы вновь обрели родственников — потомков Лидии Васильевны Залогинной (Ставровской): ее праправнучек Елизавету Ставровскую и Марию и их дядю В. А. Ставровского, снявшего фильм о судьбе Ставровских. Там же мы познакомились с потомком старшего брата Василия Васильевича Ивана Васильевича Залогина — Дмитрием Александровичем Птицыным (ученый секретарь Института астрономии РАН, 1949–2018) (рис. 66).

Дмитрий Александрович был также потомком таких родов, как Абрикосовы, Хлудовы, Мухины, Птицыны. В декабре того же 2014 года все вновь обретенные родственники встретились в доме моей сестры (мамы уже не было в живых) в Таганке.

Были еще встречи в библиотеке имени Ключевского: с фряновскими работниками музея Е. Е. Черновой и ее мужем краеведом А. Ю. Послыхалиным и с родственницей Капцовых-Брашневых Еленой Николаевной Будько.

Залогины, Капцовы, как и все купеческие семейства, были благотворителями, жертвовали значительные средства на постройку и содержание учебных заведений, богаделен и больниц. Краеведы библиотеки организовали встречу с директором и работниками музея при лицее имени Капцовых.

А еще в Центральном музее древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублёва на встречах под названием «Живое наследие памяти» мы познакомились с Дмитрием Петровичем Абрикосовым, тоже оказавшимся нашим родственником.

Приезжали к нам гости из Перми, потомки старшего сына Хандриковых — Василия...

О каждой ветви древа Залогиных можно рассказывать отдельно.

Есть в наших архивах и воспоминания о Великой Отечественной войне: мой дядя Георгий Михайлович Конокотин, проживший всю войну в Москве, оставил дневник с описанием каждого дня войны (рис. 67). Мама с папой были участниками войны. Но обо всем не расскажешь, хотя это тоже уже история.

**Тверитиновы.
Традиции самоотверженного служения Отечеству**

Захватывающее занятие — изучение генеалогии своего рода — приводит к неизбежной идентификации себя как частицы великой истории великой страны.

Путешествуя вместе с предками по времени, по просторам и лабиринтам истории, невозможно не наполниться их жизнью, не проникнуться их чувствами и переживаниями, не полюбить Родину. Человек, приобщившийся к своей генеалогии, уже не существует просто сам по себе, а попадает в особую структурную систему, которая всегда и во всем его поддержит и направит. Свидетельствую, что отчетливо ощущаю на себе благодатное влияние исходящей от предков обратной связи, причем не только духовной, но и необъяснимо реальной. Это явление придает энергию и силу, вселяет веру и надежду, наделяет способностью любить. Делает меня порой неуязвимым, стойким, парящим. Поддерживает во всех невзгодах, защищает от многих житейских неурядиц, превращая их, в сравнении с вечностью, в никчемную пыль. Дарит бессмертие! У каждого есть возможность сделать для себя это открытие.

Дворянская фамилия Тверитинов¹, произносимая, по семейным преданиям разных ветвей, с ударением на первое «и», имеет топонимическое происхождение, обозначающее выходцев из Твери, и, как семейное прозвище, появилась, вероятнее всего, в XV веке — в период утраты Тверью своего могущества. Во всяком случае, феодальное происхождение рода прослеживается с Новгородских берестяных грамот того времени. По другой версии, фамилия могла возникнуть у дворянина или сына боярского по месторасположению поместья, полученного при зачислении на военную службу. Но уже в XVI веке Тверитиновы появляются в Рязанском крае. Эта отрасль рода повела свой условный отсчет от сына боярского **Неклюда Обрютина сына Тверитинова**,

¹ URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Тверитиновы>.

упоминаемого в качестве рязанского помещика с 1556 года². (Неклюд и Обрюта — прозвища.) Отсутствие какой-либо «легенды» свидетельствует о российском происхождении рода. Одним из несомненных предков рязанских Тверитиновых является **Кондратий Иванов сын Тверитинов**, погибший, защищая Рязань от ногайских татар во время их неоднократных набегов зимой 1551–1552 годов. За свой ратный подвиг Тверитинов был помещен в единый общероссийский «Синодик по убиенным во бранях» для вечного поминовения. «Синодик» был основан указом Ивана Грозного 21 июня 1548 года по благословению митрополита Макария и, говоря современным языком, предписывал самому митрополиту со всем духовенством исполнять по убиенным во бранях панихиды и обедни в Успенском соборе Кремля, всех церквях Москвы и посада во все «прочия лета».

Известно, что с XVI века Тверитиновы традиционно несли «Государеву Службу» в коннице на разных стадиях ее развития: в поместной коннице, в рейтарах, драгунах и других видах кавалерии. С середины XVIII века у Тверитиновых стали формироваться и другие служебные традиции. Появились потомственные пехотинцы и потомственные моряки. Но общей сутью всех традиций оставалось самоотверженное служение Отечеству.

Пехотинцы отличились мужеством и храбростью, за что неоднократно награждались. Так, например, Аннинский кавалер **Алексей Самсонович Тверитинов** (1781–1815) за сражения с наполеоновскими войсками в 1807 году при р. Алле, под Хейльсбергом и Фридландом, был награжден Александром I золотой шпагой с надписью «За храбрость» в сопровождении Императорского рескрипта³. Его двоюродный правнучатый племянник **Александр Николаевич Тверитинов** (1879–1941), полковник, последний командир 140-го пехотного Зарайского полка Российской Империи, участвовал в Русско-японской и Первой мировой войнах. Его послужной список включает 7 боевых орденов от Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» до генеральского Св. Владимира 3-й степени с мечами, Георгиевское оружие, солдатский Георгиевский крест с лавровой

²Русский дипломатарий / отв. ред. А. В. Антонов. — М., 2003. — Вып. 9. — С. 242; Памятники русской письменности XV–XVI вв. Рязанский край. — М., 1978. — С. 53, 111, 113.

³*Тверитинов А.* Рязанские Тверитиновы в Наполеоновских войнах / Алексей Тверитинов. — URL: <http://www.history-ryazan.ru/node/5884>.

*Рис. 1. Александр Николаевич Тверитинов
с супругой Елизаветой Ивановной, урожденной Беляевой,
и детьми Николаем и Еленой.
Фото до 1917 года из семейного архива Тверитиновых*

ветвью, ряд медалей, внеочередные звания за отличия, Высочайшее благоволение и прочее⁴ (рис. 1).

Тверитиновы — моряки отличились в истории Отечества своей созидательной деятельностью. Особо стоит отметить, что судьбы некоторых морских семей Тверитиновых оставили определенный исторический след в вопросе о принадлежности Крыма и Севастополя. Основателем морской династии, в четырех поколениях дававшей Российскому флоту морских офицеров, был генерал-майор по Адмиралтейству **Алексей Владимирович Тверитинов** (1742–1798). Он родился в родовом рязанском имении Гласково, а свой жизненный путь закончил в Севастополе, который и строил. Алексей Владимирович Тверитинов посвятил свою жизнь возрождению Азовского, созданию и становлению Черноморского флотов. Его служебная биография представлена в Русском биографическом словаре «деятелей,

⁴Тверитинов А. Д., Тверитинов Н. Н. Александр Николаевич Тверитинов : (Судьба полковника царской армии). — URL: <http://www.history-ryazan.ru/node/5682>.

отличившихся на службе Отечеству и заслуживших право на память в потомстве»⁵ и ряде других публикаций. В 1761 году гардемаринном он участвовал в осаде с моря Кольбергской крепости во время Семилетней войны, в которой участвовал и его отец Владимир Борисович Тверитинов (1722–?)⁶. Затем был направлен в Азовскую флотилию. Летом 1773 года Алексей Владимирович сражался с турецким десантом у Балаклавы, а летом 1774 года он принял серьезное боевое крещение при защите Керченского пролива от турецкого флота, более чем втрое превосходившего силами русскую эскадру. В результате ожесточенного боя турецкие корабли с уроном отступили и ушли в море. Приобретая к 1777 году немалый опыт, Алексей Владимирович участвовал в организации работ по воссозданию Азовского флота. В их числе было исследование и описание лесов для кораблестроения, измерение глубин р. Донец для выявления проходимости судов и выбора мест для постройки верфей. В 1783 году он участвовал в первом подробном исследовании Ахтиарской бухты. Результатом исследования было подтверждение необычайного удобства этой гавани для возможности размещения в ней вплоть до 100 линейных судов. Здесь в том же году была основана русскими моряками главная база будущего Черноморского флота и заложен город, в строительстве которого Алексей Владимирович Тверитинов принял самое непосредственное участие⁷. Так зарождался легендарный Севастополь. К началу Русско-турецкой

⁵Русский биографический словарь. — СПб., 1912. — Т. 20. — С. 380–382.

⁶Владимир Борисович Тверитинов (1722–?) — подпоручик Шлиссельбургского пехотного (мушкетерского) полка. Прошел с боями всю Семилетнюю войну 1756–1763 годов. В том числе участвовал в жестоких сражениях августа 1757 года при Гросс-Егерсдорфе и августа 1758 года при Цорндорфе. Далее, до окончания войны, находился в боевых походах в Силезии, Брандербургии и Померании «в беспрестанных противу неприятеля сражениях». Из-за многочисленных ран и увечий, засвидетельствованных осмотром Государственной военной коллегии 17 июля 1763 года, Владимир Борисович Тверитинов был отставлен от каких-либо военных и статских служб вовсе. — ГАРО. Ф. 98. Оп. 8. Д. 49. Св. 54. Л. 14. Указ об отставке; РГИА. Ф. 1343. Оп. 30. Д. 664; РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Кн. 360. Л. 1177 (1749 г.); Оп. 1. Кн. 516. Л. 41; Оп. 4. Кн. 51 (1-я часть). Л. 644 об.; Оп. 3. Кн. 16. Л. 713; РГАДА. Ф. 394. Оп. 1. Кн. 237 (1745 г.). Д. 377. Л. 258; Кн. 241 (1745 г.). Д. 768. Л. 288; Оп. 3. Кн. 274. Д. 80.

⁷Демьяненко И. Страницы 230-летней истории Севастополя // Севастопольские известия. — Севастополь, 2013. — № 28 (1548), 17 апреля 2013 г. — С. 5.

войны 1787–1791 годов Алексей Владимирович имел чин капитана I ранга и должность советника Черноморской экспедиции, основной задачей которой в то время являлась постройка верфей и судов со всем сопутствующим хозяйством и производством. В военных условиях Алексей Владимирович своей деятельностью обеспечил успешное развитие Черноморского флота, за что в 1790 году Екатериной II был произведен в капитаны бригадирского ранга и вскоре назначен на должность обер-штер-кригскомиссара. В 1796 году Алексей Владимирович был произведен в генерал-майоры по Адмиралтейству и служил до кончины в составе Адмиралтейской коллегии. Его сыновья родились в Севастополе. Все они также стали морскими офицерами⁸.

Из потомков Алексея Владимировича отдельного внимания заслуживает насыщенная приключениями служебная биография его старшего сына **Федора Алексеевича Тверитинова** (до 1793–7.06.1851), полковника по Адмиралтейству и кавалера ордена Св. Георгия 4-й степени, скончавшегося, как и отец, продолжая служить флоту и России. Наиболее яркий след в жизни Федора Алексеевича оставила Вторая Архипелагская боевая экспедиция 1805–1807 годов. Ее целью было освобождение от войск Наполеона и защита Ионической республики семи греческих островов в Адриатическом море, официально находившихся под покровительством России. В 1807 году в ходе Русско-турецкой войны 1806–1812 годов Федор Алексеевич принял участие в Дарданелльском и Афонском (у Афонской горы) морских сражениях с турецким флотом. Федору Алексеевичу Тверитинову довелось участвовать и во многих других морских кампаниях, но формат данной статьи, к сожалению, не позволяет углубиться в его жизнеописание⁹.

Сын Федора Алексеевича и внук Алексея Владимировича — **Николай Федорович Тверитинов** служил на Балтийском флоте. В 1865 году он значился капитан-лейтенантом 21-го флотского экипажа. Летом 1854 года, в ходе Арктической кампании Крымской во-

⁸ *Тверитинов А.* Морские традиции Тверитиновых и Севастополь / Алексей Тверитинов. — URL: <http://www.history-ryazan.ru/node/15043>; *Тверитинов А.* Тверитиновы на флоте / Алексей Тверитинов. — URL: <http://history-ryazan.ru/node/15454>.

⁹ *Тверитинов А.* Рязань — Севастополь — Балтика и поход в Средиземное море / Алексей Тверитинов. — URL: <http://history-ryazan.ru/node/15412>; *Тверитинов А.* Тверитиновы на флоте / Алексей Тверитинов. — URL: <http://history-ryazan.ru/node/15454>.

йны, Николай Федорович успешно защищал Поморье и Соловецкий монастырь от нападения английской эскадры со стороны Белого моря. Столкновения были очень серьезными и героическими. Но масштаб главных событий Крымской войны 1853–1856 годов затмил действия других сопутствующих военных кампаний против России, проводимых ее недругами с целью нанесения ей как можно большего ущерба на всех возможных направлениях, в том числе и с севера¹⁰. Как это похоже и на сегодняшнее положение дел!

А в Большой советской энциклопедии отражена деятельность **Евгения Павловича Тверитинова** (1850–1920), правнука Алексея Владимировича, также генерал-майора по Адмиралтейству. Евгений Павлович Тверитинов является одним из пионеров электротехники в России, основоположником судовой электротехники, первым русским светотехником и основателем русской аккумуляторной техники, изобретателем в области минного оружия. Его труды значительно повысили боеспособность русского флота и дали мощный толчок развитию электротехники в России в целом. Так, в 1879 году Евгений Павлович впервые оборудовал боевые корабли установками электрического освещения. Разработанный им оригинальный тип аккумуляторов получил мировую известность и вызвал ряд подражаний за границей. Кроме того, Евгений Павлович организовал производство этих аккумуляторов и применил их на судах русского военного флота. В 1881 году некоторые изобретения Евгения Павловича Тверитинова экспонировались на Всемирной электрической выставке в Париже и были удостоены почетного диплома. С того же 1881 года его корабельная служба начала чередоваться с преподавательской деятельностью. Евгений Павлович стал автором первого в России высокоэффективного курса электротехники, который он читал офицерам Минного офицерского класса в Кронштадте. В 1881–1883 годах Е. П. Тверитиновым совместно с капитаном I ранга (будущим вице-адмиралом) Степаном Осиповичем Макаровым была разработана система дальней сигнализации с помощью прожекторов и поднимаемых на воздушных шарах электрических ламп. Выдающимся техническим достижением было признано устройство электрической иллюминации Московского Кремля по проекту Евгения Павловича Тверитинова во время коронации Александра III (рис. 2).

¹⁰ *Фруменков Г. Г.* Соловецкий монастырь и оборона Беломорья в XVI–XIX вв. — Архангельск, 1975. — Гл. 3, разд. 2. Бомбардировка Соловецкого монастыря 6–7 июля 1854 года. Героизм островитян.

Рис. 2. Общий вид электрической иллюминации в Московском Кремле в дни коронационных торжеств. 1883 г. Из книги о Е. П. Тверитинове (Белькинд Л. Д., Мокеев А. Н., Тверитинов А. Е. Евгений Павлович Тверитинов, очерк жизни и деятельности. – М; Л., 1962. – С. 46)

В 1885 году Евгений Павлович разработал станцию подводного освещения, превосходящую импортные аналоги компактностью и надежностью. Являясь автором множества научных статей и изобретений, Евгений Павлович обладал и многими другими дарованиями. Он играл на четырех музыкальных инструментах: скрипке, виолончели, арфе и фортепьяно; издавал и редактировал газеты «Кронштадтский вестник», а затем «Котлин», где сам часто выступал со статьями публицистического характера¹¹. В 1917 году газета прекратила свое существование. Но в 2002 году в память о ее основателе редакторе-издателе Евгении Павловиче Тверитинове газета возродилась вновь и работает в настоящее время, сохранив «независимую самостоятельную позицию, высокое качество и актуальность публикуемых материалов, определенные еще Е. П. Тверитиновым»¹².

¹¹Белькинд Л. Д., Мокеев А. Н., Тверитинов А. Е. Евгений Павлович Тверитинов : очерк жизни и деятельности. – М. ; Л., 1962. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=U-QRBsLJcnc>. Ролик о Е. П. Тверитинове.

¹²Подезва Т. Газете «КотлинЪ» – десять лет! / Татьяна Подезва // КронГазета : общественно-деловое издание г. Кронштадта. – № 34 (137). – Кронштадт, 2012. 4 сент.

*Рис. 3. Евгений Павлович Тверитинов (1850–1920).
Правнук Алексея Владимировича Тверитинова.
Фото 1915 г. из семейного архива Тверитиновых*

Отдельно стоит вспомнить, что в судьбе Евгения Павловича был и Севастополь, куда его, лейтенанта, командировали из Кронштадта в конце Русско-турецкой войны 1877–1878 годов как минного офицера с ответственным заданием. На судах «Веста», «Великий князь Константин», «Владимир» он принял участие в операциях по оборонительному минированию на Черном море и минному заграждению Константинопольского пролива (Босфор)¹³ (рис. 3).

Всего представители этой флотской семьи Тверитиновых жили и трудились под сенью Андреевского флага на протяжении более полутора сотен лет. На таких вот незаметных, но сильных духом и чистых сердцем воинах России лежала тяжесть войны, слава победы и олицетворение чести и достоинства державы. Их потомки сохранили традиции самоотверженного служения Родине и в годы Великой Отечественной войны, о чем будет рассказано ниже.

¹³РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 27686 — Полный послужной список генерал-майора по адмиралтейству Евгения Тверитинова, составленный 14 (27) июня 1905 г.; *Сергеев Д.* Сын Кронштадта // Котлин. — № 10 (6147). — 2013.

Ярко проявила себя на флотской службе еще одна семья рода, которую можно отнести к московской ветви¹⁴ по расположению имения в селе Климово Бронницкого уезда Московской губернии¹⁵.

Замечательно, что эта местность, расположенная на западе Мещерской низменности и некогда входившая в состав Рязанского края, весьма удаленная от морей и океанов и не имеющая к военно-морскому флоту никакого отношения, дала Родине нескольких морских офицеров — Тверитиновых.

Особого внимания заслуживает **Сергей Алексеевич** (1820–20.03.1885). Ему довелось участвовать в Крымской войне 1853–1856 годов, в том числе в Синопском сражении и обороне Севастополя. В ходе службы Тверитинов был награжден шестью боевыми орденами, золотым оружием с надписью «За храбрость» и вышел в отставку в чине генерал-лейтенанта по Адмиралтейству.

Судьба Сергея Алексеевича Тверитинова отмечена следующими вехами. С 1838 года он воспитывался в Морском кадетском корпусе. Его служба начиналась на Балтийском флоте. На Черноморский флот он был переведен в 1848 году. Здесь он крейсировал по Черному морю, нес охранительно-береговую, транспортную и продовольственную службы. В начале ноября 1853 года пароходофрегат «Бессарабия», на котором служил Сергей Алексеевич, присоединился к эскадре Павла Степановича Нахимова, доставив из Севастополя известие о начале войны с Турцией. Фрегат «Бессарабия» сразу же был послан Нахимовым к берегам Турции в разведку, где его команда отличилась умелыми действиями и захватила крупного «языка»: был пленен целый неприятельский корабль «Меджари-Теджарет» вместе со всей командой. От пленных были получены ценные сведения, что в Синопе группируется турецкая эскадра для осуществления задуманной у русских берегов крупной десантной операции. Вскоре на пароходофрегате «Одесса» Сергей Алексеевич принял участие в разгроме турецкого флота в Синопском бою и «за точное выполнение распоряжений командира с отличным присутствием духа»¹⁶ был награжден орденом Св. Анны 3-й степени с бантом и годовым окладом.

¹⁴РГИА. Ф. 1343. Оп. 36. Д. 24899.

¹⁵В настоящее время территория бывшего села Климово относится к Воскресенскому району Московской области.

¹⁶*Скрицкий Н. В.* Русские адмиралы — герои Синопа. — М., 2006. — С. 122.

Во время обороны Севастополя Сергей Алексеевич сначала находился на рейде, а с 13 сентября 1854 года — в гарнизоне на бастионе Корнилова и на редуте Камчатка, где 26 мая 1855 года был ранен штуцерною пулей в голову и осколком бомбы в грудь. Но, как того требовала обстановка, еще не оправившись от ранений, он продолжал состоять флаг-офицером при П. С. Нахимове для выполнения поручений во время бомбардировок. За оборону Севастополя был награжден мечами к имеющемуся ордену Св. Анны 3-й степени, орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и золотой полусаблей с надписью «За храбрость». Писатель Сергеев-Ценский упоминает нахимовского флаг-офицера лейтенанта Тверитинова в романе-эпопее «Севастопольская страда». Он показывает, как Тверитинов руководит наведением моста в устье реки Черной и характеризует его как человека «хладнокровного, по-видимому, имевшего привычку делать все основательно, солидно, прочно»¹⁷.

В дальнейшем служба Сергея Алексеевича проходила в различных направлениях. В том числе он принял деятельное участие в присоединении к России территорий Средней Азии, был начальником Гурьевского уезда, боролся с разбойными бандами предков басмачей и возглавлял различные экспедиции. Так, с 7 апреля по 9 октября 1871 года он командовал отрядом, посланным в низовье реки Эмбы для постройки укрепления на выбранном им ранее месте, а также для разведки возможных путей на Хиву. Вот как характеризует Сергея Алексеевича Тверитинова один из участников этой экспедиции интендантский чиновник Мачулин: «Начальник ниже-эмбинского отряда, он же и начальник Гурьевского уезда, был моряк, с теплым сердцем и стремлением ко всему хорошему, настоящий джентльмен. Киргизы его любят и вместе с тем боятся»¹⁸.

Одна из последних должностей Сергея Алексеевича — председатель Временного совета по управлению внутреннею Киргизскою ордою (рис. 4).

¹⁷Сергеев-Ценский С. Н. Севастопольская страда. — М., 1948. — Ч. 3. — Гл. 4 «Инкерманское побоище» (II).

¹⁸Мачулин. Экспедиция на Эмбу в 1871 году : (Из походных заметок интендантского чиновника) // Нива. — СПб., 1872. — № 9 — С. 132–136.

*Рис. 4. Сергей Алексеевич Тверитинов.
Фото 1884 года. Предоставлено правнучкой С. А. Тверитинова
Марией Юрьевной Мосуновой (Северюхиной).
(В нижнем правом углу автограф С. А. Тверитинова)*

Два старших брата и сын Сергея Алексеевича Тверитинова тоже были морскими офицерами и служили на Балтийском флоте. Брат **Николай Алексеевич Тверитинов** (1809–?) с 10 лет воспитывался в Морском кадетском корпусе, служил на различных кораблях и преподавал в том же Морском корпусе, был награжден рядом российских орденов и дослужился до чина генерал-майора по Адмиралтейству. Другому брату **Алексею Алексеевичу Тверитинову** (1810–1836) повезло меньше. Когда Алексею исполнилось 9 лет, он вместе со своим старшим братом Николаем в 1819 году был определен на воспитание в Морской кадетский корпус, по окончании которого участвовал в морских кампаниях. В Финском заливе попал в крушение брига. В ходе службы в 1836 году 25 лет от роду Алексей скончался в чине лейтенанта. Потомства он не оставил.

Исторический патриотизм Тверитиновых, как их родовое качество, неизбежно проявил себя и в советский период, несмотря на гонения, притеснения и репрессии в отношении многих из них со стороны государства. Примечательно, что те же самые пострадавшие от режима Тверитиновы беззаветно отдавали свои жизни за Родину на полях Великой Отечественной войны, утверждая понятие, что государство и Отечество для них далеко не одно и то же. Об этом свидетельствуют биографии Федора Степановича (1899–1943), Евгения Павловича (второго) (1920–1995), Валерия Павловича (1924–1942) и других Тверитиновых, а также истории и судьбы их семей.

Федор Степанович Тверитинов [14(27).06.1899–11.08.1943] родился в Подмосковье. Он представлял тамбовскую ветвь рязанской отрасли рода Тверитиновых. Его мать имела чистокровные цыганские корни, и это своеобразно преломилось в темпераменте и внешности Федора Степановича.

В конце 30-х годов он подвергся политическому преследованию. С большим трудом ему все же удалось избежать гибели со всей его семьей. Но в мае 1941 года он был направлен в Магадан на Колыму для руководства строительством дорог, что фактически явилось ссылкой. Все последующие действия и поступки Федора Степановича, какими бы выдающимися они ни были, — не могли в то время рассматриваться вышестоящими инстанциями иначе как через призму образовавшегося в биографии политического «пятна». В связи с началом войны Федор Степанович начал упорно добиваться своей отправки на фронт. В боевых действиях он принял участие только с июля 1942 года на Воронежском фронте. На третий же день он получил ранение в бою, а 19 декабря 1942 года за проявленный героизм и боевые отличия был награжден орденом Красного Знамени¹⁹. О действиях Федора Степановича наградной лист от 5 ноября 1942 года сообщает следующее:

Товарищ Тверитинов проявлял бесстрашие в бою, 21 июля 1942 г. повел 3-й батальон 847-го стрелкового полка в атаку. В момент наступательных действий был ранен, с поля боя не ушел. В этот же день, будучи уже раненым, восстановил положение во втором батальоне этого же полка, вызванное появлением танков противника.

¹⁹Приказ Войскам Воронежского фронта от 19 декабря 1942 г. за № 080/н // ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682525. Ед. хр. 137. № записи 11749441.

После выздоровления, 8 августа лично руководил восстановлением положения 3-го батальона 847-го стрелкового полка, лично водил в атаку роту. Выбил противника из расположения нашей обороны и уничтожил его живую силу.

Бесстрашный командир. Достоин правительственной награды орденом Красное Знамя²⁰.

В ноябре 1942 года Федор Степанович был назначен командиром 847-го полка 303-й стрелковой дивизии. 25 января 1943 года ему было присвоено звание подполковника. За многочисленные подвиги полка, сражавшегося под командованием Тверитинова, включая победу над пятикратно превосходящим численностью и силами противником, 21 февраля 1943 года Федор Степанович был награжден орденом Суворова III степени²¹. Вот что говорится в наградном листе об этих событиях:

С начала боевых наступательных действий полка организовал личный состав, воодушевив его на разгром противника. Полк тов. Тверитинова вел упорные бои с противником за населенные пункты Златое, Першино, Новая Кладовая, Герасимово, Песчаная, Зорино. Бои за указанные населенные пункты проведены с умелым учетом тактических и стратегических обстоятельств в выборе места сосредоточения, момента для смелой и решительной контратаки противника. Особенно отличились войска Тверитинова при занятии с. Першино, где было разбито: 199 пехотный полк и офицерский штрафной батальон. В результате упорного наступления сопротивление противника было сломлено, при наличии 400 активных штыков Тверитинова, было пленено 1200 и уничтожено до 800 солдат и офицеров противника.

За все время наступательных боев полк тов. Тверитинова пленил более 3000 и около 2000 уничтожил вражеских солдат и офицеров.

Войска тов. Тверитинова решительной атакой заняли город Обоянь²².

²⁰ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682525. Ед. хр. 137. Наградной лист. Составитель подполковник Меиляев. 1942 г.; URL: <http://podvignaroda.ru/?#id=11749448&tab=navDetailManAward> (сайт «Подвиг народа»).

²¹Приказ Войскам Воронежского фронта от 25 марта 1943 г. за № 052/н. // ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682525. Ед. хр. 145. № записи 11662977.

²²ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682525. Ед. хр. 145. Наградной лист, составитель генерал-майор Ладыгин, 21 февраля 1943 г.; URL: <http://podvignaroda.ru/?#id=11662990&tab=navDetailManAward> (сайт «Подвиг народа»).

*Рис. 5. Командир полка
подполковник Федор Степанович Тверитинов. Январь 1945 г.
Фото из семейного архива Тверитиновых*

Следующие далее многочисленные подписи военачальников прямо подтверждают невероятность соотношения сил и событий, констатируя их исключительность²³.

В боевой характеристике на подполковника Федора Степановича Тверитинова (рис. 5) от 2 апреля 1943 года приводятся уже более уточненные сведения о его военных успехах:

²³Далее в наградном листе стоит подпись командира 303-й стрелковой дивизии генерал-майора Ладыгина, положительное заключение старших и высших начальников с печатями и штампами, положительное заключение Военного совета Армии, подпись командующего 38-й армией генерал-лейтенанта Чибисова, подпись члена Военного совета генерал-майора Воронина, положительное заключение Военного совета фронта, подпись командующего войсками Воронежского фронта генерал-полковника Голикова, подпись члена Военного совета Воронежского фронта генерал-лейтенанта Ф. Кузнецова (ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682525. Ед. хр. 145); Сайт «Подвиг народа».

Командуя 847 стрелковым полком, показал большие организаторские способности. Из отстающих по боевой подготовке 847 стрелковый полк вывел в число передовых, готовя личный состав полка на выполнение предстоящих боевых задач. В февральских наступательных боях тов. Тверитинов умело руководил боевыми операциями. Несмотря на наличие 2-х батальонов в полку, в с. Першино разгромил 57 пехотный полк противника и офицерский штрафной батальон, где захвачено 2000 пленных, уничтожено до 1000 солдат и офицеров. Под руководством тов. Тверитинова полк освободил до 38 населенных пунктов.

Как лучший из ком. полков В/С 38 армии допущен к исполнению должности заместителя командира дивизии. Решителен, настойчив в выполнении поставленных задач, бесстрашен в боях. За боевые дела награжден Орденом Красного Знамени.

Приказом по Юго-Западному фронту за № 0705 от 18.05. 1943 года Федор Степанович Тверитинов был назначен заместителем командира 303-й стрелковой дивизии по строевой части. В этом качестве он участвовал в битве на Курской дуге. На последнем этапе битвы в ходе боев за освобождение Харькова при форсировании Северского Донца 9 августа 1943 года в районе Старого Салтова Федор Степанович Тверитинов получил смертельные раны и через два дня — 11 августа 1943 года — скончался. Посмертно произведен в звание полковника.

В 1982 году по инициативе ветеранов в честь Федора Степановича одна из улиц Старого Салтова была названа улицей Тверитинова, о чем есть запись в местной Книге памяти. А в августе 1984 года на улице Тверитинова состоялась церемония торжественного открытия соответствующей мемориальной доски.

Улица Тверитинова с опрятными, ухоженными, утопающими в зелени домами, расположена на возвышенности с прекрасным видом на центр поселка и реку Северский Донец.

Евгений Павлович (второй) Тверитинов (27.02.1920, Кронштадт – 27.02.1995, Санкт-Петербург) свое имя получил в честь деда — основоположника судовой электротехники в России, о котором рассказано выше. В 4-летнем возрасте Евгений Павлович (второй) вместе с родителями был сослан из Кронштадта в Сибирь. Удивительно, но вопреки всему Евгений Павлович окончил военное училище перед самым началом войны и вступил в нее, получив одновременно звание лейтенанта, а через три года, когда ему исполнилось 24, уже стал май-

ором. Евгений Павлович командовал последовательно взводом, ротой, батальоном и при этом проявлял незаурядные способности в военном деле и личный героизм. Он был награжден полководческим орденом Александра Невского, двумя орденами Отечественной войны I степени и рядом медалей. Был несколько раз ранен. Дважды родственникам приходили на него ошибочные похорожки. В одной — даже с указанием конкретного места захоронения в городе Терийоки.

О войне Евгений Павлович оставил литературные воспоминания «На Ленинградском фронте. Воспоминания комбата». Эти колоритные воспоминания очень интересно сочетаются с содержанием наградных листов Евгения Павловича (второго), воспроизводящих те же события. Например, в январе 1944 года Евгений Павлович (второй) со своим батальоном принял участие в ожесточенных решающих сражениях у Мги на Ленинградском фронте. Как следует из его наградного листа,

«командуя стрелковым батальоном и участвуя в бою по овладению городом Мга, а также при дальнейшем наступлении на Ульяновское и по овладению им, тов. Тверитинов показал свое мужество и умение овладеть сильно укрепленными пунктами противника и со своими подразделениями первым ворвался в город Мга.

21 января 1944 года 7 стрелковая рота первой ворвалась в город Мгу — водрузила красный флаг.

За мужество, проявленное 21–25 января 1944 г., тов. Тверитинов достоин Правительственной награды орденом Отечественная война I степени».

А вот некоторые строки из воспоминаний Евгения Павловича, скромно дополняющие эти события:

«Выбив заслоны немецких автоматчиков в 10 часов утра 21 января 1944 года, овладели Мгой... В темпе преодолели реку и к вечеру ворвались в немецкие траншеи. Преодоление реки было настолько быстрое и неожиданное для немцев, что наши солдаты, находясь уже в траншеях, отвечали на звонки немцам по телефону... 23 января рано утром ко мне привели немецкого фельдфебеля, который нес завтрак своим немцам: термос с кофе, шнапс (водку) и другую пищу. Из-за отсталости наших тылов завтрак нам был очень кстати... Немцы сопротивлялись яростно за каждый метр земли, за каждое строение».

В ходе Выборгской наступательной операции Евгений Павлович отличился овладением Мустоловскими высотами — опорным пунктом финнов в районе Приозерского шоссе на Карельском перешейке. Об этих событиях в его наградном листе от 19 июня 1944 года дается следующая информация:

«Тов. Тверитинов, являясь командиром 1 стрелкового батальона, имел задачу прорыва сильной и долговременной обороны финнов на Мустоловском направлении. Умело применяя свой накопленный боевой опыт, удачно выбрал момент для внезапного, смелого и стремительного наступления, прорвал указанную оборону финнов с наименьшими потерями для своих войск.

На протяжении всего наступления имел четкую организацию и взаимодействие как внутри батальона, так и с приданными и поддерживающими средствами. На всем протяжении боя личным примером показывал образцы мужества и героизма и увлекал бойцов вверенного ему батальона на выполнение поставленной задачи.

Все многочисленные контратаки противника были успешно отражены под его личным руководством, и было создано условие для продвижения наших войск вперед.

За выбор удачного момента для внезапного нападения на противника, за четкую организацию и взаимодействие, что способствовало успеху — прорыву сильной линии обороны противника, а также за мужество и личный героизм достоин Правительственной награды орденом Александра Невского».

Воспоминания самого Евгения Павловича об участии в этих событиях были преисполнены скромности:

Двукратными боевыми прорывами в составе батальона за артиллерийские позиции финнов и нанесение им внезапных ударов с тыла во фланг способствовал выполнению боевого задания дивизии, за что был награжден орденом Александра Невского.

Вот так, просто, о героических событиях (рис. 6).

Евгений Павлович собирался было поступать в Военную академию и уже был зачислен кандидатом. Однако более 11 застрявших в теле осколков не оставили никаких шансов для продолжения военной карьеры. 20 сентября 1945 года он был уволен в запас по состоянию здоровья, пожизненно получив 2-ю группу инвалидности.

*Рис. 6. Евгений Павлович Тверитинов (второй). 1944 год.
Фото из семейного архива Тверитиновых*

Евгений Павлович ушел из жизни в 75 лет, в день своего рождения, внезапно, от смещения застрявшего в шее у головы неоперабельного осколка.

Он похоронен на Никольском кладбище Александро-Невской лавры Санкт-Петербурга, где была создана аллея Кавалеров советского ордена Александра Невского.

Валерий Павлович Тверитинов (1924, Омск – 28.08.1942), младший брат Евгения Павловича Тверитинова (второго), родился в Омске, когда его высланная из Кронштадта семья пребывала в ссылке. В 12 лет Валерий остался без отца. После долгих мытарств семья переехала из Омской области в подмосковную Яхрому Дмитровского района. Валерий продолжил учебу в местной средней школе. Когда в разгаре каникул внезапно грянула война, решил добровольцем пойти на фронт. Для этого он добавил к возрасту два года и упорно не покидал военкомата, пока не добился желаемого результата. Тем же летом 1941 года Валерий прошел ускоренные курсы в Муромском военном училище связи и был отправлен на передовую. Воевал в звании младшего лейтенанта. Был командиром взвода связи. Его письма матери

были наполнены бодростью и верой в нашу победу. Но со второй половины 1942 года письма перестали приходить.

Минули долгие годы мучительных ожиданий и тщетных попыток разыскать хоть какую-нибудь весть о сыне. И вдруг уже после войны на очередной запрос пришло сухое краткое сообщение: «Ваш сын Тверитинов Валерий Павлович пропал без вести. Основание: приказ № 96 от 15 ноября 1946 года». Этот ответ только добавлял множество вопросов. Материнское сердце чувствовало, что за этими скупыми строчками скрывается что-то очень важное и значительное.

И вот, наконец, через 17 лет упорных поисков из Центрального архива Министерства обороны пришло письмо с информацией о Валерии Павловиче Тверитинове.

Стало известно, что Валерий Павлович героически погиб 28 августа 1942 года под Сталинградом в неравном бою — вдвоем против сорока фашистов. Подвиг Валерия Павловича сразу же нашел отражение во фронтовой газете «Залог Победы», в статье С. Несвета «До последнего дыхания». Однако командование, в силу сложившейся в то время крайне напряженной обстановки, не обратило внимания на информацию в статье и посчитало Валерия Павловича просто пропавшим без вести.

Эта фронтовая статья о Валерии Павловиче, обнаруженная в 1963 году, привлекла журналистское внимание. Тщательно проведенное расследование выразилось в новой газетной статье Т. Сергиенко «Ценою жизни», вырезка с которой сохранилась в семейном архиве. Обе статьи пролили, наконец, ясный свет на судьбу Валерия Павловича Тверитинова.

А было так. Успешно наладив связь между командным пунктом и передовыми подразделениями, младший лейтенант Тверитинов и его связной возвращались обратно. Неожиданно их окружили не менее сорока вражеских автоматчиков. Раздались голоса на ломаном русском: «Сдавайся, рус! Всё равно уничтожим!» Для немцев очень важным было взять языка из числа русских офицеров — разгоралась Сталинградская битва, была острая нужда в информации.

Но Тверитинов не сдался. Он принял неравный бой и, вскинув свой автомат, открыл огонь по атакующей цепи. Примеру командира последовал и связной. Когда в дисках не осталось патронов — в ход пошли гранаты. Однако последняя граната была припасена Валерием для особого случая. Связной получил два ранения и истекал кровью.

Курсы Ворошиловского стрелка не прошли даром. Не выдержав отпора, немцы залегли и, видимо, начали совещаться — что делать дальше. Воспользовавшись моментом, Тверитинов приказал связному ползти в свое подразделение и доложить о выполнении задания и обо всем случившемся.

Тверитинов остался один. Для него наступил момент истины! Кто же он: гонимый родиной изгой проклятый из семьи «чуждых элементов», предки которых создавали российскую государственность... или верный сын Родины, стоящий над режимом?!.. Как бывает в подобных случаях, несомненно, вся короткая жизнь Валерия пронеслась перед его глазами: сибирская глубинка, подмосковная Яхрома, стаи голубей, прыжки ласточкой с высокого моста в воду, строящегося канала Москва—Волга, первая и единственная юношеская любовь...

Последняя граната разорвалась у его ног, когда враги окружили его. Около двадцати фашистов заплатили своей жизнью за смерть героя (рис. 7, 8).

Прошли десятилетия после гибели Валерия Павловича Тверитинова, прежде чем нашлись его останки, и он, наконец, был признан погибшим, как и многие другие воины. Валерий Павлович был похоронен с отданием воинских почестей в окрестностях хутора Шохинского Иловлинского района Волгоградской области в братской могиле воинов, погибших в дни Сталинградской битвы. А мать Ольга Ивановна Тверитинова получила, наконец, 18 мая 1964 года извещение о смерти сына. В настоящее время на братской могиле возле школы существует скульптурный памятник, сооруженный в 1964 году и охраняемый государством.

На мраморной доске дмитровской школы, где учился Валерий Павлович, был помещен его портрет.

* * *

Все ветви рода Тверитиновых прошли схожую для дворянских родов эволюцию — от дворянской конницы и суровых воинов, закалившихся в бесконечных войнах и жестоких сражениях, до дворянской интеллигенции, менталитет которой во многом, а в некоторых случаях коренным образом, принципиально отличался от разночинной. Ведь как показали исследования, несмотря на выпавшую исторически для Тверитиновых ратную долю, всякая разрушительная агрессивность отсутствовала в их характерах.

Рис. 7. Валерий Павлович Тверитинов. Муром, 1941 год. Фото из семейного архива Тверитиновых

Рис. 8. Газетная статья о Валерии Павловиче Тверитинове, 1963 год. Из семейного архива Тверитиновых

Доминантой их внутренней сути всегда было стремление к творческому созиданию. И это объяснимо. Ведь сама великодержавность государства Российского созидалась самоотверженной пожизненной службой и кровью этого древнего сословия. Отсюда и патриотизм в крови.

Характерным поприщем Тверитиновых стала и научно-педагогическая деятельность. Кроме генерал-майора Евгения Павловича Тверитинова, ее представителями являются: его троюродный брат **Николай Васильевич Тверитинов** (1852–?), врач, кавалер Российских орденов, коллежский советник, состоящий с 1887 года на службе по Министерству народного просвещения при Императорском Московском университете; **Михаил Иванович Тверитинов** (1887–1932), родившийся в древнем рязанском родовом имении Танинское, участник Первой мировой войны и кавалер боевых орденов, а затем профессор Смоленского пединститута, председатель правления (ректор) Раненбургского пединститута, организатор народного образования

*Рис. 9. Михаил Иванович Тверитинов – коллежский ассессор.
Предположительно 1913 г. Фото из семейного архива Тверитиновых*

*Рис. 10. Дмитрий Михайлович Тверитинов, сын Михаила Ивановича
Тверитинова. 1938 г. Фото из семейного архива Тверитиновых*

Рис. 11. Николай Александрович Тверитинов,
сын полковника Александра Николаевича Тверитинова.

*Фото конца 1940-х – начала 1950-х годов
из семейного архива Тверитиновых*

и просветительского движения в г. Раненбурге Рязанской губернии; его сын **Дмитрий Михайлович Тверитинов** (1913–1993), кандидат педагогических наук, доцент Ульяновского педагогического института, автор многих научных публикаций, в том числе отдельных книг; **Николай Александрович Тверитинов** (1906–1965), сын упомянутого выше полковника Александра Николаевича, преподаватель, доцент, зав. кафедрами сельскохозяйственных вузов, также автор многих научных статей и отдельных книг (рис. 9, 10, 11).

Но не только на военном, государственном и педагогическом поприщах проявляли себя рязанские Тверитиновы. Были у них и другие занятия и увлечения, весьма далекие от указанных сфер деятельности. И все их увлечения были свободны от каких-либо устремлений к непременному признанию заслуг и результатов. Сама же увлеченность была присуща всем Тверитиновым как свойство их природы.

Хорошей иллюстрацией тому может служить пример уроженца рязанской губернии **Алексея Михайловича Тверитинова**

(1910–1946) — дяди автора статьи. В честь дяди автор и был назван Алексеем.

Садовод-селекционер Алексей Михайлович Тверитинов прожил всего лишь 35 полных лет. И только лишь одна вера в Божий промысел дает объяснение тому, как это удалось ему, прожившему так мало, да еще в такой тяжелый период жизни общества и страны, — сделать многое и добиться результатов, имеющих далекую перспективу и реализовавшихся уже в наше время. Ведь такая область деятельности, как селекция, предполагает долгую жизнь в непрестанном многолетнем труде.

Но здесь не последнюю роль в становлении Алексея Михайловича Тверитинова как садовода-селекционера сыграл накопленный бесценный опыт, а еще, возможно, и особые секреты, которые он по цепочке получил от предков. А они с давних времен практиковали садоводство в своем древнем рязанском родовом имении Танинском. В XIX веке и к 1917 году один только танинский фруктовый сад занимал площадь больше десятины, т. е. больше гектара. Известно, что садоводством активно увлекались и дед Алексея **Иван Дмитриевич** (1832–1894), и прадед **Дмитрий Васильевич** (1794 – до 1848) **Тверитиновы**. Отец Алексея — Михаил Иванович Тверитинов (1887–1932) тоже мечтал о работах в саду, но война и революция перечеркнули все его планы (рис. 12, 13).

Алексей родился 25 июня (по ст. ст.) 1910 года в г. Раненбурге Рязанской губернии (ныне это г. Чаплыгин Липецкой области). Его дореволюционное детство в летний период проходило преимущественно в Танинском. В зимнее время семья жила в раненбургском доме, также с обширным и сказочным садом, расположенным по Спортивному переулку, 1. Позднее, когда отец Алексея вернулся с тремя ранениями с Первой мировой войны, Танинское уже было отобрано советской властью и «пущено под откос». Вся семья собралась в многолюдном раненбургском доме Петра Ивановича Перова (1855 – после 1918) — деда Алексея по материнской линии. Петр Иванович Перов в то время был протоиереем Троицкого собора и благочинным церквей г. Раненбурга (с 25.07.1913).

В 1919 году отец Алексея был избран на должность председателя правления (ректора) Раненбургского пединститута. По собственной инициативе он организовал на территории раненбургского сада опытный участок для практических занятий со студентами по прививкам и агротехнике плодовых культур и биохимии растений. Михаил Иванович был агрохимиком с университетским образованием

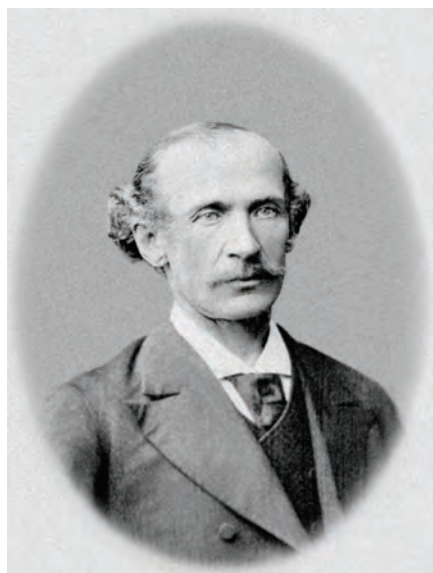

Рис. 12. Иван Дмитриевич Тверитинов, дед Алексея Михайловича Тверитинова, прадед автора. Конец 1880-х годов.
Фото из семейного архива Тверитиновых

Рис. 13. Михаил Иванович Тверитинов с супругой Анной Петровной, урожденной Перовой, родители Алексея Михайловича Тверитинова. 1909 год.
Фото из семейного архива Тверитиновых

и обладал уникальными знаниями. И это неудивительно. Ведь его учителями были ученые с мировым именем: Дмитрий Николаевич Прянишников, Владимир Иванович Вернадский, Иван Алексеевич Каблуков, Сергей Николаевич Реформатский, Николай Дмитриевич Зелинский. (Автографы этих замечательных людей сохранились в зачетной книжке Михаила Ивановича Тверитинова.)

Уже в те времена своего детства и юности Алексей многое почерпнул от отца, активно впитывая его знания и умения. Это ему очень пригодилось в будущем. После окончания Раненбургского педтехникума, в 1931 году Алексей поступил и в 1936-м окончил Мичуринский плодовоовощной институт. Распределился он на Татарскую зональную плодово-ягодную опытную станцию, открытую в селе Теньки

*Рис. 14. Алексей Михайлович Тверитинов. Конец 1920-х годов.
Фото из семейного архива Тверитиновых*

в 1932 году и ставшую впоследствии Отделом садоводства Татарского НИИ сельского хозяйства (ТатНИИСХ). Эта организация существует и сейчас. Выбор удаленной от центра местности и далекой от политики профессии был еще во многом связан и с «нежелательным» происхождением Алексея Михайловича. Подобный выбор далекой от политики специальности сделал и его младший брат Дмитрий Михайлович Тверитинов, выпускник химического «отделения» Тамбовского пединститута — отец автора, о котором дана информация выше. В других случаях репрессии были бы неизбежны. Очевидность дворянского происхождения их отца и духовное происхождение матери были равны приговору и зависшему над всей семьей в ожидании своего часа «дамоклову мечу». Общая напряженность ситуации усиливалась также особенностями характера Алексея. Характер его был своеобразен и, зачастую, необъясним по понятиям того времени и среды, в которой он жил в юношеские годы. Принципиальность молодости в сочетании с обостренными чувствами чести, достоинства и справедливости проявлялась, прежде всего, в неприятии Алексеем какого-либо, даже малейшего, хамства и неуважения

к окружающему миру. Это вызывало у него непроизвольную реакцию, зачастую переходящую в серьезные последствия. А это в свою очередь истолковывалось новыми властями не иначе как политический подрыв нового социалистического строя (рис. 14).

Вскоре, после распределения, Алексей Михайлович Тверитинов был назначен заместителем директора станции по научной работе. Он стал одним из первых создателей казанской научной школы селекционеров и, в частности, основателем селекции косточковых культур на территориях Татарской АССР, Средневолжского и Волго-Вятского регионов. В то время перед станцией были поставлены государственные задачи по улучшению сортимента косточковых культур, созданию урожайных и, в особенности, зимостойких и жизнеспособных сортов. Без аналитического подхода к делу решить эти задачи в установленные кратчайшие сроки было бы невозможно.

За свою короткую жизнь, прошедшую в упорном кропотливом труде, Алексей Михайлович успел вывести более десятка сортов вишни и сливы. Некоторые из них были районированы и получили официальное признание спустя уже полвека после его ухода из жизни. Среди них есть и сорт вишни, названный его именем, — вишня «Тверитиновская». Этот сорт, а также сорт вишни «Заря Татарии» ежегодно, вплоть до настоящего времени (2018), включаются в Государственный реестр селекционных достижений страны (рис. 15).

Но все же слишком короткая была жизнь у Алексея Михайловича, чтобы ощутить результаты своего селекционного труда, и, приняв эстафету, его дело продолжили другие научные сотрудники опытной станции.

Со временем на подведомственной Теньковской администрации территории выделился отдельный поселок Татарской зональной опытной станции, Камско-Устьинского района Республики Татарстан. И хотя этот населенный пункт теперь уже больше специализируется на современных строительных материалах и автосалонах, все же в память об Алексее Михайловиче одна из улиц этого поселка была названа улицей Тверитинова (рис. 16, 17).

На сайте «Советы садоводам — Перспективные сорта вишни и сливы» о проведенной Алексеем Михайловичем Тверитиновым работе в отношении вишни сообщается следующее:

Рис. 15. Сорт вишни «Тверитиновская».
С официального сайта Всероссийского научно-исследовательского
института селекции плодовых культур (Сайт ВНИИСПК ФГБНУ
(Саженцы, осень 2019) <http://vniispk.ru/varieties/tveritinovskaya>)

Рис. 17. Дмитрий Михайлович
Тверитинов,
брат Алексея Михайловича
Тверитинова, отец автора.
Начало 1930-х годов. *Фото из
семейного архива Тверитиновых*

Рис. 16. Алексей Михайлович
на опытном вишневом участке.
11.06.1936 г.
*Фото П. Н. Маркова.
Из семейного архива Тверитиновых*

К 1939 г. А. М. Тверитинов путем аналитической селекции выделил 14 ценных форм степной вишни. Лучшие из них вошли в ассортимент республики и элитный фонд станции: Морель ранняя, Поздняя розовая, Крупноплодная № 6 (отборные степной вишни), Мензелинская, Теньковская, Кисляковка, Долгопрутка (естественные гибриды степной вишни с обыкновенной). Сорта Мензелинская и Поздняя розовая как самые урожайные и зимостойкие занимают значительный процент районированного сортамента и по настоящий день. В начале селекционной работы наряду с отбором лучших форм из существующих насаждений был широко использован посев семян от свободного опыления местных, мичуринских и среднерусских сортов. Наибольший интерес для селекции представили сеянцы местных сортов: Крупноплодной № 6, Поздней розовой и Мензелинской. Процент ценных отборных форм в этих семьях составил от 12,5 до 22%. Элитные сеянцы Поздней розовой и сеянцы Крупноплодной № 6 по урожайности и зимостойкости не уступают лучшим районированным сортам, а по качеству плодов значительно их превосходят.

Работа Алексея Михайловича над сортами слив была отмечена в 2011 году в докторской диссертации Геннадия Емельяновича Осипова следующим упоминанием: «На Татарской плодово-ягодной опытной станции (в настоящее время Теньковский отдел садоводства Татарского НИИСХ) А. М. Тверитинов в 1937–1946 гг. в гибридизации использовал следующие исходные формы: Терн местный, Терн крупноплодный, Скороспелка красная, Ренклюд терновый, Ренклюд реформа, Тернослива волжская, Джефферсон, Габриэль, Слива уссурийская и др. Были выделены элитные формы, некоторые из них стали сортами (Теньковская синяя, Синеглазка).

Следует отметить, что в процессе своей деятельности Алексей Михайлович Тверитинов уделял особое внимание качеству проводимых по садоводству работ и строгому соблюдению полного комплекса необходимых для успеха агромероприятий. В этой связи отдельный интерес могут представлять его публикации по практическому садоводству, содержащие ценные, любопытные и актуальные даже и для сегодняшнего дня указания.

Замечательно, что вопреки своему небольшому сроку удивительно емкая жизнь Алексея Михайловича Тверитинова и поныне продолжается в результатах его деятельности. И такую жизнь вполне заслуженно можно назвать удавшейся (рис. 18).

Рис. 18. Титульный лист одной из книг с автографом Алексея Михайловича Тверитинова.
Из семейной библиотеки Тверитиновых

Уцелевшие остатки сильно поредевшего рода в малом количестве существуют и сейчас. Среди них несколько архитекторов, научные работники, педагоги высшей школы, музыканты, геологи и, в целом, творческие люди, абсолютно скромные, но помнящие о своей ответственности, наложенной на них историей за их происхождение, — все они продолжают традиции своего рода! (рис. 19, 20, 21).

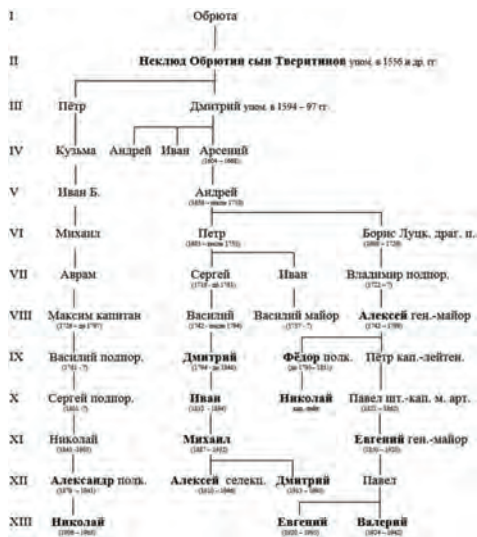

Рис. 19. Родословная схема рода Тверитиновых (фрагмент).
Рязанская ветвь

Рис. 20. Родословная схема московской ветви рода Тверитиновых, внесенных в Дворянскую родословную книгу Московской губернии (фрагмент)

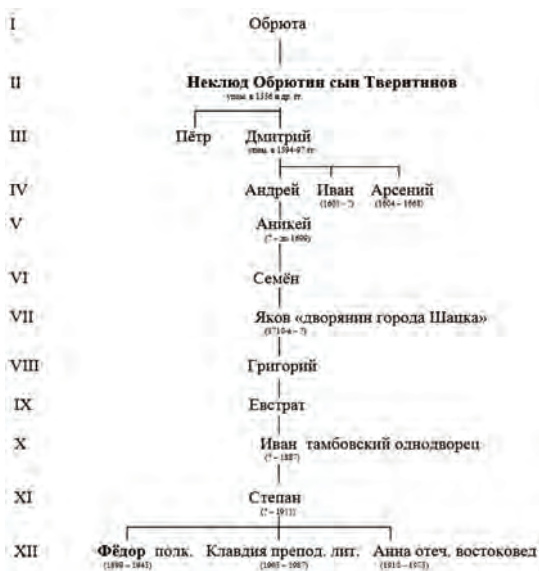

Рис. 21. Родословная схема тамбовской ветви рода Тверитиновых (фрагмент)

Список архивных источников

1. ГАРО. Ф. 98. Оп. 8. Д. 49. Св. 54. 1793 г. — Дело о дворянстве Тверитиновых.
2. ГАРО. Ф. 98. Оп. 36. Кн. 40. Св. 220. Л. 184–241, 334–345 и др. 1821 г. — Дело о дворянстве Тверитиновых, 6.
3. РГИА. Ф. 1343. Оп. 30. Д. 664. — Дело о дворянстве Тверитиновых.
4. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 911. Кн. 13751/107. Д. 30; Оп. 915 (1743–1851 гг.). Кн. 13815л/180. Д. 36.
5. РГАДА. Ф. 394. Оп. 3. Кн. 274. Д. 80. — Родословная роспись от Андрея Арсеньевича Тверитинова (1656 – после 1710), составленная в 1757 г. Алексеем Владимировичем Тверитиновым при его определении в Морской кадетский корпус.

Другие источники государственных архивов представлены в ссылках текста.

Список литературы

1. *Белькин Д. Д., Мокеев А. Н., Тверитинов А. Е.* Евгений Павлович Тверитинов : очерк жизни и деятельности. — М. ; Л., 1962.
2. *Тверитинов А.* На службе Отечеству / Алексей Тверитинов // Рязанский следопыт. — Рязань : Российское энциклопедическое информационное книжное издательство «Горизонт», 1995. — № 5. — С. 20–23.
3. *Веховская Л. А., Тверитинов А. Д.* Минный офицерский класс // Дворянский вестник (газета). — М., 1995. — № 2 (12) – 9 ; № 3 (13). — С. 9.
4. *Тверитинов А. Д.* О наших предках моряках. К 300-летию Российского флота // Дворянское собрание (альманах). — М., 1995. — № 4. — С. 75–83.
5. *Тверитинов А. Д.* Архипелагская экспедиция // Морским судам быть. — Рязань, 1996. — С. 274–276.
6. *Крупин Е. Н., Тверитинов А. Д.* Рязанский родословец. — Рязань, 1996. — Вып. 2. — С. 184–222.
7. *Тверитинов А. Д.* Тверитиновы // Рязанская энциклопедия. — Рязань, 2002. — Т. 3. — С. 477–478.
8. *Тверитинов А. Д.* История и генеалогия рода Тверитиновых : в 2 т. — Т. I. — Рязань, 2009. — 360 с. ; Т. II. — Рязань, 2013. — 352 с.
9. *Тверитинов А. Д.* Тверитиновы — моряки из рязанского дворянского рода // Российский флот и Рязанский край. — Рязань : Пресса, 2011. — С. 377–380.

10. *Фролов А. И., Мельничук Г. А.* История рода в истории страны // Библиография и книговедение : научный журнал по библиографоведению и книговедению. — М. : Российская книжная палата (филиал ИТАР-ТАСС), 2015. — № 5, сентябрь–октябрь. — С. 96–102.
11. *Тверитинов А. Д.* Родовой помянник к 100-летию Великой войны. — М., 2016. — 104 с.
12. *Тверитинов А. Д.* Под Андреевским флагом за российский Крым. — М., 2017. — 76 с.

Другие ссылки на литературные источники представлены в тексте.

**Живое наследие памяти
(по материалам семейного архива)**

У каждого свой путь к генеалогии. Родители мамы жили в собственном доме в Подмосковье. Каждое лето я проводил у них. Одно из ежегодных летних развлечений — открывание замков с музыкой у сундуков, проветривание старых вещей, сопровождающееся переодеванием нас, внуков, в старые необычные одежды. Однажды на веревке появилась непонятная вещь — не то черный старый халат, не то pokrывало. Объяснили: ряса, носили священники, у Пушкина — поп — толоконный лоб. Больше юному пионеру знать было не положено.

Прошло несколько десятилетий. Читаю какой-то литературный журнал. Фабула — герой открывает сундук с музыкальным замком, достает для проветривания старые вещи и обнаруживает на дне истлевшую тетрадь. Разбирает записи и обнаруживает захватывающую историю своих предков. Меня пронзил стыд — вспомнилась ряса, да расспросить уже было почти некого. А дальше — копание корней, как у всех.

Конец XVIII века. Стефан Гуриновский — сын московского священника, заканчивает курс Богословского учения в Московской славяно-греко-латинской академии и на рубеже веков получает приход церкви Спаса Нерукотворного Образа в селе Уборы, что на левом высоком берегу реки Москвы. Своих сыновей Стефан определил для начала в Звенигородское духовное училище, дав им фамилию Уборские. Так началась ветвь Уборских, дотянувшаяся до настоящих дней.

Этот сюжет не имеет отношение к семейному архиву, т. к. никаких документов и воспоминаний о происхождении фамилии в семье не было. На раскопки ушло не одно десятилетие.

А по другой фамильной ветви сохранился архив, рассыпанный по дальним и близким родственникам, который удалось собрать составителю настоящего очерка и который дал возможность составить достаточно глубокую и широкую картину жизни многих поколений большой семьи предков.

Выложенные для всеобщего доступа очерки под общим названием «Корни семьи Уборских»¹ попадают, по мнению составителя, в категорию духовного культурного наследия по предложенной условной классификации в статье «Журнала Института Наследия»², а собственно семейный архив является материализованной неотъемлемой частью историко-культурного наследия³.

О современных проблемах семейных архивов будет сказано ниже, а пока краткая справка — что позволил раскопать сохранившийся семейный архив. Справка — обобщение очерков о корнях семьи.

Оглянемся на 10 столетий назад. Постараемся представить себе карту центральной и восточной части европейского континента и примыкающую к ней с востока западную часть азиатского континента. Для этого достаточно посмотреть на современную карту России с примыкающими к ней соседними государствами (но при этом не замечать нынешних границ, больших городов, автомобильных и железных дорог, каналов). С тех пор неизменными остались лишь границы побережий морей, озер, русла рек. И зеленого цвета на карте должно было быть намного больше — еще не были вырублены девственные леса.

На этой огромной территории были раскиданы в основном небольшие поселения тогдашних обитателей бескрайних земель, которые со временем постепенно формировались в государства с большими и малыми городами. Но нашим предкам было мало того, что они имели. Шли непрекращающиеся войны за возделанные земли, города, за дань и оброки, за пленников и ремесленников. Перемещались между поселениями пешком за многие сотни километров, на лошадях, по рекам. На заснеженных территориях зимой жизнь замирала, возобновлялась с масленицей и ее кулачными боями, переходя летом в военные походы.

Воевали мужчины, называемые в те времена дружинниками, рыцарями, варягами, викингами, ушкуйниками и другими именами. История знает немало и женских имен на этом поприще, но это скорее исключение из общих правил. Сегодняшний защитник своего

¹ *Уборский А. В.* Корни семьи Уборских // Сборник генеалогических очерков. — URL: <http://www.svrt.ru/lib/article.shtml> (дата обращения: 05.12.2019).

² *Вафа А. Х.* Некоторые теоретические проблемы культурного наследия и культурнонаследования // Журнал Института Наследия. — 2018. — № 3 (14), 4 (15).

³ ЦМАМЛС. Ф. Л-393. Коллекция документов семьи Уборских.

поселения, семьи, если выживал, завтра становился завоевателем, агрессором. Опытные и мудрые бойцы становились предводителями, создавали ордена, дружины, обзаводились символикой: гербами, знаменами, характерными знаками отличия. Те, кто был в состоянии объединять отдельные племена и поселения для более успешного ведения войн, становились князьями, царями, королями. В то время это было нормой жизни и существования народов. Нынешние взгляды на отношения людей нельзя применять для оценки того времени. Мораль — продукт времени.

Побережье Ладожского озера было заселено славянскими, финскими и другими племенами. Договариваться между собой было трудно. Но в середине IX века приняли решение: призвать на княжение удачливого варяга, одержавшего множество побед в походах по западной части европейского континента — Рюрика.

Очень скоро Рюрик превращается в дальновидного политического деятеля. Продолжая захватнические походы на юг восточно-европейского континента, он закладывает основы будущей Киевской Руси.

Историки до сих пор спорят о том времени, и спорить, скорее всего, будут всегда: очень мало артефактов и подлинных документов дошло до наших дней.

Потомки Рюрика (Рюриковичи) продолжали дело, начатое основателем рода. Среди его знаменитых потомков Великие князья Игорь, Владимир (Креститель Руси), Дмитрий Донской, Юрий Долгорукий и многие другие исторические личности. В их числе ветвь Рюриковичей — княжеский род Одоевских.

Одоевские получили свою фамилию от князя Романа Семеновича Черниговского и Новосильского (потомка Рюрика в 14-м колене и в 11-м колене Великого князя Владимира — Крестителя Руси), который после разорения татарами его удела Новосили, переехал жить в Одоев. Его сыновья стали именоваться князьями Одоевскими. Род продолжил Юрий Романович. Но его внук Василий уже носил фамилию Швих, хотя единственная дочь Василия Швиха в исторических источниках значится как княжна Мария Васильевна Одоевская.

Потомки Марии Одоевской уже не могли считаться Рюриковичами, т. к. это право передавалось только по мужской линии. Но какая-то часть генетической информации от Рюрика⁴, если он действительно

⁴ *Пашков Б. Г.* Русь — Россия — Российская империя : Хроника правлений и событий 862–1917 гг. — М. : ЦентрКом, 1997.

был, передавалась по генеалогической цепочке и дошла до составителя настоящих генеалогических очерков.

Перенесемся на юг восточно-европейского континента. Крымское побережье Черного моря. От рюриковского Новгорода до Крыма сегодня можно на машине доехать за сутки. В те далекие времена нужно было шагать пешком не менее месяца.

Поселение, образованное в начале нашей эры на южном берегу Крымского полуострова на северном маршруте Шелкового пути, превратилось в морской порт и город Сурож. Лакомый кусок для торговцев, авантюристов, завоевателей, постоянно переходил из рук в руки. В 1365 году был завоеван генуэзцами и включен в состав генуэзских владений в Крыму. В этот период город управлялся консулом из числа итальянцев. В городе бок о бок жили греки, турки, итальянцы, славяне, татары и многие другие. От этой эпохи до наших дней сохранились башни и городские крепостные стены, называемые «Генуэзская крепость». А также и корни семьи Уборских.

В это время в Суроже появляется «выезжий иноземец» Стефан Ховра, упоминаемый как князь. Видимо, оборотистый был иноземец и его потомки, если при крещении его правнука Ивана с кличкой Голова крестным был Великий князь Московский Иван III⁵.

Иван Голова в 1473 году вместе с отцом Владимиром Григорьевичем участвовал в строительстве Успенского собора Кремля. А несколько позже стал родоначальником Головиных. Головины снабжали деньгами князей и бояр московских, отдавая деньги под проценты, строили каменные палаты и церкви в Москве. Их двор находился в Кремле близ Фроловских (Спасских) ворот. На этом дворе ими была построена каменная церковь Воздвижения Креста. Более 300 лет род Головиных поддерживал связи с московским Симоновым монастырем, отдавая «на помин души» земельные и денежные вклады. В монастыре на их средства построены кирпичная монастырская ограда, колокольня, церковь Преображения.

Сын Ивана Головы — Пётр в 1512 году был «с казною» в походе на Смоленск, в 1519-м упомянут как казначей. В 1527 году защищал Москву от вторжения крымских войск. Приближенный Великого князя Василия III присутствовал при составлении его духовной грамоты (1533). Разборчив был — взял в жены княжескую дочку Марию Одоевскую.

⁵Отечественная история : энциклопедия. — Т. 1 / гл. ред. В. Л. Янин и др. — М. : Большая российская энциклопедия, 1994.

От брака с княжной Петр Иванович имел шестерых сыновей. Его дочь Анастасия вышла замуж за князя А. Б. Горбатого-Шуйского, казненного в 1565 году вместе с сыновьями Петра Головина — Петром и Михаилом.

В начале правления Бориса Годунова Головины опять попали в опалу. Вернулись в Думу при Лжедмитрии, еще раз оказались в опале, но все же вернулись ко двору.

Достаточно известна ветвь от казненного боярина Михаила Петровича Головина, давшая истории сподвижника Петра I. Граф Федор Алексеевич Головин — первый в России генерал-фельдмаршал, один из создателей русской регулярной армии.

Нас же интересует ветвь Головиных от казненного Петра Петровича — его сын, внук и правнук остались при дворе. Но на рубеже XVIII–XIX веков его потомок Николай Петрович Головин записан уже как актуариус (регистратор), титулярный советник (чиновник IX класса табели о рангах). Видимо, эта ветвь рода потеряла свое первоначальное сословное и имущественное положение.

Первый год XIX столетия. Тверской помещик Петр Алексеевич Головин, уже далекий потомок древнего рода и княжны Марии Одоевской, озабочен, чтобы его имя и имена наследников были в очередной раз вписаны в 6-ю часть дворянской родословной книги Тверской губернии — привилегированное, столбовое дворянство⁶. Через два десятка лет он уже дед родившейся Ольги Николаевны Головиной — далекой прабабушки сегодняшних Уборских.

Посмотрим на запад. Территории Центральной и Восточной Европы, примыкающие к южному и восточному побережью Балтийского моря, заселены пруссами, язычниками балтами, славянами, эстами и другими народами. Прусские рыцари, тевтонцы, меченосцы, русские, литовцы — и кого там только нет. В их числе отчаянные рыцари из балтийских дворян — Генрих и Буркард фон дер-Ост.

За особые заслуги Маркграф Волдемар в 1317 году пожаловал им в лен⁷ древний германский город Дризен в области Неймарк в бывшем Бранденбургском Маркграфстве. В исходе четырнадцатого столетия это владение находится в руках наследников указанных

⁶Генеалогия господ дворян, внесенных в родословную книгу Тверской губернии с 1787 по 1869 г. с алфавитным указателем и приложениями. Составлена М. П. Чернявским. ГПИБ. Москва.

⁷В лен — в пользование.

рыцарей — братьев Арнольда, Доброгоста, Ульриха и Бертольда, названных в грамоте от 1365 года графами из Дризена. В актах, относящихся к 1405 году, город Дризен является владением рыцаря Ульриха фон дер Ост. Так начинается история баронского рода фон дер-Остен Дризенов⁸, продолжившаяся на Бородинском поле и закончившаяся очередным генеалогическим очерком о корнях семьи Уборских.

У Дризенов было потомственное занятие — воевать.

Служили разным предводителям, становились подданными государств, постоянно создаваемыми и рассыпающимися.

В 1795 году Курляндия⁹ входит в состав Российской Империи. В это время подполковник прусской армии Карл Вильгельм фон дер Остен Дризен присягает Императору Павлу I, который приближает его к своей Августейшей особе, переезжает в Петербург и вскоре становится гражданским губернатором Курляндской губернии. И спустя полтора столетия — предком составителя настоящего очерка.

1801 год. 55-летний генерал, уже тайный советник¹⁰, кавалер ордена Св. Анны 1-й степени Карл Вильгельм фон дер Остен Дризен уходит в отставку с поста губернатора Курляндии. Сыновья выросли: Егору 21 год, Федору 20, оба определены на военную службу в привилегированные полки. Служба у них идет ровно, участвуют в боевых действиях, получают незначительные ранения и награды. К войне 1812 года оба командиры — Преображенского и Муромского полков. Федор ранен на Бородинском поле. За проявленное мужество представляется к воинскому званию генерал-майора, впоследствии его портрет украшает галерею героев Отечественной войны в Эрмитаже. Оставлен на военной службе. Будучи военным комендантом Риги, отличился при спасении жителей от наводнения. Закончил службу в 67 лет генералом от инфантерии. Детей от двух браков было 11, мальчики почти все пошли по потомственным стопам — служили в армии.

Средний сын — барон Николай Федорович фон дер Остен Дризен, один из предков Уборских, тоже дослужился до генерала от инфантерии, последние годы службы командовал дивизией, расквартированной в Двинске.

Переключимся еще на один сюжет рядом с Балтикой. Этимология

⁸ РГИА. Ф. 1343. Оп. 46. Д. 1954.

⁹ Курляндия размещалась на территории нынешней Прибалтики.

¹⁰ Тайный советник — III класс табели о рангах, обращение к нему — Ваше превосходительство.

фамилии фон Гагман составителем еще не исследована. Но учитывая, что потомки относили себя к столбовым дворянам Эстляндии, их род образовался не позже XIII–XIV веков. И их дворянство обусловлено, возможно, боевыми заслугами. В то же время корень фамилии может указывать на принадлежность к деятельности, связанной с казною.

К концу XVIII века потомки Гагманов по какой-то причине оказались в России и расселились в Московской, Петербургской, Тверской, Костромской губерниях. Такой массовый исход семьи был вызван какими-то серьезными, скорее драматическими обстоятельствами.

В результате победы Москвы над Ливонией московский боярин Михаил Яковлевич Морозов в 1564 году был направлен воеводой в г. Дерпт (ныне г. Тарту, Эстония), где он «оболгал» ливонцев перед Великим князем Иваном Васильевичем (Грозным) так, что последний приказал вывезти всех немцев с женами и детьми из Лифляндии, из Дерпта, Феллина и Нарвы в свою землю — в 4 города: Кострому, Владимир, Углич и Кашин¹¹. Были ли среди них Гагманы — не выяснено.

Другая версия — экономическая. В 1721 году Эстляндия по Ништадскому мирному договору вошла в состав Российской Империи. Северные территории составили Эстляндскую губернию. Эстляндское дворянство, неся военную службу, стало перемещаться вглубь России, получая по службе или в результате браков землю, переходя в православию¹². Но унаследованный менталитет сегодняшних коренных жителей прибалтийских государств, складывающийся не одно столетие, показывает, что вряд ли такое переселение было добровольным.

Столбовым дворянином считал себя потомок Гагманов — ротмистр Ямбургского уланского полка, расквартированного в Тверской губернии, лютеранин Густав Карлов сын фон Гагман, 1806 года рождения.

И пересеклись на Тверской земле жизненные пути Карла Густава (он же Федор) и дочери столбового дворянина Головина — Ольги Николаевны.

Не прошло и трех десятков лет, как младший сын Федора Гагмана и Ольги Головиной — Дмитрий, окончив военное Павловское

¹¹Штаден Г. Записки немца опричника / Генрих Штаден ; подготовка к печати А. Каретникова // Смена. — 1995. — № 8.

¹²Малая советская энциклопедия. — Т. 10. — Изд. 3-е. — М. : Большая советская энциклопедия, 1960.

училище, уволился из армии в 28 лет в звании поручика и решил жениться. Где и как пересеклись фамильные линии Дризенов и Гагманов, сегодня мы вряд ли узнаем. Но точно известно, что в Тверскую губернию Дмитрий Федорович фон Гагман вернулся с женою, молодой баронессой Ольгой Николаевной Дризен, дочкой Николая Федоровича, и в 1890 году у них родилась дочь — Ольга Дмитриевна фон Гагман, ставшая впоследствии бабушкой неугомонного раскапывателя своих корней.

Экскурс на реку Вятку и далее, в другую часть света — на Алтай. Вятка — река, приток Камы, впадающей в Волгу, берущая начало в предгорье Урала, прекрасный водный путь Средневековья и последующих столетий, соединяющий богатые пушниной Север, самоцветами Урал, зерном Поволжье с Каспийским и Черным морями и далее — с Ближним Востоком и Азией. С конца XII века по реке Вятке и ее притокам стали селиться русские. К концу XVIII века их было более 80%. Вятские земли завоевывали новгородские ушкуйники, московские дружинники, отряды золотоордынцев. В свою очередь вятские дружинники ходили на столицу Золотой Орды — Сарай, боролись против московского владычества, посылали свои отряды для борьбы с поляками к Минину и Пожарскому, участвовали в сражениях против французских войск Наполеона.

Земельные угодья царским двором раздавались служивым людям, крепостные возделывали земли, заготавливали леса. Среди землевладельцев вятского края были и Демидовы, потомки государственного крестьянина и тульского кузнеца, возведенные за заслуги перед Российской короной в дворянское достоинство.

Демидовы были самой большой промышленной семьей в тог­дашней России. Их заводы и предприятия, большие и маленькие, были практически разбросаны по всей России. А работали на них каторжники и беглые, государственные (казенные), монастырские и крепостные крестьяне, в том числе и вывезенные с берегов Вятки. Это одна из возможных причин появления на российской территории большого количества населенных пунктов с названием, содержащим корень Вятка.

В середине XVIII века на левый берег Оби примерно в 90 км от Барнаула Демидовы привезли и поселили несколько семей из Вятского края. Поселение назвали Вяткино, и стоит оно до сих пор. Трудно жилось и Вяткиным, и другим, работающим на металлургических заводах и рудниках Кольвани и Змеиногорска¹³. По нынешним представлениям условия невыносимые, но работали, периодически бунто-

вали, добивались либо послаблений, либо каторги с цепями на ногах на тех же рудниках. Среди таких бунтовщиков попал в архивные списки и один из потомков этих Вяткиных.

Нас же интересует другой Вяткин (хотя не исключено, что он родственник бунтаря), судьба которого тоже попала в исторические архивные документы и в родословную Уборского, но по другому поводу.

Кто-то приметил сообразительного шустрого мальчишку Афоньку — сына рудознатца¹⁴ Сидора Вяткина — и отправил его в школу мастеровых детей. В 14 лет он работает в чертежне, в 15 участвует в строительстве плотин и мельниц, в 17 — в отливке и ковке деталей для различных машин, в 20 — в строительстве металлургических заводов на Алтае и юге Западной Сибири. В 21 год в Санкт-Петербурге перенимает (а может быть, и передает) опыт работы на оборудовании по разливке металла. Потом Кавказ, Урал. Хорошие были у него учителя, если в 38 лет в его честь в Екатеринбурге чеканится именная медаль. О почестях особо не думал, дворянство получили лишь дети за заслуги отца после его смерти.

Двое его сыновей, получив дворянство за заслуги отца, пошли на военную службу. Известна судьба Павла Афанасьевича Вяткина. Попав по службе в Минскую губернию, он встретил очень красивую (по рассказам потомков) представительницу обедневшего польского графского рода Елизавету Оттовну Езерскую, которая стала его женой. Их сын Александр окончил Московский университет, был успешным присяжным поверенным в Москве и со временем попал в генеалогические хроники их составителя.

Москва, XVIII век. Столица перенесена в С.-Петербург. В первопрестольной бурно растет купеческое сословие. Не только за счет приезжих. Сын дворового при доме асессора сыскного приказа¹⁵ Егора Васильева Непеина 1 марта 1751 года «отпущен на волю вечно»¹⁶. Через год Петр Грачев по указу Московского магистрата был определен

¹³Энциклопедия Алтайского края : в 2 т. — Барнаул : Пикет, 1997.

¹⁴Рудознатец — искатель залежей руд.

¹⁵Коллежский асессор — чиновник VIII класса (из 14 классов). Сыскной приказ — государственный орган, занимающийся расследованием различных преступлений.

¹⁶Материалы для истории московского купечества : 3-я Ревизская сказка (1767). — Т. 2. — М., 1885.

в московское купечество. К этому времени ему было не больше 18 лет. Со временем обзаводится семьей и становится основателем очередной корневой ветви семьи Уборских.

У основателя новой купеческой семьи Петра Ивановича Грачева дела шли неплохо. Из Замоскворечья перебирается в Бараши (рядом с Покровскими воротами), ближе к центру, где начало селиться состоятельное купечество. Главой семейного купеческого клана в новое XIX столетие входит Михаил. В Замоскворечье построен обводной канал, мосты в центр города, и Грачевы перебираются в престижные Кадаши, где у них уже своя усадьба. Все бы хорошо, но беда на Россию навалилась огромная, пришел француз, Москва сгорела, усадьба Грачевых, московские фабрики, торговые ряды сгорели, все нужно начинать сначала. После смерти в 1816 году Михаила главою купеческой семьи становится Дмитрий Петрович Грачев. Много сил приложил Дмитрий Петрович, а после его смерти сын — Семен Дмитриевич, чтобы подняться. Во второй половине XIX века Грачевы уже не торгуют на хорах, а вкладывают капиталы в акции, покупают леса, строят заводы по производству шпал для бурно развивающейся железнодорожной сети. Семен Дмитриевич обеспечивает дочерей приданым, сыновей капиталом, к концу века за Грачевыми числятся особняки в Малом Кисловском переулке, на Поварской (посольство Норвегии), на Маросейке (посольство Белоруссии), усадьба в Ховрино (диспансер), в Черниговском переулке (Международный фонд славянской письменности и культуры) и ряд других. Его дети и внуки делами занимаются уже независимо друг от друга. Но эти поколения — это уже не те купцы, которые прекрасно описаны А. Н. Островским, Д. Н. Маминым-Сибиряком и другими классиками отечественной литературы. Это промышленники, банкиры, предприниматели, с хорошим образованием и воспитанием, увлекающиеся искусством, занимающиеся благотворительностью. Именно уже в такой семье родилась в 1887 году и выросла Наталья Дмитриевна Грачева, окончившая гимназию и Высшие женские курсы при Московском университете, будущая бабушка составителя настоящих очерков, а по сути — их инициатор и соавтор.

Подмосковье на запад от Москвы. В верхнем течении реки Москвы на месте древнего поселения Юрий Долгорукий в 1152 году закладывает город Звенигород, форпост от западных незваных пришельцев. В 1398 году там был основан Саввино-Сторожевский монастырь. В разные годы им владеют многочисленные князья, монастырь жаловался служилым татарским царевичам и князьям. Разрушался

Лжедмитриями I и II, восстанавливался. Земли на запад от Москвы славились лесами, царской охотой.

В конце XVI века часть земель вдоль реки Москвы принадлежала князьям Волконским. В 1610 году граф Иван Петрович Шереметев получил в приданое за своей женой, княжной Марфой Васильевной Волконской, совершенно брошенное и бедное поселение на высоком берегу реки Москвы у соснового бора с красивым наименованием Уборы. Его внук Петр Васильевич Шереметьев ставит там сначала небольшую деревянную церковь Спаса Нерукотворного. В 1694 году Шереметев заказал постройку новой каменной церкви уже известному тогда зодчему Якову Григорьевичу Бухвостову, которая сохранилась до наших дней и является одним из украшений Подмосковья¹⁷.

На рубеже XVIII–XIX веков священником церкви Спаса Нерукотворного был благословлен уже известный читателю Стефан Стефанов Гуриновский.

Наполеон устремляет взгляды на восток. Аустерлицкое сражение в конце 1805 года, в котором участвовал тоже уже известный читателю молодой барон Федор фон дер Остен Дризен.

А в подмосковном селе Уборы тихо, внизу красиво извиивается река Москва, с церковной паперти открываются красивые заливные луга, жизнь идет своим чередом, но в церквях уже молятся за сражающихся с французом русских мужиков — живых и убиенных. В 1812 году сыну Стефана Стефанова — Константину два года. После Бородинского сражения французские войска шли к Москве по дорогам недалеко от Убор. События тех лет, наверное, отложится в памяти ребенка, хотя бы и по рассказам взрослых.

В духовном сословии были свои традиции, одна из них — давать детям образование. Поэтому с ранних лет Константина посылают в уездное духовное училище при Саввино-Сторожевском монастыре в Звенигороде, дав ему фамилию по тогдашним правилам Уборский. После училища Константина определяют на службу пономарем в село Михайловское соседнего Рузского уезда. Далее по традиционной схеме: дети, внуки получают духовное образование, большинство становится церковно- и священнослужителями.

¹⁷Насимович Ю. А. Природные и культурные достопримечательности Одинцовского района. — URL: <http://temnyjles.narod.ru/Odinc-dl.htm> (дата обращения: 05.12.2019).

Но внук Константина — Иван Николаевич Уборский после окончания Ярославской духовной семинарии рясу не надевает, а поступает в Ярославский Демидовский юридический лицей, который приравнивался по статусу к университету. Получив степень кандидата права, он приезжает в Москву и начинает служить секретарем прокурора Московского окружного суда.

Вот мы и вошли в XX век, век великих потрясений, век невиданных ранее войн и революций.

В Москве молодой чиновник Иван Николаевич Уборский знакомится с артистичной красивой девицей Ольгой Дмитриевной фон Гагман, брак которых явился причиной появления внука, который и пытается сегодня раскапывать и описывать семейные корни.

Сын Александра Вяткина — Евгений родился в Москве. Учась в гимназии и в Московском университете, дружил с Борисом Дмитриевичем Грачевым — потомком Петра Грачева. Дружба с Борисом переросла в любовь к его сестре — Наталье Дмитриевне Грачевой. Но Борис не остался в долгу: полюбил сестру Евгения — Софью Вяткину. Венчались в один день, но в разных церквях, т. к. священники не могли разобраться, нет ли здесь кровосмешения.

Так пересеклись фамильные линии бывших крепостных крестьян, столбовых дворян, немецких баронов, священников и церковнослужителей.

В начале XX века у Евгения Александровича Вяткина и Натальи Дмитриевны Грачевой родилась дочь — Наталья Вяткина, а у Ивана Николаевича Уборского и Ольги Дмитриевны Гагман — сын Вадим Уборский, которые, спустя необходимое для этого время, связали не только свои узы, но и исследуемые корневые ветви Уборских.

Несмотря на все ужасы и невзгоды XX века: революции, реквизиции, войны, лагеря, — большинство из выявленных предков ушли из жизни естественным путем.

Выше показано, как пересекались фамильные линии на временной сетке истории с учетом известных фактов, воспоминаний, документов.

Но возможны ли иные пересечения, с позиций исторической саги, где факты лишь фон, а главное судьбы героев, их отношение к своему времени, к характерным в то время человеческим ценностям?

Что, если события сжать вокруг Бородинской битвы, проходившей недалеко от села Уборы, в которой достоверно участвовали

Дризен, битвы русской армии, для которой варили металл Вяткины, поставляли ткани фабрики Грачевых, собирали хлеб крестьяне Головиных и Гагманов. Сжать в начале XIX века с тем, чтобы судьбы разошлись еще на столетие и стали вновь пересекаться в XX веке. Сжаться вновь на семье Уборских и разлететься в футурологические дали наступившего XXI века.

Именно так мне представляется живое наследие памяти.

Заканчивая многолетний труд, задался вопросом, а что я оставлю своим далеким потомкам кроме очерков об их очень далеких предках. О семье и жизни во второй половине XX века, о XXI веке. Что им оставят мои дети и внуки? Уверен, что кому-то из моих далеких потомков тоже захочется заглянуть в историю семьи двухсотлетней давности.

Вопрос не праздный и звучит совсем не риторически.

Что сподвигло моих маму, бабушку, прабабушку вести дневники, записывать важные семейные даты, хранить всю переписку, собирать и подписывать фотографии? И почему другие мои бабушки, дедушки не делали того же самого?

Участвуя последние два десятилетия в различных мероприятиях, посвященных семейной исторической памяти, пришел к эмпирическому выводу: «Любовь к отеческим гробам» — определенный культурный код, присущий небольшой части населения (не обязательно образованной).

Возможно, когда-то генетики научатся определять культурные коды у новорожденных. Но уверен — культура не только наследуется, но и воспитывается семьей, школой, средой.

Так уж случилось, что мы сегодня оказались в эпицентре очередной научно-технической революции — цифровой информационной, которая оказалась в значительной степени и социальной.

А мы знаем из опыта наших ближайших предков, что в годы революций ломаются не только символы и устои власти, но и морально-этические представления и об окружающем мире, и о себе самом. И задача — не дать разрушить то, что мы имеем сегодня.

Мою прабабушку научила вести памятную книжку ее гувернантка. Начинаются записи с прочитанных книг, продолжаются важными для нее событиями, заканчиваются незадолго до ухода записями о последних днях родственников.

Мою бабушку научили вести дневник в гимназии. Мама училась, когда личные дневники были не в моде, а порой и опасны. Но традиции

семьи привили ей трепетное отношение к письмам, фотографиям, к сохранению, на первый взгляд, малозначащих предметов — свидетелей проходящей жизни.

В послевоенные годы в моей московской школе что-то говорилось о ведении записей в дневниках, но это было не модно. А жаль. Но гены или традиции семьи проявились в зрелом возрасте.

Задачи современной российской генеалогии — понять, кто мы и откуда. Она вновь стала развиваться во второй половине XX века, переросла даже в моду. И это хорошо — приобрела культурологический, просветительский смысл.

Но возвращаюсь к исторической памяти. Она не только в официальных учебниках и справочниках, в научных публикациях. Она и в семейных легендах, передаваемых изустно из поколения в поколение, она в сохранившихся письмах, фотографиях. Семейная историческая память придает краски, фактуру официальным событиям.

Худо-бедно с восстановлением исторической памяти прошлых лет, в том числе и семейной, за последние годы разобрались: издано много пособий по семейной генеалогии, созданы сайты, проходят конкурсы школьников, печатаются и выкладываются в Рунет результаты семейных исследований.

А что скажут наши далекие потомки об исторической памяти нашего времени? Официальная историческая наука не оставит потомков в одиночестве. А семейная память?

Кто сегодня собирает и хранит ранее привычные для домашнего археолога истлевшие письма, старые фотографии, дневники и альбомы с посвящениями? Из чего должен формироваться современный семейный архив для будущих исследователей?

Недавно задал задачку выпускнику престижного вуза по IT-технологиям: восьмиклассник через свой гаджет отправил предмету своей влюбленности сочиненное им четверостишие, через полвека ему захочется его найти — сможет ли? Простого ответа не получил.

Уверен, что специалисты мне возразят — у цифровой технологии неограниченные возможности, всего лишь для сохранения на полвека опуса нужно то, это и еще что-то. Пособий, как построить генеалогическое дерево, не перечисть. Думаю, лет через десять-пятнадцать построить генеалогическое дерево до Адама и Евы можно будет несколькими кликами, но оно будет безжизненное, в нем не будет живой семейной истории. А вот пособий, как сохранить в цифре на полвека или больше свои семейные сюжеты, я не встречал.

На самом деле сегодня мы храним в гаджетах огромнейший объем информации о текущей жизни. Фотографии, эсэмэски, письма, билеты, копии документов и чего там только нет. И это буквально бесценный материал для будущего исследователя. Но как им распорядиться?

Определенный толчок к распространению семейной генеалогии дала школа, когда были введены уроки по своей семье. Многие родители, бабушки и дедушки напряглись, помогая своим чадам строить простейшие генеалогические схемы. Хорошо бы использовать этот опыт. Компьютер в классе сегодня уже совсем не экзотика. Объяснять детям, что нужно хранить информацию для их внуков, бессмысленно. Но научить их уважать свой труд нужно, а каждый клик — это труд в информационной среде, такой же, как и уложенный кирпич на стройке.

Нужны методики для детей и взрослых по сортировке информации по ее значимости, по отделению стеба от осмысленных постов, фейков от правды и т. п. Уже сегодня, живя в информационной цифровой среде, каждый должен понимать необходимость всех этих приемов, чтобы быть не только успешным, но и не оказаться обманутым.

Для сохранения семейной памяти нужно еще уметь с ранних лет сохранять информацию. Что это возможно — у меня сомнений нет, но как это делать — требует обсуждения.

В последние десятилетия создано большое количество исторических и генеалогических сайтов, блогов, личных электронных архивов, где собрано несметное информационное богатство. Кто и как этим распорядится? Не окажутся ли они на помойках, как оказались старые письма, фотографии, дневники и альбомы не только после 1917 года, но и в благополучные 60-е, когда сограждане массово переселялись в новое жилье и не всем хватило мудрости сохранить живое наследие памяти.

Перед нами очередные грабли, не хотелось бы на них наступать.

**Итальянские скульпторы Кампиони в Москве
в конце XVIII и в XIX веке**

В 1780-х годах семья Кампиони приехала в Россию из итальянского города Варенны, расположенного на живописном побережье озера Комо. Как и вся эта местность, Варенна издавна славилась искусными мастерами мраморного дела. Используя цветной мрамор из окрестных каменоломен, мастера добивались высокого художественного эффекта в сочетании разных оттенков и полутонов¹. Показательна и фамилия Кампиони: еще в XIII веке в местечке Campione d'Italia работали архитекторы и скульпторы, создавшие и украсившие собор в Тренте. По фамилии их стали называть campionesi². Мраморное дело передавалось из поколения в поколение в течение веков. Поэтому, оказавшись в России, Кампиони, как хорошие специалисты-мраморщики, стали востребованными и нужными мастерами.

Глава семейства — Пьетро Кампиони (1739–1807) с супругой Венерандой и детьми Николаем, Валентиной (уже со своими семьями) и младшими — Сантино³ и Амброджо (рис. 1) первоначально, видимо, приехали в Петербург, однако обосновались они в Москве. При этом российского подданства ни сам Пьетро, ни его сыновья не имели. В документах конца XVIII – первой трети XIX века представители этой фамилии записаны чаще всего как «иностранец» или «итальянец»,

¹ *Колли Н. Я.* Скульптор-декоратор Кампиони Пьетро Антонио (Pietro Antonio Campioni). С. 1–2. (Эта рукопись, портреты на холсте Сантина Петровича Кампиони с женой и сыном и одного, а также альбом Кампиони хранится у Натальи Яковлевны Колли. Выражаю ей искреннюю благодарность за ознакомление с архивом Кампиони-Колли и предоставленные материалы).

² Encyclopedia of world art. New York, 1960. Vol. III. P. 39–46.

³ По-русски для удобства склонения его имя в документах написано как Сантин, часто прибавлено отчество: Сантин Петрович. В дальнейшем тексте статьи этот вариант написания также будет использоваться.

городе близ Ильинских ворот⁸. Торговые объявления в газете «Московские ведомости», где фамилия Кампиони появляется с 1790 года, уточняют адрес: между Ильинскими и Варварскими воротами на Новой площади, в доме покойного купца Щербинина (Щербина)⁹. Таким образом, сначала Кампиони расположились на новом месте, а затем дали объявление.

В декабре 1793 – январе 1794 года Кампиони переехали на Рождественку, в дом госпожи Масловой, о чем не замедлило появиться объявление: «У него Кампиони продаются разные мраморные вещи для убору домов, как-то: камины, статуи, столы, вазы, тумбы, гробницы и пр. Он же работает и по заказу из настоящего и из фальшивого мрамора»¹⁰.

Судя по объявлениям в «Московских ведомостях», Пьетро Кампиони в 1792 и в 1793 годах выезжал в Италию, привозил оттуда мрамор и изделия из него и продавал их в Москве. В 1793 году Пьетро уведомил в «Московских ведомостях», что «вместо его Кампиони остаются дети его, которые будут продолжать мраморную работу» в его отсутствие¹¹.

До начала XIX века мастерская, по всей видимости, принадлежала Петру Кампиони, несмотря на активную деятельность детей. В 1798 году он подписал договор на изготовление у вновь надстроенного мезонина Кремлевского дворца «из собственного каррарского мрамора тумб с плинтом, карнизом и поручнями за 275 р.»¹². В июне 1806 года «итальянцем Петром Кампиони зделано и на место поставлено в с. Царицыно гипсовые египетские две сфинксы за 35 руб.; в храм, состоящий в Слободском саду Петра Великого, мраморные доски с надписью за 50 руб.»¹³. В 1807 году Пьетро скончался, и мастерская на Кузнецком Мосту окончательно перешла в руки его сына Сантина.

⁸ Творцы техники и градостроители Москвы (до начала XX века). – М.: Янус-К: Московские учебники и картлитография, 2002. – С. 130.

⁹ Московские ведомости. – 1790. – № 21. – С. 315; № 49. – С. 691; Московские ведомости. – 1792. – № 31. – С. 600.

¹⁰ Московские ведомости. – 1794. – Особое прибавление к № 1. – С. 10.

¹¹ Царёва С. М. Итальянец Сантино Кампиони и его скульптурная мастерская в Москве // Архитектурное наследство. – Вып. 56 / отв. ред. И. А. Бондаренко. – М.: КРАСАНД, 2012. – С. 168–182, 169.

¹² ГИМ ОПИ. Ф. 526. Оп. 1. Д. 137. Л. 43.

¹³ Там же.

*Рис. 2. Останкино. Египетский павильон.
Искусственный мрамор на колоннах изготовлен
в мастерской Сантино Кампиони. Фото С. М. Царёвой, 2011 г.*

Сантин Петрович рано начал помогать отцу. В 1793 году Сантино Кампиони отделывал искусственным мрамором колонны в Египетском павильоне усадьбы Останкино Н. П. Шереметева¹⁴ (рис. 2) и в зале дома С. С. Апраксина на Знаменке¹⁵ (ныне Знаменка, 19–21; здание сильно перестроено, отделка не сохранилась). Возможно, это первые работы Сантина, выполненные не под наблюдением в мастерской отца, а при выезде на объекты, особенно если учесть, что искусственный мрамор на колоннах в доме Апраксина не понравился владельцу. Однако, несмотря на то что, по словам архитектора Кампорези, освидетельствовавшего колонны, они «на мрамор фальшивый не похожи»¹⁶, Сантино «отозвался против того в своей справедливости письменно объявлением»¹⁷, отстаивая свою правоту. В дальнейшем он стал лучшим московским мастером в производстве искусственного мрамора.

¹⁴Царёва С. М. Итальянец Сантино Кампиони и его скульптурная мастерская в Москве. — С. 168–182, 169.

¹⁵ЦГА Москвы. Ф. 105. Оп. 7. Д. 3209. Л. 3–7.

¹⁶Там же. Л. 3.

¹⁷Там же. Л. 7.

В 1799 году Сантино изготовил две печи фальшивого мрамора для «Тверского казённого дома» (также дом генерал-губернаторов, ныне Тверская, 13)¹⁸. К этому дому Сантин Петрович возвращался еще не раз. В ноябре 1803 года он получил деньги за выполнение в доме генерал-губернаторов «в кабинет мраморного камина с приделанием из фальшивого мрамора 160 р.; полированных 5-ти мраморных столовых досок 25 р.; на сделание двух круглых пьедесталов из собственного мрамора — 35 р., а всего 240 р.»¹⁹. Из этого следует, что Сантино уже с конца XVIII века работал и с искусственным, и с натуральным мрамором, и работал, как видно, неплохо, иначе в такое важное общественное здание пригласили бы не его, а, к примеру, его отца Пьетро или другого мраморщика.

Мастерская принадлежала Сантину уже с 1804 года и располагалась на Кузнецком Мосту под № 449 (в других источниках № 447) на арендованной земле Тверского архиерейского подворья (ныне Кузнецкий Мост, вл. 17; все здания мастерской перестроены или утрачены)²⁰. В 1805 году Кампиони собирался сломать ветхие строения и выстроить жилой дом, конюшни и сарай, на что было дано разрешение от Управы благочиния²¹. Упоминания о том, что Сантино Кампиони живет на Тверском подворье, встречаются в 1800²², 1804²³, 1809²⁴, 1812²⁵, 1813²⁶,

¹⁸ГИМ ОПИ. Ф. 526. Оп. 1. Д. 137. Л. 19.

¹⁹Там же.

²⁰ЦГА Москвы. Ф. 105. Оп. 9. Д. 2410. Л. 1–5.

²¹Там же.

²²«близ Кузнецкаго мосту на Тверском подворье под № 345 у мраморщика Кампиони...» (МВ № 34. С. 854)

²³Сантино Кампиони нанял на 10 лет Тверское архиерейское подворье Мясницкой части 5 кв. № 449 (ЦГА Москвы. Ф. 105. Оп. 9. Д. 2694. Л. 1).

²⁴«портниха Виктория Пеш наняла у него Кампиони в доме, состоящем на Кузнецкой улице Мясницкой части 5 кв. под № 447 в каменном одноэтажном жиллом флигеле при въезде на двор в правой руке... покои...» (ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 26. Д. 71. Л. 99).

²⁵«Мясницкой части в шестом (?) квартале под № 447 записан» (ЦГА Москвы. Ф. 105. Оп. 7. Д. 6072. Л. 2).

²⁶Сантино и Николай Кампиони жительствоуют на Тверском подворье (ЦГА Москвы. Ф. 46. Оп. 8. Д. 697. Л. 14).

1814²⁷, 1815²⁸, 1822²⁹, 1826³⁰ годах. Лишь в 1834 году появилось объявление о переезде на Большую Дмитровку, в дом господ Пушкиных³¹, где мастерская находилась продолжительное время.

Самой распространенной ошибкой является неправильное место рождения Сантино Кампиони. Его некролог содержит неточности, в том числе указано, что он родился в Варезе³². С тех пор эта ошибка повторяется практически во всех упоминаниях о нем, и лишь И. Э. Грабарь утверждал, что Сантино родился в Варенне³³. В пользу

²⁷ «обращаться на Лубянку, в дом Тверскаго подворья к Сантино Кампиони» (МВ. № 7. С. 142); «близ Кузнецкаго мосту в доме мраморщика Кампиони» (МВ. № 29. С. 702); «на Кузнецкой улице, где живет и производит работу мраморный мастер Кампиони, отдается внаймы Тверское подворье на четырехгодичное время» (МВ. № 51. С. 1276).

²⁸ Мясницкой части 5 кв. № 447 (ЦГА Москвы. Ф. 46. Оп. 8. Д. 1750. Л. 75).

²⁹ «в доме Кампиони, что на Кузнецком мосту» (МВ. № 16. С. 409).

³⁰ В разделе «Ваятели»: Кампиони живет на Кузнецком мосту в собственном своем доме (Альманах для приезжающих в Москву на 1826 г. С. 72).

³¹ МВ. — № 103. — С. 4940.

³² Московский городской листок. — М., 1847. — № 26 (3.2.1847). — С. 1. Неточности в некрологе заметил еще Грабарь (*Грабарь И. Э.* Останкинский дворец // Старые годы. 1810. № 5–6. С. 37). Ошибочно указано, что родился Сантин Петрович в Варезе, а не в Варенне, и что в 15 лет лишился отца. Впоследствии эти неточности попали в Русский биографический словарь (что также отметил Грабарь), а неправильное место рождения Варезе оказалось даже в словарях: Художники народов СССР... // Указ. соч. С. 145; Творцы техники и градостроители Москвы (до начала XX века). М.: Янус-К; Московские учебники и картлитография, 2002. С. 130. Постепенно эти сведения обогатились новыми фантазиями. Статья Кузнецовой (*Кузнецова Е. Г.* Зодчие и скульпторы усадьбы Кузьминки // Три века усадьбы Кузьминки: в 2 т. М., 2006. Т. 2. С. 206–209) изобилует ошибками. Не говоря о приписывании этой мастерской исполнения *росписей* Голицынской больницы и Большого театра, *чугунной сени* для монумента Марии Фёдоровны в Кузьминках; встречаются такие ошибки, по которым можно заключить, что автор не видела того, о чем пишет. Например, памятные колонны в честь приезда императоров в Архангельском увенчаны не двуглавыми, а одноглавыми орлами; а в Останкино Кампиони выполнил не «настенный барельеф», а барельефы в нижней части колонн.

³³ *Грабарь И. Э.* Останкинский дворец // Старые годы. — 1810. — № 5–6. — С. 37.

Рис. 3. Бенуа Н. Л. (?) Вид Варенны. Сер. XIX в.
Калька, тушь, перо, акварель. Рисунок из альбома Кампиони.
Собрание Н. Я. Колли

Варенны косвенно свидетельствуют надписи на надгробиях его родителей и брата, устные утверждения потомков Кампиони — Н. Я. Колли и Н. А. Добрыниной, а также хранящийся в семье Н. Я. Колли альбом Кампиони XIX века. В этом альбоме один из рисунков тушью на кальке с подцветкой акварелью (по устному преданию приписывается Н. Л. Бенуа, рисунок подписан «NB») назван: «Очерк Варены с Вечья³⁴ взятый», и на нем условным знаком отмечена «большая крыша вашего дома», т. е. дома семьи Кампиони (рис. 3).

Возможные возражения, что Сантино хотя и провел детство в Варенне, но родиться мог в Варезе, куда его мать теоретически могла отправиться на богомолье на расположенную там Святую Гору³⁵, нашли документальное опровержение. В 1980–1990-е годы в Италии были из-

³⁴ Вероятно, имелось в виду «с веккья взятый», от *vecchio* (ит. *старый, древний*); так мог называться старый город, наиболее древняя часть города.

³⁵ *Sacro Monte di Varese* — Святая Гора Варезе с расположенными на восходящей и петляющей серпантинном дороге 14-ю часовнями и 15-й капеллой в соборе Божией Матери на самой вершине горы. Внутри каждой часовни расписаны стены и находятся терракотовые раскрашенные статуи, изображающие

даны записи о крещении, бракосочетании и отпевании жителей Варенны — своеобразные итальянские «метрические книги» прихода церкви Сан Джорджо в Варенне в 9 томах. Из седьмого тома, охватывающего период с 1700 по 1799 год, можно узнать, что именно там 13 февраля 1774 года в 23 часа родился Сантино Кампиони, крещен 14 февраля³⁶. Даже если бы он родился в Варезе, то добраться за один день до Варенны (расстояние по прямой без учета рельефа местности около 50 км, современными дорогами в объезд озера Комо — около 100 км), где он принял крещение, в XVIII веке было просто невозможно.

Сведения из этой книги³⁷ существенно дополняют родословие Кампиони, дают более точные даты рождения, полные (двух- и трехсоставные) имена. Так, полное имя владельца московской скульптурной мастерской — Сантино Валентино Израэлло. Santino Valentino — уменьшительное от святого Валентина, память которого празднуется католиками как раз 14 февраля.

Старший брат Сантина — Николай, видимо, изначально жил отдельно своей семьей. Дату его рождения — 12.08.1768, как и полное имя — Николао Франческо Антонио, можно также узнать из метрик прихода Сан Джорджо в Варенне³⁸. В Москве Николай Петрович уже в 1796 году имел отдельную мастерскую в Яузской части в приходе церкви Воскресения в Барашах³⁹. В 1796 году в его мастерской,

сцены «розария» (название католических четок из 15 бусин и читаемой по ним молитвы, посвященной тайнам жизни Божией Матери). Мне посчастливилось побывать там в августе 2011 года в рамках зарубежной поездки Общества изучения русской усадьбы (составление маршрута и экскурсионное сопровождение: А. В. Чекмарёв и А. В. Слёзкин).

³⁶Varena seu Insula Nova: Miscellanea varennese. Tomo 7. Mandello del Lario, Panizza, 1991. P. 148–149.

³⁷Сердечно благодарю моего мужа Сергея Александровича Афонцева за чудесный подарок: Сергей нашел в Интернете объявление о продаже этой книги на итальянском сайте, сумел заказать ее (при незнании итальянского языка!) с просьбой отправить почтой из Италии в Россию, благополучно получил и подарил ее мне на день рождения!

³⁸Varena seu Insula Nova: Miscellanea varennese. Tomo 7. Mandello del Lario, Panizza, 1991. P. 137.

³⁹«На Покровке, в приходе Воскресения в Барашах в доме Г. Зыбелина у мраморного мастера Николая Кампиони продается разного сорта итальянской мрамор, как-то: каминные, убранные бронзой, пьедесталы, вазы, настольные

помимо мраморных изделий, продавался «разного сорта шоколад и Луккское масло»⁴⁰. На основании торговых объявлений А. П. Мюллер справедливо отметила, что многие иностранные мастера, торговавшие в России своими произведениями, продавали заодно еще много разных вещей, не имевших отношения к искусству⁴¹.

В 1804 году Николай задумал в своем владении (точный адрес на тот момент: «Яузской части 2 квартала под № 221 в приходе церкви Воскресения Христова в Барашах») сломать ветхое строение и надстроить каменные одноэтажные палаты каменным и деревянным этажом, а также выстроить каменную конюшню, три сарая (каменный, деревянный и каретный без обозначения материала) и погреб⁴².

К началу 1812 года Николай тяжело болел, его жена Маргарита к тому времени умерла, а дочь Мария вышла замуж, что можно узнать из прошения на выдачу билета для проживания в Москве, необходимого каждому иностранцу⁴³. В этом билете (на первую половину 1812 года) указан род его деятельности: «упражнением — мраморщик». В билете 1817 года Николай уже записан как «бронзовый мастер»⁴⁴. Возможно, после французского нашествия ему пришлось переквалифицироваться и изменить специализацию производства. Однако известно, что с металлом он работал и до этого. По крайней мере, из книги, содержащей публикации архивных документов 1812 года, можно узнать, что во время пребывания наполеоновской армии в Москве осенью 1812 года французы принесли Николаю Кампиони награбленную церковную утварь из серебра для переплавки. Поломанные вещи он переплавил, а целые оставил. Французы вскоре покинули Москву, а Николай передал оставшиеся у него вещи и сплавленное серебро в слитках священнику Вознесенской церкви Варсонофьевского монастыря, что близ Сретенки

доски (*столешиницы*. — С. Ц.), гробницы (*надгробия*. — С. Ц.), иготи (*настольные ступки*. — С. Ц.) разной величины; также можно заказывать и по рисункам...» (Московские ведомости. 1798. № 6. С. 114).

⁴⁰Московские ведомости. 1798. № 6. С. 114.

⁴¹Мюллер А.П. Быт иностранных художников в России. — Л.: АCADEMIA, 1927. С. 82. Правда, заявление автора о том, что Кампиони «продавал бюсты из мрамора, а также канареек и попугаев», неверно, т. к. по указанной ссылке в «Московских Ведомостях» ничего подобного не встречается.

⁴²ЦГА Москвы. Ф. 105. Оп. 9. Д. 2410. Л. 3 об.—5.

⁴³ЦГА Москвы. Ф. 105. Оп. 7. Д. 6082. Л. 3.

⁴⁴ГИМ ОПИ. Ф. 526. Оп. 1. Д. 137. Л. 39.

(ныне монастырь уничтожен, осталось лишь название переулка между Рождественкой и Большой Лубянской, бывшей Сретенкой — Варсонофьевский). Впоследствии серебряная утварь и слитки были переданы в Чудов монастырь⁴⁵. Правда, в примечании к этой интересной архивной публикации Николай почему-то ассоциирован с Сантином⁴⁶, хотя это были два разных человека, два брата, о чем свидетельствует подпись в конце прошения на аренду Тверского подворья: «...по брате моем родном Сантине Петрове сыне Кампиони порукою подписался иностранец италийской нации Николай Петров сын Кампиони»⁴⁷.

В 1813 году братья Кампиони не могли заплатить государственных податей, т. к. «претерпели совершенное разорение»⁴⁸. В «Ведомости, учиненной в Московской ремесленной управе о иностранных ремесленниках... с коих следует взыскать государственных податей» в Мясницкой части на Тверском подворье в «гранильном цехе» числятся два Кампиони — Сантино и Николай⁴⁹. В Яузской части этой фамилии нет. Видимо, дом Николая Кампиони в приходе церкви Введения в Барашах сгорел, и он перебрался к своему брату на Тверское подворье. Мастерская Николая существенно уступала мастерской Сантина, т. к. с первого следовало взыскать подать в размере 50 рублей, а с последнего — в пять раз больше: 250 рублей.

Источники, найденные М. В. Дьяконовым, дополняют сведения о месте жительства Николая Кампиони в последующее время. В 1814 году в Яузской части, видимо после пожара, был отделан его каменный дом и деревянные жилые покои. В 1823–1824 годах у Николая Петровича в Яузской части 2 квартала под № 222/198 вновь выстроен каменный дом и деревянный сарай. В том же 1824 году его дом оценен в 630 000 р., видимо, для продажи, т. к. сам Николай Кампиони «жительство имеет в Мясницкой части в Тверском Подворье у брата своего»⁵⁰. Последнее упоминание о Николае встречается в 1838 году, когда он прибыл на торги в бывший дом Разумовских, где продавались каминь, мраморные доски и подоконники⁵¹.

⁴⁵ Москва и Отечественная война 1812 г. : в 2 кн. — Кн. 2. — М., 2012. — С. 161–163.

⁴⁶ Москва и Отечественная война 1812 г. — Кн. 2. — С. 162, прим. 1.

⁴⁷ ЦГА Москвы. Ф. 105. Оп. 9. Д. 2410. Л. 2.

⁴⁸ ЦГА Москвы. Ф. 46. Оп. 8. Ед. хр. 697. Л. 12–14.

⁴⁹ ЦГА Москвы. Ф. 46. Оп. 8. Ед. хр. 697. Л. 14.

⁵⁰ ГИМ ОПИ. Ф. 526. Оп. 1. Д. 137. Л. 39–39 об.

⁵¹ ЦГА Москвы. Ф. 108. Оп. 1. Д. 96. Л. 7.

Рис. 4. Архангельское. Бронзовая статуя Екатерины II, отлитая в мастерской Кампиони по модели Козловского. Фото С. М. Царёвой, 2009 г.

О деятельности же Сантина Петровича можно встретить немало упоминаний в архивных документах, хотя в литературе сведения отрывочны и часто недостаточны. Он работал в Останкине Шереметевых, Архангельском Юсуповых, Кузьминках Голицыных, Семёновском-Отраде Орловых, отделявал многие известные частные и общественные здания Москвы (Странноприимный дом Н. П. Шереметева, дом Благородного собрания). В основном он занимался изготовлением статуй, надгробий (И. И. Дмитриеву, Д. А. Валуеву и Н. М. Языкову, Н. Д. Шереметеву и др.), пьедесталов, столешниц, мраморных пресс-папье и досок с надписями (закладных или для установки на здании), работал с искусственным и натуральным мрамором, а также с бронзой (например, для храма-памятника Екатерине II в Архангельском в его мастерской была отлита бронзовая статуя императрицы (рис. 4) по модели Козловского⁵²).

⁵² Савинская Л. Ю. «...Циркуль зодчего, палитра и резец ученой прихоти твоей повиновались...» // «Ученая прихоть». Коллекция князя Николая Борисовича Юсупова : в 2 т. / под общ. ред. В. А. Мишина; науч. ред. Л. Ю. Савинская. — М. : Художник и книга, 2001. — Т. 1. — С. 49.

Кроме того, он чистил и реставрировал скульптуру. В 1833 году «иностранцу Кампиони» было выплачено 75 рублей за «вынутие из ящиков» привезенных для Московского дворцового архитектурного училища из Императорской академии художеств «статуй, барельефов, головок и проч.; за сборку оных вещей и постановление на места» и «за сделание под ковчег базамента из фальшивого мрамора»⁵³. Имени иностранца нигде не указано, но, учитывая, что Пьетро Кампиони к тому времени умер, дети Сантина были еще малы, а брат Николай занимался преимущественно маломасштабным бронзолитейным производством, можно предположить, что работу для архитектурного училища выполнил Сантин Петрович. Это лишний раз свидетельствует о значимости Сантина в художественной среде того времени. К нему обращались не только для изготовления, но и для реставрации, аккуратной переноски и установки на место мраморных и гипсовых изделий.

При этом его мастерская не занималась росписями и не работала с чугуном. Его мастерской приписывается изготовление чугунных отливок львов для усадьбы Кузьминки⁵⁴, но на самом деле по архивным счетам Голицыных Кампиони было заплачено в 1838 году «за снятие старых лепных львов и за постановление на местах их чугунных»⁵⁵. При этом ничего не сказано о том, что эти львы присланы от Кампиони, а если бы это было так, то об этом обязательно упоминалось бы в счете. Как следует из другого счета, «новых 4-х львов» установили «на крыльца к западным флигелям» 4 человека за 2 дня. Кроме этого, присланные от Кампиони мастера чинили лепные фигуры, «поправляли в доме... бронзу и чистили около каминов и на столах мрамор», а также

⁵³РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 60. Д. 29741. Л. 27–27 об.

⁵⁴Е. Г. Кузнецова безосновательно приписывает мастерской Кампиони исполнение моделей по рисункам А. Н. Воронихина 12 чугунных египетских львов и чугунного же обелиска в честь Петра I (*Кузнецова Е. Г. Указ. соч. С. 209*). М. Ю. Коробко упоминает об облицовке печей и также приписывает изготовление чугунных львов на крыльцах флигелей скульптору Кампиони, и здесь называет его почему-то Сильвио (*Коробко М. Ю. Московский Версаль: Кузьминки – Люблино. М. : Прима-Пресс-М, 2001. С. 47, 48*). Правда, в брошюре, изданной позднее, автор верно называет мастера – Сантин Петрович Кампиони и ограничивается упоминанием одной его работы – облицовки печей искусственным мрамором в господском доме (*Коробко М. Ю. Кузьминки. М. : Santa-Optima, 2002. С. 44*).

⁵⁵РГАДА. Ф. 1263. Оп. 10. Ед. хр. 900. Л. 15.

окрашивали под бронзу (бронзировали) 4 чугунных канделябра и 10 (по другому счету — 8) львов. В мастерской были отлиты 4 алебастровых сфинкса⁵⁶. Чугунные произведения (канделябры и львы), как выяснил Ю. М. Коробко, были отлиты на Пашийских заводах Голицыных⁵⁷, а мастера от Кампиони только устанавливали их и перекрашивали под бронзу. Видимо, это было распространено в то время: в 1842 году одно из объявлений рекламировало «бронзовальный порошок» для разных целей, в том числе «для раскрашивания на разных чугунных и жестяных изделиях»⁵⁸.

Между тем удалось найти информацию о выполненных им барельефах для московских зданий. Так, в 1814 году для фасада дома В. Г. Орлова на Б. Никитской ул., д. 5 (рис. 5), у «мраморщика Кампионе» были куплены три барельефа за 200 р. и камин за 600 р.⁵⁹ Имени Кампиони в счете не упомянуто, но есть все основания предполагать, что им был Сантин Петрович.

Левый и правый барельефы на фасаде дома В. Г. Орлова («Прощание с воином» и «Возвращение Одиссея») повторяются в сохранившемся зале дома московских генерал-губернаторов (рис. 6) на Тверской улице (в то время он назывался Тверской казенный дом, ныне — мэрия г. Москвы; Тверская, 13). После 1812 года дом был наскоро отремонтирован, и уже в январе 1815 года в нем, по свидетельству современников, генерал-губернатором Торماسовым был устроен роскошный бал⁶⁰. Однако отделка продолжалась и в последующие годы. В журналах Экспедиции кремлевского строения удалось обнаружить договоры «разного звания людей», которые «объявили желание исправить... нижеозна-

⁵⁶ Там же. Л. 15–17. Выражаю признательность Е. В. Купцовой, указавшей мне эти документы.

⁵⁷ Коробко Ю. М. Московский Версаль: Кузьминки – Люблино. — С. 47, 48.

⁵⁸ *Нистрем К.* Московский адрес-календарь для жителей Москвы, составлен по официальным документам и сведениям К. Нистремом. — Т. 2: Лица официальные. — М., 1842. — Прибавление (в конце). — С. 8–9.

⁵⁹ ГИМ ОПИ. Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 107. Л. 64; *Прохорова Н. В.* Историческая справка по дому В. Г. Орлова — памятнику архитектуры XVIII в. Москва, Б. Никитская, 5/7. 1980 г. // Архив Института «Спецпроектреставрация». Ш. 358. Арх. № 1512. Т. 2. Л. 25.

⁶⁰ Грибоедовская Москва в письмах М. А. Волковой к В. И. Ланской. 1812–1818 / пер. с фр. М. Свистуновой ; предисл., коммент., указ. имен Е. Н. Савиновой ; Гос. публ. ист. б-ка России. — М., 2013. — С. 262.

*Рис. 5. Дом В. Г. Орлова на Большой Никитской ул., 5.
Фото С. М. Царёвой, 2017 г.*

*Рис. 6. Белый зал дома Генерал-Губернаторов
на Тверской улице, 13. Общий вид.
Фото С. М. Царёвой, 2012 г.*

ченные работы» в большом зале Тверского казенного дома в 1817 году. Среди них был «иностранец Сантин Кампиони», обязавшийся «вылепить из глины и отлить из алебаstra на двери (имеется в виду над дверьми. — С. П.) четыре барельефа фигурных по рисункам и поставить оныя на места с должным укреплением и расчисткою» за 500 р.⁶¹

Таким образом, нашлось подтверждение выполнения барельефов на Тверской, 13 и на Большой Никитской, 5 в мастерской С. П. Кампиони. Кроме того, помимо этих двух зданий, подобные барельефы повторяются еще в четырех московских постройках (дом Баташёвых—Шепелёвых на Яузской, 11; дом Л. К. Разумовского на Тверской, 21; дом Хрущёвых на Пречистенке; здание Опекунского совета на Солянке). Все эти городские усадьбы и общественные здания заново отстроены или переделаны после пожара 1812 года, восстановлением многих из них предположительно руководил архитектор Д. И. Жилярди. Учитывая, что рельефы повторные, отлиты из одной формы, можно предположить, что все они могли быть изготовлены в мастерской С. П. Кампиони приблизительно в 1813–1817 годах и позднее.

Через несколько лет, в 1820 году, был заключен контракт с С. Кампиони на отделку искусственным мрамором официантской комнаты дома генерал-губернаторов: «по стенам, тож в откосах оконных и дверных, равно на печах и каминах, где и какого цвета приказано было... с чистою отделкою, полировкой под глянец, без пятин и цапин»⁶². Кроме того, Кампиони обязался заполировать в большой гостиной «фальшивого мрамора старых панелей» и установить камин с полировкой. За это всё, а также «за приделание к гербу на камине вновь орла и двух крестов» он получил по выполнению 1670 рублей⁶³.

То, что при обустройстве дома генерал-губернаторов на протяжении длительного времени для отделки был неоднократно приглашен Сантино Кампиони, свидетельствует о высоком качестве выполняемых в его мастерской работ и подтверждает известность и добросовестность мастера.

К 1818 году относится важное событие в судьбе Сантина Петровича: он женился на Марии Антоновне Роспини, дочери итальянского торговца. Это утверждение основано на надписях на памятниках и надгробиях участка Кампиони на Введенском кладбище. Из этих надписей

⁶¹РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 46935. Л. 321 об.

⁶²ГИМ ОПИ. Ф. 526. Оп. 1. Д. 137. Л. 20.

⁶³Там же.

Рис. 7. Неизвестный художник.
Портрет С. П. Кампиони
с супругой и ребенком.
Нач. 1820-х (?) гг. Б., пастель.
Собрание Н. Я. Колли

следует, что год рождения Марии Антоновны — 1800, раньше 18 лет она выйти замуж не могла, а уже через год, 9 июля 1819 года, родился их первенец Пётро. Правда, умер он спустя год, 30 июня 1820 года. Удалось установить, что у Сантина и Марии было всего десять детей (см. рис. 1), из которых старший выживший сын (по счету — второй) Александр продолжил дело мастерской, Пётр (шестой ребенок) стал архитектором⁶⁴, а Николай (седьмой) — скульптором.

Этим временем (1820-е гг.) можно датировать портрет Сантина Петровича и Марии Антоновны с младенцем на руках (рис. 7). Как справедливо заметил советский архитектор Николай Яковлевич Колли, которому портрет достался от его бабушки Юлии Сантиновны (последней дочери С. П. Кампиони), композиция напоминает святое семейство⁶⁵. Для итальянцев это было вполне приемлемо. К сожалению, портрет, мастерски выполненный пастелью, не подписан.

⁶⁴В 1848 г. Пётр Сантинович получил от Академии художеств вторую серебряную медаль и звание некласного художника за проект концертного зала (Список русских художников к юбилейному справочнику Императорской академии художеств / сост. С. Н. Кондаков. [СПб., 1914]. С. 337). См. также: Художники народов СССР... С. 145; Творцы техники... С. 130.

⁶⁵*Колли Н. Я.* Сантин Петрович Кампиони // Архив Наталии Яковлевны Колли. — С. 14–15. Портреты С. П. Кампиони.

Рис. 8. Соколов П. Ф. Портрет С. П. Кампиони. 1838.
Картон, акварель. ГТГ

Рис. 9. Неизвестный художник. Портрет С. П. Кампиони.
Кон. 1830-х (?) гг. Х., м. Собрание Н. Я. Колли

Другой, акварельный портрет 64-летнего владельца мастерской был исполнен в 1838 году художником П. Ф. Соколовым⁶⁶ (рис. 8). В модной тогда альмавиве (широком плаще без рукавов) и красном галстуке изображен седой, с пронизательным взглядом карих глаз, Сантин Петрович. Вспоминается характеристика Рамазанова, годом позже гостившего у него в Москве: «гостеприимный, добрый... очень красивой наружности старик»⁶⁷, «стар, но свеж, и лета не ослабили его памяти»⁶⁸. Эту акварель в большем размере повторяет неподписанный портрет С. П. Кампиони (холст, масло) из собрания Н. Я. Колли (рис. 9). Изображение повторяется в точности, но холст более темный по колориту, фон золотисто-коричневый и галстук белого цвета. Известно, что работы П. Ф. Соколова часто копировали для родных и друзей⁶⁹, но копировали все-таки в графике, и не столь сильно увеличивая размер изображения. Портрет маслом мог быть выполнен и после акварельного, но утверждать это пока преждевременно. Его можно датировать концом 1830-х годов.

С. П. Кампиони со своими мастерами, помощниками и сыновьями принимал участие в отделке Большого Кремлевского дворца, строившегося с 1838 по 1849 год. В 1846 г. они производили отделку искусственным мрамором, каминные панели из итальянского мрамора⁷⁰. После смерти Сантина Петровича в январе 1847 года мраморные работы заканчивали его сыновья Александр, Пётр и Николай. В том же 1847 году за участие в построении дворца им были пожалованы серебряные медали⁷¹. По указанию современников, мастерской принадлежит на фасаде «высечка орнаментов на белом камне», в Парадных

⁶⁶20,2×16,2. ГТГ, Инв. Р-3156. Опубликовано в издании: Пётр Фёдорович Соколов. 1791–1848. Русский камерный портрет. Из коллекций музеев Москвы, Санкт-Петербурга и частных собраний. — М. : Государственный музей А. С. Пушкина, Пинакотека, 2003. — С. 118.

⁶⁷Рамазанов Н. А. Материалы для истории художеств... — С. 9.

⁶⁸Дневник и записки Н. А. Рамазанова... — С. 147.

⁶⁹Турчин В. С. Портретист Пётр Соколов // Пётр Фёдорович Соколов. 1791–1848. Русский камерный портрет. Из коллекций музеев Москвы, Санкт-Петербурга и частных собраний. — М. : Государственный музей А. С. Пушкина, Пинакотека, 2003. — С. 15.

⁷⁰«Где найдешь Москву другую?..» : Воспоминания архитектора В. А. Бакарева / авт.-сост. Л. И. Смирнова, В. А. Устинов. — М. : Изд-во Главного архивного управления г. Москвы : КОНТАКТ-КУЛЬТУРА, 2012. С. 845.

⁷¹РГИА. Ф. 472. Оп. 3. Д. 550. Л. 253–253 об.

сенях — работы из белого мрамора и облицовка искусственным мрамором стен и пилястр, в Георгиевской зале — два камня белого каррарского мрамора (рис. 10), в Александровской зале — четыре мраморных камня, в Екатерининской зале — итальянского мрамора цоколь под колонны, в Парадной опочивальне — капители и базы коринфского ордера на две колонны серо-зеленого мрамора и их установка⁷².

В 1839 году Москву впервые посетил выпускник Академии художеств, скульптор Н. А. Рамазанов. Сантин Петрович показывал ему достопримечательности Москвы, которую этот итальянец знал прекрасно. Рамазанов, записав кое-что в своем дневнике, совершил неоценимую услугу: благодаря этим воспоминаниям можно дать характеристику известному мраморщику, уточнить отдельные факты и допустить некоторые предположения. Может быть, именно благодаря своим работам Кампиони был «знаком чуть не в каждом доме»⁷³.

По свидетельству Рамазанова, в 1841 году Кампиони купил у возвратившегося в Петербург скульптора И. П. Витали «дом и мастерскую, со всеми принадлежностями, бывшие на Чистых прудах»⁷⁴. Об этом доме известно, что он был «убран прекрасно лепною работой» самого Витали⁷⁵. О том, как выглядели интерьеры в год покупки дома семьей Кампиони, можно представить по картине К. П. Бодри «Скульптор И. П. Витали за работой»⁷⁶.

Дом этот существует и по сей день по адресу: Чистопрудный бульвар, д. 11. В исторической справке к этому зданию нет никаких сведений о владельцах в период с 1841 по 1848 год⁷⁷. Но если верить

⁷²Агеев П. Краткий указатель достопримечательностей Большого Кремлевского дворца в Москве. — М.: Университ. тип., 1865. — С. 4, 7, 13, 18, 23, 26.

⁷³Дневник и записки Н. А. Рамазанова... — С. 147.

⁷⁴Рамазанов Н. А. Материалы для истории художеств... — С. 17.

⁷⁵Шевырёв С. Статуя киевлянина, назначенная для фонтана в Москве // Москвитянин. — М., 1841. — № 1. — С. 317. В некоторых помещениях сохранилась до наших дней лепнина на потолке, судя по всему — та самая, работы Витали.

⁷⁶Холст, масло. 1841. ГРМ. Картина воспроизведена в издании: Кривдина О. А. Иван Петрович Витали. Летопись жизни и творчества скульптора. — СПб.: Сударыня, 2006. — Илл. 59.

⁷⁷Историко-архитектурное и историко-культурное обследование вновь выявленного памятника истории и архитектуры по адресу: Чистопрудный б-р,

Рис. 10. Один из двух каминов белого каррарского мрамора в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца работы мастерской Кампиони. *Фото С. М. Царёвой, 2019 г.*

Рамазанову, то можно предположить, что в эти годы там действительно жил Сантин Петрович Кампиони со своей семьей и там же располагалась мастерская. Сантин Петрович умер в 1847 году, и вполне вероятно, что его вдова в скором времени продала это владение.

Интересно, что в дневнике Н. А. Рамазанова среди его знакомых упоминается немало итальянцев: Н. Л. Бенуа, архитектор Монигетти, Мазонески, Кракау. Рамазанов рассказывает о посещении мастерской ландшафтного живописца и анималиста Рауха, карандашные рисунки которого находятся в альбоме Кампиони. Больше всего рисунков в этом альбоме оставил Бенуа; видимо, он был близким другом семейства.

Н. Л. Бенуа после окончания Академии художеств (около 1830 года) был направлен к К. А. Тону на постройку Храма Христа Спасителя, а в комиссию по построению этого храма входил Сантин Петрович; видимо, именно тогда они и познакомились. Вероятно,

д. 11, стр. 4. Квартал № 296, ТУ «Басманное», ЦАО. М., 1994 // ОДФ ДКН г. Москвы. Шифр 2185/94. С. 28–29.

потом Бенуа устроил сыновей Сантина — Петра и Николая — в Академию художеств. Пётр был лет на 15 моложе Николая Леонтьевича Бенуа, родившегося в 1816 году. Позже, когда Бенуа был направлен в Москву на строительство земледельческой (Тимирязевской) академии, он стал привлекать к своим постройкам Петра Кампиони в качестве помощника. В частности, Пётр помогал Н. Л. Бенуа при строительстве Петровской земледельческой академии в Петровско-Разумовском⁷⁸. Возможно, именно Н. Л. Бенуа, к которому Н. А. Рамазанов отправился на следующий день по приезде в Москву, познакомил его с Кампиони.

В семейном альбоме Кампиони (рис. 11) сохранились автографы многих путешествующих итальянцев. Среди них нотные композиции и записи, подписанные знаменитыми оперными певцами первой половины — середины XIX века: Джованни-Баттиста Рубини, Антонио Тамбурины, Джудиттой Пастой и учившимся у Паганини скрипачом Камилло Сивори (рис. 12, *а*, *б*). В объявлении о гастрольях в Москве другой итальянской певицы, г-жи Пуччи, говорилось, что билеты на ее концерт можно приобрести, среди прочих мест, «в доме Кампиони, что на Кузнецком мосту»⁷⁹. Не зря современники отмечали, что «дом его служил местом соединения для иностранных художников, приезжавших в Москву, которым Кампиони оказывал всегда радушное гостеприимство и, в случае надобности, охотно подал помощь»⁸⁰.

Всё это говорит о том, что у семьи Кампиони был свой круг друзей — в основном итальянцев, говорили они на родном языке и, в отличие от своих петербургских родственников⁸¹, оставались католиками и похоронены на Введенском иноверческом кладбище в Москве (рис. 13).

⁷⁸Дьяконов М. В. К биографическому словарю московских зодчих XVIII–XIX вв. : (Извлечения из архивов) // Русский город. — Вып. 3 / под ред. В. Л. Янина. — М., 1980. — С. 262.

⁷⁹Московские ведомости. — М., 1822. — № 16. — С. 409.

⁸⁰Московский городской листок. — М., 1847. — № 26 (3.2.1847). — С. 1.

⁸¹О потомках этой петербургской ветви пишет в своих воспоминаниях А. Н. Бенуа: «Эта дама (Екатерина Анджеловна Кампиони. — С. Ц.) хоть и носила итальянскую фамилию Кампиони, однако принадлежала к совершенно обрусевшей семье, к тому же исповедовавшей православие» (*Бенуа Н. А. Мои воспоминания* : в 2 т. — Изд. 2-е, доп. — М. : Наука, 1993. — Т. 1. — С. 154).

Рис. 11. Альбом Кампиони. 1830-е – 1850-е гг.
Собрание Н. Я. Колли

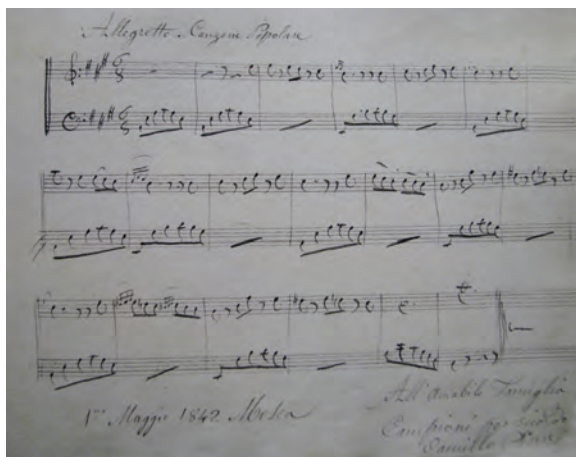

Рис. 12 а, б. Автограф
итальянского скрипача
Камилло Сивори
из альбома Кампиони.
1840-е гг.
Собрание Н. Я. Колли

*Рис. 13. Введенское кладбище в Москве.
Участок Кампиони. Слева надгробие С. П. Кампиони.
Фото С. М. Царёвой, 2017.*

Существует версия, что после смерти Сантина Петровича в 1847 году его дело продолжил сын Николай Сантинovich (1830–1900)⁸². Возможно, такое предположение связано с известными документальными свидетельствами о том, что Николай был вольноприходящим учеником в Академии художеств и в 1850 году получил звание «некласного художника скульптора»⁸³. В разных публикациях то ему⁸⁴, то одному из его братьев — Петру⁸⁵ или Александру⁸⁶ приписывается обелиск Петру I у входа в музей-усадьбу «Ботик» в Переславле-Залесском, однако документальных подтверждений относительно авторства этого памятника до сих пор не найдено.

⁸² Кузнецова Е. Г. Зодчие и скульпторы усадьбы Кузьминки // Три века усадьбы Кузьминки : в 2 т. — М., 2006. — Т. 2. — С. 209.

⁸³ Список русских художников к юбилейному справочнику Императорской академии художеств / сост. С. Н. Кондаков. — [СПб., 1914]. — С. 256.

⁸⁴ Художники народов СССР : биобиблиографический словарь / отв. ред. Т. Н. Горина. — СПб., 1995. — Т. 4, кн. 2. — С. 145.

⁸⁵ Воронин Н. Н. Переславль-Залесский. — М., 1948. — С. 13.

⁸⁶ Московская энциклопедия / гл. ред. С. О. Шмидт. — Т. 1: Лица Москвы. — М. : Фонд «Московские энциклопедии», 2008. — Кн. 2 (И–М). — С. 100.

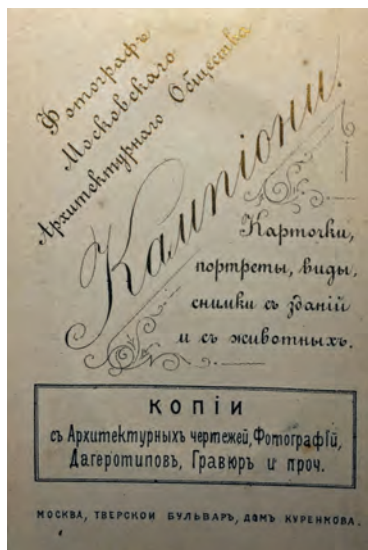

Рис. 14 а, б. Фотопортрет молодого человека
(возможно, автопортрет Петра Николаевича Кампиони?)
и оборот фотографии. Фотоателье Петра Николаевича Кампиони.
1876–1879 гг. *Собрание Олега и Елены Ивановых*

О скульпторе Николае Кампиони сведений очень мало. Из списка русских художников С. Н. Кондакова известно, что Николай Сантинович родился в 1830 году, был вольноприходящим учеником Академии художеств, в 1814 году получил вторую серебряную медаль, а в 1850-м — звание некласного художника-скульптора⁸⁷. Однако недавно удалось обнаружить несколько строчек о нем в воспоминаниях его внучки по линии Ромейко (хранятся в семье потомков — Елены и ее супруга Олега Иванова). Там говорится о том, что Николай Сантинович был женат на Марии Владимировне (урожденной Фёдоровой), у них были сыновья Владимир (врач) и Пётр (фотограф), оба умерли от чахотки, и две дочери: Елена (в замужестве Ромейко) и Софья (в замужестве Ридель).

⁸⁷Список русских художников к юбилейному справочнику Императорской академии художеств / сост. С. Н. Кондаков. — [СПб., 1914]. — Ч. 2. — С. 256.

О сыне Николая Сантинovichа, фотографе Петре Кампиони, есть любопытные сведения. Он прожил недолго (21.12.1860–30.11.1884), но уже в 15 лет получил в подарок фотографический аппарат и открыл фотоателье. Был фотографом Императорского общества охоты, конского бега и Московского архитектурного общества. Известно его фотоателье на Тверском бульваре в доме (наследников) Куренкова⁸⁸. Там выполнены фотографии из собрания потомков Кампиони по линии Ромейко О. и Е. Ивановых с изображением молодого человека 15–16 лет с цепочкой для часов. Есть вероятность, что это фотоавтопортрет Петра Николаевича (рис. 14 а, б).

В мемуарах Ромейко указано, что мраморный голубь на куполе Исаакиевского собора, а также памятник Грибоедову в Тифлисе — работа Николая Сантинovichа. Затем случилась беда: Николай серьезно пострадал от банды «черных валетов» (всё имущество было продано с молотка), после этого разорения уже не оправился и к скульптурной деятельности больше не возвращался⁸⁹. Скорее всего, имеется в виду «клуб червонных валетов» — преступное сообщество, которое действовало в 1871–1875 годах. С помощью обмана и подложных документов участники банды (среди которых были и дворяне) отнимали и присваивали себе деньги, недвижимость и целые состояния.

Таким образом, Николай не стал продолжателем мраморного дела. При этом имя его брата Александра Сантинovichа Кампиони можно встретить лишь на страницах архивных документов, один из которых свидетельствует, что именно Александр, а не Николай был следующим владельцем мастерской Кампиони на Большой Дмитровке после смерти в 1847 году Сантина Петровича. Так, в 1849 году Александр Сантинovich подал прошение московскому обер-полицмейстеру с просьбой позволить «принадлежащее мне мраморное заведение, состоящее в доме матери моей Московской 1-й гильдии купчихи Марьи Антоновой Кампиони Тверской части 5 квартала под № 473 на Большой Дмитровке осветить газом» и поставить газометр — «снаряд для добывания газа»⁹⁰. Обер-полицмейстер передал прошение Московскому военному генерал-губернатору А. А. Закревскому, который разрешил

⁸⁸ *Шутова Т. Н.* Фотографы Москвы (1839–1930) : биографический словарь-справочник. — М. : Совпадение, 2006. — С. 105–106.

⁸⁹ Благодарю О. и Е. Ивановых за сообщенные сведения из хранящихся у них мемуаров.

⁹⁰ ЦГА Москвы. Ф. 46. Оп. 2. Д. 818. Л. 1.

с тем, чтобы по завершении работ он сам мог «лично осмотреть устройство сего газоосвещения... для удостоверения» в том, что «приняты все меры предосторожности от пожара»⁹¹. 8 февраля 1850 года датировано донесение о том, что «газомер устройством совершенно окончен»⁹², на чем документы кончились, а свидетельства о том, понравился ли газометр А. А. Закревскому, вероятно, следует искать в «Московских ведомостях». Учитывая, что газовое освещение на улицах Москвы появилось только в 1865 году⁹³, можно сделать вывод, что мастерская процветала, а ее владелец был передовым человеком.

Возможно, переход мастерской в руки Александра может объясняться тем, что именно он был старшим сыном Сантина. При этом в опубликованной информации о нем вызывает сомнения указанный год его рождения — 1832⁹⁴. Дело в том, что впервые по отношению к Александру Кампioni этот год указан в «Московском некрополе»⁹⁵, но, если осмотреть надгробие Александра Сантиновича на участке Кампioni на Введенском кладбище, сразу становится ясно, откуда могла взяться ошибка. Памятник представляет собой четырехгранный обелиск (рис. 15) со следующими надписями на каждой грани:

Сторона 1: «АЛЕКСАНДР САНТИНОВИЧ / КАМПИОНИ»

Сторона 2: «сконч. 4^{то} января 1878 г. / 56^{ти} летъ»

Сторона 3: «МАРИЯ АНДРЕЕВНА / КАМПИОНИ»

Сторона 4: «сконч. 17^{то} іюля 1888 года / 56^{ти} летъ»

Таким образом, получается, что, видя перед собой надпись с именем погребенного, годы жизни оказываются и с правой и с левой стороны. Составители «Московского некрополя» взяли даты с левой стороны, хотя логичнее было бы предположить, что памятник читается

⁹¹ЦГА Москвы. Ф. 46. Оп. 2. Д. 818. Л. 2–3.

⁹²ЦГА Москвы. Ф. 46. Оп. 2. Д. 818. Л. 9.

⁹³*Коренева Л. Ж.* Москва в цифрах : С начала века до наших дней / Л. Ж. Корнеева ; Московский городской комитет государственной статистики. — М., 1997. — С. 48.

⁹⁴Московская энциклопедия / гл. ред. С. О. Шмидт. — Т. 1: Лица Москвы. — М. : Фонд «Московские энциклопедии», 2008. — Кн. 2 (И–М). — С. 100.

⁹⁵Московский некрополь: в 3 т. / сост. В. И. Саитов, Б. Л. Модзалевский. — СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1907–1908. — Т. 2. К–П. — С. 11.

Рис. 15 а, б. Надгробный памятник А. С. и М. А. Кампиони на Введенском кладбище в Москве.
(а). Вид с востока. Фото С. А. Афонцева, 2017;
(б). Вид с севера. Фото С. М. Царёвой, 2017 г.

слева направо и годы жизни написаны с правой стороны от имени усопшего. Кроме того, если принять версию «Московского некрополя» и остальных более поздних публикаций, то получается, что Александр родился в 1832 году, а его жена — в 1822 году, т. е. она старше мужа на 10 лет, а это было совершенно нехарактерно для того времени. Скорее, наоборот, в XIX веке очень распространены браки, когда муж значительно старше жены, в том числе среди иностранцев. Так, Сантино Кампиони был старше своей супруги Марии Антоновны на 26 лет, что видно из надписей на их общем надгробии.

Помимо указанных соображений, нашлись также прямые подтверждения более ранней даты рождения Александра. В 1838–1842 годах бывший дом графа А. К. Разумовского на Гороховом Поле перестраивался и приспособлялся под малолетнее отделение института обер-офицерских сирот Московского воспитательного дома. В 1838 году

были проданы обои, зеркала и «резное золочение»⁹⁶. За паркет, шпингалеты, мраморные каминные и живописный плафон давали слишком низкую цену, и они были оставлены на своих местах⁹⁷. В 1842 году к этому вопросу вернулись, было устроено несколько торгов, в результате которых «временно московский купец Сантин Петров сын Кампиони» купил 4 каминных, 2 мраморных доски и к одному камину 8 бронзовых накладок, плафон же «работы италийского живописца Виги, состоящий из пяти живописных картин и четырех трофеев» в конце концов остался «за купеческим сыном Александром Сантиновичем Кампиони»⁹⁸. В 1838 году из представителей семьи Кампиони в торгах принимали участие Сантино и его брат Николай, имени Александра Кампиони не упоминается. В 1842 году, напротив, не упоминается имени Николая, зато Александр Сантинович уже совершил покупку. Причем Сантин Петрович, вначале также торговавший за плафон, уступил его купцу Гавриле Волкову, а приобрел вещи, которые ему непосредственно могли пригодиться в мастерской. Александр же поднял цену выше предложенной Волковым и все-таки купил плафон, вероятно из чувства прекрасного — порыва, свойственного молодым людям. Если бы Александр родился в 1832 году, то к моменту покупки ему было бы всего 10 лет, что маловероятно — в таком возрасте его не могли допустить к торгам.

Кроме того, в 1848 году, через год после смерти отца, он был избран оценщиком в Оружейную палату, т. к. имел «хорошие познания по искусственной части как то: в мраморных, бронзовых и тому подобных вещах»⁹⁹. Об этом в «Материалах для истории московского купечества» есть подробная выписка, где прямо указывается, что «купеческий сын Александр Сантинович Кампиони на сей 1848 год состоит при капитале матери его — 1-й гильдии купчихи вдовы Марии Антоновой Кампиони, объявленном ею после мужа ея, доставшемся ей по духовному завещанию; а ему А. Кампиони от роду 27 лет»¹⁰⁰. Если в 1848 году ему было 27 лет, то родился он в 1821 году. Дата смерти на памятнике обозначена следующим образом: «сконч. 4 января 1878 г. /

⁹⁶ ЦГА Москвы. Ф. 108. Оп. 1. Д. 96. Л. 49 об.

⁹⁷ ЦГА Москвы. Ф. 108. Оп. 1. Д. 96. Л. 39.

⁹⁸ ЦГА Москвы. Ф. 108. Оп. 1. Д. 96. Л. 60 об., 62 об.

⁹⁹ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3 ч. 109. Д. 18359. Л. 1–3.

¹⁰⁰ Материалы для истории московского купечества. Общественные приговоры. — Т. 5. — М., 1895. — С. 151–152.

56^{ти} лет». Неизвестно, в каком месяце он родился, но в начале января ему, вероятно, не успело исполниться 57 лет. Тогда годом рождения Александра Кампиони следует считать 1821 год.

Наконец, в «Справочной книге о лицах, получивших на 1869 год купеческие свидетельства...» приведена следующая информация: «Кампиони Александр Сантимович (так в тексте «Справочной книги...». — С. Ц.), 47 л., почетный гражданин, в куп[ечестве] состоит с 1860 г. Жит[ельствует] Твер[ской] Ч[асти], 5 кв., в пр[иходе] ц. Рождества Пресв. Богородицы в Столешниках, на большой Дмитровке в св[оём] д[оме] под № 37. Торг[ует] Мраморными и каменными изделиями, там же. Кроме сего занимается подрядами. На городской службе не состоял»¹⁰¹. Те же сведения даются в аналогичной Справочной книге на 1871 год, с изменением лишь возраста (49 лет). По этим сведениям получается, что Александр Сантиневич родился в 1822 году, но если его день рождения был в конце года (например, в ноябре или декабре), то к моменту издания Справочных книг ему могло еще не исполниться полного количества лет. Поэтому год рождения Александра варьируется от 1821 до 1822, но уж точно не 1832-й, что свидетельствует о том, что это старший сын Сантина Петровича (не считая первенца Пьетро, умершего в 1 год от роду в 1819 году, о чем известно по надписи на надгробном памятнике).

Унаследовав семейное дело, Александр успешно его продолжил. По архивным сведениям известно, что в 1863 году он занимался устройством каминов из белого каррарского мрамора в Большом Кремлевском дворце в покоях Императрицы Марии Александровны, супруги Александра II¹⁰², а в 1866 году ему было даровано звание поставщика и исполнителя работ Императорского двора. Эти данные свидетельствуют о том, что мастерская Кампиони была известна и во второй половине XIX века.

После Александра Сантиневича мастерскую унаследовал его сын Александр Александрович Кампиони. Единственная опубликованная информация о нем имеется в «Московском некрополе» 1908 года: указаны даты его рождения и смерти — 10 апреля 1853 — 18 февраля 1899 года, и что похоронен он был в Алексеевском жен-

¹⁰¹ Справочная книга о лицах, получивших на 1869 год купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдиям в Москве. — М.: Печатня С. П. Яковлева, 1869. — С. 326.

¹⁰² РГАДА. Ф. 1239. Оп. 22. Д. 408. Л. 15–17 об.

ском монастыре¹⁰³. В советское время монастырь, располагавшийся с конца 1830-х годов в Красном Селе, был уничтожен, кладбище ликвидировано, надгробий не сохранилось.

Из-за ошибочного прочтения даты смерти Александра Сантинovichа и в связи с тем, что в документах редко упоминается отчество, Александра Александровича исследователи путают с его отцом. Между тем существует два архивных документа о присвоении Александру Кампиони звания поставщика Императорского двора (за исполнение мраморных работ Высочайшего Двора в Большом и Малом Кремлевском дворцах): за 1866 год¹⁰⁴ и за 1881 год¹⁰⁵. Учитывая, что Александр Сантинovich умер в 1878 году, в 1881-м звание поставщика получил его сын Александр Александрович. Об этом в архиве нашлось его прошение 1879 года: «...Александр Александрович Кампиони, продолжая исполнение всех обязательств и желая сохранить навсегда фирму отца, просит... о разрешении ему, в память 32-летней безупречной деятельности покойного, сохранить звание придворного поставщика и иметь по прежнему на вывеске заведений его изображение Государственного герба»¹⁰⁶. Прощение было удовлетворено в апреле 1881 года, и тогда же выдано соответствующее свидетельство¹⁰⁷.

За неимением других известных в Москве мраморщиков с фамилией Кампиони в 1883 году, можно предположить, что именно Александр Александрович руководил мраморными работами в здании Исторического музея¹⁰⁸.

Вышеприведенные факты свидетельствуют, что мастерская семьи Кампиони с момента своего основания в Москве в конце XVIII века оставила заметный след в истории и культуре Москвы, на протяжении

¹⁰³ Московский некрополь : в 3 т. / сост. В. И. Саитов, Б. Л. Модзалевский. — СПб., 1908. — Т. 2. К — П. — С. 11.

¹⁰⁴ РГИА. Ф. 472. Оп. 31. Д. 4/8. Л. 106–109.

¹⁰⁵ РГИА. Ф. 472. Оп. 38. Д. 5. Л. 39.

¹⁰⁶ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 51. Д. 25369. Л. 2.

¹⁰⁷ Там же. Л. 29, 30.

¹⁰⁸ В примечании к дневникам И. Е. Забелина, где описывалось спешное открытие Исторического музея, приуроченное к коронации Александра III, и что Государю Императору были представлены мастера, участвовавшие в отделке музея, указано: «Мраморные работы исполнялись в самых известных мастерских Захарова и Кампиони». *Забелин И. Е. Дневники. Записные книжки.* — М. : Изд-во им. Сабашниковых, 2001. — С. 337, прим. 21.

XIX века приобретая всё большую славу и признание. Пьетро (Пётр) Кампиони основал мастерскую и передал ее сыну. Сантин Петрович к концу своей жизни добился звания почетного гражданина, передаваемого потомственно, а также вступления в сословие купца 1-й гильдии. Звание поставщика Императорского двора явилось заслуженной наградой для Александра Сантиновича и Александра Александровича, потомственных продолжателей мраморного дела.

При этом остается много неизвестного в работе мастерской и в биографиях ее владельцев. Пока не найдены сведения о том, каким образом и по какой причине мастерская перестала существовать к началу XX века. Всё это — предмет дальнейших исследований.

ЩЕРБАЧЕВЫ

Легенда и герб

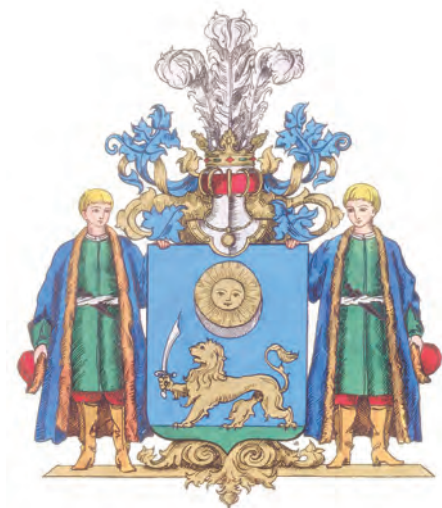
Первая официальная родословная Щербачевых была составлена лишь в 1750 году. Автором ее был лейб-кампании сержант Петр Тимофеевич Щербачев, которому в числе прочих лейб-кампанцев было велено подать «сказку» для сочинения диплома и герба. Похоже, требование это застало Петра Тимофеевича врасплох. В декабре 1747 года он просил полугодовой отсрочки, но лишь 29.10.1750 представил требуемую «сказку». Именно в ней и прозвучала впервые легенда, которую «слыхал он от предков своих», что родоначальник Щербачевых «Салтан выезжий из Золотой Орды, и во крещении ему имя Федор», а «при котором Государе (выехал)... того он не знает». О гербе Петр Щербачев ничего сказать не мог и получил герб типично лейб-кампанский (25.11.1751).

Эта же версия о происхождении Щербачевых вошла и в Общий Гербовник, таким образом сделавшись официальной — то есть приобрела характер закона. Однако если Петру Щербачеву родовой герб был неизвестен, то в конце XVIII века представители разных и, что любопытно, весьма далеких ветвей подали проекты герба, в общих чертах сходные друг с другом, при этом явно намекавшие на восточное происхождение их предка: звезда над полумесяцем и под ними лев с мечом. Только в одном варианте, поданном 2.10.1788 двоюродным братом лейб-кампанца — сенатором (и масоном) Алексеем Логиновичем Щербачевым, звезда была заменена значительно более редким в геральдике золотым сияющим солнцем. (Отметим, что в герметической традиции золото, солнце и лев являются элементами одного символического ряда, а браку солнца и луны — *conjunctio solis et lunae* — посвящена не одна сотня страниц в трактатах по астрологии и алхимии.) Именно в таком виде герб Щербачевых и вошел во вторую часть Общего Гербовника под № 97: в голубом поле золотое солнце над серебряной луною, под ними золотой лев с серебряным мечом, стоящий на зеленой траве (Высочайше утвержден 30.6.1798) (рис. 1).

Рис. 1. Герб Щербачевых из 2-го тома Общего Гербовника.
Архив автора

И в Гербовнике, и во всех предварительных вариантах лев смотрит в геральдически левую сторону, что является некоторым нарушением общепринятых на западе норм. Этот малозначительный ляпсус зачинающейся русской геральдики, еще не вполне освоившейся с европейскими канонами, спустя сто лет не давал покоя историку и дипломату Юрию Николаевичу Щербачеву. В своем прошении на Высочайшее имя (14.1.1904) он писал, что ему по роду службы приходится употреблять свой герб за границей, где «всюду строго соблюдаются правила геральдики», и посему ему хотелось бы «устранить вкравшуюся в этот герб неправильность», сохранив его как есть, «во всех подробностях, но только как бы отраженным в зеркале». Кроме того, Ю. Н. Щербачев вместе со своим братом Александром, тогда уже сенатором, просили государя о дополнении герба щитодержателями в виде царских стольников. Судя по всему, эти два брата весьма дорожили родовою честью и символическими атрибутами дворянства. Незадолго до возбуждения ходатайства об изменении герба им удалось исправить другую довольно застарелую «неправильность» и получить из Департамента герольдии долгожданный указ (26.4.1901) об утверждении их ветви в древнем дворянстве. Это и дало им право просить о щитодержателях, которые

*Рис. 2. Герб Щербачевых из 18-го тома Общего Гербовника.
Архив автора*

дозволялось иметь лишь титулованным и древним дворянам (записанным в пятую или шестую части родословной книги). Государь повелел Сенату рассмотреть прошение «по существу, не стесняясь постановлением... о воспрещении каких-либо изменений дворянских гербов». Во исполнение Высочайшей воли, 24.3.1905 Сенат вынес постановление удовлетворить ходатайство Щербачевых, и герб в новой редакции вошел в XVIII часть Общего Гербовника. Так в Гербовнике оказалось два герба одного рода Щербачевых (рис. 2).

Факты и гипотезы

Итак, в 1747–1750 годах Щербачевы оформили свой миф. Не исключено, что в основу родословной 1750 года легли заготовки конца XVII века, почему-то не нашедшие своего завершения в виде подачи поколенной росписи в Разряд — как известно, после отмены местничества многие дворянские роды составляли свои родословные. Тогда легенда о выезде из Золотой Орды может быть отнесена к XVII веку. Но, скорее всего, она родилась позже, и, возможно, прототипом для

Салты (Салтана) послужил вполне реальный персонаж, носивший весьма распространенное в то время некалендарное имя Салтан, а в крещении звавшийся Амвросием. В разгар Смуты Салтан Степанович Щербачев, прямой предок пишущего эти строки, был воеводой Перемышля, древнего города к югу от Калуги и принял «за царя Василия распятую смерть от воров и казаков». Не исключено, что обладатель этого обычного тюркского прозвища, своею мученической кончиной заслуживший память потомства, постепенно оброс легендами и спустя полтора века превратился в сказочного выходца из Золотой Орды. Фамильное предание старшей ветви рода даже называет его чингисидом и рассказывает о существовавшей некогда семейной реликвии, переходившей всегда к старшему сыну — восточном мече. Этот меч увековечен в гербе, но земной след его давно исчез.

Следующим коленом в родословной Щербачевых, поданной в Герольдмейстерскую контору, значится Дмитрий Булгак, которого, по авторитетному мнению С. Б. Веселовского, следует отождествить с Дмитрием Щербачом, лицом вполне реальным. Как и многие другие, он получил поместье в завоеванном Новгороде и упоминается в писцовой книге Шелонской пятины, составление которой обычно относят к 1498 году. В ней Дмитрий Щербач назван толмачом, т. е. переводчиком (несомненно, среди толмачей процент инородцев был выше, чем среди представителей других «профессий», но, как выясняется, переводил наш толмач совсем не с татарского). Владел он небольшим поместьем («семь сох с полутретью») в Прибужском погосте Шелонской пятины — селцом Либивицы (Любовичи), принадлежавшим прежде Аркажу монастырю во имя Успения Пресвятой Богородицы, недалеко от границы со Псковской землей. В 1505 году он участвовал в переговорах с посланником императора Максимилиана I — Юстом Гартингером на реке Нарве у Ивангорода, причем, по словам посланника, Щербач его, Юста, знал и раньше. Это наводит на размышления.

Затем — лакуна в одно-два колена, заполняемая только официальной родословной (грешащей неточностями). А с середины XVI века Щербачевы появляются в Козельске. В синодике Пафнутьева Боровского монастыря времен Ивана Грозного значится Степан Щербачов (такое написание фамилии превалировало вплоть до конца XVII века), которого можно идентифицировать с имеющимся в родословии внуком толмача — Степаном Ивановичем. В синодике упраздненного еще при Екатерине II Перемышльского Шаровкина монастыря были записаны роды Якова и Исака Щербачовых. Оба они жили в середине

XVI века, причем Яков (Якуш) Щербачов в 1558 году «годовал» (т. е. был воеводой) в Болхове. Это было началом определенного возвышения рода. Разрядные книги 1590-х годов упоминают уже нескольких Щербачовых: Первой Щербачов — осадный голова и губной староста в Козельске; Сулеш Щербачов — в соседнем с ним Лихвине, в 1594 году он отправляется дьяком в Псков, и его место заступает его родной брат, уже упоминавшийся Салтан. Назначение дьяком в Псков Сулеша Щербачова, «козлитина», не имевшего, кажется, никаких связей с дьяческим аппаратом Московского государства, выглядит довольно необычным. Дьяки в Новгороде и Пскове занимали совершенно особое положение, руководя практически всей административно-хозяйственной жизнью этих огромных земель. При довольно частой смене воевод, на которых возлагались, прежде всего, военные задачи, дьяки по сути являлись «гражданскими губернаторами» этих отдаленных от столицы областей.

Смута

Смута сотрясла самые основы Московского государства. Из нее Россия вышла с новой династией и с обновленным составом служилого сословия. Именно Смута унесла и огромное количество документов как государственного, так и частных архивов (правда, едва ли не больший урон нанес большой московский пожар 1626 года). Поэтому начало нового царствования ознаменовалось составлением новых десятен (подробных списков служилых людей) по всем городам, а также дозорных и писцовых книг всех уездов. В козельской десятне 1621/2 года из 27 дворян, служивших «по выбору» (высший ранг уездного дворянства), 9 Щербачевых, причем двое — Дементий Васильев сын и Михайло Исаков сын — имели максимальные поместные оклады в 800 и 750 четвертей. Поделившие второе место Шепелевы и Павловы имели в выборе всего по трое своих представителей. Грамоту об избрании на царство Михаила Федоровича Романова (1613) подписывали от Козельска Иван Иванович Щербачев и Степан Михайлович Юшков. (Здесь же заметим, что и на два других известных земских собора XVII века — 1642 года, об удержании Азова, и 1648/9, о составлении Уложения, от Козельска также посылались Щербачевы.) По крайней мере, с 1611 года Щербачовы попадают в жилецкий список, а с 1629 — жалуются в дворяне московские.

С полным основанием можно говорить, что сразу после Смуты Щербачевы заняли первенствующее положение среди козельского дворянства. Очевидно, для этого были основания. К сожалению, участие провинциального дворянства в событиях смутного времени недостаточно изучено, но хотя бы на примере Прокофия Ляпунова можно видеть, что иногда оно существенно влияло на ход истории. О том, как проявили себя Щербачевы в ходе Смуты, известно немного. Я уже писал о героической смерти перемышльского воеводы Салтана (Амвросия) Щербачева. Он был распят на городских воротах — скорее всего, казаками Болотникова, чье триумфальное шествие через Орел, Мценск и Калугу относится к лету 1606 года. Два старших сына Салтана — Иван большой и Григорий — в 1609 году сидели в осажденной Москве. Потом они с нее съехали, но примкнули не к Тушинскому вору, а к гетману Жолкевскому, на которого возлагались надежды по наведению в стране законного порядка. Эти же братья в 1612 году принимали участие в освобождении Москвы от поляков и за взятие Китай-города с сотней Григория Горихвостова получили прибавку к жалованью. Другие Щербачевы сидели в осаде до конца и получили от царей Василия Шуйского и Михаила Федоровича земли из поместий в вотчину.

Но, конечно же, Смута, расколов Русское государство, не могла не расколоть и отдельные фамилии. Один из Щербачевых, Федор Казаринов (Саввин) сын, в 1615 году возглавил побег нескольких козельских дворян в Польшу. Операция прошла удачно, беглецы были обласканы Сигизмундом и посланы на Русь сражаться вместе с Лисовским, но в одной из битв (2 ноября 1615 года, под Белой) «вор изменник Фетка Щербачов з братьею и товарищи 22 человек» был взят в плен и 16 ноября приговорен боярами к смертной казни.

Впрочем, даже этот не слишком украшающий историю рода инцидент говорит о том, что Щербачевы в начале XVII века отличались заметной пассионарностью и проявляли себя если не на одном поприще, так на другом. Заметим, что измена одного из Щербачевых не сказалась на судьбе и служебном положении рода в целом. Важнее была «жизнь за царя», отданная воеводою Салтаном Щербачевым, а возможно, и иные подвиги и жертвы, оставшиеся нам не известными.

При первых Романовых

К началу XVII века Щербачевы представляли собой уже чрезвычайно раскидистое древо, причем некоторые его ветви за Смуту успели пресечься или были к этому близки. На момент составления писцовой книги Козельского уезда (1629–1631) в нем владели поместьями или вотчинами 15 Щербачевых, еще 10 упомянуты как бывшие владельцы «порозжих» (порожных, ничейных) земель. Это был в Козельске самый многочисленный и мощный «клан» (конечно, если иметь в виду только местных дворян, ибо в том же уезде московские чины также имели свои довольно обширные поместья и вотчины). На следующем месте по числу землевладельцев шли Павловы (13), затем Шепелевы и Желябужские (по 11), Воейковы (10) и Юшковы (9). Как мы уже писали, с 1629 года Щербачевы жалуются в дворяне московские. Первыми попали в московский список основатель кинешемской ветви Дементий Васильевич по прозвищу Муха, не один год прослуживший в Москве объезжим головой (главной задачей этих голов было предохранять город от пожаров), и сын псковского дьяка Иван Матвеевич (Сулешов). Одни тянули за собой других — родовые связи в XVII веке оставались еще весьма сильными. В 1630-е годы среди московских дворян оказываются и участник земского собора 1613 года Иван Иванович Щербачев, и сын козельского губного старосты Лаврентий Степанович (Первово) Щербачев, и старший внук Салтана — Степан Иванович Щербачев. А некая Аграфена Щербачева (чья жена, так и не удалось пока выяснить), похоже, была мамкой царевны Анны Михайловны.

Заветной мечтой каждого дворянина было получение воеводства, которое, помимо чести, укрепляло и материальное положение. В течение XVII века Щербачевы назначались воеводами в Козельск, Перемышль, Мещовск, Боровск, Мценск, Одоев, Кромы и другие, в основном, «украинные» города. Но дворянскими буднями были, конечно, военные походы (мирным, но не менее тяжелым вариантом будней была постройка засек и городов). Лаврентий Степанович и Игнатий Андреевич сложили головы в 1633 году под Смоленском, брат Игнатия Кузьма — в 1646 году под Белгородом, сыновья Ивана меньшого Салтановича Петр и Павел — в 1659 году в Черкасских городах, Григорий Прокофьевич 24 июня 1696 года был смертельно ранен под Азовом. Наверное, ни один дворянин не доживал до старости, не будучи ранен. Служили, как известно, до полной дряхлости, увечья или до самой смерти. На пенсию Московское государство не отпускало. Не будешь

служить — отнимут поместье, без поместья будет нечем кормиться. Кажется, за весь XVII век среди Щербачевых был только один неудачник и пьяница, все время попадавший в «нет» и оттого в 1634 году лишенный поместий, — родной племянник Дементия Мухи Никита Семенович. Остальные же служили ревностно и при Федоре Алексеевиче поднялись на одну ступеньку: 17 августа 1679 правнук Амвросия-Салтана Борис Степанович Щербачев был пожалован в стольники. Этот же Борис Щербачев был затем стрелецким полковником, а в 1690-х годах ездил к гетману в Батурин с посольскими поручениями. Вслед за Борисом Степановичем в стольники попали и его дальние родственники — Михаил Семенович Щербачев с сыном Логином.

Помимо гибели на поле боя, служилого человека поджидала опасность пасть от руки разбойника или казака (что тогда звучало синонимично). Такая судьба была уготована брату Игнатия и Кузьмы — Ивану Андреевичу Щербачеву: в 1633 году в Боровске казаки «посадили его в воду». В августе 1666 года двоюродный брат Бориса Степановича — Иван Лаврентьевич Щербачев был убит воровскими людьми на Серпуховской дороге.

В те времена немногие доживали до старости. Исключительным долголетием среди Щербачевых отличился младший брат Сулеша и Салтана — Павел Степанович, в монашестве Пафнутий, умерший примерно в девяностолетнем возрасте иноком Перемышльского Успенского Шаровкина монастыря (1643). Ранее эта обитель приняла бывшего борисовского письменного голову Ивана Тимофеевича Щербачева, постригшегося здесь под именем Ионы (1614), наверное, и многих других, о ком не сохранилось точных сведений, но чьи имена навечно вписаны в синодики с пометой «инок». Судя по вкладной книге, опубликованной архимандритом Леонидом (Кавелиным), Шаровкин монастырь был издревле почитаем Щербачевыми, наравне с Лихвинским Добрым. А вот сын убитого под Смоленском Лаврентия Первого московский дворянин Лев Лаврентьевич Щербачев постригся тогда еще в малоизвестной Оптиной пустыни, украшавшей берег Жиздры напротив Нижних Прысков, древней щербачевской вотчины.

Но время бежит... Соборным уложением 12 января 1682 года было отменено местничество. В Дворцовых сенях запылали разрядные книги... Может быть, и тогда кто-то думал, что этим всё и обойдется. Но, видимо, уж так устроена Россия, что вынь из нее один, казалось бы и ненужный, камень — и начнет разваливаться всё здание. Конечно,

многое зависит от личности, но личности рождаются провиденциально. Так, провиденциально родился и Петр — и старой России пришел конец. Мне приходилось смотреть немало родословных «сказок», подаваемых недорослями в Герольдмейстерскую контору в середине XVIII века. Многие из этих молодых дворян не знали даже своего прадеда. Петровские реформы, без самозванцев, интервенций и пожаров, обрубili родовую память гораздо радикальнее, чем это удалось сделать Смуте. В общем-то, с родом было покончено, на авансцену истории вышел *индивид*. Логическим завершением уложения 1682 года стал Табель о рангах 1721 года. И хотя Жалованной грамотой 1785 года для старинных благородных фамилий была выделена специальная часть в родословной книге, «столбовое» дворянство практически уже ничем не отличалось от новопожалованного, и остается лишь не без горечи удивляться, с какою легкостью потомки древних родов променивали свою законную *шестую* часть на вторую и третью, даже не пытаясь документально подтвердить свою родословную.

Начиная с петровского времени вести повествование о фамилии в целом становится невозможно. Единство рода остается только на бумаге, ведомое лишь Герольдии да отдельным чудачкам наподобие Долгорукова; родословие из мироощущения постепенно превращается в аристократическое хобби. Со скоростью ядерной реакции род распадается на ветви, линии и семьи, пока, наконец, не доходит до отдельных личностей, этих атомов новой истории.

Моряки

Несмотря на то что колесо фортуны в авантюрный XVIII век сбросило представителей рода — кого вверх, кого вниз, — все же можно сделать одно наблюдение, касающееся фамилии в целом, которая, даже разбитая на ветви, будто сохранила генетическую память о своем изначальном единстве. Она выражается в некоторой синхронности возвышений разных ветвей Щербачевых, которые приходятся на вторую половину XVIII века и на рубеж XIX и XX веков.

При Петре I ни одна из ветвей Щербачевых не добилась сколько-нибудь значительных успехов. Это было типично даже для самых древних и знатных родов. Дети стольников, дворян московских, стряпчих, жильцов равно отправлялись служить солдатами и матросами, и некоторые из них вплоть до отставки так и не дослуживались даже

до низшего обер-офицерского чина, а увольнялись какими-нибудь сержантами или каптенармусами. Пожалуй, наиболее вписалась в петровскую эпоху биография одного из представителей кинешемской ветви Федора Васильевича Щербачева (правнука Дементия Мухи). Он прошел с Московским полком всю Северную войну, был при взятии Нарвы и Митавы, участвовал в Полтавской битве. С 1708 года он адъютант А. Д. Меншикова, а с 1723 года до самой смерти Петра I служил у него в Кабинете. Его сын Борис Федорович Щербачев (1698 – около 1779) в 1717 году окончил Морскую академию и до 1741 года служил на флоте, командуя яхтой «Принцесса Анна», фрегатом «Брильянт», участвуя в Донской экспедиции 1737 года во время неудачной Русско-турецкой войны. На гражданской службе 16.08.1760 он был пожалован в действительные статские советники и назначен президентом Юстиц-коллегии. В 1765 году восемью сенаторскими голосами против пяти его отправляют в отставку, и Борис Федорович умирает на покое в глубокой старости. От Марии Григорьевны Зиновьевой у него было четыре дочери и ни одного сына. Так пошедшая было в гору ветвь внезапно оборвалась.

Еще одна ветвь Щербачевых пресеклась в XIX веке. Она была самой «козельской» — представители ее не съезжали со своих насиженных гнезд в селе Костешеве и сельце Бильдине. Такую привязанность к родному Козельску уравновешивала их любовь к морю: четверо из этой ветви служили на флоте. Родоначальником ее был Степан Первой, козельский губной староста. Внук оптинского инок Льва Лаврентьевича — Дмитрий Алексеевич Щербачев в 1738 году был отставлен «за старостью, дряхлостью и что глазами мало видит и за беспамятством» и за многолетнюю службу награжден рангом подполковника. В 1744 году он выстроил в своем селе Костешеве новый храм в честь святителя Николая Чудотворца с приделом иконы Божией Матери «Всех скорбящих радости». Его сын Петр Дмитриевич дослужился до полковника (14.08.1760) и командира 3-го Кронштадтского батальона. Два сына Петра — Иван и Василий — выбрали морскую стезю. Иван Петрович плавал, в основном, в Балтийском море. В 1778 году он командовал придворной яхтой «Петергоф», но уже в следующем году переведен на Азовское море, в Донскую флотилию. В 1781 году Иван Петрович на боте «Миус» перевозил из Таганрога в Константинополь чрезвычайного посланника Я. И. Булгакова. Уйдя в 1784 году в отставку капитаном 2-го ранга, И. П. Щербачев поселился в своем небольшом козельском имении и посвятил себя

семье, изредка избираясь на дворянские должности (в 1798–1801 годах был козельским уездным судьей). От Ивана Петровича до наших дней каким-то чудом дошел «Месяцеслов», содержащий записи хозяйственного и биографического характера, а также сборник из произведений Майкова, Сумарокова и Вольтера, переписанных рукою И. П. Щербачева, тогда еще мичмана.

Петр, старший сын Ивана Петровича и Марии Васильевны, урожденной Новиковой, пошел по стопам отца и дослужился до чина контр-адмирала (1847). В течение недолгого времени (1849–1850) он командовал Дунайской флотилией. Его брат-погодок, Василий Иванович Щербачев (1793–1833), в 1821–1827 годах находился в Дунайской флотилии при крепости Измаил и 19–20 декабря 1821 года встречался с А. С. Пушкиным и И. П. Липранди. Они вместе осматривали крепостную церковь и потом ужинали у негоцианта Славича. По словам Липранди, Щербачев понравился Пушкину. В 1828–1829 годах Василий Иванович участвовал в Русско-турецкой войне, сначала при блокаде крепостей Браилова и Силистрии, а потом при взятии Адрианополя и разгроме верховного визиря, исполняя особые поручения Главнокомандующего — графа Дибича-Забалканского. В 1831 году В. И. Щербачев был уволен капитаном 2-го ранга и назначен начальником Якутской области. Уж за что его отправили так далеко, неясно, но только Щербачев не выдержал сурового сибирского климата и 18.09.1833 скончался. Оба брата-моряка были бездетны. Долголетием отличился их младший брат Дмитрий (1800–1885), под старость узаконивший двух своих дочерей, прижитых до брака от казанской купчихи. По видимому, он и был последним мужским представителем этой ветви.

Сенатор

Самого высокого положения в XVIII веке достигла ветвь, происходившая от стольника Михаила Семеновича Щербачева. Его сын Логин (ум. 1733) тоже был стольником и сменил невероятное количество должностей: воевода Орла, прокурор Вотчинной коллегии, эзекутор Сенатской конторы. 29 марта 1726 года он назначен к делам по полиции, а уже 12 июля определен во 2-й (светский) Департамент только что учрежденного Синода. Последняя его должность — советник Коллегии экономии, фактически, того же Департамента Синода, но выведенного из его состава и переподчиненного Сенату.

Его сын Алексей Логинович Щербачев (1720–1802) был, несомненно, самым известным представителем рода в XVIII веке. Начал службу он в лейб-гвардии Семеновском полку, во время Семилетней войны был адъютантом у фельдмаршала С. Ф. Апраксина. Принимал самое непосредственное участие в перевороте 1762 года: по приказанию Н. И. Панина он сопровождал только что свергнутого Петра III из Петергофа в Ропшу. В 1763 году Императрица отправила его с командой в Сибирь с особыми полномочиями в расследовании дела о взятках и вымогательствах, но уже в следующем году возвратила в столицу. В 1770 году Алексей Логинович уволен от военной службы генерал-майором и назначен главным судьей Ямской канцелярии.

С этой должностью в биографии Щербачева связан анекдотический случай. Будто бы Екатерина II побилась об заклад на талер с Прусским принцем Генрихом, что того за двое суток доведут из Петербурга в Москву. Видимо, и сама не будучи уверенной в реальности такого вояжа, Императрица вызвала Алексея Логиновича и поинтересовалась: как, мол, можно ли довести принца за двое суток? «Довезти-то доведем, — ответил Щербачев, — только вот останется ли он жив...» Однако принц остался жив и увидел купола московских церквей даже через 36 часов путешествия. Пари было выиграно.

Но не всё в судьбе А. Л. Щербачева было столь юмористично. В 1771 году, вслед за князем Орловым, он был отправлен с отрядами из каждого гвардейского полка в зачумленную Москву для принятия решительных мер к прекращению моровой язвы. Ситуация в Москве была критической, только что возмущенной толпой был убит митрополит Амвросий (Зертис-Каменский). Но меры и вправду были приняты решительные, и ситуация нормализовалась. В 1781 году Алексей Логинович назначается к присутствию в Сенате, сперва в 4-м, потом во 2-м Департаменте и, наконец, в Межевой экспедиции. С 05.02.1790 он действительный тайный советник.

В жизни этого екатерининского вельможи была и еще одна сторона, о которой я вскользь упоминал вначале очерка. В 1770-е годы Алексей Логинович входил в масонскую ложу, возглавляемую И. П. Елагиным, был посвящен им в «шотландские рыцари», а затем назначен «вторым стражем» в новообразованную организацию «шведского подчинения». В связи с этим представляется неизбежным хотя бы поверхностное знакомство А. Л. Щербачева с тогдашней масонской литературой и соответствующей символикой, мотивы которой со-

знательно или подспудно вполне могли быть им использованы при составлении родового герба.

В 1796 году умирает матушка Екатерина, и Щербачев попадает в немилость. Он еще присутствует в Сенате, то и дело вынося особые мнения. Павел сердится. Последней каплей, переполнившей терпение вспыльчивого Императора, послужил инцидент во дворце, когда Щербачев, тогда уже восьмидесятилетний старик, упал перед Павлом на колени и стал вымаливать прощение своей внучатой племяннице княгине Анне Ивановне Голицыной, за какие-то проступки посаженной в крепость. 7 февраля 1800 года Алексей Логинович отставляется от службы «во уважение старости». Впрочем, старик пережил гневливого Императора. Он умер 25 июня 1802 года и похоронен в Александро-Невской лавре рядом с женой, Матреной Васильевной (Карповной), урожденной Волоцкой (1726–1780).

Еще будучи школьником и как-то прогуливаясь по старому некрополю лавры, я случайно набрел на эту могилу. Тогда я знал свою родословную не дальше прапрадеда, и, может быть, эта кладбищенская встреча оказалась providенциальной. Мне во что бы то ни стало захотелось узнать, кем доводится мне сей «действительный тайный советник и кавалер». Приятно сознавать, что хотя бы некоторые детские мечты сбываются.

Композиторская линия

Алексей Логинович был бездетен. Карьера его младшего брата Николая не была столь блестящей. Во время пугачевского бунта он был воеводой в городе Хлынове (Вятке) и принимал энергичные меры, чтобы не допустить в своем уезде распространения сей заразы. Однако в последний год своего воеводства он повздорил с местным архиереем, учредившим в городе начальную Славяно-греко-латинскую школу и вдохновил воеводских подьячих вместе с сотнею посадских осадить чем-то не угодивший ему рассадник знаний. После чего Николая Логиновича из Хлынова перевели в Москву на место советника Берг-коллегии и даже повысили в звании, произведя из полковников в бригадиры (01.01.1781).

Из двоюродных братьев Алексея Логиновича самым замечательным был корабельный мастер генерал-поручик Дмитрий Тимофеевич Щербачев (ок. 1697–1772). С 1723 года он участвовал в постройке

многих судов в Воронежском адмиралтействе, в 1730-х годах работал в Ревеле, затем заведовал Главным С.-Петербургским адмиралтейством и продолжал строить корабли. Тогда им были построены 66-пушечный «Св. Петр» и 100-пушечный «Захарий и Елизавета». 5 сентября 1747 года Щербачев был назначен обер-сарваером адмиралтейства и возглавлял русское кораблестроение вплоть до отставки (27.02.1761).

Его брата Петра Тимофеевича Щербачева мы упоминали в начале нашего повествования как «автора» официального родословия. С 1733 года он служил в лейб-гвардии Преображенском полку, в знаменитой гренадерской роте, которая возвела на трон Елизавету Петровну. После этого славного события рота была переименована в лейб-компанию, капитаном которой стала сама Императрица. Петр Тимофеевич дослужился до чина лейб-компания сержанта и в 1756 году был отправлен в вечную отставку бригадиром. Сыновей у него не было.

Потомство этой ветви рода, и весьма обширное, пошло от Федора Тимофеевича Щербачева, который, как и его брат Петр, служил в лейб-компании, но был зачислен в нее только в 1742 году, очевидно, по протекции брата. Он умер около 1770 года, оставив 11 человек детей, мал-мала меньше, из них 8 сыновей. Старший, Иван Федорович, в 1812 году командовал 4-м батальоном 1-го Казачьего полка Калужского ополчения и умер, не дойдя до Могилева. Тимофей Федорович долгое время (1797–1815) был советником Курской Казенной палаты, а затем Курского же губернского правления. В 1816 году он был предан суду, но через три года полностью оправдан и в 1826 назначен председателем Таврической палаты гражданского суда. Его сын Федор, поручик С.-Петербургского гренадерского полка, 08.08.1813 был смертельно ранен при Кульме.

Предком одной из ныне существующих линий стал Николай Федорович Щербачев (ок. 1765–1832), который в течение четырех сроков был предводителем дворянства Козельского уезда (1798–1801, 1804–1814), в том числе и во время Отечественной войны. Он был женат на Елизавете Петровне (ум. 1822), дочери архитектора Петра Романовича Никитина, в конце XVIII века преобразившего облик Твери и Калуги. Оба супруга похоронены в Оптиной пустыни, у северной стены соборной церкви Введения Пресвятой Богородицы, ближе к паперти.

Оптина пустынь располагалась всего лишь в нескольких верстах от имения Н. Ф. Щербачева Верхних Прысков, дошедшего к нему от предков и проданного его сыновьями. Их было трое: два Федора и Сергей. Старший Федор умер в детстве, Сергей Николаевич (1799–1862)

и Федор Николаевич младший (1812–1880) были весьма чадолюбивы и имели каждый по десять детей, чья судьба уже почти не была связана ни с Калугой, ни с Калужской губернией. Древо росло и ветвилось. Вторая половина XIX века разметала по всей России и те ветви Щербачевых, что упорно сохраняли свои праотцовские вотчины, благословенные калужские места.

Из детей Сергея Николаевича (1799–1862), оренбургского политехнического мастера, совершенно необычное поприще избрал Владимир Сергеевич Щербачев (1838–1899). Не завершив химические штудии в Казанском университете, он почему-то решил заняться табаководством. Желание овладеть предметом во всех тонкостях сподвигло Владимира Сергеевича совершить путешествие в Америку, купить там ферму (в штате Вирджиния) и затем ходить по пятам за управляющим и записывать каждое его действие. Результатом командировки стал обширный труд «Табак и его культура в Северо-Американских Штатах». Деятельность Щербачева, развернувшаяся, главным образом, в полтавском имении его жены Варвары Андреевны, урожденной княжны Ширинской-Шихматовой, обратила на себя внимание властей. Щербачева пригласили на службу в Министерство государственных имуществ на должность чиновника особых поручений при министре (1885). С тех пор он фактически возглавлял эту отрасль хозяйства. Под его руководством началось разведение табака в районах, прилегающих к Сибирской железной дороге, а также были устроены табачные плантации в окрестностях Сочи.

У его сына Андрея Владимировича (1869–1916) тоже была довольно извилистая судьба. В молодости он учился в Петербургской консерватории у Ф. М. Блуменфельда (по классу фортепиано), Н. К. Лядова и Н. А. Римского-Корсакова (по классу теории музыки). Его романсы пользовались определенным успехом, на сцене Мариинского театра на музыку Щербачева знаменитый М. М. Фокин в 1907 году поставил балет «Евника» по мотивам романа Г. Сенкевича «Камо грядеши» (главные партии танцевали Анна Павлова и Матильда Кшесинская). Тем не менее Андрей Владимирович оставляет музыкальное поприще и посвящает себя государственной службе — непопулярное и смелое решение в век «серебряного» декаданса. По воле начальства А. В. Щербачеву пришлось сменить немало должностей и ведомств: Канцелярию прошений, на Высочайшее имя приносимых (1893–1894), Министерство финансов (1894–1909) и Императорского двора (1909–1910), Главное управление землеустройства и земледелия

(1910–1915). В 1915 году А. В. Щербачев выходит в отставку действительным статским советником, избирается предводителем дворянства Ямпольского уезда Подольской губернии, но через год умирает.

Младший брат Сергея Николаевича (старшего) Федор Николаевич Щербачев (1812–1880), сменив козельское поместье на жиздринское (сельцо Новики), в течение одиннадцати лет (1845–1856) был жиздринским уездным судьей. Он был женат на дочери полковника Ольге Антоновне Граховской (ум. 1868), из обрусевшего польского рода, и это обстоятельство слегка смягчило последствия брака его сына, поручика 8-й стрелковой бригады (впоследствии подполковника) Владимира Федоровича Щербачева (1844–1900), чьей избранницей стала уроженка Ченстохова Иоганна Йозефа Визенберг (1852–1895). Мать невесты, католичка, не давала согласия на брак, а когда он все же состоялся, то долго потом не желала видеть свою «изменницу»-дочь. От этого межконфессионального брака родились два брата-погодки Аркадий и Федор, дочь Софья и, поздний ребенок, Владимир. Аркадий Владимирович Щербачев (1873–1916) вместе с братом Федором служил в лейб-гвардии Литовском полку, а во время Великой войны командовал 40-м Кольванским пехотным полком. В ночь с 7 на 8 марта 1916 года в бою у озера Нарчъ он был смертельно ранен. Чин генерал-майора и Георгиевское оружие уже не застали его в живых. Судьба его брата Федора Владимировича (1874–1930-е гг.) после 1917 года известна плохо, а про сына Константина имеются сведения, что он умер в Ленинграде во время блокады.

Владимир Владимирович Щербачев (12.1.1887–5.3.1952), избрав музыкальное поприще, как бы подхватил эстафету своего троюродного брата. Учился В. В. Щербачев в С.-Петербургской консерватории у А. Лядова, М. Штейнберга и Н. Черепнина по классам композиции, фортепиано и дирижерского искусства. В 1911 году вместе с труппой С. Дягилева он совершил свое первое заграничное путешествие, пока еще в качестве концертмейстера; осенью того же года он участвовал как пианист в исполнении скрябинского «Прометея». В 1912–1913 годах им были написаны фортепианная сюита на стихотворения А. Блока «Нечаянная радость», Первая симфония и симфоническая картина «Шествие», исполненная 11.04.1914 на выпускном концерте С. Прокофьевым. С началом войны Щербачев был призван в армию и по окончании школы прапорщиков назначен на службу в «родной» лейб-гвардии Литовский полк, но по состоянию здоровья вскоре переведен в военную автошколу, где познакомился и сдружился с В. В. Маяков-

ским. После революции Щербачев заведует концертной деятельностью передвижного театра П. Гайдебурова (1918–1920), затем — музыкальным отделом Наркомпроса (1920–1923), с 1922 года становится профессором Петроградской консерватории, в 1930–1933 годах работает в консерватории Тбилиси. Среди учеников Владимира Владимировича — А. Мелик-Пашаев, М. Чулаки, Е. Мравинский. Хорошо известна музыка Щербачева к кинофильмам «Гроза» (1934), «Петр I» (1937–1939), «Табачный капитан» (1943). К теме Петра I композитор возвращался неоднократно, намереваясь написать оперу, но отсутствие подходящего либретто оставило замысел неисполненным. Не удалось осуществить и замысел оперы «Иван Грозный» с использованием знаменного распева и стихир самого Царя.

В историю русской музыки Щербачев вошел, в первую очередь, как симфонист и замечательный педагог. Всего им было написано пять симфоний. Вторая писалась вскоре после революции (1922–1926) и завершалась «Песнью ада» на стихи А. Блока из его цикла «Страшный мир». Ее первое исполнение состоялось в Ленинградской филармонии 14.12.1927 под управлением В. Дранишникова, партию сопрано пела Ксения Дорлиак. Четвертой («Ижорской») симфонией (1935) дирижировал А. Гаук, последней, Пятой (1948), — Евгений Мравинский.

«Человек замечательный, трудный, трагический, возвышенный, с острыми углами характера и умозрения и вместе с тем преисполненный некой неотразимости» — так писала о В. В. Щербачеве известная пианистка М. В. Юдина. В своей семье Владимир Владимирович пользовался непререкаемым авторитетом — внукам он казался настоящим богом, красивым, добрым и величественным. О творчестве В. В. Щербачева написано множество статей, а в 1985 году о нем вышла и отдельная книга. Для меня же чрезвычайно значимой представляется сцена, описанная в мемуарах композитора Д. А. Толстого (сына «красного графа»). Когда на заседании Союза композиторов клеймили и шельмовали за «формализм» Прокофьева, Шостаковича и «примкнувших к ним», то, как водится, решения принимались единогласно. И все же — не совсем. На, казалось бы, формальный вопрос «кто воздержался» неожиданно поднялась одна рука: это была рука Владимира Владимировича Щербачева. В стране победившего социализма Щербачев показался тогда Толстому римским сенатором (рис. 3).

*Рис. 3. Композитор Владимир Владимирович Щербачев.
Архив Елены Олеговны Щербачевой, С.-Петербург*

Скандальный камерир и его потомки

Потомство Ивана Степановича Щербачева было, наверное, самым многочисленным, и до настоящего времени дошло три его ветви.

Родоначальником старшей из них стал Максим Иванович Щербачев (ок. 1666 – после 1746), внук участника Земского собора 1613 года. Сей Максим Иванович, сперва жилец, потом стряпчий, наконец, капитан, обладал, по-видимому, весьма «щербатым» характером. Будучи в 1720-х годах камериром (своего рода налоговым инспектором, ведавшим сбором денег в казну), он скандалил с калужским воеводой Глебовым, учинил над ним следствие и в конце концов добился заключения его в тюрьму. Ссориться с Щербачевым было опасно: Калуга и окрестности были наводнены его родственниками, занимавшими ключевые посты, а женой Максима Ивановича была Анна Кузьминична Гурьева, дочь родоначальника той ветви Гурьевых, что с Петра I пошла в гору и при Александре I достигла графского достоинства. Умер М. И. Щербачев на покое, в глубокой старости, еще при жизни разделив между детьми свои имения. Его сыну Петру Максимовичу (ок. 1716–1785)

жребий судил на себе испробовать должность калужского воеводы (1764–1766). Затем его отправляют на службу в Первопрестольную, в Коллегию экономии, где он становится вице-президентом. Именно на этой должности Петр Максимович удостоился стихотворного панегирика, преподнесенного его двоюродным племянником игуменом Ювеналием (Воейковым), небезызвестным генеалогом. Последней должностью П. М. Щербачева стало обер-прокурорство в 3-м Департаменте Правительствующего Сената. Умер Петр Максимович 1 апреля 1785 года, пережив трех жен, и похоронен в Донском монастыре, который с тех пор становится традиционным местом упокоения членов этой ветви рода.

В 1762 году Петр Максимович Щербачев купил у Аполлона Васильевича Ладыженского подмосковное село Фомкино-Богословское тож с селцом Могилицы-Аполлоновой горой Богородского уезда (близ теперешней станции Софрино). И хотя это имение ненадолго задержалось в роду, в конце XVIII века перейдя к известному вельможе, сенатору и масону князю Гавриилу Петровичу Гагарину, П. М. Щербачев увековечил себя в нем постройкой (в 1767 году) новой каменной церкви во имя апостола и евангелиста Иоанна Богослова (с приделом святителя Димитрия Ростовского). Этот памятник московского барокко сохранился до наших дней.

При Петре Максимовиче главным имением этой ветви Щербачевых становится село Сляднево в Калужском уезде, которое с тех пор получает второе название Щербачевка. Его наследует старший сын Александр Петрович (1745–1821), служивший в молодости в лейб-гвардии Семеновском полку, а затем советником в Главной соляной конторе. Потомство А. П. Щербачева разбросало по родословным книгам шести губерний: Калужской, Московской, Курской, Владимирской, Орловской и Тамбовской. Старшая линия, в основном, продолжала военные традиции рода. Внук А. П. Щербачева и его полный тезка Александр Петрович Щербачев (1803–1862), основавший курскую ветвь, служил в Свите Его Императорского Величества, Генеральном штабе и Корпусе жандармов и достиг звания полковника. Его сын Петр Александрович (1832–1853), прапорщик 20-й артиллерийской бригады, погиб в сражении с горцами близ крепости Грозной. Брат Александра Петровича (младшего) Дмитрий (1809–1845) в юности воевал в инженерных войсках и за взятие Варшавы получил орден Св. Анны 3-й степени с бантом. Затем Д. П. Щербачев посвятил себя научным трудам. Под руководством К. А. Шильдера он разрабатывал

проект чугунной подводной лодки, под конец жизни его особенно занимала идея управляемого аэростата. К сожалению, безвременная кончина не позволила завершить многие начатые им труды. Он ушел из жизни, оплакиваемый крестьянами, чей быт он всемерно старался улучшить в своем небольшом подмосковном имении. Младший брат Александра и Дмитрия — Аполлон Петрович (1812–1881) тоже был военным инженером, а с 1864 года стал смотрителем дома и архитектором Императорского Александровского лицея. Он ушел в отставку в чине генерал-майора. Все три брата похоронены на погосте Стребуково близ их небольшого поместья, сельца Гончары, что недалеко от станции Поварово Николаевской железной дороги.

Научную славу рода поддержал третий сын Александра Петровича (младшего) — Александр Александрович (1842–1897), вошедший в химические энциклопедии. Уволившись корнетом из Клястицкого гусарского полка, он создал в своем изюмском имении небольшую лабораторию по истреблению сусликов и прочих вредных грызунов, в обилии обитавших в этих степных местах. А с 1891 года он работал в лаборатории Н. Н. Бекетова, изучая степень проникновения рентгеновских лучей через различные элементы. К сожалению, и его смерть унесла в самом расцвете лет. По воспоминаниям современников, Александр Александрович обладал добрейшим и даже каким-то детским характером.

Его родной племянник Петр Николаевич Щербачев (1876–1922) служил на флоте, в 1904 году защищал Порт-Артур и в 1906 был уволен капитаном 2-го ранга, причем контр-адмирал Григорович дал ему поистине ужасную аттестацию. Во время Великой войны Щербачев просил определить его к какому-нибудь делу, и после долгой переписки между Морским и Военным министерствами в ноябре 1915 года его посылают в Брест-Литовскую крепость, но и новое начальство также оказывается им крайне недовольным. Причиной служит поистине немереный авантюризм П. Н. Щербачева и его склонность к шапкозакидательству. Что ж, наверное, это можно отнести к гипертрофированным проявлениям родового «щербатого» характера. После революции сей неуживчивый представитель рода оказывается в русской колонии в Беловаре (Югославия).

Линия, идущая от второго сына Александра Петровича (старшего) — Льва, предпочитала военной службе гражданскую вкупе со свободными искусствами. Внук Льва Александровича — Николай Владимирович Щербачев (1853–1922) был пылким романтическим юношей

с «жаркой головой» и «детско-благородной прямотой» во взглядах. Он брал уроки музыки у Ф. Листа в Риме, а в 1870-е годы сблизился с композиторами «Могучей кучки», которые весьма ценили его фортепианные циклы «Феерии и пантомимы», «Мозаика», «Зигзаги». Щербачев написал также множество романсов, в том числе на слова графа А. К. Толстого и Г. Гейне. Он умер во Франции под Парижем.

Биография его двоюродного брата Евгения Сергеевича Щербачева, выпускника Лазаревского института восточных языков, почти целиком связана с Владимирской губернией, где в Судогодском уезде он владел имением Мордвины. Двадцатый век он встретил в должности председателя Владимирской губернской земской управы. Его единственный сын Николай Евгеньевич (1868–1915) служил по Министерству юстиции в различных окружных судах. С 1906 года — в Ставропольской губернии, затем в Эривани, где с 1913 года он был товарищем председателя. Последнее назначение на аналогичную должность в Кутаис застало Н. Е. Щербачева больным тифом. Он умер в Эривани 27 января 1915 года, оставив по себе добрую память всех, кто его знал.

Кроме двух сыновей — Петра и Льва — от Екатерины Петровны, урожденной баронессы фон Менгден, у Александра Петровича Щербачева (старшего) были еще поздние дети от второго брака с некоей Анной Николаевной, родившиеся, когда отцу их было под семьдесят. Потомство одного из них, штаб-ротмистра Александра Александровича (1813–?), в середине XIX века переместилось в Тамбов. Его внук Борис Андреевич (1881–1946) был довольно интересной фигурой. С 1900 года морской офицер, участник Цусимского сражения, он в 1913 году командирится в отряд воздушного флота. В августе 1917 года в чине капитана 2-го ранга он становится во главе Управления морской авиации. Ему удалось сбежать от большевиков — вероятно, через Китай. Он умер в Калькутте (Индия) — чего только не бывает в генеалогии русского дворянства!

Генералы

Родной брат скандального камерира жилец Яков Иванович Щербачев (1676–1740) служил в Калужской воеводской канцелярии и был родоначальником ветви, в течение двух веков тянувшейся тоненьким побегом и, может быть, поэтому вплоть до 1917 года сохранившей свое старинное калужское имение Башутино.

Дочь Якова Ивановича от первого брака (с Аграфеной Яковлев-ной Тургеневой) Прасковья (ум. 1754) была матерью упоминавшегося игумена Ювеналия (Воейкова). От третьего брака (с Пелагеей Федоровной, возможно, из фамилии Дурново) у Якова Ивановича было два сына — Николай (1723–1788) и Яков (1726–1780-е гг.). В марте 1744 года, во время шведского похода, Николай Яковлевич сошел с ума. Из-за его поместья началась долгая тяжба между женой и братом. Яков Яковлевич обвинял невестку даже во внебрачной связи, от которой будто бы родился младенец; в свою очередь, Аграфена Васильевна (урожденная Панина) обвиняла деверя в «лакомстве» к ее деревням. Тем временем бедного Николая Яковлевича содержали в Калужском Лаврентьевом монастыре, время от времени отправляя на все новые медицинские освидетельствования. Тем не менее он пережил своего здорового брата, и его поместья за вычетом «указной части», положенной вдове, достались уже племяннику — Александру Яковлевичу Щербачеву. Последний служил в артиллерии и 28.04.1794 вышел в отставку майором. В 1821 году его вдова Анастасия Васильевна, урожденная Писарева, выстроила в селе Башутино каменную церковь во имя равноапостольного князя Владимира с приделом святителя Николая.

Славу и известность рода приумножили внук и правнук Александра Яковлевича, два генерала — Григорий Дмитриевич и Дмитрий Григорьевич Щербачевы. Свою службу Г. Д. Щербачев (22.10.1823–17.12.1899) начал в гвардейской конной артиллерии (1840). В период Крымской войны участвовал в сражении на реке Альме (08.09.1854), во время осады Севастополя командовал ракетной батареей и при бомбардировке города 19 ноября был тяжело ранен в голову осколком гранаты. С 1859 года он на службе в Министерстве внутренних дел, с 1863 — при Главном артиллерийском управлении. В 1865 году ему поручают возглавить Воронежское военное училище, а в 1867 — Орловскую Бахтина военную гимназию. К этому времени он уже генерал-майор (01.10.1866).

Уйдя в отставку, Григорий Дмитриевич принимает активное участие в жизни Калужской губернии, избирается присяжным заседателем по Мещовскому уезду, мещовским предводителем дворянства, пишет статьи в Калужские губернские ведомости, посвященные крестьянскому вопросу. Но основную известность принесли Щербачеву мемуары, изданные в 1891–1892 годах: «Двенадцать лет моей молодости. Воспоминания из времен царствования Императора Николая I»; «Любовь и сила воли (биографический очерк)»; «Очерки моей деятельности в царствование Александра II».

Умер сей заслуженный генерал в самом исходе 19 столетия, 17 декабря 1899 года, и погребен в Донском монастыре, где прежде него уже нашли вечное пристанище его мать Александра Григорьевна, урожденная Стрекалова (1805–1861), и сестра девица Анастасия Дмитриевна (1825–1897). От дочери сенатора тайного советника Даниила Матвеевича Мороза — Екатерины — Григорий Дмитриевич Щербачев имел трех сыновей: Дмитрия, Даниила и Сергея.

Биография генерала-от-инфантерии Дмитрия Григорьевича Щербачева (06.02.1857–13.01.1932) заслуживает отдельного и серьезного исследования. Отчасти эту задачу выполнил его зять Эрнест Георгиевич фон Валь, издавший в эмиграции книгу «К истории белого движения. Деятельность генерал-адъютанта Щербачева». Впрочем, Д. Г. Щербачева не может не упомянуть ни один справочник, посвященный Первой мировой войне или Белому движению. Не будучи специалистом по данной эпохе и учитывая ограниченные размеры статьи, я вынужден привести лишь основные жизненные вехи этой незаурядной личности, увековечившей свой род в анналах истории.

Дмитрий Григорьевич окончил Михайловское артиллерийское училище (1876) и Николаевскую академию Генштаба (1884). В 1903 году его производят в генерал-майоры и вверяют командование лейб-гвардии Павловским полком. 9 января 1905 года он принимает деятельное участие в наведении порядка в столице, твердо и умело подавляет революционное движение в Кронштадте и бунт в Саперном батальоне. Через год его назначают в Свиту Его Императорского Величества, в 1907-м — начальником Николаевской академии Генштаба, в 1908 году производят в генерал-лейтенанты. По воспоминаниям генерала Б. В. Геруа, Дмитрий Григорьевич был в академии «человеком свежим, непричастным до того к академической жизни. Вообще он производил впечатление скорее строевого, чем штабного офицера и тем менее ученого. Высокий, стройный, подтянутый, с кавалерийскими усами под горбатым носом, с острым взглядом темных глаз, густой шевелюрой седеющих волос, со своей бодрой походкой Щербачев напоминал картинный тип французского генерала...»

В 1912 году Дмитрий Григорьевич попадает в почетную опалу и отсылается из Петербурга в Киев на должность командира 9-го армейского корпуса (1912). С начала Великой войны Д. Г. Щербачев участвует в боевых действиях. За Галицийскую битву и «неожиданное» (даже для командующего фронтом) взятие Львова он получает

*Рис. 4. Генерал от инфантерии Дмитрий Григорьевич Щербачев.
Архив автора*

орден Св. Георгия 4-й степени и производится в генералы от инфантерии (06.12.1914). Ему поручают командовать 11-й армией Юго-Западного фронта (05.04.1915). Во время отступления русских войск весной 1915 года Щербачеву удается отвести свою армию на Днестр и нанести сильный контрудар Южной германской армии Линзингена. За эту весьма важную победу он был награжден 3-й степенью ордена Св. Георгия (13.10.1915). В том же октябре 1915 года его назначают командующим 7-й армией, а в ноябре — генерал-адъютантом. Под его командованием 7-я армия одержала ряд побед на реке Стрыпе во время Брусиловского прорыва летом и осенью 1916 года (рис. 4).

11 апреля 1917 года Щербачев был назначен помощником Августейшего Главнокомандующего Румынским фронтом. Румынский король Фердинанд, формально оставаясь Главнокомандующим, предоставил Щербачеву полную свободу действий. В июле 1917 года русско-румынские войска нанесли поражение австро-германским войскам под Марешештами, но Щербачеву не удалось развить этот успех из-за телеграммы Керенского, потребовавшего остановить наступление. В августе под теми же Марешештами Щербачев отразил наступле-

ние фельдмаршала Макензена. После Октябрьского переворота, когда началось необратимое разложение войск на всех фронтах, благодаря усилиям Щербачева его армии еще долго сохраняли боеспособность. Отвергнув предложение революционного правительства перейти на сторону новой власти и арестовав ленинского эмиссара С. Рошаля, прибывшего в Яссы (19.12.1917), Щербачев начал формирование добровольческих частей (из них только одной бригаде полковника Дроздовского удалось прорваться на Дон до оккупации Украины немецкими войсками). В январе 1918 года специальным декретом Ленина Щербачев был объявлен «врагом народа».

После позорного Брестского мира Румынский фронт был полностью окружен, и Щербачев был вынужден заключить в Фокшанах весьма выгодное перемирие с фельдмаршалом Макензеном. В частности, по условиям этого перемирия Бессарабия отходила к Румынии, куда в марте 1918 года были введены румынские войска. Благодарный король подарил Щербачеву поместья и в дальнейшем обеспечивал достойное существование генерала. 18 апреля Щербачев сложил с себя полномочия фактического командующего Румынским фронтом и уехал в имение. Когда в ноябре 1918 года рухнули два германских государства, Щербачев прибыл в Бухарест на встречу с французским генералом Бертело, назначенным Главнокомандующим союзными войсками в Румынии, Трансильвании и на юге России. На встрече генерал Бертело вручил Щербачеву Большой крест Почетного легиона. В тот же вечер 15 ноября 1918 года Щербачев отправил письмо генералу Деникину, в котором подвел итог обещаниям союзников — тогда они были весьма красочны. Однако менее чем через месяц правительство Клемансо дезавуировало все эти планы и отдало приказ к поспешной эвакуации французских войск и флота из Севастополя и Одессы. Щербачев приходит к решению ехать в Париж. 30 декабря 1918 года он прибывает в Екатеринодар, где с согласия Деникина назначается «военным представителем русских армий при союзных правительствах и союзном Верховном командовании». В январе 1919 года через Белград и Италию Щербачев приезжает в Париж, где формирует Управление, ведавшее снабжением Белых армий. В феврале 1919 года адмирал Колчак также подтверждает полномочия Щербачева.

Поражение Белых армий и разногласия с генералом Врангелем вынудили Щербачева уйти с занимаемого поста, и на его место был назначен генерал Е. К. Миллер. Щербачев уехал из Парижа в Ниццу, где

*Рис. 5. Дмитрий Григорьевич
Щербачев с сыном Александром.
Архив автора*

*Рис. 6. Дмитрий Григорьевич
Щербачев с семьей.
Архив автора*

и провел остаток своих лет (рис. 5, 6). Будучи легитимистом, состоял членом Государева совещания при императоре Кирилле. Человек глубоко верующий и безукоризненно честный, Щербачев тяжело переживал неудачу Белого дела и крушение надежд на скорейшее возрождение Отечества. Его вечернее и утреннее правило начиналось и заканчивалось одной и той же мольбой: «Боже, спаси Россию!».

*Рис. 7. Могила
Дмитрия Григорьевича
Щербачева
на кладбище Кокад.
Архив автора*

Щербачев умер от кишечного гриппа 18 января 1932 года и был погребен на русском кладбище Кокад с отданием воинских почестей. Его жена Надежда Александровна Марина (1872–1962), дочь генерал-майора Александра Аполлоновича и Софии Михайловны, урожденной графини Цукатто, пережила мужа на целых 30 лет и была похоронена на том же кладбище вместе с супругом (рис. 7).

Прага, Воркута, Париж, Брюссель, Буэнос-Айрес...

При всех изгибах судьбы, биография Дмитрия Григорьевича кажется довольно логичной и цельной, по сравнению с той, что была уготована его сыну. У Д. Г. Щербачева было три дочери и единственный сын Александр (1899–1958). Окончив Пажеский корпус, он, как и дед, вступил в службу в лейб-гвардии Конную артиллерию (1916). В ноябре 1917 года он был назначен личным адъютантом начальника Штаба армий Румынского фронта. После заключения Фокшанского перемирия он, кажется, какое-то время жил в Югославии, а потом переехал в Прагу, где работал инженером (рис. 8). Его квартира, по воспоминаниям князя А. П. Щербатова, напоминала музей. В начале 1945 года друзья Щербачева, в том числе и близко его знавший И. Л. Новосильцев, советовали ему срочно покинуть Прагу. Однако Щербачев уезжать куда бы то ни было наотрез отказался.

*Рис. 8. Александр Дмитриевич Щербачев.
Архив автора*

10 мая 1945 года Прага была «освобождена». Все более-менее заметные представители русской эмиграции были арестованы. Муж младшей сестры Александра Дмитриевича, Марии (1903–1972), Владимир Трефилевич Рафальский, до революции дипломат, представитель Временного правительства в Праге, во время одного из допросов был выброшен из окна. Щербачев был тоже арестован и вскоре оказался «на родине» — в Воркуте. В 1955 году его освободили, и парижские родственники исходатайствовали, чтобы Александру Дмитриевичу разрешили уехать во Францию, к матери. Он был уже в Шереметьево, и родня ожидала его в парижском аэропорту, когда рейс внезапно отменили, а сам Щербачев был вновь арестован: в Венгрии случились известные события. На сей раз заключение длилось недолго. Щербачев вновь оказался на свободе. Но куда ему было идти? Перед ним лежала страна, такая родная и такая враждебная. Он было подался к одним петербургским (увы, ленинградским) знакомым, но через несколько дней тем запретили принимать недавнего заключенного. И Александр Дмитриевич вернулся в Воркуту. Там у него было хоть какое-то насиженное место, какая-то работа (в библиотеке). Он не оставил хлопот по переезду — на сей раз к сестре в Прагу — и наконец снова получил долгожданное разрешение. На радостях, Щербачев со своим приятелем, еще одним русским сидельцем «оттуда», Петром Яковлевичем Данзасом (потомком брата секунданта Пушкина) отправились в столовую и выпили по рюмке водки. И — мгновенная смерть от «разрыва сердца» (рис. 9).

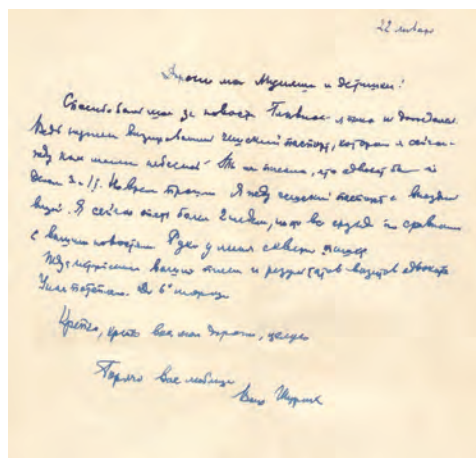

Рис. 9. Последнее письмо Александра Дмитриевича Щербачева из Воркуты родственникам. *Архив автора*

Потомство этой ветви Щербачевых продолжается ныне от брата генерала, действительного статского советника Даниила Григорьевича Щербачева (1858–1930). В лучах славы знаменитого брата его биография выглядит более скромной: старший бухгалтер конторы августейших детей, делопроизводитель Управления собственным Его Императорского Величества дворцом (известным как Аничков), директор Императорского С.-Петербургского воспитательного дома. Он был женат на своей двоюродной сестре Марии Гавриловне Мороз, с которой его навсегда разлучила революция. Жена с сыновьями оказалась в Париже, а сам Даниил Григорьевич с дочерьми Марией и Верой остался в Петрограде. Мария, в замужестве Грязнова (1887–1921), вскоре умерла, оставив трех маленьких детей. Каким-то чудом их удалось переправить за границу. Ее потомки сейчас живут в Аргентине.

Пройти через все советские мытарства и до дна испить крестную чашу уготовил Бог Вере Даниловне, в замужестве Анцевой (1892–1941). В ночь с 22 на 23 сентября 1941 года она была арестована, явно по доносу кого-то из сослуживцев по Ленинградскому травматологическому институту, в котором она работала рентгенотехником. В вину ей инкриминировали контрреволюционную агитацию и пропаганду в военное время, выражавшуюся в «пораженческих настроениях» и «клеветнических измышлениях» на советское правительство (статья 58-10).

Естественно, ей тут же припомнили и дворянское происхождение, и нелегальную связь с родственниками за границей. Следствие было коротким. По делу была допрошена всего одна свидетельница, некая В. С. Мамонт, которая назвала отношение В. Д. Анцевой к советской власти «не вполне лояльным». Меньше чем через месяц со дня ареста (13.10.1941) Военным трибуналом войск НКВД Ленинградского округа подсудимая была приговорена к расстрелу. 28 октября приговор приведен в исполнение.

Старший сын Даниила Григорьевича — Николай (1882–1951) поддержал морские традиции рода. Он служил на Балтийском флоте и в январе 1917 года был назначен помощником флаг-капитана по оперативной части. Затем был в подчинении Колчака. В феврале 1920 года мы находим его в Николаевске-на-Амуре инспектором классов Морского училища, капитаном 1-го ранга. Николаю Даниловичу удалось эмигрировать во Францию, где ныне проживают его потомки.

Наконец, нельзя не вспомнить и младшего брата генерала от инфантерии, Сергея Григорьевича Щербачева (1859–1917?). Он вовсе не достиг никаких высот по службе, уйдя в отставку из Канцелярии Московского генерал-губернатора титулярным советником. Судьба не дала ему семейного счастья: все его дети умирали в младенчестве. Может быть, поэтому он обратился к более духовным видам служения и уехал на Святую Землю по делам Русского Императорского Православного Палестинского общества, некоторое время был его секретарем. Но и в Иерусалиме его ждала все та же земная суета, атмосфера недоверия и зависти. Он жаловался на расстроенное здоровье и просил разрешения вернуться в Россию, по дороге заехав в Бари поклониться мощам святителя Николая, а потом поселиться в Киеве. Не знаю, что из его планов сбылось. Но 1917 год он встретил в Москве, и, по данным зарубежных родственников, это был последний год жизни «крестоносца Гроба Господня».

Линия Щербачева-историка

Обратимся к самой младшей линии Щербачевых, ведущей происхождение от еще одного внука, участника собора 1613 года — Михаила Прокофьевича (ум. ок. 1739). Он имел дворцовый чин стряпчего, с 1713 года был одним из ландраторов Московской губернии. В 1724 году М. П. Щербачев находился в Астрахани у соляного сбора,

где Император лично учинил ему смотр (вместо отправки в Герольдмейстерскую контору) и назначил судьей Соляной конторы.

Михаил Прокофьевич имел пятеро сыновей, но лишь потомство одного из них, капитана Тимофея Михайловича, вошло в XIX век. Сам Тимофей Михайлович умер еще прежде отца, но оставил двух сыновей — Михаила и Николая, которые росли при матери, Марфе Андреевне, урожденной Вельяминовой-Зерновой. Михаил Тимофеевич учился в Сухопутном шляхетском кадетском корпусе (1739–1747) и был выпущен из него с аттестатом, который приведем здесь ради любопытства: «геометрию и регулярную фортификацию окончил, учится иррегулярной с атакою, рисует ландшафты красками хорошо и миниатюре разумеет, говорит по-французски и переводит с немецкого и российского на французский хорошо, сочиняет французские письма, разумеет и говорит по-немецки, переводит с немецкого на российский изрядно... учится натуральному праву, тако ж истории универсальной, географии... и истории специальной новейших времен, фехтует в контру, танцует минуеты и другие танцы». Михаил Тимофеевич вышел в отставку премьер-майором. Его сын гвардии прапорщик Николай Михайлович Щербачев был довольно богатым помещиком, его имения располагались в Перемышльском, Лихвинском и Мещовском уездах Калужской губернии и в Рузском уезде Московской губернии (село Мансурово). Над местом его погребения в Перемышльском Троицком Лютиковом монастыре его вдова Татьяна Никифоровна (из купеческого рода Потаниных) в 1820 году воздвигла церковь Николая Чудотворца, которая стала приделом главного собора. Теперь ни от собора, ни от его придела не осталось ни единого камня. Когда проезжаешь на автобусе это ровное поле, трудно себе даже представить, что некогда здесь стоял монастырь.

Младший сын Николая Михайловича — Михаил из-за своей трагической кончины, сам того не подозревая, вошел в историю золотого века русской литературы. Когда раненого Пушкина везли домой, он сказал своему секунданту Данзасу: «Боюсь, не ранен ли я так же, как Щербачев». К этим словам следует всегда один и тот же комментарий: Пушкин вспомнил про дуэль их общего петербургского знакомого, прапорщика лейб-гвардии Московского полка М. Н. Щербачева, с Р. И. Дороховым. Руфин Дорохов был в свое время известный дуэлянт (он явился прототипом Долохова в романе «Война и мир»). Его ссора с Щербачевым произошла 1 сентября 1819 года в театре во время трагедии Корнеля «Гораций». Дуэль была назначена на следующий

день. Секундантом Щербачева выступил штабс-капитан лейб-гвардии Московского полка Мансуров, секундантом Дорохова — майор 6-го Карабинерного полка Протасов. Происходила дуэль в окрестностях Петербурга, на даче за Волковой заставой. Михаил Щербачев был смертельно ранен в живот.

Старшим братом Михаила был Александр Николаевич Щербачев (1791–1834). Он тоже служил в лейб-гвардии Московском полку и прошел с ним всю Отечественную войну, за отличие в Бородинском сражении был награжден золотой шпагой с надписью «За храбрость». В 1814 году он пересек Европу, участвуя в сражениях при Бауцене, Люцине, Дрездене, Кульме, Бриеннских полях и, наконец, при взятии Парижа. За год до трагической дуэли брата он вышел в отставку, женился на Софье Сергеевне Богдановой (внучке сибирского губернатора Дениса Ивановича Чичерина), но вскоре заболел душевной болезнью (это уже второй случай в истории рода, когда заграничные походы травмируют психику Щербачевых). Умер Александр Николаевич в Калуге от чахотки.

Из потомства его младшего сына, поручика Сергея Александровича (1826–1882), женатого на Александре Алексеевне Мартыновой, наибольшего успеха достиг Георгий Сергеевич Щербачев (1871–1919), статский советник, начальник Гродненского почтово-телеграфного округа. С началом Первой мировой войны управление округа переместилось в родной для Щербачева Орел. Когда Орел был захвачен красными, Г. С. Щербачев застрелился при попытке ареста. Старший брат Георгия Сергеевича — Александр (1866–1926), женатый на Варваре Николаевне Анненковой, вел мирную жизнь орловского помещика... И умер от голода в том же Орле. Их сестра Екатерина Сергеевна, в замужестве Селивачева (1864–1911/14), была художницей. Она училась живописи за границей, затем в Москве, в Строгановском училище, брала уроки у В. Г. Перова и В. Е. Маковского (рис. 10).

Целиком посвятило себя государственной службе потомство старшего сына А. Н. Щербачева — Николая Александровича. Сам Н. А. Щербачев (1821–1877) воспитывался в Пажеском корпусе, из коего был выпущен в Образцовый кавалерийский полк (09.12.1838). В следующем году он был переведен поручиком в Киевский гусарский полк, который позже стал носить имя герцога Максимилиана Лейхтенбергского. С 1843 года и до самой отставки (20.12.1850, с чином ротмистра) состоял адъютантом при Черниговском, Полтавском и Харьковском генерал-губернаторе. Н. А. Щербачев был женат на Екатерине

*Рис. 10. Екатерина Сергеевна Селивачева, урожденная Щербачева.
Архив Михаила Романовича Селивачева, Киев*

Михайловне Щербининой (1822–1879), от которой эта линия Щербачевых унаследовала имение Карачевку (Катрино) в Харьковском уезде. Екатерина Михайловна была дочерью приятеля А. С. Пушкина полковника Михаила Андреевича Щербинина (1798–1841) и Елизаветы Павловны, урожденной Кавериной. В свою очередь, Каверина была сестрой полковника Петра Павловича Каверина (1794–1855), довольно близкого знакомого Пушкина, которому тот посвятил несколько стихотворений («Забудь, любезный мой Каверин», «В нем пунша и войны кипит всегдашний жар»). С семьей Каверина эта ветвь Щербачевых переплетется еще раз, когда сын Н. А. Щербачева Юрий женится на дочери брата Петра Павловича Марии Алексеевне Кавериной (1845–1908). Таким образом, Юрий Николаевич окажется дважды связанным — через мать и через жену — с двумя личностями, входившими в окружение великого поэта, и посвятит им целую книгу, хорошо известную пушкинистам.

Н. А. Щербачев имел четырех сыновей и дочь Елизавету, в замужестве Олив. Кроме Михаила Николаевича, воспитывавшегося в Московском Александровском военном училище, три других бра-

та — Александр, Сергей и Юрий — окончили юридический факультет Императорского Московского университета. Александр Николаевич Щербачев (1845–1927) служил в различных окружных судах: Таганрогском, Харьковском, Либавском, Казанском. В 1899 году он производится в тайные советники и назначается сенатором, присутствующим в Гражданском кассационном департаменте. С 1901 года он обер-прокурор того же департамента, а с 1906-го — член Государственного Совета, в котором с 1916 года становится председателем 1-го Департамента. Послереволюционная его судьба покрыта мраком. Сохранилось письмо его сына Олега, датированное 17/30 января 1920 года, в котором он пишет из Константинополя: «Только что узнал, что сестра моя Злата Александровна Щербачева находится одна в Екатеринодаре, в то время как родители мои застряли в Харькове». Олег достал для сестры разрешение прибыть в Константинополь, откуда та перебралась в Париж. Похоронена Злата Александровна (1898–1926) на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа, одна. Сам сенатор и две его другие дочери, Елизавета и Кира, по-видимому, остались за «железным занавесом» и скончались в Харькове.

Сын А. Н. Щербачева — Олег Александрович (1885–1928) был морским офицером, участвовал в Цусимском сражении на броненосце «Орел», был контужен в голову и взят в плен, из которого вернулся в следующем году и вскоре был списан в экипаж. В 1910–1911 годах он преподавал в офицерских классах, а с 1915 года состоял при морском штабе Балтийского флота. С 14.01.1917 он состоял штаб-офицером при командующем флотом. В 1918–1919 годах Олег Щербачев (как и его дальний родственник Николай) находился в подчинении Колчака, который 19.07.1919 приказал ему принять руководство всем российским транспортным флотом и военными судами на время эвакуации. В начале 1920 года мы находим О. А. Щербачева в Константинополе, в марте он перебирается в Белград, где продолжает службу агенмора согласно инструкциям Омска. Остаток дней он проводит в Италии, в Генуе, где и умирает.

Братья сенатора: коллежский советник Михаил Николаевич (1848–1907), член Вержболовской и Варшавской таможен, и действительный статский советник Сергей Николаевич (1849–...), товарищ председателя Плоцкого окружного суда (1903–1913), — не оставили потомства. И наше повествование, наконец, подходит к биографии их младшего брата Юрия Николаевича (1853–1917), историка и генеалога, члена Русского генеалогического, Историко-родословного и

Московского археологического обществ. По окончании университета Ю. Н. Щербачев поступает на службу в Министерство иностранных дел (1873) и отправляется секретарем консульства в Сараево (1874). В следующем году его переводят в Константинополь, а 21.10.1876 производят в звание камер-юнкера Двора Его Императорского Величества. Большой период жизни Ю. Н. Щербачева (1883–1897) связан с работой в Копенгагене, где он, помимо своих служебных обязанностей, занимается историей русско-датских отношений. Результатом этой деятельности стал труд «Датский архив», опубликованный в Чтениях общества истории и древностей российских за 1893 год. В апреле 1897 года Щербачева производят в действительные статские советники, а в ноябре назначают советником посольства в Константинополе. Вершиной его карьеры стала должность чрезвычайного посланника и полномочного министра в Афинах (1902) и чин тайного советника (13.04.1908). В 1910 году он уходит в отставку и поселяется в своем харьковском имении Катрино, где в конце 1917 года он встречает смерть от новых «воров и разбойников» — нагрянувших на Отечество хамов. Одна из многочисленных бандитских шайк, рыскавших тогда по Малороссии в поисках золота и драгоценностей, набрела на Катрино и, видимо разочарованная тем, что главное сокровище имения составлял архив, не долго думая, расстреляла его владельца. Н. Н. Кашкин, в предисловии к «Столпцам Щербачевых» писал, что не снабжает публикацию родословной росписью потому, что гораздо лучше это может сделать «Ю. Н. Щербачев, уже много лет занятый составлением истории своего древнего рода», и выражал надежду, что это и будет им исполнено «в соответственных местах предпринятого им обширного труда». Увы, надежды не сбылись. Возрожденное в эмиграции, трудами Л. М. Савелова, Историко-родословное общество в числе других своих членов, оказавшихся жертвами революционного террора, почтило память и Юрия Николаевича Щербачева (рис. 11).

Дочь Ю. Н. Щербачева — Татьяна (1885–1938) была фрейлиной Ее Высочества княгини Елены Петровны. Вместе со своим мужем, капитаном 1-го ранга Владимиром Ивановичем Дмитриевым (1879–1965), морским атташе во Франции, она оказалась в Париже, где и скончалась. Сын Юрия Николаевича — Никита (1887–1958) пошел по стопам отца и встретил 1917 год вторым секретарем миссии в Бухаресте. Там он и остался, впоследствии женившись на румынке. Его дети переехали затем в Канаду и США.

*Рис. 11. Историк и дипломат Юрий Николаевич Щербачев.
Архив автора*

Линия автора

В нашем очерке мы пропустили одну ветвь — мученика Смуты, перемышльского воеводы Салтана Щербачева. Потомство его старших сыновей угасло, а линия Ивана Салтановича меньшого (1604–1679), подписавшего «Соборное уложение» 1649 года, продолжается до сих пор (из нее происходит и пишущий эти строки). Доставшееся ему от отца поместье, сельцо Григоровское, Сычово тож, Иван Салтанович в течение всей жизни потихоньку расширял и округлял и постепенно, за службы, почти полностью получил в вотчину. В царствование Михаила Федоровича, когда еще кругом лежали запустевшие земли, он взял для распахки «на льготные лета» пустошь Офремовскую — Ширяеву тож (1644 год) и довольно быстро превратил ее в людное сельцо. В 1662 году в соседнем с Сычовом Людемске (некогда город, затем центр стана, село и погост, а ныне пустырь) он выстроил церковь Святого Николая Чудотворца, скорее всего деревянную, в XVIII столетии перестроенную в камень, — покосившаяся, с разрушенной колокольней, она стоит там и теперь, на берегу маленькой речки — Большого Березуя, и производит впечатление некоего миража (рис. 12).

*Рис. 12. Никольская церковь в селе Людемске
Перемышльского уезда Калужской губернии
(ныне деревня Гришово Бабынинского района Калужской области),
середина 1990-х гг. Фотография автора. Архив автора*

Младший сын Ивана Федор в молодости имел чин жильца, а с 1676 года стал дворянином московским. На полковой службе он приобрел звание капитана и был во многих походах и боях: «в литовских и черкасских городах, во Пскове, и под Ругодевом, и во Гдове, на графове бою Магнуса Ругодевского генерала хорунжего и знамя его, орел набит золотом, взял и прислал в Разряд, и в Переяславле от крымского хана и от черкас сидел в осаде». В 90-х годах он ушел в отставку «за дряхлостью и увечьем», а вскоре и совсем слег. В 1710 году его жена Ирина Анисимовна (урожденная Рахманова) писала в своем прошении, что муж ее «многие годы в параличней болезни, и языком косен, и руками, и ногами не владеет, и ушми не слышит, и не в добром состоянии ума». Таким беспомощным его состоянием некоторые родственники и помещики-соседи злоупотребляли, заставляя Федора Ивановича подписывать невыгодные сделки и даже к «порожним столбцам руку прикладывать». Впрочем, эти махинации были незаконны уже и потому, что в марте 1699 года больной Федор Иванович все земли справил за своими сыновьями. Их у него было двое: Анисим

и Федор. 15.07.1719 они окончательно «расписали» между собой отцовские вотчины: Федор остался в древнем Сычове, а Анисим предпочел более новое Ширяево.

Федор Федорович (ок. 1674 – после 1733) начинал жильцом, а с 1704 года служил в различных полках: Ингерманландском, Еропкинском, Ярославском драгунском, был неоднократно ранен и в 1726 году вышел в отставку капитаном. Доктор Англерт в своем заключении написал, что у Щербачева «из правого паха черева выходят» и вылечить от сей болезни не надеется. Анисим Федорович (ок. 1671–1729), как и брат, имел дворцовый чин жильца и служил при государе драбантом (телохранителем). Он вышел в отставку из Глуховского полка каптенармусом и вскоре умер, оставив единственного сына Ивана.

Об Иване Анисимовиче Щербачеве (1702–1780) известно не так много, как хотелось бы. Зато сам Иван Анисимович, должно быть, знал многое. В 1716 году он поступил кадетом на флот, а в 1726-м по Именному указу взят ко Двору, заведовать Собственными Его Императорского Величества парусными и гребными судами. Эти небольшие шлюпки и яхты предназначались, в основном, для увеселительных прогулок по Финскому заливу. В 1758 году Ивану Анисимовичу повелено было на одной из шлюпок перевезти из Шлиссельбурга в Петербург прибывшего в Россию польского принца Карла (сына Августа III). Возможно, на Щербачева возлагались и другие миссии секретного свойства — время для всякого рода тайных поручений было благодатное. Известно лишь, что 7 марта 1760 года он из лейтенантов был сразу произведен в капитан-командоры с отставкою и назначением пожизненного пенсиона в размере жалованья.

С середины XVIII века «резиденцией» этой ветви рода становится село Обухово Воротынского уезда. Оно досталось Ивану Анисимовичу от матери, Аксиньи Никитичны, урожденной Матовой, умершей в 1750-х годах. Издревле в этом селе стояли две деревянные церкви — Рождества Богородицы и Николая Чудотворца. В Смуту теплая Никольская церковь сгорела и больше не отстраивалась. В 1771 году Иван Анисимович воздвиг в Обухове каменный храм во имя Рождества Богородицы с приделом Казанской иконы Божией Матери. Он стоял на высоком холме напротив помещичьей усадьбы. Между ними пролегал овраг с двумя прудами, остатки коих, заросшие тиной, можно видеть и теперь. Обрамляющим их вязам и плакучим ивам и вправду есть о чем плакать. Ни от усадьбы, ни от церкви не осталось ни следа. Впрочем, на том холме, где стоял храм, заметен как бы нарыв или небольшой курган.

Это земля погребла под собой церковные руины. Во время последней войны председатель колхоза решил пустить «культурное сооружение» на кирпичи. Церковь взорвали, но кладка была добротная, на кирпичи не рассыпалась, и каменные глыбы поросли быльем. Кладбище при церкви, естественно, разорили. Рядом с обломками построили школу, затем перепрофилированную в интернат для умственно отсталых детей. Еще не так давно ученики, благоустраивая свой сад, натыкались лопатами на кости и черепа.

Иван Анисимович вышел в отставку уже вдовцом и, хотя ему было за шестьдесят, около 1764 года женился вновь на княжне Марии Федоровне Горчаковой, внучке стольника Савина Семеновича, — на ней и ее сестрах, Мавре и Прасковье, закончилась целая ветвь этого древнего рода потомков козельских и перемышльских князей. От брака Ивана да Марьи родился один-единственный сын Захарий, который и наследовал село Обухово, равно как и приданое поместье матери в Тульском и Галичском уездах. Два старших сына Ивана Анисимовича от первого брака, Александр и Илья, получили родовое сельцо Ширяево, вскоре проданное, и сельцо Головнино в Перемышльском уезде, наследственное имение их матери, Прасковьи Ивановны Муромцевой.

Александр Иванович Щербачев (ок. 1736–1803), артиллерии майор в отставке, был первым депутатом образованного в 1785 году Калужского дворянского депутатского собрания от Перемышльского уезда, а затем и перемышльским предводителем (1791–1794). С тех самых пор и почти весь XIX век, наверное, не было такого трехлетия, чтобы кто-нибудь из Щербачевых, или из их близких родственников, не был избран от Перемышльского уезда на одну из дворянских должностей. Наверное, не было и такого Щербачева, который бы не служил по выборам дворянства. Влияние Щербачевых среди перемышльского дворянства на рубеже XVIII и XIX веков явно воспроизводило ситуацию в Козельске начала XVII века.

Потомство Александра Ивановича Щербачева от его первой жены Надежды Александровны Раевской пресеклось на правнуках. Илья Иванович (ок. 1744 – после 1816), служивший в молодости кофешенком Двора Его Императорского Величества, а затем в течение многих лет заседавший в Перемышльском суде, законных детей не имел, а двух внебрачных дочерей пристроил, выдав замуж за калужских купцов: Ирину — за Илью Дмитриевича Чурикова, Марию — за Николая Афанасьевича Нетужилина. Забавно, что праправнук Захария Ивановича, Георгий Николаевич, мой дед, женился на Вере Влади-

мировне Перелыгиной (1912–2003), чья бабушка, Мария Михайловна Нетужилина, была внучкой той самой внебрачной Марии Ильиничны. Естественно, он и не подозревал, что женится на своей пятиуродной племяннице.

Биография Захария Ивановича Щербачева (ок. 1766–1836) была типична для золотого века русского дворянства, наступившего после Манифеста 18.02.1762 о свободе и вольности благородного сословия и завершившегося с отменой крепостного права. Записанный ребенком в гвардию, Захарий Иванович 19-летним юношей выходит в отставку с чином прапорщика и приезжает в родную Калугу. Там он поступает на службу в Верхнюю расправу прокурором и до 1794 года обретается в различных калужских судах. В 1788 году он женится на дочери председателя 1-го Департамента Верхнего земского суда Зиновия Тимофеевича Дурасова — Анне, родной племяннице первого калужского наместника Михаила Никитича Кречетникова (1729–1793). Наверное, это был пик могущества Щербачевых в Калуге. Уйдя в отставку, З. И. Щербачев избирается депутатом дворянства от Перемышльского уезда, а затем и предводителем (1806–1809). Сохранилось довольно смутное известие, будто в 1810 году Анна Зиновьевна от него сбежала с французским гувернером месье Могоп. Дурасовым часто блажь ударяла в голову, и про этот род, причудливый и загадочный, следует писать особое повествование. Патриотический дух 1812 года или обыкновенные угрызения совести возвратили Анну Зиновьевну в семью, и за жертвования русской армии оба супруга получили медали.

Раздел имения Захария Ивановича между его женой, двумя сыновьями и дочерью Варварой, состоявшийся 26.05.1836, увел потомство старшего сына, майора Дмитрия Захаровича, частично в Костромскую губернию, частично в Москву. Об этой линии известно немного. Николай Дмитриевич (старший сын Д. З. Щербачева) в 1860-х годах служил в московской полиции. Его жена Текла Эдуардовна Сорока, католичка, дочь вилкомирского помещика, в 1872 году перечислила своих детей из калужского дворянства в московское. Ее сын Эразм изучал медицину в Сорбонне и так и остался в Париже, к нему переехали его мать и сестра Мария. Сия Мария Николаевна (1854 – после 1919) дожила до грустных времен и встретила во Франции своих соотечественников. На клочке бумаги с родословной схемой сохранилась карандашная запись: «Воскресенье 21.XII.19, визит к Марии Николаевне Щербачевой, Montreuil-S/Bois, 32 rue de Romainville. 45 лет во Франции». Скорее всего, свою девятиуродную тетушку навестил

Гавриил Данилович, племянник генерала Д. Г. Щербачева. Брат Николая — отставной штаб-ротмистр Василий Дмитриевич Щербачев (1829–1902) — от трех жен имел трех детей, в том числе сына Николая, подполковника корпуса жандармов.

Село Обухово унаследовал младший сын З. И. Щербачева штабс-капитан Николай Захарович (1802–1873). Он, как и отец, прославился многолетней службой по выборам дворянства, дважды избираясь депутатом от Перемышльского уезда (1830–1836) и предводителем (1836–1842). Он был женат на дочери поручика Николая Петровича Сергеева — Анне (1808–1891), которая принесла в приданое село Слободку, Меренищи тож, всё в том же Перемышльском уезде. Про то, как «вычислялась» ее девичья фамилия, такая простая, но доставшаяся с немалым трудом, мною написано отдельное эссе «Анна на шее». Название обоснованное, ибо состояние «подвешенности» длилось ни много ни мало пять лет, а генеалогия ее рода до XVIII века и до сих пор не прояснена. Известно, что по женским линиям Анна Николаевна являлась потомком многих известных дворянских фамилий: Бибиковых, Милюковых, Лихаревых, Огибаловых, Лутковских, Кобяковых, Войниковых, Любавских. Среди ее предков был и второй московский печатник, преемник Ивана Федорова — Андроник Невежа, и дьяк Поместного приказа Анисим Невежин, и московский гость Федор Михайлович Нестеров, которого в 1690 году отпевал сам патриарх (из высшего сословия такой чести мог удостоиться, наверное, лишь боярин).

Анна Николаевна прожила долгую счастливую жизнь, а в жизнь вечную ее напутствовал архимандрит Калужской Тихоновой пустыни, где ее плоть и нашла свой последний покой. Ангельский путь избрала для себя одна из дочерей Н. З. Щербачева — Александра, в монашестве Агния (1834–1896). Ей посвятил несколько писем преподобный Макарий Оптинский. Земной путь она завершила игуменьей, настоятельницей Козельщанского Рождество-Богородичного монастыря под Полтавой.

Старший сын Н. З. Щербачева и наследник Обухова Николай Николаевич (1838–1894) пошел по стезе отца и, уволившись из артиллерии штабс-капитаном, продолжал службу в земстве и по выборам дворянства. Он был два срока перемышльским предводителем (1875–1881) и многократно избирался председателем уездной земской управы, за что получил чин статского советника. Владелец Росвы, что лежала всего в нескольких верстах от Обухова, князь Сергей Дмитриевич Урусов (1862–1937), характеризовал Н. Н. Щербачева как человека весьма неглупого, начитанного и светски воспитанного, но с

тяжелым, неуживчивым и даже циничным характером (со своей женой, Марией Павловной Лопатиной, он жил «в разъезде»). Крестьянскую психологию Щербачев знал досконально, при этом крестьян не любил – в общем, идейный крепостник. Последние годы жизни Николай Николаевич провел в своем имении, являясь земским начальником одного из участков. Посетивший Обухово священник, исполнявший обязанности духовного следователя, оставил о Щербачеве отзыв более благожелательный, даже восторженный, но в целом не противоречащий характеристике Урусова. Николай Николаевич ознакомил священника «со всеми редкостями своего обширного, как древний замок, дома». Число его комнат, в двух этажах, простиралось до 25, не считая служебных пристроек. В просторной гостиной висели три полотна старинной работы на священно-исторические темы: благодетельная самарянка, Симеон Богоприимец и явление ангела апостолу Петру в темнице. В соседней комнате священника поразила картина, изображавшая Иоанна Крестителя, держащего в руках Агнца. «Но самая отрадная редкость, — продолжает священник, — это комнаты второго этажа, отведенные для свидетелей по судебным делам». Чтобы занять их внимание, Щербачев вывесил на стенах написанные крупным шрифтом извлечения из Священного Писания: девятую заповедь («Не послушествуй на брата твоего свидетельства ложна») и отрывок из книги Притч («Никто из лживых не бывает угоден Богу... Устне лживы мерзость Господеви, и погубит Господь вся, глаголющая лжу»). Далее следовала статья 236-1 из Уложения о наказаниях уголовных: «За ложную присягу, данную с обдуманном намерением или умыслом, виновный подвергается лишению всех прав состояния и ссылке в Сибирь на поселение». «Дай Бог, — заканчивает свой очерк священник Павел Спасский, — чтобы было побольше на Святой Руси таких благонамеренных людей и сотрудников нам, пастырям словесного стада Христова».

Собственно, эта статья в «Калужских губернских ведомостях» — единственное, что осталось от господского дома в Обухове. Он разделил участь большинства дворянских усадеб и был разрушен сразу после революции.

Последний *природный* владелец Обухова Николай Николаевич Щербачев умер, как и полагается барину, в своем родном имении. Диагноз поставил сельский батюшка: «от внутренних болезней».

Старший сын Н. Н. Щербачева, тоже Николай (1870–?), в начале Великой войны заведовал хозяйством Киевского военного госпиталя в чине подполковника. После революции его судьба неизвестна,

а его единственный сын Александр умер в Киеве от тифа. Младший, Дмитрий (1873–?), скорее всего, умер в молодости. Совершенно уникальной личностью был средний сын Николая Николаевича — Андрей (1871–1936), настоящий Щербач. В 1895 году в Москве корнет А. Н. Щербачев выкупил из табора пятнадцатилетнюю цыганку Любовь Янко (в крещении Екатерину), и она стала его любовницей. В 1897 году у них родился сын Николай. Желая обеспечить будущее этого ребенка, Андрей Николаевич выдал Янко замуж за престарелого дворянина Николая Молчанова. Тот влачил жалкое существование в доме призрения, и Щербачев заплатил ему 200 рублей. Потом у Андрея и цыганки родилась дочь Мария, а в 1901 году старик Молчанов умер. В 1903 году Щербачев был по делам в Могилеве и собирался приехать в Калугу со дня на день. «Вдова Молчанова» тем временем вела веселую жизнь. 23 апреля в Калужском городском саду она встретила своего старого знакомого Константина Кологривова, который был также и другом Щербачева. Кологривов проводил цыганку до гостиницы и остался там до позднего вечера. Когда Любовь разморило от вина и она прилегла на кровать, а Кологривов романтично присел возле нее, в номер ворвался Щербачев. Не обращая внимание на Кологривова, который встал к нему навстречу, Андрей подошел к цыганке, вытащил из кармана револьвер и трижды выстрелил в упор. Затем Щербачев стал стрелять в Кологривова. Тот попытался было выбежать из номера, но не успел. Янко была тяжело ранена, Кологривов скончался. Дело назначено было к слушанию в Калужском суде на 20.03.1904. Суд длился долго. Стараниями адвокатов Щербачев был оправдан, т. к. совершил убийство «в состоянии аффекта» (рис. 13).

Думаю, еще когда он был в Москве или Могилеве, Андрей Николаевич влюбился в Александру Степановну Кисляковскую, которая была замужем за А. А. Негрескулем. В декабре 1903 года от их незаконной связи родился сын Сергей, в следующем году Алексей и в 1906-м — Ольга. Только в 1906 году брак с Негрескулем был расторгнут, и Щербачев смог жениться на Александре Степановне. В 1908 году Андрей Николаевич узаконил этих детей, а в марте 1917-го даже внес в родословную книгу Калужской губернии — это были последние Щербачевы, в нее записанные. После революции А. Н. Щербачев оказывается в Париже, где и умирает. Там же трагически обрывается жизнь и его сына Алексея (1904–1955, покончил с собой). Других детей Андрея Николаевича разбросало по всему миру, от Мадрида и Лондона до Нью-Йорка.

*Рис. 13. Корнет запаса Андрей Николаевич Щербачев.
Архив Татьяны Алексеевны Щербачевой, Париж*

* * *

Писать про близких родственников в телеграфном жанре сложно. Нужен роман. Поэтому ограничусь несколькими фразами. Младший сын Николая Захаровича Щербачева — Сергей (1850–1892) родился в новый год: 01.01.1850. Недолго прослужив в армии, он поступил в канцелярию Калужского губернатора чиновником для особых поручений. Женился на Евдокии Валериановне Кояндер (1857–1933), выкрыв невесту из дома тетки, Марии Александровны фон Брадке, к которой ее отдала мать на воспитание. Имел от Душечки трех сыновей и дочь. К сожалению, Сергей Николаевич страдал русским пороком, алкоголизмом, от чего и умер 42 лет. Похоронен в Калуге на несуществующем ныне кладбище Крестовского монастыря. Имение, полученное от Брадке, сельцо Колышкино Мещовского уезда, было продано дальним родственникам Щербачевых, сестрам Перевошиковым.

Дочь Сергея Николаевича — Мария, в замужестве Лопатина (1876–1902), покончила с собой, приняв яд — тоже на новый год: 01.01.1902. Сыновья Владимир (1878–1916) и Сергей (1885 — не ранее

Рис. 14. Капитан (посмертно – подполковник)
Владимир Сергеевич Щербачев в Киевском госпитале,
июнь 1916 г.

Архив Юлии Федоровны Соколовой, Москва

1943) стали военными. Владимир служил в 10-м Новоингерманландском полку. Женился на Марии Михайловне Чалунович (1889–1915), которая умерла от чахотки, оставив двух дочерей: Марию (1907–1970) и Варвару (1910–2005). Тяжело переживая смерть жены, В. С. Щербачев уехал на передовую с тем, чтобы погибнуть. В ночь с 25 на 26 мая 1916 года у селения Сопанов в Галиции капитан В. С. Щербачев «под ураганом огня бросился к передовым частям своего батальона и, увлекая их за собой... довел до штыкового удара и отбросил превосходящие силы противника». За сей «доблестный пример присутствия духа и беззаветной храбрости» он был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени (25.11.1916) и званием подполковника (05.01.1917), но уже посмертно: В. С. Щербачев скончался от ран в Киевском госпитале 12 августа. Два месяца он пролежал без движения: ружейная пуля прострелила левое легкое и повредило спинной мозг. Похоронен в Калуге с воинскими почестями, могила не сохранилась (рис. 14).

*Рис. 15. Сергей Сергеевич Щербачев.
Архив Юлии Федоровны Соколовой, Москва*

Сергей в Великую войну служил в Волочиской пограничной бригаде. Участвовал в Белом движении в армии генерала П. Н. Краснова. Эмигрировал в Германию, где стал радиоинженером и вроде бы женился на американке. В 1943 году он еще жил в Берлине в районе Шарлоттенбурга и владел небольшой фирмой радиоаппаратуры «Electrotele» (рис. 15).

Старший сын Сергея Николаевича, мой прадед Николай Сергеевич (1876–1950), нарушил семейную традицию и стал не военным, а бухгалтером Калужского губернского земства. В январе 1902 года женился на выпускнице Института благородных девиц Александре Францевне Вальчиковской (1877–1968), с которой познакомился, навещая сестру Марию. Александра Францевна родилась спустя несколько месяцев после смерти своего отца, весьма уже пожилого отставного поручика из польских крестьян Калишской губернии; предполагаю, хлопотами крестной матери, графини Екатерины Ивановны Маврос, урожденной графини Симонич, была устроена в Елизаветинский институт в Москве. По его окончании она два года была

классной дамой в Александро-Мариинском институте, а став женой Николая Сергеевича, некоторое время преподавала в Калужской женской гимназии Маслениковой (рис. 16). В браке у Щербачевых родилось пятеро детей: Ольга (1902–1970), Александра (1904–1998), Владимир (умер ребенком от менингита), Николай (1909–1965, покончил с собой) и Георгий (1911–1975), мой дед (рис. 17). После 1920 года супруги жили раздельно: Александра Францевна в Москве, в Долгом переулке (ныне ул. Бурденко), незадолго до смерти, по настоянию дочерей, переехав к ним в Питер; Николай Сергеевич — в Калуге, на Спасо-Жировской улице (ныне Салтыкова-Щедрина). Иногда он приезжал к детям то в одну, то в другую столицу, возился с внуками, ругал за транжирство, давал деньги взаймы — и возвращался в свою Калугу. Видимо, в том был какой-то глубинный смысл: наследник рода Щербачевых должен был понести крест на Калужской земле (рис. 18).

Осень 1941-го. Советские войска стремительно отступают. Калугу решено сдавать. Городские и партийные власти спешно эвакуировались, сжигая элеваторы с зерном и обрекая жителей на голод (обычная практика). Немцев встретила Калуга хлебом-солью. Будто по мановению невидимой руки, среди общей паники и последующего оцепенения образовался некий комитет, куда вошли люди, которые могли внушить доверие немцам: братья по крови, «бывшие люди» (дворяне), творческая интеллигенция. Н. С. Щербачев входит в этот комитет, и его выбирают городским головой. Выборы происходили на городской площади, близ несохранившейся Одигитриевской церкви. Рассказывают, что Щербачев, стоя на коленях, умолял освободить его от этой ноши, но калужане упростили его согласиться. Немцы довольно неплохо наладили жизнь в городе (и в этом, несомненно, заслуга и Николая Сергеевича): потушили элеваторы, раздали жителям хлеб, разрешили свободную торговлю, заменили советские названия улиц на естественные, открыли церковь Святителя Николая на Казинке — в общем, жизнь стала немного походить на дореволюционную, только с сильным немецким акцентом. Когда ситуация на фронте изменилась, немцы якобы договорились с советским командованием о недельной передышке, чтобы организованно покинуть город. Но за день до окончания перемирия советские войска начали атаку, разыгрались бои — собственно, от них, в основном, и пострадала Калуга в последней войне. 30 декабря 1941 город снова стал советским.

*Рис. 16. Александра Францевна Щербачева, Гельсингфорс,
1917 г. Архив автора*

*Рис. 17. Николай Сергеевич Щербачев с детьми.
Архив автора*

*Рис. 18. Николай Сергеевич Щербачев
в своем калужском доме, 1932 г. Архив автора*

Точных сведений о том, что стало с прадедом, нет. 10.08.1943 военный трибунал войск НКВД Московского округа рассмотрел обвинительное дело Н. С. Щербачева: «Щербачеву вменяется в вину, что он как бургомистр выполнял все распоряжения немецкого командования, связанные с установлением нового фашистского порядка. Однако никакими конкретными фактами это не подкреплено». В результате дело было направлено военному прокурору НКВД на дополнительное расследование. Согласно ответу, полученному мною из УФСБ по Калужской области, дело закрыто «по истечении времени»...

Наиболее убедительной версией на сегодняшний день мне представляется следующая. 28 декабря 1941 года Н. С. Щербачев вместе с переводчицей городской управы Марией Ильиничной Толстой, а также его заместитель Сергей Дионисьевич Кудрявцев с женой, нагрузив вещами две подводы, ушли с немецкой комендатурой из Калуги и добрались до Смоленска, откуда Щербачев с Толстой затем уехали в Германию. В Германии или еще в Смоленске они заключили брак. Скончался Николай Сергеевич, скорее всего, в Баварии 17 июля 1950 года и похоронен на кладбище Прин-ам-Химзее, недалеко от одного из замков Людвига II. А Мария Ильинична в декабре следующего года эмигрировала в США, в Ютику (штат Нью-Йорк) — там была русская

община и вскоре был создан благотворительный фонд во имя праведного Иоанна Кронштадтского. Дальнейшая ее судьба неизвестна.

Удивительно, но семейная история XX века оказывается порой более запутанной, сокрытой и искаженной, чем какие-нибудь события Смутного времени начала XVII века. Что, увы, и неудивительно. Ибо в 1917 году Россия пережила беспрецедентный, тектонический разлом истории, который до сих пор не изжит.

Список источников и литературы

1. *Щербачев О. В.* Под знаком солнца и меча: К 500-летию рода Щербачевых // Дворянское Собрание : историко-публицистический и литературно-художественный альманах. — Москва, 1998. — № 8. — С. 164–204; № 9. — С. 175–196.
2. *Щербачев О. В.* Щербачевы // Дворянский календарь. — Тетрадь 13. — СПб., 2006.
3. Общий гербовник дворянских родов Всероссийской Империи, начатый в 1797 году. — Т. 2. — [СПб., 1798].
4. *Чернопятов В. И.* Дворянское сословие Тульской губернии. — Т. 3 (12). Ч. 6. М., 1906.
5. *Булычев Н. И.* Калужская губерния. Список дворян, внесенных в родословную книгу Калужской губернии. — Калуга, 1908.
6. *Кашкин Н. Н.* Столпцы Щербачевых : Из архива Кашкиных. — М., 1906.
7. *Валь Э. Г.* К истории Белого движения : Деятельность генерал-адъютанта Щербачева. — Таллин, 1935.
8. *Пахалюк К.* Щербачев Дмитрий Григорьевич // Полководцы Первой мировой. — М., 2014.
9. *Щербачев В. В.* Статьи, материалы, письма / сост. Р. Слонимская. — Л., 1985.
10. *Зельников Ю. И.* Знаменитые калужане. — Калуга, 2013. — С. 458–467.
11. Российский Государственный исторический архив. Ф. 1343. Оп. 34. Д. 321. Дело о дворянстве Щербачевых Калужской губернии.
12. Государственный архив Калужской области. Ф. 66. Оп. 2. Д. 1019, 1161; Оп. 3. Д. 173. Дела о дворянстве Щербачевых Калужской губернии.
13. Центральный Государственный исторический архив г. Москвы. Ф. 4. Оп. 14. Д. 2142. Дело о дворянстве Щербачевых Московской губернии.
14. Российский Государственный архив древних актов. Ф. 286. Оп. 1. Д. 282. Л. 48–52.

- Абрикосов Дмитрий Петрович**, публицист, представитель династии Абрикосовых
- Давутов Евгений Владимирович**, научный сотрудник музея «Кадашевская слобода»
- Доможирова Елена Леонидовна**, представитель рода Доможировых, член Историко-родословного общества в Москве
- Закунов Юрий Александрович**, кандидат философских наук, руководитель отдела наследования культуры Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва
- Зимин Сергей Львович**, дипломат, журналист-международник, кандидат экономических наук, доцент
- Игнатова Татьяна Викторовна**, историк-генеалог, сотрудник генеалогической компании Genus
- Кириянова Ольга Геннадьевна**, потомок купеческих династий Карзинкиных-Морокиных-Сафроновых, аспирант Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва
- Конев Вадим Дмитриевич**, фотохудожник, представитель рода Поливановых-Норовых
- Кортович Андрей Владимирович**, доцент Института бизнеса и дизайна, член Московского союза художников
- Краснослободцева Ольга Львовна**, автор книги «У Бога все живы, или Потомки костромской ветви рода фон Дервиз»
- Кузьмина Татьяна Александровна**, заведующая отделом истории Нижегородского государственного историко-архитектурного музея-заповедника
- Фон Мекк Денис Андреевич**, исследователь культурно-исторического наследия династии фон Мекк, коллекционер
- Миренкова Зинаида Георгиевна**, внучатая племянница генерала от кавалерии А. М. Каледина
- Муромцева Мария Алексеевна**, автор книги «Муромцевы и Дерюжинские. Моя семья. Повествование в документах, воспоминаниях, письмах»
- Понедельникова Наталья Геннадьевна**, заслуженный работник культуры Республики Татарстан, директор МБУ «Музей истории Тетюшского края»

- Прянишников Николай Евгеньевич**, архитектор, преподаватель Московской высшей школы социальных и экономических наук, внук Николая Ивановича Оловянишникова
- Путин Александр Михайлович**, исследователь крестьянского рода Путиных из Тверской губернии, автор книги «Род Президента В. В. Путина. Материалы исследования 1986–2002 годов»
- Ревякин Владимир Никитич**, заведующий научно-исследовательским отделом Александровского художественного музея
- Редкий Леонид Юрьевич**, заместитель директора Международного фонда славянской письменности и культуры
- Романова Дарья Яковлевна**, кандидат культурологии, старший научный сотрудник Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, автор и куратор проекта «Живое наследие памяти»
- Сергиевская Александра Петровна**, потомок нижегородских купцов Башкировых
- Скульская Людмила Владимировна**, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, директор департамента социально-экономических проектов РДС.
- Татошкина Татьяна Юрьевна**, представитель рода Залогиных
- Тверитинов Алексей Дмитриевич**, генеалог, историк рода, архитектор
- Уборский Андрей Вадимович**, член Историко-родословного общества в Москве, Общества потомков участников Отечественной войны 1812 года и участников Первой мировой войны
- Царева София Михайловна**, кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института теории и истории архитектуры и градостроительства
- Щербачев Олег Вячеславович**, предводитель Российского Дворянского Собрания

Научное издание

ЖИВОЕ НАСЛЕДИЕ ПАМЯТИ
Коллективная монография

Дизайн обложки: М. Ю. Маяков

Компьютерная верстка: Н. В. Москвина

Корректор: О. Н. Шутова

Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва
129366, Москва, ул. Космонавтов, 2
E-mail: info@heritage-institute.ru